Фантастика, киберпанк
Леха, Снежка
Каждый
за себя
Добро пожаловать в "дивный" мир будущего с секторами для элиты и отбросов, с докторами, торгующими органами, с безумными учеными, создающими смертоносные вирусы. В мир, где не осталось ничего, кроме расчета. В мир, где каждый сам за себя.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Давно отгремели битвы Второй Корпоративной войны. И теперь благие корпорации ведут выживших к светлому созидательному будущему… Но почему же тогда мир делится на Чистую зону и Зону отчуждения? Где оно — всеобщее благоденствие? И почему высокая стена Периметра отгораживает стерильную корпоративную реальность от грязи бандитских трущоб? Отчего часовые на блокпостах носят у сердца логотип своей корпорации, а отчаянные бойцы групп быстрого реагирования перед каждым выездом подновляют те же логотипы на бортах своих машин? Чьего взгляда с Той Стороны они так боятся? Кому молятся в смрадных глубинах черных секторов люди, мало отличимые от зверей? Какие ценности остались в мире, в котором навсегда исчезло доверие и ценятся только хитрость и сила? Наконец, кто скрывается за личиной Трех и как он собирается разыграть внезапную карту — выпавшую из корпоративной обоймы Айю Геллан? Добро пожаловать в «дивный» мир будущего с секторами для элиты и отбросов, с докторами, торгующими органами, с безумными учеными, создающими смертоносные вирусы. В мир, где не осталось ничего, кроме расчета. В мир, где каждый сам за себя.

- Алена Харитонова
  - День первый
  - День второй
  - День третий
  - День четвертый
  - День пятый
  - День шестой
  - День седьмой
  - Спустя семь дней
  - Эпилог

Алена Харитонова
Алексей Ильин
Каждый за себя

Только улицам знаком закон другой:
Амулеты-пистолеты
стерегут покой.
И летает голова, то вверх, то вниз,
Это вам не лезгинка, а твист.

«Пикник»

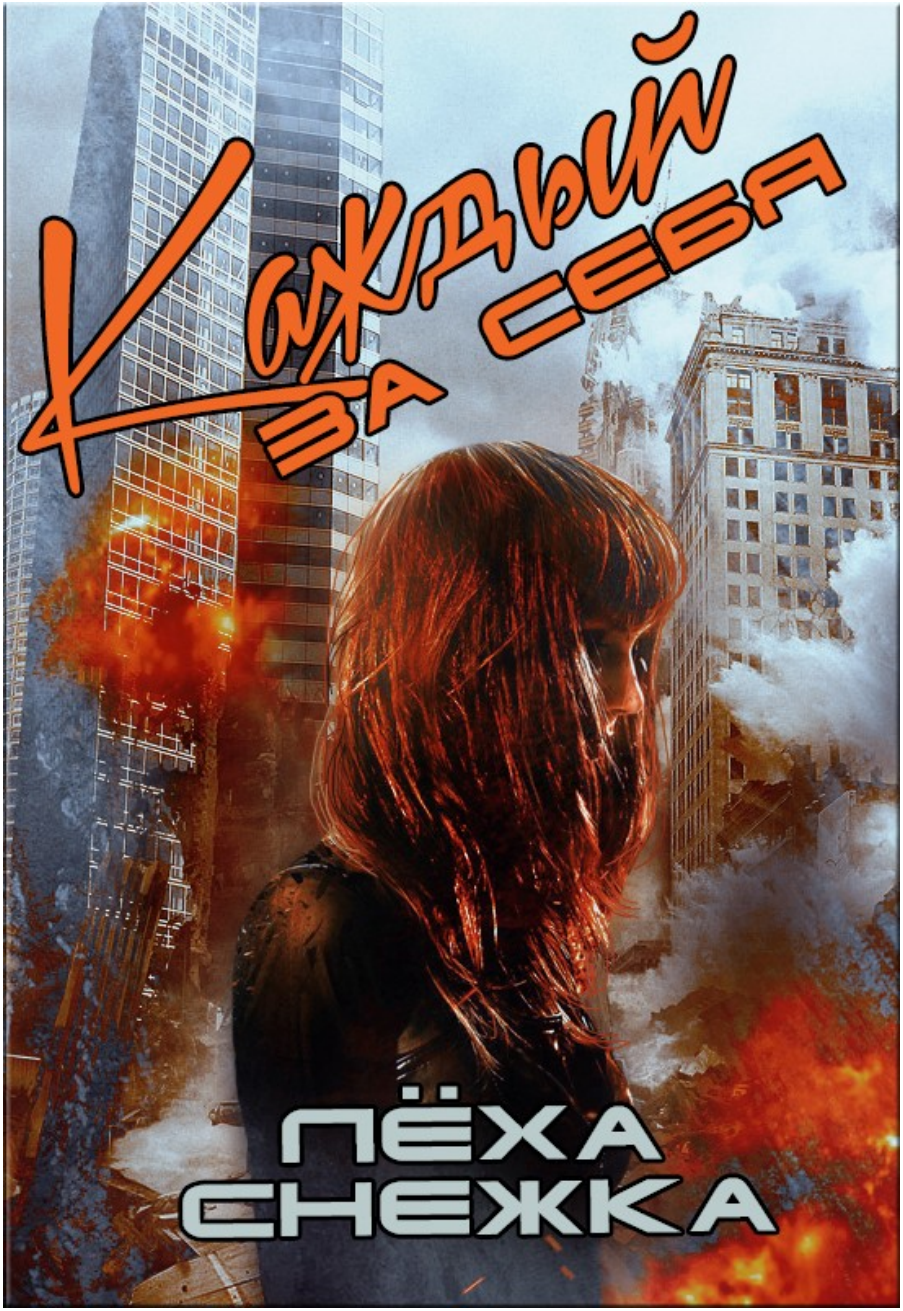
Все, что может быть использовано как оружие, будет использовано как оружие.

Станислав Лем

День первый

А в этом месте по-другому не прожить…

Группа «Чайф» «Псы городских окраин»



Здесь был на редкость вонючий район даже по меркам сектора тридцать семь мегаплекса восемнадцать. Унылые ряды частично обрушившихся многоэтажек окружали захламленную площадь, в центре которой высился курган мусора. Курган вырос вокруг черного остова то ли кинотеатра, то ли концерт-холла много лет назад. Говорили, если его разобрать и отыскать

заваленный вход, то внутри все окажется целехоньким, нетронутым, как сто лет назад. Конечно, врали. Если в зоне отчуждения что и оставалось таким, как сто лет назад, так это люди. Во всяком случае, ума у них от поколения к поколению не прибывало.

Сверху на курган кренились верхние этажи высотного бизнес-центра. Его построили из стали, стекла и бетона еще в прошлом веке, но с той поры местные банды частенько устраивали тут какие-то свои разборки — то стреляли, то взрывали. В итоге металлический скелет прогнулся, не выдержав тяжести лет и ударной мощи пластида. Просели целые этажи, а лестничные пролеты кое-где сложились, будто картонные коробки.

Теперь все поутихло. Ну, так… относительно. Вони меньше не стало, но бахать и рушиться прекратило. Скорее всего, временно.

Нижний этаж бизнес-центра, несмотря на все перипетии, остался вполне пригодным для обитания. Его обжили. Правда, в главный подъезд лет десять назад вогнали за каким-то хреном ржавый трамвай, но конструкция выстояла. А между трамваем, частично рухнувшей стеной и круто вздымающимся вверх мусорным склоном образовался тупиковый закоулок, куда выходила дверь чудом уцелевшего офиса. Вполне себе крепкая и надежная.

На этой двери неизвестный умелец нарисовал яркое похабное граффити. Нарисовал талантливо. Настолько талантливо, что к дверной ручке даже прикасаться не хотелось.

Вспомнилась мудрота замшелых лет: «Стучитесь, и вам откроют». Тот самый случай. Вообще, умный человек сказал эти слова. Но, как всякий умный человек, немножко недоговорил. «Правильно стучитесь, и вам точно откроют».

В одни двери правильно стучаться пневмотараном. Для других нужен вышибной заряд. А в некоторые, как это ни смешно, можно действительно просто пару раз ударить кулаком… Эта была как раз из таких.

— Док! Док!!! Док, твою мать! Ты чего там, обдолбался?! Док!!!

Высокий крепкий мужчина, одетый в мешковатую куртку, невзрачные штаны и тяжелые ботинки, заколотил в дверь так, что она содрогнулась и застонала.

— Большой крио есть? Ну, давай, Док! Давай быстрее!!! Ливер протухнет!!!

Удары сыпались градом, а громогласный гость продолжал орать:

— Двое холодных, двое еще теплых. Одного при мне вскроешь, и чтоб без анестезии. Отдельно заплачу. Открывай!

Грохот и вопли возымели должный эффект: прошелестел засов, звякнула цепочка.

Рослый, но весь какой-то словно высохший человек в грязном белом халате приоткрыл дверь и настороженно выглянул в образовавшуюся щель.

Специфика работы обязывала Дока с особой придирчивостью выбирать место жительства, потому и к посетителям он относился с неизменным предубеждением.

— Че разора… — начал было Док, но, узнав прибывшего, осекся, побледнел и тут же навалился на дверь, пытаясь ее закрыть.

Не успел. Гость всадил по створке ногой. Цепочка порвалась, дверь распахнулась, а хозяина отшвырнуло прочь, и он опрокинулся на грязный пол. Впрочем, сразу же вскочил, выдергивая из кобуры оружие.

Грохот выстрела оглушил, однако противник мягко уклонился, уйдя от пули, а затем коротким ударом выбил пистолет и угомонил Дока кулаком в живот.

Пока скрюченный эскулап хватал ртом воздух, гость зашел ему за спину, взял за шкирку и подтащил к облезлому операционному столу. Взвалил на него корчащегося «пациента», не без труда разогнул и зафиксировал встроенными ремнями.

— Керро, — хозяин все-таки сумел сделать вдох и сразу засипел: — ты от Ушлого? Дай коммуникатор, я ему все объясню. Мы договоримся.

Просьба осталась без ответа. Керро неторопливо оглядывался.

Грязища.

В замызганном контейнере возле стола свален в беспорядке хирургический инструмент, на полу громоздятся стопы пластиковых емкостей — все в бурых разводах. На стене — заляпанные шкафчики с обвисшими дверцами. Напротив входа притулился стол, где среди колб и пробирок высились допотопный микроскоп, дезинфектор, анализатор и компактный аппарат УЗИ. Рядом на маленькой тумбочке стоял обшарпанный, грязный, как и все здесь, компьютер.

Не то. Совсем не то.

По-прежнему молча, Керро захлопал дверцами шкафчиков, заглядывая внутрь, последовательно переходя от одного к другому.

— Керро!!! — у Дока от этого красноречивого обыска окончательно сдали нервы. — Или тебя «Тропа» послала?

Всё необходимое отыскалось в узком подвесном пенале — хирургический фартук, длинные силиконовые перчатки, защитная пластиковая маска и циркулярная пила. Керро неспешно начал

облачаться.

— Сколько тебе обещали? Полштуки? Штуку? — выворачивал шею «пациент».

Обряженный налетчик немного повозился с неудобной застежкой, подгоняя маску, после чего взял пилу и шагнул к столу.

— Керро!!! Пять штук дам, больше нет!!! — взвыл Док, забившись в крепления. — И где контейнер скажу — там еще на пятнадцать!!! КЕРРО-О-О!!!

Пила запела, и крик перешел в вой, который, впрочем, быстро потонул в бульканье, а затем и вовсе оборвался.

Циркулярка смолкла и отправилась на пол в быстро растущую лужу крови. Следом полетели забрызганный фартук, перчатки и пластиковая маска — вся в россыпи темных капель, а в правой руке Керро появился компактный пистолет-пулемет.

В несколько шагов мужчина пересек манипуляционную и заглянул в соседнюю комнату. Кухня — она же спальня. Никого. Только всё те же грязища, вонища и всюду мусор — даже на кровати тарелка с засохшими остатками еды. В раковине гора посуды. На плите что-то тухнет в сковородке. В углу за старым сломанным рефрижератором отыскалась дверь в заднюю комнату. Закрыта.

Удар ноги вышиб хлипкую створку.

Комнатенка оказалась крохотной — обычный чулан с узкими нарами, на которых, вжавшись в стену, сидела полуголая грязная девка. От испуга она так вытаращила глаза, словно в нее целились из гранатомета.

Керро хмыкнул и опустил ствол. Девка съежилась еще сильнее и зажмурилась. Потому и не сразу заметила, что тот, кого она так испугалась, уже ушел, оставив входную дверь открытой настежь.

* * *

Айя всегда спала очень чутко. Вскидывалась от малейшего шороха. Потом, правда, сразу засыпала снова. Забавное свойство, конечно, но жить не мешает. Тем более на фоновые звуки она не реагировала. Во время практики, например, могла дрыхнуть даже под грохот пневматического молота, от которого содрогалось все общежитие. А вот стоило соседке по комнате подняться в туалет — просыпалась.

В этот раз тоже вскинулась мгновенно, едва услышав, как мягко открылась дверь бокса и кто-то, осторожно ступая, зашел

внутрь.

Глупая улыбка так и наползала на лицо, сдержать ее удалось лишь могучим усилием воли. Дураки. Ну, дураки же. Наверняка Стив всех опять взбаламутил. Ребята уже который раз пробираются в бокс к девчонкам. И сегодня не утерпели. Все-таки несколько недель не виделись — разъезжались на практику.

Рвение Стива понятно. Скоро всех распихают по колледжам — вряд ли еще когда увидятся, а у них с Дженой типа любовь. Ладно. Айя притворится, будто пока их не слышит… Хих! Пусть увидят пустые койки и сами поймут, как облажались: ни Джены, ни Стеси, ни Лины в боксе нет — они со своих промплощадок приедут только завтра.

Крадитесь, крадитесь, бестолочи…

Шаги и вправду оказались почти беззвучными, человек приближался, и то, как он двигался, настораживало. Шел легко. И был один. Точно не Стив. Стив вечно задевает углы кроватей, спотыкается о стулья, ударяется. И не Вил. Может, Дик? Нет, тот обычно сразу идет к кровати Лины и садится на краешек. А нынешний гость ступал очень тихо, да еще и замер, будто решая, куда подойти. А чего тут решать? Койки все пустые, кроме одной.

Тишину нарушило едва слышное звяканье.

Вдруг стало страшно. Так страшно, что дыхание перехватило, а кровь набатом загрохотала в ушах.

Человек подошел. Замер рядом. И в этот самый миг Айю что-то больно укололо в шею…

Сознание не помутилось, но все тело сковал паралич — ни шевельнуться, ни глаза открыть. С безвольного запястья срезали идентификационный браслет, после чего девушку легко подняли с кровати, перебросили через плечо и понесли. Было больно, неудобно, страшно. Руки и голова болтались в такт шагам — безвольные, вялые. Волосы свесились. Подумалось на миг — нет, это сон. Обычный кошмар. Но бедра крепко перехватывала тяжелая рука, а Айино лицо терлось об одежду похитителя, жесткую и остро пахнущую улицей.

В коридоре ждал второй. Он пошел впереди, затем свернул к пожарной лестнице, открыл и придержал дверь. Двигались быстро, но по-прежнему неслышно. В полнейшей тишине спустились. Похититель со своей тощей ношей на плече даже не запыхался.

Во дворе было холодно. Очень холодно. Шел дождь со снегом. В начале ноября погода не балует, и Айя, одетая только в майку и трусики, задубела почти мгновенно. Впрочем, она забыла о холоде сразу, как только похититель перешел на бег.

«Пожалуйста, пусть это закончится!» — взмолилась девушка

неизвестно кому. И «неизвестно кто» услышал. «Это» закончилось — мужчина остановился. Стряхнул безвольную ношу с плеча, положил ее на что-то мокрое и холодное, расстеленное прямо на земле. Затем Айю схватили за запястья и потянули вниз.

Сердце зашлось от ужаса — узкий лаз был тесен, холоден и казался бесконечным. Сверху осыпалась земля, но девушку, брошенную на скользкий отрез синтетической ткани, вытянули на поверхность, снова взвалили на плечо и понесли, время от времени перебрасывая с рук на руки, будто мешок с мусором. Закончился путь возле негромко урчащего автомобиля. Тут Айю безо всяких сантиментов запихали в багажник, второпях приложив головой о дверцу и рукой о бортик. Зато сразу после этого накрыли теплым одеялом.

Накрыли с головой. И в этот миг девушке стало ясно, что все. Совсем все. Конец.

Устроить ее аккуратнее похитители не догадались, правая рука оказалась прямо на лице, закрыв рот и нос, а душное покрывало отсекло даже то немногое, что удавалось вдохнуть. Рассудок забился в панике, беззвучный крик застрял в горле, а перед глазами уже плыли багровые круги, когда кто-то сдернул ткань, выругался и развернул бесчувственное тело, подарив Айе возможность дышать. После этого голову ей зафиксировали, подперев с двух сторон, а потом багажник захлопнулся, и машина рванула с места.

Укачало мгновенно и страшно. А может, парализатор перешел на новую стадию воздействия — Айю вырубило.

* * *

Она пришла в себя, когда чьи-то холодные пальцы оттянули ей веко.

Яркая вспышка света. Почти неощутимый укол в окоченевший палец. В голове сплошной сумбур. Темнота. Вонь, будто со свалки.

Ее ощупывают, куда-то кладут, отходят, подходят, что-то говорят, но она не понимает, что именно. Сознание — то ли от парализатора, то ли от ужаса — плывет, будто при высокой температуре.

Потом кто-то равнодушно сообщает, что не те образцы и сделка отменяется. Его спрашивают, мол, какого хрена, и говорят, что платить за рейд, сука, все равно придется. Затем было что-то про жопоруких и про то, что «чего просили, то и достали». А затем все вдруг начали орать, и Айя оглохла от выстрелов.

Когда стихло, ее снова взвалили на плечо, снова куда-то потащили. Опять голова, волосы и руки болтались во все стороны.

Потом были машина, багажник, скорость, крутые повороты, резкий тормоз, очередной подъем на плечо, лестницы, вонь, падение на что-то мягкое, споры, ругань, вопли.

Кто-то матерился, мол, такой, сука, рейд — и сдавать в бордель? Да на те деньги, которые на вылазку ушли, три десятка шлюх можно было купить, а не одну, пусть и из корпоратов. Говорили еще, задрав ей майку, мол, погляди — ни сисек, ни жопы, что тут трахать? И другой голос вторил — дескать, еще и рыжая к тому же, в веснушках, как в лишаях.

Потом подошел кто-то куда менее нервозный, видимо, старший, прервал спор, велев везти к доку — типа, «по запчастям всяко выгоднее, чем целую в бордель, хоть часть бабок отобьем». И ее опять повезли. На этот раз уже не устраивали удобнее, не укрывали одеялом, швырнули в багажник и рванули с места так, что пленницу мотнуло и приложило о борта сперва лбом, а потом затылком.

Слишком много всего за одну короткую ночь. А, может, утро уже? Наверное, утро… Тело закостенело от холода, а рассудок — от безразличия. Страх вымотал, и теперь Айя совершенно равнодушно ждала, что случится дальше. Много позднее она поняла: равнодушие на самом деле было банальным отходняком, парализатор постепенно переставал действовать.

Из машины ее выдернули чуть не за волосы.

Голова кружилась. Айя совсем потеряла ориентацию в пространстве. Ее бросили на что-то жесткое и холодное, снова посветили в глаза фонариком. Покрутили, ощупали, намазали живот холодным скользким гелем и неспешно провели датчиком УЗИ, затем стянули плечо жгутом, больно прищемив кожу фиксатором, но даже не обратили на это внимания и с хрустом всадили в руку иглу.

Голоса доносились издалека. Говорили, что здоровая, чистая, значит, можно брать всё — от сетчатки до сердца. Яростно и долго торговались. Потом сошлись. Снова подняли, но отнесли недалеко — в соседнюю комнату, где кулем свалили на кровать и оставили, наконец, одну.

Отходняк был жестоким. Все тело начало дико колоть, даже кончики пальцев, даже ребра и уши! А такого бешеного тремора у Айи и вовсе никогда не было — колотило, будто за отбойный молоток держалась. Вместе с чувствительностью возвращалась способность думать, анализировать, а следом пришел панический ужас.

Каморка оказалась тесной и темной — чулан с узкой кроватью. И воняло здесь хуже, чем в засорившемся туалете.

Айя кое-как села и обхватила себя руками за плечи. Замерзшая. Растерянная. Униженная. Почти голая. И грязная. В земле, медицинском геле, крови…

Когда за стеной раздался грохот выстрела, девушка подпрыгнула и забилась в угол кровати. Спрятаться было некуда. Из соседней комнаты донеслись крики — истерично орал мужчина, причем в голосе слышалась даже не паника, а дикий ужас. Вопли стали громче, потом завизжал какой-то инструмент, и ор перерос в вой, сменившийся булькающим хрипом. Айя зажала уши руками и поняла: скоро она сама будет вот так же заходиться во все горло.

Дверь в кладовку высадили ударом ноги. Пленница вздрогнула всем телом и вжалась в стену. Орать не смогла. Голос пропал, будто его отрезало.

Тускло освещенный проем перегородил высокий плечистый мужчина, одетый в мешковатую куртку, штаны вроде тех, какие носят военные, тяжелые ботинки и почему-то массивные солнечные очки. В руке он держал пистолет — ствол недвусмысленно смотрел точно в голову пленнице и показался ей огромным, словно канализационная труба. В эту трубу девушка сперва уставилась, как завороженная, подумав, что пуля все же лучше пилы, а потом зажмурилась и стала ждать выстрела.

Впрочем, выстрела не последовало. Мужчина хмыкнул, развернулся и ушел.

Хлопнула входная дверь, и Айя судорожно втянула носом вонючий воздух.

* * *

Бар «Девять жизней» полностью оправдывал свое название. Заведение выглядело более чем красноречиво, чтобы уже на входе понять: собрался тут выпить — руку от оружия лучше не убирай. Вообще здесь с завидной регулярностью валили каких-нибудь полудурков, впрочем, на их место с завидным же постоянством припирались новые..

Стойку бара раньше собирали из старых покрышек и накрывали металлическим листом. Но в драках конструкцию регулярно рушили, и Джувзу эта херотня быстро надоела. Покрышки он кому-то впарил, а на вырученные деньги сложил стойку из кирпича. Железный лист присобачил на саморезы длиной в палец. Чтоб хоть плясать можно было. Случалось, и

плясали.

После этого бар из просто приличной рыгаловки обрел славу почти шикарного заведения. И полудурки стали заглядывать еще чаще. Впрочем, стойка была надежна — с честью выдержала наплыв посетителей. Правда, кое-где в кирпичной кладке остались щербины от пуль, но это, можно сказать, знак качества. Своего рода звездность.

В остальном же здесь было, как в любом дешевом баре черных секторов — крыша из пластиковых листов, положенных неровно и кое-где провисающих, железные балки под потолком, драная масксеть на стенах, столы, сбитые из всякого хлама. В общем, нормальный такой бар. В тихом месте. Нужных людей встретить, какие-то дела порешать. Если бы не полудурки, да.

Полудурки — зло.

Поэтому, когда трое крепких ребят подсели за столик к одиноко пьющему посетителю средних лет, хозяин забегаловки — седой мужик за пятьдесят с вислыми усами — дернулся, предчувствуя нехорошее. Однако посетитель в ответ на его порыв покачал головой и вопросительно глянул на незнакомцев, мол, дальше что?

— Говорят, у Мусорного Дока возникли траблы с Ушлым? — начал здоровый бугай в черной куртке, с зачем-то нарисованными на ней красными рогами.

— У Ушлого много с кем возникают траблы, — хмыкнул в ответ собеседник.

Интересно, эти трое вправду дебилы или спецом под идиотов косят? Сели без спроса, полезли задавать вопросы о делах, которые их не касаются.

— А еще говорят, что ты часто работаешь на Ушлого и даже не берешь с него платы.

Нет, все-таки не притворяются. На самом деле дебилы. Обвинить незнакомого человека в том, что он ходит у кого-то в должниках — это совсем головы на плечах не иметь.

— А еще говорят, что идиоты долго не живут, — мужик потерял интерес к стакану, откинулся на стуле, и на миг его руки исчезли из поля зрения собеседников. — Десять секунд. Время пошло.

— Чего? — мордоворот потянулся к поясу, а его спутники напряглись.

— Того. Пять секунд.

Мужик положил руки на стол.

— А не… — договорить полудурок не успел.

— Время вышло.

На столешницу перед троицей, звякнув, упала чека. Правой

рукой несговорчивый собеседник подкинул гранату, левая же нырнула в карман куртки.

Толстошеий дёрнулся, за что получил первую пулю, пущенную без затей прямо сквозь ткань. Напарники убитого вскочили. Тот, который оказался быстрее, схлопотал свою порцию свинца и сразу упал, опрокинув стул. Третий рванул полу затасканной парки, попытался вытащить оружие, но в этот миг его противник ловко поймал брошенную гранату левой рукой, тогда как в правой у него неизвестно откуда появился маленький двуствольный пистолетик. Выстрел осадил последнего из дебиловатой троицы — с дыркой в голове не повоюешь.

Ну вот, тремя полудурками меньше. Мир стал чуточку чище. А значит, день прошел не без добрых дел.

Немногочисленные посетители лениво глянули, как победитель вставляет чеку обратно в так и не взорвавшуюся гранату, и вернулись к своим разговорам.

— Слушай, Керро, а что ты будешь делать, когда твой трюк не сработает? — Джувз огладил длинные усы, после чего налил две стопки и вышел к столику, возле которого валялись трупы говорливых ребят. Переступил через крайнего и продолжил: — Ну, скажем, успеют заметить, что рычаг приклеен скотчем?

— Если увидишь, что мой трюк не сработал, — Керро вставил в дерринджер новый патрон и достал из левого кармана второй пистолетик, — то мой тебе совет — сразу прячься под стойку. Не в курсе, что за уёбки?

Он кивнул на бездыханные тела.

— В курсе, — бармен поставил стопки на стол. — Новьё из десятых секторов. Не то Ангелы Ада, не то Демоны Рая… какая-то такая мутотень. На двадцать шестой обретаются. Ну, помнишь тот домик, по которому корпы с вертушек отработали? Вот там. Рыл двадцать.

— Ага, помню, — Керро перезарядил и спрятал второй пистолет, после чего взял стопку: — Ну, не кашляй! Всё с этих — тебе за беспокойство.

— Тогда все, что ты сегодня выпил — за счет заведения.

Мужчины, не чокаясь, опрокинули в себя рюмки, после чего Джувз, вытерев усы, спросил:

— Забьёшь на них? Или пойдешь разбираться?

— Схожу…

— Сразу валить станешь или поговоришь? — бармен забрал пустые стопки.

— Сперва поговорю, а там по ситуации, — пожал плечами собеседник.

— Ушлый подмять их хотел. Если переживут твой приход, то

удобный будет случай. Задержишься на пару кружек?

— Не вопрос. Тащи. — И Керро отпихнул ногой того из убитых, что, падая, перегородил проход.

…Керро ушел минут через сорок. За это время все клиенты уже успели смениться, только один мужик с несчастной рожей, сидевший у стойки, все наливался пивом.

После того как дверь за Керро закрылась, посетитель, цедящий очередную кружку и уже порядком осоловевший, чуть выждал и спросил Джувза:

— Он ведь рейдер. Так? И почему рейдер не берет с бонз деньги за работу? Поговаривают — ни с Бивня, ни с Ушлого. Правда, что ли, задолжал? — язык у мужика порядком заплетался. Да трезвый бы и не стал задавать таких вопросов.

Джувз в ответ на пьяное любопытство хмыкнул, поставил грязные стопки обратно на полку и ответил:

— Керро, конечно, рейдер. Одиночка. Но по авторитету равен бонзам. Он Ушлому какие-то дела порешает, Ушлый в ответку — ему. И все довольны. Зафига им бабки из кармана в карман гонять?

Посетитель хмыкнул и покачнулся:

— Равен… под Ушлым ходит две сотни, под Бивнем — полторы. А под Керро? Никого.

Джувз пожал плечами:

— Во-первых, не будь бакланом и не повторяй глупые слухи. Под кем сколько реально ходит, знают только сами бонзы, и то про своих. А во-вторых, если понадобится, за Керро половина сектора впишется. Другое дело — заточен он иначе.

— Брехня… — усмехнулся посетитель. — Он хороший боец, тут и спорить нечего, но…

— Он еще и при бабках, — сказал равнодушно бармен. — Всегда при бабках. Очочки его видел? Они ведь не для понтов, как многие таскают, не поддельная херь с минимумом функций, а реальный комплекс. Хоть представляешь, сколько такая приблуда стоит? Хватит, чтоб в равной доле и к Ушлому, и к Бивню в дело войти. И еще на четверть дела «связистов» останется.

Посетитель присвистнул и с опаской покосился на дверь, словно ждал возвращения парня в очочках.

— А рейдерство-то, дело прибыльное… — протянул он.

— Ага, — кивнул Джувз. — Еще какое. Только проигрыш — либо смерть, либо корпам на опыты. И ты глупые мысли о бабках Керро из головы выброси. Зачем мне клиента, который столько пива выпивает, терять?

* * *

Двое часовых играли в карты под натянутым перед подъездом тентом. Подошедший Керро, заметив в углу пустую бутылку из-под крепкого пойла, только усмехнулся. Охраннички, мать их. Зато у обоих рога на куртках. Красиво, да.

— Ты, — рейдер кивнул ближайшему, — проводи к старшему. Он меня вроде видеть хотел.

— А ты кто… — сперва парень было не сообразил, но, вглядевшись, осекся и исправился: — Да, конечно, только…

— Только что? — Керро в душе вздохнул — задолбали, гребаные ангелы. Или демоны. Или хрен поймешь кто.

— Оружие оставь.

— Твое — себе?

И он, не таясь, осклабился. Собеседник вроде как начал понимать, что над ним издеваются, встрепенулся, вскочил, но Керро будто того и ждал. Подшаг, уход вниз, удар кулаком по яйцам.

Затем рейдер спокойно выпрямился, добавил скрутившемуся в узел «охраннику» локтем по позвоночнику, после чего вытащил из-за пояса парня пистолет и, брезгливо осмотрев, швырнул в лужу.

— Не. Не оставлю. Барахло. Давай тогда ты веди, — кивнул он второму из охранников.

Тот оторопело сморгнул и кивнул.

Ну, хоть один с мозгами.

* * *

Когда Керро вышел из подъезда, на улице его уже ждал невысокий печальный мужчина, похожий на школьного учителя из старого кино: с гладким лоснящимся лицом, в полупальто прямого кроя, сером костюме и шляпе на гладкой, будто шар для боулинга, голове. Не маячь за его спиной два амбала с бандитскими рожами — в жизни не поймёшь, как такое чудо здесь бродит живое и до сих пор в шляпе.

— И еще раз здравствуй, — протянул руку «учитель». — Живы? — он кивнул в сторону двери.

— И даже почти все здоровы, — ответил Керро, пожимая протянутую ладонь.

— Снова мне жизнь облегчаешь… деньгами, как обычно, не возьмешь? — Ушлый грустно поглядел на небо.

— Было б за что. Знаешь, почему они ко мне полезли в «Девяти жизнях»?

— Ладно, отдарюсь как обычно, — мужчина вздохнул: —

«Почему» — вопрос, я так понимаю, риторический?

— Ага. Кому-то понадобился тот донор, которого не успел разделать Док. И этот кто-то нанял этих вот недоумков, — рейдер кивнул на подъезд, из которого только что вышел. — Ты их как — на постоянку собрался подписывать или разово? — ему и впрямь было интересно.

— Сперва разово, а там как себя покажут, — задумчиво ответил собеседник.

— Есть у них такой… тощий и на левом виске маленький шрам. К нему присмотрись. Единственный, кто был готов всерьез драться. В спину мне целился, — тут Керро коснулся дужки темных очков. — И догадливый таки. Не рискнул. Остальные — хлам. На разовую можно и взять. С оплатой по итогам. Сдохнут — бабло сбережешь. Цифирь не знаешь как сейчас? Очки донастроить надо.

— Присмотрюсь к тощему. Спасибо. Цифирь вчера свою рабочую дурь брал, так что в самой форме.

— Ну, бывай тогда. Успешных переговоров.

— И тебе удачи, — сказал Ушлый и, небрежно кивнув своему эскорту, направился в подъезд.

* * *

Ее вывернуло чуть ли не наизнанку. А потом — от воспоминаний — еще раз, уже желчью. Потому что больше выворачивать было нечем. Айя стояла на коленях, привалившись плечом к стене, и старалась больше не смотреть на тело, пристегнутое ремнями к операционному столу.

Худой мужчина, вскрытый от шеи до паха, лежал внутренностями наружу. И запах при этом стоял… Не передать. Айю снова скрутило. Уже не столько от вони, сколько от понимания неизбежного — ей придется встать и подойти к телу, чтоб обшарить карманы, так как там, наверняка, есть деньги и коммуникатор… Только вот идти придется через лужу черной загустевшей крови, и в придачу босиком.

Что за дерьмовый день?!

Истерика так и рвалась наружу, но Айя гасила ее, заставляя себя дышать ровно, а заодно сдерживать все еще подкатывающие к горлу рвотные позывы.

Входная дверь была распахнута настежь — не защелкнулась. Надо закрыть. И запереть. Пока никто не заметил. К выходу девушка пробиралась вдоль стены, а створку захлопнула с грохотом, от которого содрогнулись и зазвенели пробирки на

полках. Засов был надежный и легко вошел в пазы.

Айя, наконец, огляделась. Грязь. Вонь. Вскрытый труп. Темно-красные брызги на стенах и дверцах шкафов.

Она все же догадалась бросить на пол пакет с мусором и встать на него босыми ногами. Халат Дока задубел от крови, и коммуникатор тоже был весь измазан, но зато хоть цел. В кармане халата нашлись несколько кредов, сменивших цвет с голубого на бурый.

Девушка держала их кончиками пальцев. Надо отыскать воду, ополоснуть, будут как новенькие. И коммуникатор протереть. Главное — не смотреть на тело. Но оно как-то само собой постоянно попадалось на глаза, и когда Айя искала одноразовые полотенца, и когда шарила в поисках спирта или канистры с водой, и когда оттирала коммуникатор, и даже когда подобрала валяющийся у стены пистолет.

Задница! Вот же задница! К горлу снова подступила не то тошнота, не то истерика. Айя их проглотила. Обеих. С истерикой, как с рвотой: начнешь — не остановишься. А времени на это нет. Девушка перебралась в соседнюю комнату и прикрыла дверь, чтобы не видеть труп. С закрытой дверью почему-то стало еще страшнее. Будто бы мертвец мог встать!

— Он же пристегнутый, дура, — сказала Айя и сама не узнала свой голос — сиплый, дрожащий, жалкий.

Но снова открывать дверь она не стала. Зато нашла возле раковины непочатую бутыль с чистой водой и бросилась пить, захлебываясь, задыхаясь. Пила, пока не перестала дрожать. Потом, все еще трясущимися руками, разблокировала коммуникатор и ввела телефонный номер интерната. Надо сообщить, где она и что с ней. Может быть, скажут, что делать дальше, куда идти. Вдруг где-то поблизости пропускной пункт? Браслета, удостоверяющего личность, на ней, конечно, нет, но ведь любой из преподавателей легко подтвердит, что это действительно она — Айя Геллан, выпускница школы-интерната номер восемнадцать корпорации «Виндзор», сирота, чьи родители погибли пять лет назад.

Она ведь не совсем бесполезная. Ей прочили неплохое будущее. Конечно, звезд с небес девушка не хватала, но обещала вырасти в хорошего спеца. Ее часто хвалили преподаватели и в шутку прозвали Флэшкой за фотографическую память и способность с первого раза запоминать даже сложнейшие цифровые комбинации. Конечно, сейчас это бесполезно — полно электронных носителей и не надо все держать в голове, но она ведь и училась неплохо. Да, прикладная электроника — ее слабое место, но по микробиологии были успехи! И она продолжит

стараться! Еще активнее, чем прежде!

Айя с размаху ударила себя по щеке, понимая, что потихоньку скатывается в истерику. Нельзя терять ясность ума. Не здесь. Это не корпоративная зона, где безопасно. Это либо черный, либо мертвый сектор. И еще неизвестно, какой из двух вариантов хуже.

В интернате на уроках безопасности показывали голографильмы про сектора за периметром и то, что в них творится. От увиденного делалось жутко. А еще возникало какое-то опасливое недоверие: разве может быть подобное правдой? Разве люди могут *так* жить?

Теперь же Айя вспомнила перестрелку, мат, разговоры о том, куда ее определить — в бордель или на органы — и покосилась в сторону манипуляционной, где лежал вскрытый заживо человек… Пожалуй, на уроках по безопасности не показывали даже десятой доли правды.

Да что же так долго не отвечают!

Ее снова начало колотить. Полминуты уже. Гудок идет, а ответа нет. Быть такого не может. На вахте постоянно кто-то есть. И в преподавательской. А дежурный номер вообще всегда… В этот миг щелкнул сигнал установленного соединения и приятный голос автоответчика сказал:

— Вы дозвонились в школу-интернат номер восемнадцать для детей-сирот корпорации «Виндзор». Ваш звонок очень важен для нас. Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Айя вскочила и забегала по комнате. В ухо пиликала раздражающая электронная мелодия гимна корпорации, автоматически в голове всплывали слова, которые впрочем, проскальзывали, не задерживаясь в сознании.

Наконец, музыка оборвалась и бодрый, но незнакомый Айе голос ответил:

— Катрин Миосс, дежурный администратор. Слушаю вас.

Кто такая Катрин Миосс?

— Здравствуйте, — голос Айи дрожал и прерывался. — Меня зовут Айя Геллан, я воспитанница группы «2Б». Меня вчера выкрали с территории интерната, и…

Она все-таки всхлипнула:

— И я не знаю, где я, но, похоже, в каком-то из черных секторов.

В трубке повисло молчание, после чего «Катрин Миосс, дежурный администратор» с равнодушной любезностью сказала хорошо поставленным голосом:

— Воспитанница группы «2Б» Айя Геллан погибла позавчера по дороге с производственной практики. Останки были

кремированы, а имя и фамилия девушки занесены на Стену Памяти сотрудников корпорации. При этом хочу уведомить вас, что за телефонное хулиганство полагается штраф в двести кредов с сообщением о нарушении по месту работы или учебы. Я буду вынуждена известить о вашем звонке службу…

Коммуникатор выпал из ослабевшей руки, ударился об пол и разлетелся — крышка в одну сторону, аккумулятор в другую. Дисплей треснул. Айя же стояла и смотрела в пустоту перед собой.

«Останки были кремированы, а имя и фамилия девушки занесены на Стену Памяти сотрудников корпорации».

Получается, ее — Айи Геллан — больше нет? Отныне она стала записью на Стене Памяти корпорации? Все данные о ней отправлены в архив, да и то, если сочли нужным архивировать такую мелочь — она ведь еще даже не студентка, не сотрудник корпорации, так, ничто — ноль без палочки.

Девушка опустилась на липкий холодный пол. Сидеть уже через минуту стало противно, и она поднялась. Надо привести себя в порядок. Одеться, обуться, хоть что-то съесть и уходить. Попытаться найти ближайший блокпост и объяснить: произошла ошибка, она — Айя Геллан — жива, и ей рано на Стену Памяти. Рано!

Вода воняла химией и казалась скользкой, словно глицерин, зато ее хватило, чтобы кое-как отмыться, а в шкафу даже нашлось более-менее чистое полотенце. Там же отыскалась и одежда: штаны, толстовки, куртка, несколько пар ботинок. Носки, правда, все были дырявые, а обувь оказалась Айе велика на четыре размера. Штаны пришлось завернуть и, чтобы не спадали, затянуть ремнем. Повезло в одном: ремни Док носил безразмерные — на металлической пряжке-фиксаторе. Свитер на Айе повис, как на вешалке, но длинный рукав оказался неожиданно удобен. Если проделать дырки под большие пальцы, будет тепло, как в перчатках. И ворот высокий, плотный. А она намерзлась…

Несвежие вещи пахли застарелым мужским потом, который даже не пытались отстирать, видимо просто замачивали одежду в воде, а потом сушили. Воняло… Но, по крайней мере, стало тепло.

Айя надела все носки, какие нашла в шкафу, и выбрала самые легкие ботинки. Но нога все равно болталась — ходить, пусть и с трудом, можно, а вот бегать уже не получится.

Девушка бессильно огляделась. Может, напихать чего-нибудь внутрь? Например, тампонов ватных или тряпок каких. Взгляд упал на кучу барахла, вываливающуюся из-под кровати. В ворохе

засаленных рукавов и грязных обтрепанных штанин чернела подметка стоптанного ботинка. Айя опустилась на четвереньки и вытянула шмотки.

При виде одежды с пятнами засохшей крови вокруг ножевых или пулевых прорех снова затошнило. Сдержаться удалось с трудом — старые тряпки невыносимо воняли. Были тут и ботинки, и куртки, и джинсы — взрослые, подростковые, нашлись даже одни детские штанишки с цепочкой из сердечек на хлястике. Айя закрыла глаза. Повернись все чуточку иначе, ее интернатское белье, наверное, тоже оказалось бы в этом ворохе.

Довольно быстро удалось подобрать подходящие ботинки — тяжелые, с крепкими шнурками и на толстой подошве. А велики они были всего на размер. Пяток Доковых носков решил проблему. Больше рыться в вещах девушка не стала, хотя понимала: если всё перебрать, возможно, удастся отыскать штаны или толстовку по размеру. Но пересилить себя не сумела. Ногами затолкала вонючее беспризорное шмотье обратно под кровать. Почему не оставила валяться посреди комнаты? Сама себе не смогла бы ответить.

В подвесных шкафах над плитой нашлась еда. Еда! Как же хотелось есть… Айя открывала банки — синтетические сублиматы, порошковый концентрат для приготовления белкового коктейля, засохший обломок протеиновой плитки. Она торопливо жевала, не чувствуя вкуса, и одновременно запихивала в найденный возле кровати засаленный рюкзак все, что могло понадобиться в пути.

Пригодились-таки уроки безопасности.

Несколько бутылок воды, коробки с концентратами, нож, ложка, кружка, зажигалка. Даже флакон спирта в манипуляционной удалось найти и медицинский чемодан! По секциям укладки без всякого порядка были распиханы анальгетики, стимуляторы, транквилизаторы, футляр с иглами, хирургическая нить во вскрытом пакете, пинцеты, антисептический порошок, стерильные повязки, пластырь, шприцы и многое другое, назначения чего Айя не знала. Например, в маленьком кармашке отдельно от всего остального лежало несколько круглых жестяных коробочек с крупными кислотно-голубыми кристаллами внутри. Их девушка брать не стала. Не похожи на медикаменты.

Подумав, Айя отправила в рюкзак то, что на ее взгляд могло пригодиться в случае ранения: ампульницу с препаратами, несколько шприцов, футляр с иглами, нить, пинцет, сорбенты и дезинфекторы для обработки.

Осталось только пистолет Дока пристроить. Айя глядела на

него растерянно и размышляла. Куда деть? Надо ведь держать под рукой. В карман положить? Попробовала, но быстро поняла, что выхватить оружие из кармана — почти нереально. К тому же в глаза бросается — куртка отвисает к земле. За ремень джинсов, как в старом фильме, засунуть? Тоже неудобно — оттягивает пояс, того гляди или штаны сползут, или пистолет вывалится. В руке нести? Коммандос недоделанная!

Да и зачем ей оружие, она все равно не умеет с ним… Пальцы как-то сами собой нажали кнопку выброса обоймы, вытащили магазин, в котором не хватало двух патронов, вставили обратно.

Айя замерла, с трудом осознавая, *что именно* сделала.

Надо найти кобуру. Раз есть оружие, должна быть и кобура.

С этой мыслью девушка круто развернулась, почему-то шагнула к кухонному шкафчику, распахнула его и долго глядела в захламленные недра. Если не думать о том, как она только что… Нет! Не думать.

Рюкзак оттягивал плечи, гребанные ботинки весили, казалось, каждый не меньше тонны, пистолет убрать было по-прежнему некуда, а в манипуляционной на столе все так же лежал труп.

Айя подошла к нему, зажимая себе рот ладонью. Главное, чтобы не вывернуло. Ни в коем случае не вывернуло.

Кобура нашлась на ремне — липкая от крови. Снимать ее оказалось настоящей мукой, потому что влажно блестящие кишки Дока проглядывали в разрезе и от этого зрелища, а самое главное — от запаха — кружилась голова.

Наконец, металлическая клипса поддалась.

Кровь с пластика отмылась легко. Айя приладила кобуру к поясу, вложила пистолет и подумала с тоской, что быстро выхватить оружие все равно не сможет — сноровки не хватит. Но хоть не потеряет.

Перед входной дверью она стояла, собираясь с духом, не меньше минуты. Прислушивалась к звукам внешнего мира. Однако сердце грохотало так, что ничего услышать не получалось. Девушка глубоко вдохнула и отодвинула засов.

Теперь главное — понять, где она оказалась, выяснить, как далеко находится ближайший пропускной пункт, и добраться до него без приключений.

* * *

Утро было не таким ранним, как думала Айя. Уже совсем рассвело, хотя погода стояла по-прежнему пасмурная. Видимо,

снова пойдет дождь. Или снег. Или снег с дождем.

Когда девушка прошла узким проулком, пролегшим между ржавым остовом старого трамвая и прямо-таки циклопической горой мусора, то очутилась на грязной площади, откуда открывался вид страшного разгрома.

Ровные ряды однотипных серых многоэтажек, казалось, тянулись до самого горизонта. Три прямые широкие улицы разбегались от площади в разные стороны, нарезая мертвый город на кварталы. Когда-то здесь, наверное, было красиво. Но сейчас вдоль обочин дорог то тут, то там чернели скелеты сгоревших автомобилей, кренились или вовсе валялись на разбитом асфальте опоры ЛЭП, торчали из обрушившихся перекрытий домов обломки металлоконструкций, лежали у подножия частично осыпавшихся стен горы бетона и кирпичей…

Многоэтажки мрачно смотрели в пасмурное ноябрьское утро темными глазницами выбитых окон, щерились черными провалами в фасадах. От высоченного крайнего дома и вовсе остался один торец, через который на просвет было видно низкое небо, затянутое рыхлыми тучами, и продолжение безжизненной городской панорамы.

Айя застыла, стискивая лямки рюкзака и с ужасом глядя на невообразимо высокий, тесный, серый и страшный город, готовящийся ее проглотить. Ветер гонял по дороге свежий мусор, а в грязи кое-где виднелись четкие, не оплывшие следы. Здесь явно жили люди, и они, судя по всему, даже не подозревали, что существует такая штука — порядок.

Не белый сектор и даже не мертвый. Черный.

Значит, до ближайшего КПП километров семьдесят минимум. Девушка вспомнила карту мегаплекса: разноцветная мозаика из почти двух тысяч секторов. Зеленым цветом отмечены сектора «Виндзора», бледно-зеленым — корпораций-союзников, красным — конкурентов, оранжевым — нейтралов. При этом каждую из чистых зон очерчивали ярко-голубые линии периметров, кое-где прерываемые синими квадратиками, обозначающими пропускные пункты.

А вот за пределами этих оплотов цивилизации лежала бескрайняя зона отчуждения… Белым цветом на ней указаны сектора рядом с периметрами. Там жили люди, сумевшие доказать свою полезность корпорациям-соседям. В этих районах поддерживался относительный порядок, а кое-где даже велась более-менее нормальная жизнь — работали школы, больницы, мелкие предприятия. Серыми пятнами на карте обозначали мертвые сектора, необитаемые по ряду самых разных причин — из-за отсутствия воды, из-за разросшихся свалок химических

отходов, из-за полного разрушения каких бы то ни было построек.

И, наконец, самыми страшными и опасными считались черные сектора — зоны полной анархии, где признавали только силу, где изо дня в день творились чудовищные преступления и где у человека был один-единственный надежный союзник — он сам. Айю передернуло, потому что в этот момент она вспомнила безжалостно вскрытого дока.

Итак, сколько дней ей добираться до ближайшего оплота цивилизации, если идти с утра до вечера? Неделю? Две? Это ведь не Центральный парк, тут нельзя просто беспечно гулять… А где ночевать? Она даже не догадалась взять одеяло. И не поискала запасные магазины к пистолету. И не нашла, чем стянуть волосы — теперь будут мешаться.

Конечно, можно было бы вернуться. Даже, наверное, нужно. Однако Айя не смогла себя пересилить. Знала, что потом пожалеет, но вспомнила дока, циркулярную пилу в луже засохшей крови, ворох чужой одежды под кроватью и… не смогла. Только еще раз поддернула на плечах лямки рюкзака, спрятала ладони в рукава свитера и пошла вперед. Нужно выяснить, как называется эта часть города. Узнает номер сектора — поймет, где находится ближайший КПП и в каком направлении идти. Карту она помнила. Нужно было только сориентироваться.

Город, поначалу казавшийся пустым и мертвым, постепенно оживал. На улицах появлялись люди, а по периметру площади на первых, относительно целых этажах высоток открывались то ли магазины, то ли какие-то забегаловки. На обочины разбитых дорог вытаскивали подобия раскладных столов, ставили вдоль тротуара и вываливали всякую всячину: бутылки, сигареты, продукты, шмотки, что-то еще…

Продавцы неизменно были в препоганом настроении, товар бросали зло и на проходившую мимо Айю смотрели с ненавистью. Она не понимала, почему. Позже заметила — здесь на всех так смотрят. С подозрением, оценивающе или даже откровенно недобро.

На стенах полуразрушенных домов тянулась непрерывная вязь граффити: матерщина, похабщина, оружие, насилие, голые женщ… нет, бабы, именно бабы.

Девушка брела и брела вперед, стараясь не смотреть на уличное творчество, которое не вызывало у нее ничего, кроме уныния и гадливости. Однако спустя несколько десятков шагов взгляд Айи выхватил неожиданно яркое пятно на облупившейся серой стене разрушенного дома. Красочное изображение высотой в полтора человеческих роста притягивало взгляд.

Две девчонки-подростка замерли, глядя точно на зрителя.

Одна стояла, подбоченясь, со снайперской винтовкой в руках (оптический прицел почему-то был разбит), другая в непристойной позе застыла рядом, задрав подол. Белья под юбкой, конечно же, не было… А за спинами странной парочки замерла ехидно ухмыляющаяся девушка постарше. Все трое были одеты в платья, у всех троих были длинные волосы, и в чертах угадывалось едва уловимое сходство. Но в целом красивое граффити производило удивительно отталкивающее гнетущее впечатление. При этом у подножия стены, под изображением, оказалось на удивление чисто. Здесь не стояли торгаши, не толпились странного вида компании, зато прямо на земле лежало много всякой мелочевки — резинки для волос, пустые гильзы, значки, шнурки, обломки ножей и прочая ерунда. Подношения какие-то?

Компания подростков, кучковавшихся рядом в подворотне, при виде застывшей возле граффити Айи затихла. Ребят было много — человек пятнадцать, если не больше. Почти все курили или держали в руках бутылки с каким-то пойлом. Девушка спрятала лицо в широкий ворот свитера и надвинула капюшон куртки как можно ниже. Нельзя было так делать. Пацаны сразу оживились, взялись тыкать друг друга локтями, а потом громко заржали. Задерживаться возле них точно не стоило. Она слегка прибавила шаг.

Вообще, смех подростков вызвал уж точно не Айин внешний вид. Народ вокруг ходил одетый во что попало. Можно было не опасаться выделиться из толпы. Хватало и оборванцев, и бомжеватого вида людей в шмотках с чужого плеча, и даже одетых весьма прилично. Так что Айя выглядела еще далеко не самой странной.

Например, спускаясь от площади вниз по улице, она увидела на противоположной стороне девочку лет четырнадцати с синей лентой в распущенных волосах. На девочке была коротенькая курточка с круглым воротником, пышная синяя юбка, из-под которой выглядывал подъюбник, отороченный по подолу кружевом, а поверх юбок — белый, забрызганный чем-то темным передничек. Завершали диковинный наряд гетры в горизонтальную широкую черно-белую полоску и высокие ботинки на удобном каблучке.

Через правое плечо незнакомки наискось была перекинута широкая черная лента с застегивающимися на кнопку кармашками, а на левом плече стволом вниз висел автомат. Но, пожалуй, сильнее диковинного наряда Айю заворожил здоровенный мясницкий нож, который странная девочка крепко сжимала в руке, уверенно шагая к какой-то своей неведомой

цели. Нож был в крови.

Прохожие перед девочкой расступались, потому что шла она строго по прямой и было видно — сворачивать даже на полшага не собирается. Так она и шагала, глядя перед собой пустым взглядом лунатика, пока не скрылась за ближайшим поворотом.

Айя подула на ладони. Холодно. Горячего бы поесть. И забыть про девочку-психа, от встречи с которой осталось ощущение ирреальности происходящего. Фантасмагория какая-то… В этот миг запоздало осенило. Это была Алиса! Алиса из Страны чудес. Из древнего-древнего мультфильма, который еще даже не 3D!

Девочка в костюме мультипликационного персонажа с окровавленным ножом. И никому это не показалось странным. Впрочем, люди здесь, видимо, вообще редко удивлялись. И все носили оружие. Поэтому какая им, наверное, разница — нож в руках у девочки или циркулярная пила?

На серый город с серого же неба начал сыпаться снег. Он тоже был серый, как и все вокруг. Серый, мокрый, тяжелый.

Стало еще холоднее, а Айя поняла, что идет уже довольно долго — улицы делались все более и более оживленными, всё чаще вдоль обочин встречались разного рода забегаловки — одинаково неряшливые, заросшие грязью. Где-то прямо среди мусора могло стоять допотопное стоматологическое кресло, возле которого под кривым навесом скучал в ожидании пациентов врач… или, что вероятней, просто присевший отдохнуть прохожий. Ну не лечат же зубы прямо посреди улицы?! В нишах первых этажей ютились подобия парикмахерских и мастерских по ремонту обуви.

Единственный магазин, действительно похожий на магазин, встретился девушке на углу очередного квартала. Здесь была дверь — надежная, из металла — и даже неоновая вывеска, и свет внутри. А продавали там оружие. Айя хотела зайти погреться, но посмотрела на хмурого хозяина, чья массивная фигура виднелась за витриной, и передумала.

Когда холод сделался совсем уж невыносимым, и пальцы совершенно закостенели, девушка решилась подойти к лотку, где продавали еду. От лотка отходили люди с пластиковыми тарелками и усаживались перекусить прямо на ступеньки лестниц ближайших подъездов, а то и вовсе на уцелевшие бордюры.

Пахло вкусно. Но продавец, заливавший кипятком быстрорастворимые супы, глянул на девушку с неприязнью.

— Чего? — спросил он враждебно.

Айя ткнула окоченевшим пальцем в пакетик с супом:

— Сколько это стоит?

Мужчина окинул ее цепким взглядом и сказал, как выплюнул:

— Тебе? Десятка.

Она с удивлением посмотрела на продавца. На десятку кредов можно было несколько дней питаться в столовой. И неплохо питаться. А тут порция супа. Понятно, что обманывают.

Она отошла от лотка и побрела дальше. В кармане Дока лежало всего двадцать пять кредов — весь ее капитал. Если тратить по десятке за тарелку супа — дня не продержишься. А идти придется долго. И далеко.

На счастье, спустя три квартала попался еще один лоток с фаст-фудом, возле которого стояла женщина. Айя подошла. И снова ее оглядели, будто бы оценивая оптом и в розницу, после чего потребовали за суп два креда. Это тоже было очень дорого. Поэтому девушка попросила стакан кипятка. Ей налили в ее же кружку, зато взяли всего четвертак.

Грея руки о драгоценную ношу, Айя двинулась в сторону одиноко стоящей в стороне лавки. Громко сказано — лавки. Лист пластика, брошенный на четыре кирпича — вот что это было. Но хоть отдохнуть, ноги вытянуть.

Сублимат из Доковой банки оказался явно просроченным — не хотел растворяться, комковался, лип к ложке. Минут пять пришлось крутить его, то так, то этак. Кипяток за это время заметно остыл. Айя тянула свой обед, даже не понимая вкуса. Вроде на банке было написано что-то про куриный суп…

— О-па! — громко удивился кто-то, неслышно подошедший сзади. — И чего это мы тут сидим? Такие синие и без охраны. Поднимаем, поднимаем булки.

Девушка вскинулась, поспешно суя руки в лямки рюкзака.

— Ухожу, — сказал она стоящему напротив невысокому облаченному в камуфляж парню бандитского вида.

— А ну стоять, — удержал он ее за рукав. — Глядите, уходит она.

И он повернулся к друзьям. Их было пятеро. Крепкие, одинаково одетые и остриженные. Городская шпана. Говорившему на вид лет восемнадцать. Айкин ровесник. Остальные постарше. Стоят, ухмыляются.

— Ты, красава, на чужом месте сидела? Сидела. Разрешения не спросила? Не спросила. На районе я тебя не видел, значит, чужая. Раз чужая, значит, плати. Удобства денег стоят. Чего молчишь, рыжая? Бабок нет?

Парень осклабился и оглянулся на дружков. Те смотрели молча, только ухмылялись. Давали младшему возможность поглумиться.

— Где я? — спросила Айя. — Какой это сектор?

— А ты дерзкая, — протянул самый высокий из ребят. И

добавил: — Рыжие все с темпераментом.

Девушка молчала, обводя ребят настороженным взглядом. Надо как-то вырваться. Уйти они ей не дадут. Ствол не достанешь, у нее он под курткой, а у них, вон, почти у всех под рукой. Да и что ствол? Их больше, и они точно быстрее.

— Так какой это сектор? — снова спросила Айя, надеясь разговором потянуть время.

— А тридцать седьмой, — ответил тот, который назвал ее дерзкой. — Девочка загулялась и заблудилась?

— Да, — она медленно пятилась.

Тридцать седьмой сектор.

Тридцать седьмой?

Айя мысленно застонала. Она еще дальше, чем думала! Одно отчаяние захлестнуло другое. Испуг погасился ужасом.

— А что у девочки в шмотнике? — с ехидством спросил кто-то из-за спины долговязого. — Набит туго. Девочка не хочет поделиться?

У Айи сердце колотилось так, что грудь щемило. Она знала — парни понимают ее уловку по оттягиванию времени, и эта игра им весьма нравится. Они подступали к жертве, наслаждаясь ее растерянностью и страхом.

— А площадь Карлоса где? — спросила девушка того, кто стоял ближе к ней. — Вверх или вниз по улице?

Парни переглянулись в недоумении.

В этот миг в голове у Айи что-то щелкнуло. Будто пистолет с предохранителя сняли. Она поняла, что вот он — шанс удрать. Сейчас!

Изо всех сил толкнув крайнего из ребят, девушка кинулась прочь.

Кто-то попытался ухватить ее за рюкзак, но опоздал — пальцы лишь скользнули по гладкой синтетической ткани, а беглянка припустила вверх по улице — туда, откуда пришла. За спиной слышались ор и улюлюканье. Не отстанут! И, как нарочно, народу на улице откуда-то взялось!

Айя мчалась, лавируя между прохожими и оскальзываясь в слякоти. Если начнут стрелять, то все… Она бежала и бежала. И за ней бежали. И она понимала, что догонят. А в боку уже кололо.

На углу очередного квартала ей удалось оторваться — прошмыгнуть в зазор между двумя здоровенными тачками с битым кирпичом, которые заполняли изможденного вида мужики. Получилось нырнуть в грязную подворотню, а там сигануть за мусорную кучу. В панике Айя задрала куртку и свитер, силясь добраться до кобуры, но, как назло, только путалась в слишком длинных для нее шмотках. Она слышала топот ног, слышала, что

в подворотню вбежали, слышала крики — это парни, пытаясь отдышаться, матерились и спрашивали друг друга, кто видел, куда делась «эта сучка».

— Вы че тут делаете? — донесся вдруг из подъезда напротив сиплый злой голос. — Какого хера надо, спрашиваю? Некороткий, тебе говорили сюда не соваться? Ты с первого раза не вкурил, что ли?

Девушка вжалась в мусорную кучу, за которой пряталась, и закрыла рот ладонями, чтобы дышать как можно тише.

— Ты кого тут Некоротким назвал? — донесся голос одного из Айкиных преследователей, судя по всему, долговязого.

— Ты еще и тупой…

Остальное потонуло в грохоте выстрелов. Айя зажала уши руками и метнулась прочь, надеясь, что за пальбой и воплями ее бегства не заметят.

В соседний проулок она вынеслась, почувствовав, как что-то напоследок чиркнуло по боку. Это только скорости придало. Помчалась во весь дух! Впрочем, бежала недолго. Может, квартал. Или два. А потом, когда поняла, что оторвалась, и следом не гонятся, ощутила обжигающую боль в правом боку. И лишь в этот самый миг заметила: куртка и свитер набрякли от крови.

Зажать рану рукой не получилось — по пальцам все равно текло потоками. Сердце после бега и пережитого страха качало кровь, как насос. Перед глазами все уже плыло, а руки холодели. На подгибающихся ногах Айя добрела до обгорелой высотки и, оступаясь на груде кирпичей, забралась внутрь через провал в стене. Села на пол.

Нужно достать антисептик. Присыпать рану, остановить кровь. Наложить повязку… Девушка задрала куртку, увидела свой бок и поняла, что повязка не пригодится. И антисептик тоже. И ничего не пригодится.

Дура. Зря она сэкономила на супе. Деньги уже не понадобятся, а так, по крайней мере, умерла бы сытой. С этой последней мыслью Айя повалилась на кирпичные обломки. В глазах стало совсем темно, и боль, наконец-то, исчезла.

* * *

Директор Эдтон нервничал. Человеку, плохо его знающему, это было бы незаметно — сидит себе мужчина в самом расцвете сил (слегка за пятьдесят) и наводит порядок на столе. Однако Джордж знал мистера Эдтона — директора интерната номер восемнадцать — уже более десяти лет. И для него он был просто

Алом.

— Ал, — миролюбиво сказал Джордж. — Успокойся. Проверка придет по бухгалтерии, смотреть будут только цифры. Не дергайся. Наши дела по документам не проходят. Груз ушел позавчера, новый будет только через две недели. Ни с чем реально серьезным, вроде оружия и наркоты, мы не связываемся… Думаю, даже не понадобится отменять поставку.

Однако Аллан на эти более чем благоразумные слова вдруг вспылил:

— Это не просто проверка! Это внезапная, знаешь ли, проверка. И не откуда-то, а с самого верха, — он указал глазами на потолок. — Из надсекторального управления СБ, понимаешь? И именно сейчас! Вот ни раньше, ни позже. Почему? Тебе не кажется странным?

Его собеседник, а также друг и заодно начальник внутренней охраны интерната Джордж Рик пожал плечами:

— Я тоже из СБ. Не забыл? Ходят слухи, — он немного помолчал. — Ходят слухи, что руководство нашего подсектора собираются снимать. Отсюда и эти внезапные проверки. Так что, когда они не найдут в ежегодных и ежеквартальных отчетах ничего подозрительного, то, полагаю, мы услышим интересное предложение. А что до этого случая… по документам все чисто, и нет ни одного повода копать глубже. Девчонка погибла — оступилась и упала на монорельс, с кем не бывает. И даже не у нас. Мы вообще только получили извещение о смерти. А ее… ее никто и не вспомнит.

Эдтон на эти слова только плечом дернул. И в этот самый миг раздался сигнал селектора, после чего приятный голос секретарши сообщил:

— Мистер Эдтон, к нам прибыл специалист отдела по проверке финансовой документации Центрального отделения службы безопасности Корпорации — мисс Эледа Ховерс. Согласно вашим инструкциям я выделила ей сопровождающего. Они идут к вам.

— Надеюсь, ты не облажался, Джо. Очень надеюсь, — жестко сказал Аллан.

— У меня-то все пучком, даже пробег машин сходится. Сам не облажайся, Ал, — ответил на это Рик и добавил: — Не вздумай так дергаться при проверяющем. Иногда и бухгалтеры способны увидеть что-то, кроме своих цифр.

Его собеседник не успел ничего возразить, так как за дверью раздался звонкий цокот каблучков. Мистер Эдтон сразу подобрался, встал с кресла и поспешно застегнул пиджак:

— Мисс Ховерс… — начал было он, но осекся и замер от

неожиданности.

Специалист отдела по проверке финансовой документации Центрального отделения службы безопасности корпорации мог выглядеть как угодно, но только не так, как выглядела мисс Ховерс.

Обычно сверху приезжали немногословные мужики или надменные тетки в форменной одежде. Неизменно заносчивые, пафосные и полные заочной уверенности в пусть недоказанной, но однозначной виновности проверяемых. Ревизующие всегда одинаковы. Подозрительны. Сухи. Деловиты.

Мисс Ховерс оказалась внезапной противоположностью своих коллег.

Во-первых, она была очень молода. Во-вторых, весьма миниатюрна. В-третьих, как большинство натуральных блондинок, очень привлекательна. И, в-четвертых, явно испытывала неловкость оттого, что в свои годы занимает столь высокую должность и теперь вынуждена проверять человека, годящегося ей в отцы.

Потому двое крупных мужчин в строгих костюмах за ее спиной смотрелись еще внушительнее, тогда как мисс Ховерс на их фоне выглядела совсем юной и неуверенной в себе.

— Добрый вечер! — девушка неловко протянула руку и пожала Алу ладонь. — Вы — директор интерната мистер Аллан Эдтон, верно?

— Школы-интерната, — поправил зачем-то Ал, будто бы это было принципиально.

— Ой, простите, — смешалась мисс Ховерс. — Я еще не очень запомнила.

— Ничего страшного, — поспешно заверил ее собеседник и кивнул на Джорджа. — А это мистер Джордж Рик — начальник внутренней охраны.

Рик с восторгом пожал гостье руку и замер, наслаждаясь тонким ароматом дорогого парфюма. Мисс Эледа была обворожительна. И неуверенность новичка только добавляла ей очарования. Девушка смущенно улыбнулась восхищенному Джорджу и сказала:

— Меня к вам отправили утром, а я… я опоздала. Не рассчитала время. Просто не знала, что придется ехать с пересадками. Монорельсовых поездов в вашем направлении нет, пришлось добираться на обычном скоростном. А там только первый класс, люксы не предусмотрены, и связь с Сетью постоянно обрывалась… Я пыталась отправить вам письмо с просьбой встретить на вокзале, но ничего не вышло… Поэтому от монорельсовой дороги пришлось добираться на попутной

машине, и мы…

В этот момент один из телохранителей — крепкий мужик бойцового вида и с очень тяжелым взглядом — негромко кашлянул, явно напоминая мисс Ховерс о том, что как проверяющая она не должна ни перед кем оправдываться.

Девушка осеклась и виновато улыбнулась.

Второй телохранитель — седой через волос и габаритами похожий на трехстворчатый шифоньер — дернул уголком губ, чтобы скрыть ироничную усмешку. На лацкане мужчины поблескивал аккуратный значок в виде римской цифры три. Каратель. Три полных секторальных зачистки. Наверное, счастлив, что сменил свою прежнюю грязную работу на нынешнюю непыльную, тем более подопечная — девчонка девчонкой. Никаких хлопот, никакой муштры, знай себе ходи да сдерживай зевоту.

Рик же, в отличие от скучающих телохранителей, смотрел на проверяющую с восхищением. А вот Ал, который был старше Джорджа и успел поработать в центральных секторах, отметил про себя не безупречные черты, идеальную укладку, профессиональный маникюр и эффектный, но при этом не вульгарный макияж гостьи. Мистер Эдтон принял к сведению форменный костюм службы безопасности, точнее, более дорогой его вариант. Разумеется, цвет, крой, стиль — все было сохранено, но приталенный пиджак из дорогущей темно-синей шерсти явно сшили не на текстильной фабрике, как и форменную юбку, как и пальто из коричневого кашемира, как и шелковый шарф, не говоря уже о замшевых сапожках на тонкой шпильке — деле рук какого-то безумно дорогого обувного мастера. «Скромная» форма мисс Эледы стоила не меньше годового жалования Ала.

И в глаза бросались сразу же два факта — мисс Эледа гордилась своим костюмом и принадлежностью к службе безопасности, но при этом чувствовала себя неловко именно в силу дороговизны одежды и, соответственно, отличия своего статуса от статуса коллег и подчиненных.

Тем временем мисс Ховерс опустилась на краешек предложенного Джорджем стула, а сопровождающие ее шифоньеры застыли по бокам от своей подопечной. Она же посмотрела на мужчин с тревогой и надеждой на то, что они поймут-таки — ничего ей тут не угрожает, и хоть ненадолго позволят отдохнуть от своего бдительного надзора.

— Может, хотите что-нибудь выпить с дороги, мисс? — спросил Ал, надеясь за разговором снять напряженную неловкость.

— Ой, было бы чудесно, — тотчас расцвела девушка. —

Честно говоря, замерзла, да еще и пообедать не успела…

Джордж и Аллан переглянулись.

— Боюсь, мисс, сейчас я могу предложить вам только сублимат… — растерянно ответил мистер Эдтон. — Столовая уже закрыта.

— Ничего, ничего! — поспешно заверила его собеседница. — Главное, чтобы сублимат был горячим.

Она улыбнулась и, испытывая очередной приступ смущения, напомнила Алу:

— Вы забыли отсканировать мой значок, — и кивнула на лацкан пиджака, где красовался значок, выполненный, конечно же, не из обычного сплава или пластика, а из золота, с нанесением соответствующего напыления.

Ал испытал острый прилив благодарности за напоминание и мягкость тона. Девушка не стала тыкать его носом в нарушение регламента, что для проверяющего было большой редкостью. Поэтому мистер Эдтон попытался быстро исправиться — поднес к значку сканер, дождался, когда тот издаст короткий сигнал, и посмотрел на экран коммуникатора: Мисс Эледа Ховерс, двадцать четыре года, полгода назад вступила в должность младшего агента-аналитика. С отличием окончила академию службы безопасности, идентификационный номер такой-то, код доступа такой-то, номер отдела такой-то, номер телефона непосредственного руководителя такой-то и так далее.

Секретарша принесла на подносе чашки с сублиматом. К чести мисс Ховерс следовало сказать, что, отпив глоток, она не скривилась, как ей, вероятно, хотелось, а наоборот, улыбнулась и допила безвкусную бурду, которую наверняка и пробовала-то впервые в жизни.

— Это первое мое дело, — сказала извиняющимся тоном посланница службы безопасности. — Я хочу подойти к нему со всей ответственностью. Вы проводите меня в архив, мистер Эдтон? Еще ведь не слишком поздно? Я могу там поработать?

Аллан поспешно поднялся:

— Конечно, — ответил он разом на все вопросы и кивнул на дверь: — Прошу вас.

Когда мисс Ховерс в компании своих церберов вошла в комнату финансового архива и огляделась, на ее лице отразилась почти детская растерянность. В небольшом помещении жужжали блоки информационных модулей, стоящих стройными рядами вдоль стен, а на столе лежала высокая стопа «вечных» накопителей. Девушка повернулась к спутнику и спросила неуверенно:

— Вы ведь поможете мне разобраться, если возникнут какие-

то вопросы? Я же к вам сразу после практики…

— Разумеется, мисс, — уверил ее Ал, про себя гадая, как это нежное дитя со своими деликатностью и тактом будет строить карьеру среди зубастых коллег. — Всё, что необходимо.

Она вздохнула грустно-грустно и пробормотала:

— Сейчас мне необходим пистолет. Я бы им застрелилась.

Ее собеседник позволил себе понимающую улыбку:

— Мисс Ховерс, все не так уж страшно, как кажется. Документы хранятся на «вечных» накопителях и не могут быть изменены или подделаны. На каждом накопителе обозначен год и квартал. В коренной директории лежит файл общего свода, во вложенных — первичные документы: ЖКХ, питание, электроснабжение, доступ к сети, кадастровые отчеты, налоговые, расходы на матчасть, расходы на командировочные и прочее. Это только выглядит так громоздко, на деле же все цифры сведены в таблицы и, ориентируясь по ним, вы сможете произвести проверку. А текущие данные смотрите в информационной системе интерната.

Девушка кончиками пальцев скользнула по сенсорному экрану моноблока и сказала задумчиво:

— Какая очаровательно архаичная система…

— Зато проверенная, — улыбнулся Ал. — Данные не сможет подделать ни один хакер.

— Да, я понимаю — чем проще, тем надежнее, но… цифры — такая скукота. Я думала, что буду ловить преступников…

Директор улыбнулся еще раз:

— Мисс Ховерс, именно цифры и помогают ловить преступников. Если понадобится помощь, знайте, я к вашим услугам.

Она вздохнула и села за стол. Мордовороты переглянулись, после чего тот из них, который выглядел старше, вышел в коридор, а второй сел в углу и изобразил напряженную готовность мгновенно защитить подопечную. Ал только вздохнул про себя и понадеялся, что вышедший не станет творить чего-нибудь… ну, чего-нибудь.

* * *

Надо отдать должное старанию мисс Ховерс. Она не зря была отличницей в университете. Аллан в жизни не видел, чтобы кто-то так прилежно и так бестолково ковырялся в документации. Уж каких только проверок он за пятнадцать лет не насмотрелся, но такую глупо-тщательную наблюдал впервые.

Девушка зачем-то влезла в данные прошлых лет, которые уже давным-давно были проверены ее предшественниками, и где стояла виза о соответствии нормативам и инструкциям. Она пролистала все справки и накладные, однако вряд ли разобралась хоть в чем-то. Она сверяла даты и цифры, приход и расход со счетов, постоянно путая статьи и подразделы. Наблюдать за ней было так же забавно, как за играющим в кубики ребенком. Однако уже через двадцать минут директор не выдержал накала прилежности и под благовидным предлогом покинул архив.

Спустя пару часов напряженной работы, а точнее — напряженного буквоедства мисс Ховерс позвонила Алу по коммуникатору и попросила несчастным голосом какие-нибудь тапочки. Когда тапочки ей принесли, она с облегчением перебралась из дорогих дизайнерских сапожек в казенную интернатскую обувь.

Еще через час девушка постучалась в кабинет к мистеру Эдтону и робко попросила разрешения погулять по территории интерната, чтобы «немного проветрить голову». Ал, понимая, как неловко и тоскливо гостье в компании молчаливых телохранителей, кивнул Джорджу. Пусть составит проверяющей компанию и хоть немного развлечет разговором.

Рик был счастлив. То ли от возможности побить баклуши, то ли от того, как мисс Ховерс в пугливом восторге смотрела за забор, оплетенный колючей проволокой, и спрашивала с недоверием:

— Неужели от вашего заведения до периметра всего несколько километров? И за ним не белые, как обычно, а *мертвые* сектора?

Ее собеседник с видом некоторого превосходства отвечал:

— Не бойтесь, мисс, у нас повсюду видеонаблюдение. Видите эти камеры?

Девушка серьезно кивала.

— Они снимают все, реагируя на любое движение, и угол обзора у каждой — сто двадцать градусов. Записи хранятся на специальных носителях. К тому же при малейшей попытке проникновения на территорию включается сигнал тревоги, который поступает на главный пульт внутренней охраны, а это отряд из нескольких десятков бойцов. Кроме того, ограждение находится под напряжением, а въезд и выезд осуществляется через ворота и КПП.

— Да к вам не пробиться! — улыбалась гостья и добавляла: — Но все равно жутковато…

В отличие от впечатлительной мисс Ховерс ее телохранитель ходил следом за своей подопечной, с трудом подавляя зевоту.

Джордж сперва косился на мрачного цербера, идущего чуть позади, но потом привык и даже перестал замечать.

После прогулки и увлекательнейшего рассказа мистера Рика девушка откланялась и снова погрузилась в пучину отчетов, смет и цифр.

Алу было ее жалко. Он уже посмотрел в Сети, кто такая эта мисс Ховерс. То-то фамилия показалась знакомой. Отец — управляющий объединением сотого, сто десятого и сто одиннадцатого секторов. Собственная яхта, вилла на море, счета в банках корпорации. Мать — директор, а по факту — хозяйка дизайнерского дома. Так что теперь становилось понятно, откуда у дочки шмотки, на которые можно купить элитный автомобиль. Властные родители, скорее всего, не прочат своей золотой девочке блистательную карьеру — отправили в СБ, чтобы подложить под кого-нибудь повыше, благо, с ее внешними данными это не составит труда. Причем, думая о данных, Ал имел в виду не только и не столько привлекательную внешность мисс Эледы, но еще и папину влиятельность, а также семейные деньги.

— Мистер Эдтон, вы еще не ушли? — мисс Ховерс заглянула в директорский кабинет и виновато улыбнулась. Следом неслышно зашел телохранитель — не тот полуседой, а другой, помоложе. — У вас отыщется минутка?

Ал кивнул:

— Разумеется. Нужна какая-то помощь?

Девушка потупилась:

— Хотела бы уточнить некоторые моменты. Кое-какие цифры мне не очень понятны, я ведь говорила, что впервые… и…

Эдтон придвинул ей стул:

— Нечего стесняться, все мы когда-то начинали. Что именно вам непонятно, мисс?

Эледа посмотрела на него с благодарностью и мягко сказала:

— Мне непонятно, мистер Эдтон, куда пропала одна из ваших воспитанниц — мисс Айя Геллан, прибывшая в интернат с производственной практики… — девушка бросила короткий взгляд на экран коммуникатора, сверяя данные, — тринадцатого ноября, в шестнадцать часов двенадцать минут.

У Аллана сердце упало в живот, однако усилием воли директор умудрился сохранить невозмутимость:

— Мисс Айя Геллан не прибывала в интернат. Мы скорбим о потере, но, понимаете… девочка поспешила и оступилась — упала на монорельс. Вы ведь знаете, какое там напряжение? Я ездил на опознание. Собственно, кремировать было почти нечего, однако…

Эледа Ховерс поднялась на ноги и улыбнулась. А мистер Эдтон поразился тому, какой неожиданно хищной вышла эта улыбка, мгновенно преобразившая прежде милое лицо. От робкой простодушной девочки не осталось и следа. Перед Алом стояла холеная стерва высшей пробы.

— Возьми-ка у него анализ крови, Винс, — по-прежнему сверля директора взглядом, ровно приказала Эледа телохранителю. — Что-то мои духи на него совсем не подействовали. Научникам будет интересно. Приложу к отчету о воздействии. Ай-ай-ай, мистер Эдтон, — продолжила мисс Ховерс, таким сладким и вкрадчивым голосом, что у ее собеседника от ужаса по спине пополз пот: — А ведь именно вы совсем недавно говорили мне, будто «цифры помогают ловить преступников». Итак, в шестнадцать тридцать три зафиксирован расход воды в боксе, где жила мисс Геллан. С шестнадцати тридцати трех до двадцати двух тридцати — расход электроэнергии. С ее планшета несколько раз осуществлялся выход в Сеть интерната, а ее учетные записи были активированы посредством сканирования индивидуального ключа с идентификационного браслета. Помимо этого, в столовой в тот день порционный лимит был превышен ровно на одного человека, что явствует из отчетных документов. Однако согласно данным, хранящимся у вас же, мисс Геллан не могла находиться в это время в интернате, поскольку была превращена в горстку праха в крематории номер пятьдесят один. Если это действительно так, то идентификационный браслет подвергся бы утилизации вместе с телом. Однако он каким-то образом продолжил работать еще сутки.

Теперь она говорила сухо и напористо, стоя перед столом Ала, а сам мистер Эдтон, утративший волю к возражениям, с ужасом смотрел, как громила в строгом костюме закатывает рукав его форменного пиджака и накладывает на плечо жгут.

— Итак, я повторю свой вопрос: куда пропала ваша воспитанница — мисс Айя Геллан, прибывшая в интернат с производственной практики?

Ал хотел говорить убедительно и уверенно, но вместо этого залопотал:

— Мисс Ховерс, агент, я ведь объясняю вам, девушка была кремирована и все документы…

Лицо проверяющей застыло, а взгляд голубых глаз стал ледяным и пронзительным. Куда-то безвозвратно исчезла застенчивая девушка, остался агент службы безопасности корпорации, воплощение власти и цинизма. И Аллан вздрогнул не то от ужаса, не то от вонзившейся в вену иглы.

В пробирку толчками заструилась темная кровь.

— Мистер Эдтон. Давайте вы не будете тратить мое время, его и так уже оставлено здесь слишком много. Айя Геллан пересекала КПП, была в своем боксе, а потом исчезла. Но спустя девять часов из зоны отчуждения, с территории сектора номер тридцать семь на ваш дежурный контакт поступил вызов. Естественно, перехваченный секторальной СБ. Звонившая представилась воспитанницей интерната и попросила помощи. Что за игры вы здесь ведете, господин директор? Вы продаете воспитанников на органы? Или отправляете их в черные сектора докторам-нелегалам? Ведь нет ничего проще, чем сделать пластическую операцию — пересадить глаза и кожу ладоней, а затем вернуть двойника. Как нет ничего проще, чем завербовать и перекодировать восемнадцатилетнюю девчонку, а потом возвратить ее обратно в чистый сектор и — вуаля! — у вас готовая террористка-смертница. А, может быть, вы через белые и черные сектора перегоняете талантливых студентов конкурирующей корпорации? Торговля одаренными детьми?

Директор вжался в спинку кресла и смотрел на агента Ховерс безумными глазами. По лицу его тек пот, а форменный галстук Аллан рванул так, что чуть не разорвал плотную синтетическую ткань.

В этот момент в кабинет вошел без стука второй телохранитель — амбал с тяжелой челюстью и близко посаженными глазами. Он с порога возвестил:

— Раскололся. Даже всерьез пугать не пришлось. Значок показал, пару историй припомнил — и бинго! Я ему отключалку кольнул. Пару часов проспит. Что будем делать? У меня здесь есть знакомые. Может, за периметр?

Мисс Ховерс выпрямилась, перестав нависать над допрашиваемым, и повернулась к подчиненному.

— Сколько он проживет за периметром, Батч?

— При плохом раскладе — пару дней, — развел бугай руками, потом секунду подумал и добавил: — При очень плохом — полдня.

— Батч, ты знаешь, что ты — уникальное явление? — нежно улыбнулась Эледа. — Гуманный каратель. Кому сказать, не поверят. В медлаболаториях *очень плохо* живут десятилетиями. Тебя, конечно, взяли не за остроту ума, но учись, наконец, мыслить шире.

И она вновь повернулась к Аллану:

— Я надеюсь, вы понимаете, господин директор, — это обращение девушка выговорила с особым нажимом, — что мне не обязательно выпытывать у вас подробности дела? Доказательств

достаточно. Поддельные справки из крематория, информация с приборов учета, разбор записей видеонаблюдения, а уж отследить звонок и вовсе дело техники. Плевать на эту девушку. Кому она нужна, верно? Но вот вы, мистер Эдтон… очень интересная личность. С вами беседовать, не перебеседовать, говорить, не переговорить. Но ведь и говорить тоже можно по-разному, верно? Например, под допросной химией. Кстати, вы знаете, что у некачественной допросной химии бывают весьма неожиданные побочные эффекты?

Она отошла от стола и посмотрелась в зеркало. Поправила прическу и лацканы дорогого пиджака, после чего, не глядя на бледного до синевы директора, продолжила:

— А еще корпорация ценит раскаяние и особенно искреннее сотрудничество.

Эледа перевела взгляд на комкающего в кулаке узел галстука Ала и доброжелательно сказала:

— Поэтому я бы советовала вам надиктовать чистосердечное, мистер Эдтон. И чем быстрее, тем лучше. Надиктовать, раскаяться, выдать сообщников. Тогда вам удастся выторговать к себе снисхождение. Если же замешкаетесь, снисхождения не будет. Безопасность корпорации — закон. А вы посмели его нарушить. Вы — враг, мистер Эдтон. Похуже тех крыс, что живут в черных секторах и именуют себя людьми. А что делают с крысами? — Агент Ховерс выдержала небольшую паузу и сама же ответила на заданный вопрос: — Их истребляют. Впрочем, некоторых забирают на опыты.

Мисс Эледа положила на стол портативный голограммер, выставила его в режим записи и сказала:

— Рассказывайте, господин директор. И постарайтесь не упустить ни малейшей подробности. А я пока посмотрю и послушаю, что же поведал мистер Рик. Надеюсь, ваши показания не вступят в противоречие с его.

И она надела легкие прозрачные очки информера, а Аллан Эдтон севшим голосом начал говорить в черное окно голограммера.

* * *

Керро проводил Ушлого взглядом, слегка поколебался и отключил электронику очков, превращая их просто в надежную защиту глаз. Техника — техникой, но чутье тоже надо иногда тренировать, спускать с поводка, а то однажды, несмотря на все возможности носимого электронного комплекса, не почувствуешь

взгляда в спину. И, очень может быть, это будет последнее, что ты не почувствуешь.

Старая сорокаэтажка, где жили хакеры, стояла в нескольких кварталах к северу и возвышалась над районом, словно гигантская свеча. Когда-то в этот дом вселилась группировка, предложившая жителям сектора обеспечить их связью. Поставили аппаратуру, начали работать… Многие тогда пытались прижать новичков к ногтю. Не срослось. «Связисты» оказались зубастыми. А связь нужна всем. Так от них и отстали. А потом к собратьям по цифре начали подселяться их вольные коллеги смежных, так сказать, специальностей, благо второй вход в высотке таки был.

Керро шел по улице, задумчиво глядя перед собой. Вокруг все было как обычно: толпились у лотков покупатели, вразвалочку ходили сквозь толпу пацаны из уличной шпаны — выискивали легкую добычу, на углу каждого квартала сидели за столиками наблюдатели и курьеры банд, готовые в случае внезапной заварушки мгновенно привести своих и урвать кусок. В общем, люди продавали и покупали, пили и ели, трепались и шли по своим делам. А этот вот уже никуда не идет — лежит в ледяной луже. То ли нажрался до отруба, то ли местные шакалята по голове дали. В любом случае — не жилец.

Улица тянулась. Тучи нависали, цепляясь за верхушки домов. Всё вокруг было серое, мокрое и холодное. А потом впереди мелькнула яркая синяя юбка, и Керро пошел быстрее.

Девушку в странном наряде он нагнал на углу квартала:

— О, леди МакГи! Одна ли вы здесь или со всеми своими?

Она рывком обернулась.

Надо же, год ведь прошел, а совсем не изменилась — что в то время казалась девчонкой, что теперь. Керро познакомился с ней пару лет назад, когда МакГи было девятнадцать, и тогда она тоже выглядела как четырнадцатилетняя. От той прежней она отличалась разве только новым нарядом — потеплее и подороже, фасон же остался неизменен: фартучек с кружевами, забрызганный бурыми пятнами крови, пушистая юбка, короткое пальтишко-курточка, полосатые колготки, высокие сапожки, синяя лента в темных волосах и глазищи в пол-лица. Даже автомат и бандольеру с магазинами носит все так же — с непринужденной детской непосредственностью. Словно игрушки. И любимый нож висит, как обычно, наискось за спиной.

— Керро? — девушка будто вышла из транса. — Керро!

И она сделала реверанс, а потом подскочила и поцеловала его в щеку:

— Сколько раз тебе говорить, что никакая я не леди? Для тебя Алиса и только Алиса! — она кокетливо покружилась.

— Просто ты так забавно вздрагиваешь, — усмехнулся Керро и снова спросил: — Ты одна в наш тридцать седьмой или со всеми своими?

— Не со всеми, — из глаз девушки исчезло веселье. — Братец сорвался. Его Доктор Куин держала, сколько могла, но не удержала. В двадцатом секторе… Мы его в моток колючей проволоки замотали и у дороги оставили, чтоб вслед нам глядел. Как домик мечты найдем, пусть смотрит и завидует. Банни вот тоже пропал куда-то. Чтоб ему подольше не возвращаться, озабоченному. Я ж не железная, елы-палы.

Во время этой речи она вышла из образа, и сейчас перед Керро стояла уже не девочка-подросток, но красивая молодая женщина в странном наряде. Он и прежде видел эту метаморфозу, однако каждый раз удивлялся.

— А здесь чего ищешь? — спросил он. — Тут вашего домика точно нет.

В ответ Алиса погрозила пальчиком:

— Не скажи. Никто не знает, где наш белый домик мечты. Эсмеральда гадала-гадала, глядела-глядела и сказала: «Там где-то. Не очень далеко». Ну, мы и отправились. Наши сейчас устраиваются, а я пошла бармаглотьи следы поискать. Вдруг? Вот, хожу. Пока не нашла, но сам знаешь — с бармаглотами это ничего не значит!

Керро подумал, что «там где-то, не очень далеко» — это совсем не то расстояние, которое проделали Алисины спутники из двадцатого сектора в тридцать седьмой. Тут скорее бы подошло — «до хрена и еще чуть-чуть». Но, похоже, ей было все равно. Двести километров — довольно условное расстояние для того, кто находится в поиске несуществующей фигни.

Поэтому он ответил:

— Конечно, не значит. Слуг королевы все убиваешь?

Она помрачнела и дернула плечом:

— Надоело. Одного убью, сразу еще двое-трое набегают. Сколько можно! Но они теперь боятся и на глаза мне не показываются, а спецом я их уже не ищу. Слушай, а приходи вечером в гости? Мы на второй радиальной во дворах, ну, неподалеку от оружейного остановились. Наши все рады будут.

Девушка поглядела с надеждой, и собеседник кивнул:

— Найду обязательно.

— Тогда чао! — Алиса-МакГи послала мужчине воздушный поцелуй и достала тот самый нож, который Керро же ей и подарил в день их расставания. — До вечера!

И, подмигнув, заторопилась дальше. А взгляд снова стал отрешенным, пустым.

Керро только головой покачал и отправился туда, куда шел, благо до хакерской высотки оставалось полквартала.

* * *

Старая многоэтажка. К входу «связистов» соваться без предупреждения, конечно, не стоило, а к черному — почему нет?

За давно выбитой дверью царила абсолютная темнота — окна первых пяти этажей заложили кирпичом еще несколько лет назад. В целом, тут было так же, как и везде: холод, разруха, под ногами обломки бетона.

Кое-где лестничные пролеты нарочно обрушили, чтобы сделать из высотки настоящую неприступную башню. Тут приходилось подниматься по криво вбитым в стену штырям ржавой арматуры. Одна радость: хотя бы автоматические турели цифроголовые здесь так и не поставили — не сумели друг с другом договориться. А вот выше в коридорах кое-кто раскошелился.

Керро включил очки и перевел их в режим ночного видения, а потом, слегка поколебавшись, добавил режим активного сканирования. Местные обитатели с головой дружили не все и, хотя шанс нарваться на растяжку (или, скорее, мину с активацией по прерыванию луча) был невелик, но всяко выше нуля.

Забавно, что уже с десятого этажа, где хакеры, собственно, и обретались, становилось относительно чисто. Оно и понятно. Из своих берлог ребята выбираются редко, а жить в дерьме мало кому приятно. Хотя… Доку, вон, нравилось.

На пятнадцатом Керро свернул в, казалось бы, тупиковый переход, где сдвинул валяющийся на полу кирпич и застыл в поле обзора скрытой камеры. Несколько секунд невидимый глазок сканировал его, а потом в монолитной стене открылась узкая невысокая дверь.

— Хой, Керро! — Цифрыч, как обычно, поленился подняться. — Ушлый сказал, ты очочки хочешь настроить? Чё не так-то?

— Не, с очками норма, — отмахнулся Керро. — Давай в глухую комнату, там расскажу.

Хакер, обвисавший в кресле перед голокубом и четырьмя мониторами, оторвался от экранов и, наконец-то, поглядел на гостя.

Цифири было лет двадцать — тощий, мелкий, наглый, с выбритыми висками и татуировкой в виде вскрытого черепа на полбашки. Если бы не острый ум, давно бы грохнули — слишком дерзкий. Но в своем деле до крайности толковый и упертый. Это ценили. Особенно после того, как он договорился с Ушлым.

На каких условиях авторитет предоставил хакеру покровительство, никто не знал, но непосредственно Керро на их дела было пофиг. Тем более, после этого и для него самого цены на услуги Цифрыча сильно упали.

— В глухую комнату? — парень встал с кресла и подтянул свободные, облепленные множеством карманов штаны. — Ну, идем.

Когда дверь в радионепрозрачную каморку закрылась и сантиметровый слой железа начисто отрезал собеседников от окружающего мира, Керро вытащил из внутреннего кармана куртки радионепрозрачный футляр.

— Что скажешь?

Цифирь привычно прошелся по периметру химсканером, выискивая следы взрывчатки или отравы, затем приоткрыл чехол, вытряхнул электронный блок и сразу же известил:

— Сайбер Систем икс двадцатый. Уже года два как выпускается. Ничего сильно хитрого, но штука толковая. Подсоединяешь к любому компу, и удаленный оператор может его взломать. В условиях радиоподавления способен отработать и автономно по заданной ранее программе. Эффективность, конечно, будет ниже.

Керро задумчиво почесал ладонь о подбородок и сказал:

— Я сегодня Мусорного Дока грохнул. А через три часа туда пришли другие ребятки и подсоединили к доковскому компу эту вот штуку. Через тридцать минут отключили и ушли. Можешь сказать, что эта херня вытянула, куда передала, откуда управлялась и все прочее такое?

— Это придурки из десятых? Нефемины-то? Наслышан. Их хакер хныкал уже, — Цифирь хмыкнул, задумчиво поглядел на объект изучения и протянул: — А по этой хрени не обещаю. Давай так. За попытку — мне эту фиговину. Цену информации назову, когда достану.

— Ок. И, раз уж мы тут, проскань, что ли, меня на передатчики, — Керро положил на стол пару купюр.

Собеседник склонился к голографическому планшету и кивнул на дверь в дальней стене, подождал, пока посетитель скроется за ней, после чего нажал несколько кнопок и кинул в створку завалявшуюся гайку:

— Чист, как бонза из белого сектора, — сообщил он появившемуся Керро. — Даже электроника твоя практически не фонит.

— Вот и славно. Тогда, как управишься, скинь вызов…

Звонок древнего проводного телефона отвлёк Цифрыча от разговора.

— А?.. Ага, Ушлый. Он здесь стоит…

Керро взял у хакера протянутую трубку.

— Да. Нет, свободен. Буду.

* * *

Бар «Две хризантемы» был куда пафоснее «Девяти жизней». Правда, что такое эти самые хризантемы — не знал никто в округе. Но слово было прикольное. Людям нравилось. Да и кормили здесь намного лучше, чем у Джувза, который основной упор в бизнесе делал все-таки на выпивку. К тому же тут у незнакомых посетителей оружие отбирали на входе. Наверное, именно потому ходили сюда только свои.

Ну и внутри тоже было культурно — столы, стулья — все настоящее, а не сколоченное из какой-то херни при помощи такой-то матери. Тепло, официантки. И даже в юбках. Хотя девки все, как одна, потасканные, но дело свое знали хорошо. Во всех смыслах этого слова. Опять же, светло и даже музыка бренчала. Одним словом, благолепие. А еще для тех, кто хочет поговорить так, чтобы не услышали лишние уши — крохотные отгороженные кабинетики без окон и с системой антиподслушивания. Но Ушлый даже тут предпочел включить еще и свою глушилку. Керро, глядя на это, только покачал головой. И хотя весь рассказ занял не больше двух минут, цена информации оказалась достойна паранойи.

— …Такие дела, — Ушлый развел руками, и свет диодной лампы ярко вспыхнул на его глянцевой лысине. — Придурки из десятых облажались, и их заказчики вышли уже на меня, Бивня и Патлатого.

— Я уже сказал, донор был. В задней комнатушке валялось мордой в матрас хер поймешь что. Не то парень, не то девка.

— Не то парень, не то девка? — Ушлый ухмыльнулся — А что еще могло там валяться? Перешитый что ли какой? Ты его не добил?

— Зачем? — удивился Керро.

— Ну да. Можешь хоть предположить, где он сейчас ныкается?

Собеседник усмехнулся:

— Ушлый, ты меня с кролевой Матерью Терезой не перепутал случайно? Я что — подписывался помогать всякой херне? Понятия не имею. Зачем тебе?

— Предлагают сто штук… — печально сказал авторитет. — И по ходу можно поторговаться.

Он потрогал лежащую на краю стола шляпу, а Керро присвистнул:

— Хера се. Нет, не знаю, где он может быть. Но если найду, до тебя дотащу.

— Давай, — воодушевился собеседник. — За посредничество возьму адекватный процент. Кстати, о кролях… опять они к нам приперлись.

— Знаю. Алису встретил.

Ушлый надел шляпу и попросил:

— Ты попробуй их убедить на моих территориях не сильно того…

— Попробую… — кивнул Керро, но тут же оговорился: — Без гарантий. Кроли — это кроли. Сам знаешь.

— Знаю, — вздохнул авторитет. — Еще как знаю. Но если сможешь, с меня подгон.

С этими словами он застегнул пальто и, кивнув телохранителям, вышел.

* * *

Керро подождал, пока дверь кабинетика за Ушлым и его амбалами закроется, после чего коснулся кнопки на дужке очков.

Перед глазами всплыло полупрозрачное виртуальное меню. Видеолог был вызван и прокручен в несколько нажатий, после чего регистратор послушно начал повторять снятое нынешним утром.

Дока с его безвременной кончиной рейдер перемотал, а вот на моменте обыска загаженной квартирки включил воспроизведение: отлетающая в сторону дверь, темная каморка и зашуганная девка на узкой койке. Стоп. Керро вгляделся в лицо цели. Приблизил.

Копать-колотить! И за это сто штук? Но ведь кто-то же среагировал буквально в течение часа с момента ее попадания к Доку! Взглянуть-то не на что: нескладная, тощая, грязная, в замызганном подростковом бельишке. Вторичные половые признаки едва угадываются. На вид лет семнадцать-восемнадцать. Внешность — ни кожи, ни рожи. Некрасивая. Рыжая. Причем рыжая той особенной бледной рыжиной, которая по цвету схожа с высохшей на солнце ржавчиной. Брови прямые. Волосы сосульками чуть ниже плеч. А лицо и тело в крупных кляксах веснушек. Глаза темные. Вообще, внешность приметная. Из-за веснушек главным образом. Любопытно, кому она сдалась и зачем?

Ладно, глядишь, Цифрыч нароет, чего такого особенного в этом затравленном чучеле. У Керро другая забота — чучело отыскать. Хм. Десять часов прошло… Многовато для такой ссыкухи. Ну, если не пережила, то не пережила. Ничего не поделаешь. Всех денег не заработать.

Он задумался. Идти в логово Дока смысла нет — в квартирке наверняка уже пошарились гонцы от местных бонз. И даже если до их прихода там было что-то, способное навести на след, то теперь уж точно нет… Значит, надо навестить тех, кто успел попастись в хате сразу после ухода рыжей — ангело-демонов. Если повезет (им повезет), то чего-нибудь полезное, глядишь, и припомнят.

Керро выделил и сохранил кадр, на котором лучше всего было видно лицо девчонки. Теперь, если понадобится, можно мгновенно вывести снимок цели на выносной экран или себе в поле зрения.

Выходя из «Двух хризантем», рейдер довольно усмехнулся. Что может быть азартнее охоты на человека? Только охота на опасного человека. Рыжую, конечно, к категории опасных причислять все равно, что дока — к категории чистюль, но… Но интуиция шептала: судя по озвученным ставкам, едва начнётся заварушка, за опасными людьми дело не станет. Это уж наверняка.

К счастью, идти до самой норы ангело-демонов не потребовалось. На подходе к двадцать шестой в толпе мелькнул парень в черной куртке с нарисованными на ней красными рогами. Керро уже видел этого ушлепка, когда наведывался на ангело-демонскую хату. Тогда рогатый, получив в грызло, сдриснул в окно, а догонять его было лениво.

Сейчас же ссыкливое чмо дерганой походкой шагало в никуда, вытаращив глаза и пялясь вокруг с восторгом идиота.

— Эй, парень, — нагнал торчка Керро. — Ты, часом, не из Демонов Рая?

Он развернул парня к себе.

— Из Нефилимов Света, — тщательно выговаривая слова заплетающимся языком, ответил рогатый и тут же с восхищением сообщил: — Мужик, а ты сияешь! Ты, знаешь, что ты сияешь? — речь быстро утрачивала внятность. — Как гребаная лампочка! Как гребаное солнце!

— Знаю, — Керро ухмыльнулся. — Хочешь так же?

— Ты еще спрашиваешь! — парень вцепился ему в плечо и с благоговейным восторгом уточнил: — Как гребаный фонарь?

— А то! — заверил его Керро, развернул и поволок за собой, не давая сообразить, что к чему. — Даже ярче. Как гребаный

прожектор.

Ангело-демон бежал, путаясь в ногах, и дебиловато улыбался, не понимая, что волокут его к уличному доктору. Собственно, он ничего не понял даже когда его туда приволокли, протащили в манипуляционную и толкнули на старое кресло, обтянутое дерматином, из прорех которого торчали клочья рыжего поролона.

— Док, намешай телу «черное сияние», — попросил Керро.

Невысокий плотный мужчина в возрасте «глубоко за пятьдесят» вышел на шум из-за медицинской ширмы, стряхнул с седой бороды крошки, отпил из пластикового стакана горячего сублимата и флегматично спросил:

— Керро, тебя сегодня долго по голове били? Где я вот так вдруг «сияние» добуду?

В ответ на это гость усмехнулся и ткнул пальцем в дурковато лыбящегося «пациента»:

— «Сияние» уже внутри. Ты просто всем остальным закинь.

Док снял со лба очки, нацепил их на нос и вгляделся ангело-демону в лицо. Оттянул торчку сперва одно веко, потом другое, осмотрел дешевый прикид и спросил, повернувшись к тому, кто приволок тело:

— Откуда у этого убогого такое дорогое ширево? — он снова сдвинул очки на лоб и сказал: — Ладно, намешаю. Но если ты с наркотой ошибся, то не сработает. И уж тогда — без претензий. При всем уважении.

Керро кивнул.

Пока эскулап набирал из разных ампул в шприц компоненты, его гость неторопливо фиксировал в кресле клиента. Тот по-прежнему тупо хихикал и изредка шептал: «Сияет!»

Подошедший док решил не утруждаться протиранием грязной ангело-демоновой руки антисептиком — без затей вогнал иглу в вену и ввел смесь.

— А теперь, док, — Керро протянул хозяину три крупные купюры, — иди, погуляй часок. Мы тут пообщаемся.

Мужчина на это пожал плечами, подхватил с вешалки потасканную куртку и вышел, прикрыв за собой дверь. В это самое время ангело-демоническая херь в кресле начала подавать признаки активной жизни путем вялых, едва заметных подергиваний, более похожих на сонное вздрагивание.

Однако когда Керро подошел к нефилиму, тот бешено вращал глазами, силясь преодолеть оцепенение. В мозгу, видать, начало проясняться. Что ж, пора бы.

Керро поставил рядом с креслом стул и уселся так, чтобы контролировать вход в манипуляционную, но при этом быть в

поле зрения привязанного торчка. Взгляд последнего наполнился ужасом. Осознал, куда попал, осознал, кто рядом, осознал, что дело плохо. Совсем. А еще осознал, что тело не подчиняется и от слабых трепыханий толку ноль. Хорошо.

— Голова уже соображает, но паралич не отошел. Не дергайся. Все равно бесполезно. Я пока объясню, что с тобой происходит, — равнодушно заговорил Керро. — Тебя потихоньку начинает жечь изнутри. И будет жечь все сильнее и сильнее. Во всяком случае, пока я не введу антидот. Или пока ты не помрешь от болевого шока. Начнешь орать, я встану и уйду. Покажется, что лжешь, я встану и уйду. Твои слова будут противоречить уже известному мне, я встану и уйду. Долбоебов у вас аж три десятка. Не захочешь говорить — поймаю какого-нибудь еще, покажу тебя, он посмотрит и поумнеет. Кивни, если понял.

Теперь привязанный смотрел с яростью, но не шевелился. Решил в горделивое достоинство поиграть. Рейдер на этот порыв сокрушенно вздохнул и поднялся.

— Что ж, для следующего ты будешь впечатляющей иллюстрацией, как раз сдохнуть не успеешь, — он сделал шаг к двери, но дикий хрип из кресла дал понять, что «пациент» таки созрел для беседы. — Значит, будем общаться?

Ангело-демон бешено закивал.

Видать, сильно эта хрень жжется.

— Отлично. Как сможешь говорить — начинай, — Керро снова устроился на стуле.

Ждать пришлось недолго. Инъекция делала свое дело — должным образом вдохновляла жертву и будила в ней красноречие, а боль вытесняла онемение в теле. Через пять минут нефилим обрел голос.

— С-с-сука! — прохрипел он. — Чего тебе надо-то?

Собеседник усмехнулся:

— Язык придержи. Смерть от «черного сияния» — мерзкая смерть, правда, тело потом выглядит изумительно. Слушай сюда. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Быстро, четко и не задумываясь. Понял?

— Да. С… — парень проглотил окончание слова, а его мучитель сделал вид, что не понял, чего тот хотел выдавить.

— Откуда у вас «сияние»? — спросил Керро.

— Утром у дока с мусорной кучи были. Там нашли.

— Сколько взяли денег?

— Две сотни.

— Че так мало?

— Сколько нашли.

— Искали хорошо?

— Уж постарались.

— Сколько «сияния» нарыли?

— Пять шайб.

— Долго искали?

— Нет. Оно возле чемоданчика валялось, — по лицу допрашиваемого полз пот, а глаза мутнели от боли.

— А медукладка где была? — рейдер остался равнодушен к страданиям.

— В операционной, в уголке. Раскрытая уже.

Керро мысленно восстановил в памяти манипуляционную Дока. Полевая укладка точно была закрыта и лежала на верхних полках.

То есть рыжая вскрыла укладку, взяла что-то из нее, но при этом оставила дорогущую наркоту, пары кристаллов которой хватило бы на день безбедного существования. Не знала? Но про «сияние» даже детям известно. Даже в белейших из белых секторов.

Что ж, по крайней мере, можно точно сказать, что девка совсем не в курсе жизни на улице.

— Мужик, дай антидот! — взвыл привязанный. — Жжется, бля!!!

И он задергался в ремнях — бледный и потный.

— Отстань, само через полчаса пройдет, — отмахнулся собеседник, продолжая размышлять.

— Но… ах ты… су… — договорить нефелим не успел.

Керро достал нож и медленно, чуть цепляя кожу, провел косую черту по ангело-демонову предплечью. Потекла кровь, а несвоевременно обнаглевший торчок зашипел, но не столько от боли, сколько от неожиданности.

— Через десять минут, может, даже раньше, — сказал спокойно рейдер, — сюда вернется хозяин. Потрать это время с пользой. Подумай, как убедить уличного дока отстегнуть ремни и не распотрошить тебя на ливерный набор.

После этого он поднялся со стула и ушел, бросив «пациента» хрипеть и биться в путах.

Камеры заднего вида, вмонтированные в дужки очков, транслировали происходящее в левом нижнем углу линзы, поэтому Керро видел, как возвратившийся док заскочил обратно в свои владения. То-то наживется на нефилиме. В этом районе в ближайшую неделю уж точно не стоит искать медицинской помощи. Полторы сотни от Керро, плюс то, что эскулап стрясет с банды… в загул отправится надолго.

Итак, что мы имеем?

Молодая, жизни не знает, «сияние» оставила, но, как умела,

собиралась в дорогу и взяла медикаменты…

Блин, ну не из корпсектора же она! Так не бывает — из корпсектора на ливер не крадут.

Ладно, это лирика, с этим после.

Керро верил, что, раз у девчонки достало ума захватить лекарства, значит, шмотки она точно взяла. Потому что если не взяла, то и искать уже бессмысленно — давно замерзла. Жаль, что в доковом барахле рыжая совсем не будет выделяться в толпе — оборванцев в одежде с чужого плеча вокруг полным-полно.

Ок. Предположим, девчонка, одетая, с лекарствами, то есть кое-как экипированная, вышла на улицу и двинулась… Тьфу ты, ёптель! С того момента, как она покинула хату убиенного, времени прошло часов десять! По спирали искать уже бессмысленно. Давно уже бессмысленно. Лады. А если поставить себя на ее место? Страшно, где ты — неизвестно, знакомых нет, все вокруг чужое… Куда она пойдет? Хрен ее знает!

Хорошо, куда бы пошел он сам? Ответ на такой идиотский вопрос напрашивался такой же идиотский: куда угодно, главное — подальше и побыстрее! О! То есть по второй радиальной.

Что ж решение не хуже и не лучше любого другого. Это пусть псы бонз рыщут по всем направлениям. Одиночка себе такого позволить не может. А если Керро ошибся… потеряет только время, благо, его с избытком. Серьезного-то дела все равно нет.

Мелькали дворы и закоулки, чьи-то лица и спины, витрины и прилавки. Пару раз приглашающе смотрели шлюхи из совсем опустившихся. Правда, тут же поспешно отступали. Понимали: человек по делу идет, лучше не соваться. Целее будешь.

Керро на представительниц первой древнейшей внимания не обращал. Глаза по привычке выискивали угрозу, перекидываясь с осмотра улицы на изображение камер заднего вида и обратно, ноги несли, куда надо, руки готовы были мгновенно достать оружие, а голова… голова думала.

Вот и вторая радиальная — километр от площади. Рейдер прикинул время… Полчаса. Нет. Обувь на девчонке чужая, значит, вряд ли впору. Он вызвал на очки стоп-кадр с утренней записи. Ну, да, точно — босая. Босая, затрушенная, уставшая… час. Плюс не менее часа на сборы. Даже по самым приблизительным подсчетам выходит, что рыжая была тут семь-восемь часов назад. Если была. И если тут.

Раннее утро. Как раз народ на улицы начал выползать, а порыв бесцельно драпать у девчонки к этому моменту, наверняка, исчерпался. Как и силы. То есть подошло время определиться и решать, что делать. А она хоть знает, где оказалась? Вряд ли. Керро следил за халупой Дока с трех ночи… Донора занесли

парализованную — вытащили из багажника, как мешок с мусором. Само собой, если накачали наркотой, значит, везли издалека. Плюсуем к увиденному еще и тот факт, что путешествовала рыжая в багажнике. Нет, не знает. Точно не знает. Будет расспрашивать. У кого?

Торговцы… Без покупки их не разговорить. Прохожие… Ну, может, пару раз пробовала кого-нибудь остановить, но ее, наверняка, даже слушать не стали.

Хрень какая. А кто бы мог девчонку запомнить? Мля, да никто! Хоть она стриптиз посреди улицы устрой, тут и не такое видели.

Голяк. И главное — неясно, куда ей надо. Может, она те пять штук, которые Док за свою жизнь предлагал, нашла и сейчас нежится в нормальной ночлежке?

Вряд ли. Док бабки явно не у себя держал. Он, конечно, с наркотой своей совсем опустился, но еще не настолько головой поплыл. А расспросить его девчонка уже не могла. Керро усмехнулся.

Ладно, завтра можно будет наведаться к Цифрычу, узнать, что он вытянул из приблуды. Глядишь, там и получится разобраться, откуда эта рыжая, чем ценна и где ее искать.

А пока думаем дальше. Банды? Не, голяк. По шпане и уличным группировкам пройдутся псы бонз, и рейдеру после них ловить нечего — старателей больше и начали они раньше. Органлегеры? Тут Керро скрипнул зубами — аналогично.

Итак, кто мог девку заметить и запомнить?

Тьфу! Да никто. Она не выделяется из толпы. А и выделялась бы, все, кто шарился в этом районе утром, уже давно рассосались. Если рыжая попалась банде или органлегерам, ее уже тащат к кому-нибудь из местных авторитетов — к Бивню ли, к Патлатому ли, к Ушлому ли — одна фигня. Ни один из них не станет сообщать остальным о добыче. В конце концов, пусть соперники носятся и теряют время.

Игра с нулевой суммой, когда чужой проигрыш — это твой выигрыш.

Ну, что? Остается только признать поражение. Тем более, что уже темнеет. В общем, даже в том случае, если рыжая жива, невредима и сумела сделать ноги от всех, кто ее ищет, теперь она забилась в щель поукромней и не отсвечивает. Можно пройти в двух шагах и не заметить. Хе! А ведь есть те, кто могли обратить внимание на девчонку, есть!!! Кролики. Тем более удачно, что они в гости пригласили и явно по округе пошлялись днем. У ребят на все чудн***о***е чутье отточено.

К тому же кролям не палевно показать снимок! Они-то с

бонзами делиться не станут. Так что, если рыжая переживет ночь, то с утра, глядишь, Керро узнает о ней больше. Да и кролей можно будет подписать на поиски. Благо не впервой.

Ну, а нет, так нет. В любом случае охота, даже неудачная, приятно встряхнула и взбудоражила нервы. Все лучше, чем сидеть где-нибудь у Джувза и цедить пиво, ожидая явления очередных полудурков, которые захотят испробовать кирпичную стойку на крепость, а свои черепа — на иммунитет к свинцу.

Поэтому — к кроликам.

Керро на всякий случай вывел на очки снимок цели. Мало ли. Удача бывает слепая, дурная и уже ненужная. Но ведь таки бывает. И иногда ее даже можно приманить.

* * *

Айя орала и билась. Ее обступили со всех сторон. Держали крепко. Одежду стягивали, отшвыривая в сторону. Она не видела лиц, ничего не видела: весь ее ужас сосредоточился на одном предмете — тонком шприце с длинной иглой.

Шприц. Игла. Капля препарата стекает по тонкой стали. А на острие живет боль. Боль всегда разная — глухая и раскатистая, расходящаяся по телу волнами, резкая и жгучая, раздирающая плоть, скручивающая мышцы в жгуты, тупая и долгая, бьющаяся мучительным эхом в нервные окончания, пульсирующая, тянущая… У боли сотни оттенков. И каждая новая боль никогда не бывает похожей на предшествующую.

— Нет, нет, нет!!! — Айя дрыгалась, рвалась, кричала, но добилась лишь того, что на нее навалились всей тяжестью. Не шевельнуться.

Люди, которые несут боль на кончике иглы, всегда побеждают. Это неизбежно. И игла всегда попадает в вену. Укол — точный и быстрый, но всякий раз кажется, будто вена хрустит, как хрящ, а игла погружается в плоть медленно, словно получая наслаждение. А потом поршень выдавливает содержимое из пластикового цилиндра, и Айя сразу слабеет. Обмякает. Тогда ее перестают держать и оставляют один на один с болью.

В этот раз было так же. Она кричала, пыталась вырваться, пыталась лягаться, даже попробовала укусить чью-то оказавшуюся в опасной близости руку, но опять не смогла защититься.

Противный хруст. Игла в вене. Поршень приходит в движение.

Боли не было. На хрипящую Айю будто накинули глухое покрывало. Оно отрезало звуки, свет, движение, прикосновения,

опутало, оплело, сковало тело, парализовало мысли, заставило отступить боль и ужас. И девушка утонула в темноте, ослепнув, оглохнув, перестав соображать.

…- А говорила — не железная…

Мягкий мужской голос звучал где-то рядом. Теплый. Спокойный. Уютный.

— И скажу: «Не железная». Так и ты не озабоченный, — в голосе женщины слышалась улыбка.

— Ко мне потом пойдем? — спросил собеседник, и голос сделался тише.

— Нет, — ответили ему. — Прости. На твоих лежках здорово, но слишком расслабляешься. Потом на улице тяжко.

Мужчина хмыкнул и сказал с плохо скрываемым сожалением:

— Нет, так нет, — однако сразу же прежним вкрадчивым голосом снова предложил: — Пойдем?

Раздался тихий смех:

— Отстань. И очки свои не надевай… Ты в них слишком много видишь.

— Как скажешь, моя леди…

— Не ёрничай, — представилось, что незнакомка легонько толкает своего собеседника в плечо. — Пошли к остальным?

Послышался шорох надеваемой одежды, а через минуту — удаляющиеся шаги. Стало тихо.

Айя смотрела в полумрак, с трудом соображая, что с ней, где она, кто и о чем говорил и почему беседующих мужчину и женщину не было видно. А еще — откуда этот слабый, мягкий, такой уютный свет и негромкое потрескивание?

Тут было тепло. И спокойно. Айя лежала на чем-то мягком и отрешенно скользила взглядом по стенам. Одна была разрисована граффити. Но не виденной ранее мешаниной острых угловатых букв, не похабщиной, как на улицах, а чем-то красивым. В полумраке удалось различить лесную дорогу, тянущуюся среди деревьев, и в просвете стволов — дом, в окне которого горит свет. Красиво… Что-то было там еще, но в темноте не разобрать.

Девушка поднялась на локте и огляделась. Большая комната. Ни мусора на полу, ни битого бетона. Оконный проем затянут пленкой, в углу стоит железная бочка из-под машинного масла. Сверху из нее торчит труба, выведенная в пробоину в стене, а в самой бочке вырезана дверца, подпертая сейчас кирпичом. И за дверцей горит огонь. Настоящий огонь! И это он так потрескивает.

Айя села рывком и лишь в эту минуту поняла, что вместо одежды на ней только приклеенный пластырем перевязочный пакет на боку, а еще теплое одеяло, которым кто-то заботливо ее

укрыл. Девушка огляделась по сторонам в надежде отыскать свои вещи. Увы, их нигде не было, только вдоль стен лежали развернутые спальники. Но, ни рюкзака, ни даже брошенной в кучу одежды, не говоря уже об оружии. Ничего.

Голая. Во всех смыслах этого слова. Айя покосилась на противоположную стену, в которой виднелся дверной проем. Мужчина и женщина, похоже, вышли из соседней комнаты за полуобрушенной стеной, и оттуда же лился мягкий приглушенный свет. Не электрический. Такой приятный, теплый, но очень уж бледный.

Сидеть в темноте голышом, закутавшись в одеяло, было хорошо и спокойно. Вставать не хотелось. Ведь за подъемом неизбежно придется искать выход из ситуации, принимать решения… А пока сидишь, слушая потрескивание огня в бочке, можно ни о чем не думать.

Впрочем, не думать в черном секторе опасно для жизни. И тот, кто Айю сюда притащил, вряд ли сделал это по доброте душевной. Девушка, закусив губу, отлепила пластырь и заглянула под перевязочный пакет. Глубокая борозда, оставленная пулей, пропахала правый бок. Однако сейчас безобразная рана была обработана, а перевязочный пакет, судя по всему, пропитали раствором, ускоряющим регенерацию. К утру, наверное, останется только рубец.

* * *

Нескладный парень в ярко-красном полукомбинезоне на голое тело ни минуты не мог усидеть на месте. Он ерзал, крутился, вертелся, вскакивал, начинал бегать по комнате:

— Собака ты страшный! Ни респекта, ни уважухи! Пришел и сразу к Алисе. Чё за игнор?

Керро откинулся на импровизированной лавке и ухмыльнулся:

— Роджер, вы меня в гости звали? Звали. Я пришел? Пришел. Кто встретил? Алиса!!!

И он развел руками, как бы давая понять, что просто судьба.

Собеседник на миг остановился, почесал себя за ухом и встрепенулся:

— Типа, кто встретил, того и отымел? — он заржал. — Тогда мне повезло! — и тут же шмыгнул к окну, чтобы выглянуть на улицу.

— Пришел старый друг, — напомнил Керро и спросил: — Ты где в это время ошивался? С Дровосеком машину ставил, чтобы

сектор огня поудачней был. И кто кого не уважает после этого? Одна Алиса мне и порадовалась.

— Но потом-то… — заговорил собеседник, обежав вокруг лавки.

— А потом мы с Алисой заняты были, — отрезал рейдер.

— Заняты они были! — Роджер покосился на Алису, которая самозабвенно полировала тряпочкой нож, и сказал рейдеру: — Банни на тебя нету.

— А и был бы? — пожал тот плечами. — В прошлый раз ему морду набил и в этот повторил бы. Ты вот что скажи: подработать хочешь? Всей вашей бандой.

— Если главному делу не будет мешать, че нет-то? — вопросом на вопрос ответил Роджер.

— Вот смотри, — Керро достал выносной экранчик и вывел на него сохраненный кадр с Рыжей. — Ранним утром была у мусорного кургана. Могла пробегать здесь, а могла здесь же и застрять.

Его собеседник мельком глянул на снимок, хмыкнул, после чего опять пришел в движение:

— Я говорил, что у меня для тебя подарок есть? Не? Ладно, это попозже… А чем за работу платить будешь?

— Деньгами, топливом, патронами, лекарствами, да хоть продуктами и водой, — Керро откровенно удивился вопросу. — Чем скажешь, тем и заплачу.

— Расходники, бабки и жрачку мы сами добыть можем, — Роджер оттянул и отпустил широкие лямки комбинезона, отчего те звонко щелкнули его по голой груди. — Инфой заплатишь? Тогда поработаем.

— Это про ваш домик-то? — вздохнул рейдер.

— Да. Про Белый Домик Живой Мечты, — собеседник на несколько секунд даже замер и закатил глаза к потолку. — Ты в прошлый раз подписывался узнать.

Керро покачал головой:

— Ты б колес, что ли, каких для памяти попринимал. Я тебе еще тогда сказал, что не пойми чего искать не умею и никогда не умел. А потому и не искал.

Роджер переступил с ноги на ногу, почесал в затылке и, наконец, хлопнул рейдера по плечу:

— Респект, мужик! Вот никогда не врешь! Ладно, за подарок отдаришься завтра, как сам захочешь, — и он поставил на стол квадратную бутыль, вытянутую откуда-то из-под лавки. — За встречу?

Тем временем Алиса отвлеклась от полировки ножа, подошла к мужчинам, не глядя протянула Роджеру пустой пластиковый

стакан и посмотрела через плечо Керро на экранчик.

— Бармаглот меня сожри! А ты еще пострашнее никого не ищешь? — девушка прислонилась к рейдеру.

— Ещё пострашнее — полная улица, — ответил он, мягко обнимая Алису за талию. — Но за них сто штук не предлагают.

— Так ты *это* за сто штук подрядился искать… — удивлённо протянула она.

— Вот же собака злая! — усмехнулся Роджер. — А мне не сказал.

— А ты не спрашивал, — отмахнулся Керро и повернулся к девушке: — Нет. Я решил найти ту, что стоит сто штук, и узнать, чем она так ценна. А дальше по ситуации.

— На фига? — спросил все-таки Роджер. — На фига тебе этот беспросветный геморрой, если нет интереса в деньгах?

— Вызов, — лаконично пояснил Керро, словно это короткое слово всё расставляло по местам.

Алиса хмыкнула:

— А если не найдешь?

— Не найду — значит, не мой Вызов, — и Керро опрокинул в себя наполненный Роджером стакан.

* * *

Айя поднялась на ноги и, кутаясь в одеяло, неслышно двинулась из комнаты. Она надеялась, что в соседнем закутке отыщется хоть какая-то одежда.

Увы. Там ничего не нашлось, кроме пары спальников и консервной банки, из которой торчал горящий фитилек. Так вот откуда такой красивый тихий свет. И тени по стенам прыгают…

Девушка переступила закоченевшими ногами на ледяном полу и пошла дальше — туда, откуда доносились голоса людей. Людей было много, человек семь, не меньше, но говорили спокойно и даже смеялись. И все равно страшно! Айя закуталась поплотнее в одеяло и вышла в узкий коридор. Длиной он был в несколько шагов и вел в комнату, из которой лился более яркий свет.

На пороге пришлось замереть — удивление не позволило идти дальше. Взгляду предстал просторный зал, в центре которого возвышался стол, — лист пластика, брошенный на кирпичные «ножки», — а вокруг него на скамьях, собранных из чего придется, сидели…

В интернате на лечении Айя много читала. Первое время от голографий становилось плохо, и тогда ей принесли старую

плоскостную читалку. Ей нравилось. «Проглатывала» по две-три книги за день. Делать-то больше было нечего… А когда голова болеть перестала, разрешили даже смотреть мультфильмы и старые киношки всё на той же древней плоскостной штуковине. Поэтому сейчас девушка замерла в ужасе.

За столом собралась очень странная компания: молодой вертлявый мужчина в ярко-красном комбинезоне, девушка в наряде индианки, худенький мальчишка в зеленой курточке и зеленой шапочке, дама с элегантной прической, облаченная в пышное платье и кокетливую шляпку, длинноволосый парень в черной сутане, а еще красавица в ярком цыганском наряде и уже встреченная ранее Айей Алиса в синем платье и белом передничке.

Там были и другие столь же странно одетые люди, но девушка не успела их рассмотреть, поскольку увидела того, на ком, собственно, и остановился, споткнувшись, ее взгляд…

Все вдруг как-то замедлилось. Ме-е-едленно Айя повернула голову в сторону двери, которая, вероятно, вела то ли на улицу, то ли в подъезд разрушенной многоэтажки, то ли в подвал, то ли хрен знает куда, главное — подальше отсюда! Так же медленно девушка сделала шаг к выходу. А парень в сутане, увидев это, плавно, будто в замедленной съемке, начал подниматься с места. Следом за ним начала вскакивать и леди в шляпке.

Но Айя смотрела только на того, кто сидел рядом с Алисой.

А он смотрел на Айю. И тоже медленно поднимался на ноги.

Девушка вдруг до крайности остро осознала: надо бежать.

И пока люди, собравшиеся за столом, поворачивались в ее сторону, Айя безуспешно пыталась преодолеть вязкое, неимоверно растянувшееся время и заставить неторопливое, неловкое тело мчаться прочь от мужчины, который этим утром вскрыл циркулярной пилой человека.

А потом вдруг, будто что-то в пространстве лопнуло, и девушка во весь дух понеслась к двери. «Священник» бросился наперерез, тогда как дама в шляпке предостерегающе воскликнула:

— Осторожнее! Рана опять кровить начнет!

Сразу после этого Айя наступила на угол одеяла, заменявшего ей одежду, споткнулась и растянулась во весь рост. А уже на полу с тоской и ужасом поняла, что, куда ей, собственно, бежать — голой, босой, с кое-как зажившей раной в боку, без оружия, без денег и с такой кодлой чокнутых преследователей на хвосте?

К сожалению, инстинкты с рассудком не очень дружат. Поэтому девушка предприняла последнюю отчаянную и

совершенно идиотскую попытку спастись: начала отползать от убийцы Дока, пока не уперлась лопатками в стену. Одеяло при этом стискивала так, словно оно и вправду могло защитить от кровавого психопата, который смотрел на Айю… Твою мать! С узнаванием смотрел!!!

* * *

Кабинет мистера Эдтона изменился до неузнаваемости. А все потому, что люди, его занявшие, выкинули все лишнее и ненужное для работы: массивное пресс-папье, лежавшее для солидности на столе, форменный пиджак, который висел на спинке кресла, старые исписанные блокноты с подвесных полок…

Мисс Ховерс сидела на месте руководителя, и за ее спиной на стене виднелись светлые прямоугольники, оставшиеся от снятых дипломов, благодарственных писем и сертификатов, которые Ал регулярно получал, то за хорошую службу, то за очередное повышение квалификации.

На столе перед Эледой лежал голопланшет. Над черным зеркалом поверхности неспешно вращалась проекция женского ученического бокса группы «2Б». Девушка задумчиво смотрела на объемное изображение, изредка касаясь его пальцем, чтобы остановить движение.

— Итак, Батч, начнем с тебя, — сказала после коротких раздумий агент Ховерс и подняла глаза на телохранителя. — Докладывай.

Батч Фэйн — здоровый, как бульдозер, остротой ума от того же бульдозера отличался мало, впрочем, был жизнерадостным, исполнительным, внимательным и точным, что, как ни крути, являлось серьезной добродетелью.

— Допрос обвиняемых с применением химии проведен, — начал Батч, сверяясь с коммуникатором: — Предыдущие показания обеих сторон полностью подтверждены. Чем так замечательна эта самая Айя, они без понятия. Считают обычной воспитанницей. Рейду из черного сектора не способствовали. Ни в чем реально серьезном не замешаны. Так, держали перевалочный пункт для контрабанды за периметр. Туда отправляли одежду, еду и всякие подобные мелочи. Что шло с другой стороны — не знают.

— Идиоты, — прокомментировал Винсент. — Из-за такой херни накосорезили по самое не балуйся. А ведь если бы сразу признались, отделались бы легким испугом, штрафом и понижением в должностях…

— Ну, не все такие умные, — сказала Эледа. — Думали, удастся скрыть. Ошиблись. Не удалось. Продолжай, Батч.

— Сейчас вколол обоим отключалку и запер. Транспорт для конвоирования вызвал. Ожидаемое время прибытия — завтра к часу дня. Также провел выборочный допрос служащих и преподавательского состава. Полученная информация интереса для нас не представляет.

Телохранитель усмехнулся. Вид у него при этом был, как всегда, добродушный и незамысловатый. Разве скажешь, что каратель? Мишка Тэдди какой-то.

Агент Ховерс вскинула тонкие брови:

— А для кого представляет?

Фэйн пояснил:

— Для нового начальника здешней охраны, разумеется.

После этих слов Эледа потеряла к докладчику всякий интерес и повернулась к его коллеге:

— Что у тебя, Винс?

Винсент в шпаргалки не заглядывал. Ему без надобности — и голова светлая, и память хорошая, и с интеллектом полный порядок. Эледе Винсент Хейли напоминал хорошо вышколенного бойцового пса — поджарый, спокойный, но при этом всегда, как взведенная пружина. Малейшее осознание опасности, и… Винс был рейдером. Причем очень результативным. Сейчас, правда, оказался вне штата. Бывает. Особенно с теми, кто регулярно плюет на инструкции, а периодически — и на приказы. Поэтому пока бывший мастер-рейдер Хейли перебивался работой телохранителя. И не сказать, чтобы был от этого сильно счастлив.

— С ближайшего объекта через час прибудет взвод охраны…

— Винсент, я же…

— Эледа, — мягко сказал рейдер, — твои приказы в области безопасности для меня силы не имеют, и ты это прекрасно знаешь. Мы находимся здесь девять часов, и если в ближайших секторах есть рейд-группы противника, то они уже получили информацию о твоем прибытии и сейчас просчитывают возможность нападения.

— Винсент…

— Мисс Ховерс! Вы очень красочно расписали здешнему директору возможные опасности и последствия, связанные с похищением воспитанницы, но ведь всё сказанное относится к вам в равной мере. Нельзя повторять чужие оплошности. Мы с Батчем не сможем отразить удар рейд-группы, а от десяти олухов, которые сидят в здешней охране…

Собеседница закатила глаза:

— Винс, я лишь хотела сказать, что тогда — в шестнадцатом

секторе полгода назад — ты меня убедил, и я не возражаю против мер безопасности, если ты считаешь их необходимыми. Продолжай доклад.

Телохранитель только кивнул, никак не выразив удовлетворения от выигранной, пускай и несколько месяцев спустя, перепалки:

— Также я вызвал криминалистическую бригаду. Ожидаемое время прибытия — завтра к девяти утра. Также провел опрос среди учащихся, выделил круг общения похищенной и детально опросил всех близких ей людей.

Эледа устало потерла виски:

— Дай угадаю. Ничего полезного.

Винсент кивнул:

— Именно. Кстати, до приезда криминалистов я выселил этаж, на котором проживала похищенная.

Мисс Ховерс кивнула, выключила голопланшет и посмотрела на собеседников.

— Что ж, осталась я… Надо сказать, мои успехи полностью аналогичны вашим. Назначила и. о. директора и начальника охраны, вызвала к ним заместителей наставников, установила дату подтверждения полномочий. Что касается девушки… Судя по словам педагогов — обычная средняя воспитанница. Ничего выдающегося, кроме хорошей памяти. Лояльность средняя, корпоративный дух низкий. По медицинским показателям пока все неясно, придется ждать спецов. Их я вызвала. Однако стандартные тесты и исследования проводились не раз и никаких особенностей не выявили. Что еще? Если коротко: Айя Геллан переведена сюда четыре года назад из интерната для детей с задержкой в развитии номер сорок семь. Я запросила оттуда личное дело, но пока ответа нет. Похоже, у них персонал из их же воспитанников.

— Интернат для детей с задержкой развития номер сорок семь? — Оживился вдруг Батч, сразу растеряв мнимое добродушие. — Именно он? Ты уверена?

Эледа развела руками:

— Батч, у меня хорошая память. И да, я уверена.

— Что ж… спать мы сегодня не будем, — телохранитель вздохнул, словно крепкий сон был главным делом всей его жизни.

— Объясни, — потребовала собеседница.

Фэйн поскреб подбородок и разразился:

— Во время зачисток всегда идет отбор исследовательского, в том числе био, материала». Конечно, лаборатории никто не называет лабораториями, информация-то засекреченная. Обозначают их цифрами и включают в регламент

образовательных учреждений, в котором интернаты с сорок третьего по пятьдесят первый — это и есть научные биоцентры. В мою вторую зачистку вели отбор для одного из таких. Поэтому спорю на свое годовое жалованье: сейчас к нам летит какой-нибудь очень высокопоставленный представитель СБ — узнать, кто и зачем запрашивал досье из закрытого режимного объекта…

— Если информация секретная, откуда ты это знаешь? — Эледа была откровенно удивлена. — Они вам представились, что ли?

Телохранитель покачал головой:

— Нет, конечно. Но… сложно объяснить. Когда будем на зачистке, я тебе покажу.

— Что ж… — его собеседница на секунду задумалась. — Винс, можешь сказать, сколько осталось до прибытия высокого официального лица, явно раззадоренного неуместным любопытством мелких сошек, вроде нас?

Винсент включил голопланшет:

— Во сколько ты отправила запрос?

— Около часа назад.

Мужчина нажал несколько кнопок и на полминуты погрузился в сеть. Эледа видела, как мелькают блоки информации, но ничего не успевала понять. Вроде бы он прошелся по структуре СБ, выяснил, как далеко находится офис отдела секретной службы, прикинул расстояние…

— От сорока минут до полутора часов, — сказал, наконец, Винсент, отрывая взгляд от мелькающих проекций, и пояснил: — В зависимости от приоритета и того, с какой из трех баз вылетит.

Агент Ховерс хлопнула в ладоши:

— Тогда, господа, через двадцать минут жду ваши краткие, но полные отчеты, — Эледа несколько мгновений полюбовалась вытянувшимися физиономиями телохранителей-помощников и пояснила: — Друзья мои, вы, конечно, невероятно опытны в поле, но во внутренних административных делах — сущие дети. Отправив отчеты до прилета гостя, мы сбережем его время и таким образом настроим в правильном для нас направлении. Интуиция подсказывает, что не только вас приставили учить меня жизни. Полагаю, руководство всерьез надеется, что и вы сами достигнете определенных успехов в административке. Хотя бы азы внутрикорпоративной политики освоите.

Конечно, с двадцатью минутами Эледа погорячилась. Но все же через полчаса отчеты были готовы и отправлены. Оставалось лишь дождаться высокого начальства, которое по приезде наверняка нагонит пафоса и официоза, раскритикует работу нижестоящих, раздаст указания и отбудет восвояси.

Разговаривать не хотелось. Эледа проверяла корреспонденцию в коммуникаторе, Батч возился с голопланшетом, Винсент остановившимся взглядом смотрел в окно.

Примерно через полчаса дверь приоткрылась и в кабинет, некогда бывший кабинетом мистера Эдтона, вошел подтянутый моложавый мужчина в безупречно сидящем дорогом костюме и с не менее дорогим кейсом в руке. Мужчина был холен и идеален. Стрижка, осанка, маникюр. Даже черты лица — и те, несмотря на очевидную резкость, оказались лишены каких бы то ни было недостатков. Само совершенство. От кончиков русых не тронутых сединой волос до носков дорогих ботинок.

— Мисс Ховерс, рад вас видеть, — хорошо поставленным голосом с холодными официальными интонациями сказал новоприбывший. — Очень приятно, что молодежь, да еще такого происхождения, следует традициям и начинает с нижних ступеней, чтобы пройти всю карьерную лестницу.

Воспитание и здравый смысл позволили Эледе не хмыкнуть насмешливо в ответ. Кто бы тут заикался про молодежь. Самому-то чуть больше сорока. То ли чей-то любимый сын, то ли перспективный зять…

Тем временем мужчина, не подозревавший о мыслях вежливо улыбающейся девушки, продолжил:

— Меня зовут агент Ленгли, и я… — здесь он сделал небольшую паузу, словно раздумывая, стоит ли раскрывать свои истинный статус перед всякой мелочевкой, какой, без сомнения, являлась скромная команда мисс Ховерс.

На помощь пришел Винсент, продолживший за новоприбывшего:

— …один из специальных представителей СБ при совете директоров. Неофициально — личный следователь директора по разработкам и технологиям Ишидо Римицу.

В глазах агента Ленгли промелькнуло удивление, а потом понимание.

— Сколько рейдов? — повернулся гость к телохранителю.

— Восемь, — ответил Винс. — Два автономных, один — на территорию противника.

Представитель СБ на мгновение задумался, перебирая в памяти названия враждебных корпораций, но Винсент предельно вежливо остановил возможные предположения:

— Прошу прощения, сэр, но, кого бы вы ни назвали, я смогу сказать только «без комментариев».

— Разумеется, — агент Ленгли сделал вид, что удовлетворился ответом, и снова повернулся к Эледе: — Я

прочитал ваши отчеты и полностью одобряю все принятые меры. Однако процесс следует максимально ускорить, поэтому лучшая криминалистическая бригада будет уже к двум часам ночи. Почему вы затребовали отдельно медлабораторию?

— Мистер Ленгли… — начала девушка, но была остановлена.

— Просто Ленгли. Во время работы ритуальные корпоративные пляски только отнимают время.

— Ми… Ленгли, я изъяла из криохранилища медблока образцы крови, тканей и медицинские записи Айи Геллан. Но ни я, ни мои помощники не обладаем достаточной квалификацией, чтобы их проанализировать.

Ее собеседник в ответ на это кивнул с явным одобрением и поставил на стол кейс:

— Что ж, господа! Вы отлично поработали и значительно облегчили мне дальнейшие действия. Поэтому сейчас я настоятельно рекомендую вам отдохнуть. Завтрашний день будет весьма напряженным, а мне нужны свежие сотрудники. Да, Винсент. Два взвода из состава ГБР прибудут к четырем часам утра. До этого же времени периметр будет охранять вызванный вами взвод, усиленный двумя киборгами моей личной охраны. Так что необходимости ложиться в полном боевом комплекте нет. В случае проблем успеете снарядиться. Доброй ночи, господа, мисс Эледа.

Агент Ховерс снова мило улыбнулась и вышла. За ней последовали и телохранители.

Уже в коридоре, в тишине пройдя мимо двух молчаливых бесформенных образин, каждая из которых была крупнее вместе взятых Батча и Винсента, Эледа повернулась к рейдеру и прошипела:

— Винс!!! Какого черта ты влез?!

Он ответил жестко:

— Ты собиралась в очередной поставить на имидж милой застенчивой девочки-практикантки… так вот, с ЭТИМ так нельзя. Он даже думать не станет — отправит тебя обратно в генеральный офис, и будешь дальше сидеть в своем кабинетике.

Эледа, вместо того, чтобы успокоиться, совсем рассвирепела:

— Я. Разберусь. Сама. Только попробуй еще…

Винсент Хейли усмехнулся:

— Что? Что ты мне сделаешь? Дальше рейда не пошлешь. А там я бывал уже не раз.

* * *

Как всегда, от внезапного страха Айя потеряла голос. Сжалась на полу, стиснула на груди одеяло и в немом крике раскрыла рот.

— Ушиблась? — парень в наряде священника склонился над ней и рывком поставил на ноги, поплотнее заворачивая в покрывало. — Не бойся. Это у тебя от транквилизатора приход еще держится. Скоро пройдет. Мы не тронем…

…- А! Вот! Вот подарок! — Роджер резко повернулся к Керро и ткнул пальцем в трясущуюся девчонку: — Рановато оклемалась. Думал, дольше проваляется.

Рейдер только скрипнул зубами, проглатывая ругательство:

— Знаешь, с подарком ты угадал. Но, мля, ты хоть иногда думаешь, что говоришь и при ком?

— Нет, разумеется! — Роджер засмеялся и откинулся к стене, чуть не свалившись со скамьи. — Что правда — то правда, что ложь — то ложь, а слова — так вообще прах.

…Тем временем Айя, которую заботливо поддерживал «священник», безумными глазами смотрела туда, где разговаривали двое — Доков убийца и парень в красном комбинезоне.

Девушка разобрала слова про подарок и сразу попыталась рвануть прочь. «Священник» ее удержал:

— Да стой ты!

— Тереза, осторожно, — сказала парню подошедшая леди в шляпке. — Рана в любой момент может открыться. Иди-ка ты, вон, к мужикам. А я девушку осмотрю.

Айя испугано скользнула глазами по сторонам и едва сдержала стон. Индианка, дамочка в шляпке, Алиса, девушка в наряде цыганки… Карнавал в сумасшедшем доме! И бежать некуда. Впрочем, тот, кого назвали Терезой, безропотно подчинился и отошел к столу, где тотчас завладел стаканом и бутылкой.

— Идем, милая, — мягко сказала леди, наклоняясь к Айе. — Я — врач, я тебя осмотрю.

Алиса, потерев кончик носа, изрекла:

— Её надо одеть.

— Безусловно, — кивнула женщина. — Но сначала необходимо проверить рану.

И она, поддерживая Айю под локоть, повела ее прочь из зала. Остальные ряженые особы потянулись следом, захватив несколько банок с горящими фитильками.

Девушка шла и незаметно косилась на свою спутницу. Горделивая осанка, породистое лицо, аккуратная прическа и платье старинного фасона смотрятся так органично… Кто она?

Странная женщина привела гостью назад в маленькую

комнатку со спальниками.

— Приляг, — леди указала на спальник. — Меня зовут доктор Микаэла Куин — доктор Майк, если тебе это интересно.

Пациентка послушно опустилась на лежанку, чувствуя себя одновременно посетительницей сумасшедшего дома и путешественницей во времени.

— Доктор Куин? — спросила зачем-то девушка. — Как в сериале?

Собеседница посмотрела на нее с мягкой улыбкой.

— Какие уж тут сериалы, милая, — вздохнула она, с элегантной непринужденностью опускаясь рядом и расправляя юбки. — Реальность. А она, к сожалению, тем и плоха, что, как кино, ее не отмотаешь. Ты лежи, не нервничай. Я хоть и женщина, но лечить умею.

Она ловко сняла перевязочный пакет, осмотрела рану и повернулась к девушке в цыганском наряде:

— Эсмеральда, принеси мой саквояж, будь так добра.

Цыганка, перебиравшая смуглыми пальцами ожерелье из монет, вздохнула и вышла. А молодая особа в наряде индианки, что с каменным лицом стояла рядом, сказала равнодушно:

— Лучше всего — травами лечить. Травами. Или грибами.

Доктор Майк улыбнулась:

— Траву мы сейчас вряд ли найдем, а вот регенерирующий спрей у нас есть.

Айя зажмурилась и подумала, что, наверное, все-таки спятила. Или под наркотиком. А, может, правда? Тот священник говорил про транквилизаторы. Если ей вкололи нечто подобное, могут ведь быть галлюцинации?

Тем временем Эсмеральда вернулась и поставила рядом с леди Куин старинный саквояж — продолговатую сумку с небольшой ручкой и допотопной застежкой-хлястиком. Женщина-врач поблагодарила за услугу сдержанным кивком и погрузилась в недра переноски.

— Микаэла, она напугана, — мягко сказала Алиса, которая куда-то выходила, а теперь вернулась с ворохом одежды. — Меняй повязку и отстань от девчонки. Пусть дух переведет.

Алиса бросила вещи на соседний спальник и уселась, вытянув ноги в полосатых чулках. Куин тем временем неторопливо и тщательно обработала рану спреем, подула, дождалась высыхания, приклеила новый стерильный пакет и поднялась.

— Леди, прошу вас, — кивнула она молчаливым Эсмеральде и Индианке на выход. — Девушке нужен покой.

Доктор Майк пропустила молчаливых спутниц вперед, но перед тем, как выйти следом, повернулась к пациентке и одарила

ее на прощание ободряющей улыбкой. Пышные юбки прошуршали по полу.

— Покахонтас мало говорит, — сказала спокойно Алиса. — Индейцы очень немногословные. Ей, видимо, стало тебя жалко, раз она сказала про грибы и травы. А Эсмеральда вообще неболтлива. Или поёт и пляшет, или ругается.

Девушка встала, подошла к Айе и поглядела с сочувствием:

— Тебя Мать Тереза приволок. Нашел в старом доме и притащил. Он вечно всех жалеет. Особенно девчонок. Я принесла кое-какую одежду. Примерь.

На удивление, Алиса сейчас казалась вполне разумным человеком. Айя медленно поднялась и подошла к вороху шмоток. Там даже белье отыскалось. Правда, великоватое, но зато чистое. А еще штаны цвета хаки с карманами, футболка, толстовка, куртка, вязаная шапка. Девушка медленно одевалась. Алиса сидела на спальнике и смотрела снизу вверх.

— Боишься? — спросила она с пониманием.

Айя кивнула.

— Зря, — сказала Алиса. — Чего бояться-то? Вылечили, одежду вот дали. Все ж хорошо.

Это прозвучало донельзя отрезвляюще.

— А штаны-то почти в пору, хоть ты и дылда, — удивилась тем временем Алиса и поднялась на ноги. Развернула девушку к себе, спросила безо всякого перехода: — Звать как?

— Айя Геллан.

— Значит так, Айя Геллан, — сказала Алиса. — Бояться не стоит. Но и глупости делать тоже. Одни глупости, знаешь ли, влекут за собой другие. А нам ведь этого не надо?

— Не надо, — согласилась собеседница и вдруг спросила: — Это ты была недавно там, за стеной? — она кивнула на соседнюю комнатушку и лишь после этого сообразила, что ляпнула малость не то. Просто голос показался знакомым.

Алиса не обиделась, пожала плечами и легко ответила:

— Я. А ты, значит, давно проснулась?

— Нет, — помотала девушка головой.

— Учти, — сказала Алиса. — Мы — не самое плохое, что может произойти в жизни. Совсем не самое плохое. Даже, скорее, очень хорошее. Поняла?

Айя кивнула.

— Ты умеешь быть благодарной? — тотчас последовал вопрос.

— Не знаю… — честно ответила девушка. — Я постараюсь.

Алиса вызывала у нее противоречивые чувства. С одной стороны — доверие, с другой — опаску. Может быть, потому, что

она то вдруг казалась совершенно нормальной, то вдруг безнадежно сумасшедшей?

— Там… сказали, что я… подарок… — решилась произнести Айя.

Собеседница плюхнулась обратно на спальник:

— Подарок? Кому?

Девушка опустилась на соседнюю лежку и сказала, показывая глазами на дверной проем:

— Ему…

У Алисы во взгляде мелькнуло что-то похожее на гнев.

— Ты вещь? Или шлюха? — спросила она с внезапной злостью.

Айя растерялась от столь резкой смены настроения:

— Нет… — тихо ответила она, боясь неосторожным словом или движением раздуть злость в ярость.

— Значит, хочешь быть подарком? — уточнила странная девушка.

— Тоже нет.

— Ну, так и не будь, — легко заключила Алиса и брыкнулась на спину. — Ты хоть раз видела бармаглота?

Айя ответила с опаской, не пытаясь даже предугадать, какой может быть реакция:

— Нет…

Алиса перекатилась на живот, подперла подбородок ладонями и уставилась на собеседницу:

— А мюмзика?

— Тоже.

Ноги в полосатых чулках болтались туда-сюда:

— Я тебе так скажу. Некоторые вещи лучше не видеть. Совсем. И не знать про них ничего. Потому что с некоторыми знаниями крайне непросто жить. Но бывают и другие знания. Неприятные тоже. Однако знать их надо. Понимаешь?

— Да, — кивнула Айя.

— Так вот, тебе надо знать одну неприятную вещь. Если ты сюда попала — тебе повезло. Но если ты нужна ему, — она указала глазами на дверь, — тебе совсем не повезло. Однако с ним можно договориться. Если включить мозги. Вряд ли это будет просто. Но выбора у тебя все равно ведь нет. Такие дела. А чего ты его, кстати, так боишься? — она вдруг перестала болтать ногами и засмеялась. — Неужто в деле увидеть успела?

Айя замялась, но Алиса угадала ответ и продолжила:

— Для неженки из белого сектора — да, зрелище, наверное. Только запомни: в этом мире очень мало того, что именно такое, каким кажется на первый взгляд. Не знаю, зачем ты ему, но,

уверяю, сюрпризов тебя ждет масса.

— Спасибо, — ответила девушка.

— Не за что. А! О неприятной-то вещи я не сказала, — спохватилась Алиса. — А неприятная вещь вот в чем: не хочешь быть подарком — свободу свою выбивай сама. Если сможешь, конечно. Потому как, если не сможешь — это значит, что свобода тебе без надобности. Что ж это за свобода, если ее кто угодно может отобрать?

— Сколько тебе лет? — спросила вдруг Айя.

Собеседница села и посмотрела остановившимся взглядом в стену. При этом лицо у нее вдруг стало… У Айи к горлу подступил ком — смесь жалости и тоски.

— Четырнадцать. Двадцать. Тридцать. Иногда даже и сто. Время — величина относительная.

Она резко поднялась и, не сказав больше ни слова, вышла.

Айя несколько секунд сидела в тишине, глядя в опустевший дверной проем, а потом поднялась и скользнула к окну. Осторожно открепила угол пленки, стараясь не порвать. Выглянула наружу.

Первый этаж!

Первый!

Она уже собралась сорвать полиэтилен и влезть на подоконник, когда от двери спокойно сказали:

— Не советую. Во-первых, ребята обидятся — у них не так много пленки, а, во-вторых, под окном мины.

Айя рывком обернулась. Напротив стоял давешний знакомый. Девушка лишь сейчас разглядела его толком. Здоровый. Выше нее аж на полголовы. А ведь Айя в своей интернатской группе была не только самой тощей, но еще и самой высокой — парни в подмышку дышали.

Мужчина молчал. И девушка молчала тоже. Не знала, что ему сказать. Только разглядывала, запоминая и отмечая не замеченное раньше. Острижен коротко, темные волосы торчат ежиком и растут так, как нечасто встретишь у мужчин: от середины лба углом расходятся вверх. На лице щетина. Сколько ему? Тридцать? Сорок? Взгляд тяжелый. И морщины, вон, есть. Неглубокие, правда, но весьма характерные — такие обычно у тех, кто редко улыбается, но часто хмурится.

Поняв, что Айя не собирается поддерживать беседу, мужчина вздохнул и сказал:

— Роджер часто ляпает, не подумав. Ты хоть знаешь, что за тебя дают сто тысяч? Тебе крепко повезло попасть к тем, для кого эта сумма ничего не значит.

Девушка не спешила отходить от окна, вместо этого

спросила:

— А для тебя значит?

— Неинтересные деньги. Такие и тратить-то противно.

— Почему? — Айя незаметно покосилась на бочку-печь, гадая: если вот этот вдруг бросится — получится ли выдернуть из стены трубу и его встретить?

— Слишком легкие. И, собственно, не особо нужные, — пожал он плечами.

— То есть, я могу уйти? — практично уточнила собеседница. — Я тебе не нужна, верно?

— Можешь. И куда пойдешь? Откуда ты вообще? — спросил мужчина.

Айя все еще боялась отходить от печки. Да и тепло возле нее было.

— А тебе зачем это знать? — насторожилась девушка.

— Любопытно, откуда берутся люди, способные оставить пять шайб «сияния», — ответил он.

— Пять шайб чего? — не поняла Айя.

— Что ж, теперь мне интересно, где обитают люди, не знающие, что такое «сияние».

Девушка переступила с ноги на ногу:

— Так я пойду? Да?

Керро медленно вытащил из-под куртки игольник, достал магазин и выщелкнул верхний патрон-иглу.

— Если бы я хотел взять эти сто штук, ты бы уже лежала в параличе, а я бы договаривался с Роджером о машине, — он защелкнул магазин и спрятал игольник. — Иди. Не уколись только, — и бросил иглу Айе.

Девчонка испуганно вздрогнула, словно в нее запустили камнем, и сказала:

— Нет, ты иди первым, а я пойду следом.

Керро пожал плечами и развернулся.

— Стой! — Айя вдруг отмерла, и мысли понеслись в голове с такой скоростью, словно их подхватил ураганный ветер. — Погоди!

Страх куда-то вдруг исчез, видимо, потому, что мужчина говорил спокойно, ровно и в конечном итоге действительно сделал так, как она просила — просто развернулся. Правда, говорил он неясные вещи, а зачем иголку кинул, девушка вообще не поняла, но сейчас все это казалось неважным, по сравнению с услышанным.

— Погоди! — Айя даже сделала несколько шагов от окна. — Кто дает за меня сто тысяч? Что за ерунда?

Керро развернулся обратно:

— Посредник. А кто стоит за ним, можно только гадать. Откуда ты, что не знаешь даже этого?

Девушка смотрела на него ошеломленно и повторенный вопрос не услышала, вместо этого сказала:

— Это ошибка. Я… вообще умерла. Катрин Миосс сказала. И на Стене Памяти… До пропускных пунктов тут далеко. А браслета нет. Те его срезали. А если идти, то от площади Карлоса около сотни километров. Я звонила в интернат, но там сказали, что погибла… И…

Стало понятно — в ближайшие пять минут она будет говорить одними лишь обрывками фраз и междометиями. Однако Керро терпеливо выслушал бредовый поток слов, даже глазом не моргнул.

Таки корпоратка. Из нижайших. Кому только взбрело в голову красть?

— Придешь в себя — выходи, продолжим разговор. А награду назначили не твои. Твои тебя списали. Когда про похищенного говорят, что он погиб, это значит «выкупа не будет».

Когда он ушел, Айя еще несколько минут стояла посреди комнаты, растерянно собирая в горсть разбредшиеся мысли. «Не твои» — что это значит? А чьи?

Стоп, стоп, стоп! Ее украли из интерната, верно? И этот человек прав, ее похитители — не те, кто живет в чистой зоне. В конце концов, «своим» не было никакого смысла ее воровать, так ведь? Так. Но даже и чужим — зачем она сдалась? Что в ней ценного?

Девушка опустилась обратно на спальник и вцепилась руками в волосы. В голове зарождалась глухая боль, она давила на глаза, отдавалась в виски, перекатывалась ото лба к затылку… Что происходит? Кому она понадобилась? Сто тысяч? За нее?! Ошибка. Точно ошибка. Человек, который ее осматривал первым, ведь сказал, что не те образцы… То есть ее перепутали. С кем? Какая теперь разница! Ищут не ее. Ищут кого-то другого, а она — Айя — пустышка… Просто Доков убийца этого еще не знает. Но даже он удивился, не понял, что в ней такого ценного. А ничего. Совсем ничего. Твою мать!!! И как теперь быть? Что делать?

Айя несколько минут смотрела перед собой. Потом поднялась, поправила одежду, проверила шнуровку ботинок, обшарила карманы. Они, кончено, были пусты. Зато вещи не воняли больше мужским потом и пришлись почти впору. Хоть что-то хорошее. Еще бы помыться… И разобраться, собственно, в происходящем.

Одно было ясно: домой вот так просто не попасть. Да и, скорее всего, вообще никак не попасть — браслета нет, денег нет,

оружие забрали, а блокпосты слишком далеко… Ну, предположим, придет она на блокпост — и что? Кому она там нужна без подтверждения личности? Айя Геллан официально мертва, если Катрин Миосс, конечно, не наврала. Что вряд ли.

Пришлось на миг закрыть руками лицо, попытаться хоть как-то унять панику. Пускай всё это будет лишь сон. Просто сон! И похищение, и Док, и умалишенные люди, и этот мужик. ВСЁ!

После этого девушка сделала глубокий вдох и отправилась в зал, где отдыхали ряженые сумасшедшие в компании кровавого маньяка. Если уж ее жизнь стала похожа на абсурд, ничего не поделаешь. Можно либо принять правила игры и погрузиться в бред, либо оказаться слабым звеном и из игры выбыть. Выбыть означало умереть. А жить хотелось. Очень хотелось. А есть — так вообще хотелось еще сильнее, чем жить. Это она поняла, уловив запах еды. Пахло так вкусно, что хотелось облизывать воздух языком. Что может так пахнуть?

* * *

Айя нерешительно замерла в дверном проеме, рассматривая сидящих за столом людей. Они разговаривали, смеялись и не обращали на нее внимания. К слову говоря, казались при этом почти нормальными, если не считать странных одежд. Эсмеральда, Покахонтас, Доктор Куин, мальчишка в зеленом, парень в сутане, мужик в ярко-красном комбинезоне с желтыми пуговицами и голубой в желтый же горох бабочке на голую шею и еще люди, люди, люди. Каждый новый чуднее предыдущего. Был даже один здоровый, как пикап, со шрамом через все лицо, изредка бивший себя кулаком в грудь. Лучше не думать, кто это может быть. Лучше не думать, а то рехнешься.

Ближе всех к вошедшей сидела на краю длинной скамьи индианка. Увидев Айю, она подвинулась и кивнула равнодушно на освободившееся место. Лицо у нее при этом было каменное. Девушка нерешительно села на краешек. Соседка по-прежнему молча подвинула ей пластиковую тарелку, на которую шлепнула что-то странное, коричневого цвета, пахнущее умопомрачительно…

Вкус у этого «чего-то» оказался еще прекраснее запаха. Нежное, сочное… Айя ела, стараясь не заглатывать целиком, вынимала из незнакомой еды странные жесткие палочки, складывала на край. Индианка подвинула гостье стакан сублимата. Горячий… Жизнь стала казаться не такой уж и поганой.

Исподлобья девушка следила за другими участниками застолья. Ее недавний собеседник устроился рядом с мужиком в бабочке и комбинезоне, что-то пил, что-то говорил, а на шее у него болталась Алиса. Айя старалась не смотреть в их сторону. Она не понимала, как можно столь доверчиво, по-подростковому, виснуть на *таком* человеке. Но девчонка висла, то отпивала из его стакана, то заглядывала в глаза, то через него наклонялась к кому-то из других участников посиделки… Дурдом. Какой же дурдом! Но еда вкусная.

К сожалению, лакомство на тарелке быстро закончилось, осталась лишь горка палочек. Айя грустила, не осмеливаясь попросить еще, но в это время к ней повернулся священник, сидящий с другой стороны от Покахонтас, и спросил дружелюбно, откидывая с плеч длинные русые волосы:

— Еще?

Девушка с готовностью кивнула и протянула тарелку, на которую тут же плюхнули новую порцию неповторимо вкусной еды. А Тереза сказал:

— Крысы вкусные, сам люблю.

— Крысы? — Айя с удивлением посмотрела в тарелку.

— Ага. Не нравится?

Она покачала головой, взяла мясо и откусила:

— Нравится.

— Щелкунчик не любит крыс, — Тереза перегнулся через царственно-равнодушную индианку и кивнул в сторону сидящего напротив парня в сине-красном мундире. — Поэтому мясо у нас есть всегда.

Тут «священник» отвлекся и повернулся к Алисе, которая устроилась на лавке, фривольно забросив ноги в полосатых чулочках на колени Айкиному кошмару:

— … так вот, иду я, значит, от девчонок, — продолжил Тереза прерванный рассказ, перебирая пальцами деревянные четки. — И как подтолкнуло чего! Гляжу — дом. Стоит. Черный такой. А внутри что-то смутное пестреет. Знаменье! — он размашисто осенил себя крестом. — Ну, я заглядываю, а там вот она лежит, — палец указал в сторону Айи, старательно жующей крысиное мясо, — дщерь божия. А два шакаленка лет двенадцати ее обирают.

Парень широко взмахнул стаканом, разбрызгал питье, утерся рукавом черного облачения, после чего продолжил прежним высокопарным тоном:

— Ну, я им говорю, мол, покайтесь, грешники! Господь заповедал жить в смирении и кротости, возлюбить ближнего своего, не украсть у него даже малости, ибо даже за малость

можно огрести поперек хребта. Так что, не обидь малого, ибо много ты с него все равно не возьмешь. Но не вняли они. Тут я арматуриной и махнул. Так, шугануть слегка. А нечестивцы эти ножи вытащили и на меня — слугу господнего. Ну не охерели ли? Присмотрелся, а у них зрачки во весь глаз. Таких словом божьим не усовестить, здесь аргументы посильнее Святого Писания нужны. Подпустил поближе. Правому руку перебил, он даже дернуться не успел, только нож звякнул. Второй сунулся было, да я ему под колено засветил, а как завалился, вдогон в затылок — оглушил слегка. Он и лег кротко. А первый опять на меня идет, сила бесовская. Уж только когда я ему по почкам с оттяжкой выписал, проняло, наконец. Согнулся, значит, я его и вырубил, чтоб не дрыгался. Арматурину бросил, дщерь человеческую подобрал и уже, вот вам крест, идти собрался, но чувствую — что-то не так, неправильно что-то! Опустил я ношу свою на землю, сам сел, закурил, смотрю — что же Господь явить мне удумал? И вдруг озарило! Господь наш симметрию любит, ну сами знаете: каждой твари — по паре, всем сестрам — по серьгам, два сапога — пара. А они, грешники эти, лежат рядышком смиренно, но не благообразно. У одного-то рука перебита, а у другого обе целы. Положил я их еще ровнее и второму тоже руку перебил. Смотрю: вот теперь все благолепно, все по-божески, сразу видно — во славу Его. Ну, а потом приволок, значит, девицу к нам, тут и Керро пришел. Так что, Керро, тебе ее сам Господь моими руками вручил. Береги.

— Как получится, Тереза, — ответил тот, поглаживая Алису по колену.

Айя отложила в сторону очередную кость и спросила, поворачиваясь к «священнику»:

— А почему ты Мать, а не Отец? — отчего-то ответ сейчас казался ей крайне важным, наверное, абсурдность происходящего достигла пика и девушка всерьез побаивалась, что психика не выдержит.

— Какой еще Отец? — удивился Тереза, поправляя жесткий белый воротничок сутаны. — Где ты отца Терезу видела, а?

Гостья пожала плечами, но собеседник не оскорбился, напротив, обрадовался возможности рассказать то, что знали все, кроме нее:

— Всякой твари живой Господь при рождении дарует предназначение, — сказал он назидательно. — И меня Терезой сам Господь наставил быть. А кто я такой, чтоб против слова Его идти?

Все вокруг продолжали пить и есть, не обращая внимания на вещающего, но тот, найдя в Айе безропотную слушательницу,

завел глубоким голосом:

— Ибо шел я долиною смертной тени, и не было окрест ни зверя, ни человека. И лишь отчаяние было моим спутником, да густой туман окружал меня. Из тумана того выходила нечисть бесовская в обличье людском, смущала меня и жестоко мучила, но не имел я сил дать отпор истязателям. И было так сто лет и один день. Но на сто второй день рассеялся туман и узрел я белые стены и дверь с замком, но без ручки, а в руке моей была скрепка канцелярская, вложенная Господом. И отомкнул я замок, но не поддалась дверь, а Господь шепнул: «Не время еще! Выжди». И выждал я время не долгое и не краткое — до того как мигнул свет, знак подавая, и щелкнула дверь, что преграждала мне путь к свободе. А как вышел я, то увидел нечисть в людском облике, что бежала ко мне, занося палку черную. Но что может сила бесовская против того, кому сам Господь путь указал? И отобрал я оружие адово, и трижды по десять раз опустилось оно на голову вражью, покуда не перестала нечисть в обличии людском дергаться. А Господь сказал мне: «Иди! Дам я тебе товарищей в пути, чтоб не сгинул ты, неся слово мое, иди и найди их!» И долго ходил я меж стен белых и нашел себе товарищей верных.

Тут Тереза очередным широким взмахом руки обвел собравшихся за столом умалишенных и торжественно закончил:

— И многая нечисть пала пред нами! А когда выходили мы за ворота, то явился Господь предо мной въяве и сказал: «Теперь ты свободен! Иди в мир и помогай слабым, как Мать Тереза. Будь моей правой милосердной рукой, но ежели Зло встанет на пути твоем, то стань левой карающей дланью моей, и да будет враг повержен столько раз, сколько увидишь ты его». Такие дела, — совершенно нормальным голосом заключил парень и опрокинул в себя стакан.

Есть Айе расхотелось. Она отставила тарелку и долгим взглядом обвела сидящую за столом компанию. Значит, они и вправду пациенты клиники, сбежавшие из-под надзора? Но почему такая одинаковая мания у всех? Почему каждый думает, будто он — персонаж не то книги, не то фильма?

Всех стало так жалко… Но тут же девушка поняла — еще буквально чуть-чуть, и она сама с ними рядом тронется. Никакой нормальный рассудок такое долго не выдержит. Хотя у Керро как-то, вон, получалось.

Впрочем, сидящим за столом было плевать на Айю с ее жалостью и проблемами, они отдыхали, разговаривали, смеялись, спорили, а девушка волей-неволей разглядывала каждого. Странно одетые, нелепо выглядящие, они все же не казались ей больше безобидными чудиками. Совсем не казались.

Например, Эсмеральда. Смугла и хороша собой. Ее красное платье ярким пятном выделяется среди прочих нарядов. Но на цыганку девушка походила мало, даже несмотря на карты, которые постоянно крутила в руках. Причем крутила с ловкостью заправского шулера. Айя даже залюбовалась. Но вдруг «цыганка» взяла одну из карт и молниеносным движением рассекла лежащий на тарелке кусок крысятины, а саму «карту» воткнула в стол.

Мальчик в зеленом. А, может, и не мальчик. Сидел, откинувшись к стене, и смотрел в никуда. Взгляд отрешенный, пустой. Как у наркомана.

Здоровенный бугай со шрамом во все лицо. Светловолосый, неулыбчивый, с такими плечищами, что в двери, наверное, проходит боком. Парень в красном комбинезоне, суетливый, постоянно вскакивающий, подвижный, как ртуть. Он то дергал синюю в желтый горошек бабочку на голой шее, то чесался, то ерзал, то снова вскакивал и бестолково суетился — задевал чужие стаканы, опрокидывал пустые бутылки, спотыкался о ноги сидящих.

Среди всех присутствующих Керро выглядел, пожалуй, самым адекватным. И все-таки… Док, сверкающий оголенными внутренностями, нет-нет, а всплывал в памяти. Тогда Айя опускала взгляд в стакан с сулемой, стараясь не привлекать к себе внимания. Пару раз ей предлагали выпивку, но девушка отрицательно качала головой. Она ни разу не пила спиртного и не считала, что именно сегодня следует начинать. Бок дергало, начало знобить, хотелось лечь, свернуться калачиком и чтобы все отстали. Хотя… к ней никто и не приставал.

Этим обстоятельством Айя решила воспользоваться. Пробралась за спинами пьющей сумасшедшей братии и устроилась в уголке — между стеной и доктором Куин, деликатно подвинувшейся к Щелкунчику, чтобы гостье было удобнее. Остальные на Айкины маневры не обратили внимания и девушка, зажав рукой больной бок, села, подтянув колени к груди. Она хотела обдумать свое бедственное положение, но мыслей в голове не было. Сознание сковала пустота, какая бывает от переизбытка информации, когда мозг пытается, но никак не может систематизировать все новое.

Начало ломить виски. События последних восемнадцати часов мелькали перед глазами — обрывки фраз, воспоминания… Самое отвратительное заключалось в том, что Айя впервые в жизни не знала, что делать. Хотелось одного — возвратиться домой. В родной интернат, к удобствам, теплу и понятному будущему. К наставникам, ребятам из группы «2Б», грядущему

поступлению в колледж и последующему устройству на работу. Возвратиться! Просто жить, просто учиться и работать. Приносить пользу общему делу, а не скитаться в трущобах без цели и смысла.

Увы. Вернуться домой самостоятельно вряд ли получится. Здесь кто-то зачем-то ее ищет. Да хоть бы и не искал — в черном секторе без особых навыков не выжить, можно даже не надеяться. Тогда как быть? Куда податься? Нужны деньги, оружие, какие-то знакомства. А у нее ничего…

Краем глаза девушка увидела, как Алиса вдруг отлепилась от Керро и словно завороженная пошла к оружию, составленному в углу. Ее отрешенного взгляда и застывшего лица никто не заметил, но Айя услышала негромкое:

— Бармаглот… — глазищи Алисы подернулись мечтательной поволокой, а руки отточенным за многие годы движением отсоединили магазин автомата. — Иди сюда, маленький… иди же.

Айя рывком села на лавке. В этот миг со своего места вскочил Керро и рванул к двери, обгоняя странно медлительную девочку в пышной юбке и белом переднике.

Алиса же словно утратила связь с реальностью. Она, продолжая ворковать себе под нос, подсоединила спарку магазинов и повернулась к выходу. На долю секунды в горловине второго магазина мелькнул красный наконечник пули. Айя испуганно смотрела по сторонам. В рядах диковинных сумасшедших наметилось организованное движение. Доктор Куин вздохнула и, по-прежнему не теряя достоинства и элегантности, вышла из комнаты, подметая подолом грязный пол.

Эсмеральда одним движением отстегнула пышную пеструю юбку, оставшись в черных обтягивающих штанах, тяжелых ботинках и красной блузке с широкими рукавами.

— Началось, — сказала она, доставая из старого рюкзака пачку влажных салфеток. — Началось, вашу мать.

Щелкунчик кивнул Матери Терезе и амбалу со шрамом. Те, не сговариваясь, разобрали оружие и застыли по обе стороны входной двери, тогда как парень в красном комбинезоне уже достал откуда-то рацию и, выглянув в окно, спрашивал:

— Дровосек, ответь Роджеру. Алиса в неадеквате. Че там видно?

Рация сперва поплевалась помехами, а потом искаженный эфиром низкий мужской голос известил:

— Чисто. Пусть выходит. Прикрою.

Щелкунчик и мальчишка в зеленом достали стволы и встали неподалеку от входа в задние комнаты.

— Всё путем, — сказал Щелкунчик. — Мы на стрёме.

Айя осмелилась-таки покинуть лавку и подойти к окну. Решила, если прогонят, то просто вернется обратно в свой угол. Но на нее не обратили внимания. Роджер, не убирая рации от лица, следил за Керро и Алисой, Эсмеральда курила и крутила в руке пачку салфеток. Покахонтас со снайперкой в руках, стояла возле стены и прислушивалась к звукам улицы.

Вернулась, шелестя юбками, Доктор Куин. Поставила на стол свой саквояж, раскрыла, и Айя увидела внутри обычную медукладку.

Тем временем на улице в сгустившихся сумерках Керро скользнул под защиту близстоящего дома и быстро оглядывал окрестности через очки. Что он там видит в жидком лунном свете? И видит ли? Однако пистолеты-пулеметы в обеих руках неотступно следовали за взглядом. Хм… значит прибор ночного видения в очках.

Наблюдатель дернул плечом. Видимо это означало, что опасности нет.

— С поста чисто, — подтвердил Роджер от окна.

Теперь Керро всматривался в небо.

— Вертушка, — не оглядываясь, сообщил он. — Легкая.

Айя с удивлением отметила про себя, что с Роджера слетела вся суетливость. Он застыл, одной рукой сжимая переговорник, а другой — прислоненный к подоконнику автомат.

— Точно не боевая?

— Точно, — ответил Керро. — Звук совсем не тот.

— Тогда не лезь, — вздохнул Роджер. — Сами разберемся.

Тем временем Алиса, словно в полусне, вышла на середину улицы, на миг замерла, прислушиваясь, а потом плавно повернулась и направила автомат в небо.

— Иди же сюда! — проворковала девушка.

Сразу после этих слов тишину и полумрак городских руин разорвал оглушительный треск и ослепительные вспышки короткой автоматной очереди. Пули ушли в черное небо, трассера прочертили ярко-красные линии.

— Вижу их, наконец. Забирают выше и идут в обход, — сказал Керро, повернувшийся на звук вертолета вместе с Алисой.

— Как обычно, — вздохнул Роджер.

Айя оглянулась и увидела, как доктор Куин, отломив головку тонкой ампулы, начинает неторопливо набирать в шприц какой-то препарат. Тонкая струйка лекарства брызнула фонтанчиком из иглы в потолок.

— Ничего страшного, — сказала леди Микаэла. — С кем не бывает.

— Угу, — буркнула Эсмеральда, туша ботинком окурок, и добавила с тоской: — А так сидели хорошо.

Ее слова потонули в грохоте новых выстрелов. Айя вздрогнула и вжалась в стену. Алиса двумя длинными очередями выпустила в небо весь магазин, перещелкнула автомат на второй и упала на колено, провожая невидимую вертушку стволом.

Еще очередь. И вдогон другая — длиннее предыдущей — на весь остаток магазина. А потом во внезапной звенящей тишине раздался хриплый, полный отчаяния крик:

— Почему?! Почему вы не принимаете вызов?!

Алиса орала, сжимая бесполезный теперь автомат, и била свободной рукой в грязь.

— ПОЧЕМУ?! — тут она содрогнулась, вцепилась пальцами в волосы, сминая и пачкая синюю ленту, а потом начала заваливаться на бок.

Айя смотрела на происходящее с ужасом, тогда как Алисины друзья вдруг оживились и, словно по команде, вышли из режима настороженного ожидания.

Первым на улицу выскочил Роджер, за ним Мать Тереза и мужик со шрамом, следом за ними, придерживая рукой шляпку, выбежала доктор Куин. Впрочем, леди Микаэла осталась у входа в подъезд дожидаться, пока мужчины подготовят пациентку.

Роджер осторожно, почти нежно, забрал из сведенной Алисиной руки оружие, после чего мужик со шрамом подхватил грязную девушку с земли и зашагал обратно в дом. Роджер шел следом. Замыкал шествие Мать Тереза, благочестиво перекрестившийся в небо.

Неподвижную, равнодушную ко всему Алису уложили на лавку. Доктор Куин мазнула по руке девушки спиртовой салфеткой, профессионально ввела иглу, сделала инъекцию и кивнула:

— Несите.

Бугай снова поднял безвольную ношу и отправился с ней в дальнюю комнату, Эсмеральда заторопилась следом со словами:

— Тарзан, на спальник не опускай, как прошлый раз. Сейчас подержишь, я раздену, от грязи протру, и уложим, пусть спит.

Однако когда Тарзан проходил мимо, Айя видела, что Алиса не спит. Глазищи у нее были бессмысленные, широко распахнутые, и медленные слезы текли из них по грязным щекам.

— Чш-ш-ш… — донесся мягкий голос Микаэлы. — Не плачь, моя девочка, не плачь. Они просто боятся.

Айя вздрогнула. Рядом каким-то образом оказался Керро. Он вернулся последним и подошел неслышно. Выглядел же при этом до крайности спокойным, словно ничего необычного не

произошло.

— Не плачь, — продолжала тем временем уговаривать Алису доктор Куин. — Они обязательно вернутся, примут бой, и твоя мечта сбудется.

Керро, наблюдавший за происходящим, мысленно продолжил: «И тогда ты умрешь, потому что глупо выходить с автоматом против боевого вертолета, а от ПЗРК ты отказываешься. Что ж… по крайней мере, погибнешь счастливой».

После этого рейдер повернулся к Айе. Лицо у нее было… словами не передать — бледное, вытянувшееся. А в глазах непонимание, ужас, растерянность.

— Закончилась лафа, — сообщил мужчина, словно было мало произведенного раньше эффекта. — Гостям лучше сваливать, теперь ребят на негатив сорвет. Со мной пойдешь или останешься? Если останешься, не гарантирую, что до утра доживешь.

— А если ты останешься? — спросила Айя.

— Я-то доживу. Но друзей убивать неохота, — ответил Керро с прежним бесящим спокойствием.

Его собеседница на пару секунд задумалась. Припомнила рассказ Терезы про дубинку, затем то, как Эсмеральда рассекла картой кусок мяса, после этого подумала о Щелкунчике, ненавидящем крыс, и об аристократическом спокойствии доктора Куин…

— Я… лучше с тобой, — пробормотала Айя и сама себе удивилась: кто бы сказал утром, что так все сложится — в лицо бы рассмеялась.

Керро тем временем кивнул проходящему мимо Роджеру:

— Слышь, я на лежку. Гостью вашу забираю. Маякни Дровосеку.

Роджер, не останавливаясь, кивнул и на ходу достал рацию.

…На улице уже повисла глухая ночь. Айя приготовилась идти далеко и долго, но в этот миг под ноги Керро упал камешек, и мужчина свернул в соседний подъезд.

Там за обвалившейся стеной, откуда открывался отличный обзор улицы, стоял видавший виды пикап с наброшенной на него масксетью. В слабом свете луны Айя разглядела установленный в кузове здоровенный пулемет, за которым сидел крепкого вида мужик в полной штурмовой броне, окрашенной почему-то в цвет стали.

Девушка замерла, разглядывая в полумраке незнакомца, а тот, дружелюбно махнув Керро, спросил с удивлением:

— Ты чего так рванул? Знал же, что я на стрёме.

Тот в ответ хмыкнул:

— А может, тебя, Дровосек, уже враги прирезали? Или ты отвлекся.

— Угу. Еще скажи — забухал, — проворчал часовой и добавил: — Никому-то ты не веришь…

Девушка так и не поняла, чего больше было в голосе Дровосека — осуждения или одобрения.

— Верить можно только себе, — сказал Керро и после короткой паузы добавил: — Да и то не всегда.

— Вали уже, — миролюбиво напутствовал его собеседник. — Ровной дороги вам.

— Ну и все ваши чтоб утром вернулись, — ответил Керро.

— Куда им деваться-то, — хмыкнул Дровосек.

* * *

Луна, как назло, спряталась, и теперь густые сумерки налились чернотой, такой непроглядной и плотной, что, казалось, она должна глушить звуки, как толстое одеяло. Впрочем, откуда тут взяться звукам?

Айя брела, то и дело спотыкаясь. Носков на ней теперь была всего одна пара, и ботинки Доковой жертвы уже спустя квартал стерли ноги до мяса. Да еще Керро! Он, вроде, не торопился, но все равно шел достаточно быстро, а дорога была совсем дрянная — сплошные ямины и камни. Когда девушка в очередной раз чуть не упала, ее спутник, видимо, понял, что таким манером идти придётся долго.

— Руку дай, — сказал он.

— Зачем? — тут же насторожилась девчонка.

— Дай сюда! — он перехватил ее запястье и положил себе на пояс. — Держись.

Идти, конечно, стало проще. Но Айе было очень неуютно. Однако деваться некуда. Держалась и шла. Хоть не упала. Но пару раз все-таки споткнулась и устояла только потому, что вовремя была ухвачена за шкирку.

В темноте все было одинаково. Одинаково не видно. И ни огонька. Нигде. Даже ладонь собственную не разглядеть. Но Керро в очках шел и не оступался. Айя плелась рядом.

Хоть бы луна выглянула!

Казалось, их путь продолжается уже несколько часов. Наверное, рассвет скоро. Бок дергало, стертые ноги жгло огнем. Ботинки стали совершенно неподъемными. Да когда же это закончится?

Никогда.

И шли, и шли, и шли…

Он остановился, когда Айя уже переключилась в режим автопилота и почти отрешилась от ощущений собственного тела. Наверное, открылось второе дыхание. Иначе как объяснить, что ее спутник замер, а она продолжила брести, утягивая его за собой.

Керро удержал ее привычным уже способом — за шкирку.

— Пришли.

Айя замерла. Куда пришли-то? Ничего не видно.

Мужчина двинулся вперед.

По каменному развалу забрались в какое-то здание. Внутри от малейшего шороха начинало гулять эхо. Было даже жутче, чем на открытой местности. Пахло сыростью, камнем, ржавчиной. Под ногами хрустела бетонная крошка.

Потом была лестница. И хлипкие ступеньки содрогались от шагов. Айя думала: а вдруг не выдержат? Она попыталась найти в темноте перила, но вместо них нащупала только пустоту. А потом вниз сорвался маленький камешек. И падал долго.

Осторожный же неторопливый подъем все длился и длился. Девушка вцепилась в своего спутника так, чтобы если лестничный пролет под ними двумя все-таки обвалится, падать ей пришлось не одной.

Не обвалился.

Хотя пару раз Керро замирал, выжидая, когда прекратится дрожь камня.

— Не надо идти в ногу со мной, — сказал он.

— Угу, — ответила спутница. А про себя подумала: «Все равно не отцеплюсь».

К счастью, скоро путь завершился.

Айя услышала звук открываемой легкой двери, следом за которой отошла от стены массивная металлическая.

Керро легонько подтолкнул девушку вперед — в темноту, а затем вошел сам. Щелкнул один замок, потом второй. Обе двери закрылись. Гостья же замерла, не зная, куда двинуться. Тем временем в углу послышалось тихое шуршание, а потом загорелся неяркий электрический свет, который озарил скромную обстановку: кровать, стол, пару стульев, две узкие двери в стене напротив.

Здесь было прибрано: вещи стояли каждая на своем месте, однако пахло нежилым помещением, да лежал повсюду тонкий слой пыли. Айя добрела до ближайшего стула, плюхнулась на него и взялась расшнуровывать ботинки. Вот сейчас она их снимет, и жизнь сразу наладится. Мгновенно. И бок перестанет болеть. И ноги. И голова. Девушка сбросила тяжелую обувь и блаженно пошевелила пальцами.

Хозяин комнаты тем временем возился возле печи, сделанной, видимо, как все печи в черном секторе — из бочки и трубы. Керро положил внутрь черный брикет топлива, что-то там поколдовал, и пламя начало медленно разгораться. Мужчина зевнул, потер лицо ладонями и поднялся. Скинул куртку, повесил ее на спинку стула, затем сел за стол, снял через голову левый пистолет-пулемет, свинтил глушитель и спрятал в подсумок. После этого, оставив оружие на столе, повторил то же с правым. Бронежилет снимать не стал, достал набор для чистки и маленький пистолетик из кармана, разрядил его и начал приводить в порядок.

— Зачем я тебе? — спросила Айя, потому что ее тяготило его молчание и игнорирование. — Деньги неважны, ты сам сказал. Зачем тогда?

— Деньги — прах, — равнодушно ответил мужчина и пояснил: — Их всегда можно добыть. Что действительно важно — ответить на Вызов. От мира, от людей, от судьбы. Достойно ответить. Не слиться. Не бегать от трудностей. А деньги… если они есть, то ответить проще. Вот и все. Так что ты со своей тайной — Вызов.

Девушка устало усмехнулась:

— Знаешь, я тебе одну вещь скажу. Наверное, она тебя расстроит. Но ищут кого-то другого. Ясно? Когда меня из интерната приволокли к покупателю, он чего-то там исследовал — взял у меня кровь, в глаза посветил, а потом сказал, что не те образцы и притащили не то, что надо. Точнее, не ту. И мужиков тех назвал жопорукими. Поэтому меня и отвезли к доктору. Ну, которого ты убил. Решили, что целую в бордель — слишком дешево, а по запчастям хоть как-то отобьют рейд. Так что никакого Вызова. Я не та.

И она закрыла глаза, потому что слишком сильно устала от всего, и главным образом — от тошной боли, которая дробилась в теле на самые невозможные оттенки: пульсирующую тянущую в боку, глухую и раскатистую в висках, жгучую и саднящую в стертых ногах.

— Ошибаешься, ищут именно тебя. Но, — здесь Керро присмотрелся к девчонке и поднялся, — сегодня не время для серьезного разговора.

Он прошел к одной из дверей и на некоторое время исчез. Айя безо всякого интереса проводила его взглядом, а потом вдруг оживилась, увидев оставленное на столе оружие. Ведь если схватить и…

И что?

Вряд ли удастся грохнуть его на его же территории. Но, даже

предположим, у нее получится. Случится чудо. Что потом? Что она будет делать?

Девушка все же с легким сожалением отвела взгляд от автомата. Хм.

А вот тот маленький пистолетик…

Айя встала, подошла к столу, даже не пытаясь соблюдать тишину. Взяла оружие. Покрутила в руках и сказала:

— Я у Дока взяла пистолет. Жаль, что не вернули.

Керро вернулся, неся в руках скатку спальника. И — чем особенно удивил свою гостью — старую пластиковую щетку.

— Слишком быстро пришлось уходить. Вернут, — сказал он и добавил: — А брать чужое оружие невежливо.

— Извини, — девушка поспешно отдернула руки.

Мужчина передал ей спальник, щетку и показал на пол:

— Устраивайся. Разговоры завтра.

Керро сел дальше чистить дерринджер. Айя подмела комнату, несколько раз звонко чихнула, раскладывая спальник, который тоже был пыльным. Девушка кое-как расстелила его, сняла куртку, свернула ее в несколько оборотов, устроила в изголовье вместо подушки и забралась внутрь мешка.

— Спокойной ночи, — пробормотала она.

Ответом была, конечно, тишина.

Горел свет, мужчина возился с оружием, было тихо. Но все-таки заснуть не получалось. Айя долго возилась, устраивая сперва больной бок, а потом больную голову. Однако когда одному становилось хоть капельку комфортно, другое сразу же спешило о себе напомнить. Приходилось снова елозить, но, несмотря на все усилия, хоть сколько-то удобно лечь не удавалось. Наконец, намаявшись, девушка села и поглядела на Керро. Тот уже снял бронежилет и теперь о чем-то размышлял над листом бумаги.

— Что ты там пишешь? — осторожно спросила Айя.

— Чего не спишь? Бок, что ли, болит? — Керро отвлекся, достал из нарукавного кармана куртки маленькую коробочку, вытащил из нее таблетку и бросил гостье: — На.

Она поймала на удивление ловко. Оглядела. Таблетка была крохотная.

— Через полчаса отпустит, — сказал мужчина.

— Керро? — Айя проглотила таблетку, накинула на плечи куртку и, чтобы отвлечься от дергающей боли в боку и озноба, решилась все-таки снова с ним заговорить: — А кто такие эти люди? Алиса, Тереза, доктор Куин… Откуда они взялись?

— Кролики-то? — спросил собеседник.

— Почему кролики? — удивилась девушка.

Он в привычной уже манере проигнорировал ее вопрос и

невозмутимо продолжил:

— Кроли — это кроли. Они когда к нам в первый раз приехали, о них слава шла — будь здоров. И резкие, и дерзкие, и не боятся ничего, и хрен предскажешь, что сделают. В предыдущем секторе они из-под удара вышли и тамошних бонз вырезали нахрен. Все ждали: под себя сектор подомнут, а они возьми да и свали. Там еще долго после этого беспредел творился. И вот это счастье — к нам.

Айя похлопала глазами, но, кто такие бонзы, спрашивать не стала. Все равно ведь опять сделает вид, что не услышал. Керро тем временем повернулся к ней, отвлекшись от своей бумажки, и продолжил:

— Ну и вот собрали сходняк все бонзы, я, еще двое… Базарили-базарили, добазарились, что, мол, надо попробовать кролей в рамочки аккуратненько ввести, чтоб они жили, но другим не мешали. Ну, или в меру мешали. Вызвался я. Пришел к ним. Тут потрепался, там помог, здесь слегонца разрулил, где-то чуток припахал…

— Алису трахнул… — пробормотала Айя.

— И не раз, — усмехнулся Керро.

Надо же, услышал! Не проигнорировал.

— Потом, здесь притормозил, там направил… — спокойно продолжил он и закончил: — В общем, через две недели кроли никому серьезному уже не мешали, а если с умом подойти, то и помогали. Адаптировались, то есть, к условиям реальности.

— А откуда они все-таки? — снова влезла Айя.

— Во многих знаниях многие печали, как говорит Мать Тереза, — ответил собеседник.

— Но все-таки? Или это закрытая информация? — корпоративная фразочка соскочила с языка сама собой.

Керро хмыкнул.

— Да кому она нужна, закрывать ее, — зевнул он. — Была когда-то корпорация. И надумала она с наркозависимостью побороться. Не то топы чересчур увлеклись, не то работяги от промнаркоты дохнуть стали сверх нормы… Ну, построили лабораторию, наловили материала, подсадили на разные виды дури и стали лечить. Что характерно, успешно вылечили, но побочным эффектом оказалось стирание личности. Обнуление памяти. Мозги — в сублимат. В итоге программу задвинули. Но чуть погодя вылез новый научник, мол, а давайте по стертому чего-нибудь новое пропишем? У меня и методика революционная есть! Вот и прописали. Что вышло — сама видела. Взяли за основу нереальные личности. Так результат проконтролировать проще, у них же черты характера ярче обозначены, чем у

обычного человека. В общем, всё получилось. Но вот что с новыми личностями делать, никто не знал. Потом еще один научник, уже третий по счету, выступил с предложением обкатать методы нефармацевтической стимуляции организма. Тоже успешно. Если как-нибудь Алису в деле увидишь — поймешь…

— А четвертый был? — не то чтобы Айя так уж хотела знать ответ, но надо было сказать хоть что-то и заглушить идущий словно из глубины голос Матери Терезы: «Ибо шел я долиною смертной тени, и не было окрест ни зверя, ни человека. И лишь отчаяние было моим спутником, да густой туман окружал меня…»

— Был. Но накосорезить не успел, — Керро развел руками. — Сгорела лаборатория. Внезапно. Ну, а в мире появились кролики.

— Так почему «кролики»? — беспомощно спросила Айя, в голове у которой спокойно и размеренно продолжал вещать голос: «И отобрал я оружие адово, и трижды по десять раз опустилось оно на голову вражью, покуда не перестала нечисть в обличии людском дергаться. А Господь сказал мне…»

Ее собеседник голоса безумца не слышал, но все-таки пояснил.

— А у них изначально трое главных рулили: Кролик Роджер, Кролик Банни и Братец Кролик. Вот и прицепилось. Ну, а остальным беглецам пофиг было, — Керро скривился, смял бумагу, которую крутил в руках, кинул комок на металлический лист и поджег. — Спи. Скоро закрутится, и тогда не до отдыха уже будет.

Девушка открыла было рот, чтобы спросить, что именно закрутится, но собеседник бросил на нее тяжелый взгляд и повторил:

— Спи.

Поэтому она снова сняла куртку, свернула ее и положила под голову. А затем закрыла глаза и мгновенно провалилась в черноту сна.

* * *

У боли сотни оттенков, но цвет всегда один — белый, выжигающий глаза. Такой яркий, что слепнешь, заливаясь слезами, не в силах разлепить веки.

Айя знает: когда лампочки в потолке вспыхивают столь ярко — к ней идут. И до тех пор, пока не срабатывает пневматический механизм на двери, она замирает, крепко зажмуриваясь, в надежде, что свет побледнеет, перестанет отражаться от белых

стен и потолков, от безупречно чистого блестящего кафеля, поблекнет, смеркнется, и о ней забудут. Но потом с шелестящим присвистом отходит дверь бокса, и от этого звука тело сводит судорога.

И Айя кричит. Выгибается и бьется в надежных пластиковых креплениях, орет, аж заходится. До хрипоты, до спазмов в горле. И в ослепительно белом свете, режущем глаза, видит человека в белой же одежде — безупречно чистой, крахмальной, хрустящей и с эмблемой на груди: темно-синий квадрат, внутри которого красный знак бесконечности с нанизанным на него, словно бусина, синим атомом.

Яркий свет отражается на тонкой стали иглы, вспыхивает искрами на прозрачной капле препарата. Боль взрывается в теле ослепительной белизной, и Айя визжит, выплевывая легкие.

— Эй…

Девушка распахнула глаза.

Темно. Тихо. Лишь сердце колотится, ударяясь о грудную клетку.

Нет белого света. Нет креплений. Просто в спальнике запуталась. И боли тоже нет. А та, которая пульсирует в боку, настолько мала и незначительна, что о ней даже и вспоминать не стоит.

Во сне Айя кричала, орала во все горло. Но наяву этот яростный вопль был не больше, чем тонким поскуливанием. Смешно…

Она вытерла трясущимися руками мокрое от пота лицо и спросила хриплым голосом:

— Где у тебя вода?

Во рту было сухо, язык еле ворочался.

— Возле стола, — ответил Керро.

Кое-как девушка выбралась из спальника. Тело била дрожь. Айя чувствовала себя больной и бесконечно слабой. Она на ощупь подошла к столу, нашарила бутылку с водой и долго не могла справиться с крышкой.

— Дай сюда, открою, — сказал с кровати мужчина, слушавший ее сопение и возню.

Девушка пошла на голос и протянула темноте бутылку. Темнота взяла, свернула с горлышка крышку и вернула обратно. Айя, не спрашивая разрешения, села на край кровати и долго-долго пила. Казалось, вода испаряется, не доходя до желудка.

Сердце чуть-чуть успокоилось. И руки уже не так дрожали. Пот, выступивший по телу, начал высыхать. Стало зябко.

— Ты когда-нибудь видел такой значок — красная перевернутая восьмерка в квадрате и на ней синий шарик? —

спросила Айя темноту.

— Иди спать, не парь мне мозг, — ответила темнота голосом Керро.

— Угу, — сказала Айя и встала.

Она забралась обратно в спальник и пробормотала оттуда:

— Не буду.

Темнота промолчала.

День второй

А значит, будет с кем вместе ступить за край…

Группа «Пикник» «Шарманка»

Золотой значок-жетон к этому костюму не шел, и Эледа предпочла заменить его обычным пластиковым бейджем, простенько, без претензий закрепленным на кармашке пиджака.

Зеркало в ученическом боксе, где Эледа остановилась, было небольшим — всего-то до пояса. Да уж, это не привычный голокомплекс, позволяющий рассмотреть себя в натуральную величину и со всех сторон. С другой стороны, зачем местным серым мышкам большие зеркала и тем более фэшн-девайсы? Одеты местные питомцы всё равно в одинаковую аскетичную ученическую форму корпорации — коричнево-черную, скучную.

А вот мисс Ховерс досадовала, что не может разглядеть себя как следует.

Сегодня она оделась, наплевав на регламент. Настроение было безнадежно испорчено с самого утра письмом отца. Как обычно, несколько строк, дышащих заботой и любовью: «Эледа, девочка моя дорогая. Наш мир, конечно, противоречив, но потому и весьма удивителен. Я вот, например, узнал, что ты сейчас вынуждена работать с Джедом Ленгли. Скорее всего, ты не в курсе, но очень многие готовы хорошо заплатить за его голову. Правда, пока никто не преуспел, так что цена растет. А потому я требую от тебя соблюдения предельной осторожности. Предельной. Не рискуй. И по-хорошему расстанься с ним при первой же возможности. С другой стороны, работа с таким человеком — это опыт и более чем стремительное продвижение по карьерной лестнице, то, что превыше всего — результат. Только помни: результатом надо еще суметь воспользоваться. Надеюсь, ты максимально трезво оценишь свои силы и примешь взвешенное решение. С любовью, папа».

Ох, папочка, милый, ну, конечно, она и оценит, и примет, и воспользуется. Однако же нет, надо ос**ы**пать советами, предостережениями, назиданиями и указаниями. Утомительно и тяжко быть единственным и поздним ребенком. Отцу скоро восемьдесят, немудрено, что каждый шаг «Эледы, девочки его дорогой» он контролирует с момента ее появления на свет. Без инструктажа и бдительной опеки ее отпускали только в душ. Все

остальное подлежало тщательному надзору и изучению: знакомства, связи, поездки, даже магазины, отели и рестораны, которые она посещала или собиралась посетить. Иногда это раздражало до крайности. Как, например, сегодня. Эледа считала себя достаточно здравомыслящей и неглупой, чтобы действовать самостоятельно, без родительского попечения.

Мисс Ховерс еще раз оглядела себя в зеркало. Что ж… день предстоит непростой.

Когда она вышла, телохранители уже ожидали у дверей. Батч выразительно присвистнул. Вот что с него взять? Совершеннейший олух. Даже злиться долго нельзя, просто энергии не хватит. Винсент, в отличие от своего простодушного напарника, удивление никоим образом не обозначил. Вместо этого лишь ровно сказал:

— Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь.

Эледа улыбнулась так, словно хотела заморозить собеседника заживо:

— Винсент, смею напомнить, что ты приставлен к этому телу не для того, чтобы оно оправдывало твои надежды. А для того, чтобы его хранить. Поэтому занимайся тем, чем должен — храни. И помалкивай, если дело не касается защиты.

Батч отвернулся, пряча улыбку, в его глазах Эледа буквально по буквам прочла: «ПМС».

Агент Ховерс обвела охранников мрачным взглядом.

Сегодня она распустила волосы и оделась не в официальную форму службы СБ, а в элегантный черный костюм — слегка расклешенные брюки, стянутые на бедрах кожаным лакированным ремнем нежно-голубого цвета, черный обтягивающий топ и приталенный удлиненный пиджак. А чтоб разбавить мрачную симфонию, колье из бирюзы.

— Напоминаю, джентльмены, — процедила Эледа и застегнула пиджак, в результате чего костюм из фривольного вдруг как-то разом превратился в строгий. — У нас сегодня будет трудный день. Не осложняйте его себе еще больше.

«Джентльмены» на это замечание никак не среагировали. Точнее, Винс не среагировал, а Батч разглядывал подопечную с прежним добродушным удовольствием. Собственно, и Хейли, и Фэйн задержались возле мисс Ховерс именно потому, что один воспринимал ее ядовитые выпады с невозмутимостью индейского вождя, а другой по жизни не привык над чем-либо заморачиваться.

В кабинете мистера Эдтона пахло кофе, и сидел за столом слегка растративший прежний лоск агент Ленгли. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, галстук слегка ослабил, из-за

чего, наконец, стал похож не на корпоративную машину возмездия, а на вполне живого человека. Даже немного привлекательного.

— Доброе утро, господа, — поприветствовал он Эледу вместе с ее эскортом. — О, агент Ховерс, вы сегодня не в официальном…

Девушка в ответ на это устало покачала головой:

— Агент Ленгли…

— …Джед.

— Джед, — поправилась она, — я ведь ехала сюда с проверкой на один день. Даже вещей на смену не взяла. И этот-то костюм захватила только потому, что собиралась на обратном пути к родителям, а вовсе не для того, чтобы смущать вас нарушением регламента…

Ленгли на это усмехнулся и сказал:

— Что ж, значит, мне просто повезло, — и уже совершенно официальным тоном продолжил: — Итак, за прошедшую ночь ничего особо существенного у нас не добавилось. Вот тут, — он крутанул зависшую над голограммером схему-проекцию интерната, — был обнаружен подкоп под стеной. В нескольких сотнях метров к северу — след протектора внедорожника. Более подробных результатов криминалистическая экспертиза пока не дает — не готовы. Медики тоже работают, кстати, благодарили за сбереженные образцы.

После этого Ленгли выдвинул ящик стола, достал оттуда планшет и протянул Винсенту:

— Мистер Хейли, это вам. Тут сводная информация по тридцать седьмому сектору, с территории которого поступил звонок. Изучите. Возможно, что-нибудь натолкнет вас на соображения.

Винс взял планшет и мельком пролистал документы: доклады агентов, карта, актуальность которой весьма сомнительна, аэро- и космические снимки, результаты давней радиоразведки… Одним словом, свалка.

— Я не работал в тридцать седьмом, — сказал рейдер. — Но систематизирую то, что есть.

Ленгли кивнул и обратился к Батчу:

— Теперь вы. Я читал ваше досье и обратил внимание, что одно ваше присутствие способствует повышению работоспособности местного персонала. Пройдитесь по интернату, загляните к криминалистам и медикам… Если что-то обнаружите, то немедленно сообщите.

Каратель в ответ на это довольно странное распоряжение кивнул, однако вопросительно покосился на Эледу, которая задумчиво пила кофе. Почувствовав его взгляд, мисс Ховерс

отставила чашку и произнесла с раздражением:

— Боже мой, Батч, да хоть на час избавьте меня от вашего общества! В глазах уже рябит.

Агент Ленгли сказал, заполняя образовавшуюся паузу:

— К обеду жду вас обоих с подробными отчетами. Эледа, — он повернулся к девушке, — я бы хотел обсудить с вами и систематизировать уже собранную информацию. Важна каждая мелочь, а я провел бессонную ночь, да и собеседников не было.

Мисс Ховерс кивнула, однако настроение у нее не улучшилось, хоть она и постаралась тщательно скрыть раздражение на своих амбалов.

Девушка занимала Ленгли. По дороге на место расследования он уже изучил ее подробное досье: любимая дочь управляющего тремя секторами мегаплекса — богатого и влиятельного отца, которую мистер Нейт Ховерс лелеял ничуть не меньше, чем свои капиталы. Лучшие гувернантки, лучшие наставники, лучшая школа — все самое-самое лучшее. Не дура. Успехи и в школе, и в колледже более чем впечатляющие. Однако же характер крайне тяжелый. С того момента, как отец приставил к дочери телохранителей, сменялась уже третья группа. Стоит отдать должное самообладанию Хейли и Фэйна — эти продержались дольше всех своих предшественников, вместе взятых. А может, мисс Ховерс и вправду их ценила. Что, впрочем, не мешало ей периодически отдавать подчиненным команду: «Место!»

— Эледа, — Ленгли выключил голограммер, — даю вам час на изучение материалов дела, собранных за ночь. Через час я вернусь, и вы озвучите мне свои соображения. Если они будут. Если нет…

— Джед, не надо ставить под сомнение мою профпригодность, — сухо прервала его девушка. — Если я сижу перед вами в гражданской одежде, а не в форме СБ — это еще не повод думать, будто вместе с костюмом я сменила и интеллект.

Ленгли усмехнулся. Для младшего агента СБ это были, конечно, крайне дерзкие слова, однако для наследницы могущественного клана мисс Ховерс вела себя более чем сдержанно.

— Тогда приступайте.

* * *

Айя проснулась оттого, что выспалась. Это было непривычное и в чем-то даже удивительное ощущение. В интернате учеников

будили всегда в одно и то же время — в восемь утра. Вставать приходилось по общему звонку, и если у остальных девчонок как-то получалось подняться раньше, то Айя каждый раз еле отрывала себя от подушки. Спать хотелось до невозможности! И она все мечтала, что когда-нибудь сможет проснуться просто так — сама по себе, а не под противный сигнал интернатской побудки. Домечталась.

И все-таки было хорошо… Как это ни странно. Распаханный пулей бок за ночь успокоился, и хотя рану еще нудно тянуло, саднящая боль ушла. Голова тоже почти утихомирилась. Снова хотелось есть. Девушка поднялась на локте и огляделась.

Хозяин комнаты сидел на стуле уже в очках и бронежилете, но пистолеты-пулеметы пока лежали на столе. Когда Керро увидел, что гостья открыла глаза, то молча подтолкнул к ней банку консервов. Та, проехав вперед, удивительным образом остановилась как раз на краю.

Айя выбралась из спальника, пригладила торчащие веником волосы и сказала хриплым со сна голосом:

— Доброе утро…

Ответом ей была тишина. В этой тишине девушка обулась и прошлепала к столу, где заняла пустующий стул, взяла в руки жестянку с чем-то, пахнущим безумно вкусно, и принюхалась.

— А ложка есть? — спросила Айя.

Керро взял ложку, торчащую из такой же в точности (но уже опустошенной) банки, и передал ей.

— Хочешь чистую — там, — он кивнул на дверь кладовки, из которой накануне принес спальник. — Вода тоже.

Девчонка поглядела на дверь, на ложку, на банку с едой и вздохнула. Снова поднялась, отправилась в кладовку, где некоторое время шуршала и чихала. Потом вернулась довольная, уселась обратно и сразу же взялась лопать с таким аппетитом, словно неделю голодала. Керро посмотрел, как она уминает холодные консервы, и, вздохнув, сказал:

— Если продавить дно, то включится разогрев…

— Да? — гостья была искренне удивлена, приподняла банку, посмотрела на дно, надавила и поставила обратно на стол, с любопытством заглядывая внутрь. — А когда можно будет дальше есть?

— Когда прогреется. Итак, как ты уже знаешь, меня зовут Керро. Имя не первое и, думаю, не последнее, но пока зови так. А как называть тебя?

Она посмотрела в уже знакомой ему манере — слегка исподлобья:

— Айя Геллан. И это единственное имя. Другого нет, —

девушка снова заглянула в банку, пошевелила еду ложкой и негромко произнесла, избегая смотреть на собеседника, глаза которого скрывали черные линзы очков: — Ты сказал, утром мы поговорим.

Керро про себя порадовался, что девчонка не отмалчивается, как накануне, и уже не вздрагивает всем телом от любого его неосторожного движения.

— Так вот, Айя Геллан с единственным именем, — произнес, наконец, он. — Ищут именно тебя. Других доноров у Мусорного Дока вчера не было… не успел он, — на этих словах Керро хмыкнул. — И именно за тебя с ходу предложили сто тысяч. Могу поспособствовать, чтобы их получила ты лично, — он снова усмехнулся и явно кого-то процитировал: — Возьму адекватный процент.

Девушка некоторое время молчала, помешивая ложкой консервы, а потом угрюмо спросила у банки с едой:

— Зачем тебе мне способствовать? Зачем процент, когда можешь взять все? Объясни, — она, наконец, оторвала взгляд от столь занимавшей ее еды. — Про Вызов я помню. Но зачем при этом мне помогать?

Собеседник пожал плечами:

— Считай, я слишком ленив, чтобы за тобой все время следить и не давать удрать.

Айя в ответ на это медленно кивнула. Словно в такт этому кивку у нее в голове сразу же отозвалась пока еще слабая боль: царапнула лоб и робко застучалась о виски. В ушах на миг зашумело, а девушка откуда-то издалека услышала собственный голос:

— Хорошо. Если я соглашусь, то, что получу, кроме денег? Что ты можешь мне предложить? Ты заработаешь «адекватный процент», свой Вызов и что-то еще. А я?

Она удивилась тому, как сухо и холодно говорит. Мигрень же с каждым произнесенным словом яростно вгрызалась в мозг, словно собиралась проесть в нем ходы и забраться поглубже.

— А ты получишь возможность выбрать, кому достанешься, — ответил Керро.

Девушка застыла, не зная, что на это сказать. Боль провернулась в мозгу раскаленным сверлом — мысли разлетелись, как фрагменты паззла, и в голове вдруг стало пусто и голо. Айя понимала — собеседник ждет от нее какого-то ответа, значит, нужно говорить, но у нее не получалось даже толком понять то, что она уже услышала.

Айя потерла лоб, чувствуя себя глупой и растерянной, а потом вдруг все встало на свои места. Сделалось простым и

понятным.

Она с горьким смешком переспросила:

— Выбрать, кому достанусь? Щедро. А если я не хочу никому доставаться? Если я хочу… не важно. Не этого если хочу?

Керро кивнул ей за спину:

— Дверь сзади.

Собеседница смерила его угрюмым взглядом. Ей было понятно: если сейчас дать согласие или, наоборот, встать и уйти — это в обоих случаях будет проигрыш. Причем проиграет она не Керро, а самой себе, и проиграет не в противостоянии характеров, а в борьбе за выживание. Нельзя молчать. Нельзя соглашаться. Нельзя отказываться. Нельзя истерить. Нельзя злиться. Нельзя-нельзя-нельзя… Можно только торговаться, воззвав к здравому смыслу. Ведь не желай этот странный человек переговоров, он уже скрутил бы ее и отнес, куда надо, получил бы от кого-то «адекватный процент» и дальше бы спокойно трахал Алису. Ну, или не спокойно. Или не трахал. В общем, жил бы себе, как прежде.

Но ведь зачем-то он притащил ее сюда. Для чего? И кто он вообще такой? Почему так в себе уверен? Может, ему просто скучно? Он же говорил про Вызов. Для какого нормального человека некий абстрактный Вызов может служить достаточным мотивом, чтобы ввязываться в непонятную заваруху? Всё странно. Но раз он пытается договориться, надо договариваться. И лучше не продешевить, иначе бессмысленно и связываться.

Поэтому девушка, загибая пальцы, начала перечислять:

— Денег нет, оружия нет, ничего нет. У меня какой-то небогатый выбор, не находишь? И если я останусь, богаче он тоже не станет. Выбрать между покупателями? Вряд ли у них гуманные планы. Предполагается, моя смерть будет просто несколько… отсрочена. Неинтересно.

Айя отодвинула банку с консервами и теперь сверлила мужчину глазами. Керро на ее эскападу словно не обратил внимания, но все-таки девушке на долю секунды показалось, будто он едва сдержал смех.

— Выбор у тебя есть. Уйти и попытаться выжить сейчас или узнать, что ты такое, кому нужна и зачем. А потом… потом тоже пытаться выжить, зная немного больше. — Он сделал паузу и закончил: — Впрочем, если кто-то предлагает тебе лучший выбор, я не держу.

— Толково придумано, — похвалила собеседница. — Тебе не хочется возиться, поэтому проще, если я соглашусь и из балласта превращусь в активного союзника. Удобно. Тебе. Удобно ответить на Вызов, получить процент… А у меня сомнительная

перспектива возможного выживания. Сомнительная. И возможного. Как сейчас, собственно. Так в чем разница? Я хочу что-то более конкретное.

Керро хмыкнул и про себя подумал: «Сама — не пойми что, а все туда же — конкретное ей подавай», но ничего подобного говорить, конечно, не стал, только подытожил:

— Такая ты мне куда больше нравишься. Глядишь, и союзником будешь лучше, чем до сих пор казалась. Что ж, второе предложение. Мы узнаем, кто ты, и тогда продолжаем разговор.

Тембр его голоса и сам тон изменились. Айя не столько даже услышала, сколько почуяла на уровне инстинкта, что угроза отступила. Не было больше прежнего холодного равнодушия, появилась заинтересованность. Керро вдруг стал похож на живого человека, с которым можно договориться. От облегчения у девушки по спине пополз пот.

— Раз я тебе такая больше нравлюсь, тогда попробуй… — она задумалась, тщательно подбирая слова. — Говорить со мной не как с предметом мебели. Я так буду куда лучшим союзником.

— А ты веди себя не как предмет мебели. Примерно как сейчас.

Она ковырнула ложкой подостывшие консервы и сказала:

— Попробую. — А потом потерла лоб. — Но и ты попробуй тоже.

Керро встал, вышел в кладовую, откуда вернулся с несколькими листами бумаги и стилом.

— Тогда слушай сюда. За той дверью — туалет, а за той — запасы. Что найдешь — пользуйся. Топить не больше пары брикетов за раз. Из кладовой есть выход в комнату с окном, надумаешь проветриться, к окну не подходить. И первое тебе задание. Пиши свою биографию. Максимально полно и подробно. Писать-то умеешь? Активный союзник.

Она с дерзким прищуром посмотрела в непрозрачные линзы очков:

— Если прописными буквами — разберешь? Или лучше печатными?

Собеседник усмехнулся:

— Пиши печатными и покрупнее.

Потом, усилием воли сдержав смех, он набросил оружейные ремни, надел куртку и вышел, напоследок сказав:

— Если к утру не вернусь, лежка со всеми запасами твоя. Владей.

* * *

Этот день, к счастью, выдался не таким пасмурным, как вчерашний, что определенно радовало, поскольку шататься под мокрым снегом или моросью — то еще удовольствие. Ходить же, как ни крути, нужно: встреч будет много, а болтовни еще больше.

Тусклый шар солнца маслянисто светился за пеленой тяжелых низких облаков. Сегодня было теплее, чем накануне, потому даже грязные улицы казались уютнее.

Первый из визитов Керро решил нанести Ушлому. Ушлый мало того, что при делах, еще и всегда в теме о происходящем в секторе, к тому же из всех бонз именно он умеет добывать наиболее точную информацию. Как и по каким каналам — хрен его знает. Ну и, наконец, Ушлый все-таки держит руку на пульсе и наверняка ждет Керро, чтобы узнать, удалось ему чего-нибудь нарыть или нет.

Неприступный особняк авторитета со стороны смотрелся обычным обшарпанным двухэтажным домишкой. Древняя, как Вторая Корпоративная, постройка жалась на углу квартала, одной стороной выходя на замусоренный проспект, другой на тесный проулок. Серая штукатурка частично облезла и походила на струпья, прикрывающие темно-красную плоть кирпичной кладки. Окна тут были узкие, и когда-то давно их подпирала лепнина, от которой сейчас осталось лишь несколько фрагментов. В общем, обычный такой домишко с невзрачным подъездом и даже не впечатляющий размерами.

Ушлый предпочитал работать тихо, жить в тени, а контакты налаживать незаметно, потому и не стремился к яркости и пышности. Однако, несмотря на общую неприглядность и даже откровенную ветхость снаружи, логово авторитета было совершенно неприступно для любой секторальной группировки. А по оценкам Керро этот хилый с виду домик и против штурма корпов продержался бы не меньше четверти часа. Причем полноценного штурма — с техникой и вертолетами. Тогда как хозяин за это время легко ушел бы подземными коммуникациями.

Зато внутри особняка было не то, что снаружи: чисто, светло и с претензий на стильность — уютная гостиная, обставленная красивой дорогой мебелью, ковры на полу, мягкое освещение, даже камин. А еще шкафы со стеклянными дверцами и настоящими бумажными книгами на полках. Ушлый питал слабость к раритетному барахлу, поэтому все, кто хотел сделать подгон, тащили ему древнюю бестолковую бню: ветхие тома, подшивки газет и журналов, какие-то альманахи и прочее барахло… Коллекция разрослась до того, что бонза, задумай он пустить ее в камин, мог бы топить с полгода.

Собственно, все, кто в секторе хоть что-то из себя представлял, жили именно так: снаружи общая разруха и грязь, а внутри чистота, удобства и какое-нибудь дорогое увлечение, ну чисто чтоб с жиру побеситься и перед другими повыделываться. Патлатый, например, собирал старый холодняк и развешивал на стенах. Его мечами, палашами, саблями и ножами можно было уже небольшую армию вооружить. Бивень перся со всяких гаджетов… Да мало ли у людей заскоков? Однако следовало признать, Ушлому его заскок подходил.

К приходу Керро бонза сидел в высоком кресле, попивал кофе и пялился в одну из своих книжонок — интеллигент на отдыхе прям. За массивным столом устроился, что-то изучая в планшете, неразговорчивый и угрюмый Батый — крепкий узкоглазый мужик азиатского типа, по совместительству ближайший помощник авторитета. С появлением гостя хозяин отложил чтиво, вместо закладки прижав страницу очками.

— Пришел узнать, как поиски идут, — пояснил Керро, садясь на диван.

Ушлый его разочаровал — помассировал переносицу и устало ответил:

— Да никак. Хорошо еще, я своих на место сразу заслал, они отпечатки пальцев сняли и выделили из них донорские. Ну, предположительно донорские. Хоть не опозорился, как те двое.

— Бивень, что ли, с Патлатым? — Керро усмехнулся. — А они чего?

— А они наловили всех, кого не лень. Ни один не подошел.

Собеседник удивился:

— Как определили-то?

Авторитет махнул рукой:

— Да какой-то самопальный анализатор крови был.

— Не ДНК-сканер? Не по фотографии? — уточнил Керро.

— Че-то ты больно интересуешься, тоже, что ли, туфту хотел впарить? — и Ушлый подмигнул, показывая, что подтрунивает. — Не, самопал какой-то. Но такой… хороший самопал. Переделка из хай-энд аппаратуры.

— Погоди, — удивился рейдер. — А в доковом компе ничего не нашли? Только не говори, что не подумал!

Собеседник покачал головой:

— Цифирь подсоединялся удаленно. Ничего не нарыл. До него покопались.

— И в итоге чего?

— Да ничего, — с досадой сказал авторитет. — Бивню и Патлатому по штуке дали за старание. Мне десятку за отпечатки пальцев предложили… Попробовал на инфу махнуть —

отказались.

— Знаешь… — Керро чуть помолчал, собираясь с мыслями, а потом предположил: — Вас не прикармливают ли ненароком?

— Но донор-то был, — возразил Ушлый.

— Донор был, — согласился собеседник. — Но задача, — хрен поймешь, а сумма запредельная. И даже сканер — переделка, которая неизвестно чего сканит.

— Ты сам-то искал? — спросил авторитет.

— Если это так назвать можно… С придурками нефилимами пообщался. Они, оказывается, с Дока пять шайб «сияния» подрезали, донор почему-то не забрал. Короче, прошелся по сектору без особого результата. А потом плюнул и отправился к кролям.

— Дальше искать будешь? — Ушлого этот вопрос крайне интересовал.

— Неизвестно что неизвестно где? — хмыкнул Керро. — Пусть враги мои ищут. Я и вчера больше от не фиг делать подкинулся…

— Ну да, ну да… — покивал трагично хозяин хаты и добавил: — А про прикорм — интересная мысль.

— Дарю, — ответил рейдер.

С тем и ушел.

Когда дверь за Керро закрылась, Ушлый повернулся к по-прежнему молчаливо сидящему заму:

— Объявляй по всем бригадам переход к скрытой готовности. Пусть довооружаются и проверяют лежки. Но чтоб тихо.

Батый кивнул.

— Гонцов отправить? Или можно «связистами»? — уточнил он.

— Только гонцов, — отрезал авторитет. — Кому и что «связисты» сливают, мы только гадать можем.

— Бонзо… — заместитель слегка замялся. — Примета «Керро Заскучал» не всегда срабатывает…

— Это-то здесь причем? — Ушлый посмотрел на Батыя с легким раздражением. — Тут два варианта. Или по сектору шляется тело стоимостью сто штук, или же кто-то прикармливает три сильнейшие группировки. А ты думаешь, что после этого все тихо-мирно и само собой уляжется?

* * *

Эледа задумчиво пила уже пятую чашку кофе. Кофе был так себе, но все же лучше, чем сублимат. А хорошего чая тут и вовсе

не достать, поэтому приходилось довольствоваться тем, что имелось.

Агент Ленгли, он же просто Джед, изрядно посвежевший после принятого душа, сидел в кресле мистера Эдтона и задумчиво постукивал пальцами по столу мистера Эдтона, а также время от времени заглядывал в голограммер мистера Эдтона.

— В общем-то, резюмируя все имеющиеся данные, Джед, — произнесла Эледа, делая очередной глоток, — могу сказать, что информации у нас ничтожно мало, несмотря на все подключенные источники и поставленные на уши службы. Первое, что приходит в голову после изучения документов — Айю Геллан похитили по ошибке. Я даже могу предположить, что послужило этой ошибкой. Вот здесь, — мисс Ховерс повернула к собеседнику планшет, — есть документы по реорганизации, проведенной в интернатах полгода назад. Было расформировано два заведения — интернат для детей сотрудников среднего звена и интернат для детей сотрудников старшего звена, номер двадцать девять и номер тридцать один соответственно. Из соображений финансовой целесообразности эти два учреждения были слиты с интернатами номер сорок два и номер восемнадцать — то есть учреждением мистера Эдтона. Часть воспитанников, как следствие, была отправлена сюда, часть — в сорок второй. Поскольку реорганизация была плановая, проходила спокойно и не спровоцировала никаких финансовых скандалов, то о ней, разумеется, мало кто знал, кроме работников сферы образования. Да еще промпрактика. Отсюда вполне логично предположить, что рейд-группа просто ошиблась, нагрянула не туда, куда надо, и выкрала не ту, что надо. Кто им в итоге требовался — загадка. Может быть, мы это выясним. Но лично я сомневаюсь — слишком много допущений, слишком много неизвестного. Тут никак не вычислишь, к кому из воспитанников проявили внезапный интерес. Если бы мы знали заказчика рейда, то еще куда ни шло. Но пока… зацепиться не за что.

Агент Ленгли в ответ на это медленно кивнул:

— Продолжайте.

Эледа отодвинула от себя чашку с остывшим кисловатым кофе, после чего сказала:

— Итак. Вариант первый. Айя Геллан — особа ничем не примечательная, похищенная по ошибке в результате обычной бюрократической путаницы с реорганизацией. Организатор похищения о реорганизации, само собой, не знал, потому и облажался. Однако у нас есть скупая информация из «интерната»

номер сорок семь. В частности, в отчете говорится, что Айя Геллан была отобрана в качестве биоматериала для неких психологических экспериментов. Как вы понимаете, со всеми вытекающими. В «интернате» номер сорок семь для детей с задержкой в развитии она провела год, после чего была признана бесперспективным образцом и рекомендована для обучения на младшие технические специальности. Успехи средние и вообще все среднее. Ноль без палочки.

Мисс Ховерс отложила в сторону планшет и продолжила:

— Вариант второй. Некто узнал порядковые номера интернатов-лабораторий и теперь с какой-то целью разыскивает «воспитанников» заведений. Соответственно, если у этого «поисковика» есть доступ к внутренней сети обычного интерната, он может предпринять попытку скачать базу данных с информацией об учащихся и выделить поступивших из интернатов-лабораторий. Наконец, третий вариант, он же последний. Айя Геллан была похищена все-таки с каким-то умыслом, суть которого нам пока непонятна. Возможно, ясность внесут сотрудники медлаборатории, изучив образцы крови и тканей. Однако пока, повторюсь, опереться в поисках не на что. Рейдеры сработали чисто, как им и положено. В подкопе не нашли ничего, за стеной ничего, в интернате — ничего. Отпечаток протектора и смазанный след мужского ботинка — пшик, хоть их на атомы разбери. Таких протекторов и ботинок сотни тысяч по корпоративным, белым и черным секторам.

Агент Ленгли в ответ на это замечание снова кивнул, но промолчал.

— В настоящее время, — продолжила докладчица, — мы остро нуждаемся в следующем: развернутой и подробной информации, а не в символически-бюрократической отписке, из интерната номер сорок семь и детальном докладе из медлаборатории. Если всего этого не будет, дело можно сворачивать, а нам с вами разъезжаться по своим делам — мне на званый ужин к родителям, вам… обратно к руководству. Ну и писать унылые отчеты о том, что «за неимением доказательств…». Это скучно. И потраченного времени жаль. Поэтому я как идеалистка тешу себя надеждой, что вы воспользуетесь служебным положением, дабы по своим каналам получить подробные сведения из сорок седьмого интерната. По крайней мере, так мы были бы уверены в том, что действительно сделали все возможное, а не просто создали видимость кипучей деятельности. Может быть, эта самая Айя — внебрачный ребенок кого-то из сильных мира сего, а может… может, что-то еще. Извините, у меня не очень богатая фантазия.

Джед усмехнулся и откинулся в кресле:

— О, мисс Ховерс, вы так мило и ненавязчиво давите на корпоративную совесть, что становится даже неловко вам отказывать. Неловко и небезопасно. Я, конечно, воспользуюсь своим «служебным положением». Что из этого выйдет, узнаем чуть позже. Но вам все-таки следует быть аккуратнее с шантажом.

Эледа, не таясь, рассмеялась.

— Вас легко напугать, Джед, — сказала она. — Слишком легко для специального представителя СБ при совете директоров. Мне принимать ваш испуг за комплимент и мужскую уступку или думать о вас, как о чрезмерно боязливом агенте?

Ленгли покачал головой и жестко ответил:

— Ни то, ни другое, мисс Ховерс. Принимайте это как непреложный факт того, что я всегда улавливаю, когда мной пытаются манипулировать. Особенно, когда это делают красивые женщины.

Собеседница уже открыла было рот, чтобы оправдаться, но в этот миг в дверь постучали и на пороге возник довольный Батч.

— А, вот и вы! — обрадовался Джед. — Заходите. Ну что, продуктивно провели время?

Следом за Батчем вошел Винсент, лицо которого, как всегда, было абсолютно равнодушным.

— Чем порадуете, господа? — агент Ленгли поудобнее устроился в кресле. — И порадуете ли? Удалось что-то нарыть?

Батч, словно верный пес, тут же устроился по левую руку от своей подопечной и сразу разразился отчетом, который, видимо, все это время составлял в голове:

— По вашему распоряжению, сэр, мной было проведено подробное инспектирование всего комплекса зданий, — довольная физиономия Фэйна просто светилась. — Охрана — как взвод со станции, так и ГБР с периметра — распределила участки ответственности, наладила работу всех средств сигнализации, выделила три смены, и в целом их работа более чем профессиональна и не вызывает нареканий. Попытка провокации в отношении операторов видеонаблюдения не удалась, — в голосе докладчика проскользнуло легкое сожаление, тогда как агент Ленгли довольно улыбнулся. — Медики работают слишком уж долго и напряженно, да еще и заперлись по пятой степени безопасности, но, в чем дело, сказать не могу. Предполагаю, что у главдока просто какой-то заглюк по безопасности. В остальном все путем: вахтеры смотрят видеонаблюдение, криминалисты по этажу лазят, все пытаются что-то своими кисточками наскрести, персонал напряженно трудится и старается побыстрее распихать воспитанников по колледжам, айтишники сидят за компами,

неприлично ржут и пьют пиво. Но в целом, все пашут и должным образом издерганы. В общем, везде был, ничего не нарыл.

Закончил Батч свою речь с таким триумфом, будто нарыть еще два раза по ничего он был готов хоть прямо сейчас.

Эледа тихонько вздохнула и перевела взгляд на Винса. Он вроде бы равнодушно слушал рассказ напарника, но при этом, казалось, был слишком напряжен и словно готов сорваться. Безусловно, Винсент испытывал раздражение. И его подопечная подозревала, что причиной этого раздражения был уж точно не Батч.

— А вы что скажете, мистер Хейли? У вас ведь материал для анализа был куда богаче, — обратился Ленгли ко второму телохранителю.

В голокубе перед представителем СБ уже висела развернутая карта сектора — тридцатипятикилометровая неровная клякса с лабиринтом улиц. Особо был выделен центральный район — три на три километра более-менее плотного заселения. Над изображением мигала краткая статистическая справка: «Оценочная численность населения — 20–25 тыс. человек». Ленгли крутил карту то так, то этак, пытаясь понять, с чем приходится иметь дело.

Винсент насмешливо хмыкнул:

— Данные, предоставленные мне, как обычно, тенденциозны, неполны, противоречат сами себе, а зачастую и вовсе являются бредом информаторов, рожденным явно под какими-то забористыми препаратами. Так всегда бывает в случае, если сектор не разрабатывался специально. Одним словом, из той горы хлама, что собрана в отчетах, определить ничего невозможно — одна половина выдумана, вторая искажена. Кстати, оценочная численность тоже взята с потолка. Я бы оценил в пять, максимум — десять тысяч человек.

Эледа задумчиво потерла подбородок и мягко заметила:

— Надеюсь, мистер Хейли, причина вовсе не в том, что вам попросту лень вникать в офисную работу и горбиться над чужими отчетами?

Агент Ховерс буравила Винса пронзительным взглядом. Однако ее телохранитель с елейными нотками в голосе ответил:

— Смею напомнить, что я приставлен к этому телу, — он кивнул своей подопечной, — не для того, чтобы оправдывать его надежды. А для того, чтобы его хранить. Поэтому занимаюсь тем, чем должен: храню. И помалкиваю, если дело не касается защиты.

Лицо Батча вытянулось, а агент Ленгли удивленно перевел взгляд с бесстрастного лица Винса на онемевшую Эледу, тонкие брови которой, как ни пыталась она сохранить невозмутимость,

сами собой ползли вверх.

— Мисс Ховерс, думаю, на сегодня достаточно, — поспешно сказал Джед. — Пока прервемся. Вашим людям явно надо отдохнуть. Да и вам тоже. А мне — узнать, что удалось выяснить лаборантам. Встретимся здесь же, — он посмотрел на дорогие часы. — В пять тридцать.

Эледа поднялась, метнула на Винсента испепеляющий взгляд и вышла. Батч, растерянный и обескураженный, отправился следом. Винсент, впервые за все время сменивший равнодушие на усмешку, покинул кабинет последним.

* * *

Кто, когда и почему назвал Малыша Олли Малышом — было загадкой. Легенд на эту тему бродило много и всяких, от совершенно идиотских до вполне правдоподобных. И хотя сам Олли прозвище носил гордо, подступиться к нему с расспросами никто не осмеливался. Во-первых, потому что в глаза называть Олли Малышом могли только несколько человек в секторе. Во-вторых, потому что Малыш был фигурой достаточно одиозной не только благодаря своей, хм, фигуре, но и благодаря славе, которая вот уже полтора десятка лет тянулась за ним наподобие дымовой завесы.

В тридцать седьмом секторе Олли появился пятнадцать лет назад на видавшем виды военном пикапе, доверху набитом оружием. У кого он отжал такое богатство, никто не знал, а спрашивать не решились. Помимо оружия Олли привез с собой братьев в количестве пяти штук и страшнющую беременную бабу, всех — со стволами и настроенных далеко не миролюбиво.

Бригада быстро окопалась в наиболее целом угловом доме по второй радиальной, занесла долю уважения местному бонзе, после чего, порешав насущные вопросы, открыла оружейную лавку, в которой и воцарился Малыш.

Страшная баба, кстати, оказалась Малышовой женой, и тут же взялась рожать. За пятнадцать лет родила четверых. Чего Олли в ней нашел, хрен его знает, вроде был абсолютно не сентиментален, а поди ж ты.

Впрочем, на весь сектор Олли, конечно, славился не женой-страхолюдиной, а магазином, в котором продавалось то, чем можно было убивать, калечить, свежевать и уродовать людей с особым изощрением. За широтой ассортимента Малыш очень следил. И все новинки, равно как и кое-какие раритеты, у него всегда были. Видать, сильно в свое время Олли разочаровался в

людях, если теперь с таким вниманием относился к средствам их уничтожения.

Когда хлопнула входная дверь, хозяин сидел за прилавком и лениво сортировал патроны.

— Хой! — сказал с порога Керро.

Малыш оторвался от явно наскучившего ему занятия и при виде посетителя поднялся, являя над прилавком большую часть себя.

Роста Олли был невеликого, где-то под метр восемьдесят, но здоровый, как трансформаторная будка. Почти квадратный. Что положить, что поставить. И ни грамма жира. Про свои габариты Малыш говорил скупо: «Ел в детстве мало, а как подрос — оторвался».

— А я, Керро, за тобой уже курьера посылать собирался, — пробасил хозяин магазина, убирая коробки с патронами под прилавок.

— Чего такого шлепнулось в наших краях, что ты вдруг обо мне вспомнил? — удивился посетитель.

— Заряженный блок НУРСов и бортовой миниган, — в голосе Олли звучала такая гордость, словно он сам приложил руку к случившемуся. — Поможешь с клиентами — треть тебе.

Рейдер хмыкнул:

— В мертвых, что ли, навернулся? Далеко? А что так мало сохранилось?

Малыш покачал головой и вздохнул:

— В двадцать девятом. Километров пятьдесят. Носом ткнулся. Курсовая скорострелка наглухо накрылась, а во второй борт ракета прилетела — так что там тоже ловить нечего. — Олли сел обратно на стул и добавил: — Не беспокойся, наводка от надежных людей.

Керро в ответ пожал плечами:

— Товар не особо актуальный. Кто-то в засаду влетел?

— Не, — отмахнулся собеседник, — корпы воздушный бой учудили. Хорошо хоть далеко от нормальных людей. Ладно… ты чего ко мне пришел-то? Новинок нет, а расстрелять все патроны ты точно не мог.

— Принес я тебе, Малыш, благую весть, — Керро скрестил руки на груди. — Ты когда-то мне говорил, что будешь должен. В общем, появилась возможность долг закрыть.

Олли заметно погрустнел:

— И чего потребуешь? В рейде поучаствовать? Литр крови и кило мяса? Че-то не верю я, что ты за бабками пришел.

— Бабки твои мне без надобности, — «утешил» его собеседник. — Шестьдесят кил любого твоего товара кролям по

их выбору закроют долг.

— Лучше б литр крови и кило мяса, — мрачно ответил Малыш, после чего сказал со значением: — Очень много. Очень.

— Отрицаешь долг? — Керро посмотрел на Олли внезапно опустевшими глазами. В голосе не было ни угрозы, ни обещания, но взгляд, только что с живым интересом устремленный на собеседника, стал вдруг отсутствующим. Так смотрят на предмет, но не на живого человека.

— Признаю. Но шестьдесят кил… — хозяин магазина замялся.

— Ты или признаешь, или отрицаешь, — в тоне рейдера по-прежнему не слышалось угрозы, но теперь и голос словно выцвел, лишился последних эмоций. — Но не торгуешься, Олли. Не торгуешься.

— Присылай своих кролей, — махнул ручищей Малыш. — Признаю долг.

В глаза Керро вернулся интерес:

— Бесплатная подсказка. У них с тяжелым оружием напряг. Выстави пару пулеметов и граников с БК — мигом вес выберут. А у нас в секторе этот товар неходовой.

— Еще торговать меня поучи, — огрызнулся собеседник. — Сказал же, присылай своих кролей. Недёшево, Керро, твоя помощь обходится.

— Не дороже жизни, — пожал плечами рейдер и вышел.

* * *

Когда-то, когда «связисты» и иже с ними только-только обживали свою высотку, Керро все ломал голову — и не лень им каждый раз лезть наверх, являя чудеса акробатики, перебираясь со штыря на штырь и цепляясь за стены? Это ж сколько энергии иметь надо? Человеки-пауки, мля, сутулые.

Позже его успокоили: мол, ты че, мужик? Есть другие ходы, есть. Но ты по ним пройдешь или с ключом, или со взрывчаткой. Ключа у тебя, уж прости, нет и не будет, а на взрывчатку «связисты» обидятся.

Поэтому Керро радовался, что обычные его дела крайне редко требовали помощи цифроголовых, и заглядывать на их скалодром ему случалось от силы раз в полгода. А то недельку полазишь и вполне решишь, что обида «связистов» — не такая уж серьезная проблема. Пусть обижаются. Кто выживет.

— Хой! — в этот раз, вопреки обыкновению, Цифрыч встретил гостя у дверей. — Заходь.

Хакер махнул рукой, приглашая внутрь. Сегодня в его логове было непривычно тихо: не работали ни голокуб, ни плоскостные экраны, не жужжала техника, ничего не пикало и не мигало.

— Айда, — парень махнул рукой в направлении глухой комнаты.

Ишь ты, какая конспирация.

Керро отправился следом, по пути отмечая, что Цифирь слишком уж измотан и землисто-бледен. Из-за этого татуировка на его черепе нынче выглядела до крайности реалистично.

— Значит так, — Цифрыч запер дверь и в дополнение к радионепрозрачным стенам включил глушилку. — Та хреновина, которую ты тиснул, устроила полный хаос на компе Дока и вытянула вот этот файл.

В сторону рейдера по столу отправился модуль памяти.

— Погоди, а на фига в приблуду-то скачали? — Удивился Керро. — Удалённо, что ли, передать не могли?

— Могли и передали, — видно было — хакер с трудом сдерживается, чтобы не начать трястись мелкой нервной дрожью. — А это, — Цифрыч кивнул на модуль, — на случай подмены инфы при передаче. Обычная практика. По идее, курьер на хате у тех рогатых уже побывал, и кто-то на тебя сейчас сильно зол. Или несильно, тогда предложат вернуть приблуду за разумный прайс.

— Ок, дальше, — Керро хмыкнул.

— Инфа медицинская, — собеседник беспокоился все больше — руки у него начали нервно подрагивать, на лбу выступила испарина, которую парень то и дело торопливо вытирал. — Но это ты и сам, небось, понимаешь. А вот что с ней не так — могу только гадать.

Здесь Цифрыч прервался, взял со стола бутылку с водой, торопливо отвинтил крышку и начал пить большими глотками.

— Я пробил потоки инфы на вчерашнее утро, — сказал хакер, утолив жажду и переведя дух. — Док, как обычно, донора оцифровал и отправил в «Тропу». А центр цифровой разведки…

— Стоп. Что еще за центр? — Керро очень не понравились последние слова.

— Да он в нашем секторе еще до «связистов» был, — отмахнулся Цифирь. — Законсервированный. А как связь появилась — расконсервировали. Стоит себе, ловит, что скажут. Мед инфу для «Тропы» всегда перехватывают, — предупредил он очередной вопрос, — мало ли, кто мясникам попадется.

— Чей он? — спросил рейдер.

— А хызы. Чей-то. С нами забыли поделиться. Работают всегда через посредников.

— Дальше.

— Собственно, и всё. Кто-то поймал инфу и настропалил нефалимов. Почему именно их, не знаю. Сэкономить, наверно, решили.

Он снова вытер потное лицо дрожащей ладонью. Теперь у парня начала подергиваться и голова, а под глазами будто намазали сажей — черные пятна на белом лице смотрелись куда неестественнее татуировки на черепе.

— Знаешь, что меня смущает? — Керро присел на край стола и равнодушно посмотрел на колбасящегося хакера: — Ты все рассказал, а цену не назвал. Завязывай с гастролью и говори.

— Две минуты, лады? — допив из бутылки остатки воды, собеседник упал на стул. Голову с засаленным ирокезом Цифрыч уронил на скрещенные руки и оцепенел. Будто заснул. Стало тихо. А когда через минуту парень выпрямился, на Керро смотрел уже вполне нормальный человек — спокойный и собранный.

— Отходняк от рабочей дури начинался, — пояснил Цифирь. — Я стимуляторы принял, но они к твоему приходу толком еще не подействовали, вот и наложилось. Рассказать, что к чему, мог, а торговаться — уже нет. — Он закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и продолжил: — А теперь цена. Участие и доля. Десять.

Рейдер усмехнулся и спросил:

— А если дело не выгорит? В минусах тоже участвуешь?

— Да, — кивнул парень. — Я в тебя верю, Керро. А ошибусь, что ж… отвечу.

— Сольешь Ушлому или кому бы то ни было, молись своей Цифре, чтоб меня грохнули. Потому как, если выживу, помирать будешь так долго и так погано, как только смогу обеспечить.

— Напугал. Плюс пять за испуг, — усмехнулся собеседник.

— Плюс три, — больше из принципа, чем от жадности, сбросил Керро.

— Принято. С тебя тринадцать процентов, с меня поиск всей нужной инфы, взлом и поддержка твоих рейдов.

Хакер встал, прошелся по комнате, а затем вытащил из ящика стола квадратную бутылку и два стакана.

— Скрепим, — он налил обоим на два пальца.

— Че б нет, — пожал плечами Керро, но сперва вытащил из внутреннего кармана футляр, достал небольшой датчик, который подсоединил к разъему в левом рукаве, затем опустил датчик в стакан и выждал пару секунд, вглядываясь в инфу, выводимую очками. Всё в порядке.

— За успешное сотрудничество, — рейдер отсоединил датчик и поднял стакан.

* * *

Эледа стремительно шла по коридору, и каблуки дорогих туфель выстукивали злобную дробь. Телохранители шагали следом, держась в некотором отдалении.

Батч про себя гадал, чем обернется обычно немногословному напарнику внезапное словесное недержание. Оно же понятно, что обернется. Эледа мстительна и обид не прощает. Предшественник Батчу так и сказал, передавая осточертевшие полномочия, мол, терпения тебе, мужик, и нервов, как стальные канаты. Уж на что, на что, а на нервы Батч никогда не жаловался. Ну, подумаешь, соплюха избалованная. Поорет и перестанет. Ему-то не по фиг ли? А деньги платят хорошие. За такие пусть хоть как орет.

Винсенту же с ней — самодуркой — тяжко. Он ведь рейдером был. Привык, что люди слушают и уважают. А тут хрень какая-то — полтора метра в прыжке. Щелбан выпиши — голова отвалится. Но гонора… К тому же ядовитая, как кобра. Если ни разу не ужалит, считай, день насмарку. Батчу-то плевать, за тридцать лет его как только из души в душу не склоняли и не материли. А Винс, видимо, тяжело привыкает, что надо не приказы старшего по званию выполнять, а придурь гламурной миллионерши. Не от хорошей жизни он сюда пошел, конечно. Батч даже подозревал, что от совсем нехорошей, но…

В этот миг Эледа круто развернулась в направлении ученического бокса.

— Батч. Стоишь здесь, — отчеканила она, ткнув пальцем слева от двери. — Молчишь и никого не пускаешь. А ты… — девушка повернулась ко второму телохранителю, — идешь со мной.

Фэйн и слова сказать не успел, а дверь уже хлопнула.

Похоже, Эледа устремилась в единственное место, где не висели камеры наблюдения — в уборную. И, видать, пребывала в нешуточной ярости, если даже не посмотрела, что уборная была мужской.

— Вон отсюда, — сказала агент Ховерс опешившему парню, который до ее появления неторопливо брился, глядя в зеркало.

Юноша поспешно подхватил станок, полотенце и, как был с половиной лица, измазанной в пене, боком протиснулся между нежданными посетителями.

Едва воспитанник интерната вышел, Эледа круто развернулась к своему спутнику и зашипела:

— Ты чего это такое творишь, Винс? Что за эскапада? Тебе в рейдах все мозги отбили? Оба полушария? Или ты их периодически отключаешь, переходя в автономный режим

работы, а?

Телохранитель безразлично глядел на собеседницу сверху вниз.

— Что молчишь? Ты не забылся ли, мистер Хейли? Откуда тебя вытащили, помнишь?

Винсент продолжал безмолвствовать, и его равнодушие окончательно взбесило Эледу:

— Ты, образина чертова, в последнее время совсем берегов не видишь! — тонкий палец с длинным острым ногтем уткнулся мужчине в грудь. — Решил меня лицом по асфальту повозить? Сперва вызверил этого Ленгли, когда он только приехал, я не знала, как выкрутиться, а теперь, значит, в мой адрес выпад? Никак адаптироваться к жизни в цивилизации не можешь? Всё черные сектора по углам мерещатся? Или хочешь мне карьеру сломать, дурака кусок? Он, значит, для тебя — тыловая крыса, а я — балованная сучка? Так я напомню, кто тебе платит деньги и за что.

Она дернула его за галстук, вынуждая наклониться, чтобы смотреть глаза в глаза:

— Тебе, урод, платит моя семья. И неплохо платит. Причем платит за то, чтобы ты меня — балованную сучку — оберегал. Оберегал, Винс, а не пытался подгадить, когда тебе что-то против шерсти. Решил, всё с рук сойдет за профессионализм? Тут ты ошибся…

Она отпустила его галстук и отступила на шаг, опасно усмехаясь:

— Очень-очень ошибся, Винсент. Я читала твое дело. Если хочешь знать, я была против того, чтобы тебя нанимали. Человек с нестабильной психикой не может быть надежен ни в каком деле. Но я подумала, черт со всем, в конце концов, ты всего лишь тень, которая маячит у меня за спиной. Однако ты, видимо, решил, будто тени позволено что-то там вякать? Тут тебе не рейд, Винс. И приказы здесь отдаю *я*. Поэтому или ты, как всякий пес, научишься понимать команду «К ноге!», или окажешься на улице.

Винс в ответ на эту эмоциональную речь лишь зло усмехнулся и процедил:

— Ага, конечно. Папу сперва убеди только.

Эледа сделала глубокий вдох, а потом медленный выдох. Лицо у нее от гнева было белым, как мел, а голубые глаза потемнели. Агент Ховерс отвернулась к зеркалу, мягко поправила белокурые волосы, посмотрела в отражение на Винсента и сказала холодно, но совершенно спокойно:

— Пошел вон.

* * *

— Хой, ушастые, как ночка выдалась? — Керро зашел в общий зал, где вместо вчерашней бесшабашной радости царило мрачное спокойствие.

Рейдер плюхнулся на скамью и вытянул ноги.

— Все в норме? — спросил он уже серьезно у глядящего в полупустой стакан Роджера.

— Да так, — скривился вожак кролей. — Дровосек машины выгнать не дал, а Алисин байк только под ней заводится. Побродили чутка вокруг, никого не нашли, вернулись дальше пить.

С этими словами он выцедил сквозь зубы очередной глоток виски и поставил стакан на стол, по-прежнему глядя в никуда.

— Лады, — сказал Керро. — Я пока до Алисы дойду, а ты не исчезай. Серьезный разговор есть.

Роджер в ответ только скривился и снова взялся за стакан. Вид у главкролика был… вот сейчас абсолютно адекватный. Сидит усталый мужик в возрасте «слегка за тридцать», думает о чем-то, явно неприятном, методично набирается, но остается трезвым, отчего мрачнеет еще больше. И мысли, судя по всему, его одолевают самые препоганые.

Поэтому Керро не стал до поры до времени лезть и отправился в спальную зону. Там было тепло, даже жарко, и по-прежнему чисто. На стене красовалось граффити с лесной дорогой к далекому дому.

Что ж, раз натоплено, чисто и все цело, значит, негатив захлестнул кролей не с головой, а так, всего лишь по шею. То есть выкарабкаются быстро и сами. Забавная всё-таки у некоторых реакция на короткую депрессию.

Алиса сидела на спальнике все в том же закутке и ожесточённо чистила автомат, разложив детали на брезенте.

— Если еще раз предложишь ПЗРК или вывести туда, где они водятся… — девушка замолчала и рывком выдернула шомпол.

— Не предложу, — Керро присел на корточки чуть сбоку и сказал: — Раз ты говоришь, что судьба должна свести, значит, так тому и быть. Ты сама-то как?

Алиса с раздражением вытерла лоб тыльной стороной ладони и буркнула:

— К вечеру очухаюсь, с утра буду в норме, — она зло покосилась на выход и сказала с тоской: — Мля… так убить кого-нибудь хочется! А Роджер, сука, все магазины спрятал и не отдает. Не время, мол. Только бармаглотью спарку оставил. Но она ж не для улицы!

В ее голосе звучали искренняя тоска и отчаяние.

— Вернет утром. Обещаю, — постарался утешить ее Керро и, подсев чуть ближе, спросил: — Сходишь завтра с Терезиной находкой к старьевщику? Нормально приодеть, обуть и все такое?..

— И как она? — безо всякого интереса спросила Алиса, после чего оставила оружие и равнодушно повернулась к собеседнику. — Лучше меня?

— Если вдруг проверю, — успокоил ее Керро, — обязательно скажу. Так поможешь?

— Свожу, делов-то, — девушка вновь вернулась к чистке, но из движений ушла прежняя злая резкость. — Там неплохой райончик… интересный.

Керро чуть поколебался, но сел рядом и легонько приобнял собеседницу за плечи.

— Не сейчас, — она не отстранилась, лишь немного напряглась. — Завтра… или послезавтра. Когда время в голове перестанет путаться.

— Я понял, — рейдер легонько поцеловал Алису в щеку и отпустил. — Завтра — значит, завтра.

С этими словами он встал и ушел обратно в общий зал.

Там ничего не изменилось. Роджер сидел на прежнем месте, тупо глядя на полупустую бутылку, а стакан, стоящий напротив него, был пуст.

— Вечером верни ей магазины, уже можно будет, — Керро сел напротив главкролика и, не спрашивая разрешения, налил себе.

— Да хоть сейчас отдам, — Роджер хотел было сплюнуть, но сдержался. — Так все достали. Все и всё. Выйти бы, мля, на улицу и идти, пока патроны не кончатся… или не пристрелят, один хер. Мечта, мля, домик, ёп. Надо было тогда там остаться…

Керро всмотрелся в застывшее бледное лицо и мягко сказал:

— Сам же знаешь, часа через три отпустит, а к темноте и вовсе в норме будешь.

— Шёл бы ты! — рявкнул Роджер, а потом тихо согласился: — Ну, знаю… — он плеснул себе в стакан новую порцию пойла, вгляделся в коричневатую жидкость, словно надеялся там что-то увидеть, и глухо закончил: — А то от этого легче.

— Соберись. — Рейдер не повысил голоса, но короткое, сухо и тускло оброненное слово, будто вздернуло собеседника. — Так-то лучше. Мне ваш подарок надо будет по улицам выгуливать, а меня многие знают, то есть, сразу засекут. Разрешишь ее под твоих приодеть?

Роджер только зубами со злостью скрипнул:

— Подобрал, мля, тон и кодовое слово…

— Не раскисал бы, не услышал. Смотреть, блин, тошно, — жёсткий голос Керро словно разгонял туман в голове. — Так чего?

— Да без проблем, — главкролик дернулся, поправил на голой шее бабочку, чем на секунду вернул образ вчерашнего суетливого весельчака. — Только нашей охраны ей не видать, так и знай.

— Заметано, — рейдер поднялся. — Вечером магазины Алисе верни. Уже можно будет. Отвечаю. И это… Куин где?

Собеседник кивнул вправо:

— Там. Склянки свои перебирает.

Керро кивнул и вышел.

Док стояла у окна маленькой комнатушки. Шляпки на Микаэле сегодня не было, и длинные волосы она не убрала, по обыкновению, в элегантную причёску, а всего лишь стянула ремешком. На подоконнике перед женщиной лежала медукладка, содержимое которой доктор Майк сосредоточенно перебирала, словно пытаясь найти что-то важное. Однако было понятно — ревизия эта нужна только для того, чтобы хоть чем-то заняться.

— Много за вечер ушло? — спросил Керро и сразу сочувственно добавил: — Кто ж мог знать, что эта хрень мимо полетит. Три С. Случай, Судьба, Совпадение.

Микаэла покачала головой.

— Не случай, не судьба, не совпадение. Закономерность. И ты сам это прекрасно знаешь, — она, наконец, повернулась. — У каждого свои демоны. Иногда они вырываются на свободу. Чего пришел-то?

— Так не только сами вырываются, еще и чужих выпускают, — Керро достал из внутреннего кармана куртки чип. — Здесь какая-то мединфа. Можешь сказать, что в ней стоит сто штук?

Доктор Куин взяла чип, и, хотя особого любопытства на ее лице не читалось, было видно, что она рада заняться хоть чем-то осмысленным.

— Сто штук? Хм…

Она достала из лежащего чуть поодаль рюкзака голограммер, включила его и вставила модуль памяти в разъем.

Голограммер послушно спроецировал папки и документы, которые Микаэла стала неспешно просматривать.

— Да, и заканчивая разговор о демонах, — сказала женщина через плечо. — Тем они и опасны.

Она сперва безо всякого интереса пролистывала столбцы цифр и латинских слов, но в какой-то момент выпала из

медитативного равнодушия и подалась вперед:

— А вот это уже любопытно…

Доктор Майк, внезапно повеселев, повернулась к собеседнику:

— Итак, что могу сказать. На этом носителе — результаты лабораторного анализа крови. Не особенно углубленные, но довольно-таки интересные. Даже более чем, — женщина щелкнула пальцами, подзывая собеседника. — Смотри.

Она указала на непонятные рейдеру цифры и латинские буквы:

— Ты понимаешь, что это такое? Или надо объяснить?

— Надо.

Микаэла широко улыбнулась:

— Если эта информация имеет прямое отношение к девушке, которую притащил Тереза, то тебе, Керро, на месте лучше не засиживаться. Это вкратце. А подробнее… — Куин всмотрелась в цифры. — Она стоит куда больше ста тысяч.

* * *

Автономный медицинский модуль стоял во дворе интерната — контрастно белый на фоне ноябрьской серости, низкого сизого неба, черной земли, дрожащих под ветром голых деревьев деревьев и мокрой брусчатки.

Дверь со скругленными углами открылась легко, и агент Ленгли оказался в небольшой кабинке. Здесь за компактным откидным столом сидел мужчина в белом комбинезоне и заполнял в планшете какие-то документы, видимо, отчеты, командировочные и прочую бюрократическую такую нужную, но такую утомительную ерунду.

За спиной мужчины виднелись пневматическая дверь и экран видеопереговорника на стене.

— Агент, — сотрудник лаборатории привстал и представился: — Младший лаборант медицинского института при СБ корпорации Стивен Нэш.

— Вы говорили, что готовы результаты анализов, — кивнул ему Ленгли.

— Да, сэр, — Стивен повернулся к висящему на стене пластиковому коробу с одноразовыми медкомлектами, извлек один, протянул посетителю и, словно оправдываясь, сказал: — Регламент.

Ленгли кивнул, разорвал пакет, достал оттуда нетканый безразмерный комбинезон белого цвета, голубые латексные

перчатки и медицинскую маску. Пока пришедший облачался, становясь похожим на зефирного человечка, боящегося подхватить вирус, лаборант прошел к переговорнику и нажал кнопку вызова.

— Доктор Милтон, к вам агент Джед Ленгли, — сообщил он отобразившемуся на экране невысокому плотному мужчине с седой головой и седыми же усами.

— Пусть активирует пропуск и заходит, — ответил доктор и отключился.

К тому времени Джед уже надел и комбинезон, и перчатки, и маску, поэтому сразу же чиркнул пластиковым пропуском СБ по разъему переговорника, после чего пневматическая дверь, на которой все это время горела красная надпись «Герметично», коротко зашипела, открываясь.

За дверью оказалась крохотная комнатушка и новая дверь. Пневматическая створка встала на место, и замок защелкнулся. Агент Ленгли подставил руки под висящий на стене дезинфектор, протер затянутые в латекс ладони, распределяя обеззараживающий раствор, и, наконец, толкнув очередную дверь, оказался в лаборатории.

Здесь все было белое, выжигающее глаза: стены, пол, потолок, столы, стулья. Из ослепительной гаммы выбивались только голубые контейнеры с различными реактивами.

Жужжали центрифуги, попискивали сканеры, гудели автоматические анализаторы, ярко сияли с потолка лампы дневного света и сидели за узкими столами четверо сотрудников, поглощенных работой. Крутили в руках какие-то колбы, добавляли по капле реактивы, сверялись с записями, заносили данные в голограммеры, на которых кружились витые спирали ДНК и маячили латинские названия.

— А, агент Ленгли! — обрадовался доктор Милтон, отвлекаясь от изучения электронного рентгеновского снимка. — Давненько не виделись.

— Добрый день, доктор. Вы, как всегда, осторожны до крайности, — кивнул Джед.

— Такая у нас работа, — главный специалист лаборатории отвернулся от моноблока и добавил: — Знаете ли, бдительность лишней не бывает. Особенно в вашем случае.

Ленгли в немом удивлении вскинул брови.

— Да-да, — сказал док, беря со стола стеклянную рамку медпланшета. — В вашем случае, агент Ленгли, особенно. Итак, все медицинские данные по Айе Геллан изучены. Образцы тканей, крови, зубная карта, флюорографические снимки. Мы были очень дотошны. А вот это — результат. Разберетесь?

Он протянул медпланшет собеседнику.

Джед несколько минут изучал полученную информацию, а потом вернул устройство специалисту:

— Я не уверен в своей медицинской компетентности. Объясните.

Милтон хохотнул:

— Всё вы уверены, агент. И всё поняли правильно. Другое дело, глазам поверить трудно.

— Поясните, — сухо повторил Ленгли.

Доктор вздохнул:

— Количество вариантов антител в крови у объекта превышает норму в три раза. В три. Минимум. Судя по имеющимся у нас образцам, она болела всем — от сибирской язвы до лепры. Включая СПИД, Эболу и чуму. И еще энным количеством других неизвестных болезней, на которые у нас просто нет с собой тестов. Болела и переболела. Каково?

И он так многозначительно посмотрел на собеседника, словно тот был причастен к каждому диагнозу исчезнувшей девушки.

— Это невозможно, — сказал Джед. — Как вы подобное объясните?

Милтон развел руками:

— Никак. Перепроверку делали трижды. Ошибка исключена. Перед нами образцы крови человека, имеющего иммунитет к самым страшным болезням человечества разных эпох. Понимаете, о чем я?

— Понимаю, — Ленгли снова взял в руки планшет с результатом анализов. — Понимаю, но не нахожу разумного объяснения.

— А оно и не нужно. Что действительно необходимо — заполучить носителя. Такой премилый ящик Пандоры. Ну и, конечно, что-то более подробное по образцам я смогу сказать, только получив доступ к стационарному, а не мобильному оборудованию. Но имеющаяся у нас информация — максимум из того, что можно выжать в полевых условиях. Вам, агент Ленгли, я бы пожелал успехов в поиске. И лучше с ним не медлить. Ну и еще, если носитель будет найден, я был бы вам премного благодарен, замолви вы за меня словечко, когда дело дойдет до лабораторных испытаний и опытов, — доктор Милтон улыбнулся масленой улыбкой и добавил: — А чтобы вам было проще принять решение в мою пользу, я взял на себя смелость пока не сообщать о результате проведённых анализов наверх. Обычно подобные исследования длятся до суток. Так что до утра у вас уйма времени. Прекрасная фора.

Джед усмехнулся:

— Вашей прозорливости, доктор, любой бонза из черного сектора позавидует. Что ж, спасибо. Услуга за услугу. Как всегда.

И, кивнув, агент Ленгли направился к выходу, однако был окликнут:

— Агент, я сообщу о результатах исследования утром в семь тридцать на селекторном совещании с главной лабораторией. После этого окончательный результат по образцам крови можно будет получить уже к вечеру.

— Я понял, — ответил Джед.

Пневматическая дверь с шипением открылась, а потом закрылась.

Снимая комбинезон, маску и перчатки, Ленгли думал об одном: у него есть всего двенадцать часов на попытку отыскать следы похищенной девчонки. За это время можно успеть только отправить запрос в рейдерское управление, чтобы начать шевелить неповоротливую службу реагирования корпорации. И всё. Пока структура раскачается, Айя Геллан (при условии, что она все еще жива и так же восхитительно здорова) сможет пешком дойти до Мексики. Черт!

* * *

После разговора с Куин озадаченный Керро вышел в общий зал и плюхнулся на скамью. Похоже, вид у него был тот еще, так как Роджер, по-прежнему методично и безуспешно напивавшийся, налил полстакана вискаря и придвинул гостю.

— Знаешь, Роджер, — Керро встряхнулся, — у меня для тебя две новости. Хорошая и не пойми какая.

— Начни с хорошей, — предложил кролик.

— В оружейном магазинчике по соседству вам за так отдадут шестьдесят кило любого оружия и патронов, — рейдер с удовольствием полюбовался вытянувшейся физиономией собеседника и пояснил: — Это — отдарок по весу подарка. По-моему, справедливо.

Роджер взбодрился, расплылся в мечтательной ухмылке, что-то прикинул в уме и, наконец, спросил:

— А вторая новость?

— А вторую новость тебе Микаэла расскажет, — здесь Керро хмыкнул. — Но отдарок советую забрать сегодня, и… если завтра с утра вас здесь не будет, я пойму.

* * *

Выйдя из медицинского модуля обратно во двор интерната, агент Ленгли некоторое время стоял, вдыхая холодный и влажный ноябрьский воздух, а потом устало потер ладонями лицо. Денек… Еще ничего и не нашел толком, а задача в очередной раз заметно усложнилась. Что за беда с этой Айей Геллан? Чем больше о ней узнаёшь, тем запутаннее всё становится, а ведь должно быть наоборот…

Однако самое отвратительное заключалось в другом. Даже полное досье на пропавшую девчонку, которое Джед уже запросил, не даст ответа на главный вопрос — жива ли еще воспитанница интерната номер восемнадцать и подопытная крыска интерната номер сорок семь? И Ленгли никак, совершенно никак не мог прикинуть хотя бы приблизительные ее шансы не сгинуть за двое суток в черном секторе — ему для этого просто не хватало квалификации.

Так уж вышло, что карьера агента Ленгли складывалась внутри корпорации. Причем в самых верхах.

Узнать о том, что у ведущего научного сотрудника возник тайный умысел о побеге к конкурентам? Без проблем. Предотвратить? Тоже. А еще лучше — устроить подставной побег и обставить всё так, чтобы «беглец» в поте лица трудился на благо родной корпорации в закрытой лаборатории, наивно полагая, будто работает при этом на конкурентов или даже (и такой случай был) возглавляет некое мифическое сопротивление.

Хищения, саботаж, промышленный шпионаж, внутренние и межкорпоративные интриги — все это Джеду было не в новинку. Но черные сектора и работа во внешнем мире… С этим он сталкивался лишь однажды и тогда же стал персоной нон-грата для рейдерского штаба СБ. И надо ж было такому случиться, что именно сейчас из-за той давней истории (неприятные последствия которой Джеду пришлось разгребать несколько лет) он мог упустить чью-то биологическую разработку. Новейшую разработку! Ведь в случае с биоисследованиями на человеческом материале пять лет — совсем не много.

Твою мать! Итак, срочно подготовить доклад в СБ корпорации, затем отправить запрос на комплектацию рейд-группы. Хотя… здесь ведь уже есть рейдер. Если, конечно, мисс Ховерс не выцарапала ему глаза и не перегрызла горло. Ленгли усмехнулся, вспомнив, какая ярость была написана на лице Эледы после перформанса, учиненного ее телохранителем. Мужик-то рискует. Впрочем, это сейчас неважно. Важно другое: запросить доступные данные на Винсента Хейли — рейдера, исключенного из штата и работающего по контракту на мисс Ховерс. А заодно неплохо убедить саму мисс Ховерс в том, что

куда больше пользы расследованию телохранитель принесет в черном секторе, чем ходящий за ней по пятам…

У себя в кабинете агент Ленгли взял со спинки стула забытый Эледой пиджак и отправился к боксу, где обосновалась столь очаровательная и вспыльчивая коллега.

У дверей «апартаментов» стоял невозмутимый Батч.

— Мистер Фэйн, мне нужно поговорить с мисс Ховерс, — Джед показал телохранителю пиджак и, чуть понизив голос, поинтересовался: — Как ваш коллега? Жив?

Охранник хмыкнул:

— И даже здоров. А мисс Эледа сломала ноготь. Поэтому я с высоты своего полевого опыта рекомендую вам быть предельно осторожным. Предельно.

Ленгли расплылся в улыбке:

— Я учту.

— Мэм, к вам агент Ленгли, — сказал Батч в гарнитуру, после чего кивнул посетителю: — Идите, но я предупреждал.

Эледа стояла перед зеркалом и неторопливо убирала волосы под ободок-резинку.

— Джед, что случилось? — хозяйка бокса удивленно оглянулась.

Красивая женщина все же. Очень. И прическа эта ей к лицу.

— Вы забыли пиджак, мэм, — сказал Джед, кивая на свою ношу.

— Мэм? — вскинула брови Эледа.

— Меня предупредили, что надо быть предельно осторожным, — пояснил свой политес собеседник. — Стараюсь не наговорить лишнего.

Мисс Ховерс рассмеялась. Смех у нее тоже был красивый.

— Вот же, Батч, шифоньер трехстворчатый! А вы, как я погляжу, человек осмотрительный.

Она забрала свой пиджак и небрежно бросила его на стул.

— Итак, мы напряженно ищем исчезнувшую девушку, а вы приходите, чтобы принести мне нечаянно забытый предмет туалета. Лестно, конечно, но с профессиональной точки зрения вас не красит. Поэтому, полагаю, причина не в пиджаке.

Ленгли улыбнулся. Красивая, умная и довольно-таки ядовитая женщина. Столько достоинств…

— Эледа, я ознакомился с результатом лабораторных исследований. Пока ничего конкретного, но уже сейчас ясно, что Айя Геллан — экземпляр очень ценный, поскольку является уникальным образцом чьей-то программы по биоразработкам. Досье из интерната будет не особенно информативно. Лучше туда съездить и узнать всё на месте. Но сейчас крайне важно

приложить максимум усилий к поискам девушки. Причем желательно найти ее живой. Однако шансы тают с каждой минутой. Нам необходима рейд-группа, только вот, пока в штабе укомплектуют команду, пока утрясут все условности… Время уйдет.

Мисс Ховерс слушала, не перебивая, а потом вдруг тонко улыбнулась:

— Нет, Джед. Это исключено.

Агент Ленгли удивился:

— Что именно?

— Я не дам согласия на отправку Винса в рейд.

Ну, еще бы.

— Причина? — не стал больше ходить вокруг да около собеседник.

— Причина проста, — сухо ответила девушка, опускаясь на стул. — Он временно отстранен от рейдов по настоянию военных психологов. Психологов, Джед. Не медиков. Его сочли недостаточно стабильным. Это первое. И второе. В рейд он не пойдет просто потому, что спит и видит, когда это случится. А у меня нет цели воплощать в жизнь его мечты. Нет. Не было. И не будет.

Ленгли присел на соседнюю кровать и сказал:

— Мисс Ховерс, помните, вы говорили о своей страсти к идеализации людей? И выражали надежду, что я не солью дело о пропаже Айи Геллан в бюрократическую пучину? Так вот, речь сейчас не о вашей обиде на Винса, не о его неуживчивости и бестактности. Речь о благе для корпорации. Наши личные приязни и неприязни слишком мелки, чтобы потакать им в таком случае. Вы согласны?

Собеседница прищурилась и смерила Джеда нехорошим взглядом:

— Вы соображаете, что говорите? — спросила она голосом, в котором звенела стужа. — Какие еще приязни-неприязни? Вам говорят — человек от рейдов отстранен. Адекватность его поведения вы можете оценить на основе личного опыта общения по результатам последних суток. Кажется ли при этом Винсент Хейли нормальным? Как охранник он, конечно, хорош. И как помощник тоже. Но ровно до того момента, пока не возомнит, что ему собираются прищемить хвост. Чуть только возникнет попытка посягнуть на маскулинность и… вы видели, какова реакция. Собираетесь отправить *такого* человека в рейд в черный сектор? Смею напомнить, корпорация, о коей вы сейчас радеете, выпускать его запретила. Мне, к слову, еще работать с ним, агент. У него контракт на три года. И мой отец не собирается этот

контракт разрывать — Винс документом по рукам и ногам связан. Отчего и бесится. Но выбора особенного не имеет. Так вот, повторюсь, мне с Хейли еще работать. Вы представляете, *каким* он придет из рейда? Он и сейчас-то не вполне адекватен, а после? Лично я собиралась завалить его рутинной работой, которую он терпеть не может: написанием отчетов, изучением документов…

— Так он только вконец озвереет, — прервал ее монолог Ленгли. — И станет еще более дерзким.

— Где вы видели, чтобы люди зверели от рутины? — усмехнулась Эледа. — От рутины, Джед, люди погружаются в депрессию. Особенно если им не перед кем выделываться. Заметьте: вы приехали — и Винсент буквально на глазах взбесился. Почему? Все просто. Он — адреналиновый наркоман. Как все рейдеры. Стычки с вами, мой Джед, а вследствие этого — еще и со мной, дают ему то, чего он был долгое время лишен: азарт опасности.

Мисс Ховерс, неколебимо уверенная в своей правоте, даже не заметила, что в пылу спора назвала Джеда своим. Ленгли это вполне устраивало. Границу, раз перейденную, легче разрушить.

— Мисс Эледа, — сказал он, — насколько я понимаю, причины вашего несогласия — дурное настроение, вполне закономерное, обида на Винса, вполне справедливая, и переживания о благе корпорации, вполне логичные. Поэтому я предлагаю вам следующее. Дурное настроение мы исправим сегодня вечером за ужином, скажем так… в «Дельмонико». Винса заслуженно накажем, потому что переходить границы ему, безусловно, никто не позволял. А благом для корпорации сейчас все-таки станет выход вашего рейдера в черный сектор.

Он замолчал, давая девушке осмыслить сказанное. Несколько мгновений мисс Ховерс сверлила агента глазами, а потом сухо произнесла:

— Джед, надеюсь, вы пригласили меня на ужин не для того лишь, чтобы выпросить себе Винса. Это было бы слишком… мелодраматично.

Собеседник в ответ улыбнулся:

— На ужин я планировал пригласить вас еще утром. Но одно ведь другому не мешает, верно?

Она рассмеялась, однако сразу же посерьезнела:

— Дело не в том, что я хочу наказать Винса. Дело в том, что Винс забывает свое место. А этого прощать нельзя никому, особенно подчиненным. Договоримся так. Я знаю, о чем вас попросит Винсент в качестве ответной услуги. Его мысли, прямо скажем, не такая уж закрытая книга. Все довольно примитивно. Так вот. Вы ответите ему согласием. Но на деле и пальцем не

шевельнете, чтобы выполнить обещание.

— Если я не выполню обещание, — мягко сказал Ленгли, — то со мной после этого никто больше не захочет иметь дела.

— Бросьте, Джед, — отмахнулась Эледа. — Ну, разочаруется в вашей кристальной порядочности отстраненный от работы рейдер. И что изменится? Расскажет всем, какой он лох? Вам это навредит?

— Он может навредить не *мне*, а *вам,* — заметил собеседник.

— Мне? — девушка улыбнулась. — Во-первых, у меня еще есть Батч. Во-вторых, если мистер Хейли что-то мне и сделает, то на карьере рейдера ему придется поставить жирный крест, как и на своем профессиональном имидже. А за эти два пунктика любой рейдер удавится. Причем после этого воскреснет и снова удавится. Не смешите. Разочарование Винса и я, и вы как-нибудь переживем. А ему… ему слишком хорошо платят, чтобы позволять выкидывать коленца, подобные сегодняшнему. Поэтому забирайте этого пса себе, спускайте с поводка, говорите «Фас!». Пусть бежит, роняя хлопья пены. Главное, чтобы по завершении миссии он остался ни с чем. Кстати, до «Дельмонико» пять часов на монорельсе.

— Мы доберемся быстрее, мисс Ховерс. Какой смысл занимать высокую должность и не иметь при этом преференций? Надеюсь, вы везли с собой к родителям вечернее платье. Это было бы весьма кстати. И еще. Да. Ваша взяла. Не шевельну и пальцем.

Эледа снова улыбнулась, но вместо ответа показала собеседнику глазами на дверь.

* * *

Айя осталась одна. Тихо. Пусто. Пыльно. В печи трещит огонь. А на голову словно надета кастрюля, по которой лупят ложками. Виски ломит, в ушах звенит… Да что ж с ней творится? Но больно. Очень больно.

Что-то поползло по губам. Провезла рукой — кровь. Из носа. Почти сразу остановилась. Айя кое-как вытерлась салфетками, которые, на её счастье, отыскались в кладовке. Окровавленные комки бумаги уронила на пол, а сама забралась обратно в спальник, спряталась с головой и закрыла глаза.

Череп будто стискивали огромные горячие ладони, все сильнее, сильнее, сильнее, еще немного — и он просто треснет. Но когда стало совсем непереносимо, девушка не то уснула, не то потеряла сознание. В глазах потемнело, и всё исчезло.

Очнулась она оттого, что стало холодно. Огонь в печке уже не

трещал. Неужто погас?! А как его разжечь заново? Айя бестолково барахталась в спальнике. Наконец, выбралась, подбежала к печке и, натянув на ладонь рукав, открыла заслонку, заглянула внутрь. Угли чуть рдели под слоем пепла.

Не больше двух брикетов за раз? Она запихала сперва один, потом второй, посмотрела, не зная, — разгорятся ли? Закрыла дверцу. Послушала. Вроде чуть затрещало… И, прижавшись к теплому выпуклому боку печи, застыла.

Надо было собраться с мыслями. Но все крутилось вокруг одного вопроса: откуда в ней взялась неожиданная дерзость? Во время беседы с Керро за Айю словно говорил кто-то другой, знающий, что и как нужно сказать. Всё получилось само собой, но собственное поведение оказалось неожиданным.

В интернате из всех воспитанников Айя Геллан была не только самой тощей и высокой, но и самой застенчивой. Молчунья и тихоня, которая безропотно подчинялась указаниям старших и никогда не конфликтовала с одногруппниками. У нее со всеми были одинаково никакие отношения. Никакие и полностью отчужденные.

А тут вдруг она заговорила так, как не то что не говорила ни разу в жизни, а как и думать-то не умела. Просто вдруг поняла: молчать и мямлить опасно. Не та ситуация.

Девушка провела рукой по волосам. Волосы были сальные и спутанные. Бе! Помыться бы… Она огляделась. Ну и пылищи здесь.

В кладовке отыскался пластиковый таз, пакеты под мусор, тряпка, канистры с технической водой и отдельно — с питьевой. Айя вздохнула и приступила к уборке. Сперва протерла пыль со стола и стульев, выбросила в пластиковый пакет грязные салфетки и пустые банки из-под концентратов, затем вымыла пол. Дышать сразу стало легче.

Теперь, наверное, надо было сесть за биографию? Вдруг скоро Керро придет? Айя подскочила. Если она долго спала, он ведь и вправду скоро придет! Да плевать на эту биографию, надо помыться! Есть вода и мыло, и таз, и чистая одежда!

В кладовке неярко светила светодиодная лента. Среди консервов, каких-то коробок и емкостей девушка отыскала все необходимое — губку, мыло, длинную футболку, пахнущую слежавшейся, но чистой тканью…

Таз был слишком маленьким, усесться в нем не получилось, но стоять вполне. Сперва Айя вымыла голову, взбив на волосах плотную пену. Потом в той же воде вымылась сама. Борозда на боку затянулась и схватилась тонкой розовой кожицей. Еще один шрам… Зато больше не болит и не чешется.

Так хорошо! Девушка надела чистую футболку, выстирала ветхое белье, доставшееся ей у кроликов, развесила его на спинке стула, пододвинула стул к печи. Может, успеет высохнуть.

А вот расчески Айя не нашла. Оно и понятно, что Керро ею чесать? Если только спину… Пришлось разбирать волосы пальцами.

После уборки и мытья надо было, конечно, взяться за мемуары, но тут некстати вспомнились полки с консервами. А консервы были куда интереснее каких-то там воспоминаний. Потому что консервы были вкусными. Айя никогда не ела ничего подобного. В интернате воспитанников кормили только сублиматами: порошковые супы, белковые коктейли, протеиновая паста… Сытно, полезно, но совершенно безвкусно. Вернее, вкус у этого всего, конечно, был, но какой-то… невкусный. Это открытие Айя сделала накануне, когда ела крысу. А сегодня, попробовав консервы, поняла, что все эти годы пихала в себя настоящую дрянь.

Консервов у Керро было много. Глаза прямо-таки разбегались. Айя читала надписи: тушенка, тунец, рагу, джем… Слова ни о чем ей не говорили, поэтому девушка решила попробовать все. Совсем все. Есть хотелось…

Она набрала приличную стопу, притащила в комнату и расставила на столе. Сколько такое ст**о**ит? Даже представить страшно. Начать решила с тунца. Продавила дно, открыла крышку и, затаив дыхание, стала ждать… Приписка на этикетках мелким шрифтом: «идентично натуральному» только еще больше раззадорила любопытство. Идентично натуральному! Обалдеть…

Тунец оказался вкусным, тушенка и рагу тоже, потом была какая-то штука, которая называлась «каша с печенью». Тоже ничего. Но похуже тунца. А вот джем…

К слову говоря, когда дошло до джема, Айя усомнилась в собственной бездонности. Но любопытство перебороло сытость. Девушка прилежно жала на дно банки, но содержимое — масса неопределенного бурого цвета — не хотело греться. И пахло как-то резко. Приятно, но резко. По запаху на освежитель воздуха похоже. Однако в книжках, которые читала Айя, джем упоминался, как съедобный продукт, вот только его обычно мазали на хлеб. У Керро хлеба не было. Хм… интересно, можно ли *это* есть без хлеба? Тыканье ложкой не добавило ясности. Пришлось все-таки опасливо попробовать.

Сладко… Сладко!

После джема стало ясно — время биографии еще не подошло. Веки отяжелели, глаза начали слипаться… Айя сгребла опустевшие банки в пакет к остальному мусору и отправилась

спать. Возле кровати Керро она немного постояла в сомнениях. Кровать. Мягкая. И даже с бельем. Если она на ней поспит, он ведь не узнает? На полу жестко. Однако привитая в интернате дисциплина (а, может, и обычный здравый смысл) сделала свое дело — гостья не решилась занять хозяйское место.

Чужое.

Поэтому она забралась обратно в свой спальник и тотчас же отрубилась сытым, крепким и спокойным сном, потому что впервые за последние сутки ничего не болело, ничего не угрожало, а по телу расползлась сладкая усталость.

Когда Айя в очередной раз проснулась, брикеты опять почти прогорели. Она забросила два новых, перевернула свое бельишко, посмотрела на кладовку, вспомнила про джем. Пошла, набрала еще консервов, рассудив, что раз уж за нее дают сто тысяч, проценты покроют Керро любой ущерб.

Одновременно есть и писать было не очень удобно, но Айя справилась. А джем примирил ее с необходимостью вспоминать эту треклятую биографию и столько писать от руки. Хотя что там той биографии? Жалкие полстранички. Девушка долго грызла стило, не зная, как начать. Ей никогда прежде не приходилось писать про себя. И, то ли от усилия, то ли от нежелания вспоминать прошлое, новый приступ головной боли сдавил затылок.

Впрочем, кое-как удалось эту неприятность проигнорировать:

«Меня зовут Айя Геллан. 18 лет. Единственный ребенок в семье. Родители: сотрудники корпорации «Виндзор». Мать — Кейли Геллан — офис-менеджер в Управлении вспомогательного офиса N 4. Отец — Марк Геллан — младший научный сотрудник отдела промышленных разработок вспомогательного офиса N 4.

На буднях воспитывалась в детском дошкольном интернате N 4. Выходные дни проводила с родителями. В семь лет была переведена в школу-интернат с физико-математическим уклоном. Успехи средние.

В тринадцать лет впервые поехала с родителями в отпуск на побережье, и на трассе Р-15 машина попала в аварию — столкнулась с грузовиком, который занесло на повороте. Отец и мать погибли на месте, меня с черепно-мозговой травмой доставили в больницу. Врачи сказали, был ушиб мозга с обширной гематомой и критическое время без снабжения мозга кислородом. Посттравматический эффект выражался в заторможенности, затрудненной речи, провалах в памяти, сильных головных болях, фобиях (яркий свет, боязнь засыпания). Год находилась на адаптации в интернате N 47 для детей с задержкой в развитии. После установившейся ремиссии

переведена в школу-интернат для детей работников среднего звена номер 18, где и училась до похищения. Все».

Поставив жирную точку под этим казенным отчетом (практически слово в слово воспроизведенной по памяти интернатской характеристикой), Айя доскребла джем в банке, опять потерла глаза и решила поспать еще. Видимо, сказывались напряжение вчерашнего дня и пережитый испуг. Ну и ладно. Керро же велел отдыхать. Вот она и отдыхает.

Очередная партия пустых банок отправилась в пластиковый мешок, а сама Айя — в спальный. Было тепло, тихо, волосы и тело пахли мылом. А мысль о том, что Керро может не вернуться, девушка почему-то не воспринимала всерьез. Не вернется он. Как же.

* * *

В этом районе сектора никто никогда не жил. Несколько кварталов насквозь продуваемого, не защищающего ни от холода, ни от дождя недостроя были попросту непригодны для обитания. Поэтому сюда практически не совались ни бродяги, ни малолетние шакалята, ни тем более люди бонз.

А вот Керро шел по мертвым улицам уверенно, точно зная дорогу. Он остановился лишь тогда, когда достиг остова дома с неравномерно возведенными на высоту двух этажей стенами. Нырнул в подъезд и сразу рванул к окну, где и застыл, слившись со стеной и глядя, как исчезает на холодном бетоне тепловой след. Прислушался. Если «хвост» все-таки был, то сейчас преследователи метнутся вперед, чтобы не потерять цель.

Однако тишину холодного запустения нарушал только свист ветра.

Электронные часы, расположенные в нижней части линз очков, размеренно отщелкивали время, радиосканер фиксировал обычный отдаленный фон… Так прошло десять минут. Впрочем, когда идешь к основному тайнику со снарягой, тяжелая паранойя — не заскок, а естественная форма предосторожности.

Наконец, рейдер выставил на улицу видеощуп убедился, что рядом по-прежнему ни души, и направился к лестнице, уходящей в полумрак подземного гаража. Лестница привела его в огромный зал, в конце которого обнаружился дверной проем и спуск в подвал. Из подвала тянуло холодом и сыростью, но бетонная лестница была крепкой и надежной. На последней ступеньке Керро замер, осматриваясь.

Проверка секреток не заняла много времени. И камешек на

ступеньке, и два тонких почти невидимых невооруженным глазом длинных провода на полу, и даже пара пятен побелки на верхних порогах оказались нетронуты.

Прекрасно.

В стороне от лестницы виднелась насквозь проржавевшая обвисшая на петлях дверь. Керро толкнул ее и очутился в тесной каморке, одна из стен которой частично была обрушена. Рейдер протиснулся через обломки и, наконец-то, оказался на месте.

Большой ящик в углу открылся без скрипа — влагопоглотитель под крышкой отработал всего половину ресурса. Отлично, менять пока еще рано.

Рейдер задумчиво посмотрел на содержимое схрона. Теперь надо прикинуть, что именно потребуется в грядущем деле.

Складной коммуникационный лазер и комплект ретрансляторов — привет любителям пеленговать чужие передачи.

Для серьезных выходов — оружейный чехол. Точнее, его содержимое. Керро заглянул внутрь жесткого длинного бокса: автомат в тонком слое смазки, рядом — магазины, подсумки и патроны в герметичной упаковке — всё на своих местах. Нормально. Как раз есть время перекинуть в другой тайник, рядом с кролями.

Теперь на случай проблем в городе. Рейдер открыл компактный пуленепробиваемый чехол — легкий одноразовый (ну, то есть на триста выстрелов) укорот. Достаточно. Уж если трехсот усиленных безгильзовых патронов не хватит, чтобы вырваться, значит, не хватит вообще ничего. Он скинул куртку, закрыл чехол и прикрепил его на спину поверх бронежилета.

Что еще?

Гранаты, слепилки, аппаратура для прохождения различных сигнализаций, кейс для денег с системой подавления электроники и контролем атмосферы (чтобы вовремя узнать об отравленных или зараженных какой-нибудь дрянью купюрах), особые медикаменты, разная мелочевка…

Вроде все.

На секунду Керро задумался, бегло осматривая содержимое ящика, а потом тихо выдохнул и остановил взгляд еще на одном предмете, который лежал в самом углу: на вид просто дополнительная амортизация под бронежилет, а реально — козырь на самый крайний случай. Вот его-то брать очень не хотелось…

Но… чья-то биоразработка по-любому в итоге приведет к корпам и ни к кому другому. Поскольку никому другому отбросы чужих биолаболаторий просто не нужны. А корпы — случай по

определению крайний.

Рейдер вскрыл пластиковый пакет, извлек из него содержимое, — круглую плоскую штуковину в тканом чехле, — после чего расстегнул бронежилет и аккуратно приладил термитный заряд под переднюю пластину. Тонкий проводок, тянувшийся от чехла, выводить на ворот пока не стал. Успеется еще.

Вот вроде бы и все.

А теперь назад на лежку. Впереди очередной и самый сложный на сегодня разговор. И надо продумать, как его вести.

* * *

Джед шел по коридору интерната номер восемнадцать и думал о том, что самое сложное на сегодня он сделал. Договориться с мисс Ховерс едва ли проще, чем с внутренней безопасностью. С той лишь разницей, что внутряки подчиняются хоть какой-то маломальской логике, тогда как мисс Ховерс живет и мыслит весьма внезапными категориями.

Эледа была, безусловно, красива и умна, однако в своей взбалмошности ничуть не отличалась от большинства женщин. К тому же ее, как и прочих, привлекала власть и ухаживания мужчины, властью наделенного. А еще она была обидчива, мстительна, язвительна, изобретательна, упряма, раздражительна и обладала прямо-таки бульдожьей хваткой. И было бы наивно думать, что вышеозначенные качества Ленгли отталкивали. Напротив. Очень даже привлекали. Мисс Эледа являлась партией, лучше которой и желать не приходилось. Наследнице семейства Ховерс следовало уделить внимание, даже окажись она глупой дурнушкой, а уж при имеющихся данных упустить такую женщину станет верхом неосмотрительности…

— Рейдер Хейли! — служба видеонаблюдения безошибочно вывела агента Ленгли на охранника Эледы, сидевшего во дворе на узкой скамье для посетителей.

— Агент Ленгли, — Винсент даже не соизволил повернуться, — помнится, вы говорили, будто ритуальные корпоративные пляски только впустую отнимают время. Или это относится исключительно к симпатичным блондинкам?

— Ну почему же, — Джед усмехнулся, присел рядом и доверительно сообщил: — Еще и к настоящим профессионалам. Кстати, от тех и от других нужен в первую очередь результат.

— Уел, — Винс, наконец-то, повернулся к собеседнику. — Чем обязан?

— Каковы на сегодняшний день шансы Айи Геллан остаться в живых? Если предположить, что она сумела сбежать от похитителей? — Ленгли действительно не любил ритуальных плясок, а время и впрямь поджимало.

— Низкие, — пожал плечами рейдер.

— Но не нулевые?

— Не нулевые. Если ее схватила уличная банда, то еще дня два-три проживет. Правда, то, что от нее останется, на человека будет мало похоже. Если в низкопробный бордель попала, то неделю и с тем же результатом. Если бонза какой вдруг заинтересуется — такое тоже бывает, — то, пока не надоест. А если к органлегеру…

Здесь Винс осекся и задумался.

— Если к органлегеру… — мягко подтолкнул его Джед.

— Зависит от того, найдет ли мясник в ней что-то необычное. Если найдет, то жива и будет жить, пока потрошитель не разберётся и не отыщет покупателя.

— Я понял, — Ленгли поколебался пару мгновений, а потом продолжил: — Предположим, что Айя Геллан действительно ценна. Очень ценна. Ты лично рекомендовал бы рейд для ее поиска и возврата?

Винсент смерил собеседника пристальным взглядом:

— Вопрос — *насколько* она реально ценна. Рейд выйдет средней стоимости, но с низкой вероятностью удачи. Такие в управлении не любят и проводят только из-за реально ценных людей.

Джед кивнул и сказал:

— Реально ценна. Директор это подтвердил. Ты бы смог провести подобный рейд?

— Решением медико-психологической комиссии… — скучным голосом начал Хейли.

— Я знаю, — оборвал его Ленгли. — Ты отстранен от участия в рейдах на год и выведен за штат до особого решения. Но если я добьюсь разрешения, ввиду срочности и важности ситуации?..

— Провел бы. Правда, без гарантий. В конце концов, она может быть уже мертва, — ответил Винсент, однако его собеседнику показалось, будто в голосе рейдера впервые зазвучал неподдельный интерес.

— Начинай планировать. Через три часа получишь разрешение на выход.

Агент Ленгли поднялся на ноги.

— Джед, — впервые за всю беседу Винсент посмотрел собеседнику в глаза, — одно условие. По возвращении и вне зависимости от результата ты устраиваешь всё так, чтобы я мог

покинуть мисс Эледу, то есть разорвать контракт о найме с минимальными для себя финансовыми и профессиональными потерями. И ты мне это гарантируешь. А также компенсируешь финансовые потери в тройном размере.

— Неслабые запросы.

— Тогда советую действовать по инструкции и через корпус, — рейдер коротко и зло посмотрел в глаза собеседнику. — Мы оба знаем, сколько времени у тебя это займет.

Джед только выматерился про себя. Будет затягивание отправки группы. Скрытый саботаж и провал.

— Выкручиваешь руки?

— Скорее, пользуюсь моментом.

— Что ж, принимаю условия. Готовь выход.

* * *

Когда щелкнул замок, заспанная Айя торопливо выбралась из спальника и вскочила.

— Привет!

Керро, возникший на пороге, посмотрел на нее с удивлением. Как будто не ожидал увидеть.

Девушка поняла, что со стороны, наверное, выглядит смешно — в длинной мужской футболке, с торчащими во все стороны волосами и мятым лицом, но при этом стоящая навытяжку.

Интернатская привычка — нельзя валяться на кровати, если входит кто-то из персонала. Да и вообще нельзя валяться. Только после отбоя.

Поэтому Айя торопливо пригладила рукой лохмы и спросила голосом, еще сиплым от сна:

— Есть будешь?

Керро только усмехнулся:

— И что же ты приготовила?

Айя подняла глаза к потолку и без запинки перечислила все наименования консервов в кладовке. Дойдя до тунца, снова посмотрела на собеседника и спросила:

— Так что будешь?

Он бросил куртку на спинку стула и начал снимать оружие.

— Рябчиков в ананасах с кониной.

Сняв оружие, рейдер начал освобождаться от бронежилета, и Айя с удивлением увидела на спине собеседника плоский ящичек, которого там не было накануне.

— Рябчики в меню не обозначены, но могу вывалить банку джема в банку говядины, если хочешь экзотики, — сказала она. —

А что это за штука?

— Если повезет, ты этого не узнаешь. Что ж, неси кашу с тушенкой и гони автобиографию.

— Она на столе, — махнула рукой девушка и исчезла в кладовке.

Когда она вернулась, Керро уже прочитал «пространные» мемуары и выглядел одновременно задумчивым и насмешливым.

Айя протянула ему чистую ложку и банку с консервами, после чего, усевшись напротив, осторожно спросила:

— Что ты так смотришь?

— Как? — мужчина неторопливо перемешивал еду.

— Как будто насмехаешься.

Керро поглядел на собеседницу с прежней иронией.

— Марка и цвет машины родителей, — внезапно спросил он.

— Что? — опешила Айя.

— Быстро. Марка. Цвет.

Девушка изумленно захлопала глазами.

— Я не… помню… — Айя уставилась в пустоту.

Она и вправду не помнила. Ей говорили, что после аварии в памяти могут случаться провалы, потому что удар был сильный и…

— Я не помню. У меня было сотрясение мозга.

Керро хмыкнул, чем-то явно очень довольный.

— А шрамы откуда? — кивнул он на белые полоски, пересекающие вкривь и вкось веснушчатые предплечья собеседницы.

Девушка посмотрела с удивлением, словно впервые видела собственные руки:

— Говорю же, после аварии…

— Хм… где ты сидела во время аварии? — Керро, похоже, нравилось задавать внезапные идиотские вопросы.

— Я. Не. Помню. Помню удар и летящие стекла. Всё.

Рейдер откинулся на стуле и указал ложкой на Айкины шрамы:

— Это — скользящие раны от ножа. Раны от осколков выглядят иначе. Особенно от автомобильных. Автомобильное стекло от удара рассыпается на мелкие части. А у тебя длинные тонкие порезы на руках и… — он посмотрел под стол, и Айя поспешила натянуть подол футболки на колени, а босые ноги спрятать под стул. — И на ногах. Причем довольно специфические.

Девушка потрясенно смотрела на собственное тело.

— Раны от ножа? — она выставила вперед руки, внимательно изучая тонкие белые линии на покрытой россыпью веснушек

коже.

— Шрамы, как шрамы. В черном секторе такие есть у каждого.

Айя подняла на него глаза:

— Но я из чистой зоны. И первый раз тут… — она осеклась, вспомнив, как легко управилась с Доковым пистолетом. — Чёрт!

Девчонка вскочила, с грохотом отодвинув стул.

— Ёбаная матерь!

Керро наблюдал за ней с нескрываемым интересом. Зрелище и впрямь оказалось любопытным — хотя бы потому, что мимика у Айи менялась стремительно, в зависимости, видимо, от того, какие мысли ее одолевали. Лицо то становилось подростково-инфантильным и испуганным, как накануне, то вдруг в нем проявлялась непривычная жесткость. Метаморфозы были молниеносны и выглядели диковато, будто в девчонке сидели два разных человека, каждый из которых пугался на свой манер.

— Где ты видела эмблему с горизонтальной восьмеркой в квадрате? Быстро! Не задумываясь!

Айя дернулась, на миг окаменела и тихо, но внятно сказала:

— Она была на халатах у медперсонала.

— Садись, чего мечешься-то, — Керро встал и вышел в кладовую, вернулся с бутылкой воды и двумя кружками: — Пей, — он налил воды и передал Айе.

Та опрокинула в себя кружку. Со стороны показалось, будто втянула одним глотком. Когда же девушка вернулась обратно за стол, ладони, которыми она терла вспотевший лоб, дрожали.

— Кто я? — глухо спросила она и сама ответила: — Хотя откуда тебе знать…

— Ты? — Керро протянул руку, забрал кружку налил еще воды и передал обратно собеседнице: — Я бы сказал, что крыска из черного сектора, попавшая в биолабораторию. Но… — он замолчал.

— Выходит, всё, что я помню — родители, дом, детство — всего этого не было? — в ужасе спросила девушка.

— …Но материалу из биолабораторий не накладывают ложную память, — невозмутимо продолжил Керро свою мысль, в уже знакомой Айе манере. — Согласно меморандуму девяносто девять, весь биоматериал по окончанию исследований немедленно утилизируется. По поводу того, кто ты и что было… память накладывали топорно, может, и вспомнишь. А еще горизонтальная восьмерка в квадрате, или, как ее везде называют, «жопа в квадрате» — это логотип «Крио-Инк Мариянетти», которая действительно занимается биологическим оружием. Но не «Винздора». Расскажи про интернат, из которого тебя

похитили. Всё, что вспомнишь.

Девушка потерла лоб, отпила еще воды, помолчала какое-то время, а потом сказала:

— Я год после аварии провела в интернате для детей с задержкой в развитии. Номер сорок семь. Там… я плохо помню: голова болела часто, а в комнате не было окна, даже непонятно — день или ночь. Свет никогда не гасили, дверь была заперта. Комната — в два раза меньше этой. Я думала, даже ходить там разучусь. Говорили, мне после аварии нужен покой. Зато давали много книг. И фильмов. Лекарства какие-то… Потом, когда головные боли прошли, меня отправили на учебу в интернат номер восемнадцать. Для детей-сирот сотрудников низшего звена. Что-то вроде лагеря скаутов строгого режима. А там… там всё изо дня в день одинаково и как-то серо. Утро — вечер, утро — вечер. Что ты хочешь узнать?

Айя стиснула пальцами виски. «Крио-Инк Мариянетти»… Жопа, блин, в квадрате. Ложная память? Лабораторная крыска? Шрамы от ножа? Меморандум девяносто девять? Ёбаная ж матерь!

— Как звали соседок по комнате в первый год? Во второй? Как они выглядели? Как учились? Номер учебной группы в третий год. Номера комнат, в которых жила. Имена и фамилии преподавателей по математике за все годы. Теперь можешь не спешить.

Керро откинулся на стуле и прикрыл глаза, слушая, как Айя обстоятельно отвечает на вопросы и постепенно успокаивается оттого, что может разложить хотя бы малую часть собственного прошлого по полочкам. Видимо, нащупала относительно твердую почву и теперь пыталась устоять на ногах, а не рухнуть под напором открытий. Поэтому говорила она с подробностями и деталями, которых помнила очень много.

— Хватит. Восемнадцатый, похоже, реальная память. Впрочем, проверим.

— Проверим? — Айя заметно напряглась. — Как?

— Есть мысли, — Керро отмахнулся, — завтра уточню. А тебя надо нормально одеть и обуть. С утра оставлю у кролей, они помогут. В обед встретимся. А там видно будет.

— Как ты догадался про ложную память? — спросила Айя. — Почему?

— Если бы ты всегда была в «Виндзоре», то не знала бы «жопу в квадрате». Другие корпы очень не любят поднимать тему «Мариянетти». Она, как правило, закрытая и для узких кругов. Ну и еще у кролей ты от шприца отбивалась любо-дорого. Даже их впечатлила. Плюс еще в биографии была допущена грубая

ошибка. У мелких сошек из корпоративных низов, какими были твои родители, нет личного транспорта. Слишком жирно. Не по карману и не по статусу. Составитель ложной памяти схалтурил.

— Почему другие корпы не любят поднимать тему «Мариянетти»? — девушка насторожилась, пропуская мимо ушей замечание о кроликах, об устроенной им битве и об особенностях корпоративной иерархии. — Что с них всем остальным? Я еще понимаю, в черных секторах… А корпам-то с чего?

— Тебя правда это волнует?

— Ты сказал, поймем, кто я такая, будем разговаривать дальше, — напомнила Айя. — Я пытаюсь понять. Ты говоришь, что лабораторный материал немедленно утилизируется, согласно меморандуму девяносто девять. Но я жива. При этом я была лабораторным материалом в корпорации, которая «закрытая тема для узких кругов». Да, меня, пожалуй, это волнует. В числе прочего.

— Жива. Хотя и не должна бы. И похищена из корпорации, которая не занимается биологическим оружием, но при этом известна наработками в области киборгизации. Вот только антител у тебя раза в три больше нормы, а это верный признак участия в биопрограммах. То, что память наложили топорно, так «Виндзор» и по психопрограммам откровенно слаб. Ты — хорошая загадка. Будем искать дальше, — Керро подмигнул. — А «Мариянетти» не любят за ряд инцидентов, связанных с биологическим оружием. Доказать причастность не смогли, но пообещали, если повторится, разнести на хрен все известные объекты. Инциденты прекратились. Но остальных корпов «жопы» тогда крепко напугали.

— Я не помню, что там происходило, — глухо сказала Айя. — Помню только, что это было очень больно. И не вырваться.

Она допила воду:

— Голова гудит…

— Чего вспомнишь, расскажешь. А сейчас я спать. Ты как хочешь.

— Я поем, — сказала она и спросила: — Можно?

— Да сколько влезет…

Пока Айя шуршала в кладовке, отыскивая то, что поможет ей утешиться в скорби, Керро успел вырубиться. Это было весьма кстати, потому что при нем девушка испытывала сильную неловкость. И не могла понять, какой именно части ее сознания в компании с этим человеком не по себе — корпоратской или секторской? Занятная тема для размышлений, особенно если учесть, что корпоратская основа была ложной, а секторская — стертой.

Никогда в жизни Айя не чувствовала себя такой одинокой. Причем одинокой даже не оттого, что одна, а оттого, что сама себе чужая, сама не знаешь, где начинаешься ты, а где ложь о тебе. Где заканчивается программный вымысел, а где вдруг открывается истинная память.

Где ее жизнь? Хоть какая-то часть! Детство, родители и автомобильная авария — просто чья-то пошло сгенерированная фантазия, внедренная в мозг. Получалось, единственная сохранившаяся в памяти реальность — учеба в корпоративном интернате. Но что было «до»? Что-то же было? Были ведь у нее отец и мать, как-то же она выросла! И как-то попала в эту… в эту… жопу. В квадрате. Айя уткнулась лицом в ладони.

Ее память прорывалась рефлексами в реальности и кошмарами в снах. Первое было слишком странным, чтобы ему радоваться, второе — слишком страшным, чтобы его желать.

Девушка доела консервы, убрала со стола пустые банки, ополоснула ложки. И еще какое-то время сидела, слушая потрескивание огня в печке. Думать о себе как о биологическом лабораторном материале без понятного прошлого да к тому же с туманным будущим было тошно. Поэтому Айя махнула на все рукой и забралась в спальник, в надежде, что «жопа в квадрате» ей не приснится.

День третий

А, может быть, и не было меня?

Группа «Пикник»

Джед Ленгли работал на корпорацию «Виндзор» уже двадцать пять лет. За эти годы он прошел сложный и трудный путь от рядового следователя до управленческой элиты. Это было не так-то просто, как может показаться, особенно если учесть, что ни связей, ни покровителей, ни влиятельных родственников у агента Ленгли не водилось. А вот влиятельные враги были. Именно так, в прошедшем времени. Были.

С личными недоброжелателями Джед расправлялся так же хладнокровно и безжалостно, как с врагами корпорации, поэтому их у специального представителя СБ при совете директоров не осталось. Во всяком случае, если они и бесились где-то от ненависти, то делали это в самых укромных уголках, никак не являя себя предмету пылких чувств.

Вот почему за годы службы Ленгли уже порядком привык, что коллеги тщательно подбирают слова во время разговора, держатся неизменно уважительно, а подчиненные и вовсе стараются быть полезными, исполнительными или даже угодливыми.

Именно поэтому общение с Эледой Ховерс доставляло сорокапятилетнему карьеристу Джеду несказанное удовольствие. Будучи красивой самоуверенной и богатой женщиной из влиятельной семьи, Эледа держалась с достоинством, избегала пошлого кокетства, флиртовала тонко, а ее пикантная привычка говорить в лицо то, о чем другие женщины предпочитали умалчивать, подкупала Ленгли. В первую очередь остротой.

Хотя и у этой остроты был привкус… предсказуемости. Но все-таки. Все-таки Эледа оказалась до крайности привлекательной.

Джед уже давно вышел из того возраста, в котором люди, мало-мальски добившиеся чего-то в жизни, стараются при каждом удобном случае показывать свою успешность окружающим (не важно, мужчинам ли, женщинам ли). Остались сухой профессионализм, сосредоточенность, резкость. Демонстрация высокого статуса представлялась теперь глупым и никчемным занятием, до которого он опускался только в особых случаях.

Как ни забавно, именно таким случаем оказалась встреча с мисс Ховерс. Начитавшись ее досье, агент Ленгли при первом

знакомстве нарочно занял официальную дистанцию. Доброжелательное равнодушие.

Эледа легко приняла предложенную манеру общения, однако, как всякая уверенная в своей неотразимости особа, сделала деликатную попытку смягчить излишне строптивого мужчину. И Ленгли смягчился. Просто потому, что мисс Ховерс была хороша собой, молода и амбициозна. А главное, она была умна. Очень умна. Но при этом в силу возраста не слишком хитра и пребывала в святой уверенности, будто Джед не раскусил ее милого лукавства — выдать резкость за равнодушие, чтобы разжечь интерес.

Банально. Но при этом не лишено очарования. Да и собеседницей Эледа оказалась превосходной, очень эмоциональной. Пикировки с ней доставляли Ленгли истинное удовольствие.

Вечером, когда он зашел за девушкой, чтобы доставить ее в «Дельмонико», Эледа вышла в темно-синем платье-футляре, слишком дорого выглядевшем в своей элегантной простоте. Из всех украшений на мисс Ховерс были только длинные серьги и крупный перстень. Белокурые волосы она собрала в аккуратный низкий узел. Причёска оказалась проста, немного ассиметрична и тем разбавляла строгий образ, делая его изысканным, но неофициальным.

— Мисс Ховерс, — улыбнулся Джед. — Мне снова повезло.

Батч, молчаливой тенью выросший в шаге от своей подопечной, смотрел на нее с восхищением.

— Да, агент, — легко согласилась девушка. — Вы на редкость везучий человек, не находите? Итак, если не пять часов на монорельсе, то…?

— Идемте, — кивнул Джед, делая вид, будто и впрямь не догадался, что она давно всё поняла.

Вертолет ждал на крыше. Здесь моросил дождь. Батч протянул Ленгли пальто и шарфик Эледы, давая возможность побыть галантным джентльменом.

— Я впечатлена, — сказала мисс Ховерс тоном, в котором не было ни восторга, ни впечатлённости. — Однако если вы хотели меня сразить, сразу скажу, что летаю с грудного возраста. Но все-таки, от ужина в хорошем ресторане не откажусь, даже не надейтесь.

С этими словами она шагнула вперед, к открывшейся двери вертолета. Ленгли забрался в кабину и оттуда протянул руку спутнице. Батч помог ей подняться и сам незамедлительно сел следом.

— Вас не так-то просто удивить, — деланно посокрушался

Джед и наклонился, чтобы помочь спутнице устроиться.

Однако она легко отстранила его, давая понять, что знает, как управляться со страховочными ремнями.

— Совсем непросто, — согласилась собеседница, ловко защелкивая пряжки. — Я ведь балованная богатенькая девочка, вы что, невнимательно читали мое досье?

— Ваше досье? — удивился агент.

— Ай, Джед, я вас умоляю! Корпоративные пляски только отнимают время.

— А вы прямолинейны, мисс Ховерс… — задумчиво сказал Ленгли.

— Какой смысл лукавить? — спросила Эледа. — Или вы предпочитаете тех неискренних женщин, которые бездна очарования и такта?

— Я предпочитаю умных женщин. Очарование и такт не помеха уму.

— Да неужто? Будь я очаровательно тактична, то сейчас бы молчала и восторгалась знаками вашего внимания: вертолетом, пилотом, этой вашей образиной-киборгом, которая сидит рядом с ним. Хотя не спорю, так вам было бы комфортнее.

Он рассмеялся:

— Мисс Эледа, сразу видно — отец вас очень любит. За словом вы в карман не полезете.

— При чем тут мой отец? — удивилась наследница Нейта Ховерса.

— Только мужчина может достаточным образом избаловать женщину, чтобы она стала настолько вызывающе самоуверенной. Вы мне нравитесь.

— Я нравлюсь всем, кому хочу понравиться, агент, так что не особенно обольщайтесь. А вот чтобы понравиться *мне*, вам придется постараться. Ресторана и вертолета тут мало.

— Ну, так облегчите мне задачу, — предложил агент Ленгли, надевая наушники, — что же еще необходимо, чтобы вы «молчали и восторгались знаками моего внимания»?

— Чтобы молчала — кляп. Или парализатор. А чтобы восхищалась — знаки внимания, достойные восхищения. Мы — женщины — существа примитивные. Однако могу утешить, у вас шансы далеко не нулевые.

Она поправила на голове наушники.

— Я польщен, мисс Ховерс, — раздался голос Джеда.

Тем временем лопасти вертолета пришли в движение, тяжелая машина качнулась, отрываясь от крыши.

Интернат номер восемнадцать остался внизу вместе с людьми, его населяющими, маслянистыми огнями фонарей,

белым пятном медицинского модуля во дворе, ровными дорожками, забором с колючей проволокой, КПП и вертолетной площадкой на мокрой плоской крыше.

* * *

«Дельмонико» покорял расслабляющей атмосферой домашнего уюта и, конечно, превосходной кухней. Джед нарочно заказал столик именно здесь, поскольку не собирался поражать Эледу роскошью. Уж чем-чем, а хрусталем, серебром и позолотой ее было не удивить.

— Приятное заведение, — сказала мисс Ховерс. — Люблю его гораздо больше «Централ Плаза».

— Почему же? — безо всякого удивления спросил Ленгли.

— Меньше пафоса. Тут душевнее, что ли, — ответила Эледа, делая глоток вина. — Итак, мистер Ленгли, не тушуйтесь.

— В каком смысле? — поинтересовался Джед.

— В самом прямом. Очаровывайте, развлекайте беседой. Как это обычно принято? Я сделаю вид, что мне весело, вы — что вам интересно. Я буду кокетливо смеяться, вы — сыпать остротами. Мы кое-как поедим, стараясь усилить произведённое друг на друга впечатление, и отправимся обратно. Я — уверенная в своей блистательности, вы — в своей неотразимости.

Агент Ленгли усмехнулся:

— Мисс Ховерс, вы обладаете уникальным качеством — низводить обыденное до отвратительного. Зачем? Это эпатаж такой? Вы со своей милой резкостью, балансирующей на грани приличия, заставляете меня вспомнить старинную фразочку.

— Что за фразочка?

— «Интересничать изволите».

Эледа рассмеялась.

— Ну, вы же погрузили меня на служебный вертолет и привезли в элитный ресторан, претендующий на сдержанную простоту. Я пытаюсь соответствовать вашему замыслу. Это вроде бы называется флирт. Нет?

Агент Ленгли пожал плечами:

— Видите ли, в чем наше сходство, Эледа. Вы — богатая наследница, привыкшая к мужскому вниманию и галантности. Я — высокопоставленное лицо, привыкшее к женскому кокетству. Если бы мне нужен был флирт, я бы вел себя иначе. Если бы вам нужны были ухаживания, вы… думаю, вели бы себя точно так же.

Девушка отложила столовое серебро. Взгляд ее стал прямым и острым:

— Тогда что же?

— Ничего, — Джед откинулся на стуле, наслаждаясь тем, что поколебал ее самоуверенность и заставил растеряться: — Вы мне понравились. Это случается даже с такими, как я. Вы красивы, умны, а ваши манипуляции изящны и полны простодушного коварства. Я старше в два раза, Эледа. Я все эти уловки прекрасно вижу. Не нужно пытаться строить из себя зубастую хищницу. Вы пока еще несмышленыш. Очаровательный, уже сейчас немного опасный и грозящий вырасти в сильного зверя, но… несмышленыш. Однако ваша игра притягательна, не лишена изобретательности и, безусловно, талантлива. А теперь по существу. Я позволяю собой манипулировать ровно в той степени, в какой мне доставляет удовольствие. Я готов потакать капризам и взбалмошности. Даже непостоянству. Но не упускайте из виду то, что игры, которые проходят с вашими ровесниками и сокурсниками, не пройдут…

— …с вами, — закончила за него Эледа.

— Не только со мной. С любым мало-мальски опытным человеком. Не все готовы боготворить вас так, как отец, — жестко подытожил собеседник.

Мисс Ховерс снова взяла в руки вилку и нож, но побелевшие от напряжения пальцы выдали ее душевное смятение.

— За сегодняшний день вы — второй мужчина, который пытается поставить меня на место, — холодно заметила она.

— И не последний в вашей жизни, — напомнил Ленгли.

— Вы бы понравились моему отцу, — сказала девушка и снова отложила столовое серебро, видимо, утратив аппетит.

— Об этом и речь, мисс Ховерс. Об этом и речь. Просто он, как и я, старше вас.

— И старше вас.

— И меня, — согласился агент Ленгли.

— Отчего-то у меня такое ощущение, будто вы сейчас взяли менторский тон.

— Так и есть. Я же говорю — вы умны. Но недостаток жизненного опыта иногда мешает вам адекватно оценивать ситуацию.

Эледа потянулась к бокалу с вином, однако передумала. Некоторое время она молчала, а потом снова посмотрела на собеседника и сказала:

— Ну, раз уж вы решили, будто можете меня чему-то поучить, вперед.

— Не обижайтесь, Эледа, — мягко произнес Джед и, потянувшись через стол, коснулся ее холодных пальцев. — Просто вы ведете себя, как девчонка. Оттого Винс и пытается поставить

вас на место.

— Меня? — усмехнулась девушка. — Вас он тоже сегодня поставил на место. И вы, кстати, отмолчались.

Ленгли пожал плечами.

— Все дело в том, что *меня* он на место не ставил. Он лишь демонстрировал себя. Эта демонстрация мне не вредила, напротив, помогла. А, отреагируй я на нее с вашей пылкостью, возникли бы ненужные сложности. Кстати, люди вроде Винсента хорошо чувствуют грань дозволенного.

— Что-то я не заметила, — пробормотала Эледа, — будто он чувствует эту грань.

— Я же говорю — вы молоды.

— Вы помешали мне его наказать!

Джед сложил руки на груди и покачал головой:

— Вернется — наказывайте, сколько хотите, но сначала пусть сделает действительно полезную вещь. К тому же, как я вам и обещал, разорвать контракт у него не получится.

— Вы до крайности неприятная личность, агент Ленгли.

— Джед.

— Вы до крайности неприятная личность, Джед.

— А вы притягательная, Эледа. Давайте за это выпьем? За вашу притягательность и мою неприятность, — предложил он, пододвигая к ней наполненный бокал.

Собеседница подчинилась. Хрусталь мелодично звякнул о хрусталь. Вино было легким, с тонким фруктовым ароматом.

— Кстати, я не люблю вино. Предпочитаю текилу, — с вызовом сказала мисс Ховерс, ставя бокал обратно на стол.

— И почему я не удивлен? — улыбнулся агент Ленгли. — Заказать вам текилы?

— Чтобы вы еще и это обсмеяли? — покачала головой девушка.

— Зачем? — искренне удивился Джед. — Я ведь сказал, вы мне нравитесь. Иначе мы бы здесь не сидели.

— Ну, хоть что-то приятное…

— Эледа, ваш отец был бы согласен с каждым моим словом.

— В отличие от вас, — напомнила ему девушка, — мой отец меня, как вы выразились, «боготворит». И у него для этого есть все основания.

— Не сомневаюсь. Именно потому и говорю, что он был бы согласен с моими словами. Вы — бриллиант, Эледа. Но хорошему камню нужна хорошая огранка.

— Да вы, никак, себя в ювелиры предлагаете?

Джед искренне рассмеялся.

— Почему бы нет? Вы так мило кокетничали сегодня, что

сразили даже Батча, а Винса и вовсе завели с пол-оборота.

— Винса? Он-то здесь при чём? Хотите сказать, что он ко мне неравнодушен?

— Эледа, вы слишком преувеличиваете силу своих чар. Он к вам совершенно равнодушен. Его взбесило то, что вы совершаете глупость, а он не может ее предотвратить, хотя и должен.

Лицо мисс Ховерс залила краска, когда она поняла, что ее утреннюю перебранку с Винсом агент Ленгли просмотрел по видеонаблюдению. Джед, видя растерянность собеседницы, рассмеялся снова.

— Идемте, потанцуем. Я боюсь, что вы сгорите. Или воткнете в меня нож. Кстати, да. Положите его обратно.

Девушка с грохотом швырнула нож на стол и поднялась на ноги.

Негромкая приятная музыка и медленный танец постепенно заставили Эледу успокоиться. Она даже предприняла попытку отстраниться, не увенчавшуюся, впрочем, успехом.

— Не надо, мисс Ховерс, — сказал ей на ухо партнер. — Вы привлекаете ненужное внимание посетителей — это раз. И мешаете мне наслаждаться вашей близостью — два. Если на первое мне плевать, то второе искренне расстраивает. А я и так уже достаточно огорчен вашей обидой.

И он прижал ее к себе теснее.

— А ну отпустите! — потребовала девушка.

— И не подумаю. Мой имидж крайне неприятной личности мешает мне вас послушаться.

Мисс Ховерс снова было попыталась отстраниться, а потом от души рассмеялась.

— Эледа, смейся чаще, — негромко сказал Джед. — Тебе очень идет. И давай уберем этот унылый пучок.

Ловкие пальцы вытянули из волос шпильки.

— Так-то лучше.

* * *

Винсент шел по пока еще пустым улицам черного сектора и с наслаждением вдыхал терпкий и острый воздух трущоб. В отличие от чистой зоны тут особенно чувствовалась жизнь. Невыспренняя, осязаемая, многоцветная. Неважно, касалось ли это вони помоек или холодного влажного ветра, приносившего с собой запахи мокрого камня, ржавчины, воды и гари. Реальность здесь не казалась, она *была*. Настоящая, острая, как лезвие ножа, и такая же опасная.

Ну да, адреналиновый наркоман. У каждого свои недостатки. И достоинства. Знала бы Эледа, что такие, как он, — те, кто ходит за периметр в одиночку с минимальным прикрытием, а то и вовсе без оного, — даже среди рейдеров считаются особой кастой. Причем отношение к ним скорее опасливо-уважительное, нежели восхищенное.

— Да вы, батенька, в эйфории, — сказал доктор Милтон, беря у Винсента образец крови — необходимая формальность перед выходом из чистой зоны. Всегда стоит проверить, в каком состоянии человек уходит за периметр. К тому же, если с той стороны попытаются вернуть назад двойника, раскрыть подмену будет предельно просто.

— С чего вы взяли? — спокойно спросил Винс.

Он ничем не выдавал своего предвкушения, даже пульс и тот был в норме. Рефлексы тела следует жестко контролировать, чтобы они потом не подводили тебя в самый ответственный момент.

— По глазам вижу, — ответил док, снимая с руки рейдера жгут. — Слишком уж у вас взгляд равнодушный. А человек, идущий на риск, обычно либо возбужден, либо… тоже возбужден, но возбуждение свое скрывает.

Хейли усмехнулся:

— Да вы, доктор Милтон, тот еще прозорливец.

Его собеседник опустил пробирку с кровью в анализатор.

— Я, мистер Хейли, профессионал. И вашего брата повидал. Так вот, если бы не связи и влиятельность агента Ленгли, я бы вас за периметр не выпустил.

Винс спокойно ответил:

— Тогда, очень хорошо для дела, что агент Ленгли столь всемогущ.

— Не знаю, как оно для дела, но выпускать вас в рейд — занятие рискованное.

Рейдер повернулся к собеседнику и сухо уточнил:

— Вы считаете недостаточным и необоснованным распоряжение, поступившее из главного рейдерского офиса СБ корпорации?

Доктор Милтон дернул уголком рта и ответил:

— Я считаю, мистер Хейли, что отпускать вас в черный сектор мановением руки — великая поспешность, вызванная необходимостью. И хочу сказать, что в случае, если вы совершите оплошность, туго придется не только агенту Ленгли, но и мне в том числе. Поэтому постарайтесь не допускать ошибок. Это у вас за спиной никого. А у меня жена, трое детей, дом в кредит и карликовый пинчер. Уж будьте так любезны не накосорезить, а то

гляжу я на вас — и страшно становится. Кстати, индивидуальная аптечка уже собрана. И я добавил в нее несколько препаратов, не входящих в обязательный перечень. Хотя очень надеюсь, что они вам не пригодятся.

Анализатор закончил жужжать, замигал и выдал на экран результат. Доктор Милтон пробежался глазами по строчкам и мрачно заключил:

— Все у вас в норме. Правда, не в той, в какой нужно, — он откинулся в кресле. — Идите уже, идите. Мне еще подлог совершать.

Сейчас Винсент вспоминал беспокойство врача, и ему почему-то было весело. Да и в целом, настроение с выходом за периметр заметно поднялось.

Здорово. Просто здорово работать вот так — одному. Есть ниточка событий, а дальше все зависит только от тебя и удачи. А уж Винсу Сука Фортуна Мать-Их крепко задолжала с этой заразой Эледой и контрактом ее папаши. Пришла пора платить по счетам. Только пусть Айя Геллан будет жива и хоть сколько-то здорова, а уж найдет ее Винсент сам. Здесь ему удача без надобности.

Как же удивился Ленгли, когда рейдер из всего возможного арсенала взял с собой лишь два пистолета, нож и легкий бронежилет. Сам-то Джед в черный сектор и на танке вряд ли рискнул бы сунуться, вот и мерил по себе. Хотя, если бы рейдеру Хейли довелось работать в тридцать седьмом раньше, сейчас пришлось бы вооружаться куда плотнее и намного серьезней относиться к прикрытию. Старые истории имеют поганое свойство напоминать о себе не вовремя…

На очередном перекрестке Винсент остановился и сделал глубокий вдох, усмиряя эйфорию. Всё, с этого момента работа. А насладиться можно будет по выполнении задания.

До высотки «связистов» оставалось всего ничего, и рейдер привычно вошел в профрежим — никаких лишних движений, предельная внимательность и осторожность. Очки сканируют окрестности, камера заднего вида транслирует происходящее за спиной, выдавая картинку в нижней части линз. Слева в столбик светятся зеленым результаты анализа: радфон — норма, химзаражение — небольшая опасность. Остальное Винс отключил, чтобы не маячило.

На входе в башню «связистов» были установлены раздвижные двери. Когда посетитель приблизился, плоские створки бесшумно разошлись в стороны, открывая взгляду короткий коридор, который привел Винсента в крохотную комнату с бронированной дверью без ручки и переливчатым глазком видеокамеры по центру. Согласно имеющейся информации, при попытке взлома

или проноса тяжелого оружия незваных гостей в этой комнатенке ждали три заряда взрывчатки с заранее подготовленными поражающими элементами. Впрочем, и за дверью гостевые коридоры прикрывались не слабей.

Винс не врал Ленгли, когда оценивал информацию о тридцать седьмом. Просто он умел и из такой горы хлама вытянуть реальную картину.

Как только рейдер вошел, рядом с бронедверью, несколько раз мигнув, соткалась голограмма изящной девушки азиатского типа — миниатюрной, но фигуристой, с гладкими каштановыми волосами и миндалевидными глазищами в пол-лица.

— Назовите ваше имя и сообщите, по какому делу вы пришли, — голос из скрытого динамика был мелодичен и приятен.

— К Среднему. По вопросу на шестизначную сумму, — с этими словами Винсент достал из-под куртки небольшой бокс. — Содержимое этого бокса вы получите при любом исходе переговоров.

Рейдер словно воочию видел, как прильнула к мониторам охрана, сканируя его и содержимое плоской коробки. Сейчас по ту сторону двери гадают, что же находится внутри бокса. Хитрая взрывчатка? Отрава? А если купюры все-таки настоящие, то зараженные или нет? Однако сотня тысяч только за *разговор*… Это не могло не заинтересовать.

— В таком случае мистер Инкогнито, — поклонилась голограмма, — положите бокс в нишу и дожидайтесь результатов проверки.

Справа из стены выехал металлический лоток. Винс подчинился и спокойно уселся в кресло, вынырнувшее прямо из пола. Тем временем голограмма поинтересовалась:

— Желаете скрасить ожидание? — Из скрытых динамиков полилась приятная тихая музыка, и девушка взялась за отворот блузки, готовясь раздеться.

— Нет.

Про себя Винсент тихо смеялся, представляя, насколько удивятся операторы манипуляторов, когда вскроют бокс и увидят что внутри лежит всего-навсего лист бумаги с десятком наименований аппаратуры из «красного» списка. Тогда как сканеры продолжат показывать купюры.

Интересно, когда они прочтут, *что* им на самом деле предлагают, примет раннего гостя жаворонок Средний, или не поленятся разбудить Старшего?

— Уважаемый, — музыка внезапно смолкла, а голос в динамиках из женского сменился на мужской. — Я — Хён У,

старший смены охраны. Хотите ли вы сдать оружие, перед тем как пройти? Приношу свои извинения, но в случае отказа мы будем вынуждены принять вас по режиму «Паранойя».

— Не утруждайтесь. — Винс вытащил пистолет из поясной кобуры, и в тот же миг из стены выдвинулся ящичек, в который рейдер положил оружие. Туда же отправился маленький револьверчик из левого кармана и нож из рукава.

— Благодарю.

Едва отзвучала благодарность, бронированная дверь открылась.

* * *

— Мне следовало догадаться, что шпильки — только начало, — сказала утром Эледа и сладко потянулась.

Джед с удовольствием наблюдал за девушкой, а когда она свесилась с кровати, чтобы поднять валяющееся на полу платье, ловко дернул за уголок одеяла, в которое мисс Ховерс собиралась завернуться. Внезапно оставшись без мантии, она рассмеялась.

Номера в «Дельмонико» были прекрасны, а уж после унылых интернатских боксов казались просто раем. Этим-то раем мисс Ховерс с мистером Ленгли и наслаждались часть вечера, а потом еще и половину ночи. Теперь же, когда за окном начало светать, обоим предстояло снова вернуться к разгадке тайны Айи Геллан.

— Мы отправимся в интернат номер сорок семь прямо отсюда, — сказал Джед, одеваясь.

Эледа с сомнением посмотрела на свое платье, однако собеседник ее успокоил:

— Необходимый допуск у меня есть, твои документы с тобой. Официальный костюм не обязателен.

…Когда мисс Ховерс и агент Ленгли вышли из номера, у порога их привычно ожидали Джедов киборг и скучающий, однако как всегда довольный жизнью Батч. Эледе даже показалось, будто ее телохранитель и кибернетическая махина что-то обсуждали, но замолчали при появлении начальства. Хотя о чем можно болтать с фиговиной, у которой от человека только мозг, промытый при помощи психотехник, а остальное — нанокерамика, броня, сталь и микрочипы?

Нынешнее утро выдалось холодным — со снегом и резким пронизывающим ветром, который на открытой вертолетной площадке бушевал так, что грозил сбить с ног.

— Мисс Ховерс, — Ленгли подал спутнице руку, помогая подняться в вертолет.

— Благодарю, — она с облегчением нырнула в защищенное от ветра чрево машины.

Следующим рядом сел Батч, а последним внутрь забрался киборг Ленгли. И Эледе даже показалось, будто вертолет просел под тяжестью мрачной железяки.

Девушка надела наушники и сказала негромко:

— Отец до сих пор мечтает приставить ко мне киборга в телохранители. Но, к счастью, не может обеспечить своевременное и полное ТО — слишком много сложностей с этой биокибернетикой.

Ленгли удивился:

— Почему же к счастью?

— Киборг — это все равно, что ожившая этажерка. Удобно, но противоестественно. От человека толку больше.

Собеседник покачал головой:

— Спорный вопрос. Хотя — все зависит от того, что именно тебе нужно от телохранителя. Мгновенная реакция, неуязвимость и отсутствие колебаний или роль помощника-громоотвода, а по совместительству еще и защитника.

Эледа ответила, глядя вниз на удаляющийся комплекс «Дельмонико»:

— Польза. Главное — польза.

Лететь пришлось не так уж и долго — примерно через полчаса пилот передал информацию о борте, полетном плане и пассажирах. Затем перещелкнул тумблер на верхней панели.

— Все в порядке, сэр, — раздался голос в наушниках, — подсветили, запросили код борта и полетное задание. Ну, а РЭБ я на всякий случай отключил. Вдруг у них сейчас автоматика в режиме «паранойя». Скоро сможете увидеть комплекс.

Еще через пять минут вдали замаячил серый периметр «интерната» номер сорок семь. Мисс Ховерс, перегнувшись через Батча, подалась ближе к окну.

Комплекс был огромен: десятки безликих административных зданий, инженерные корпуса, возносящиеся ввысь трубы производственных цехов, гаражи для служебного транспорта, склады для продукции, ангары, вертолетные площадки, испытательный полигон, и все это — за несколькими рядами высокого ограждения. Безопасность, помимо колючей проволоки под током, обеспечивала еще и охрана, вышки которой стояли по всему периметру и держали под контролем прилегающие территории. Попасть внутрь можно только через КПП с двойным досмотром либо по воздуху. Но и вертолетные площадки тоже были огорожены и предполагали досмотр.

Посадка вышла мягкой, а когда Агент Ленгли со своей

спутницей покинул вертолет, их уже ожидал сотрудник «интерната» — рыхлый мужчина неопределенного возраста между тридцатью и сорока, с ранними залысинами, в старомодных очках и таком же костюме.

— Агент Ленгли, агент Ховерс, — поздоровался он. — Я — Эрик Ралтон, старший служащий архива Комплекса сорок семь. Мы получили ваш запрос, подкрепленный распоряжением сверху, и подготовили необходимую информацию. Как вы понимаете, все материалы строго секретны и не могут быть вынесены за пределы нашего учреждения. Сейчас мы пройдем через красную зону, где вы активируете свои пропуска, оставите оружие и получите разрешение на затребованный допуск, то есть на ознакомление с архивными материалами, согласно сделанному запросу, и на перемещение по территории комплекса в пределах сектора «Интернат». Прошу вас.

Он слегка посторонился, пропуская гостей вперед — в ярко освещенный стерильно-белый коридор.

Коридор вывел агентов в просторный зал с узкими терминалами и очерченными вокруг них ярко-красными пятачками, обозначающими зону доступа.

— Встаньте к электронному турникету, отсканируйте пропуска, введите личные коды, — проинструктировал Эрик Ралтон.

Эледа чиркнула магнитным пропуском по прорези терминала и набрала на дисплее шестизначное число. Потом посмотрела в сканер сетчатки и после короткой вспышки приложила ладони к обозначенным контурам на терминале. Рядом с ней то же повторили Ленгли и Батч.

Когда машина подтвердила личности прибывших, сотрудник архива кивнул на рамку комбинированного сканера, стоящую на выходе из зала:

— Прошу вас.

Агент Ленгли и его спутники направилась, куда было указано. Рамка что-то пропищала, раздвижные двери отползли в стороны, после чего посетители оказались в новом коридоре — просторном, длинном и с множеством дверей. Здесь от кабинета к кабинету сновали облаченные в одинаковые серо-голубые халаты сотрудники с планшетами и коммуникаторами наперевес.

— Налево, — скорректировал движение гостей Эрик Ралтон. — У нас крайне секретная организация, поэтому приходится соблюдать множество предосторожностей. Однако когда приходит запрос из совета директоров, мы стараемся реагировать максимально быстро. Информацию по интересующему вас биологическому образцу я уже подготовил и

систематизировал. При возникновении вопросов постараюсь на них ответить, если это, разумеется, будет в моей компетенции и… в рамках вашего допуска.

Джед посмотрел на сотрудника архива и сухо ответил:

— Разумеется.

Архивный зал оказался безликим помещением, заставленным информационными терминалами. Слева находилась рабочая зона — столы, стулья, уголок с мягкой мебелью и ростовой голограммо-проектор.

На одном из столов уже лежали информационные модули с записями для голограммера, а также два планшета с залитой в них информацией по биологическому образцу номер две тысячи шестьдесят восемь.

Мисс Ховерс взяла один из планшетов, устроилась на диване и сразу же погрузилась в чтение. Агент Ленгли, в свою очередь, занялся изучением голографических записей, а Батч, застывший рядом со своей подопечной, нет-нет, косил взглядом на экран ее планшета. Один только киборг Джеда, безучастный ко всему, стоял в режиме ожидания у двери. Оружие он сдать не мог, но хозяева заблаговременно получили коды блокировки, запрещающие стрелять и записывать происходящее.

* * *

Короткий безликий коридор — темно-серые стены, черный зеркально блестящий пол, лаконичные цилиндрические светильники, яркий белый свет. Лифт: хром, зеркала и пластик. Быстрый взлет. Двери с шелестом разошлись, выпуская в очередной коридор, похожий на предыдущий — длинный, с черной аркой впереди. За аркой оказался небольшой прямоугольный зал.

Здесь царил все тот же стерильный, холодный и безэмоциональный хай-тек. Стены серые, пол черный, белой была только мебель: пластиковые кресла и овальный стол. Тонкие хромированные светильники на фоне темных стен блестели особенно остро, а вот двое сидящих за столом мужчин-азиатов в строгих костюмах словно сливались с интерьером.

Хозяева поднялись навстречу гостю, протягивая руки.

— Приветствуем, — заговорил тот, что слева. На вид ему было лет тридцать, не больше. — Я — Средний, а это — Младший, — кивнул он на напарника. — Старшего уже разбудили и скоро он к нам присоединится. Как вас называть и какую из корпораций вы представляете — «Виндзор» или

«Амилайт»?

— Называйте меня Винсент, и давайте не будем друг друга прощупывать, — рейдер принял рукопожатия, и мужчины сели обратно за стол. — Вы отлично знаете, что пункты три и четыре в предоставленном вам списке «Амилайт» не производит.

— Проверка еще никому не вредила, — отозвался Младший, выглядящий ровесником Эледы. — Итак, что вы хотите и что за это готовы предоставить?

— Для начала хочу предупредить, — Винсент откинулся в удобном пластиковом кресле. — Если сигнал, передающий мои жизненные показания, прервется или я не выйду из вашего здания через час, то в течение десяти минут по высотке нанесет удар звено штурмовых вертолетов.

Сколько же сил потребовалось, чтобы выбить это звено из Ленгли! Страшно вспомнить. Наверное, отпуск у Элединого папаши и то выпросить было бы проще. А главное, Джед — крыса тыловая — только с пятого раза понял, что блеф в черном секторе мгновенно чуют все: от бонз, сидящих сейчас напротив Хейли, до последнего пацана на улице. Генетически распознают, мать их.

— Мне нужна ваша полная поддержка информацией, оборудованием, возможно, и силовая, за которую вы получите любые четыре устройства из переданного списка. На ваш выбор. Бокс с системой обхода сканирования остается вам при любом исходе переговоров.

В зале повисло молчание. Винсент спокойно смотрел на младших бонз, те же, облокотившись о стол, застыли, как изваяния, и будто чего-то ждали.

— Звено в пятиминутной готовности действительно есть, — прервал молчание Средний. — На базе «Виндзора», в тридцать пятом. Но вопрос весьма серьезен… Надеюсь, вы не возражаете против демонстрации? Чтобы мы, — последнее слово он нарочито выделил, — были действительно уверены, что вы тот, за кого себя выдаете.

— Разумеется, не возражаю, — пожал плечами Винс. — Какого рода демонстрацию вы хотите?

В этот миг, хотя никто не нажимал ни одной кнопки, в зал вошла девушка — точная копия голограммы внизу, только одетая более официально и с волосами, убранными в высокий пучок.

— Су Мин, принесите голограммер, — обратился к ней Средний, и девушка, коротко поклонившись, вышла.

Винс порылся в памяти, пытаясь сообразить, какую группировку вытеснили из белых секторов в последние годы… очень уж здешние нравы не соответствовали привычным в зоне отчуждения.

— Да, Винсент, — слева бесшумно открылась узкая дверь, и в переговорную вошел третий бонза группировки — Старший. Сухощавый, подтянутый мужчина лет пятидесяти, с тронутыми сединой висками. — Мы стараемся поддерживать цивилизацию хотя бы здесь, у себя, — сказал он.

В это время вернулась Су Мин и, положив на стол голограммер, встала за спинами бонз.

— Итак, демонстрация, она же показ, — Старший сел рядом с помощниками, включил устройство и развернул над ним проекцию сектора. — Удар бетонобойной повышенной мощности вот в это здание, — он указал на руины, стоящие в соседнем квартале. — После этого мы готовы выслушать, что вам нужно, а также снизить цену на свои услуги до трех устройств из списка. Получаса вам хватит?

— С избытком, — Винсент всмотрелся в проекцию, после чего мягко, без резких движений достал из куртки коммуникатор и зачитал в него координаты. — Десять минут, господа.

— Желаете, пока мы ждем, кофе, чаю, виски, вина? — вступил в разговор Младший. — Приватно пообщаться с мисс Су Мин, — не меняя тона, продолжил он.

— Спасибо, но ничего не надо, — отказался Винс. — Что же до вашего любезного предложения о мисс Су Мин, то, если позволят дела, вечером я с удовольствием приглашу ее в любое заведение, которое она сочтет достойным своего присутствия.

Винсенту показалось, что все четверо молчаливо одобрили его ответ, хотя внешне это никак не проявилось. Рейдер продолжил:

— А пока мне было бы интересно узнать, что же находится в этом здании, — он кивнул на карту сектора. — Если, конечно, вы не возражаете.

— Разумеется, не возражаем, — расслабленно откинулся в своем кресле Старший. — Радиотехнический разведывательный центр.

— Чей? — вот здесь Хейли не сдержался.

— К сожалению, нам забыли сообщить, — Старший все так же невозмутимо полулежал в кресле. — И настоятельно рекомендовали не интересоваться.

— Что ж, господа, — Винсент снова взял себя в руки. — Ваше предложение крайне щедро, но я не могу его принять. Оплата за поддержку остается четыре устройства плюс одно, которое вы можете выбрать прямо сейчас — в благодарность за информацию о чужом центре рядом с нашими территориями.

…Звукоизоляция в здании была отличной, Винс о выполнении удара узнал только из сообщения, пришедшего на

очки. Неясно, откуда о том же узнали хозяева — никаких явных сигналов им вроде не передали, однако через миг после того, как прогремели взрывы, Старший сел ровно.

— Итак, демонстрация проведена, — спокойно резюмировал он. — Интересующее нас оборудование из вашего списка мы назовем к обеду. Что вы хотите узнать?

— Для начала — кому принадлежал инфоконтакт ноль, ноль, два, восемь, пять, один, икс, и откуда с него был произведен последний вызов.

* * *

Айя шагала за спутницей по кривым, заваленным мусором и обломками бетона переулкам тридцать седьмого сектора. Сегодня ей было не так жутко, как накануне. И дело не в том, что кролики вернули ей Доков ствол, а Керро на это ничего не возразил. И даже не в том, что после всех пережитых страхов прогулка по сектору казалась пустяком. Нет. Просто за сутки притерпелась к новой реальности. А, может, потихоньку просыпалась в подсознании память изначальной личности… К тому же идущая чуть впереди Алиса была задумчиво-спокойна и казалась совершенно обычной, просто глубоко погруженной в себя. Однако когда Айя удивилась внезапному исчезновению шедшего по улице бродяги, Алиса заметила и то, что мужик словно растворился в воздухе, и Айкино недоумение:

— Там пролом в стене. Узкий. Дурь продают, — пояснила девушка.

— А вон там? — Айя ткнула пальцем в дом напротив.

— Там на сбор горючего под пресс можно наняться. Только вход с другой стороны, — пожала плечами Алиса. — А на втором этаже мелкая мастерская. Хочешь — заточку, хочешь — дозатор для дури сделают.

Ее спутница с жадным любопытством крутила головой по сторонам и всё ждала, вдруг да ёкнет в голове. Ведь, если она выросла в похожем месте, что-то должно подтолкнуть воспоминания, какая-то деталь, мелочь, глупость, ерунда, которая потянет за собой цепочку ассоциаций — и тогда, наконец-то, станет ясно, кто она такая.

— Значит, все-таки смогла договориться с Керро? — спросила равнодушно Алиса, поправляя на плече автомат.

— Не совсем, — призналась Айя, покосившись на свою умиротворенную спутницу. Та сегодня была в образе женщины, а не девчонки — шла легкой походкой и не казалась ребенком. — О

чём-то смогла, о чём-то нет.

— Чего ж ты так оплошала? — спросила Алиса, и посмотрела на собеседницу снизу вверх. Айя была выше нее на полторы головы, однако сегодня даже это не добавляло Алисе сходства с подростком.

— Я… — Айя замолчала, подбирая слова. — Мне с ним сложно. Он непонятный…

— Да? — удивилась собеседница и сказала задумчиво: — Не замечала. А что непонятного-то?

Айка сделала неопределенное движение бровями. Как вот объяснишь, что именно? Непонятный, и всё. То вроде живой, нормальный человек, то вдруг, как киборг какой-то: тело двигается, а взгляд пустой и глаза стеклянные. Что в это время у него в голове творится, попробуй угадай.

— Не знаю, — ответила она. — Не могу объяснить. Он мне ничего плохого вроде не сделал. Пока. Но… все равно его боюсь.

Алиса насмешливо фыркнула:

— Знай ты, сколько и какого народу его боится, то вообще бы не комплексовала. Есть среди них люди раз этак в тысячу солиднее тебя, уж извини. Но у них, и правда, повод для опасений имеется, а у тебя? Подобрал, накормил, дал выспаться в тепле и безопасности, теперь оденет. Оружие носить разрешил. Защищает. Да за такое другие бы в кровь передрались.

Айя задумалась.

— Ты права, — сказала она, наконец. — И я понимаю, что ты права. Но ничего поделать не могу. Просто страшно.

Алиса остановилась и изрекла:

— Ладно. Давай с другой стороны зайдем. А меня ты боишься?

Собеседница задумалась и сказала, прислушиваясь к себе:

— Да нет вроде.

Алиса расхохоталась:

— Да. Нет. Вроде.

Айя на миг замерла, а потом тоже засмеялась.

— Нет, не боюсь, — сказала она, успокоившись.

Алиса посмотрела с ехидством:

— А стоило бы. Для тебя я куда более опасная. Плюс сумасшедшая.

Она подмигнула собеседнице, а та ответила:

— Я не говорю, что ты неопасная. Просто я тебя не боюсь.

В синих глазах промелькнула какая-то нехорошая мысль, а потом Алиса с нечеловеческой скоростью выдернула из-за спины нож и шагнула к спутнице. Но та, вместо того, чтобы опешить или растеряться, так же плавно отступила назад, опуская руку к

кобуре.

— Выстрелить не успеешь, — весело сообщила противница.

— Обидно.

— Ага, — Алиса убрала оружие обратно в ножны. — Какая-то ты сегодня не такая, не как вчерашняя.

— Все мы сегодняшние — не такие, как вчерашние, — ответила Айя.

Ее странная собеседница на это снова заливисто рассмеялась:

— Точно-точно! Ладно, идем. А Керро, между прочим, хороший мужик. Он, кстати, рейдер, а они, хотя и сдвинутые, потому что на адреналине всегда, но психами бывают редко.

— Тебе виднее, — пожала плечами Айя. — Просто мне отец говорил, что есть два типа торчков — те, которые на зелье, и те, которые на адреналине. Причем вторые опаснее первых.

Сказав это, девушка резко остановилась и перевела взгляд расширившихся глаз на спутницу. А та спокойно согласилась:

— Прав был твой папашка, никто ж не спорит. Керро опасный. Бывает, и его переклинивает на свой лад. Но ты, вон, как я посмотрю, тоже с отклонениями. Чего залипла-то?

Однако Айя вместо ответа молча глядела перед собой. Ее «отец» — Марк Геллан — никогда ничего подобного ей не говорил, это уж точно. Она вообще помнила свою жизнь до аварии фрагментарно. Как нарезку видеопленки. Да и кому бы пришло в голову при накладывании ложной памяти внедрять в сознание какие-то там подробности?

И теперь девушка пыталась вспомнить человека, сказавшего ей когда-то эти слова. Человека реально существовавшего или даже существующего по сей день! Ничего не получалось. Только голова опять болеть начала да заныла рука в месте недавнего укола.

— Ты чего? — спросила Алиса, встряхнув ее за плечи. — Колбасит?

— Немного.

— Бывает, — спутница подтолкнула Айю вперед. — Я ж говорю, тут все слегка того.

— Я поняла. Просто никак не привыкну. А как вы с Керро познакомились?

Алиса пожала плечами:

— Не помню уже. Давно было. Он мне потом, когда мы уезжали, нож подарил. Я тебе говорю, он нормальный мужик. К тому же никогда не врет. Это вообще среди мужчин редкость, а уж по нынешним временам… Но ты гляди, сама ему тоже не ври, а то он как бы обидится и как бы рассердится. А зачем тебе его сердить? Он — не я. Вообще не отходчивый. Хотя… учитывая, что

с твоим везением можно играть в рулетку, причем ставить по-крупному…

— С везением? — удивленно переспросила Айя.

— А то! Я ведь вижу, что ты из каких-то спокойных мест. Из белого сектора, наверное? Пораскинь мозгами-то: угодила в задницу, но сама при этом в полном порядке. Одета, обута, цела, не изнасилована и под надежной защитой. Золушка натуральная.

Ее спутница хмыкнула:

— А Керро, тогда, натуральный принц.

— А хер его знает, — искренне призналась Алиса. — Спроси при случае. Он точно не из низов, но что там у него в прошлом, никто не в курсе…

— Что не из низов, я заметила, — сказала Айя, вспоминая забитые консервами полки кладовой. Эта еда стоила столько, что, наверное, можно было купить Айин интернат.

— Ладно, хорош трепаться, пришли. Керро велел тебя одеть, как нас. Сейчас займемся, — Алиса с явным предвкушением хихикнула и потянула спутницу к подъезду относительно целой многоэтажки.

* * *

Эта дверь была надежная: листовая сталь, глазок видеокамеры. В такую стучать без толку. На такую нужен вышибной заряд… ну, или цивилизованное нажатие сенсора вызова. Керро, конечно, поступил, как всякий цивилизованный человек. Нажал и стал ждать. Наконец, в динамике что-то пикнуло, хрюкнуло, пошуршало.

— Эй, Менгеле, работенка есть на полчаса, — сказал рейдер.

— За Менгеле плюс сто. Убивать, как Мусорного, не будешь?

— Скажи, кто за тебя заплатит — убью, какие проблемы.

— Шутник.

Замок щелкнул, и Керро, распахнув дверь, вошел. Здесь было богатенько. Вход не сразу в манипуляционную, а через небольшой коридор — в приемную с парой добротных кресел, столиком и даже какими-то картинками в рамках на стене. Тепло, хорошее освещение, чистота. Даже стерильность.

— Ну, так что за работа? — вышел навстречу посетителю органлегер.

Он выглядел ровесником Керро — слегка за тридцать, подтянутый, но роста невысокого, гладковыбритый, в белоснежном халате. А лицо располагающее, добродушное.

— Законсервировать вот эту на долгое хранение, — Керро

вытащил из внутреннего кармана куртки плоский теплоизолирующий бокс. — А с образца сделать карту ДНК по пятнадцатому комплекту маркеров.

Менгеле забрал материалы и удивился:

— Это кому ж такой древний набор понадобился? Неужто тебе?

— Надеюсь, вопросы риторические? — флегматично уточнил рейдер и добавил: — А! Еще. По выполнении все забыть — и меня, и материалы, и результаты.

— Последний пункт стоит дорого, — оживился органлегер. — Три.

— Пять. Но забываешь навсегда.

— Пять сто. За Менгеле.

— По получении результата.

Доктор Йозеф хмыкнул:

— Другого бы кого послал. Но ты всегда при деньгах. Поэтому жди. Полчаса где-то.

— И, Менгеле, — Керро посмотрел на него со значением, — не люблю нарушений договора.

— А я не люблю, когда меня пугают, — хозяин кивнул на стул для посетителей. — Садись, наблюдай. Параноик.

В углу манипуляционной возвышался новехонький анализаторный комплекс. Доктор загрузил в него образец, проверил по индикаторам наличие реактивов, что-то добавил при помощи длинной лабораторной пипетки, выставил показания на сенсорном дисплее, задал параметры… Аппарат удовлетворенно замигал индикаторами и негромко загудел. Да уж, это не старье Мусорного.

Пробирка отправилась в соседний агрегат, исторгший облако сизого пара.

— Эй, анализировать только образец, — напомнил на всякий случай Керро.

— Смешной ты, — доктор коротко глянул через плечо. — Я, по-твоему, сам, что ли, консервацией заниматься буду? Как голимый лаборант? Для этого техника есть. Пусть аппарат трудится, он железный. В принципе, можешь идти погулять, если хочешь. Результат выдам, как и обещал, через полчаса.

— Сам собой на чип запишется? — Керро кивнул на чуть выступающий из анализатора инфоблок.

— Разумеется, — Док отвлекся от аппаратуры и повернулся к гостю. — Техника должна работать, а человек — оттягиваться.

— Резонно, — рейдер проверил, ведут ли очки запись, и усмехнулся. — Тебе, кстати, Йозеф, привет от Куин.

Он дал доктору осознать услышанное и лишь после этого

выстрелил.

…Аппаратура негромко жужжала, «переваривая» образцы. Менгеле смирно остывал в луже крови возле медицинского шкафа. Покой и благолепие. Керро устроился во врачебном кресле — откинулся на удобную мягкую спинку, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Доктор Йозеф любил чистоту и комфорт. Хорошо. Хоть не так противно ждать. У Мусорного, в его изгвазданной халупе, и пять минут находиться было тошно.

Полчаса до точного результата. Будем надеяться, что страдала Айя не зря — нынешнее утро у нее выдалось не самым приятным, потому что, когда пришли к кролям и Керро отвел в сторону Микаэлу, девчонка ни о чем не подозревала.

— Нужно взять у нее образцы крови, — рейдер кивнул на свою подопечную. — Пробирку и для анализа на ДНК. Сделаешь?

Доктор Куин смерила стоящую в стороне Айку задумчивым взглядом и уточнила:

— А она в теме?

— Нет. Зачем человеку ночь портить?

Собеседница поглядела с укоризной:

— Кто держать будет? Дровосека с Тарзаном позвать?

— Не надо держать. Сама дастся.

— М-да? — иронично изогнула бровь Микаэла.

— Айя, — Керро поманил девушку к себе.

Та послушно приблизилась.

— Нужно взять у тебя анализ крови из вены, — сказал рейдер. — Сама высидишь или держать придется?

Она уставилась на него расширившимися от ужаса глазами и начала стремительно белеть, отчего веснушки на лице сделались из бледно-рыжих бледно-коричневыми.

— Ну, так что? — спросил Керро.

— Не надо… держать… — сипло ответила Айя, хотя уверенности в ее голосе не было.

— Тогда идем, дорогая, — Микаэла ласково подхватила девушку под локоть и потянула в соседнюю комнату. — Я сделаю все очень аккуратно.

Айя через плечо бросила панический взгляд на Керро, и он, вздохнув, пошел следом.

— Бояться нечего, — спокойно говорила, Куин, усаживая девушку на свернутый спальник. — Это будет совсем не больно.

При упоминании о боли Айя напряглась и словно окаменела, глядя в пустоту перед собой. Видимо, ей частенько приходилось слышать ложные заверения в безболезненности манипуляций.

Микаэла еще говорила что-то успокоительное, но по

выражению Айкиного лица было понятно: она ничего не слышит, потому что оглохла от ужаса. А когда доктор Майк повернулась к ней со жгутом в одной руке и пробиркой с иглой — в другой, Айя инстинктивно подалась назад, вжимаясь в стену. Расширившимися от ужаса глазами девушка смотрела даже не на приближающуюся женщину, а на медицинские приспособления в ее руках. Остатки разума стремительно уходили из взгляда пациентки, а тело начала бить мелкая частая дрожь. Айя пыталась с ней справиться — облизывала губы, глубоко дышала, но все равно не могла отвести взгляда от иглы.

— Айя, — позвал Керро, от двери. — На меня посмотри.

Она с таким усилием повернула голову, словно та держалась на ржавых шарнирах.

— Успокойся.

Девушка уставилась на него без узнавания. А когда Микаэла закрепила на тощей руке жгут, Айя зажмурилась и снова оцепенела.

— Ну, ну, ну… — тихо приговаривала Куин. — Уже почти все.

Она быстро передала Керро наполненную пробирку, капнула на стекло для образцов и отправила его в крохотный стерильный бокс.

— Вот видишь, — доктор Майк прижала дезинфицирующей салфеткой ранку от иглы, — совсем не больно.

Образец тоже отправился к рейдеру. А Микаэла заставила пациентку согнуть руку в локте.

— Бокс для переноски на подоконнике, — кивнула Куин. — Йозефу мой привет.

Привет…

Рейдер усмехнулся. Хотя Док была самая спокойная из кролей, желчности в ней водилось с избытком.

Когда Керро спросил Микаэлу, есть ли в округе надежные врачи с хорошим медоборудованием, она пожала плечами:

— Надежных не знаю. В нашей профессии редко встретишь надежных людей. Но самая хорошая аппаратура в трех окрестных секторах — у Йозефа Менгеле.

— Менгеле? Занятное погоняло. Понтуется или честно заработал?

— Честно заработал. Из всех органлегеров он единственный, кто занимается только детьми. Скупает их у мамаш и вообще у всех, кто притащит. Поднялся на этом деле хорошо, — доктор Куин усмехнулась. — Керро, его не просто так прозвали в честь нацистской сволочи. Он даже среди секторальных мясников стоит особняком.

— Я так понимаю, — уточнил рейдер, явно желая определенности, — теплых чувств ты к нему не питаешь?

— Терпеть не могу скотину, — кивнула Куин. — Но материальная база у него лучшая.

…Уже разливая спирт и горючку от резервного генератора, Керро подумал, что доктор Майк, как всегда, знала, о чем говорила. Аппаратура, подобная Менгелевской, водилась, наверное, только в белых секторах. Печаль-беда, остался тридцать седьмой без таких зачётных агрегатов. Глядя на огонь, бегущий по запальной дорожке, рейдер удовлетворенно отметил, что никакая экспертиза теперь ничего не получит.

* * *

Твою ж мать! Это было единственное, что пришло Эледе в голову по прочтении сопроводительной документации о биологическом образце номер две тысячи шестьдесят восемь.

Девушка раздраженно бросила планшет рядом с собой на диван.

— Агент Ленгли, — сказала Эледа, обращаясь к своему спутнику, методично отсматривавшему голографические записи.

— М? — повернулся к ней Джед, явно увлеченный зрелищем в проекторе — двое крепких санитаров фиксировали на кровати тощую маленькую девчонку, обритую наголо. Девчонка орала, неистово билась, пыталась кусаться, лягаться и царапаться.

— Есть версия. Крайне неприятная.

Мисс Ховерс подошла к напарнику, положила перед ним планшет и вызвала на экран карту мегаплекса восемнадцать:

— Смотрите. Ее взяли в секторе сто шестнадцать. А за четыре дня до этого «Мариянетти» в связи с событиями в лаборатории «Зета» заявила об отчуждении соседнего сто тринадцатого сектора и своем из него уходе. Ну, это после той мутной истории с утечкой неизвестного вируса в Зета-центре, где «Мариянетти» занималась разработкой биологического оружия. В общем, сто тринадцатый стал брошенной зоной. Эпидемиологической катастрофы тогда удалось избежать лишь потому, что, кроме лаборатории, в том районе ничего больше не было. Потери коснулись только сотрудников корпорации. Повезло.

Мисс Ховерс увеличила масштаб изображения:

— Вот тут зона отторжения, — безупречный наманикюренный ноготь обозначил границу. — Здесь сто шестнадцатый сектор — сфера нашего влияния. А вот тут, — палец Эледы замер на черном пятне, — сектор, брошенный

«Мариянетти».

— Продолжайте, — сказал Ленгли, выключая звук проекции.

— Через четыре дня после того, что случилось в «Мариянетти», санитарный кордон проводил зачистку в секторе номер сто шестнадцать. Ловили рыбку в мутной воде. Тогда-то уже поняли, что большой эпидемии не будет… В результате, вместе с десятками беженцев и всяких отбросов была поймана вот эта особа, — агент Ховерс перелистнула изображение и показала Джеду фотографию злобной рыжей девчонки, все лицо которой было в кляксах веснушек. — Говоря местным языком — биологический образец номер две тысячи шестьдесят восемь. При этом у нее был отобран пистолет марки «Беретта» с логотипом «Мариянетти». Тут написано, что девчонка напала на карателя. Мужика спасли хороший бронежилет, отличная реакция и тяжелая рука. Соплюху он вырубил и сдал сотрудникам по отбору биосырья.

— Странно, что не застрелил, — удивился Джед.

Эледа выразительно пожала плечами:

— Может, болевой шок? Или мстительность и быстрый расчет. А, возможно, просто воля случая. Теперь уже не узнаем. Важно другое. При девчонке нашли целый медицинский набор — скальпель, хирургический нож, даже троакар. И все — с клеймами «Мариянетти», причем лаборатории «Зета». Как и пистолет.

Ленгли пожал плечами:

— Ничего странного. «Мариянетти» вообще не скупятся на оснащение. Отслужившее свой век сразу отправляют на утилизацию. Говоря попросту — вышвыривают за периметр. Инструмент уплывает к органлегерам и вообще всем, кто в нем заинтересован. У девчонки он мог оказаться откуда угодно. В нашем мегаплексе их барахло часто всплывает. Хотя…

Джед задумчиво потер подбородок и, наконец, спросил:

— Откуда вы, агент, вообще знаете историю про «Мариянетти» и Зета-Центр?

Эледа усмехнулась:

— Например, оттуда, что мой отец тогда лично санкционировал передачу оружия бонзам соседних секторов, чтоб те помогли корпорации организовать кордоны, — мисс Ховерс посмотрела на напарника с удивлением. — Про эту историю все знают. Что же до скальпеля и прочей ерунды… а «Беретту» со своим логотипом эти макаронники тоже утилизировали?

— Я понимаю суть вашего предположения, — Ленгли явно пытался систематизировать вываленную на него Эледой информацию. — Через четыре дня после утечки вируса из лаборатории ловят девчонку, которая, как сейчас выяснилось,

была задействована в биопрограмме. Однако хочу напомнить, что в сто тринадцатом выживших не осталось. Ни одного.

— А кто это проверял? — усмехнулась агент Ховерс. — Кто туда вообще с тех пор совался?

Джед помолчал, раздумывая, а потом повернулся к стоящему в стороне, но уже заметно навострившему уши архивариусу:

— Мистер Ралтон, надеюсь, вы понимаете, что это предположение будет засекречено уже через полчаса? — дождавшись кивка мужчины, агент Ленгли удовлетворенно сказал: — Благодарю. А теперь могу ли я получить информацию по карателю, который задержал вашу подопытную? Фамилию, имя, номер в послужном реестре?

Старший архива поправил очки и ответил:

— Пять минут, — после чего отошел к одному из терминалов и погрузился в документацию.

— Если мы выясним, кто это был, и если этот человек еще жив, можно сделать запрос…

В это время Батч наклонился к Эледе и что-то коротко сказал ей на ухо. Мисс Ховерс кивнула и победительно глянула на агента Ленгли.

— Не нужно запроса. Мистер Фэйн, — девушка кивнула на своего телохранителя, стоявшего с выражением крайнего равнодушия, — узнает нам необходимые подробности гораздо быстрее по своим внутренним каналам. И результат будет максимально достоверным. Вот поэтому, мистер Ленгли, люди и лучше киборгов.

В ответ на укол Джед только покачал головой, как бы смиряясь с вздорным характером мисс Ховерс. А уже через минуту к беседующим агентам подошел мистер Ралтон, который, не утруждая себя многословием, сообщил:

— Паркер Оутс, номер джей икс семьдесят двадцать два.

Батч кивнул, давая понять, что запомнил. Сейчас позвонить он не сможет — коммуникаторы пришлось сдать вместе с оружием, однако при выходе за периметр комплекса связаться с нужными людьми не составит проблем.

— Мистер Ралтон, — обратился снова Ленгли к архивариусу. — Мы будем благодарны, если вы позволите нам побеседовать с куратором биологического образца номер две тысячи шестьдесят восемь лично. Это возможно?

— Вполне, — кивнул сотрудник «интерната». — Пройдемте, он как раз вернулся после обхода.

Идти пришлось прилично — подняться на лифте до четвертого этажа, потом миновать натуральный лабиринт, чтобы очутиться, наконец, в строгой приемной, а затем уже в

просторном кабинете, увешанном сертификатами и уставленном шкафами. В шкафах лежали стеклянные рамки медицинских планшетов, на массивном столе крутилась подробная проекция человеческого мозга, вокруг которого роились в воздухе непонятные голубоватые формулы и надписи на латыни. На стене за спиной у хозяина кабинета тускло светился огромный экран голокомплекса, который сейчас транслировал заставку в виде объемного логотипа «Виндзора».

— Агенты, — поднялся из высокого кресла крепкий абсолютно лысый мужчина, — я — Спайк Дэвидсон, старший инженер по нейропрограммированию и личностной перепрошивке биологических образцов.

По мнению Эледы, он больше походил на борца — высокий, мощный и с ручищами, как у профессионального боксера.

— Мне сказали, вы интересуетесь, — он посмотрел на запись в планшете, — биологическим образцом номер две тысячи шестьдесят восемь, названным после стабилизации Айей Геллан?

— Да, — кивнул Ленгли, усаживаясь в одно из кресел. — Что вы можете о ней рассказать, мистер Дэвидсон? Если, конечно, помните хоть какие-то подробности спустя четыре года.

Собеседник кивнул и нажал кнопку селектора:

— Дженис, принесите кофе. На троих, — после этого старший инженер устало помассировал переносицу и, наконец, сказал: — Этот образец я очень хорошо помню. Можно сказать, мое личное фиаско. Программирование человека, знаете ли, дело непростое с множеством разных побочек и факторов, ослабляющих или неожиданно усиливающих… — инженер осекся, поняв, что к сути дела его рассуждения не относятся, усмехнулся и, откинувшись в кресле, сказал: — Видите ли, в чем дело. Биоматериал казался очень перспективным. Уж не знаю, что там у девчонки было в прошлом, но личность незаурядная — озлобленности просто колоссальной и с такой энергией ярости, что от нее можно было половину сектора электричеством питать. Обычно столь мощный личностный базис удается перенаправить путем корректировки в необходимое русло — созидательное или разрушительное, зависит от цели. Девочка была неглупой, я хотел провести перепрошивку так, чтобы снять агрессию, а весь ее, хм, пыл направить по другому пути — развить положительные лидерские качества, возвести их в Абсолют и создать такого исполнителя-альтруиста… Ну, вы понимаете.

Негромко хлопнула дверь, вошла секретарша с подносом, расставила чашки, сахар, разложила салфетки, после чего так же бесшумно удалилась.

— Прошу вас, — кивнул мистер Дэвидсон гостям. — Так вот,

когда стали исследовать мозговую активность, оказалось, что риск срыва и потери управляемости у образца слишком высок. Я, конечно, все равно рискнул, но результат получился обратным — полная инфантильность. Началась личностная стагнация, рефлексы замедлились… Поэтому в образец залили ложную память, которая объясняла общую психоэмоциональную подавленность и соответствовала качеству новой личности. Получили в итоге крепкую посредственность в постдепрессивном состоянии.

Эледа отставила чашку с кофе и сказала жёстко:

— Одним словом, стальной стержень агрессии вы сломали, но ничего нового столь же яростного создать не смогли, лишь превратили перспективный образец в хлам?

Спайк Дэвидсон ответил:

— Агент Ховерс, изменение структуры личности — это вам не лепка колбасок из пластилина. Человеческий мозг материя тонкая. Вторгаться в его работу — всегда риск. А образец психологически был крайне нестабилен. Крайне. Агрессивен сверх меры, ожесточен, плюс в пубертатном возрасте, что усугубило риски. И, к слову, о профессиональных ошибках. У нас тут огромная структура, которая прекрасно работает. Отбраковка же, смею напомнить, есть в любом производстве.

Ленгли усмехнулся:

— Мистер Дэвидсон, я не стану объяснять вам истинную причину нашего интереса, но, уверен, вы представляете, *какие* дела в моей компетенции… Так вот, нам крайне необходимо отыскать «образец номер две тысячи шестьдесят восемь, названный после стабилизации Айей Геллан». Причем желательно живым и здоровым. А поэтому нам важно знать подробности о работе с девочкой. Все подробности. Если ваша информация поможет нам в поисках, то обещаю упомянуть об этом при докладе директору.

Главный инженер дрогнувшей рукой потер лоб, затем снова нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Принесите мне медицинскую информацию по образцу номер две тысячи шестьдесят восемь. И скажите Эрику, чтобы не копался.

* * *

Старикашка, открывший девушкам дверь, был весьма неприятного вида — сутулый, тощий, с огромным мясистым носом, кустистыми бровями и блестящей лысиной, которую

обрамляли жидкие седые кудри. В руках хозяин магазина держал дробовик, а на посетительниц смотрел крайне недобро.

— Гершель, — ухмыльнулась Алиса, отводя пальцем направленный в грудь ствол. — Постоянных клиентов так не встречают.

— Ты, фря косматая, мне прошлый раз всю душу вынесла со своим фартуком. Входи.

Дедок посторонился, и покупательницы зашли в небольшую, но хорошо протопленную и ярко освещенную комнатушку с ростовым зеркалом на стене, кривоватой стойкой ресепшна, отгораживающей дверь в соседнее помещение, и потертым, но вполне уютным креслом в углу.

— Чё надо? — спросил старик, запирая дверь на мощный засов и ставя дробовик у порога. — Если опять фартук, то лучше сразу иди отсюда.

— Нет, — отмахнулась Алиса. — Не фартук. Вот, гляди, какую красавицу привела.

Старик окинул Айю мрачным взглядом, и было видно, что ничего красивого он в ней не видит и не увидит, даже если ему предложат увеличительное стекло.

— И чего?

— Надо ее нарядить. Чтоб тоже стала похожа на человека с глубокой психической травмой, — сказала Алиса, не замечая удивленного взгляда спутницы.

— Насколько глубокой? — уточнил старик, наматывая на палец вытащенную из кармана мерную ленту.

— Ну, приблизительно… — Леди МакГи смерила стоящую рядом девушку пристальным взглядом и заключила: — Приблизительно, как та задница, в которой ты оказался четыре года тому назад. Можно и глубже.

Гершель плюнул и выругался.

— Есть платье императрицы из херова театра. Пойдет?

Алиса уже открыла было рот, чтобы одобрить, но Айя, которой предстояло *это* надеть, заартачилась.

— Нет, не надо платье! В нем неудобно, — пояснила она, поворачиваясь к Алисе. — Я ж не Доктор Куин, я такое носить не умею…

— Вы определитесь уже, чё вам надо, — разозлился старик. — Психические травмы обнажить или комплексы запрятать? Щас покажу кой-чего.

И он скрылся за стойкой ресепшна, а Алиса беспечно плюхнулась в кресло:

— Наряд должен быть чудн**ы**м, учти. Керро чётко сказал: чем страннее, тем лучше.

— Я помню, — ответила Айя. — Но надо ведь, чтобы удобно… и функционально еще.

Ее собеседница махнула рукой, мол, дело твое, однако добавила:

— Не будет странно — за нашу не сойдешь. И Керро подставишь.

— Я помню, — упрямо повторила Айя.

— Вот! — торжествующе провозгласил вернувшийся Гершель и бросил на стойку ресепшна что-то ярко-алое, пушистое, невероятного объема: — Куда уж страннее. Года два лежит, никто не берет. Меряй.

И он подтолкнул алое нечто изумленной девушке. Та протянула руку, с недоумением касаясь жёсткой ткани.

— Это… это что?

— А чёрт его знает! — искренне сказал хозяин магазина. — Хрень какая-то.

— Берём! — подскочила с кресла Алиса. — Это вот *точно* берём!

…Они возились около двух часов, подбирая то одно, то другое и за каждой вещью Гершель уходил в дверь за ресепшном, принося весьма нескоро, а иногда и не принося, лишь сварливо извещая:

— Продал.

Везло, если отыскивалась альтернативная замена. Если же таковой не было, приходилось ломать голову. Однако через два часа довольная Алиса созерцала плод Айкиной больной фантазии.

— Я ведь говорила, что ты тоже с отклонениями! — сказала леди МакГи с таким торжеством, словно только что выиграла пари.

Айя посмотрела на себя в зеркало. Да уж. С отклонениями — это еще мягко сказано.

— Надо только лицо закрыть, — Алиса повернулась к Гершелю, флегматично наблюдавшему перевоплощение. — Маска есть?

— Ага! — тут же оживился старик. — Есть. Рожа такая белая с вытянутым ртом!

— Не пойдет, — отрезала девушка. — Не видишь? Совсем не в тему. Нужна какая-нибудь… Поищи из тех, что для борделей. Кружевные такие.

— Этого добра полно.

Продавец исчез, а Алиса обошла свою подопечную по кругу и сказала:

— Ноги, конечно, у тебя…

Айя посмотрела на свои ноги. Они начинались с грубых массивных ботинок на толстенной подошве, а затем продолжались черными обтягивающими штанами.

— А что не так? — спросила девушка осторожно.

— Да все так, — отмахнулась Алиса и одобрила: — Хорошие ноги, длинные, будто прямо из зубов растут.

Ноги росли, конечно, не из зубов, а из того же, из чего растут у всех, и это что-то сейчас было слегка прикрыто ярко-алой топорщащейся во все стороны юбкой-пачкой из фатина. Сзади подол у юбки был длиннее, чем спереди, сантиметров на двадцать.

Из верхней одежды Айя выбрала приталенную черную куртку с воротником-стойкой. Поверх воротника обмотали легкий алый шарф. Алиса завязала его в пышный бант и сдвинула на бок. А на голову для тепла нацепили меховые наушники в тон юбке.

— Надо еще волосы начесать, — со знанием дела сказала леди МакГи. — И ленты завязать.

Пришлось подчиниться.

Когда Гершель вернулся из своих закромов, то присвистнул:

— Была человек человеком. А теперь не пойми, с какой стороны хватать и куда тащить: то ли в бордель, то ли в дурдом. На, надевай.

Дед протянул гостье черную кружевную маску с нашитой на нижнюю часть красной вуалеткой.

Айя, путаясь в волосах и лентах, кое-как маску все-таки напялила. Та была колючая, неудобная, с грубыми швами, а вуалька топорщилась, закрывая лицо до губ.

Леди МакГи потерла острый подбородок и сказала задумчиво:

— Чего-то тут явно не хватает…

Ее спутница мысленно взмолилась о том, чтобы креативные идеи покинули Алисину голову.

— О! Поняла! — торжествующе щелкнула пальцами леди МакГи. — Очень, просто *очень* не хватает помповухи.

Айя вздрогнула, а Гершель заржал:

— С розовым цевьем и прикладом, ага. За этим к Малышу Олли. Всё, валите. Да, Алиса, на вот тебе, — старик выдернул из кармана разгрузки синюю ленту. — Бонус за оптовую покупку. Но за фартуком больше не приходи.

— Ага. Чао! — Алиса положила на ресепшн пачку купюр и повернулась к своей спутнице. — Идем! Хоть на человека теперь похожа.

Похожая на человека Айя бросила прощальный взгляд в зеркало. Наряд, конечно, выглядел дико, но при этом был весьма

функциональным. Если выкинуть неприличную маску, ленты, меховые наушники, шарф и стянуть юбку, то останется удобная, не стесняющая движений одежда: плотные джинсы скинни, стеганая курточка (не очень длинная, но теплая), крепкие ботинки, мягкие перчатки. А за плечами — небольшой чёрный рюкзак, в который до поры до времени убрана трикотажная шапка.

— Идём, красотка, — сказала Алиса. — Помпу пусть тебе Керро сам покупает. Как по мне — будет в тему.

Айя подумала — фиг с ней, с помпой, и с маской из секс-шопа, и с юбкой, явно оттуда же. Главное — не платье из «херова театра».

И кстати, юбка была офигенная.

* * *

Эх, и воняло здесь! Аж глаза слезились. Причем несло не от мусорной кучи размером с гребанную пирамиду фараона, а черт знает откуда. Но перло, как из морга, где разом сломались все холодильники. Уж насколько Винс был не брезгливый, и то… А, может, просто отвык, пока жил в цивилизации?

— Здесь, мистер, — ткнул пальцем в сторону открытой двери чумазый мальчишка лет двенадцати, одетый в слишком просторные для него штаны, замызганную аляску и шапку, то и дело налезавшую на глаза.

— Еще раз назовешь мистером — огребёшь.

— Лады! Базара нет. Здесь это, Не-мистер.

Винсент только сплюнул. Проводника связисты дали более чем толкового, но трепливого донельзя. Утешало только, что корпората в рейдере пацан не признал.

Мистером в зоне отчуждения называют того, кого явно стоит уважать, хотя пока и непонятно, за что. Корпоратов же практически все боятся. Очень многие ненавидят. Некоторые перед ними заискивают. Но вот уважать не уважает никто.

Протиснувшись между ржавым трамваем и горой мусора, Винс добрался до двери. Мимоходом оценил оборванную цепочку… силы убийце было явно не занимать. Засов, кстати, уже свинтили.

— Слушай, а чего не убрали-то? — погода стояла холодная, бывшую манипуляционную выстудило, но воняло все равно, будь здоров.

— А кому он мешает? — отозвался мальчишка, благоразумно не пошедший следом. — Хотите, мис… не-мистер, вселяйтесь и

выкидывайте. А так — он лежит, крысы гложут, растут. Потом их кто-нибудь поймает и съест. Кому от этого плохо?

Винсент про себя рассмеялся. Очень ему иногда не хватало такого вот простого отношения к жизни, как в черных секторах.

Рейдер зашёл внутрь. Медленно двинулся вдоль стены, осматривая манипуляционную. Ничего ценного здесь уже не осталось, даже мебель вынесли всю, кроме негорючего операционного стола. Наверное, и его бы утащили, но не захотели возиться с трупом и отмывать.

— Слышь, парень, а во сколько его грохнули-то? — в манипуляционной никаких подсказок, кроме вскрытого трупа, не нашлось.

— Да кто его знает. У Керро надо спросить, — ответил мальчишка, сплевывая через дырку в зубах.

— Чего у Керро-то сразу? Мало ли кто мог.

— Мог много кто, — согласился паренек и твердо добавил: — Но этого точно Керро вскрыл. Мусорный с Ушлым поссорился, а Керро, мало того, что мясников не терпит, так еще и с Ушлым в корешах. Вы чего, не-мистер, тут у нас раньше ужас просто творился. На улицу не выйти было — мигом разберут. А потом Керро пришел и за одну ночь троих мясников убил. Те, которые живые остались, обиделись, отправились к бонзам… не вспомню уже, как их звали. Бонзы, значит, парней собрали, на Керрову лежку отрядили… а его там уже нет. Парни назад, а ихние бонзы кверху ногами подвешены, и глотки перерезаны. А на следующий день Керро еще троих органлегеров убил. Ну, мясники посовещались, собрали бабла и к Ушлому. Ушлый бабки взял и двинул на лежку к Керро. Перед входом в дом даже своих амбалов оставил. А потом вышел и мясникам говорит: так, мол, и так, вот сколько вы сегодня занесли, столько будете заносить каждый месяц, наших секторальных не трогаете и дышите через раз — тогда живы-здоровы будете. А кто залупнется или косячить начнет, с того я свою защиту сниму, он и ночи не проживет. С тех пор лучше намного стало.

Винсент только ухмыльнулся нехитрой комбинации и, обойдя стол с порядком обглоданным крысами вонючим трупом, отправился в следующую комнату. Здесь, конечно, тоже мало что сохранилось, но, внимательно осмотрев помещение по кругу, рейдер увидел на полу осколки экрана и заднюю крышку коммуникатора. Плату и аккумулятор забрали, ну, а это даже здесь никому нужно. Конечно, грохнуть комм мог и сам Док, тем более, если плотно сидел на дури… но таки куда вероятней, что девайс выронила девчонка, когда звонила в интернат. Очень уж резко звонок оборвался. Осталось только найти этого Керро и

уточнить время убийства Мусорного, благо, время звонка Винс помнил отлично. Наводка связистов оказалась точной.

Для очистки совести рейдер заглянул в каморку с выбитой дверью. Луч фонарика обежал крохотный чулан с узкими нарами. Интересно, каково было корпоратской воспитаннице очнуться здесь вот?

И тут вдруг снова накатило… Твою ж мать, это ведь так просто — выйти, найти уличного дока, сделать пластику, ограбить кого-нибудь из бонз, угнать машину и исчезнуть. И никакого начальства, никаких требований, никаких согласований, никаких отчетов и докладов. Ты хочешь свою связку рейд-групп? Набирай людей, готовь их, и через год у тебя будет связка. А отвечать будешь только перед самим собой да еще заказчиком. И если заказчик попробует кинуть, его можно просто пристрелить или вот как с этим органлегером… И никто слова не скажет.

Винсент сделал глубокий медленный вдох, прогоняя дикие мысли, и пошел обратно на улицу. Вертушек в поддержку тоже не будет. И деньги — только те, что сможешь выгрызть из окружающего мира. Если доживешь до шестидесяти — чудо. Ну и в придачу патроны покупать самому и на свои. Да, собственно, уж не ему, повидавшему изнанку этого мира…

Однако мысли всё равно вернулись к тайнику в сто тридцать первом, а в глубине души шевельнулся ехидный вопрос: «Если ты, и правда, так уверен в корпорации, зачем тебе тайник, позволяющий начать все с нуля?»

* * *

Девушки совсем недалеко отошли от магазина Гершеля, когда сзади присвистнули:

— Какие, однако, смелые шалавы у нас завелись! — от развязного окрика Айя вздрогнула. — Даже под Алису косить не боятся. Чё, клиентам нравится?

Спутница Айи спокойно развернулась, оставляя ее позади себя, и оглядела стоящую полукругом троицу бритых ребят в потасканных камуфляжных штанах, высоких ботинках и куртках-пилот из блестящей искусственной кожи. Четвертый парень, ухмыляясь, застыл чуть в сторонке.

Про себя Айя подумала, что ей везет на гопников. Только те, первые, были моложе и, пожалуй, безобиднее. А этим уже лет за двадцать.

— Гляди, Алиса узнает, сиськи отрежет. Не боишься? — все ухмылялся средний.

Девушки молчали, а он, видимо, приняв молчание за испуг, продолжил:

— Так че? Расскажем бешеной секрет, а? До кролей идти недалеко. Заодно на оригинал поглядишь. Или, может, договоримся? Пару часиков нас развлечете и валите дальше, клиентов сшибайте. Ну? Без сисек остаться или чутка за так поработать? Что выбираешь?

Он всё напирал и напирал, но первый испуг у Айи уже миновал, а вместо него пришло удивление: почему Алиса молчит и незаметно отступает?

— Че, синяя, язык проглотила, что ли? Согласна, типа? Тогда давай сюда игрушку, и пошли, — парень протянул руку к ремню Алисиного автомата…

Случившееся после было настолько стремительным, что Айя не успела ни удивиться, ни ужаснуться.

Казалось, рука Алисы только легла на рукоять ножа за спиной, а отсеченная кисть тянувшегося к ней парня уже упала в грязь разбитой мостовой. Покалеченный открыл рот, чтобы заорать, а Алиса перекинула нож с обратного хвата на прямой.

Полуоборот, взмах, и правый гопник хватается за рассеченное горло. Льется толчками кровь. Разворот, подшаг, почти фехтовальный выпад, лезвие плашмя входит между ребрами третьему.

Все вокруг вдруг стало для Айи предельно четким и ясным. Ни страха, ни оторопи. Рука сама собой метнулась к кобуре,

выдернула пистолет, девушка навела оружие на последнего из четверых. Глаза у него расширились. Парень, оскальзываясь, развернулся и дёрнул прочь.

Айя ни о чем в этот момент не думала. Вообще. Просто руки сами (!) направили пистолет в спину бегущему. Целик и мушка сошлись…

Грохот выстрела стал неожиданным, наверное, только для нее. Она даже на секунду оглохла, а беглец споткнулся и рухнул в грязь, завалившись на бок. Сразу после этого стремительно несущееся время словно поставили на ручник. Оно замерло, как стоп-кадр в плохом кино, а потом, с неохотой — неторопливо — поползло дальше…

Алиса плавно вернула снятый было автомат на плечо, поправила ремень. Так же плавно, словно замедленно перевела равнодушный взгляд с валяющихся на земле противников на стоящую рядом девушку. Неспешно сфокусировалась на новой цели.

Сквозь марево еле ползущего времени Айя поняла — сейчас девочка в легкомысленном синем платьице и полосатых чулках вытащит нож из груди заливающегося кровью парня и… Дальше всё решит один единственный нюанс — успеет ли она, Айя Геллан, перевести пистолет и направить его на свою недавнюю спутницу, или та окажется быстрее…

— Алиса, — Айя с трудом узнала собственный голос — ровный, холодный, негромкий. — Алиса, мы с тобой вместе.

Тонкие белые пальцы обхватили рукоять ножа.

— Алиса…

Как же трудно опустить руку с пистолетом!

— Это я — Айя Геллан. Помнишь? Меня Мать Тереза приволок. Он вечно всех жалеет. Особенно девчонок, — она с точностью до интонаций процитировала сказанное Алисой при их первом знакомстве.

Показалось или, правда, отрешенности в синих глазах стало чуть меньше?

Спокойно. Левой рукой отодвигаем полу курточки и плавно — *плавно!* — прячем оружие в кобуру.

— Алиса, посмотри какая красивая у меня юбка. Помнишь, как мы ее выбирали? Чего к ней не хватает?

И неповоротливое, словно каменное, тело сделало плавный оборот, взметнулся ярко-алый фатин.

— Правда, зд*о*рово?

Есть!!! Безучастие ушло из глаз Алисы, а выражение абсолютной отрешенности сменилось узнаванием:

— Не хватает помповухи! С розовым цевьем и прикладом! —

девушка радостно рассмеялась.

Ее собеседница перевела дыхание.

— Надо их обобрать, — кивнула Айя на убитых и на парня с отрубленной рукой, который явно в шоковом состоянии, по-прежнему корчился на коленях, зажимая рукой обрубок. Кровь хлестала и хлестала…

— Мне с них ничего не надо, — дернула плечом Алиса. — Одно барахло. Хочешь, забирай.

Спутница покачала головой:

— Не мои противники, не мои трофеи, — с этими словами она направилась к тому парню, которого застрелила.

Он валялся на боку с полуоткрытыми глазами. Девушка перевернула тело и быстро обшарила. Это Алиса может себе позволить привередничать — у неё хорошее оружие и магазины полны. У Айи же потасканный пистолет с одной обоймой, и то уже частично расстрелянной. Ей не до капризов.

Под мышкой убитого отыскалась кобура с китайской копией глока, задрипанного просто в хлам. Доков был, хотя и поменьше, но куда как новее. А вот магазины очень в тему. Их девушка забрала, как и тычковый нож с пояса. Нож, кстати, оказался неплохим, ухоженным, наточенным, с удобной рукояткой.

Подошла Алиса. После стычки она перестала быть похожей на взрослую, снова превратилась в подростка. Из взгляда ушла серьезность, повадки и даже мимика опять стали полудетскими. Вот она присела на корточки рядом с убитым, обметя подолом грязную мостовую. Потыкала мертвеца пальцем, сказала:

— С одного выстрела. Зашибись.

— Отец учил, — ответила Айя, убирая магазины в рюкзак.

— А нож — барахло, — сказала снизу собеседница. — Хренька полная. Не то, что мой.

И она снова с гордостью достала из ножен подарок Керро:

— Смотри. Только не трогай.

Айя оценила остроту лезвия на глаз, присвистнула.

От ее восхищения Алиса расплылась в довольной улыбке.

— Нанокерамика. Толщина кромки — двести молекул! Прикинь, как круто? Им даже броневик вскрыть можно, если времени хватит, — она почесала кончик носа. — Ну чего? Пошли, что ли? Как с деньгами у них?

— Тухло, — ответила Айя. — Потому и пристали.

— М-да… ну и лохи, — Алиса поднялась и легонько пнула мертвое тело.

— Алиса, — негромко сказала Айя. — Можно ведь было словами разойтись.

— А смысл? — удивилась девушка-девочка. — Это улица,

здесь живут быстро. Чё болтать, если и так все понятно?

Ее спутница пожала плечами.

— Просто…

— Да забей уже, — махнула рукой Алиса. — Живые, мертвые… Зато ты патронами разжилась. Идём. А юбка классная. Моя так не разлетается. Покружись еще?

Айя крутанулась, любуясь, как плывут по воздуху пышные складки. Главное — не смотреть на лужи крови — блестящей, красно-черной. И на парня с отрубленной рукой. Он все равно потерял сознание. Уже даже не дергается.

— А гляди, как у меня! — Алиса весело закружилась среди окровавленных тел, синий подол надулся колоколом.

— Здорово!

— Но твоя лучше.

Айя поддернула на плечах рюкзак:

— Идём?

— Ага, — Алиса, поправила на голове атласную ленту. — Да не загоняйся ты из-за полудурков. Вот уж чего на улицах полно.

Ее спутница усмехнулась. Что верно, то верно. А патроны никогда не лишние. Отец говорил, мол, глаз не подведет — рука не дрогнет, лишь бы был магазин полон. И больше Айя о нем ничего вспомнить не могла, как ни пыталась.

* * *

Голограммер транслировал одну проекцию за другой. Эледа отсматривала на перемотке уже третий или четвертый час записей. За это время не по возрасту мелкая, тощая и прыткая девчонка успела повзрослеть и вытянуться. Волосы у нее отросли, а из беснующейся злобной твари она превратилась в инфантильного подростка, изо дня в день, либо поглощающего книги, либо просматривающего древние фильмы и мыльные оперы.

Как водится, базис закладывали самый гуманистический. Что еще нужно, чтобы создать примерного работягу? Низкий уровень агрессии, смирение, неконфликтность, ответственность, порядочность, граничащую с идиотизмом, жалостливость… Кое с чем Эледа бы поспорила, но образец номер две тысячи шестьдесят восемь и впрямь был крайне буйным, поэтому понятно, что программисты перестраховывались.

В итоге дерзкую уличную дрянь превратили в затюканную овцу. Овца мучилась головными болями, кротко принимала пилюльки, шептала на сеансах терапии о том, как себя чувствует,

ела, что давали, то есть безвкусную синтетическую бурду, и читала, что подсовывали, то есть возвышенную классику. Похоже, книги заменили ей провал в памяти длиной то ли в двенадцать, то ли в тринадцать лет. Иногда овца смотрела в одну точку, и это могло продолжаться часами. Иногда металась во сне. Но никогда не плакала.

В общем и целом ничего интересного. Записи велись для фиксации психологических перемен. Но перемен, как верно заметил Спайк Дэвидсон, не было. Образец номер две тысячи шестьдесят восемь словно остановился в эмоциональном развитии. Неудивительно, что его вышвырнули отсюда пинком под зад в самый дрянной из имевшихся интернатов.

— Конечно, в результате перепрограммирования и произошедшего впоследствии сбоя мы были вынуждены констатировать неудачу. Но был один, безусловно, положительный момент: в процессе эксперимента у образца обнаружился забавный побочный эффект — фотографическая память. К сожалению, соответствующую программу мы закрыли за полгода до этого. Однако неожиданное свойство памяти позволило счесть образец не совсем безнадёжным. Школьный курс, необходимый для ее возраста, девочка освоила буквально за считанные месяцы, здоровьем обладала крепким. В общем, решили, что на выполнение простейших производственных задач вполне сгодится.

Эледа хмыкнула про себя и спросила:

— А какие-то еще побочные эффекты от вашей работы могут быть?

Собеседник развел руками:

— Стандартные. Обычно продолжительность жизни у людей с такой трансформацией сознания весьма низкая — десять-пятнадцать лет после проведенных манипуляций. Сами понимаете, вторжение в чужой разум и, тем более, внесение в него изменений — чреваты. К тому же у перепрошитых образцов редко, но случаются срывы, которые переходят в разного рода тяжелые психические отклонения, например, в аутизм или кататонический ступор.

Агент Ленгли постучал пальцами по подлокотнику кресла и спросил:

— А бывали случаи, когда к образцам возвращалась память? Полностью или частично. Насколько это возможно?

Спайк Дэвидсон покачал головой:

— Ни на сколько. Автобиографическая память не вернется, поскольку стерта. Ее нет. Если какие-то обрывки и сохранились, то могут всплыть короткими вспышками на рефлекторном уровне

при определенных ассоциативных условиях, что, в свою очередь, лишь ускорит процесс самоуничтожения. Семантическая память, конечно, в норме, моторная память частично сохранена. Полное же возвращение замененной личности исключено. Если подобное случится (предположим невозможное), образец умрет от обширного кровоизлияния в мозг.

Мисс Ховерс подалась вперед:

— Вы говорите «при определенных ассоциативных условиях». Какого рода условия имеются в виду?

Инженер повел бровями:

— Ну, скажем, погружение в непривычную враждебную среду. Или, наоборот, возвращение в исходную. Эффект дежавю может что-то пробудить. Вполне. Но это чревато возникновением серьезных побочных эффектов: головными болями, носовыми кровотечениями, потерей ориентации… Как итог — мозг не выдержит нагрузки. Чем больше эпизодических воспоминаний всплывет, тем выше риск развития отклонений. Вообще, скажу вам честно, попади к нам данный биоматериал в более зрелом возрасте, с ним обращались бы куда бережнее и процесса киборгизации он бы не избежал, но в данном случае — в пубертатном периоде с такой нестабильной травмированной психикой…

После этого разговора Эледа и села за просмотр архивных записей. Села из чистого упрямства и желания понять, что же представляет собой Айя Геллан. На поверку оказалось — ничего. Безусловно, она была куда как интересна до нейропрограммирования и переработки сознания. То, что получилось после… Правильнее было бы называть биоматериалом созданную инженерами Айю Геллан, нежели девчонку, из которой ее сотворили.

Больше в «интернате номер сорок семь для детей с задержкой в развитии» делать было нечего.

Обратную дорогу Эледа провела в размышлениях, глядя в иллюминатор.

…По возвращении в интернат номер восемнадцать агент Ховерс в совершеннейшей задумчивости приняла душ, переоделась и собрала вещи.

Дальше находиться на месте происшествия было бессмысленно. Оставалось лишь дождаться доклада Батча, который активно напрягал свои связи в корпусе карателей, разыскивая Паркера Оутса. Эледа как раз закончила со сборами, когда телохранитель постучал в дверь и, прямо с порога, крайне довольный собой, сообщил:

— Есть. Нашел. Паркер Оутс сейчас в отпуске, но я

сконтачился с ним по видеосвязи.

— Идем, — щелкнула пальцами Эледа. — Расскажешь. И сразу после этого вылетаем. Я хочу, наконец, попасть домой — к родной кровати, ванной, камину, хорошему горячему чаю и панорамному окну на ночной город.

— Э-э-э… — замялся Батч. — А Винс?

— Что — Винс? — холодно спросила девушка. — Он-то здесь при чём?

— Разве мы… э… не будем… его дожидаться? — осторожно поинтересовался собеседник.

— Батч, у тебя на антресолях совсем пусто? — агент Ховерс постучала телохранителя пальцем по лбу. — Вроде бы это Винсент у меня в телохранителях, а не я у него.

— Ну…

— Вперед, — Эледа указала глазами на дверь. — И лучше не беси меня. Вот сейчас совсем неудачный для этого момент. А еще головой думай. Винс уж точно не через этот убогий интернат выходить будет.

…Агент Ленгли в директорском кабинете тоже заканчивал сборы — выслушивал доклады подчиненных, раздавал последние указания. Мисс Ховерс и ее сопровождающему он лишь указал взглядом на свободные стулья, предлагая подождать.

Когда интернатские сотрудники, наконец-то, разошлись, Джед повернулся к напарнице:

— Мистеру Фэйну удалось что-то узнать, правильно понимаю?

— Правильно. Батч, — повернулась девушка к телохранителю, — рассказывай.

— Я связался с Паркером Оутсом, — бодро заговорил каратель. — Ту девчонку он прекрасно помнит и весьма эмоционально про неё рассказал. Если кратко — рыжую, и правда, нашли в секторе сто шестнадцать. Как она мимо заслонов бонз пробралась, кто знает, может, откупилась чем, может, незаметно проскользнуть сумела, может, грохнула кого. Она и на Паркера-то напала, видать, из отчаяния. Говорит, выстрелила почти в упор. Броник спас. А вот экспресс-прибор для медицинского освидетельствования вторым выстрелом разнесла в клочья. В общем, мужик в рубашке родился. Дальше все было просто — вырубил ее, в наручники заковал, на плечо закинул и донес до ближайшего санпоста, где передал медикам, чтобы сами обследовали — сгодится или нет как биоматериал. Ему-то базовые показатели проверять уже нечем было. Чего еще… А! Сказал, оружием пользоваться умела, драться тоже, но слабая. Может, голодала, может, на наркоте торчала, вроде, пока крутил,

заметил синяки от уколов, но не уверен. Одета была во взрослые шмотки, благо лето стояло. Собственно, вот и все.

Джед усмехнулся:

— Негусто. Но лучше, чем совсем ничего.

Эледа задумчиво потерла подбородок:

— Н-да уж… Батч, выйди на минуту.

Телохранитель повиновался, и, едва дверь за ним хлопнула, девушка обернулась к Ленгли:

— Будем надеяться, что Винс окажется в той же мере удачлив, в какой и нагл. И все-таки моя теория относительно «Мариянетти»…

Ее собеседник вкрадчиво произнес:

— Мисс Ховерс, вы так обворожительны, когда поглощены делом… Я жалею, что этот вечер уже заканчивается. Кстати, неужели больше не будет ни шпилек, ни едкостей, а сплошной официоз и удержание профессиональной дистанции?

Девушка вскинула бровь:

— Агент, поверьте, вы от меня еще натерпитесь. Просто я пока не решила, как именно. Но коварные планы уже зреют.

— Мисс Ховерс, между прочим, вы очень везучая, — насмешливо сказал Джед, беря со стола кейс.

— Да? — удивилась собеседница. — И в чем сейчас моя везучесть заключается?

Ленгли показал глазами на потолок:

— В том, что здесь всюду камеры, коллега. Исключительно это обстоятельство вас сейчас спасает.

* * *

Винс сидел в «Двух хризантемах» и потягивал холодное пиво.

Место тут было занятное — чужим на входе предлагали сдать оружие. Всё чин по чину — в запираемые боксы. Ключ с номером ячейки берешь с собой и отдыхаешь. Дают слово, что в зале проблем не возникнет: «У нас тут приличное заведение. Вот с девчонками или в кабинетах — там сам уже». Но всё равно без оружия чувствуешь себя голым. Неуютно как-то. Однако делать нечего: порядок — значит, порядок. Как человек, повидавший всякого, Винс понимал необходимость подобных правил. Оставалось надеяться, что охрана сдержит обещание. Постоянные-то, вон, некоторые с волынами.

Жаль только, расспросы о Керро, которого тут все на удивление хорошо знали, не дали ничего. Вообще. Никто о нем не распространялся, а бармен, услышав, что Винс, если ему

организуют встречу, гарантирует этому прославленному Керро безопасность, долго смеялся. Значит, мужик и вправду серьёзный, не наклепал пацан в восторге.

Винсент усмехнулся, вспоминая, как мальчишка-проводник с восхищением расписывал этого самого Керро: «Он рейдер, не-мистер. Как настоящий самурай! Может от плёвого дела отказаться, а может за так в самый замес влезть. Он это Вызовом называет».

Знакомый психотип. Винс похожую личность каждый день в зеркале видит, когда бреется. Видимо, Ушлый не набивал себе цену, говоря, что Керро за потрепаться с глазу на глаз может стребовать десять штук. Винсент бы тоже стребовал. Чисто, чтоб отстали.

Интересно, кстати, откуда мальчишка знает про самураев? Вроде в этом секторе япы не действуют. Хотя при случае надо будет у «связистов» спросить. Эти-то наверняка в теме. Чтоб корейцы за японцами не проследили? Дружба наций, ёпть, прошедшая через века.

Делая очередной глоток пива, Винс вдруг понял, что наслаждается. Реально наслаждается ситуацией. Тихо, спокойно, неплохие напитки… А ещё всё предельно конкретно. Конечно, интриг здесь тоже навалом, но как-то понятней, что ли, всё. Тут мыслили и действовали иначе и за содеянное расплачивались не понижением в должности, а кровью. Сильный здесь был действительно сильным, не какой-нибудь хилой бнёй, умеющей только ловко подставлять и манипулировать.

Подошла официантка, забрала опустевший бокал, заменила его полным, завлекательно улыбнулась. Винсент ей подмигнул. Девчонка ушла, виляя бедрами, очень довольная собой. Впрочем, посетитель про неё сразу же забыл.

Итак, надо подбить итоги дня.

У связистов был, с Ушлым встретился, материалы передал, цену обозначил. Хорошую цену. Если Айя Геллан в секторе и жива, то бонза её найдет. Этот точно найдет. Вне всяких сомнений. Потом, конечно, свою игру затеет… ну и ладно. И не таких доводилось обыгрывать. Кстати, переговорщиком этот авторитет оказался первоклассным — за час всю душу вымотал. Хотя мистер Хейли в долгу не остался. Ушлый лысину несколько раз пижонским платочком промокал.

Интересно, чем ему отпечатки пальцев разыскиваемой так приглянулись? Как увидел, даже вышел на минуту.

Собственно, Винс считал версию об ошибочном похищении мисс Геллан почти доказанной. Осталось только дождаться, когда гонцы разыщут Керро и передадут ему приглашение поговорить.

Если разговор сложится (а он сложится), Винсенту станет известно точное время убийства Мусорного Дока и, соответственно, удастся понять, была ли девчонка свободна на момент звонка. Впрочем, девять из десяти, что была.

Остается запастись терпением и ждать. Искать Керро будут и Ушлый, и мальчишка. Связисты вот отказались, сообщив, что вся аппаратура у того в радионепрозрачных чехлах, так что запеленговать не получится, а сообщение передавать лучше через Ушлого, мол, с ним Керро давно дела ведёт.

Впрочем, Винс решил, что подождет еще час, после чего оставит бармену контакт, выданный связистами (контакт зачетный — сразу ясно, с группировкой корейцев владелец в дружбе), и пойдёт бродить по улицам. Типа девчонку искать, а на деле присмотреть место, чтоб почиститься и вымыться, дабы вечером пригласить куда-нибудь Су Мин, пусть не во фраке, но хоть не опустившимся бродягой. Интересно, согласится ли? Что раскручивать внезапного партнера приставят именно её — даже не вопрос. Но методы раскрутки могут быть весьма разными…

Наконец, снова пришла официантка, принесла заказ. Быстро составила тарелки с подноса на стол, пожелала приятного аппетита, одарила еще одной улыбкой и удалилась. Винсент, забив на все напряги, спокойно приступил к еде. Чего дергаться и вход глазами сверлить? Если Керро всё-таки занесёт попутным ветром в «Две хризантемы», так ему на входе и скажут, и покажут, кто его ждет и за каким столиком. Ну, а не занесёт, потом отыщется.

Еда, кстати, была вполне неплоха даже и для белого сектора, не говоря уже о чёрном.

— Говорят, ты меня ищешь, — присевший напротив мужик не спрашивал, а утверждал.

Винс окинул незнакомца быстрым взглядом, отмечая не столько внешность (чего там отмечать, успехи пластической хирургии?) и особые приметы (их за определенную плату любой уличный эскулап наделает по всему телу), сколько схватывая общую картину, оценивая. Тут не надо быть особым прозорливцем, чтобы уловить себе подобного. Бойца выдают не крепкие мускулы или угрюмая рожа, а взгляд и пластика движений. И сейчас Винсент видел — перед ним сидит боец. Такой же в точности, как он сам. Поэтому рейдер спокойно сказал:

— Не знаю, что говорят. А Керро, да, ищу.

— Нашёл. Что дальше?

Винс глазами показал на приоткрытую дверь одного из кабинетиков и спросил:

— Тебя, кстати, кто отыскал? Ушлый или мелкий?

— Все. Записку для Олли я пацану подписал.

Собеседник хмыкнул. Его проводник, с упоением рассказывавший о легенде сектора — Керро — неистово мечтал обзавестись хорошим стволом. Мальчишка был толковый, хоть и трепливый, поэтому Винс черкнул на клочке бумаги записку. Ну и сказал, что если паренек отыщет этого своего уличного самурая, а тот ему записку подпишет, то в магазине у Малыша Олли бумажку можно будет обменять на ствол, денег он занесёт. У пацана глаза блестели так, что Винсент понял — рейдер, даже если он под землю зарылся, будет найден в ближайший час. Чёрт знает как, но найден. А ещё стало интересно: если мальчишка выберет (а он выберет) самый брутальный ствол, то справится ли с отдачей?

Тем временем Керро поднялся из-за стола и, повернувшись к собеседнику спиной, пошел к двери кабинетика. Винсент в этот момент особенно остро ощутил, что оружие у него отобрали.

— Итак? — когда они сели и очередная смазливая официантка принесла Винсов заказ из зала, спросил Керро.

— Для начала меня интересует, во сколько ты убил Мусорного Дока. Если ответ будет правильным, мы продолжим разговор. Если нет, я готов компенсировать потерянное время.

— Шесть с небольшим. Ты с чего донора ищешь? И сколько предлагаешь?

— Её украли у нас. Корпорация хочет вернуть своего работника. Что такого удивительного?

— Корп, ты рейдеру будешь рассказывать про то, кого возвращают, а кого нет? Сколько платишь?

— Двести — за живую. Пятьдесят — за тело, — сказал Винсент.

— А не дешево за улику о нарушении девяносто девятого меморандума? — чуть усмехнулся собеседник.

— И сможешь доказать?

— Найду — смогу. А пока просто знаю.

— Твои предложения?

— Сто за то, что я вообще берусь за дело, и за моё молчание. Триста сверх — за живую. Сто — за тело.

— Идет, — согласился Винсент. — Но ты говоришь, откуда знаешь про нарушение меморандума.

— Значит, правда… — Керро чуть помолчал. — Добыл файл медданных, из-за которого к Доку позже пришли. Опоздали. Тот же файл есть у владельцев центра технической разведки. Насколько знаю, донора они не получили.

— Благодарю, — кивнул Винс и добавил: — Инфа за инфу.

Бывшего центра. С этого утра его больше нет.

Их разговор прервал деликатный стук в дверь. Керро, сидевший ближе, приоткрыл створку.

— Керро, тут Алиса пришла, — прозвучал встревоженный мужской голос.

— Щас.

Рейдер встал и повернулся к Винсенту:

— Пять минут.

Он вышел, плотно прикрыв дверь.

Корпорат откинулся на спинку диванчика. Хорошая всё-таки привычка не экономить на оплате информации. Слова собеседника внезапно подтвердили инфу Ушлого. Ладно, вечером подойдет команда поддержки, и нежданных конкурентов можно будет сбросить на неё… или подкинуть конкурентам ложный след в виде подставного донора? На фиг, над этим пусть Ленгли думает, у него голова большая. А пока… Винсент вытащил из внутреннего кармана куртки две пачки кредов по пятьдесят тысяч в каждой.

— Знакомая пришла. С охраной проблемы чуть не возникли, — вернулся и уселся на прежнее место Керро.

— Файл, — Винс кивнул на деньги.

Керро вытащил из нарукавного кармана чип памяти, положил рядом и, вскрыв пачки, бегло проверил несколько купюр, после чего забрал деньги и пододвинул чип к Винсенту.

— Держи. Заодно могу сказать, что там. Интегральный коэффициент антител в три раза выше среднего — инфа, которая и заинтересовала твоих конкурентов.

Винс молча кивнул и, достав небольшой пластиковый конверт, перекинул его собеседнику. Тот открыл и вытащил два чипа для сканеров ДНК и сетчатки, а также фотографию, на которую глянул мельком.

— Если окажется, что она — нечто большее, чем ты сказал, цена вырастет, — сообщил рейдер.

— Лимиты тоже, — пожал плечами Винсент.

Керро коротко кивнул и вышел. Хейли проводил его задумчивым взглядом. Да, этот мог запросить десять только за разговор. Но, глядишь, и найдет девчонку-то.

А теперь к связистам — передать файл и ускорить приход команды поддержки. Вдруг цифровики корпорации смогут найти, кому была передана инфа и кто именно является внезапным конкурентом «Виндзора» по поискам. После этого можно будет и к Ушлому — прикинуть, как отбить у конкурентов желание орудовать в секторе. Благо, вряд ли у них здесь больше одной группы…

Но сначала… сначала посидеть и подумать, не упускает ли он чего.

* * *

— Вот! — победоносно сказал Алиса, подталкивая вперед Айю. — Толково?

Довольная собой, она гордо смотрела на Керро, который с изумлением оглядывал ее подопечную. Удивительно, но у той откуда-то взялись очень длинные и весьма стройные ноги. Да и в целом она стала, наконец, похожа на девушку. Ненормальную, конечно, но всё-таки.

Невообразимой яркости юбка, начесанные волосы с атласными алыми лентами, пышный бант из шарфа.

— Смотри, — сказала Айя, — у нее есть «хвост»!

Она покружилась, позволяя юбке разлететься пышными складками.

— Красиво, — одобрил Керро.

— У меня никогда в жизни не было юбки!

Девчонка, как ни странно, была в полном восторге. Однако слышалось в ее голосе что-то слегка истеричное.

Алиса же довольно смотрела на дело рук своих.

— И маска в тему! — заметила она.

— С нами останешься? — спросил ее Керро.

— Не… — скривилась девушка. — Мажорное место. А ты еще этого мозгоголового ждешь. Я как его вижу, сразу хочу ему черепушку в соответствие с татуировкой привести.

Она поправила ленту в волосах, одернула передничек и кокетливо посмотрелась в гладкую поверхность зеркальных панелей, которыми была отделана одна из стен.

— Бродить, что ли, пойдешь? — уточнил Керро.

— Да ну, набродилась уже, — Алиса покрутилась, полюбовалась на себя и сказала, оглянувшись: — Если вдруг еще кого приодеть надо будет, обращайся. Мне понравилось.

После этого, приподняв края юбки за уголки, девушка сделала легкий реверанс:

— Я вас покидаю, прекрасный сэр. Чао!

Когда дверь кабинетика хлопнула, Айя повернулась к Керро, покусала нижнюю губу и осторожно спросила:

— Ты ведь хорошо её понимаешь, верно? К нам в подворотне прицепились четверо ребят. Приняли ее за шлюху переодетую. А она достала нож и… Зачем?

Рейдер пожал плечами:

— Просто Алисе нравится убивать ножом. Вот и всё.

Айя задумалась. Интересно, знает ли Керро про то, что Алиса впадает в боевую отрешенность, как берсерк? Наверное, знает, он же говорил про то, что кролей подвергали экспериментам по нефармацевтической стимуляции организма… Но видел ли он хоть раз, как его подруга, не в силах переключиться после убийства, ищет следующую цель? Может, и нет. Если бы видел, то понимал бы, что рискует, отпуская с ней Айю.

С языка же сорвалось другое:

— А чем нравится убивать тебе?

Керро сделал глоток пива, поставил кружку обратно на стол и спокойно ответил:

— Мне вообще не нравится убивать. Но если надо, то все равно, чем конкретно. По ситуации.

— И Мусорного по ситуации? — удивилась Айя.

— И Мусорного. Ввел когда-то традицию мясников казнить так, чтоб боялись, ну и… приходится соблюдать. Ты ешь.

Девушка потыкала вилкой лежащую на тарелке еду, названия которой не знала. Еда была вкусная. И это худо-бедно примиряло с действительностью.

— Что, Алиса всех четверых завалила? — спросил Керро, наблюдая за тем, как Айя сосредоточенно жует и успокаивается. Во всяком случае, налет истеричности с неё постепенно сползал. — Или кто успел ноги сделать?

— Нет, — покачала девушка головой. — Не успел. Четвертого завалила я. Вот, — она положила на стол магазин. — Трофей.

И снова взялась сосредоточенно жевать. Хорошо, что собеседник не понимает, чего ей стоит говорить так спокойно, когда внутри всё мелко-мелко дрожит. Напряжение потихоньку отпускало, и на смену ему приходил запоздалый испуг.

— Ну, видишь, как здорово. Хоть человеком, наконец, становишься, — похвалил Керро, думая о чем-то своем. — А то затрушенная была, смотреть противно.

Айя промолчала. Она знала, что он не поймет ни ее страха, ни ее шока. Для него случившееся — обыденность. А ей еще только предстоит осмыслить то, что произошло. Что она совершила.

Впрочем, бессвязные размышления девушки быстро прервались — в кабинетик ввалился невысокий тощий парень в черных армейских штанах, армейских же ботинках и рыжей короткой куртке. Парень был расхлябанно подвижен, сутуловат, с острыми чертами лица, нервными подрагивающими руками и частично обритой головой с непередаваемо правдоподобной татуировкой вскрытого черепа. Темные сальные волосы болтались

сосульками, свешиваясь на правый гладко выбритый висок.

— Хой! — с порога гаркнул незнакомец, после чего плюхнулся на свободный стул и пожаловался: — Прикинь, меня, как обычно, с пистолетом не пустили. А тут навстречу Алиса выходит при ноже и автомате!

— Косячь меньше, тоже при оружии будешь, — Керро даже не повернул головы. — А за Алису я поручился.

— Блин, нет в мире справедливости…

В этот момент в кабинетик вошла официантка с подносом, поставила перед новым посетителем заказ — кружку пива и тарелку каких-то крупных хлопьев, после чего сразу вышла, плотно прикрыв дверь.

Хакер мгновенно собрался.

— Ты хоть знаешь, что в твоем восемнадцатом охраны чуть не батальон нагнали, и все внешние заходы по цифре секут жёстко? — спросил он рейдера.

— Подозреваю, — хмыкнул в ответ тот, — хотя перебор, конечно. По идее, должна быть пара проверяющих и к ним, ну, взвод. Ты только это сказать пришел?

— Нет. Предложить три варианта проникновения. Как обычно: хороший, плохой и странный.

Хакер вытащил из внутреннего кармана куртки голограммер и нажал кнопку включения.

— Итак, надо встроить мою приблуду в их коммуникационный центр достаточного уровня. Чтоб инфопакеты были типа внутренними. Как я уже говорил, вариантов исполнения — три. Первый — он же «Хороший». Просто идеальный. Узел высшего допуска аж в сорока километрах от нужной нам точки, почти на периметре. Второй. Как ты понимаешь, «Плохой». Тридцать километров за периметр… — он не спеша показывал на карте места. — И «Странный»…

— «Хороший» нах, — тут же забраковал Керро. — Уж слишком подозрительно хорош. И в придачу нет толковых путей отхода. А до «Плохого» мне три дня ползти по корпоративной территории. Слишком долго. Давай «Странный».

Цифрыч расплылся в ухмылке:

— А «Странный» — он и есть странный…

* * *

Айя топала по улице на шаг позади Керро. Он шёл неторопливо и был похож на ледокол, рассекающий замёрзшее море — плыл строго по курсу, оставляя после себя шлейф

освобожденной из мерзлого плена воды (пустой улицы) и раскрошенные глыбы (уступивших дорогу прохожих). Сравнение было настолько идиотским, что девушка заулыбалась. Однако факт оставался фактом: люди перед Керро и впрямь инстинктивно расступались. И Айя шла следом, радуясь, что в свете чужой мрачной славы можно, по крайней мере, не ждать тычка в бок от местной шпаны.

На её яркий истерический наряд поглядывали с любопытством, ещё бы — такое зрелище. Один из местных пацанят, сидевший на пороге старого дома и смоливший сигаретный бычок, даже присвистнул в восторге. Девушка из какого-то внутреннего озорства подмигнула ему сквозь прорези в кружеве маски и потом еще долго чувствовала спиной восхищенный взгляд.

Где бы ни жили люди, они по-прежнему умели ценить необычное и красивое. Да, понятия необычного и красивого сильно отличались, но всё-таки. Для грязного паренька из черного сектора девушка в кричащей юбке дешёвой стриптизерши выглядела достойной внимания.

Странно. Что же случилось вдруг с людьми, если они, умея худо-бедно отличать хорошее от плохого, красивое от безобразного, вдруг стали жить вот так? Айя посмотрела на серый город. Когда-то ведь, когда только построили эти дома, они были новыми, высокими, целыми, блестели стеклом и хромом, манили всякими соблазнами, а потом вдруг превратились в руины. Почему? Что стало причиной, и неужели нельзя вернуть, как было? Чтобы строили музеи и театры, писали книги и снимали фильмы, по вечерам гуляли в парках, в которых растут деревья, ездили на автомобилях, автобусах и метро, работали, ходили в школу и ни у кого не было бы при себе оружия. Это же здорово!

Раньше ведь было именно так — и книги, и фильмы, и путешествия, и цветы, и огромные магазины, прилавки которых ломились от продуктов. Почему сейчас мир так съежился? Кому от этого стало лучше? Как вышло, что забыли столько всего интересного? Теперь взгляду открываются лишь руины — жалкие останки безвозвратно ушедшей эпохи. А люди словно вычеркнули из памяти все, что было прежде хорошего. Словно не с их предками было. И научились жить иначе, презирая то, что некогда сами же создавали. Скажи сейчас кому-нибудь, что можно не бегать с пистолетом по развалинам, а, например, учиться музыке… Засмеют ведь. Скажут — дура. Наверное, будут правы.

Мысли сами собой возвращались к разговору с татуированным парнем в «Двух хризантемах». Он показывал

голографические карты, тыкал пальцем в переплетения коммуникаций, что-то с жаром говорил…

Айя слушала и ощущала обреченную безнадёжность. Из-за неведомой и зыбкой цели на периметр, на бетонные стены, на колючую проволоку и мины собирался идти вот этот немногословный мужик, шагающий сейчас впереди. Так просто, обыденно. Ей к подобному никогда не привыкнуть. Керро сказал, мол, это потому, что ей промыли мозги. А Айе казалось — это они тут все до одного чокнутые. Ну, ненормальные же!

МакГи с привитым лабораторно безумием, Цифирь, одержимый информационной слежкой, Керро со своими заскоками. Ни одного ведь психически уравновешенного. Да взять хоть Гершеля, у которого мерная лента была короткой и с двумя плотными синтетическими петлями на концах. Уж явно не для удобства измерения.

Вот почему любой фантастический вымысел ложился на местную шизу, как влитой. Скажем, приснилась Айке жопа в квадрате. Да мало ли что может присниться! Мало ли где она могла видеть этот логотип. Но нет, Керро мгновенно вцепился в дурацкий сон. Теперь он идет на мины, танки, пулемёты. Вызов, блин. А дальше абсурдную легенду выстраивали, как конструктор, подгоняя одну детальку к другой, благо деталек много, а фантазия у всех больная.

Застрелила парня? Значит, рефлексы проснулись. Рефлексы проснулись — значит, они были. Если они были — значит, активизировалась мышечная память предыдущей личности. Боишься уколов — так это потому, что была лабораторной крыской. Была лабораторной крыской и помнишь жопу в квадрате — да ты секретная разработка! Всё. Пасьянс, как говорится, сошелся.

А то, что застрелить гопника много ума не надо, так кто бы об этом подумал. Как и о том, что попасть в цель можно из чистой случайности. Но самое страшное заключалось в другом: безумие оказалось заразным! Айе теперь уже и самой мерещилось всякое странное. Но на деле-то… на деле, если вдуматься, бред же полнейший.

— Керро, — девушка осторожно тронула спутника за рукав и… отлетела к стене дома, отброшенная внезапным ударом.

Уже сползая по кирпичной кладке, она увидела, как из-под куртки рейдера мгновенно появились два пистолета-пулемёта, а сам Керро, упав на колено, вскинул оружие.

По ушам ударила сдвоенная очередь, и только тогда Айка, наконец, поняла, что стрелять Керро собрался не в неё, что цель впереди — там, где прохожие бросались врассыпную или падали,

накрыв головы руками… Более хладнокровные и опытные, откатившись к стене, уже выхватывали пистолеты и вертели головами, пытаясь понять, что происходит, где враг, куда стрелять и от кого укрываться.

На землю упала первая короткая обойма. Рукоять левого пистолета-пулемета ударила по замку подсумка, эластичная лента сдернула клапан. Отрывистое движение, щелчок, и новая, теперь уже длинная обойма встала на место. Снова очередь. Скупая, расчётливая. И под ноги летит обойма из второго ствола…

Всё очень быстро — секунда-две, не больше. А потом оглушенную ударом и грохотом выстрелов Айю подхватило за шкирку и поволокло назад. О рёбра всеми углами бился левый пистолет-пулемёт, болтавшийся у Керро в петле. Тьфу ж ты… жопа! В квадрате! В кубе! Айка бежала, пригнувшись, а Керро еще успевал бить с правой руки короткими очередями вдоль улицы.

Потом двоих беглецов прикрыл угол здания, и девушка, вывернувшись, помчалась впереди спутника, однако перед очередным поворотом её снова ухватили за шкирку. Да мать же твою! Она едва не опрокинулась, выругалась, а Керро, вытянув из левого рукава тонкий видео-щуп, выставил миниатюрную камеру за угол.

— Вперед.

Первое слово с того момента, как он отшвырнул Айю в сторону. Оно словно спустило курок: Айя рванула во все лопатки, пока рейдер из-за угла отслеживал улицу через прицел. Прохожие, которых тут оказалось всего ничего, разбегались кто куда, стараясь укрыться в развалинах или прижаться к стенам.

А потом Керро догнал спутницу, однако лишь спустя квартал они, наконец, перешли с бега на шаг.

— Что там было? — спросила Айя, пытаясь восстановить дыхание.

Керро на миг задумался, видимо, анализируя случившееся, и коротко ответил:

— На захват стояли. Шестеро.

— На захват кого? Меня? — опешила девушка.

— Не знаю, — пожал плечами спутник. — Может, тебя. Может, меня за старые дела. Может, ещё кого… не спрашивать же было?

* * *

Сообщение на очки Винсента Хейли:

«Благодарим за аппаратуру. Прими пример перехвата:
Исходящий адрес — черный одноразовый.
Адрес получателя — черный одноразовый.
«Какая тварь санкционировала и организовала захват объекта «Обидчик»? Теперь стоимость выкупа модуля удаленного доступа выросла раз в пять. Проще вообще забить. В конце концов, файл мы получили».

* * *

Винс стоял в холле высотки связистов и с интересом рассматривал собственную голограмму. Трехмерное изображение выросло напротив и теперь сверлило его взглядом. Даже не по себе немного. Стоишь ты, а напротив тебя еще один ты, и вы смотрите друг на друга. Хочешь — можешь обойти, хочешь — гляди на себя самого снизу вверх… Тут-то и замечаешь такие мелочи, о которых прежде даже и не задумывался.

Например, белая полоска шрама на затылке, виднеющаяся под коротким ежиком волос. Или собственная спина, на которую можно смотреть, не выворачивая шею. Зрелище довольно сюрреалистичное. Винс, конечно, и раньше видел свою голограмму, но чтоб вот такую — в полный рост и настолько качественно отснятую… Пожалуй, впервые.

Вот ведь корейцы, хрен разберешь, чего они хотят такой презентацией сказать. Хотя, откровенно говоря, ломать над этим голову Винсенту было лень, денёк выдался изрядно суетным. Переговоры, хождения и снова переговоры… Хорошо хоть к вечеру нашлось полчаса на треп с мальчишкой-проводником, а затем еще полчаса — на поиски нужного отельчика. Затем час сна, две ампулы из личной аптечки, предусмотрительно и явно нелегально пополненной Ленглевым доком, полчаса на приведение себя в порядок.

Хлопотно, конечно. Зато файл Керро уже в родной корпорации, уйма народу ищет потерянную Айю Геллан, а с Ушлым согласовано, как будет подставлен конкурентам человек с маячком. Осталось дождаться команду поддержки. Впрочем, даже хорошо, что сегодня она еще не прибудет. Какие-то проблемы с заброской. Ну и ладно, пока в прикрытии есть десантно-штурмовой с полной наземной группой, можно и без них обойтись. Одним словом, времени у Винса валом. А значит, есть возможность выполнить обещание, данное Су Мин.

Хм… Всё-таки ничего так голограмма. Кстати, судя по ней, персонал в отельчике свое дело знал — куртку вычистили,

ботинки вообще будто только из магазина, не гляди, что с утра секторальную грязь месили… Конечно, на корпоративный прием в таком виде не пустят, но для местных «Хризантем» — вполне. Нет, всё же интересно: а то, что после вызова Винса и ответа ему Су Мин связисты вывели эту голограмму — хороший знак или нехороший намек?

В одиночестве рейдер провел около двадцати минут. Су Мин, как все женщины, спешить не умела. А может, и умела. Разницы, собственно, никакой. Результат для мужика всегда одинаков — ожидание. Известно же, что если женщину торопить, она соберется за шестьдесят минут, если нет — за час.

Наконец, железная дверь открылась, и на пороге возникла кореянка.

Хороша до безобразия.

В пальто, больше похожем на романтичное платье — нежно-малинового цвета, приталенном, но с широким летящим подолом и воротником-стойкой, отороченным по краю драповым рюшем. Или складкой? Или как это называется? Винс не знал. Но выглядело, что надо. На фоне же «роскоши» черного сектора смотрелось и вовсе инородно. Как и полусапожки на высоком каблуке. Интересно, а под пальто у нее что? Явно что-то совсем короткое, раз из-под подола, оканчивающегося высоко над коленками, не видно даже края.

— Итак? — спросила кореянка, с интересом наблюдая за реакцией мужчины.

— Чудесно выглядите, мисс, — сказал рейдер. — Я жалею, что не во фраке.

Она рассмеялась и порозовела от удовольствия. Почему женщинам так нравится слушать очевидные истины? Винс подошел и слегка отвел в сторону локоть, приглашая спутницу к выходу. Су Мин благосклонно взяла его под руку и сообщила:

— Хочу нескучный вечер.

Рейдер кивнул. Он — чужак, она — в таком прикиде. Кто-нибудь из местных им уж точно не даст заскучать. Хотя, судя по реакции прохожих… Девчонка связистов на улице явно не примелькалась, на нее если и оглядывались, то исключительно из-за яркой и слишком красивой одежды, не соответствующей обстановке. Впрочем, несколько человек кореянку явно узнали. И были очень-очень удивлены.

Винсу осталось только гадать, что именно поразило этих людей — наряд Су Мин, наличие рядом с ней незнакомца или отсутствие у девушки оружия?

— Что-то ты молчишь… — протянула тем временем спутница.

— А что надо говорить? — уточнил Винс, наметанный взгляд которого как раз выхватил занятную деталь — в одной из подворотен опустившийся бродяга, сидевший на куче мусора, при виде парочки явно напрягся. Впрочем, вовремя себя на этом поймал и попытался скрыть внезапный интерес. Вроде незаметно, но Винсент на такие мелочи был натренирован. Поэтому он скорее по привычке, нежели из каких-то серьезных опасений, запомнил время встречи, чтобы потом извлечь кадр из видео-лога для детальной проработки.

— Что говорить? — переспросила с удивлением Су Мин. — Обычно люди говорят о чем-то приятном, задают вопросы…

— Точно! — он усмехнулся. — Я говорил, что ты прекрасно выглядишь?

— Говорил, — кивнула девушка.

— А уточнял, насколько прекрасно?

— Нет, — она улыбнулась. — Но можешь.

— М… даже не знаю, с чем сравнить. Собственно, об этом и думаю всю дорогу. Что-то нужно эффектное сказать. Комплимент такой, запоминающийся… — он сделал вид, будто перебирает в уме слова.

— И? — она явно ждала, когда он закончит свою мысль приятным женскому сердцу эпитетом.

Винс сокрушенно покачал головой:

— Понимаешь, на ум приходит очень точное, но не очень приличное. В хорошем, конечно, смысле.

Су Мин развеселилась и сжалилась:

— Ладно уж, говори неприличное. Хотя в зале переговоров у тебя с приличиями был полный порядок, как и с мозгами.

Рейдер ответил:

— Там ты не стояла так близко. И юбка прикрывала колени. Сейчас мне сложнее сосредоточиться.

Спутница опять засмеялась. Причем очень искренне. Хрен*о*вы дела в этом секторе, если красивую женщину некому развлечь комплиментами и банальным трепом.

— Что же ты отказался от стриптиза голограммы? — лукаво спросила она.

— Зачем смотреть на голограмму, когда где-то есть оригинал? — удивился Винсент.

— Оригинал еще не факт, что захочет раздеться, — заметила девушка.

— Это уже вопрос моей убедительности, — усмехнулся собеседник.

— А ты, я гляжу, не страдаешь излишней скромностью… — протянула Су Мин.

— Нет, конечно. Я вообще категорически против страданий.

— Пришли, — через пару минут возвестила кореянка, поворачиваясь к спутнику. — Ты, кстати, так и не сказал неприличного комплимента.

Винс сделал вид, что задумался, после чего наклонился к уху Су Мин и произнес едва слышно:

— И не скажу. Но, поверь, *про себя* повторю его ещё не раз.

Она ущипнула его за плечо:

— Болтун!

Рейдер сделал приглашающий жест, так как до входа в «Две хризантемы» оставалась всего несколько шагов.

Охрана в дверях привычно дёрнулась навстречу, но, узнав Су Мин, мордовороты расплылись в улыбках:

— Приветствую, мисс Су Мин! — обрадовался старший — здоровенный детина с длинными, собранными в хвост патлами. — Мне издали даже показалось, будто ты Керро под руку выгуливаешь.

— Пусть его Алиса выгуливает, — усмехнулась в ответ кореянка, — как раз к нам занесло.

— За спутника отвечаешь? — кивнул тем временем охранник на Винса.

— Разумеется, — девушка даже слегка удивилась.

— Замечательно, — мужик отошел в сторону, освобождая вход. — Но, пока ты не сказала, отвечаю я. Правила.

— Конечно, — кивнула гостья.

Она, видимо, хотела добавить еще что-то, но передумала, повернулась к Винсу, одарила его ослепительной улыбкой и потянула внутрь:

— Идём.

Вот так, запросто и не разоружаясь.

Удивительно, но с наступлением вечера бар изменился до неузнаваемости. Если днём это было приличное безопасное место, где можно поесть, выпить и поговорить о делах, то сейчас… Сейчас произошла глобальная смена декораций. Столики — днем ярко освещенные — теперь оказались в тени, лиц посетителей было не разглядеть, что на столешницах, понимали только сидящие. Проходы освещены скупо.

Зато стойка… сцена в лучах рампы. Яркий свет, чёткий, жесткий. Прямо-таки приглашение — покажись миру! Не стрёмно? Так покажись!

А в придачу неритмичные вспышки в ультрафиолете и инфракрасном. Незаметные глазу, но сводящие с ума приборы ночного видения. Зато музыка лилась мягкая, не раздражающая, не вздергивающая. Тихо так, будто шепчет на ухо: здесь спокойно,

расслабься — наберись сил… пригодятся.

Тут билось размеренно и гулко самое сердце сектора.

Бармен за стойкой увидел Су Мин и, не задавая вопросов, начал мешать коктейль. И только поставив перед девушкой бокал, обратился к её спутнику. Тот попросил пива.

Пока Су Мин тянула через трубочку свою слабенькую и сладенькую бурду, подошёл официант и замер рядом, чтобы проводить за столик.

Винс, сохраняя каменную морду, про себя всё-таки усмехнулся. Игры. Старые добрые игры. Демонстрация. Только теперь уже для него. Что ж, приятно…

В этот миг кореянка вдруг дёрнулась. Еле-еле, однако рейдер насторожился — не просто же так она согласилась именно на «Хризантемы», чего б ей тут напрягаться?

— С гайдзинами, значит, мы не встречаемся?! — квадратный негр с толстой шеей, обритой башкой и выразительной эспаньолкой на морде вырос в пятачке света, играя мускулами под просторной футболкой. — А этот типа, мля, узкоглазый?! Типа свой?!

Колоритный мужик! В зимних спортивных штанах, толстых кроссовках, с золотым перстнем на мизинце. Винсент готов был спорить, что на шее под футболкой у чернорожего болталась и золотая цепь, толщиной с палец. А вот думать он явно не думает. Приписать кореянке японское слово… намекнуть, что она *японка*. Или ему все азиаты на одно лицо? В любом случае, за куда меньшее убивают на месте.

Тем временем из-за спины крутого «спортсмена» неслышно вышел Ушлый, уже надевший шляпу. По пятам за бонзой проследовали двое его охранников. Место встречи, значит? Хе-хе…

Пока Винс с интересом разглядывал нового представителя сектора, тот многозначительно подвигал тяжелой челюстью и ткнул пальцем в рейдера:

— Эт, типа, не гайдзин?

Су Мин к удивлению Винса в ответ лишь расслабленно улыбнулась и развела руками:

— Бивень, твой отец был бакланом. Твой дед был бакланом, — девушка облокотилась о стойку. — И твой сын тоже будет бакланом. А кто все твои женщины, я лучше промолчу.

Правая ладонь кореянки развернулась к бугаю, и тот вдруг, коротко дёрнувшись, упал.

— Впрочем, о чём говорить с бакланом? — девушка посмотрела на официанта. — Веди. Мне надоело тут стоять.

Уже подходя к столику, Винс сказал:

— Беспроводной тазер — не самая надёжная вещь.

Его спутница пожала плечами:

— Кого любит мир, тому и соломинка — надёжный мост, — в полутьме улыбка девушки была не видна, но угадывалась в голосе.

* * *

У Айи опять болела голова. Не остро, до рези в глазах и тошноты, а нудно, монотонно. Боль расходилась волнами, как круги по воде. Разбуженная внезапной пробежкой и грохотом выстрелов, она родилась, словно далекое эхо. Только, в отличие от эха, не удалялась, а наоборот, неспешно приближалась, усиливалась.

У кроликов было тепло, но слишком людно. Общий зал у них, видимо, редко пустовал. А ещё на скамье возле стены девушке отчего-то именно сейчас было неудобно. Собственная одежда, впервые за последние дни сидящая по размеру, начала раздражать и мешать. Хотелось сдернуть с себя всё, вплоть до белья. Казалось, каждый шов впивается в тело. И голоса раздражали, и запахи. Даже нет, не раздражали. Бесили.

Однако народу припёрло трепаться. Керро, Алиса и Роджер свалили в одну из комнат, видимо, обсуждать грядущий рейд. Потом к ним присоединился Мать Тереза. Сидящие возле окна Эсмеральда, Питер Пэн и Тарзан резались в карты и о чем-то спорили. Карты шуршали и звонко шлёпали рубашками об стол. Эсмеральда притоптывала тяжёлым ботинком. Питер Пэн громко и заливисто смеялся… Чуть в стороне Покахонтас равнодушно разбирала свою снайперку. И все эти звуки Айю тоже неимоверно раздражали.

А ещё начала чесаться голова. Невыносимо! Откуда-то изнутри. И запястья. Девушка скребла их, пока не поняла, что вот-вот раздерёт до крови. Даже сидеть не было никаких сил!

Она поднялась, прошлась по комнате. По счастью, никто не обратил на эти передвижения внимания. Зашёл Железный Дровосек. Приставил к стене штурмовую винтовку, порылся в лежащем на скамье шмотнике, достал из него что-то съедобное и бутылку воды. Сел на лавку, зашуршал обёрткой.

В этот миг у Айи со звоном лопнуло терпение, накрыв отдачей.

Безо всякой причины захотелось подойти и ударом ноги опрокинуть прислоненное к стене оружие. Так, чтобы с грохотом! Чтобы летело по полу! Чтобы все вскочили, заорали. Чтобы драка.

У неё ведь нож есть. Конечно, она не отобьется. Но зато хоть повеселится.

— Мелкая, ты чё? Вштыривает? — спросил вдруг Дровосек, пристально глядя на девушку.

Покахонтас отвлеклась от своего занятия. Картёжники тоже прервались, оглянулись и теперь смотрели спокойно, но настороженно.

— Нет, — хрипло ответила Айя.

— А то я не вижу, — мужчина отставил в сторону бутылку с водой. — Иди, ляг. Без дурости только.

Вот как он догадался? И что такое с ней? Почему он понимает, а она нет? Бесит!

Айя с размаху села на лавку и замерла, уставившись под ноги.

— Вали спать, — миролюбиво посоветовал Дровосек. — Это в тебе адреналин бурлит. Отдохнёшь, и пройдет. А не пройдёт, доктор пилюльку даст. Не мечись. В глазах рябит.

И он снова захрустел сухарем.

Девушка посмотрела на собеседника. Он был рыжим. Но не таким, как она. Борода, волосы и брови — тёмно-медные. Лицо приятное — веснушки бледные, но не безобразными кляксами, как у Айки, а такие мелкие и редкие.

— Иди, — ровно повторил мужчина.

Может, он прав, и надо всего лишь выспаться?

В соседней комнате было пусто, если не считать Доктора Куин, которая, устроившись на одном из спальников, чесала перед зеркальцем длиннющие волосы, присыпанные каким-то порошком.

— Ты отдыхать, дорогая? — осведомилась Микаэла, услышав шаги Айки.

— Угу, — буркнула та.

— Душ в наше время — роскошь, — спокойно пояснила Куин. — Но химия спасает от вшей и грязи. У тебя чистая голова?

Айя мрачно кивнула.

Микаэла продолжила размеренно водить щеткой по волосам, вычёсывая порошок. По мере того, как тот осыпался, длинные пряди становились всё более блестящими и даже начали потрескивать от статического электричества. Когда волосы стали совсем чистыми, женщина стянула их кожаным шнурком, отряхнула юбки и подошла к угрюмой гостье.

— Почему же чешешься? — спросила Док.

Девушка на это пожала плечами. Говорить не хотелось. Щемило затылок, болел лоб, все тело зудело, одежда мешалась, а изнутри поколачивало — не дрожью, но каким-то чуть

вибрирующим напряжением.

Макаэла коснулась ладонью пылающего Айиного лба, а та с изумлением заметила, что доктор Куин была, пожалуй, самой зрелой из кроликов. Ей было за сорок.

— Раздевайся, — мягко сказала женщина. — Надо поспать. Ты на грани истерики.

Гостья вскинул на неё удивленные глаза.

— Я хоть и женщина, но всё-таки врач. И неплохой. Я вижу.

Доктор Майк поднялась и направилась к укладке-саквояжу.

— Нет! — испугалась Айя. — Не надо уколов!

Микаэла оглянулась, с укором покачала головой:

— Зачем тебе уколы? Ты не буйная. Таблетка успокоительного, чтоб уснуть.

— Нет. Если только от головы что-то, — сказала девушка.

Док пожала плечами и протянула таблетку болеутоляющего, которую Айя благодарно отправила в рот.

— Ложись сюда, — кивнула Куин на свой спальник. — Только разденься.

Девушка медленно стягивала с себя одежду, с трудом удерживаясь от того, чтобы опять не начать в ярости чесаться. Оставшись в одном белье, она забралась в спальник и закрыла глаза. От собственной страшной раздвоенности мутило до головокружения. Куда-то ушли хладнокровие и самоконтроль, на которых Айя держалась, запрещая себе думать о случившемся утром. А теперь барьеры рухнули. Под грохот выстрелов и запах пороховой гари особенно остро ощущаешь хрупкость бытия. И, побывав мишенью, вспоминаешь, как сама всего несколько часов назад была стрелком.

«Я — убийца», — повторяла она мысленно и тут же возражала: «Нет. Я защищалась».

То, о чем Айя уже несколько часов запрещала себе думать, навалилось всей тяжестью. Вспомнилось, что убитый парень не нападал. Впрочем, окажись девушки слабее, жалости бы они не дождались. Поэтому выстрел в спину бегущему стал всего лишь логичным ответом справедливостью на зло.

В итоге человек умер. А она не сожалела. Просто свыкалась с мыслью, что способна убить. И сознание девочки из корпсектора срасталось, сливалось с сознанием безымянной лабораторной крыски Мариянетти, рождая какую-то новую противоречивую личность.

Удивительное дело, эта новая личность и впрямь не сожалела. Она больше испугалась во время второго нападения, когда Керро открыл вроде бы беспричинную пальбу. И раздосадовалась на собственные инстинкты, которые

просыпались медленнее, чем надо.

Керро таскал ее за шкирку, как собачонку. Швырял, будто пыльную тряпку. Она понимала, что он прав. Но бесилась. И внутри все сжималось от неправильности происходящего, от собственных путаных мыслей, от приливов гнева, сменявшихся тоской и растерянностью. От пульсирующей головной боли. От непонимания происходящего, а самое главное — от беспомощности и растерянности. Будь у нее возможность, она бы, наверное, просто сбежала. Увы, побег оставался непозволительной глупостью.

И тут вдруг Айя поняла, отчего ей так плохо. Озарение снизошло внезапно.

От бездействия.

Ей плохо от бездействия. Оттого, что она никак не может повлиять на ситуацию, поучаствовать в ней. Её бесили все эти люди, потому что у них у каждого было *свое дело*. А она, в отличие от всех, была вынуждена спать и жить по указке. Да еще раз за разом прокручивать одни и те же страхи и мысли. Скотство!

Девушка рывком села, понимая, что проснулась, что за окном уже повисла темнота, а в соседней комнате наметилось оживление. Керро собирался в рейд.

* * *

В общем зале было людно. Кролики сгрудились возле стола, но не ели, а занимались каждый своим делом. Айя заметила нескольких незнакомых ей прежде персонажей: стройного юношу в черной одежде, черной полумаске и черной же шляпе, угрюмого мужика-ковбоя со светлыми, словно выцветшими глазами и еще одного — дюжего в потрепанных трениках, допотопной рубахе и вязаном жилете.

Доктор Куин стояла чуть в стороне от прочих и внимательно смотрела на выносной экранчик, который держал в руках Керро. Волосы Микаэла уже собрала в прическу, а платье сменила на свежее. Интересно, сколько у нее нарядов? И ведь все дорогие, причем, в отличие от отстегивающихся Эсмеральдиных юбок, у Дока платья были настоящие.

— Одним подонком меньше, — изрекла Куин, когда воспроизведение завершилось. — Спасибо, мой мальчик. Порадовал. Умеешь же ты доставить женщине удовольствие.

Она ласково провела узкой ладонью по щеке Керро. Это был жест, полный материнской нежности, хотя, в общем-то, Микаэла

была старше, наверное, лет на десять, не больше.

«Мальчик» в ответ только хмыкнул.

— Поехали? — повернулся он к Алисе, пряча ненужный более экран во внутренний карман куртки.

Его спутница в это время что-то жевала, стоя у стола. Для рейда она переоделась — вместо пальтишка влезла в теплую тесно облегающую мотоциклетную куртку, сменила платье на короткую, но свободную юбку, полосатые колготки — на плотные непродуваемые и тоже полосатые гетры, на голову натянула вязаную шапочку, а в руках держала мотоочки.

— Ага, погнали, — кивнула девушка, делая глоток воды.

— Валите, — махнул рукой Роджер. — Мы за вами.

«Мы».

Бросалось в глаза, что кролики подготовились к выходу: они избавились от чудных нарядов, вооружились и больше не походили на участников безумного карнавала. Роджер, вон, перелез из свободного кричаще-красного комбинезона на лямках в закрытый, темно-серый, полувоенного образца. Удивительно, но, если бы не оставшаяся на шее бабочка, главкролик выглядел бы вполне нормальным человеком, не продолжай он, конечно, бестолково суетиться. Сейчас, например, он бегал вдоль стола, хлопая себя по карманам и проверяя, видимо, таким образом, всё ли взял.

Айя дождалась, пока Керро с Алисой выйдут, и повернулась к мечущемуся главкролику:

— Я еду с вами, — сказала она.

— Угу, сдалась ты нам, — ответил Роджер. — Не. Тут сиди жди.

— Еду. С вами, — упрямо повторила Айя.

Кролик развеселился, перестал то и дело ощупывать карманы и выпрямился, насмешливо глядя на собеседницу.

— Чтобы ехать с нами, — сказал он, — надо быть одной из нас.

Девушка усмехнулась и ткнула пальцем в свою юбку-пачку:

— Это видишь? Так что я — одна из вас.

— Не-а, — покачал он головой. — Только по прикиду.

— Так я ведь не в команду прошусь, а в машину, — сказала Айя и, прищурившись, уточнила: — Или трахнуть тебя, чтоб стал сговорчивей?

Роджер заржал и дёрнул бабочку:

— В кузове поедешь. С дровосеком. За длинный язык.

Девушка пожала плечами. В главном он прав: едет она исключительно за длинный язык. Так не всё ли равно, где и с кем? К тому же Дровосек — не самый худший вариант.

Спокойный и молчаливый. Главное, чтобы Роджер, пока ездит, забыл про её смелое предложение и не стал потом докапываться.

— Пэн, Покахонтас, — окликнул тем временем главкролик своих друзей. — Че сидим-то? Валим, валим, Тереза там уже, поди, задолбался ждать и на акселератор давить.

Индианка, облаченная в плотные штаны и куртку с бахромой, фыркнула, подхватила свою снайперку и направилась к двери, Пэн — в штанах-стрейч защитного цвета и темно-зеленой парке — молча нацепил камуфляжный рюкзак и подхватил две спортивные сумки.

— Ну, чего замерла? Пошли, — подтолкнул Айку Дровосек. Он, к слову, одежду не сменил, как был в штурмовой броне, так и остался.

На улице было холодно и ясно — ни тучки на небе. Луна светила ярко, и тени от разрушенных домов стали темнее и резче. Воздух пах сырым бетоном, ржавым железом, мокрой землей и выхлопами. Пикап с ярко горящими фарами урчал, периодически взрыкивая, в трех шагах от подъезда.

Дровосек смерил попутчицу взглядом, полным сомнений, и сказал:

— Я тебе березентуху дам.

С этими словами он откинул бортик пикапа.

Девушка забралась в кузов, где устроилась в углу: для тепла набросила на плечи брезент, которым обычно закрывали пулемёт, и вцепилась в борт.

Остальные кролики разместились в кабине. Последним на переднее сиденье плюхнулся Роджер. Сразу после этого Мать Тереза проорал: «Ну, с божьей помощью!» — и так вжарил с места, словно боялся опоздать к раздаче вечной жизни.

Пикап рванул вперед, пару раз подпрыгнул на камнях, но потом выровнялся и понесся, лавируя среди мусора. Водитель Тереза был что надо, но стартовал жёстко.

Машина мчалась сквозь ночь, а Айя думала — жалко, что она не видела, как уехали Алиса с Керро. Наверное, Алиса на байке — это красиво.

* * *

— На выходе возникнут проблемы, — спокойно сообщила Су Мин, глядя куда-то за спину Винсу.

— Быстро… — удивился рейдер.

— Бивень не рефлексирует. Особенно, когда обижается, — девушка отпила коктейля. — Просто приготовься.

— К чему? — хмыкнул Винс. — К пятку автоматчиков? Тогда я напарников поищу.

— Не-е-ет, — протянула собеседница и тихо рассмеялась: — Ты ж не с Патлатым поссорился. Думаю, схема будет стандартная: против тебя выставят какого-нибудь быка под стимуляторами и пару лбов с пистолетами — ему в прикрытие.

— Как-то не слишком умно… — рейдер поставил на стол кружку, но не успел продолжить мысль — узкая ладонь Су Мин легла рядом с его рукой, и теплые пальцы мягко коснулись широкого запястья.

— Бивень не из интеллектуалов, — сказала вполголоса девушка, не разрывая прикосновения. — Вот с Ушлым никогда не ссорься. Его, если что, просто убивай первым. Иначе посадит «хвост», и как только выдастся удобный момент — пристрелят. А ты их до того даже не увидишь.

— Ваши при таком раскладе, как я понял, ночью придут? — уточнил Винсент.

— Да… — ее пальцы продолжали слегка поглаживать тыльную сторону его ладони. — С нами тоже не ссорься.

— Не буду, — пообещал рейдер, после чего мягко высвободился и поднялся из-за стола.

Собеседница проводила его заинтересованным, но лишенным всякого беспокойства взглядом.

— Арматурина или бита есть? — спросил Винс у бармена.

— Само собой, — отозвался тот, не вынимая, впрочем, руки из-под стойки.

— Одолжишь?

— Да без проблем, — мужчина вытащил почти метровый стальной прут.

— Ого, — присвистнул рейдер. — Не длинноват?

— Мне ж не утихомиривать. Так, к стойке не подпустить.

— Понятно, — Винсент взял железку и сказал: — Если против меня ставил, еще есть время переиграть.

Бармен в ответ на это только усмехнулся.

— Пойдем, красивая, — повернулся Винс к своей спутнице. — Неприятности заждались.

Улица перед входом в «Две хризантемы» содержалась в чистоте, порядке и даже была освещена. Здесь регулярно подметали, выравнивали покрытие, подсыпая щебня и дробленого кирпича, трамбовали. В общем, культурно.

Когда Винс и Су Мин вышли, на входе в заведение сразу нарисовались уже знакомые им вышибалы, следящие, чтобы покинувшие бар посетители не влетали обратно вперед башкой и не мешали другим отдыхать.

Надо сказать, появление рейдера и его спутницы оказалось довольно-таки эффектным. Парочку ждали. Освещенный пятачок перед входом был уже взят в кольцо толпой зевак, которые предвкушали зрелище внезапных разборок чужака с местными. Ну, разумеется. Чужак ведь по определению виноват. Хотя бы потому, что никто не знает, достоин ли он уважения. Если достоин — вопросов нет, но тогда он уже и не совсем чужак. Уже как бы знакомый.

Винсент пока был чужаком. Правда, на лоха он не походил, и именно потому собравшимся было весьма интересно, кто же сегодня огребет.

Рейдер спокойно оглядел толпу. Чуть впереди, выдаваясь из общей массы зевак, замерли трое крепких чернокожих ребят. Самый здоровый, стоящий в середине, был довольно колоритен — с гладко выбритым черепом и мощными покатыми плечищами. В отличие от напарников, у лысого была длинная борода, схваченная в клин резинками. Вот такой красавец. Боец, мля.

До стычки оставалось шагов десять. Су Мин вскользь коснулась плеча своего спутника и с невинным видом отошла в сторону.

Сразу после этого бородач рванул вперед, будто его спустили с поводка — рожа свирепая, глаза выпученные. А и верно — под препаратами. Такого бить бесполезно, все равно боли не почувствует. Тут только сразу наглухо вырубать.

Ну, наглухо, так наглухо.

Винс перехватил прут и приглашающе улыбнулся.

Теперь главное — момент поймать… Есть! И рейдер ушел вниз, а арматурина с широченным замахом пошла по ногам противника. Тот ловко перепрыгнул.

Молодец! Мужик! Все как надо.

Левой рукой Винсент подхватил прут за противоположный конец, резко распрямился и правой вбил торец в солнечное сплетение противнику. Почти «прикладом бей». Ухо вскользь задел кулак. «Маши, маши, — подумал Винс. — Без опоры много не намашешь».

Теперь арматурину нафиг. Больше не нужна.

Схватив мужика за грудки и не давая ему согнуться после удара в живот, Винсент закончил драку резким ударом лба в переносицу.

Готов.

Однако рейдер не дал обмякшему телу завалиться на бок — прикрылся вялой тушей от двух других противников и вытащил пистолет.

Су Мин возникла, словно из ниоткуда. Узкая ладонь мягко

легла на руку с пистолетом. Теплые пальцы скользнули по запястью, как совсем недавно в баре.

— Этот человек — наш гость, — мягкий голос нарушил напряженную тишину.

В подтверждение сказанному в толпе вдруг вспыхнули три ЛЦУ. Красные точки застыли на куртках Бивневых быков, вынуждая их опустить оружие.

— Все действия против него будут расцениваться, как против любого из нас, — сообщила собравшимся Су Мин. — А сейчас мы уходим.

Винсент оттолкнул противника, и тот осел на землю.

— Подожди минутку, — сказал рейдер девушке.

Он подобрал валявшийся в стороне прут и направился обратно в бар. Охрана уважительно расступилась.

— Спасибо, — арматура легла на стойку.

— Обращайся, — бармен довольно улыбнулся и поставил перед Винсентом полную стопку. — За счет заведения. Кстати, я со ставкой не ошибся.

Стрёмно было пить, не проверяя… с другой стороны, не рискнут же здесь травить гостя «связистов»? Рейдер опрокинул рюмку. Прокатилась, как по маслу.

…Уже отойдя от бара, Винс таки спросил Су Мин:

— Почему ты сразу не вмешалась?

Девушка белозубо улыбнулась:

— У меня слабость только к умным и резким. С головой ты дружишь, но остальное проверить не мешало.

Винсент рассмеялся.

— Женщины…

— Что? — удивилась спутница. — Вдруг бы ты прямо на выходе посыпался?

— А бывали случаи? — спросил он.

— Конечно, — развела руками Су Мин. — Выпендрёжников полно. А чуть ковырнешь… сплошное разочарование. Но ты был весьма хорош.

Теплые пальцы снова мягко скользнули по тыльной стороне его ладони к запястью. Легкое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки.

— Хорош, значит? — уточнил Винс, думая про себя, что женская стервозность — величина неизменная в любое время и в любом секторе, не важно, — черном, белом или в чистой зоне.

— Ну да, — девушка остановилась и повернулась к собеседнику: — Поэтому сейчас мы идем в места… более располагающие к близкому знакомству.

В темноте узкой подворотни светлая блузка в распахнутом

вороте ее пальто выделялась ослепительным пятном.

— Зачем куда-то идти? — удивился рейдер. — У хорошего мужика всё, что надо, всегда с собой.

Су Мин открыла было рот, чтобы что-то ответить, но Винсент уже дернул ее на себя, подхватил под бедра и резко развернул, впечатывая в кирпичную стену заброшенного дома.

— Я предпочитаю под спиной более комфортные поверхности, — сообщила спутница.

— Обещаю, — сказал Винс, свободной рукой расстегивая пуговицы на её блузке, — более комфортные поверхности сегодня тоже будут. И не только под спиной.

Он очень жалел, что правая рука у него несвободна — оружие в таком районе и тем более в такой — хм — ситуации убирать не следовало. Поэтому кулаком, с зажатым в нем пистолетом, рейдер упирался в кирпичную кладку над головой девушки.

Впрочем, Су Мин, похоже, вообще не тревожилась о безопасности. Она закрыла глаза, откинулась затылком к неровной стене, рвано вздохнула, и тонкие пальцы впились мужчине в плечи.

— Чш-ш-ш… — сказал он с усмешкой. — Вдруг люди мимо пойдут?

Горячая рука тем временем скользнула по стройному бедру, сдвигая подол и без того короткой юбки.

— А то… люди… не трахаются… — выдохнула девушка, подавшись вперед.

— Зачем нам завистники? — шепнул рейдер.

В отличие от него, у нее обе руки были свободны, и Су Мин запустила их Винсенту в волосы. Ногти тут же вонзились в затылок. Острые, заразы! Кореянка прерывисто и жадно дышала, оплетя Винса ногами и уткнувшись лбом ему в плечо.

Да, все-таки жизнь в черных секторах имеет ряд несомненных преимуществ.

* * *

Дом… Здесь было хорошо, безопасно, привычно и уютно. Автоуборщики трудились — ни пыли, ни грязи. Конечно, апартаменты пахнут, как нежилые — чистотой и отсутствием человека, зато каждая вещь на своем месте. Достаточно щелкнуть пальцами, и заиграет приятная музыка, в ванну наберется вода, в камине загорится огонь, огромное панорамное окно втянет жалюзи, открывая прекрасный вид на спящий мегаплекс: огни, рекламные билборды и небоскребы… Красота!

Батч, как положено, вошел первым. Квартира была огромной, телохранитель осмотрел все комнаты, пока его подопечная стояла у входа и равнодушно ждала.

— Всё чисто. — Возвестил мистер Фэйн.

Ну еще бы…

Эледа с облегчением сняла надоевшую обувь. Как хорошо без этих шпилек! Повесила пальто в шкаф, потянулась. Командировки, конечно, полезны для карьеры, но дома все-таки лучше.

Телохранитель уже намылился идти вон, однако девушка его удержала.

— А ну стоять, образина ты бесстыжая, — сказал она, ткнув пальцем в грудь охраннику. — Объясни-ка мне, что это был за структурированный бред?

Батч сделал невинное лицо выпускницы театрального колледжа.

— Когда именно?

Мисс Ховерс уже нажала кнопку глушилки и хищно улыбнулась:

— Что ты там втулял Ленгли по поводу отбора биоматериала?

Телохранитель скроил постную мину.

— О чем вы?

У Эледы кончилось терпение. Внезапно. Она слишком долго носила в себе гнев и теперь дала ему выплеснуться, благо Батч по наивности думал, что его подопечная ничего не поняла.

— Итак. Или ты прекращаешь валять дурака, или отправляешься туда же, куда и Винс — в глубокую задницу мира. Что за бред по поводу того, будто твоему коллеге прострелили какую-то хрень, позволяющую сделать первичный анализ? Не держи меня за дуру. Я, может, и выгляжу наивной, но далеко не идиотка и тем более не слабоумная. Быстро. Правду. Что там за тема у вас была с биоматериалом? Ну? Анализатор у них сломался! Левак, небось, толкали? Говори!

Эледа наступала на подчиненного.

Батч в очередное раз изобразил на лице уязвленную добродетель.

— Ты мне тут харю не корчь, — прошипела девушка. — Говори, как случилось, что биоматериал остался неисследованным и попал в руки медперсонала!

Телохранитель отвел глаза.

— Говори! — девушка сгребла лацканы пиджака. — Говори, скотина, иначе здесь же глотку перегрызу, если снова будешь меня за тупую блондинку держать!

Каратель рассмеялся.

Вот что с ним делать? Воспринимает ее пушистой болонкой с бантиком на шее.

— Скажу, скажу, — высвободился Батч. — Просто раньше за подопытных нас поощряли. Ну, если человек здоровый, молодой…

— И?..

— Как обычно. Хватали всех, кто не успевал вырваться, в обход процедуры тащили медикам, те, в свою очередь, подделывали документы. И всем было хорошо. Нам — премии, им — биоматериал и экономия, а как следствие — тоже премии. Но потом про это прознали наверху, и лавочку тихо прикрыли…

Эледа потерла лоб.

— Погоди. А в чем профит? Я что-то не улавливаю…

Телохранитель покачал головой:

— Ну, все же просто. Мы не делаем первичное обследование, которое отнимает много времени. Медики получают подопытную крыску быстрее, чем если проводить биоматериал по всему регламенту. Быстрее и чаще. Нам — премия за доставку, им — премия за опыты и экономию реактивов. Всем хорошо.

Его собеседница окончательно вышла из себя:

— Твою мать! Вот я всегда подозревала, что вы там все до единого идиоты! Но чтоб до такой степени!!! Ты хоть представляешь, как вы могли нагадить корпорации этой своей коммерцией? Предприниматели хреновы! Уйди. Уйди отсюда, пока не прибила… Дурак на дураке сидит и дураком погоняет — вот что такое этот ваш корпус карателей!!!

Мужчина пробубнил:

— Ну, все ж нормально было. Чего такого-то?

Девушка зашипела:

— Батч, ты хоть понимаешь своим маленьким мозгом, что между тобой и трибуналом стою только я? Только. Я. Если я завтра сообщу куда надо, *чем* вы занимались, и *как* Айя Геллан попала в интернат номер сорок семь, минуя первичные исследования, ты сам станешь лабораторной крысой.

Телохранитель поменялся в лице и включил заднюю передачу:

— Э, нет. Не я же ее ловил…

— Не ты, — Эледа усмехнулась. — Но сколько таких, как она? В том числе пойманных тобой? А?

Батч побледнел. Девушка закатила глаза:

— Радуйся, что ты не Винс. Вот просто радуйся сейчас. Активно. Пшёл вон.

Каратель испарился, едва успели отзвучать слова, а мисс

Ховерс улыбнулась и направилась в ванну. Боже, какое это наслаждение — полежать в теплой воде, подумать о грядущем… Даже можно вспомнить о Винсенте Хейли, который бродит по черному сектору в попытке найти то, неизвестно что. Может, и найдет. Это будет кстати.

День четвертый

Здесь больше воздуха нет! Если можешь — живи…

Группа «Когзика» «Воздуха нет»

Керро осторожно размял мышцы.

Темнотища здесь, конечно, и дистанция — будь здоров, но все равно, лучше себя не выдавать.

Он устроился за единственным уцелевшим выступом торцовой стены многоэтажного дома. Пятнадцатый этаж. Как он сюда забирался, лучше даже не вспоминать. Впрочем, высотка «связистов» его знатно натренировала, почти не запыхался, хотя позади осталась трехкилометровая пробежка (от Алисиного байка до местных руин) и еще километр пути спокойным шагом уже по развалинам.

Место для наблюдения Цифрыч определил, что надо. Двадцать четыре этажа панельного дома возносились в черное небо. И по всей высоте у постройки был обрушен торец (то ли сам собой от времени обвалился, то ли помогли), с которого открывался вид на защищенный периметр. Наблюдательный пункт отличный, но приметный, открытый всем ветрам… В полный рост не встанешь, да и вообще никак не встанешь, сразу засекут. Зимой сюда еще и снега наметет, любой след будет видно. Впрочем, сегодня повезло: снега нет, да еще и тучи наползли.

С высоты пятнадцатого этажа ярко освещенный прямоугольник базы был виден во всех подробностях. Вот только ветрище здесь дул такой, что время от времени казалось — снесет на фиг. Четыре часа наблюдения… Зато все, как на ладони: широкая, зачищенная бульдозером от руин и обломков полоса перед периметром, типовой бетонный забор, металлические ворота, постройки внутри.

Пока, как ни странно, все сходилось с данными, надыбанными Цифрычем: подъездная дорога разбита на хрен (сперва завозили все необходимое для расширения чистой зоны, потом вывозили, долбоебы); всего построек: четыре здоровенных выстуженных ангара-склада, караулка на входе (сейчас заброшенная и пустующая), да административное трехэтажное здание — единственное обжитое, там даже окна светились. Ну и ко всему территория захламлена горами строительного

крупногабарита.

Электромагнитную активность приборы Керро засекли только по периметру и в администдании. Под бетонной стеной, опоясывающей базу, скорее всего, проходят обрывные датчики, а по верху — типовая сигнализация на ИК лазерах. Как говорится, защита от сквозняков и честных людей. Даже видеокамер с внешней стороны стены нет. Само собой. Они ж денег стоят, а спереть их при таком периметре и десятке тормозов вместо охранников — дело плевое. Хотя, собственно, зачем здесь супермены и серьезные системы? Кроме крупногабарита, который меньше чем тяжелым транспортером не вывезешь, ничего ст*о*ящего нет.

По большому счету корпы могли вообще исключить человеческий фактор, оставить пару-тройку камер и сейсмодатчики, благо тяжелую технику отследить не проблема. Поэтому, пока воры будут грузить ценное и неподъемное, придут ГБР с поддержкой и взбодрят всех, кто окажется на расстоянии выстрела. С другой стороны, эта схема все же более рискованная — десяток облепившихся рыл в укрепленном здании таки понадежней. Вот и сидят. К тому же ребята из быстрого реагирования значительно шустрее гонят на объект, если там возникает угроза для своих.

Ну, Цифрыч, будем надеяться, информаторы тебя не подвели и уровень здешнего узла связи действительно средний. Впрочем, если ошиблись, стоимость рейда будет попросту вычтена из твоей доли, только и всего.

Ладно, хватит. Пора спускаться. Время самое подходящее.

Внизу из-за отсутствия резких порывов ветра оказалось значительно теплее и тише. Керро осторожно двинулся к бетонному забору. Камер-то, конечно, нет, но все равно идти в рост к периметру слегка… непривычно.

Как же все-таки хорош обычай корпов без острой необходимости тратить только разумный минимум и при этом четко следовать инструкциям! Нет смысла держать много людей — они и не держат. Положено по инструкции, чтобы штат охраны узла связи уровня «средний» составлял не менее десяти человек — так здесь их ровно столько. Там, где корпам кажется некритичным, они таки на редкость предсказуемы… еще б не было это иногда ловушкой.

Ладно, не проверишь — не узнаешь.

Проверил. Дошел. Все тихо.

Вот он, периметр. Три метра бетона с несколькими рядами колючей проволоки поверху (даже на спираль поскупились) плюс типовой лазерный луч на прерывание.

Керро вытащил из чехла на поясе телескопический манипулятор, закрепил в держателе чуть мутноватую пластину с длинным гибким световодом и аккуратно, без спешки поднял. Мягко поводил из стороны в сторону… Есть. Поймала луч.

Теперь сдвинуться на пару шагов влево и аккуратно, очень аккуратно, вывести вторую часть. О, индикатор замигал — в задник лазера уперся луч сигнализации. Отлично. Рейдер рывком выдернул из бокового кармана заранее заготовленный кусок синтетического полотна. По прочности не уступит бельтингу, но при этом тонкое, легкое и нагрузку хорошо распределяет. Ткань легла поверх колючки. Можно лезть.

Керро подпрыгнул ухватился за кромку и подтянулся, забрасывая себя наверх. Аккуратно сполз с накрытой колючки. Ну, вот и все. Теперь снять аппаратуру и двигать дальше.

С обратной стороны стены было светло. Не то что прям уж все сияло огнями, но света фонарей было более чем достаточно, чтобы из окна увидеть чужака. Короткими перебежками по заранее намеченному маршруту, прячась за тем самым крупногабаритом и ангарами, рейдер двинулся к центру. Конечно, если в здании наметится активность, ее засечет специальный прибор на точке слежения и тут же даст сигнал на очки. Да и вряд ли здешние раздолбаи соблюдают дисциплину наблюдения… но все-таки лучше не рисковать, проскользнуть тихо, не светясь.

П***о***ходя Керро поставил несколько светошумовых мин с активацией по прерыванию луча. Благо, пока наблюдал, прикинул, и как к цели пойдет, и какими путями станет отходить. Преследователей, если они будут, надо держать в тонусе. Поэтому ради сюрприза корповским полудуркам ему было не в лом сделать крюк. Пусть оценят.

Ну, вот и стена трехэтажки. И снова никаких систем защиты. Ништяк. А ведь, если подумать, зачем они? На пути сюда — периметр, патрули, охрана… вот только все это давно сняли. Только здание осталось. Хорошо, что невысокое и можно обойтись без промальпа.

Мононить из миниатюрного метателя с коротким свистом унеслась вверх и заякорилась о каменный выступ крыши. Керро сунул руку в плотную широкую петлю, подергал. Надежно. Мягкая вибрация микромоторчика, и вот он — полет в небеса. Хорошая снаряга стоит дорого, но жадность стоит жизни.

Поднявшись к крыше, рейдер аккуратно проверил парапет. Однако… опять никакой сигнализации. Ну да, изначально тут был самый центр, а значит, самое защищенное место. Что ж, прекрасно. Очень не хотелось отправляться в явную ловушку

варианта, названного Цифрычем «Хорошим».

Керро подтянулся, влез на крышу и огляделся. Ладно, что у нас здесь? Небольшая надстройка с металлической дверью. Пока обождем. Антенная вышка. Интересно. Ну-ка, а рядом что? Распределительная коробка… а внутри? Все, как надо: и антенные выходы, и просто инфошина. Пассивный тестер мягко коснулся разъема. Индикаторы весело замигали зеленым. Опаньки! Не отключен. Рейдер вытянул переходники, быстро перебрал, отыскивая подходящий, соединил с Цифирьевой приблудой, после чего навел лазерную систему связи на ретранслятор. Есть! Индикатор замигал. Мозгоголовый начал работать. Легкое касание дужек очков — запустился отсчет времени.

А теперь ходу. Без лишней спешки, но ходу, ходу! В цифровой безопасности уж точно не салаги сидят. Цифрыч обещал десять минут до их тревоги. Потом пять — на выяснение, откуда ведется проникновение. Что ж, проверим.

Полет с крыши был стремительным. Кошка наверху отстегнулась с легким щелчком, метатель со свистом втянул в себя мононить, и рейдер побежал, стараясь держаться в тени нагроможденных контейнеров. Через семнадцать минут и три секунды на здании за его спиной загорелись прожектора и раздались несколько выстрелов в белый свет.

Давайте, давайте, дурачье. Все одно опоздали. До забора около пятисот метров — это минут пять. А сигнализацию уже и смысла нет обходить. Алиса подхватит почти сразу.

* * *

Винс проснулся от вибрации браслета часов.

Да кому ж там, в Управлении, не спится-то? За окном темнотища и глухая ночь. Он поднес руку с часами к глазам, нажал кнопку на металлическом корпусе. Вибрация успокоилась.

Сообщение, мать их.

Рейдер осторожно поднялся на локте и, стараясь не разбудить женщину, потянулся к очкам.

«Винс, борт прикрытия с группой поддержки ушел. Вернется через два-три часа. Будь осторожней. Стив Грир».

Винсент хмыкнул и выключил сообщение, чтобы отославшему пришел отчет о прочтении. Вот надежный Стив мужик, основательный. Еще и подписался, чтоб понятно было: инфа не от соплежуев из Управления, а прямо с рейдерского пульта. Значит, время отсутствия прикрытия указано максимально точное, а не

условно-приблизительное.

Чтоб вы все были здоровы… Винс зевнул и потер ладонями лицо. Интересно, чего там у них такое стряслось? Он-то в ближайшие три часа точно никуда не собирается. Если только спать. Рейдер перевел взгляд на лежащую рядом Су Мин, повернулся на бок и провел ладонью по ее узкой обнаженной спине.

— Не спишь ведь… — усмехнулся он.

— Что тебе там пишут? — спросила кореянка, придвигаясь ближе.

— Желают спокойной ночи.

— Спокойной? — протянула насмешливо Су Мин. — Плоховато они тебя знают…

* * *

Алиса, припав к рулю, вела байк через темные кварталы, сквозь сизые волны опустившегося на город тумана. Легкая дымка плыла над дорогой, и видно было метров на двести, однако этого вполне хватало, чтобы держать приличную скорость.

Периметр базы, ярко освещенный огнями прожекторов, остался далеко позади, как и преследователи (если таковые были). В призрачном видении ПНВ мелькали громады черных безжизненных руин и разбитая дорога. Алиса бросала отяжелевший под двумя седоками байк из стороны в сторону, огибая рытвины в асфальте и горы битого кирпича.

Ночь уносилась за спину вместе с громадами небоскребов, накренившимися фонарными столбами, мусорными кучами, мертвыми проспектами, глухими переулками и старыми эстакадами, во время движения по которым ощущалась опасная дрожь ветхих металлоконструкций.

Потом байк нырнул в транспортный туннель, пронесся в гулкой темноте, лавируя между остовами брошенных тут много лет назад легковушек, выскочил на поверхность и лег на бок, уходя в крутой поворот автомобильной развязки.

К стоящему под масксетью массивному пикапу девушка вынеслась с главной улицы и плавно, можно даже сказать, изящно затормозила. А соскочивший с байка Керро первым делом ошалело увидел ярко-алую юбку и банты в начёсанных волосах. Айя стояла возле Железного Дровосека и неловко переступала с ноги на ногу.

— Роджер, вы… — начал было рейдер, но в этот миг гарнитура взорвалась в ухе отчаянным воплем Цифири.

«Первый, сваливайте бегом! — хакер надрывался так, словно забыл про радиосвязь и собирался дорораться через десятки километров одной лишь силой звука. — На вас поднимают десантно-штурмовой!!! Десять-пятнадцать минут до контакта!!!»

Чего-о-о?! Да быть не может! Из-за такой ерунды. Ловушка? Нет, тогда бы взяли прямо на месте, делов-то, если знаешь, когда и куда полезут! Ладно, все после! Сейчас валить на хрен.

— …Айку в машину — слишком приметная! Газуй! Вертушку поднимают!!!

Кролики пришли в движение. Дровосек и Тереза (последний в честь вылазки собрал волосы в хвост, а сутану сменил на черные штаны и плотную темную толстовку с капюшоном), дружно подхватив масксеть, сдернули ее с автомобиля. Покахонтас рванула заднюю дверцу. Айка, поняв все без слов, занырнула внутрь, следом запрыгнули на свои места Пэн и индианка, Керро перемахнул через борт в кузов к Дровосеку, Роджер уселся на переднем пассажирском, Тереза повернул ключ в замке зажигания. Мотор заурчал, и пикап уже готов был сорваться с места, как вдруг, перекрывая рокот дизеля, взревел байк Алисы.

Девушка направила мотоцикл вперед и, чуть проехав, развернулась. Движок снова заглох.

— Бармаглот… — с почти религиозным благоговением проговорила леди МакГи, всматриваясь вдаль. — Большой…

— Алиса, уходим! — крикнула Айя в форточку, перегнувшись через Покахонтас и Пэна. — Алиса!

— Зачем? — та посмотрела незрячим остановившимся взглядом. — От Бармаглота нельзя уйти. Его можно только достойно встретить.

На землю упал магазин, за ним последовала бандольера, и в автомат со звонким щелчком встала спарка с трассерами.

— Этот не испугается… наконец-то, — девушка топнула по стартеру, и байк взревел, как живое существо, будто вместе с хозяйкой рвался к врагу.

— На. Держи, — Алиса сдернула с пояса ножны и сунула их в открытую форточку пикапа, прямо в руки ошарашенной Айке. — Вернусь — отдашь.

Движок снова взревел, и мотоцикл, разгоняясь, понесся по старому захламленному проспекту. Тоненькая девушка припала к рулю, а потом почему-то бросила короткий взгляд влево.

…Дровосек завозился, разворачивая пулемет, Керро встал в кузове в полный рост, а пассажиры пикапа словно оцепенели. На несколько мгновений повисла растерянная тишина. Айе все казалось, будто кролики мечутся, не в силах выбрать — удрать, чтобы спастись, или развернуться, чтобы принять бой, встав

рядом с Алисой.

— Погнали, — наконец, сказал Роджер, хлопнув ладонью по крыше пикапа. — Погнали, погнали!

Главкролик пнул Мать Терезу, напряженно стискивавшего руль, после чего повернулся к остальным и неожиданно спокойно сказал:

— Ребята, это ее схватка и ее путь. Мы там будем лишними.

Сразу после этих слов Тереза словно вышел из транса, дернул рукоять коробки передач, и пикап, наконец, неохотно тронулся вперед, словно тоже скрепя сердце бросал младшего брата.

* * *

В зеркале заднего вида стремительно удалялась машина с друзьями, становясь все меньше и меньше, будто исчезая в прошлом, навсегда разлучая с предыдущей жизнью, лишая даже призрачной возможности отступить, струсить, уйти от судьбы. А упругий ветер, наоборот, сопротивлялся, не пускал вперед, словно не хотел, чтобы байк взял хороший разгон и вырвался из реальности в иллюзорный мир безумия.

Алиса крутанула ручку газа, пригибаясь к рулю, сливаясь с мотоциклом в одно целое. Она прорвется. Она не для того столько ждала и скиталась, чтобы сейчас не суметь. Мотор ревел. Дорога улетала из-под колес, а в душе поднимался необъяснимый восторг.

Боковым зрением девушка почувствовала движение слева и, бросив короткий взгляд через плечо, усмехнулась. Рядом с мотоциклом, отставая всего на полкорпуса, несся огромными прыжками здоровенный бесшерстный кот. Черные изгибы татуировок змеились по его голой шкуре, костлявые бока размеренно вздымались, а длинный, словно плеть, хвост стегал ночной воздух.

— Ты все-таки пришел! — возликовала Алиса, чувствуя, как пурпурным цветком разрастается в груди не то счастье, не то предвкушение, не то облегчение.

Забылись годы странствий, забылись друзья, забылись отчаяние и одиночество, остались только байк, дорога, автомат со спаркой трассеров и старый товарищ. Единственный ее верный спутник, который всегда был рядом, когда рассудок сковывал туман безумия и страха. А еще остался Враг впереди.

— Я ведь говорил, что приду, — мурлыкнул кот, оскалив в улыбке здоровенные зубы. — Тогда не бросил — помог выйти, а здесь тем более не оставлю. Не гони пока. Успеется.

С черного неба доносился раскатистый гул, но Враг все еще не был виден, зато сопротивление ветра будто стало меньше, реальность словно прогнулась и подалась под яростным натиском скорости.

Кот широкими прыжками стелился в волнах тумана над проспектом, без труда идя вровень с байком.

— Ты неплохо погуляла, — четвероногий спутник говорил ровно, в темноте ярко поблескивала кольцо-серьга, раскачивающаяся в остром ухе. — Теперь хватит. Возьмем его и свободны. Пока просто держись рядом.

Нарастающий рокот манил обещанием скорой встречи. Сердце Алисы затрепетало, когда из тумана, наконец, вынырнула навстречу грузная бармаглотья туша. Враг мчался сквозь ночь метрах в девяти над разрушенным проспектом — прекрасный в своем грозном величии.

— Не газуй! Жди! — Кот несся рядом, глядя на их общего противника. — А теперь… три, два, ВПЕРЕД!!!

Девушка привстала, крутанула газ.

Байк, взревев, рванул на врага.

В то же мгновение оглушительно рыкнула курсовая скорострелка, и темноту черного неба разорвали вспышки выстрелов. За спиной Алисы вгрызлись в дорогу снаряды, так и не отыскавшие цель — девушка со своим спутником уже выскочила из-под прицела. Уши заложило. Не было слышно движка верного байка, исчез мерный бармаглотий рев и свист ветра. Осталась только дрожь рамы да еще напряжение во всем теле… но плевать! Плевать! Прорвались!!!

Мотоцикл влетел под брюхо врага. В лицо ударило облако песка и пыли, оцарапало кожу, мешая дышать, песчинки скрипели на зубах, забивались в горло. Шквальный ветер швырял в стороны мусор и мелкие камни.

А теперь вытормаживаемся! На пределе управляемости, на грани заноса, пока противник разворачивается, пока бегут короткие секунды его уязвимости!!!

Пятьдесят в час… сорок… тридцать… двадцать… Буквально кожей чувствуется, как уходит время. Навсегда уходит!!!

Алиса резко ударила ногой по педали тормоза, развернула байк поперек дороги и одновременно завалила его на бок. Сильный толчок ногами, и ставший ненужным мотоцикл унесся далеко вперед, оставив хозяйку скользить по разбитому асфальту. Куртка выдержала, не порвалась, однако от камней, выбоин и осколков кирпича не спасла — тело собрало все… Черт с ним! Бывало и хуже.

Девушка, наконец, остановилась и, перевернувшись,

поднялась на колено, вскидывая оружие.

Ну, автомат, не подведи.

Кот замер рядом. Подобрался для прыжка:

— Я его достану. Прикрой!

И целик четко встал в прорези прицела, захватывая почти развернувшегося Врага.

* * *

Когда сзади раздался короткий треск скорострелки, Покахонтас без всякого выражения, начала отсчет.

— Двадцать один один. Двадцать один два. Двадцать один три.

Лица пассажиров пикапа побелели, руки судорожно вцепились в оружие.

— …Двадцать один восемь. Двадцать один девять.

Тишина и далекий рокот вертолета.

— Двадцать один десять. Двадцать один одинна…

В этот миг из-за домов, из-за пелены тумана, раздались частые резкие щелчки одиночных автоматных выстрелов, но затем протрещал миниган и остался только рокот лопастей.

Короткий бой завершился.

— Не уйти! — крикнул из кузова Керро и вытащил, наконец, рацию. Внутри салона раздался искаженный помехами голос рейдера: — Валим к Квадрату.

— Машину потеряем! — мгновенно отозвался Роджер, дернувшись на сиденье.

— Возмещу!

— Ок. Тереза, жми, — приказал главкролик.

Пикап чуть притормозил, Тереза крутанул руль, лихо поворачивая на очередном перекрестке, и вдавил в пол педаль газа.

Айка, стиснув в руках Алисин нож, на миг закрыла глаза.

* * *

Машину подожгли и бросили прямо в здании, которое, насколько Айя смогла разглядеть, было чем-то вроде гигантского ангара. Крышу, плохо видимую в темной высоте, поддерживали массивные железные фермы, а огромный провал в стене на входе был, видимо, не чем иным, как проемом, где раньше висели ворота.

Тереза загнал пикап вглубь. В свете фар то и дело возникали препятствия: нагромождение разбитых бетонных блоков, ржавые бесформенные бочки, обрушившиеся металлоконструкции, какие-то железные балки… Водитель играючи обходил их на крутых виражах, и людей в салоне бросало из стороны в сторону. Что творилось с Керро и Дровосеком в кузове, Айка старалась не думать. Однако длилась эта гонка недолго. В какой-то момент Тереза мягко затормозил и сказал, обернувшись к сидящим позади друзьям:

— Отсюда пешком.

— Шевелим булками! — приказал Роджер, выпрыгивая из салона.

За главкроликом посыпались вон и остальные пассажиры.

Айка выбралась предпоследней и рванула следом за всеми. Впереди группы бежал Керро. Замыкающим оказался постоянно оборачивающийся Дровосек с пулеметом наперевес.

Тусклые (чтобы не сбивать ПНВ тем, у кого они были) лучи фонариков метались, еле освещая пол под ногами. Коридоры, коридоры, коридоры… направо, налево, снова налево, прямо… Хорошо еще есть простор держаться всем вместе — одним гуртом, а не тянуться гуськом поодиночке. Айка мчалась, и липкий ужас прихватывал ее за ребра. В такой темнотище ничего было не разобрать — не заметишь препятствие, навернешься, задержишь всех… Ладно хоть ботинки у нее теперь удобные, да и штаны не надо поддерживать. По спине бил рюкзачок, сиплое дыхание обдирало горло, от стены к стене металось гулкое эхо. А кролики все бежали и бежали…

Остановились только тогда, когда добрались до перегораживающей коридор стены. Стена была сложена из массивных блоков, но высотой доставала лишь до плеча взрослого человека. Беглецы один за другим втянулись в узкий проем сбоку и снова рванули вперед по коридору.

Сзади донеслось эхо раскатистого взрыва. Айка вжала голову в плечи, а потом услышала за спиной топот ног. Она бросила панический взгляд через плечо, но с облегчением узнала в суматошном мельтешении света Питера Пэна, крест-накрест обвешанного спортивными сумками.

Так пронеслись еще метров сто, после чего выскочили в небольшой зал и резко затормозили. Айя услышала, как Роджер с чувством сказал:

— Блядь! Заварена, сука! — и пнул ногой возникшую на пути в очередной коридор ржавую дверь.

— С хуя ли? — возмутился Тереза.

— Походу, друзья, пиздец неминуем, — флегматично сказала

Покахонтас и сбросила с плеча снайперку.

На несколько секунд все замерли, главкролик негромко перебросился с Керро парой фраз, после чего скомандовал:

— Возвращаемся к стене. Покахонтас, расчехляйся, Пэн, работай.

После этого кролики рванули обратно. Айка уже собралась отправиться следом, однако Питер вовремя схватил ее за плечо:

— Ты-то куда? Здесь стой, пригодишься.

С этими словами он не спеша вернулся назад, осмотрел коридор, о чем-то поразмыслил и аккуратно скинул сумки на пол.

— Что делать? — девушка наблюдала, как кролик достает из кармана разгрузки налобный фонарик, ладит его на голову и начинает с азартом копаться в подсумках.

— Держи, — Пэн передал Айке промышленный маркер и фонарик-карандаш. — А теперь бегом за угол. Там на стене напиши красиво и крупно: «Удачи, коллега!» и назад ко мне. Давай!

* * *

Лейтенант Брайн Кастольядикус тихо бесился.

У преследуемых с самого начала было минимум пять минут форы, и каждый десяток метров давал им дополнительные секунды. А вот преследователи, несмотря на отличное вооружение и амуницию, были вынуждены двигаться с осторожностью. Оно, конечно, всем хороша штурмовая броня, всё держит, что меньше крупняка, но и весит, сука… а драпающие налегке. И пробежали они по этому, блин, домику уже метров семьсот!

Вот какой твари взбрело в голову построить здание километр на километр? Что тут раньше-то было? Цеха, авиационные ангары, логистический центр? И штаб хорош — на запрос плана здания оперативно выдал… целых три и все разные.

А еще отдельная песня — углы и залы. Норматив прохождения для ГБР — пять минут. Парни Брайна проходят за три… Хорошо? Отлично! Но, мля, это все равно три минуты в плюс убегающим.

На очередном повороте ребята снова затормозились. Действия группы были отработаны до мелочей.

Раз.

РЭБовец поднял подавитель, накрывая место сосредоточения облаком помех. Теперь ждать и помнить, что терпение — добродетель мудрых, мля. Риск должен быть оправданным и

разумным, а многие мины имеют дурное свойство засекать помехи и после непродолжительной паузы подрываться. Пять, десять, пятнадцать… Не подорвалась. Джимми — сапер — приступил к осмотру участка, сперва через видеокамеру, затем комбинированным сонаром/радаром. Чисто.

Два.

За угол улетел «фантом», поднимая столб дыма, подогретого до тридцати шести и шести градусов. Многие «умные» мины срабатывают на него, как на человека. Заодно, когда дым расползается, он заставляет сработать и лазерные «растяжки». Снова ожидание. Чисто.

Три.

Джимми зашел на новое место сосредоточения. Теперь окончательный осмотр и проверка опасных направлений. Чисто.

Группа рывком перебежала вперед. Лейтенант выставил за угол видеощуп. Прекрасно. Пассивный ночной режим — ничего, переключаем на активный…

Выстрел! Пробитая камера отключилась. Отличный у них, однако, снайпер.

И все-таки Брайн довольно улыбнулся — что бы ни задержало беглецов, теперь их судьбу решат выучка и техника. А здесь, к несчастью для улепетывающих, превосходство за его парнями. Лейтенант нажал кнопку на наручном пульте, возвращая к началу запись с камеры.

Фига се коридорчик!!! Двести метров в длину, восемь — в ширину. Хорошо хоть какие-то не то ниши, не то забитые двери по бокам есть. Ёпть, мусора на полу прорва. Опять время. Пока сапер этот хлам просветит…

А в конце коридора сюрприз — стена, высотой почти по плечо, да еще и с бойницами.

Сколько ж там людей на прикрытии? Ща узнаем.

— Сэм, «фантом»!

В коридор улетела очередная дымовая граната… Однако следом за этим раздался неожиданный хлопок, и начало перехода залило ослепительным светом.

Брайн-таки успел выставить за угол запасную камеру и убрать ее за секунду до очередного выстрела. Вашу мать, твари!!! Беглецы метрах в тридцати от входа в коридор активировали огненный фонтан. Теперь им, падлам, все видно, а его ребятам эта гадость начисто засвечивает всю ночную оптику.

Сколько же людей-то на прикрытии осталось?

— Фил, — через плечо спросил Брайн у РЭБовца, — они нас видят?

— Не. Я их камеру сжег. Дешевка.

И то хлеб.

— Рей, активируй Джона Первого.

Пулеметчик выдернул из кармана разгрузки небольшой плоский брикет, бросил на пол, ударил ногой по центру, заставляя вещество внутри активироваться, и отступил. От удара упаковка лопнула, содержимое брикета — кинетический полимерный наполнитель — начал расползаться и пухнуть, словно тесто. Несколько секунд и на полу сформовалась кукла-имитатор размером в человеческий рост — легкая, прочная, гнется во все стороны, температура поверхности равна температуре тела. Обманка, конечно, так себе, но у большинства привычки работают быстрее головы.

— Давай! — махнул Брайн рукой.

И Джон Первый вылетел из-за угла. Парни даже сумели сымитировать рывок настоящего человека.

Выстрел снайпера и три — три! — очереди: пулеметная и две автоматных.

Значит, за укрытием не меньше четырех человек, у которых преимущество в виде ярко освещенного начала коридора и дистанции в двести метров с возможными сюрпризами для преследователей. Не пройти… Так просто не пройти.

— Боб, забивай слезогонку, — скомандовал Брайн, глядя как Джон Первый превращается в кучку синтетической пыли. Спи спокойно, боевой товарищ, ты у нас не один.

Боб тем временем начал вытаскивать из гранатомета осколочные заряды и на их место вставлять в барабан газовые.

— Дик, Рэй, дымы. Давайте!

За угол улетели две дымовые.

И снова томительные секунды ожидания…

Короткая пулеметная очередь, пущенная наобум. Потом еще одна… Ага, твари, не нравится быть слепыми? Погодите, то ли еще будет.

— Готов! — Боб прокрутил барабан.

Вдоль по коридору все так же короткими очередями вслепую постреливал пулеметчик врага.

— По команде.

— Дик, Рэй, Сэм, огонь на подавление. Плотно.

Сэм — гранатометчик, что-то прикинул, вглядываясь в снимок коридора на забрале, после чего заменил две гранаты и выставил дистанции подрыва.

— Готовы? — три синхронных кивка — Пошли!

Дик выкатился в коридор и начал бить длинными, не вставая. В ответ огрызнулся пулемет врага. Рей ползком, пока не выбита лента у Дика, рванул до первой ниши. Есть!

Пока Дик в одну очередь выбивал остаток и менял короб, Рей из своей ниши отстреливался короткими. Отлично!

А теперь разом!

Два пулемета длинными на расплав ствола в замкнутом пространстве. Если б не активные наушники, оглохли бы на хрен все, а так только уши слегка заложило.

Следом выскочил гранатометчик, однако после концерта Рея и Дика хлопки его револьверника были почти неразличимы. Две первых гранаты не разорвались, оставшиеся четыре рванули где-то в глубине коридора.

Противник огрызнулся. Ну же, ну же… Ага, пулемет у них затих, говорят только автоматы — перезарядка — наше время!

Боб выскочил из укрытия и, почти не целясь, отправил все шесть газовых гранат вдоль по коридору. Ответом ему стала пулеметная очередь патронов на тридцать. Подловили, мля! Хорошо еще все пули мимо прошли.

Правда, Сэму в шлем прилетели-таки осколки бетона, но это мелочь. У него и шлем и голова крепкие.

— Командир, — влез Сэм, — у них метрах на тридцати-пятидесяти противогранатная сетка или что-то вроде. Первые осколочные не рванули, а картечные я ставил на шестьдесят метров до них, они жахнули. Газовым это без разницы.

Стрельба тем временем стихла, Дик с Рэем добили вторые короба, перезарядились и теперь ждали. Пулеметчик противника тоже молчал, только изредка постреливали одиночными автоматы.

— Когда дым растягивало, за ветром следил? — спросил Брайн у Сэма.

— Да. Если препятствие на пятидесяти, то минуты за четыре до них дотянет. Через восемь станет непереносимым.

Где-то в глубине здания раздался взрыв, от которого слегка дрогнул пол. Это еще что за фигня? В любом случае, пока приходилось ждать. Таймер тикал. С той стороны постреливали одиночные.

Пять минут.

— Активности на укреплении больше нет! — это РЭБовец.

— И что это значит? — лейтенант не сдержался, рыкнул: — Они свалили что ли?

— Это значит, что активной электроники там больше нет, — спокойно ответил Фил.

— Ждем.

Восемь минут.

— Пошли!

Пулеметчики забрали у товарищей запасные короба,

гранатометчики сменили свои бандуры на пистолеты-пулеметы. Бойцы подобрались.

— Рей, активируй Джона Второго, — скомандовал Брайн. — Его поведем по центру, остальные — жмитесь к стенам… Да не оставит нас Корпоративный Дух, парни.

Группа выдвинулась к позиции противника, осторожно ступая в сизом тумане едкого газа, пока Джимми проверял своей машинерией дорогу впереди… Со стороны противника по-прежнему доносились редкие одиночные выстрелы, которые разве что нервировали, но не более.

Вот и еле заметная сеть из мононити, а на и под ней разрезанные гранаты — газовые и осколочные. Ну, человек не граната, он такое пройдет легко.

Сорок метров до укрепления.

Ни хрена не видно. Хорошо хоть радар сапера выдавал на забрала контур стены-укрепления впереди, и даже некоторые бойницы.

Готовьтесь, суки. Настал ваш смертный час.

Джимми-Пит-Стоп был недоволен. Недоволен и холодно зол. Профессия обязывала Джимми хранить сдержанность, поэтому впадать в ярость он давно отучился. Да и финские корни импульсивности не способствовали. Так что когда комгруппы матерился сквозь зубы от вынужденного простоя, Джимми делал свое дело спокойно и хладнокровно.

Надо сказать, прозвище Пит-Стоп к Джимми прилепилось не просто так, а исключительно по роду занятия. Ведь каждый знает — когда наступает время Пит-Стопа, все спешащие ждут на холостых оборотах. Так и с Джимми. Торопить его нельзя. И под руку к нему лучше не лезть, и вопросов не задавать, и вообще молчать. А все потому, что Джимми Пит-Стоп — сапер. Боевое безумие таких, как он, опасно для жизни. Для жизни всех рядом находящихся.

Камеру, что Джимми, буквально не дыша, выставил за угол, на этот раз не срубили. Это, конечно, хорошо — техника цела. Но плохо, потому что ясно — не случайно беглецы держались в коридоре. И не случайно отошли после дальнего взрыва. Да еще эта надпись издевательская на стене: «Удачи, коллега».

Поглумись, поглумись, тварь. «Коллега», мать твою ёп… Лады, Джимми все понял и смотреть теперь будет куда внимательней. Спасибо, мля, за предупреждение, падла неизвестная. Ну, чего там у нас?

Пит-Стоп тщательно изучал место, где скоро начнется его поединок.

Термо — чисто. Только цепочки остывающих следов. Ок, ночной режим показывает — впереди группу ожидает коридор: пять метров в ширину и около сотни вперед, до следующего перекрестка.

И тихо все…

— Ждать! — сказал Джимми своим, забрасывая в коридор фантом.

Мгновенно жахнул мощный взрыв. Пролетели мимо поражающие элементы, с визгом вгрызаясь в бетонные стены. Супер-МОН, мля. Здесь бы и борт БТРа не спас.

— Стоять! — осадил Пит-Стоп готовых рвануть вперед товарищей. — Командир, слишком просто. Пять минут.

Комгруппы жестом приказал бойцам прилипнуть к стенам.

Джимми снова выставил видеощуп.

Камера показала плотную завесу пыли, а вот радар — нормальный коридор с фрагментами разбросанной арматуры и какого-то железного хлама на полу. Общее сканирование сонаром зафиксировало, что перед взорвавшейся миной все вынесено, а вот за ней, в опасной зоне, мусор частью сметен, частью перемешан. Лады. Но не жди, «коллега», что те, кто следом идут — пальцем в подворотне деланные.

Пит-Стоп наложил на только что снятую картинку коридора запись с камеры, сделанную до взрыва. Так и есть, горка хлама возле стены осталась лежать там же, где и раньше. Почему не сместилась? Слишком тяжелая? Джимми проверил радаром. Прозрачна. Чё-то тут не то…

Сонар, направленный узким пучком, показал, что жалкая кучка — не более чем пластик и всякий хлам. Хм. А почему тогда взрывной волной не снесло? Это ж дерьмо всё равно в опасной зоне лежит, пусть и на самой границе.

Что ж, «коллега», спасибо за предупреждение. Кучу, которую вы тут, гм, навалили, придется разгребать.

Первой «коллега» поставил «умную» мину старого образца, а вот за ней следом уже реально умную — нового.

Куча не сработала, падла. На что ж ты реагируешь? На свет?

Ладно, попробуем. Кто-то из товарищей перехватил видеощуп, скомбинированный с радаром и сонаром. Пит-Стоп же вытащил из кармана разгрузки рогатку и фальшфейер. Выставил на нем пятисекундное замедление и мягко, без резких движений выставил руки за угол.

Выстрел.

Тишина.

Отлично. По сонару четко получилось отследить, куда лег. И следом за первым — второй с поправочкой. Зашибись, почти

рядом лег. Джимми прижался к стене, считая про себя. Один… два… три… десять… Не-а. Тихо. Девятнадцать, двадцать… Тихо.

Ясно, на свет не реагирует. Ну и отлично, проще работать.

Итак, на что еще эта херь может сработать? Запах? Сейсмодатчики? Изменение давления? ЕМ? В группе-то все лучат, будь здоров, электроники на каждом бойце, как блох на собаке.

— Побздим, — сообщил сапер терпеливо дожидающимся бойцам. — Дыхалки не сняли еще?

Кто-то хмыкнул — как же снимешь их, слезогонкой воняет вовсю.

Итак, нужно положить рядом со вторым фальшфейером.

Курт выставил камеру и встал поудобней. Картинка на забрале почти не дрожала, и Джимми снова взялся за рогатку.

Первая вонючка отправилась к цели. Сонар четко показал траекторию. Плюс десять.

Вторая вонючка — минус пять.

Третья — почти ровно.

Для верности Пит-Стоп добавил еще парочку — забить ольфактометры, на тот случай, если оставленный «коллегой» подарок рвется от запаха.

— Фил, давай помехи.

РЭБовец выставил за угол свой излучатель и быстро отработал на пульте.

— Есть.

И снова все замерли… Нет взрыва.

— Ждите.

Джимми достал из подсумка саперную накидку — наноприблуду, не пропускающую ни тепло, ни ЕМ излучения. Вещь незаменимая в работе, но жаркая… А в респираторе под ней и вовсе хотелось сдохнуть. Однако выбирать Пит-Стопу не приходилось. Или уходить ни с чем, или ползти. Медленно и печально сквозь завесу пыли по грязному полу.

На первый фальшфейер он наткнулся метров через тридцать, когда до кучи «коллеги» оставалось рукой подать. Потом попался второй, а непонятная хрень была теперь в паре метров.

Коробка, как коробка. Пластиковая. Внешних сенсоров не видать.

Исходя из этого, Пит-Стоп сделал вывод, что ему на поразвлечься оставили заряд или на сейсмодатчиках, или на ЕМ. А скорее, и то, и другое.

Ну, значит, не зря он экранированную камеру снаружи держал, чтоб в тепловом диапазоне была нейтральна. Пригодилась. Телескопический держатель мягко выдвинулся вперед. Ну-ка, ну-ка, что у нас там?

Ептыть!!!

Джимми едва сдержался, чтоб не выматериться от души. Даже финские гены — и те дали сбой. Потому что обрывок оптоволокна, который показала камера, недвусмысленно намекал на то, что Пит-Стопу прилетел секс. Жаркий и страстный. И предстояло ему слиться в экстазе с ней — умной миной, которой ее тупая сестра сообщила, что взрывается, и тем самым не дала рвануть следом.

Что ж… дело всей жизни каждого сапера — остаться цельной личностью. Джимми подключил скомбинированный с камерой ЕМ-модуль. Милота! ЕМ нейтральна, читай, хорошо экранирована. Терморежим — аналогично.

И снова Пит-Стоп пополз вперед, осторожно приближаясь к коробке со взрывчаткой. В метре от «подарка» он замер и аккуратно — сантиметр за сантиметром — начал выдвигать к мине телескопический щуп с комбинированным зарядом.

Комгруппы, поди, Корпоративному Духу молится, чтоб не наебнулось все одним большим бдыщем и ребятам не пришлось отскребать от стен ошметки безвременно погибшего товарища. Не придется.

Джимми подключил измерительный режим, чтобы точно видеть на экране все расстояния. Отлично. Заряд встал сбоку — точно по центру. На миг руки зачесались просканировать мину сонаром, узким лучом, но жить хотелось сильнее, чем удовлетворить любопытство. Поэтому, закончив, Пит-Стоп так же медленно, как полз вперед, пополз назад, растягивая по грязному полу тоненькое оптоволокно.

Скрежет зубов командира был слышен чуть не с десяти шагов. Ну да, обидно, падлы эти шустрые наверняка смылись. Но если там — в коридоре — вторая суперМОН, то вариантов развития событий два: или все полягут, или смертника посылать надо. Да и на смертника не факт, что сработает, бывает очень хитрая настройка. А приказа «любой ценой» группе не отдавали. Поэтому не фиг геройствовать.

Однако, лишь вернувшись за угол к напряженно ждущим товарищам, Джимми смог наконец-то с облегчением выдохнуть и сдернуть накидку. Весь сырой, блин, хоть выжимай.

Командир посмотрел вопросительно, но Пит-Стоп вместо ответа просто нажал на кнопку.

Сигнал на забрале: есть ЕМ импульс. В принципе, сейчас можно было его и не давать.

Теперь: пять, четыре, три, два… Бах!

Взрыв направленного заряда, по сравнению с прошлой миной, показался просто хлопком в ладоши. Джимми выставил за

угол сонар и с удовлетворением поглядел на развороченный сюрприз от «коллеги». Снесло начисто.

Сделал. Джимми откинулся к стене, на секунду прикрывая глаза. Он очень, очень надеялся когда-нибудь встретиться с этим своим «коллегой».

— Можно идти, — спокойно сказал Пит-Стоп. И на всякий случай предупредил: — Только за фальшфейером аккуратней — там стреловидные поражающие рассыпаны. Берцы не пропорите.

* * *

Брайн только выматерился про себя, прочитав лаконичную надпись, оставленную на стене возле выбитой двери: «Обрушим свод».

Из темного проема тянуло сыростью.

— Смогут? — спросил лейтенант у Пит-Стопа, поймав себя на том, что в голосе начисто отсутствуют вопросительные интонации.

— Легко! — подтвердил Джимми. — Ну, если только не блефуют. Мы ж не знаем, может, у них вся взрывчатка вышла. Но я бы проверять не стал.

— Отбой, — махнул командир ребятам. — Возвращаемся на исходную.

Группа потянулась назад.

В ближайшем коридоре Пит-Стоп остановился на месте подрыва мины. Зачем-то поднял с пола поражающий элемент и рассмотрел. Потом бросил и прибавил шаг, догоняя остальных.

Назад… Мимо бетонной стены в щербинах от пуль. Здесь до сих пор висела густая взвесь слезогонки, а в углу стояла консервная банка с тлеющей промасленной тряпочкой на дне. Именно она «стреляла» одиночными, когда все уже свалили.

Делов-то: банка, тряпка да десяток патронов. А выигрыш во времени дали.

Назад… Мимо противогранатной густой бахромы из мононити. Брайн пригляделся. Походу фабричное изделие и явно быстро ставится. Надо будет уточнить у спецов.

Назад… Мимо прогоревшего огненного фонтана и двух жестянок дымовых гранат.

Возвращались, конечно, уже с фонарями, а не ПНВ.

Когда вышли на улицу, вертолет, плавно качнувшись в воздухе, опустился на захламленный проспект перед зданием. Лейтенант сел на ступеньку и откинулся к перилам.

— Рей, Сэм, организуйте наблюдение. Мы все-таки за

периметром. И… парни, — он немного помолчал и продолжил: — То, что они быстрее нас бегают, еще можно простить. Но вот что мы их не взяли в коридоре — это писец. Выбью нам штурмгородок, попрошу повторить эту фигню. Так что к концу недели жду ваших предложений, как ее брать.

— Командир? — Джимми поднял забрало шлема. — Если узнаешь, кто это был — скажи. Очень хочется повидать при случае.

Брайн обвел взглядом остальных. Забавно, но ребята, походу, полностью разделяли желание товарища, да и его — лейтенанта Брайна — желание тоже.

* * *

Надпись Айя вывела со всей прилежностью — красиво, крупно, разборчиво. Это далось ей нелегко, в соседнем коридоре уже грохотали выстрелы. Было непонятно, что там происходит, кто берет верх и есть ли раненые. От визгливого звука, с которым пули чиркали об бетон, от неведения, от страха съеживалось сердце и пересыхало в горле.

Закончив, Айка кинулась обратно к Питеру Пэну. Тот был деловит и невозмутим, работал быстро, но без суеты, и когда девушка вернулась, как раз закончил возиться со своими приблудами и даже любовно сложил возле стены неприметную кучку мусора.

— Ну че? Погнали? — Он забросил на плечо сумку и, подтолкнув Айю, бегом направился вперед, где их ждала наглухо заваренная железная дверь.

— Не мешайся, — сказал Питер, деловито водя каким-то попискивающим прибором вдоль ржавого полотна и внимательно глядя на индикаторы. — В сторонке постой.

Девушка и не собиралась мешаться, замерла возле стены, наблюдая за работой сапера. Он что-то простукивал, к чему-то прислушивался, потом снова начал перебирать содержимое подсумков.

— Ща бабахнем, — сообщил Пэн своей подопечной, методично лепя на дверь взрывчатку.

Будто бы мало вокруг бабахало и будто бы новый бабах мог хоть кого-то впечатлить.

— Бойся! — Питер втащил Айку за угол.

Она инстинктивно присела, зажав уши ладонями. Грохнуло так, что показалось, будто даже пол содрогнулся. Из-за угла вынесся шквал пыли и бетонных осколков, а когда девушка

выглянула — на месте ржавой двери зиял черный провал с круто уходящими вниз ступеньками. Оттуда тянуло сквозняком, сыростью и затхлостью.

Айя не успела толком осмыслить произошедшее, когда забабахало уже с другой стороны, оттуда, где яростно отстреливались Роджер и компания.

— Люблю свою работу! — хмыкнул Питер Пэн и тут же заорал в рацию: — Отход свободен!

Раздался топот ног, и из-за поворота вывалились разгоряченные кроли.

— Выкусили?! — хохотал Роджер, показывая фак назад.

Последними отступали Дровосек и Керро, державшие коридор на прицеле.

— Вниз! — скомандовал подбежавший, наконец, рейдер.

Отряд устремился в тёмный коридор. Замыкали снова Керро и Дровосек.

Спускались торопливо, подсвечивая путь фонариками.

— Повезло, — пропыхтел Дровосек. — Быстро свалили. А то бы кабздец — не удержались. Надо всё-таки дыхалки добыть.

Идя вместе со всеми по неровной лестнице вниз, Айя поймала себя на том, что здесь — в темноте — ей страшнее, чем было наверху, где совсем рядом раздавалась стрельба.

Темно, скользко, воздух затхлый, пованивает сыростью и какой-то дрянью. А лучи фонариков, прыгающие и суматошные, выхватывают из темноты, то осклизлые стены, то неровные, частично обрушившиеся своды, то лужи черной воды, то мохнатую плесень в швах кирпичной кладки.

— Ну, че как? — спросил Роджер у запыхавшегося Питера Пэна, догнавшего остальных.

— Поставил, — ответил тот. — Предупреждение тоже. Через два часа, если не полезут, все само снимется с боевого взвода.

— Вовремя…

Словно подтверждая слова главкролика, наверху жахнул мощный взрыв.

— Не, Родж, — Пэн ухмыльнулся. — Это тупая бабахнула. А с умной еще поебутся. Но по-любому ноги в руки. Наши ж до последнего ждать будут, хоть ты им сколько сигналов к отъезду отправь.

— Ты машину обещал возместить, — Роджер повернулся к Керро. — Сколько до нее пилить?

— Десять кэмэ и полчаса на расконсервацию, — Керро скрипнул зубами, после чего ткнул пальцем в сторону Айки: — На хера ты ее взял, а?

— Она меня заставила! — тут же слился Роджер. — Обещала

оттрахать, если буду сопротивляться. А я пугливый.

— Заставительница… — Керро явно проглотил рвущийся с языка эпитет. — Откуда только дерзости набралась. Сколько точно весишь? Быстро.

— Пятьдесят пять, — полуоглушенная Айка плохо его слышала, голос доносился до нее словно через гудение проводов — монотонное и низкое.

Керро раскрыл свою сумку, вытащил аптечку и достал из нее короткий тонкий тюбик с иглой под колпачком.

— Так эт чё? Мы теперь Олли пять кил торчим? — непонятно о чём спросил Роджер.

— Дурака не валяй, — огрызнулся Керро, что-то прикидывая в уме: — Вы *мне* должны пять кил. Олли на шестьдесят согласился, теперь ему поздняк заднюю включать. А я отдарки назад не принимаю. Усёк?

Айя только переводила взгляд с одного из мужчин на другого, не понимая ни слова из сказанного.

— Иди сюда, — поманил ее Керро. — Руку освободи одну.

Когда девушка приблизилась, на ходу сбрасывая курточку, рейдер быстро закатал рукав ее свитера и протер кожу ни сгибе локтя одноразовой дезинфицирующей салфеткой. Айя сделала судорожный вдох, зажмурилась, понимая, что будет дальше, и затряслась.

— Вот так бывает, когда лезешь, куда не звали, — наставительно и без малейшего сочувствия сказал рейдер.

Айка мужественно попыталась успокоиться, но, несмотря на все усилия, не сумела. Керро не стал ждать — крепко перехватил ходящую ходуном руку, останавливая дрожь, а иглу ввел ловко, почти неощутимо и когда девушка открыла глаза — уже осторожно сдавливал тюбик. Выдавил две трети, после чего выдернул иглу из вены и отбросил в сторону.

— Из тюбика отдозировал, — присвистнул Дровосек.

Остальные кролики только обалдело хлопали глазами.

— Долго ли, умеючи. А теперь бегом.

Первые шаги дались Айе с большим трудом — в голове еще шумело от взрывов, от страха, от избытка адреналина, а потом вдруг сознание прояснилось и тело стало легким-легким — прыгучим, быстрым. В груди свербело от острого желания двигаться, не стоять на месте… Исчезли страх, усталость, жажда. Хотелось только бежать и бежать, даже на редких остановках, когда Керро с Дровосеком уходили вперед, девушка с трудом могла устоять на месте. Покахонтас, видя ее состояние, грозно сверкнула глазами:

— А ну успокойся, — и дернула за руку. Ладонь у нее была

горячей. — Потом бревном будешь лежать.

Но Айя не понимала, о чем она. Каким бревном? Тело хочет движения! Кажется, будто все поджилки дрожат от нетерпения. Скорее бы бежать дальше сквозь темноту, поднимая ногами фонтанчики тухлой воды из мелких черных луж!

Но ей не давали свободы. Не позволяли обогнать всех. То её хватал за руку Питер Пэн, то Мать Тереза. Не пускали. Но потом как-то незаметно ликование сменилось провалами в сознании и полным сумбуром в голове.

Вот только что Айку держал за запястье Дровосек, а вот уже вдруг Керро передает ее Роджеру… что было между? Выпало. И так много-много раз. Отрывки, обрывки… В какой-то миг накатила паника: тихие тёмные туннели всё не кончались, ноги всё бежали, кроли по-прежнему светили фонариками… Айя панически оглядывалась, ища Керро, но того нигде не было, и неясно, что было страшнее — его отсутствие или запоздалое осознание, что она не может и не должна так бегать.

Что он ей вколол?

И только когда девушка следом за своими спутниками взлетела по ржавой лестнице и оказалась в тесном гараже, где стоял здоровенный пикап, она почувствовала нечеловеческую, тяжелую, как каменная глыба, усталость. Ноги сами собой подогнулись, и Айка упала на пару старых покрышек.

— Шаман… — восхищенно присвистнула Покахонтас. — Четко рассчитал!

— Просто опыт не пропьешь, — непонятно отозвался Керро. — Дровосек, открывай ворота, присмотрим за улицей, — рейдер перекинул автомат из-за спины. — Тереза, в углу генератор, компрессор, аккумы и прочее. Работай. Айя, вон там тряпки всякие. Отдыхай. Ты дошла… Мля, уложите ее кто-нибудь.

* * *

Винсент валялся на кровати и смотрел в потолок. Белый ровный потолок. Номер неожиданно оказался ничуть не хуже среднего номера в отеле корпсектора — безликий, но чистый и удобный. Мебель не раздолбанная, не засаленная, санузел при беглом осмотре тоже не вызвал приступа брезгливости — все отдраено, даже дозатор с дезинфицирующей жидкостью есть над раковиной. И вода, к слову говоря, из крана почти нормально лилась, а не еле струилась. Во всяком случае, судя по звукам, доносящимся из душа, Су Мин там было хорошо, она плескалась уже минут десять.

И сейчас Винс лениво размышлял — зайти к ней, составить компанию, или дать спокойно освежиться, не вторгаясь, так сказать, в интимный процесс личной гигиены.

Давненько ему не было так хорошо… Просто хорошо, и всё.

Удачно ж ночью Стив сообщение прислал. Винс лениво потянулся, и в этот миг браслет часов снова завибрировал. Снова вызов. Ну, мать же вашу… Рейдер протянул руку к прикроватной тумбочке, нащупал очки и напялил-таки их на лицо.

Ленгли.

Ну, конечно, кому еще в такую рань не спится. Винсент покосился в сторону душа и вытянул из дужки пуговицу ларингофона, одновременно принимая вызов.

— Мистер Хейли, — опасно вежливым тоном поприветствовал собеседника специальный представитель СБ при совете директоров. — Осмелюсь поинтересоваться: вы там о нас не забыли?

И даже сквозь десятки километров и гарнитуру очков было слышно, что за этим сарказмом кроется нешуточный гнев.

— Что вы, агент, — в тон ему ответил рейдер. — Только о вас и думал постоянно — весь день не спал, всю ночь не ел.

— Вы чем там заняты, Винсент? — вспылил в ответ на эту откровенную издевку Ленгли.

— Как чем? По барам шляюсь, баб потрахиваю, — честно ответил Винсент. — А в промежутках между тем и этим веду поиск Айи Геллан, разумеется.

— М-да? — похоже, Джед принял его правду за откровенную ложь и развеселился: — И каковы успехи?

— Если девчонка жива, то сегодня к вечеру или завтра днём её найдут. Если нет, то отыщут тело, — сказал рейдер.

В ухе хмыкнули, и Винс буквально воочию увидел агента Ленгли — сидящим в высоком кресле из искусственной кожи, в расстегнутом пиджаке, с ослабленным галстуком, чашкой кофе на столе и стилом в руке. Черт его знает, почему именно так, но увидел! Ленгли устроился, откинувшись на высокую мягкую спинку, и постукивал стилом по подлокотнику кресла.

— Так вот пока вы *ведете поиск,* — бешенство все же просочилось в голос собеседника, — кто-то сумел проникнуть в базу восемнадцатого интерната и выкачать личное дело той самой Айи Геллан.

Ишь, как его прёт-то от невозможности применить санкции, взыскания и должностные инструкции…

— Ну, так расследуйте и разберитесь, как… — Винс осекся, осознав, *что именно* сейчас услышал. — Джед, ты хоть представляешь, насколько офигенную новость сейчас сообщил?!

Рейдер рывком сел на кровати.

— И чем именно она офигенна? Тем, что кто-то может влезть в наши базы? — холодно осведомился Ленгли, который, похоже, решил, что собеседник над ним опять издевается.

Однако Винсент и не думал ёрничать:

— Это вообще не новость, — Винс подивился, насколько близоруким оказался специальный представитель СБ. — Хоть на мгновение перестань выедать мне мозг и подумай: кто-то в секторе знает имя и интернат нашей пропажи. А узнать это он мог только от нее же самой.

Ленгли замолк в своём кресле и даже стилом постукивать перестал, а Винс, довольный произведенным эффектом, закончил:

— Думаю, скоро нам сделают интересное предложение. И основной вопрос будет заключаться не *где* находится Айя Геллан, а *сколько* она ст***о***ит. Собери инфопакет по рейду и сбрось мне. Попробую вычислить, кто именно заполучил девчонку.

— В течение получаса всё будет у тебя, — мгновенно сменив тон с раздраженного на деловой, сказал собеседник и после короткой паузы насмешливо закончил: — Пока можешь продолжать потрахивать баб.

Винсент ухмыльнулся, глядя на Су Мин, которая вышла из душа в узком полотенце.

— Прямо сейчас и займусь, — успокоил рейдер агента Ленгли и оборвал связь.

* * *

Айя, наконец, пришла в себя, разжала судорожно сведенные на рукояти Алисиного ножа пальцы и прикрепила ножны на пояс.

Пока ехали в логово кроликов, девушка вырубилась. Она так и заснула, сжимая Алисино оружие, и продрыхла всю дорогу, уткнувшись лицом в коленки Покахонтас. Растолкали девушку, только когда начали выгружаться из машины, и Айя — сонная, вялая — побрела следом за всеми в дом. Там ничего не изменилось. Кроме кроликов, высыпавших встречать друзей и не увидевших Алису.

Все как-то словно помертвели, разговоры стихли.

Доктор Куин, увидев чуть живую Айку, мягко взяла её за локоть и увела в комнату, где лежали спальники.

— Отдохни, на тебе лица нет, — сказала Микаэла. — Я подниму, когда будет надо.

И она погладила девушку по взлохмаченным спутанным волосам.

Айя легла, уткнулась носом в гладкую синтетическую ткань. Очень хотелось расплакаться, но это было и глупо, и неуместно. Поэтому она просто лежала, стискивая Алисин нож.

Время ползло медленно. В какой-то момент к спальнику, шурша юбками, снова подошла Доктор Куин.

— Идём, — мягко и как-то удивительно ласково сказала она. — Пора, милая.

Когда они вышли в общий зал, там было тихо, несмотря на то, что здесь собрались все до единого члены кроличьей банды. Много их! Четверых девушка видела впервые, а образы не смогла определить даже по костюмам. Да и сил не было над этим размышлять. Важно было другое — все они стояли, сгрудившись напротив единственной целой стены. В зале пахло краской и растворителем — химическая, резкая вонь. Но пленка с окна была снята, и ноябрьский ветер стремительно выстуживал помещение.

Пока Айка была в полуотключке, Питер Пэн успел нарисовать на стене уютный белый домик с пузатыми колоннами на входе. Домик стоял, окруженный густой зеленью, и по его каменным стенам, по черепичной крыше к низкой квадратной трубе ползли гибкие лозы какого-то вьющегося растения. Небо было тёмным, с тоненьким рожком месяца и россыпью звёзд, чей свет выхватывал хрупкий силуэт невысокой девушки, поднимающейся по широкой лестнице.

На Алисе было всё то же синее платье, всё тот же подъюбник с белым кружевом по краю, всё тот же передник — только сейчас крахмальный и чистый, а её нож, который она так любила, сиротливо лежал, брошенный в траву. Огромные глазищи Леди МакГи были почему-то закрыты…

Айя с трудом сглотнула застрявший в горле ком. Алиса уходила. Уходила к тепло светящимся окнам (их, озаренных светом, было четыре, тогда как остальные оставались тёмными), под надежную защиту старых стен, к кому-то, кто очень давно ждал её в этом доме и много лет не гасил свет, в надежде, что рано или поздно она заметит и отыщет дорогу во мраке…

Кролики стояли молча. Питер Пэн бросил под ноги опустевший баллончик с краской и отошёл. На дело своих рук он больше не смотрел. Айя обвела глазами столпившихся перед граффити людей. Никто из них не плакал. Но на лицах всех была написана безнадёжная тоска. И больше ничего. Будто они шли очень долгой, очень опасной и страшной дорогой, но только Алису пройденный путь вывел к дому, тогда как остальным предстояло и дальше плутать в темноте. Однако сейчас — на миг! — все они смогли увидеть то, о чём каждый втайне мечтал.

Тяжёлый взгляд Роджера был обращен в пустоту, и

отражалась в нём одна лишь усталость. Смертельная усталость человека, который живет из одного упрямства, потому что ни смысла, ни цели в его существовании не осталось. Эсмеральда прижималась плечом к угрюмому Тарзану. Покахонтас гладила тонкими пальцами эполет на плече Щелкунчика. Железный Дровосек мрачно смотрел под ноги. Тереза шевелил губами, видимо, молился. Лица, лица, лица…

И тут взгляд Айи застыл на одном из них. Доктор Куин стояла чуть в стороне, но смотрела не на талантливое душераздирающее граффити Питера Пэна, а на своих спутников. Смотрела с грустью и такой жалостью, что у Айи дрогнуло сердце. Впрочем, много ли ей надо было?

В этот самый миг на девушку ледяным потоком снизошло внезапное и запоздалое понимание. Микаэла — не сумасшедшая, а совершенно нормальный человек!

Доктор. Она ведь настоящий доктор. Единственная из всех, кто в постоянном адеквате, у кого не бывает отрешённого пустого взгляда, кто замечает и не упускает ни одной детали происходящего, не суетится попусту, но всякий раз видит, кому нужна помощь, и без труда может добиться от любого из кроликов того, чего хочет. Да, главарь, у них, безусловно, Роджер, но Микаэла — единственный психически здоровый человек, и этот психически здоровый человек уже много лет живет с сумасшедшими и выдает себя за одного из них. Причём сумасшедшие к нему прислушиваются. Тогда как сама Куин, не будучи безумной, совсем не опасается своих нестабильных друзей. Или пациентов?

И в тот же миг доктор Майк перехватила ставший слишком пристальным взгляд Айки. Рот у девушки испуганно приоткрылся, потому что она поняла: эта странная женщина, исполненная глубокого внутреннего достоинства, без труда прочитала немудрёные мысли, написанные на вытянувшемся лице мисс Геллан.

Микаэла вздохнула и медленно покачала головой, не отводя взгляда от девушки. А потом, не рассчитывая, видимо, на Айину сообразительность, приложила палец к губам.

Поняла.

Что там Керро говорил про четвертого научника? «Накосорезить не успел». Или не научник, а кто-то из врачей, утративший лояльность к корпорации? Усомнившийся в целях? Отщепенец, сбежавший в чёрные сектора от работы, которую не хотел выполнять? Точнее, отщепенка. Кто выпустил всех этих дуриков? Кто помог им сбежать и спалил лабораторию? И кто тянет их до сих пор, когда препаратами, когда ласковым словом и

утешением, а когда и мягкими намёками, например, как сейчас.

Доктор Куин подошла к Роджеру и негромко спросила:

— Наверное, пора выезжать?

С лица главкролика слетела задумчивость:

— Да. По машинам.

Женщина кивнула.

А потом кроли один за другим молча подходили к нарисованной Алисе, и каждый клал под рисунком что-то мелкое — пуговицу, резинку для волос, монетку…

Будто завороженная, Айя тоже устремилась следом… Сперва она хотела положить нож, но вовремя сообразила, что вряд ли там, в мире Мечты, Алисе понадобится оружие. Поэтому она сняла с волос алую ленту. Эту ленту Алиса прошлым утром выбрала для своей подопечной сама, сама же её и завязала красивым бантом, плотно стянув рыжие патлы.

Яркая атласная полоска легла на бетонный пол рядом с другими дарами, и Айя пошла следом за кроликами на улицу, так же молча, как и остальные. Ей очень хотелось оглянуться, бросить прощальный взгляд на комнату, с которой у неё теперь было так много связано, посмотреть на Алису — умиротворённую и красивую, на белый домик, а еще на то, что положит Керро, но… что-то помешало ей обернуться. Наверное, страх.

* * *

Сигнал голографона прозвучал ровно в семь тридцать утра, как по расписанию. Эледа в это время наслаждалась чаем и еще сидела в мягком халате и чалме из полотенца.

Мисс Ховерс приняла вызов и улыбнулась.

— Мама, привет!

— Леда, боже, как ты сидишь, немедленно выпрямись! — миссис Ховерс, несмотря на раннее утро, уже была само совершенство — белокурые волосы уложены в идеальное каре, длинная челка выпрямлена так, что можно порезаться, безупречный макияж, яркие губы, стильные очки в массивной черной оправе и шелковая белая блузка в серый горох. А между указательным и средним пальцами левой руки, как всегда, зажата тонкая сигарета. Правой рукой миссис Ховерс подписывала какие-то бумаги и передавала их секретарю. На дочь Мелинда Ховерс поглядела исключительно мельком, отпустила замечание и снова погрузилась в дела.

— Мама, сейчас раннее утро! Как хочу, так и сижу, я дома, в конце концов, — ответила Эледа, не меняя позы.

— Сейчас уже семь тридцать, через час ты должна быть в офисе, — неодобрительно, но по-прежнему глядя в документацию, заметила родительница. — А ты еще не одета, не причесана и похожа на разведенку в состоянии депрессии. Эндрю, уйдите уже, наконец, дайте мне пообщаться с дочерью.

Мать, не глядя, ткнула кожаную папку с бумагами в руки секретарю и, наконец, повернулась к Эледе.

— Ледочка, мой ангел, — сказала миссис Ховерс, затягиваясь сигаретой. — Неужели непонятно, что мы тут беспокоимся, сидим, как на иголках, и за все это время — ни единого звонка!

«Ангел» сокрушенно покачала головой:

— Мама, я была на задании, там некогда делать звонки…

— Вот я всегда говорила твоему отцу, что нужно было рожать сына! В конце концов, зачем я мучилась с тобой, если ты не вспоминаешь обо мне так же, как не вспоминал бы сын! — миссис Ховерс подбавила в голос дрожи и даже сдернула с лица очки, чтобы трагично стиснуть пальцами переносицу.

— Мама, прекрати, я тебя очень люблю, но у меня, правда, не было времени. Лучше расскажи: как ты сама, как папа?

— Как папа? Папа… папа места себе не находит! Ты хотя бы думаешь, как губительны в его возрасте такие переживания? Он весь извелся, — с горьким упреком сказала собеседница.

— Ему всего восемьдесят, не сгущай краски. И успокой его, скажи — всё чудесно, агент Ленгли оказался… — Эледа сделала паузу, подбирая нужное слово, — настоящим мужчиной. Мы нашли общий язык. Всё прекрасно. С ним приятно и интересно работать, правда, мне кажется, он не воспринимает меня всерьёз…

Миссис Ховерс докурила сигарету и тут же достала из серебряного портсигара новую:

— Всерьёз? Дорогая, мужчины никогда не воспринимают женщин всерьёз, могла бы уже и привыкнуть. Взять хоть твоего отца, знаешь, что он вчера мне сказал? Что я мало внимания уделяю семье. А теперь ещё и ты оказалась таким же трудоголиком. Этот внезапный отъезд на задание, потом ужасный Ленгли… В итоге семейный ужин пропущен и твой отец ударился в попрёки. А у меня показ новой коллекции! Что я, по-вашему, должна делать? Стоять у плиты и печь печенье?

— Мама, не расстраивайся. Ну, давай организуем ужин, папу это успокоит. А Джед… — Эледа спохватилась и поправилась: — То есть, агент Ленгли, он вовсе не такой ужасный, как о нём говорят. Резкий, конечно, и прямолинейный, но при этом очень внимательный к деталям, очень… чуткий.

Миссис Ховерс подалась вперёд, отведя в сторону руку с

сигаретой. Взгляд матери стал пристальным и насмешливым.

— Значит, Джед… — многозначительно протянула женщина, делая очередную затяжку. — Развлекайся, как знаешь, только не вздумай привозить его знакомиться. Это человек не нашего круга, и ни я, ни отец не хотим его видеть. Очень надеюсь на твоё благоразумие.

— Развлекайся? — Эледа едва не свалилась с высокого табурета. — Зачем?!

— Ай, брось… Думаешь, я не знаю, что он вывозил тебя в «Дельмонико»? Об этом разве только в «Светской хронике» не написали. Твой отец тоже в курсе. Не могу сказать, что он одобряет… но… — миссис Ховерс помолчала, после чего внезапно оживилась и сочла нужным сменить тему: — Кстати, дорогая, мы с папой посовещались и решили сделать тебе подарок! Так сказать, в честь первого серьезного дела…

Миссис Мелинда нажала кнопку селектора и сказала металлическим голосом:

— Эндрю, принесите сюда Гектора.

У Эледы нехорошо кольнуло сердце. А когда Эндрю явился к голографону с плетеной плоской корзинкой, в которой сидела ушастая, тощая, вся трясущаяся собачонка, мисс Ховерс устало прижала ладонь ко лбу.

— Мама, что это?

— Не «что», а «кто». Это Гектор, — елейным голосом известила мать и сказала с умилением: — Гектор, моя лапочка, это твоя хозяйка, посмотри на нее, вон, вон она.

Однако Гектор не желал смотреть на голограмму хозяйки, вместо этого он истерично дрожал всем телом, переступая тоненькими лапками.

— Мама, на кой чёрт мне собака?! — не выдержала, наконец, Эледа. — Я ведь…

— Тебе давно пора о ком-то заботиться, — отсекла все её возражения собеседница.

— Зачем?!

— Затем, что ты эгоистка! — тотчас вскипела мать. — Эгоистка, которая думает только о себе и не вспоминает о родителях!

— Мамочка, ну пожалуйста, ну прекрати…

Миссис Ховерс сменила гнев на милость и заговорила сладким голосом:

— Ну, ты только посмотри, какая лапочка. Ты будешь покупать ему попонки, курточки с капюшонами, ботиночки…

— …спреи от блох, — подхватила Эледа.

— Да, — согласилась мать. — Их тоже.

— Мама, я целыми днями то в офисе, то на выездах. Кто будет заниматься этой собакой?

— Вози с собой, — непререкаемым тоном сказала миссис Ховерс и нежно засюсюкала с трясущимся животным.

— Куда — с собой?

— Ай, Леда, не осложняй! — в голосе матери послышалось раздражение. — Отдашь этому своему здоровому. Пусть носит. Всё равно ходит целыми днями, как дурак.

— Какому еще здоровому?

— Винсу или Батчу, — отмахнулась миссис Ховерс. — Какая разница? В общем, правому или левому. До чего же ты все-таки неблагодарная! Ты хоть представляешь, сколько такое чудо ст*о*ит?! Да твоего Винса можно целиком купить! Так что пусть носит. В цене они почти равны, — отрезала Мелинда.

— Мама, во-первых, Винс и Батч — телохранители, у них руки должны быть свободны от собак и вообще всего, кроме оружия. Во-вторых, Винса, например, сейчас вообще нет. И как быть в подобной ситуации, если у меня собака и один телохранитель?

— Что значит «нет»? — миссис Ховерс тотчас утратила интерес к мелко дрожащему Гектору, пихнула корзинку с ним в руки Эндрю и даже забыла про сигарету. — Что значит «нет»?!

Дочь развела руками:

— Агент Ленгли отправил его в рейд. Я была против, но ситуация сложилась таким образом… Да и к тому же Винс ну просто обнаглел. Пусть пробегается.

Мать взмахом руки отослала секретаря, а когда дверь за ним закрылась, сказала голосом, в котором слышалась даже не гроза, а пулемётные очереди и грохот танков:

— Эледа. Мы наняли мистера Хейли, чтобы он находился рядом с тобой. Рядом. С тобой. А не шлялся чёрт знает где. Тем более, насколько я помню его дело, он отстранён… — миссис Ховерс взяла планшет, потыкала пальцем по экрану и сказала: — Ну да, точно. Отстранен от рейдов. Что за дела там у вас творятся?

— Мамочка, я просто не стала обострять ситуацию и доводить дело до того, чтобы агент Ленгли воспользовался служебными полномочиями. К тому же Винсент делает за периметром общее дело. *Наше* общее дело.

Мать раздраженно затушила в огромной мраморной пепельнице сигарету, истлевшую в ее пальцах почти до фильтра, и сказала:

— Если этот интроверт, пребывающий в состоянии постоянной монотонии, еще хоть что-то выкинет, то носить

собачек он будет до смерти, поскольку я сделаю всё, чтобы ему не доверяли людей… — после этого миссис Ховерс взяла в руки портсигар и спокойно заключила: — Ладно, надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Итак, резюмируем. Отца я успокою, Гектора заберёшь, когда приедешь. Целую тебя, моя девочка! И сними этот ужасный халат.

С этими словами мать отключилась. Эледа не успела даже попрощаться.

* * *

Утро. Раннее. За окнами еще сумерки. Женщина дремлет, довольная и сомлевшая — волосы в беспорядке разметались по подушке. Красивые волосы — длинные, Винс их пропускал сквозь пальцы, они гладкие, словно атлас. И Су Мин красиво запрокидывала голову. Ей нравилось по-разному: не только жёстко и грубо, но и ласково, нежно. Она тянулась и выгибалась. Тело у нее, кстати, тоже что надо: смотришь — и тащишься. А еще она оказалась не из стеснительных и без комплексов — делай, что хочешь. Во всяком случае, Винс что хотел, то и делал. Не возражала. Наоборот.

Теперь вот блаженствует. Ему же пора в душ. Скоро рассвет, нужно выдвигаться. Как тут ни хорошо, а из койки пора вылезать. Да и надоело лежать. Кореянка свое дело знала — оттянулся Винсент на славу, не гляди, что спал урывками.

На запястье мягко завибрировал браслет. Мать же твою!

Рука нашарила на прикроватной тумбочке очки. Рейдер поднялся и отправился в душ. Прикрыл за собой дверь, после чего нажал кнопку ответа на вызов.

— Мистер Хейли, как там ваше драгоценное? — осведомился сладчайший и нежнейший из всех возможных голосов.

Винс едва сдержал стон. Сговорились они, что ли? Ну, нельзя же так! Хотя бы здесь, хотя бы одни сутки может он отдохнуть от общества этих людей? Хотя бы вот сейчас, когда только-только собрался насладиться скромными прелестями цивилизации.

С другой стороны, спасибо и низкий поклон, что Эледа не взялась названивать пятнадцатью минутами раньше. Хотя… тогда он просто сбросил бы вызов.

— Прекрасно, мисс Ховерс, — со всей возможной учтивостью в голосе ответил Винсент, открывая воду. — Спасибо, что поинтересовались. Не ожидал…

Девушка никак не среагировала на иронию.

— Вам тут… — было слышно, как собеседница

усмехнулась, — нашли новую, как вы это называете? Снарягу? Приедете, будете удивлены. Но, думаю, калибр вам подойдет. Модель, кстати, называется Гектор. Полный восторг. Так сказать, по победе и награда.

Винс сдержанно поблагодарил.

— Итак, мистер Хейли, — уже безо всякой издёвки, сухо и официально продолжила Эледа. — Как ваши успехи? Агент Ленгли, конечно, мне сообщит, но хотелось бы сведений из первых рук, пусть и в общих чертах. Мне нужно знать, что вы не просто так околачиваетесь по сектору и топчете тамошних курочек. Докладывайте. Полномочий, как вы понимаете, у меня достаточно.

— Понимаю, — рейдер про себя вздохнул. — Докладываю. Контакты налажены, доверие установлено, информация об объекте передана нужным людям, к поиску подключены самые влиятельные из местных. По последним данным, собранным их осведомителями, объект жив. Разыскать его рассчитываю в течение ближайших двенадцати часов. Если не случится непредвиденных осложнений. Сразу после начну проработку извлечения и эвакуации.

— Прекрасно, — похвалила Эледа. — Иногда даже от вас есть толк, мистер Хейли. Надеюсь, вы должным образом взбодритесь во время этого своего отпуска. И учтите — никаких косяков. Мой папа, которого вы упоминали в нашей последней беседе, крайне напряжен ввиду вашего внезапного убытия.

— Передайте ему, что нет поводов нервничать, — любезно сказал Винс. — Да и вам тоже не стоит переживать.

— Я переживаю не о вас, а о том, чтобы все необходимое было сделано четко и аккуратно. В общем, подойдите к вопросу творчески, мистер Хейли. Судя по вашей самоуверенности, вы в исходе дела не сомневаетесь. Вот и поторопитесь. Нечего там блаженствовать. Не на курорте. Времени мало.

С этими словами Эледа оборвала звонок.

Винсент вздохнул и встал под душ. Вроде бы все корпоративные змеи его уже ужалили, и можно, наконец, спокойно вымыться и настроиться на грядущий день.

* * *

Дорогу до лежки Айка опять не запомнила. Они шли и шли сквозь ноябрьское тёмное утро. Потом небо стало бледнеть, а сумрак рассеиваться, но вокруг было то же, что и прежде: безликие, похожие друг на друга развалины, заброшенные здания,

похабные граффити, мусор и грязь, в которой оскальзывались дрожащие неверные ноги.

Девушка сосредоточилась на том, чтобы не упасть и не отстать от своего спутника. Если она сейчас грохнется — это их задержит. Опять же, нет уверенности, что после падения сумеешь подняться. А Керро ведь тоже устал. Лицо у него было застывшим, каменным. Вроде он знал, что Айя тащится рядом, а вроде бы и забыл про неё совсем, погрузился глубоко в себя.

Минувший день опустошил, выжал Айку досуха. Поход к Гершелю, схватка на улице, душевные метания, смерть Алисы, погоня, стрельба, взрывы, бег, прощание с кролями, доктор Куин, глядящая с болью и жалостью на своих друзей… Происходящее уже не казалось сном, не казалось чем-то невозможным. Оно… просто происходило. И Айя Геллан отрешенно наблюдала, чувствуя, как душа от усталости и ужаса пережитого перестает отзываться на случившееся. Не осталось ни тоски, ни страха. Только равнодушное отупение. Идти и не упасть. Шаг за шагом. Когда-то ведь они придут. И остановятся.

Удивительно, но голова не болела. Лишь иногда будто спадала с глаз мутная завеса, внезапное удивление, очнувшись, вскакивало на мягкие лапы, щекочуще топталось в груди: что это? Где я? Но тут же никло, вдохнув дурманной мглы безразличия, и в сонном тумане оставалась живой лишь одна назойливо жужжащая мысль: «не упасть, не упасть, не упасть…»

Конечно, всё рано или поздно заканчивается. Завершился и путь по серым ноябрьским сумеркам. Правда, когда и где, Айя не поняла — она включилась, лишь оказавшись в знакомой комнате. Той самой, которую покинула прошлым утром. И комната эта не изменилась — по-прежнему лежал на полу спальник, стояла в углу печь и стол с двумя стульями неподалеку, дверь в кладовку была чуть-чуть приоткрыта, а на полках там лежали стопы консервов. Но Айе не хотелось есть. Не хотелось умываться. Не хотелось раздеваться. Она привалилась к стене и с ужасом думала: неужели прошли всего лишь неполные сутки? Не может этого быть! Не могут сутки длиться дольше года, дольше целой жизни.

А теперь вдруг между Айей вчерашней и Айей нынешней, которая стоит на дрожащих ногах и глядит в пустоту, пролегла пропасть, глубокая и бескрайняя, словно океан. Сквозь пелену усталости девушка смотрела, как Керро медленно и даже чуть неуклюже — неуклюже! Керро! — наливает в пустую консервную банку горючее, ладит фитиль, зажигает его, а затем достает из внутреннего кармана куртки небольшую плоскую фляжку и стопку, после чего наполняет крохотный стаканчик, ставит его по

ту сторону огонька и замирает, глядя на мерцающий фитиль.

Язычок пламени дрожал и колыхался, выхватывая оцепеневшего мужчину, сидящего за столом один на один с темнотой и своим горем. Айя неслышно приблизилась, чтобы не нарушить повисшую в комнате тишину, и опустилась на свободный стул.

Казалось, во всем мире остались только маленький огонек и тускло поблескивающая стопка за ним. А еще мерещилось, будто вот сейчас из полумрака выступит Алиса и сядет напротив. Сложит перед собой тонкие руки, блеснет бездонными глазищами… И три человека в тёмной комнате скорбно застынут, прощаясь навсегда.

Но Алиса не вышла. Только темнота стала ещё плотнее, а огонек задрожал мелко-мелко… Керро, словно очнувшись, медленно поднес фляжку к губам и сделал трудный глоток, а затем, не глядя, протянул флягу Айе. Она взяла, опрокинула её в себя. Горло обожгло что-то терпкое, согретое теплом человеческого тела. Девушка судорожно вздохнула, а мужчина перегнулся через стол и перевернул стоящую напротив стопку прямо на фитиль. Голубое прозрачное пламя взметнулось над банкой и осело.

После этого Керро задул огонек, и комнату накрыла темнота.

Айя опустошенно смотрела в эту темноту и думала только об одном: куда мужчины девают слезы?

* * *

На узкой улице царили привычные уже грязища и разруха. С неба сыпался густой мокрый снег, а ветер дул резкий и пронизывающий. Однако Винсент, несмотря на унылые виды, пребывал в самом приподнятом настроении. К полудню, конечно, усталость нагонит, но это ерунда. Полчаса сна, пара ампул из доковой аптечки, и до вечера снова бодр и свеж. А вечером видно будет.

Главное, чтобы сейчас всё прошло чётко. По сути, срывы маловероятны. С Ушлым подробности оговорены еще вчера. Люди его готовы. Кроме того, бонза выделил одного из наиболее толковых и проверенных, который поможет впарить приманку быкам Бивня. А когда те наживку заглотят и главарь их ломанется к заказчикам, начнется самое интересное. То, за что Винс особенно любил свою работу.

По сути, всё последующее — просто дело техники: прийти на сигнал, поданный приманкой, вломиться на точку конкурентов,

освободить подсадную утку, взять старших конкурентной группы. Ну и по возможности устранить всех остальных, чтобы не путались под ногами, не мешали работать. Жаль, конечно, что о них ничего неизвестно. Кто вообще такие? Секторальные бойцы, секторальные рейдеры или группа враждебной корпорации? Когда не знаешь, против кого выходишь — риск возрастает. Но на стороне Винса и его людей — внезапность, а еще прикрытие в количестве скольких-то рыл, выделенное Ушлым. Ну и в случае совсем уж полной жопы — штурмовики, которые прилетят по сигналу и сделают всё, чтобы вечеринка не вышла унылой.

Перешагивая через лужи, Винс с удовлетворением признал, что связисты выделили ему в прикрытие очень толковых ребят. За полчаса дороги рейдер заметил «хвост» только однажды, да и то потому, что парень, видать, оступился в жидкой грязи и чуть высунулся из-за угла.

Квартал сменялся кварталом. На улицах стало совсем пусто. Пелена метели сделалась ещё плотнее, видимость сократилась до двадцати метров, не больше. Снег падал на черную землю, но сразу же таял, превращаясь в хлюпающую под ногами кашу.

Сворачивая в очередную подворотню, Винсент подумал о том, что место здесь совсем глухое. И в хорошую-то погоду мало кого встретишь, а уж в такую…

— Хой! — негромкий окрик за спиной раздался синхронно со щелчком пальцами. — Ты убит, Винс. То ли стареешь, то ли совсем на расслабоне.

— Хой, — разворачиваясь, откликнулся рейдер и возразил: — Это ты, Ирвин, убит. Обернись. Только медленно.

Винс подождал, пока товарищ, обряженный в просторную куртку, потасканные штаны и вязаную «пидорку», развернется, после чего жестом отдал приказ: «Обозначиться». За горой кирпича метрах в пятнадцати мигнул сквозь мельтешение белых хлопьев огонек ЛЦУ.

— Узнаю старого кореша! — хмыкнул Ирвин и сказал через плечо в сторону расписанного похабщиной просевшего здания: — Мужики, выходите.

Из полуобвалившегося дверного проема шагнули на улицу двое крепких, неприметно одетых ребят. Кемпа Винсент знал уже давно, а вот совсем ещё зелёного парня с ним видел впервые.

— Рекс Додсон, — сразу же представился новичок, которому на вид было лет девятнадцать-двадцать. — Первый рейд.

Винсент пожал протянутые руки и обернулся к Ирвину.

— Как батя-то? — спросил он.

Друг раздраженно дернул плечами:

— Бухает. Третью печень пересаживает.

— Сколько? — уточнил собеседник.

— Пять тонн. И две на поддержку.

— Ясно.

Отец у Ирвина пил давно и крепко. С той поры сын не вылезал из рейдов. А когда вылезал, возвращаясь на неделю-другую, то неизменно за день до нового задания выписывал бате в харю, после чего снова сваливал. Но деньги на операции таки выделял.

— Ну, че? — нарочито бодро заговорил Ирвин. — Забросили одного и наспех, мы когти рвем на помощь, а у него тут рожа неприлично лоснится. Поди, и группу сколотить успел?

— Если б не отвлекали по всякой фигне, уже сколотил бы, — хмыкнул Винс.

— Ага, — послышался из-за широких мужских спин женский голос. — И рожа бы лоснилась еще сильнее.

Растолкав напарников, вперед выступила миниатюрная фигуристая девица потасканного кабацкого вида — в леопардовой меховой курточке, которая заканчивалась прямо под грудью, в неприлично короткой красной юбке из искусственной лакированной кожи и с черными сальными волосами, остриженными под каре. Из-под курточки торчал жиденький вытянутый свитер. Все — несвежее, давно не стиранное. Еще на девице были плотные черные колготки и красные полусапожки на почти десятисантиметровой платформе.

— Чё вылупился? Не признал? — развязно спросила пигалица и сплюнула под ноги.

— Они тебя по кругу, что ли, пускали? — восхитился Винсент, глядя на вульгарный макияж шлюхи — ярко-красные губы, коричневые тени и плохо замазанный тональником бланш под левым глазом.

— Ревнуешь, никак? — она едва заметно принюхалась и заметила: — Ты ж вроде тоже не скучал.

— Вожделею, Небесная, — Винс хмыкнул: — Как ольфактометры вживила — ничего от тебя не скроешь. У кого прикид отжала?

— Для тебя не Небесная, а Кара, — отозвалась шлюха и сказала голосом, где больше не было прежней развязности: — Мля, я эти шмотки сама выбирала. Знал бы ты, сколько потребовалось времени, чтобы под легенду их изгваздать!

— А синяк? — спросил Винсент.

— А, — махнула она рукой с неровными ногтями, покрытыми ярко-красным облупившимся лаком. — Херня. На тренировке затупила. Кстати пришелся.

— Так вот, значит, кто у нас приманка… — хмыкнул

собеседник.

— Ага. К слову, хорошо, что ты тот файл добыл, — улыбнулась рейдерша, — у конкурентов твоих, оказывается, и запись ДНК есть. Пришлось спецам меня дорабатывать, теперь, если решат из вены или из пальца кровь на анализ взять, смогу подсунуть правильную. У тебя-то че как?

— Всё путем. Самых толковых из местных припряг, часть полезной инфы добыл, связи с наиболее полезными укрепил, — Винс вспомнил Су Мин и усмехнулся: — Думаю, к вечеру цель отыщут. А пока конкурентов примочить надо, чтоб не гоношились… или им дезу решили впихнуть?

— Не, — Кара дернула подбородком, — толковую дезу подготовить не успевали, а совсем сырятину незнамо кому втюхивать — глупо. Так что всё по твоему плану, мон дженераль. Ну, веди, что ли…

Винсент с сомнением посмотрел на собеседницу и спросил:

— А ты себе в таком наряде ничего не отморозишь? Может, хоть куртку длинную накинешь?

— Забей, Винс, — хмыкнул Кемп. — Она — знойная красотка. А уж после того, как контролер терморегуляции имплантировала, вообще не зябнет.

Кара хмыкнула:

— Только учти, энергии эта штука требует до хрена, так что скоро захочу жрать. И лучше бы вам успеть прибежать ко мне на выручку с батончиками энергопайка. А то… трупы с выеденной печенью не особо эстетичны. Проблюетесь еще ненароком.

Мужики переглянулись, заржали. Винсент же хмыкнул и сказал:

— Всё, посмеялись и будет. Пошли. Сейчас дойдём — дам проводников. Ну, а ты, людоедка хренова, — он повернулся к рейдерше, — своего получишь чуть попозже. Что к чему, он знает. До логова Бивня тебя подстрахуют, дальше сама. Но мы будем рядом.

— Напарнику доверять можно? — уточнила будущая приманка.

— В разумной мере.

— Лады. Веди.

Ее спутники поправили на плечах кто лямки рюкзака, кто широкий ремень тяжелой спортивной сумки, и вся команда двинулась вперед. Метель начала стихать. Это хорошо, а то Винсу на Кару смотреть было страшно — идет, считай, что голая. Небесная, конечно, уже не совсем человек, но все-таки… Погодка промозглая. Ему и в теплой-то куртке слегка зябко, а тут вообще задница едва прикрыта.

* * *

Когда четверо рейдеров вышли из проулка на старую авеню, от ржавого фонарного столба отлепился Винсов проводник. Пацан на заработанных деньгах поднялся — купил шапку по размеру, чтобы на глаза не сползала, автомобильные перчатки без пальцев и новые ботинки.

— О! А вот и еще три не-мистера, — пацаненок с ленцой убрал за пазуху здоровенный пистолет, давая вновь прибывшим оценить оружие во всей красе, и, лишь насладившись эффектом, коротко свистнул.

Из-за соседних развалин показались еще двое мальцов разной степени нищебродства — грязные, одетые в потасканные шмотки не по размеру, но при этом вальяжные, как и положено настоящей шпане.

— Э, нет, — Ирвин присел на корточки, чтобы быть рост в рост с главарем, — он-то, может, и не-мистер, а вот мы точно мистеры.

— И с собой у вас всего одна леди? — пацаненок похабно ухмыльнулся, глядя на подошедшую Кару.

— Не леди, а лядя, — Кара облизала ярко накрашенные губищи, а потом словно ухватилась за воображаемый шест и прокрутилась, демонстрируя себя.

— Оке, — сглотнул мальчишка и сказал слегка охрипшим голосом: — Лядя, так лядя. Но ты эта… если твои мистеры вдруг зажлобят, меня найди — подскажу хорошее место.

— И насколько хорошее? — Кара подняла ярко подведенную бровь. — Так себе или вау?

Пацан наметанным глазом оценил собеседницу, после чего сказал:

— Танец — пять. Пятнадцать — у шеста. Приват — как с клиентом договоришься, но половина хозяину. Всё, что накидают — тебе.

Она хмыкнула:

— Ушлый шкет. И под кем хозяин?

— Под Патлатым… — пацан чуть стушевался и поспешно добавил: — Но он нормальный, не бойся.

— Ну, раз ты говоришь, что нормальный, ниче не боюсь… — низким грудным голосом сказала Кара.

Пацаненок зарделся и отвел глаза. Посыпался! Ещё бы, девка сочная и даже почти ему в рост. Если копыта свои снимет.

— Так, — хоть Винса и забавляла ситуация, но время было дорого, — хорош трепаться. Все помнят, куда кого отвести надо? Кемп, тебе отдаю вот этого молчаливого.

Мальчишка-метис шмыгнул носом.

— Ирвин и Рекс, ваш — этот, с херней на шапке, — рейдер кивнул на самого мелкого пацана, у которого на головном уборе красовался здоровенный вылинявший и размахрившийся лейбл с изображением хрен поймешь чего. — Если не доведут за полчаса, оборвите уши и звоните мне. Ну, а самого болтливого, который вашу лядю склеить пытается, я при себе оставлю. Больно деловой. Заодно хоть по пути научу, как пистолет носить. А то смотреть смешно.

Представители секторальной шпаны растерянно переглянулись и сразу как-то растратили напускную важность бывалых, тертых жизнью хулиганов. Стали просто мальчишками — глаза круглые, взгляд внимательный и восхищённый. Теперь куда угодно доведут. А тут еще и лядя. Стоит, губу покусывает, стервозина. Будет у парней, что вспомнить перед сном.

* * *

Офис мисс Ховерс располагался на десятом этаже главного здания. Не так уж это и много, учитывая, что всего в высотке насчитывалось семьдесят пять этажей. Причем последний единолично занимал глава надсекторального управления. Впрочем, это было так высоко и далеко, что не стоило и мечтать. Во всяком случае, не Эледе и двум ее коллегам, коротавшим рабочие будни в крохотном кабинетике, где едва умещались три стола с голографонами, несколько полок и шкаф.

Тут было тесно, а уж после роскошных домашних апартаментов мисс Ховерс и вовсе убого. Впрочем, Эледа никак не выпячивала своего происхождения и достатка, стараясь поддерживать с коллегами стабильно хорошие отношения. Все равно двое неудачников были ей не конкуренты. А те, кто не представляет угрозы, должны приносить пользу.

Потому и со старой стервой Иреной Клодли, и со старым хреном Рэттом Пэйси мисс Ховерс была неизменно мила, вежлива и предупредительна. А они, в свою очередь, понимали, что новенькая к ним ненадолго. Рано или поздно (скорее рано) мисс Ховерс переберется из тесного кабинета на троих в отдельный этажом выше. Затем в кабинет побольше еще на несколько этажей вверх, после чего, спустя какое-то время, займет кабинет с общей приемной, а затем с личной и, вполне вероятно, с конференц-залом, а уж потом воцарится на самом верху офисного небоскреба, откуда будет поглядывать в панорамное окно на шумящий мегаплекс.

Вряд ли тогда она вспомнит о задрипанной каморке и тех, с кем пила утренний кофе. Но, возможно, если бывшим сотрудникам когда-нибудь посчастливится пересечься с бывшей коллегой и попросить помощи, то мисс Ховерс (или на тот момент уже не мисс) не откажет тем, с кем начинала трудовой путь. В конце концов, благодарные и обязанные нужны каждому.

Вот потому-то у Эледы с коллегами сложились до крайности хорошие отношения. Она этим двоим была не по зубам.

Так что мисс Клодли, сутулящаяся перед голограммером за своим аскетически пустым рабочим столом, и мистер Пэйси, постоянно жалующийся на непосильную нагрузку, вызывали у Эледы хорошо замаскированное пренебрежение. Наблюдать за ними было, безусловно, и забавно, и полезно, но за полгода работы уже поднадоело.

Обоих мисс Ховерс знала, как облупленных, и обоими научилась ловко манипулировать. Она вообще считала манипуляции самым удобным и безопасным методом взаимодействия с окружающими. Из жалости, стыда, тщеславия, жадности люди сделают все, что угодно, нужно лишь знать, как их незаметно к этому принудить.

— Ирена, отлично выглядишь! — восхитилась с порога Эледа. — Постриглась?

Мисс Клодли, надо сказать, сегодня выглядела так же, как вчера, и позавчера, и месяц назад, и, наверное, тридцать восемь лет назад. Эледе казалось, что она и родилась такой — сухой, надменной, с поджатыми губами, тяжелым взглядом и старомодной стрижкой «паж».

— Я тебе подарок небольшой привезла, — мисс Ховерс поставила на стол небольшую статуэтку в стиле хай-тек. Батч раздобыл где-то по ее указанию. Эледа подозревала, что на свалке восемнадцатого интерната, но уточнять поленилась.

Ирена зашлась в восторге. Она коллекционировала это дерьмо.

— О-о-о… — протянула мисс Клодли, любуясь херней из хрома, напоминающей замерзший плевок. — Это же техно-реплика с фрагмента картины Дали!

— Да? — искренне удивилась Эледа и добавила: — Вот я её увидела, вспомнила, как ты любишь подобные вещицы, и не смогла удержаться.

Подарок не стоил ей вообще ничего, был уродским и ни к чему не обязывал — просто знак внимания. А из Ирены теперь можно вить верёвки.

— Спасибо… — сказала мисс Клодли, любуясь уродливым дрянцом. — Но не стоило.

— Брось, — отмахнулась собеседница. — Пусть она тебя радует.

— Мисс Ховерс, как вы съездили? — вторгся в диалог мистер Пэйси, которого раздражали женские разговоры. — Удачно?

— Да, вполне, — призналась Эледа. — Но могло быть и лучше, конечно.

Ретт сокрушенно поохал и, исполненный внутреннего злорадства, тут же вернулся к своему планшету. В этот самый миг раздался противный писк селектора.

— Мисс Ховерс, — прозвучал хорошо поставленный женский голос, — вас вызывают на пятидесятый этаж, в офис тридцать семь.

Глаза Ретта и Ирены округлились.

— Выхожу, — ответила Эледа и поспешно повесила пальто в шкаф.

— Пятидесятый этаж… — с затаенным трепетом произнес мистер Пэйси. — Пятидесятый?

Больше он ничего не спросил и ничем не поинтересовался. Всё, что касалось пятидесятого этажа, не обсуждалось — слишком высокая зона ответственности, слишком большая секретность, слишком серьёзное руководство.

Эледа про себя ехидно ухмыльнулась. На пятидесятый этаж не вызывали абы кого, а если и вызывали, этот абы кто становился уже не абы кем.

— Я скоро буду, — мягко сказала Эледа своим «сокамерникам», хотя они отлично поняли, что «скоро будет» она за своими вещами, но никак не для того, чтобы дальше сидеть с двумя неудачниками в одном кабинете.

Когда мисс Ховерс вышла, Ирена Клодли тоскливо вздохнула, думая о том, что ей самой даже с двадцатого этажа не позвонят ни завтра, ни послезавтра, ни через сто лет.

Чужая зависть — лучший стимул к личностному росту. Об этом Эледа размышляла, когда поднималась в просторном лифте на десятки этажей. Об этом и ещё о том, что правильно сделала, одевшись сегодня максимально официально, в соответствии со строжайшим дресс-кодом служащих среднего звена: в форменный серый пиджак, белую блузку, серую юбку до колен и туфли-лодочки на низком каблуке. Волосы она затянула в тугой скучный узел. Увидь такое мама, сразу сказала бы, что дочь похожа на старую деву, всю жизнь проработавшую в библиотеке. И была бы права. Мисс Ховерс и макияж сделала максимально неброский, чтобы казаться вовсе незаметной. Зачем будить чужие фантазии? На пятидесятом этаже её знает только один человек. А он, кстати, видел её вовсе без одежды. Всем же остальным демонстрировать

себя ещё рано.

Эледа не ошиблась, в огромной приемной на неё не обратили внимания — ну зашла какая-то вышколенная мышь из низших, села в уголке.

— Мистер Ленгли, мисс Ховерс здесь, — услышала Эледа голос секретарши, а уже через мгновение девушка с приятной улыбкой поднялась из-за стола и сказала: — Мисс Ховерс, входите.

Эледа поднялась и, наконец-то, почувствовала на себе заинтересованные взгляды других сотрудников, толпившихся в приёмной.

Первая дверь. Короткий тамбур. Вторая дверь. И перед посетительницей предстал кабинет, показавшийся после тесноты её собственного просто огромным.

Когда Эледа вошла, агент Ленгли сидел полубоком на краю длинного стола и разговаривал по коммуникатору. Увидев посетительницу, Джед зажал микрофон ладонью и доверительно сообщил:

— Мисс Ховерс, вы ужасны.

После чего гостеприимно кивнул на стоящее рядом кожаное кресло и сказал своему собеседнику:

— Договорились… — Ленгли посмотрел на часы. — К семи вечера будет? Ок, сочтёмся.

Когда Джед положил трубку, Эледа посмотрела на него вопросительно:

— Чем обязана?

— Я пробил твою версию, — сказал он. — И должен признать, что к ней отнеслись со всем возможным вниманием. К тому же Винсент обещал при благоприятном стечении обстоятельств отыскать эту Геллан уже к вечеру…

— Знаю, — ответила Эледа. — Я ему звонила.

— Знаю, — в тон ей произнес Ленгли. — Все разговоры с рейдерами прослушиваются. И хочу напомнить, что просто так, ради удовлетворения любопытства сотрудникам, находящимся на задании, звонить не следует. Кстати, что там было про снарягу и модель «Гектор»? Я что-то не понял.

Вопрос был задан вскользь, но взгляд собеседника вдруг стал странно равнодушным. Так вот зачем он её вызвал… Заподозрил в тайном шифре и передаче засекреченной информации.

Мисс Ховерс вздохнула с укоризной:

— Агент Ленгли. Гектор — это собачонка породы чихуахуа, которую мне купили родители, чтобы я перестала быть эгоисткой и научилась хоть о ком-то заботиться. Мне эта собачонка не нужна, я терпеть не могу животных. Поэтому собачонку будет

носить Винс, когда вернётся. Чем ему ещё заниматься после того, как вы коварно его обманете? И, между прочим, в ближайшие дни родители ждут меня на семейный ужин для торжественного вручения этого самого Гектора.

Джед сокрушенно покачал головой:

— Подозрительность — часть профессиональной деформации. Не обижайся, — он подошел, положил горячие ладони на плечи собеседнице и спросил нарочито негромко: — Вы уверены, мисс Ховерс, что не выдумали эту собачонку?

Эледа выругалась про себя самыми грязными словами, но вслух спокойно ответила:

— Да, я её выдумала. На самом деле Гектор — это убойная пушка с глушителем, из которой Винс тебя завалит, когда вернется из рейда. Но сейчас мои родители спешно ищут трясущуюся чихуахуа, чтоб тебя коварно обмануть.

— М-м-м… какая сложная интрига, — довольно протянул Джед. — И всё ради меня. Это лестно. Ладно, довольно пустой болтовни. Считай, я тебе поверил. Кроме того, у меня нет цели тебя отстранять. Даже больше скажу…

Он кивнул девушке на стоящий возле огромного окна диван. Эледа переместилась в зону отдыха и вопросительно улыбнулась.

— Даже больше скажу, мисс Ховерс, — продолжил мужчина. — У меня для вас крайне приятные новости, — агент Ленгли взял планшет и передал его собеседнице: — Читайте.

Девушка пробежала глазами по строчкам приказов:

> «В связи с информацией, переданной директором по исследованиям и разработкам Ишидо Римицу, приказываю:
>
> 1. Присвоить фигуранту расследования N1b895-96 Айе Геллан кодовое название «Объект Фиалка».
>
> Первый заместитель директора Службы Безопасности Аарон Уолш».
>
> «Приказываю:
>
> создать рабочую группу «Ключ» по исследованию и возврату объекта Фиалка;
>
> назначить старшим группы «Ключ» специального представителя СБ при совете директоров Джеда Ленгли.
>
> *Первый заместитель директора Службы Безопасности Аарон Уолш».*

— И что?

— Я ведь говорил, что пробил твою версию. Дальше читай, — сказал Ленгли.

«…Откомандировать младшего агента-аналитика Эледу Ховерс в рабочую группу «Ключ» до последующих указаний.

Заместитель руководителя контрразведки секторального объединения…»

«…Назначить младшего агента-аналитика Эледу Ховерс ответственным секретарем рабочей группы «Ключ».

Руководитель группы Джед Ленгли».

Эледа подняла полный удивления взгляд на собеседника. Он, довольный произведенным эффектом, развел руками:

— Так что теперь я вроде как твое непосредственное руководство, — вырвавшийся у него смешок был вполне искренним. — Поэтому, вот — ознакомься со списком начальников отделов и подразделений. Через полчаса нужно собрать их здесь на короткое совещание. Кто не сможет явиться лично, пусть присутствует по связи. Я представлю тебя, обозначу задачи, после чего начнем работу.

Эледа открыла на планшете уже подготовленный файл со списком фамилий и должностей. Начальник архива. С этим ясно, значит, Джед решил собрать все данные по мисс Геллан. Начальник рейдерского управления. Тоже понятно — Винс-то в рейде. Старший каратель, начальник отдела биотехнологий, начальник аналитического отдела, начальник медлаборатории, начальник отдела криминальной экспертизы, начальник службы содержания и этапирования заключенных. Хм. А этот зачем?

— Вопросы? — спросил Джед.

— Никаких, — спокойно ответила девушка. — Через полчаса можно будет начинать совещание.

— Занимайся, — с этими словами он нажал кнопку селектора и сказал секретарше: — Миссис Лауф, проводите мисс Ховерс в её новый кабинет.

* * *

Бригада рассредоточилась в просторном холле старого бизнес-центра. Здесь из пустой шахты лифта тянуло ледяным сквозняком, а высоченные потолки подпирали массивные квадратные колонны, на одной из которых был жирным черным маркером нарисован похабный комикс.

Бойцы Батыя — отребье, набранное им по всему сектору на щедрый призыв поубивать-пограбить — от скуки разглядывали

настенное подростковое творчество, а сам Батый задумчиво сверлил глазами размашистую надпись, сделанную на стене баллончиком: «Здесь я присунул Джессике Вилс!»

Надпись была такая старая и поблекшая, что было ясно — тот, кто её сделал, уже вряд ли способен присунуть хоть кому-то.

— Батый, — подошел к старшему его помощник — молодой парень чикано. — А не знаешь, долго ждать ещё?

Парень недавно побрился наголо и теперь с непривычки отчаянно зяб даже в плотной вязаной шапке.

— Не знаю, — ответил Батый. — Выходим по сигналу. Чё, околел?

— Да пробежаться б уже… — признался помощник, обхватывая себя за плечи.

— Пробежишься, — успокоил его Батый, и в узких глазах промелькнула насмешка.

Еще пару недель назад у парня вся башка была в дредах, похожих на сосиски, слепленные из говна и волос. Ушлый, мельком увидев эту «красоту», сказал в обычной своей флегматичной манере:

— Мои люди должны выглядеть, как люди, должны вести себя, как люди, должны говорить, как люди. Именно это отличает моих людей от всех остальных и в первую очередь от кусков патлатого говна, шароёбящегося по сектору.

На следующий день парень обрил голову, а мешковатые штаны с обвисшей, словно обосранной, ширинкой сменил на джинсы. Ушлый этого даже не заметил. Ему-то какое дело до всякой мелочевки. А вот Батый решил к парню приглядеться, коли уж тот оказался таким понятливым. В итоге сегодня взял с собой. Помощник, когда имеешь дело с наспех набранным сбродом, нужен непременно.

— Батый, — снова окликнул чикано. — А за что мы вдруг на этих пошли? Они ведь долю заносили, как по часам, не косячили. С чего вдруг? Не, если не мое дело, вопрос снят…

Парень вскинул смуглые ладони, давая понять, что интересуется исключительно с целью понимания текущего момента. Сообразительный, любознательный, с мозгами… Ум надо стимулировать, чтобы работал. Поэтому Батый взглядом показал на облезлую стену напротив:

— Видишь, чего написано?

Парень удивленно кивнул, не улавливая связи.

— Так вот, амиго. В этой жизни надо четко понимать, кому можно, а кому нельзя присовывать. После чего очень осторожно делиться своей радостью с окружающим миром. Кое-кто решил, будто у него может получиться присунуть Ушлому. А в итоге

сейчас мы будем присовывать всем, у кого мелькнула подобная абсурдная мысль. И присовывать будем так глубоко и долго, чтобы слышал весь сектор. Нам даже надписи делать не придется, и без этого каждый будет знать — как, когда, кому. А вот за что *конкретно,* — со значением сказал Батый, — не твоего ума дело. Просто запомни, твой бонза — не Джессика Вилс.

В этот момент у него на поясе зашуршала рация.

— Ну, хорош жопы чесать. На выход, — приказал старший. — Валить всех, кто в здании.

* * *

Снег прекратился, и на смену ему медленно заступили не туман, не дождь, а заморозки. Холодало ощутимо и быстро. К вечеру, если так пойдет, слякотная каша под ногами застынет и превратится в неровную корку. Уже сейчас было видно, как вода в лужах затягивается морщинистым ледком.

Впрочем, трое мужчин, стоящих за углом двухэтажной постройки, не мерзли. Винсент оглядел свою группу. Ирвин с Кемпом играли в «камень, ножницы, бумага» на щелбаны. А вот новичок — тот явно нервничал. Винс кивнул Ирвину, как раз выкинувшему ножницы на бумагу, и показал взглядом на Рекса. Друг кивнул в ответ, мол, сам уже заметил и принял к сведению.

У бойца может быть какой угодно опыт работы в чистой зоне, и какая угодно подготовка, но, первый раз оказавшись в черном секторе, теряются все. Это не столько страх в прямом его понимании, сколько непривычное осознание собственной уязвимости и роковой ответственности за каждый шаг. Облажаешься здесь — не вытащат. Помощь может опоздать или не прийти вовсе. Если подстрелят, рассчитывать придется только на себя и содержимое аптечки. Не будет ни докторов (кроме уличных), ни медицинского вертолета, ни быстрой доставки в лучший госпиталь.

И вроде бы всё это объясняют, и за периметр вышвыривают не одного, но паскудная нервозность, тем не менее, маячит где-то на периферии сознания… Потому что понимаешь: случись какая заваруха, отвечать за себя будешь сам, потому что если подставишь свою группу — какой ты, на хер, рейдер. Говно ты. Полное. И страх подвести, облажаться, стать обузой для коллег или вовсе причиной провала операции — вот этот страх жрал гораздо сильнее страха за собственную жизнь.

В общем, и Винс, и Ирвин хорошо понимали, что творится на душе у Рекса. Но утешать его, подтирать сопли и подбадривать не

собирались. У парня в голове вполне трезвая оценка реальности, сбивать ее настроем на «не ссы» и «мы с тобой» — значит посеять ложное представление о том, что всё под контролем. А это не так. В черном секторе ситуация может измениться в любую секунду. И к подобному повороту надо быть готовым тоже в любую секунду. Потому здесь каждый сам себя контролирует. И это надо очень четко уяснить с первого рейда. Ведь если не уяснишь, настоящим рейдером не станешь.

Поэтому старшие товарищи не мешали молодому нервничать. Получится из него что-то толковое или нет, станет ясно уже через пару часов. Тогда можно будет и по плечу похлопать, и приободрить на отходняке. Пока же и рано, и неуместно, и, в общем-то, бессмысленно.

«Мои на месте», — всплыло в очках Винсента сообщение от Ушлого.

Ну что? Понеслась.

Штурмовики в пятиминутной готовности сидят уже минут тридцать. Кара у конкурентов томится два с половиной часа, небось, совсем заскучала.

Винс вжал кнопку на дужке очков, отправляя девушке сигнал о начале операции. Вот и все. Теперь рейдерам остается только ждать. Либо команды от напарницы, либо первого громкого выстрела в доме за углом. Вряд ли рейдерше понадобится больше десяти минут на то, чтобы парализовать главных, значит, скоро группе Винсента выдвигаться.

Мало кто любит последние минуты перед схваткой, но Винс ими наслаждался. Упивался предвкушением боя. Ждал тех мгновений, когда мир сделается предельно чётким, голова — абсолютно ясной, а тело само станет действовать единственно верным образом. Ждал схватки и смертей. Чужих смертей.

* * *

Кара, получив сигнал, вздохнула с облегчением. Наконец-то. Уже всю задницу отсидела. Вообще, надо сказать, парень Ушлого сработал, что надо.

Их выцепили на улице, когда Кара громко орала и вырывалась из рук «поимщика» — молодого бойца по имени Сани. Тот материл её и отвешивал пинки, чтобы шла и перестала упираться.

— Булками шевели, сука ты драная! — шипел он.

— На хер иди, — советовала Кара, увертываясь от очередного поджопника, — Свой-то, небось, не стоит давно, как у доктора

того вонючего.

В разгар этой перебранки из подворотни и вынырнули пятеро крепких ниггеров, взяли парня с рейдершей в кольцо и быстро объяснили, что к чему.

Санни, надо отдать ему должное, был тот еще актер. В образ вжился, куда там иному актеру — и просил, и грозил, в итоге получил по роже, после чего откланялся.

…Само собой, добычу у него отжали, а потом поволокли куда-то по подворотням, попутно обещав оттрахать, если будет упираться. Кара осведомилась: на фига трахать? Это разве ускорит процесс передвижения? Сказали, мол, нет, не ускорит, но сделает приятнее. Для них. Она решила не выделываться. Цель-то — попасть на хату к заказчикам. Так что шла, не упираясь.

После этого её привели в какую-то халупу и запихали не то в подсобку, не то в чулан, где она скучала полчаса, не меньше. Затем дверь открылась, в каморку зашел крупный чёрный мужик, оглядел рейдершу сверху донизу, рывком поставил на ноги и снова куда-то повел. Сработало! Бивневские идиоты передали трофей заказчикам. А те, взяв анализ крови, проверили его на своей аппаратуре, после чего забрали приманку, щедро заплатив Бивню.

И вот теперь Кара сидела в пустой комнате, из которой наспех вынесли всю мебель. Пленницу приковали за лодыжку к трубе, торчащей из стены, и оставили коротать время на полу. На счастье, томиться в бездействии пришлось недолго. Операция началась.

Девушка поднялась, сделала несколько приседаний и махов руками, разогреваясь. Хорошая, конечно, штука имплантат стимулятора мышечной активности, равно как и сознательное управление терморегуляцией, но жрать с этих наворотов хочется безумно. Энергии они высасывают — будь здоров. Поэтому, когда мужики ржали над Кариной хохмой о поедании печени врагов, то даже не догадывались — рейдерша не шутит…

Впрочем, сегодняшняя операция вряд ли продлится дольше получаса, а значит, ребята с батончиками энергетического пайка подоспеют вовремя.

Кара задрала свитерок и провела ладонью по животу, открывая мышечную полость. Ничего серьезного там, конечно, не спрячешь, а вот небольшой пистолет с запасной обоймой, миниатюрный игольник и связку отмычек — вполне. Киборгизация — полезная штука. Правда, пока не опробуешь, не поймешь. Впрочем, сложностей в жизнь она тоже добавляет…

Рейдерша ударила об пол сперва одной, потом другой пяткой. Щелкнули замки, платформы полусапожек отделились.

Теперь, вместо высоченных громыхающих копыт, на ногах осталась удобная обувь с мягкой бесшумной подошвой.

Ну и, наконец, освобождение. Из правого кулака выщелкнулся короткий нанокерамический клинок, под которым послушно распалась цепь, приковывающая лодыжку к стене.

Все. Назад пути нет. Рейд начался.

* * *

Ирвин возился со своей аппаратурой — вытянул за угол щуп и теперь отлаживал его, меняя градус обзора.

Некоторое время рейдер молчал, анализируя информацию, поступающую на очки, после чего начал перечислять:

— Камера в углу и датчик-размыкатель у нижней петли входной двери. Может, ещё что есть, но отсюда не просекается. Замок вскрою влёт. Короче, минута — и мы внутри без шума и пыли. Камеру, правда, придется просто ослепить, но тут — увы. Она по ходу на оптоволокне или лазере, перехватить не смогу.

— Вышибной заряд на всякий случай тоже готовь, — не удержался от совета Винс. — Мало ли.

— Жену свою учить будешь, — беззлобно сказал Ирвин. — Когда обзаведешься. Вообще хорошие клиенты. На электронику полагаются. Вот если на входе голимая леска, которая кирпич в груду стекла роняет, тогда хрен войдешь по-тихому. А тут — цивилизация.

Винсент в ответ пожал плечами. Хорошие, плохие… Скоро будут мертвыми. А значит, разницы никакой. И он кивнул, давая группе знак нацепить активные наушники.

* * *

Кара мягко опустила на пол отяжелевшее тело и вышла из комнаты как воспитанная девочка, прикрыв за собой дверь.

Встроенные усилители слуха у рейдерши работали отлично, а привычка насвистывать оказалась для часового фатальной. За своими трелями он прозевал тихое пощелкивание отмычек и проворот личинки замка. Все-таки прокачка себя любимой электроникой — невероятно удобная штука. Еще бы ПНВ в глазки встроить, чтоб в темноте видеть, и видеодатчик в руку: выставила палец за угол — и полный обзор. Но, пока глазные имплантаты от вспышек нормально защищать не научились, Кара их ставить остерегалась.

Девушка двинулась по коридору, сжимая в одной руке бесшумный пистолет, а в другой микро-игольник.

Ну и где искать местных главарей? Блин, поневоле позавидуешь группе Винса! Они за это время, наверняка, получили хотя бы примерный план помещения. Каре же приходится красться наугад.

Лады, а если подумать?

Камера над главным входом была. Сигнализация была. Значит, где-то есть основной пульт. А там, где основной пульт, рядом должны быть и центровые.

Банда у них некрупная, рыл десять-пятнадцать, а судя по тому, как отремонтировались, — заложенные окна, добротные двери, нормальные полы, — база тоже невелика. На фига обихаживать до хрена помещений, если народу мало? Да и дорого это. Ок. Что ещё? Судя по всему, в здании живут. Но вокруг нет мебели и темно. А люди предпочитают обитать там, где есть окна и хоть какая-то обстановка. Опять же, нужно следить за улицей. Теперь, если учесть, что по лестницам Кару не вели, значит, обжитые помещения этажом выше… Она ведь видела по пути лестницу! Да уж, вести заложника в свою нору без мешка на голове — очень опасная ошибка. И скоро местные долбоебы осознают, почему.

В этот момент рейдерша услышала дыхание и шорох одежды. Соседняя комната. Ольфактометры уловили запах сигаретного дыма.

Что ж, курить — здоровью вредить. В прямом смысле слова. Мог бы пожить на полчаса дольше. Она уже подобралась для рывка, но услышала чьи-то шаги.

Подождем. Пусть умрут двое.

* * *

Батый сокрушенно покачал головой, глядя на толпу нанятых ебланов. Они, конечно, старались шуметь потише, но, как это у ебланов и бывает, получалось не очень. Сгруппировались, разбились на четверки. Типа все по уму. Ага. А на лицах минимум интеллекта. Пушечное мясо, что с них взять.

Щелкнула рация на поясе. Раз, потом ещё. Условный сигнал. Отлично, значит, стрелки на позициях. А теперь соло. Батый раскрыл лежащий у ног длинный чёрный кофр и вытащил трубу одноразового гранатомета. Вторую передал чикано, после чего звонко щелкнул пальцами. Его услышали. Главари банд подобрались, сосредоточились. Батый медленно прижал к губам

указательный палец и следом показал кулак. Старшие засуетились, наводя порядок в рядах. Тишина и пиздец. Скоро на выход.

* * *

Вот так подарочек! Кара застыла, чуть высунувшись из-за угла. Даже искать не пришлось. На ловца и зверь бежит.

Прямо перед лестницей стояли двое — старший банды, который проверял показания Кариных анализов, и тот, что шаманил со сканером крови. Вы ж мои лапочки!

Руки сработали быстрее головы — игольник два раза тихо щелкнул. Мужики мягко осели на пол. Еп!!! И куда их теперь? Здоровых таких! А место самое проходное! Сейчас кто-нибудь сверху спустится, и трындец. Да мать же вашу…

А может…

Рейдерша метнулась под лестницу и включила имплантированный передатчик.

* * *

— Парализовала самых жирных. Двое. Лежат перед лестницей. Тревога через две-три минуты, — скороговоркой зачастил наушник очков. — Работайте, ребята. Только без гранат и контрольных выстрелов. Дичь загубите.

Винсент усмехнулся, убрал игольник и достал пистолет-пулемет, в другую руку взял светошумовую гранату. Остальные повторили действия за старшим. Все, кроме Кемпа. Этот поудобней перехватил укороченный штурмовой пулемет. Вот кому не надо беспокоиться о патронах — пяти сотен в ранце за спиной хватит по любому.

Пока ребята группировались для броска, Ирвин вскинул рогатку, высунулся из-за угла, и рядом с камерой, висящей над входом в подъезд соседнего дома, шмякнулся маленький шарик «слепилки». Облачко аэрозоля накрыло линзу.

А теперь побежали!

Ирвин рванул вперед, подлетел к двери, быстро навесил на металлическое полотно заряды на промлипучке: один — в область замка, два — на петли, после чего метнулся за ближайший выступ стены, скорчился у самой земли и нажал кнопку взрывателя. Стена содрогнулась, по улице пронесся грохот, и в облаке пыли стало видно, как дверь падает внутрь проема.

Винс с ребятами снялись с места. Роли были давно распределены, и каждый знал свой сектор ответственности. В

задачу Рекса, как новичка, входило держать тыл. Кемп давил всех впереди и контролировал продвижение группы. На Винсе и Ирвине была зачистка.

Когда рейдеры ворвались внутрь, пыль еще не успела осесть. Четверо мужчин организованно двинулись по узкому коридору с двумя запертыми дверьми. Кого и когда останавливали замки и двери? Короткая очередь, удар ноги, светошумовая внутрь. К стене! Два взрыва слились в один — за спиной Ирвин почти синхронно повторил действия старшего. Руку с оружием внутрь — осмотреться.

Так и есть, видеокамера на стволе пистолета-пулемета, выставленного в проем, передала на очки изображение — что-то дергалось возле дальней стены. Короткая, в три патрона, очередь, и никаких шевелений. Чисто!

Две очереди за спиной от Ирвина. Чисто!

Дверь впереди. Скорее всего, в зал с лестницей. Из-за неё кто-то огрызнулся одиночным выстрелом. Кемп в ответ послал длинную очередь на уровне груди — не убить, а напугать и заставить укрыться. Винсу этого хватило, чтобы подскочить к двери и вжаться в стену рядом. По ту сторону влип в стену и Ирвин с очередной светошумовой гранатой.

Один… два… Ирвин уже потянулся, чтобы выдернуть чеку…

— Парни, просила ж без гранат! Шуму боюсь, и клиентов помять неохота, — голос Кары, раздавшийся в наушнике Винса, был весел.

Ладно. Тогда просто выбить дверь с ноги. Вперёд.

Большой зал. На полу три тела. Двое вроде целы, третий с простреленной головой. Лестница справа, двери впереди и слева. Из укрытия обозначилась Кара и жестом показала: «Та дверь — чисто».

Винсент вскинул руку, призывая группу на миг остановиться, и знаками распределил роли: Кемпу — контролировать лестницу, Ирвину и Рексу — тащить вырубленных. Сам подскочил к двери спереди.

Взмах рукой — работаем!

Кемп прошил створку рядом с Винсом длинной очередью, после чего дал предупредительную поверх лестницы, чтобы желающие героически отдать жизнь сперва подумали. Они и подумали. Ни один не высунулся.

Винсент бросил Каре запасной пистолет-пулемет и подсумок с обоймами.

Камера заднего вида показала, как Рекс с Ирвином взвалили на плечи бесчувственные тела главарей и потащили их прочь, девушка отступила следом, прикрывая спины коллег. Ушли.

Завершающий аккорд — Винс швырнул в дверь рядом с собой оборонительную гранату.

Взрыв.

Кемп снова дал для острастки несколько длинных очередей по лестнице.

Вот теперь назад. Кемп последним. Сверху кто-то завозился… Поздно, падлы. Кемп послал короткую очередь. Затихло.

А теперь ходу ранее пройденным путём!

Винсент трижды нажал на дужке очков сигнал вызова на рацию Батыя. Настал черед местных вписываться в разборки. Пусть штурмуют с парадного входа, отвлекая выживших.

Рейдеры проскочили короткий коридор. Здесь Винс, одной рукой сменяя магазин, другой оттащил в сторону Кару — без броника же, куда вперёд-то. Прыгнул через выбитую дверь и тут же словил две пули в бронежилет. Падение, перекат, длинная очередь «куда-то туда».

Из проема осторожно выглянула рейдерша. Несколько расчетливых выстрелов в развалины дома напротив, и из провала в стене выпал, заваливаясь на бок, здоровенный мужик. Бычара в черной куртке с эмблемой в виде ярко-красных рогов.

Что за придурок? Откуда? Похер. Левый какой-то. Винсент поднялся на ноги, чувствуя, как пульсируют ребра. На улицу повыскакивали остальные.

Ходу!

Мля, как дышать-то больно. Вот же падла рогатая!

* * *

Батый усмехнулся, когда толпа гопоты, готовая стрелять во всё живое, вывалилась на улицу. Со второго этажа офис-центра тут же открыли огонь прикрытия его стрелки, предусмотрительно выставленные на удобную позицию. Не дело, если опомнившиеся обитатели дома перебьют долбоебов еще на подходе.

Пальба стояла — загляденье. Уши закладывало. Но все же Батый выждал еще несколько секунд, после чего вышел из-за угла уже с гранатометом на плече. Поймал дверь в прицел… Пуск! И сразу же, не глядя на результат, убрался обратно.

Чикано без подсказки выставил за угол видеокамеру. Толковый парень.

— Точно в дверь, — парень аж лучился от радости.

— Ну, тогда за упокой, амиго, — старший вытащил из кармана куртки фляжку, отвинтил колпачок, хлебнул и передал помощнику.

— За упокой кого? Ихних или наших? — уточнил тот.

— Наших там нет, так что просто — за упокой. Всех, кто сдох или вот-вот сдохнет, — хмыкнул собеседник, садясь на каменный выступ и откидываясь к стене.

Чикано усмехнулся, сделал глоток и вернул фляжку владельцу.

— Тебя как звать-то? — лениво спросил Батый, чувствуя прилив благодушия.

— Рамон, — ответил чикано, явно польщенный.

Со второго этажа в холл спустились стрелки.

— Прорвались наши гопники, — спокойно сообщил их старший. — Всего пяток на подходах потеряли.

— Прекрасно, — сказал Батый, поднимаясь. — Уходим.

* * *

Цифрыч довольно откинулся в кресле, созерцая плоды своего труда — папки, связи, файлы, цифры, текст, таблицы… Результат анализа приятно радовал глаз. Добытые данные сходились как с рассказом Айи о её жизни в интернате, так и с двумя делами ее сокурсников, вытянутыми Цифирью для подтверждения или опровержения полученных от Айи фактов. Мало того, эти данные не расходились со сводной статистикой, которую удалось вытащить уже под конец сеанса, когда установленная Керро приблуда пёрла из баз данных все, до чего могла дотянуться.

Таким образом, можно считать достоверным, что Айя Геллан действительно четыре последних года жила и училась в восемнадцатом интернате.

Хорошо, что когда-то Тим Бимберли — уроженец белого сектора — отказался от более чем лестного предложения пойти на обучение в похожее заведение.

Шизануться, они там, в натуре, гимн поют три раза в день. Причем искренность исполнения оценивается отдельно и учитывается в интегральной оценке. А история корпорации в общем зачёте стоит выше математических дисциплин! Ипать…

Эх, до сих пор помнится выражение лица того эсбэшника, которому Тим (да-да, тогда еще не Цифрыч, а Тим) при побеге вогнал в бок заточку. Знай наших. Белые кварталы, конечно, не чёрные, но и не эта теплица за периметром.

Ладно, приятные воспоминания после. А что чутье Тима-Цифрыча никогда не подводило, так он о том знал. Сколько раз из передряг всяких вытаскивало или, наоборот, выводило на прибыльные дела.

Хакер довольно хмыкнул и закурил очередную сигарету. В комнате уже без противогаза сидеть было нельзя, дальше вытянутой руки за дымом ничего не разглядеть, но курить всё равно хотелось. Сделав пару затяжек, Цифирь поразмыслил и вытащил из кармана штанов пластиковый пузырек с рабочей химией. Вытряхнул на ладонь сине-белую капсулу, не глядя, забросил её в рот и проглотил. Тело хочет спать, а мозгу нужно бодрствовать, и иного пути заставить туловище делать то, что ему не хочется — не существует.

Итак, дальше. Теперь события, люди, подразделения и вообще всё, что есть о «Крио-Инк Мариянетти». Часть работы он уже сделал раньше. Например, добыл и просмотрел официальную историю корпорации. Вытащил имена и фотографии её самых знаменитых исследователей.

Ирония судьбы — при всей секретности, царящей в корпорациях, сотрудники вынуждены устраивать внутренние конференции, чтобы научники не теряли квалификацию. А следом за внутренними, про которые узнать непросто, проводятся и межкорпоративные — совместные с корпорациями-союзниками. И вот инфу с них добыть уже вполне реально. При должной смекалке и подготовке. А главное — участники известны, равно как и их ранг в неформальной иерархии ученых.

Цифирь присвистнул. Какие красавцы, однако, в «Мариянетти» трудятся! Гений Смерти Дерек Вулкинс, например. Работал на стыке дисциплин и творил такое…

Тут хакер невольно поежился — мозгового червя, за полчаса вгоняющего пользователя в кому, и он, и все его коллеги до сих пор отлично помнили. Антивирус, конечно, написали, но сколько ж народу передохло, пока разрабатывали. А всего-то типовой троян, но подкрепленный уязвимостью голоэкрана и мало кому известным воздействием голополей на мозг. Сидишь, смотришь, вдруг — опа! — картинки перед глазами замелькали, какие-то цифры, а потом — бац! — мордой в стол и уже мозги из ушей текут.

И ведь еще восемь лет назад мистер Вулкинс тихо-мирно готовил доклад о совмещении биологических вирусов и наноботов, а через три года взял да окочурился. А может, помогли. Такой суке, право слово, не зазорно было бы.

Или вот Викки Морган — Шиза-Красава… эта жива, зараза.

Почитал про них, как в канализации искупался. Ладно, хватит пока. Цифрыч подключил связь и запустил цепочку прокси, задав параметр на поиск по первым пятерым научникам и первым десяти событиям, попадающим в интервал от шести до четырёх лет назад. Потом закурил ещё одну сигарету, покрутился

задумчиво в кресле и решил, что пускай первыми пойдут те, кто посередине. Как раз и Гений Смерти с датой преждевременной кончины идеально попадает.

Итак, кому из недоброжелателей Тима Бимберли повезёт первым? Скоро узнаем. Это ведь какой-то идиот сказал, будто враги — зло. На самом деле нет. Их атаки дают возможность пропихнуть к ним управляющие программы, и когда надо остаться в тени… велком, враги. Вы очень пригодитесь.

* * *

Рейдеры не стали заморачиваться с конспирацией, протащили «подопытных» полквартала, заволокли в ближайшие руины, худо-бедно защищающие от пронизывающего ветра, и устроились перекурить.

Языкам стянули руки и ноги одноразовыми наручниками и швырнули на пол.

Винсент встал над пленными и покрутил в пальцах шприц-тюбик, попутно отмечая, что в уголке очков появилась иконка полученного недавно инфопакета. В горячке даже не заметил. Впрочем, это позже. Сейчас — конкуренты.

— Итак, господа, на все вопросы, которые я додумаюсь задать, вы мне ответите. И ответите честно. Об этом позаботится фармацевтика. Но, увы, у допросной химии есть существенный недостаток — инициатива у людей исчезает начисто.

Пока он говорил, Кемп шагнул к пленным, поднял их и усадил, привалив к неровной стене, после чего вколол антидот к парализатору. Винс присел на корточки и посмотрел в глаза сперва одному, потом другому из захваченных. Мужики были приблизительно его возраста — крепкие и, похоже, не из фанатиков. Нормальные наёмники. Смотрели оба без ненависти, напротив, с глубочайшим вниманием. Ждут. Жизнь пожили, знают, что к чему, потому и не выделываются, понимают — вещают перед ними не просто так. Винсент усмехнулся и продолжил:

— Однако… я готов подарить одному из вас шанс, — рейдер поднялся и застыл над пленными, скрестив руки на груди, — тот из вас, кто до укола сообщит мне нечто более интересное, чем другой, и, разумеется, подтвердит это под химией — останется жить. Отпущу целым и невредимым. Думайте, господа, паралич полностью сойдет через пять минут. Да, то, что вы работаете на корпов — мне уже известно, поэтому, дабы не терять наше с вами драгоценное время, начинайте сразу с этого любопытного факта.

Винсент отошёл на несколько шагов и отвернулся, чтобы скрыть гримасу боли — рёбра под бронником ныли, будто переломанные.

Пять минут прошли незаметно. Кара хрустела протеиновыми батончиками, методично уничтожая сухпай, Рекс тихо приходил в себя, Ирвин любовно возился с аппаратурой, укладывая ее в транспортные чехлы, Кемп контролировал улицу.

Винс сидел на отвалившейся от стены кирпичной глыбе и задумчиво смотрел на бывших конкурентов. Наконец, те отмерли. А уж говорить стали вовсе наперебой, забыв о былом товариществе. Впрочем, какое товарищество у наёмников? Вот только ни один ничего ценного не сказал, хотя оба очень старались. Все как обычно. На кого работали — не в теме, каналы связи сдали, про возможную вторую команду конкурентов не знали. Кое-что интересное сообщили, но ценное не для Винса с ребятами, а для связистов.

Ладно, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Хотя в целом смешно — это ведь связисты работали инфоподдержкой Винсу, а не наоборот. Но не держать же абсолютно ненужную себе информацию. Опять-таки отблагодарят за помощь.

Ну и, конечно, нужно передать наверх каналы связи. Пусть аналитики «Виндзора» думают, как успеть их использовать. Винсент свою задачу выполнил — группу конкурирующей корпорации уничтожил, а новую быстро не зашлют, так что минимум день отыгран, а если хоть сколько-то повезёт — три-четыре.

Ладно, отдохнули, и пора за дело. Только балласт надо сбросить.

Балласт, к слову, сидел по-прежнему на полу. Взгляд у обоих пленников был пустой, тела обмякшие, безвольные. На лицах — полное равнодушие.

Винс вытащил из рукава узкий нож и затылком почувствовал чей-то внимательный взгляд. Тут даже на изображение с камеры заднего вида смотреть не нужно, чтоб понять, кто там его спину сверлит. Рексу всё в новинку. Поэтому шаблоны его то и дело рвутся, а уж трещат при этом так, что на весь сектор слышно. Коротким ударом Винсент вогнал клинок в глаз ближайшему из пленников. Тот дернулся и застыл, а потом мягко завалился на бок.

— Рекс, подойди, — сказал Винс негромко.

Молодой приблизился как-то уж слишком осторожно, будто опасался, что окажется следующим.

— Исполни второго.

Нож прокрутился, и рукоять протянулась к новичку.

— Вперёд, — рейдер кивнул на одурманенного допросной химией пленного.

В наступившей тишине было слышно, как Рекс громко сглотнул.

— Вопросы? — холодно поинтересовался старший.

Рекс напомнил осипшим голосом:

— Ты обещал отпустить.

Винсент хмыкнул:

— Если тебе пообещают, будешь знать, что врут.

Новичок оглянулся, но лица других рейдеров оставались по-прежнему равнодушными. Кара грызла уже четвертый энергетический батончик, Ирвин зевал, Кемп следил за улицей, не обращая внимания ни на что другое.

— Как вариант — можешь отказаться, — напомнил Винс. — И по возвращении пойдешь назад в свою ГБР.

Рекс замер, переводя взгляд со связанного пленника на рукоять ножа, а с рукояти ножа на пальцы Винса, сжимающие измаранный в крови клинок.

— Решай, — старший по-прежнему не повышал голоса. — Не сможешь — рейдером тебе не бывать. Но ведь на рейдерстве свет клином не сошёлся. Вернёшься туда, где работал, может, даже в штурмовики возьмут. Или, — он усмехнулся, показывая, что шутит, — в каратели. Но к нам больше не попадёшь. Никогда.

Его собеседник медленно, будто вокруг него изменилась гравитация, взял оружие и несколько мгновений словно привыкал к изменившейся силе тяжести. А потом развернулся к пленному и вогнал клинок ему в глаз. Лезвие скрежетнуло по кости, жертва дернулась и обмякла. Рекс вытащил нож и уставился на окровавленное лезвие, словно не зная, что с ним теперь делать.

— Оботри и отдай, — ровным голосом подсказал Винсент, вытирая руку о футболку трупа.

Парень моргнул, наклонился к телу, тщательно вытер клинок и рукоятью вперед протянул старшему.

— Поздравляю, рейдер, — сказал Винс. — Из тебя будет толк.

С этими словами он протянул Додсону руку. Рекс, чуть поколебавшись, принял рукопожатие, но остался задумчивым и слегка отрешённым.

— Идём, — хлопнул новичка по плечу Ирвин. — Скоро отпустит.

С места снялись быстро — забросили на плечи сумки и вышли на замерзшую улицу. Ветрище здесь дул…

На выходе из узкого переулка рейдеры было вскинули оружие, но по знаку Винса опустили стволы. Возле глухой стены стояла невысокая изящная девушка-азиатка в узких джинсах,

теплой курточке и с объемным пластиковым пакетом у ног.

Винсент подошел к Су Мин:

— Можешь еще чуточку посодействовать?

— Конечно, — ее лучезарная улыбка не вязалась с низким серым небом и развалинами вокруг. — Но сперва — нормальную одежду вашей леди. Сами ведь не подумали.

Кореянка ногой подвинула к собеседнику пухлый пакет.

— Спасибо, — рейдер тоже улыбнулся. — Не проводите ребят отдохнуть в хорошее место, а меня — куда-нибудь в тепло, где можно спокойно посидеть? — даже со стороны было понятно: мысленно он уже достал планшет и начал с ним работать.

— И всё? — удивилась она.

— Ну… пока да, — Винсент кивнул через плечо. — Если вон тому пареньку поспособствуете с психологической разгрузкой, буду отдельно благодарен.

— Насколько благодарен? — в узких глазах сверкнула озорная искра.

— А насколько надо?

Су Мин рассмеялась и спросила:

— Почему только ему?

— Остальным без надобности, — Винсент посерьезнел. — Сами разберутся. А этот, можно сказать, только что лишился невинности.

Девушка насмешливо вскинула брови.

— Ну, раз так… — узкая ладонь поднялась вверх, и на короткий взмах из развалин показались двое мужчин. Несколько фраз на корейском, и Су Мин повернулась обратно к собеседнику. — Ребята проводят, куда надо, объясни своим. И пойдем, отведу в тепло «спокойно посидеть».

* * *

Винсент опустился на низенькую подушечку, вытянул ноги и откинулся к стене. Куртка, бронежилет, равно как и ботинки, остались возле входа за ширмой.

Теплый пол приятно согревал озябшее тело. Хорошо-то как! Только правый бок пульсирует. Вроде не перелом. Может, трещина? Хотя не… броня на гелевой основе сильно смягчает удар. Да и выстрел был все же пистолетный, а не пулеметный. Просто хороший ушиб. Падла рогатая…

— Рискованно играешь, — окликнул рейдер Су Мин. — Показать чужаку свою лёжку…

— Во-первых, я всегда рискованно играю, — отозвалась из-за

ширмы хозяйка. — Мог бы уже и заметить. А во-вторых, лёжка не единственная, и ты уже не совсем чужак. Я умею просчитывать риски. Между прочим, ты, сняв бронежилет, рискуешь гораздо больше.

Кореянка, наконец-то, вышла из-за ширмы со столиком-подносом в руках. Поставила его перед гостем, улыбнулась:

— Работай. Если что-то понадобится — я в твоем распоряжении. Кстати, молодому вашему психотерапия еще нужна?

— Конечно… — Винс не успел продолжить.

— Сейчас обеспечим, — девушка изящно повернулась, достала из неприметной ниши в стене коммуникатор и выбрала контакт.

Винсент, стараясь не морщиться от боли в ребрах, вытащил планшет, выставил режим шифрования, чтобы изображение было понятно только через очки, и начал разбираться с присланной информацией. Рядом щебетала по телефону Су Мин. Если прикрыть глаза и не вслушиваться, то может показаться, будто это одна из знакомых Эледы, вроде тех, что были на девичьих вечеринках еще там — в корпзоне. Только вот Винс ни на секунду не сомневался, что с тем же милым щебетанием кореянка перережет горло любому, кому потребуется. И колебаться, в отличие от Рекса, не будет даже доли секунды. После чего пойдёт дальше, всё так же мило улыбаясь.

Место младшего бонзы получают не за приватные встречи с нужными людьми, на него восходят по трупам соперников. А милая внешность и умение доставить удовольствие мужчине — не более чем один из козырей. Причём далеко не самый крупный. Отнюдь не самый.

— Не поверишь, — Су Мин убрала коммуникатор, — но сестрица моя решила лично провести сеанс психологической помощи. Повезло вашему молодому. У неё большой опыт, — девушка тихо засмеялась.

— Как у тебя? — спросил Винс, не отрываясь от планшета.

— Нет, гораздо, гораздо больше, — вкрадчиво сказала Су Мин.

— Если ты думаешь, что я ему завидую, то не угадала, — ответил рейдер.

Кореянка улыбнулась:

— Ладно, работай. Не буду отвлекать. Понадоблюсь — зови, — с этими словами она ушла за дальнюю ширму.

Винс с трудом сосредоточился на инфопакете.

«Проникновение бла-бла-бла… Следов не обнаружено, кроме двух светошумовых мин с активацией по прерыванию луча и

наконечника микролебедки производства бла-бла-бла». Ёпть, ну кто так отчеты составляет? Следов, мля, не обнаружено — и сразу, что таки обнаружено.

Эледа б за такое ядом до костей прожгла.

Ладно, что там дальше?

«Биологических материалов проникшего не обнаружено, отпечатков пальцев не обнаружено. Бла-бла-бла».

Короче, по этому эпизоду голяк. Залезть мог кто угодно.

Дальше.

Отчёт о действиях охраны. Ну, эти пролажали всё, что вообще возможно.

Отчёт электронной безопасности. А вот тут отработали чётко. Список украденных материалов: разнарядки, полное личное дело Айи Геллан и одной из трёх её соседок по комнате — Джены Сэттл. Общие списки учащихся за последние шесть лет…

Это-то зачем? Айя ведь по любому расскажет всё, о чём спросят… проверка её инфы? Ну да, логично. Нет, всё равно странно… хотя… допросная химия исключает ложь, но не добросовестное заблуждение. Они что, подозревают, что у этой девчонки ложная память?

Отчет поисковой службы. По данным спутников обнаружили группу, вывели беспилотник для подтверждения, ввиду отвлечения сил ГБР, в связи с отдельным приказом от…, был послан запрос на использование аэромобильной штурмовой группы… Так вот куда прикрытие ночью делось. И здесь Ленгли подгадил, сам того не подозревая.

Ну-ка, ну-ка… Винсент пробежался взглядом по приложенной карте. Хм. А толково ребята стояли, хрен бы к ним ГБР успела. Но на вертолёт не рассчитывали. Да и кто в здравом уме будет на него рассчитывать?

Отчеты штурмовиков. Еще не получены, хрен с ними.

Отчеты вертолётчиков. Взлетели, пошли на цель, были атакованы… видео прилагается.

Весь инфопакет Винсент разобрал за полчаса. Ну да, кто-то провёл отличную операцию по внедрению спецоборудования и добыче информации с серверов интерната. Потом этот кто-то отошел к группе поддержки. А когда группу поддержки начал нагонять вертолёт, она организованно отступила по пути заранее подготовленного отхода, спустилась в подземные коммуникации и свалила без потерь. Ну, не считая того странного инцидента.

И никаких зацепок, никаких следов. Даже машину не пожалели — сожгли, когда бросили.

По пулям и гильзам, собранным в здании, где шла перестрелка, равно как и по используемым минам, ничего

эксклюзивного нет. Впрочем, и не удивительно — производителей оружия на континенте минимум шесть, и это только крупняк.

Опознавать ту сумасшедшую, что атаковала вертолёт, не по чему. После очереди бортового минигана для опознания мало что осталось. Но даже и то, что осталось, никакой особой информации не дало.

Всех зацепок — только короткое видео, сделанное с вертолёта, но там хрен чего различишь, как и на видеозаписи с нашлемной камеры бортстрелка. Девушка с колена бьёт одиночными по вертушке… и все. Качество так себе, но насколько могли, почистили и приблизили.

— Су Мин, — негромко окликнул Винсент.

Кореянка мгновенно вышла из-за ширмы, словно только и ждала, когда он позовет.

— Посмотри. Видела её раньше? Может быть из вашего сектора.

Рейдер отключил режим шифрования, развернул изображение в голополе к собеседнице и запустил короткий ролик ещё раз.

— Сейчас замедленно воспроизведу.

— Не надо, — кореянка мягко коснулась его руки. — Видела, конечно. Не раз. Это Алиса из кроликов. И если уж она там была, можешь не сомневаться — их банда тоже участвовала.

— Где их искать, знаешь? — спросил Винс.

— Минутку.

Она снова достала коммуникатор, кого-то набрала, коротко поговорила по-корейски, нажала отбой и повернулась к мужчине:

— Нигде. Утром снялись и ушли из сектора. Если легли на дно, то ты их и со спутника не найдешь.

— А на кого они могли работать? — спросил Винс и уточнил: — Или могли ввязаться в историю сами по себе?

— Работать только на Керро. А Керро работает на всех, кто может его заинтересовать, — девушка пожала плечами. — Ну и сами легко могли влезть во что угодно. Они же психи, — она чуть помолчала и грустно закончила: — А на улицах сегодня будет праздник. — С чего вдруг? — удивился собеседник.

— Ты хоть представляешь, скольких она вот, — Су Мин кивнула на стоп-кадр над планшетом, — поубивала? Наобум, без смысла, без системы, без корысти. Просто шла и валила.

— Нет, конечно. Откуда? А ты чего тогда нерадостная?

— Мне она в любом случае угрозы не представляла. И она была… настоящей. С её смертью мир стал ещё чуть-чуть гаже… понимаешь?

— Нет, — Винсент ответил отчасти на автомате, отчасти потому, что действительно не понимал, как гибель психопатки-убийцы может сделать мир ещё гаже.

В голове в это время всплыли слова Керро: «Если окажется, что она — нечто большее, цена вырастет». Черт. Айя была у Керро уже тогда, а Винс — рейдер из лучших — этот момент упустил!

— Но мне жаль, если так, — продолжил он и добавил: — Перекинь Керро просьбу связаться. Мой контакт он знает. И к мальчишкам пошли кого-нибудь, пусть тоже ищут и то же самое передадут.

— А Ушлый? — спросила кореянка. — Кстати, Керро не видели в секторе со вчерашнего дня.

— С Ушлым сам свяжусь… если потребуется. Однако не хотелось бы, — Винс устало закрыл глаза, — и уж точно не сейчас.

— Снимай, — улыбка в голосе превратила приказ в игру, — и свитер, и футболку. Давай, давай.

— Тебе ночи было мало? — Винс с трудом разлепил веки.

Су Мин стояла над ним, и в тёмных глазах прыгали озорные искры.

— Раздевайся. Здесь хозяйка я, так что слушайся.

Рейдер вздохнул и покорно стянул одежду.

— Ничего себе! — восхитилась девушка и опустилась рядом с ним на колени, осторожно касаясь ребер кончиками пальцев.

Винс скосил глаза — правый бок у него сиял всеми оттенками закатного неба.

Кореянка покачала головой:

— Ложись, — она легким толчком опрокинула мужчину на циновку и заставила перевернуться на живот.

— А теперь спи, пока можешь, — шепнули, задевая ухо, мягкие губы.

Теплые ладони заскользили по напряженным плечам, и Винсент сам не заметил, как отрубился.

Очнулся мгновенно, без долгой раскачки — свежий, полный сил. Однако короткий взгляд на таймер так и не снятых очков показал, что прошло… десять минут. А будто сутки дрых.

И тут же обожгла запоздалая мысль: «Планшет разблокирован!» Но Винсент сумел не дернуться. Лишь скосил глаза вправо на маленькую нештатную утилитку, которая вела отсчет активности. Предыдущая работа около пятнадцати минут назад. Су Мин не тронула его технику. Ну, конечно. Она слишком умна и расчётливо осторожна для подобных глупых рисков. И всё-таки от сердца отлегло.

Рядом тихо рассмеялась женщина, даже не догадывавшаяся о

его мыслях.

— Древние восточные техники, — сказала она, явно довольная собой. Тонкие пальцы взъерошили Винсенту волосы на макушке. — До вечера тебе этого хватит, а вечером… второй сеанс. Не то надолго свалишься, — уже серьезно предупредила кореянка. — А так — выспишься и к утру будешь в полном порядке. Кстати, твой бок я регенерирующим спреем побрызгала, а то смотреть страшно.

* * *

Агент Ленгли задумчиво постукивал пальцами по подлокотнику кресла. Он уже в пятый раз просматривал видеозапись и материалы, присланные с места стычки, а сейчас над голограммером перед ним висела проекция командира штурмовой группы. Смешно, но Джеду до сих пор было проще общаться с уменьшенным изображением человека по видеосвязи, нежели с проекцией в натуральную величину. Последняя, кстати, выглядела не слишком натурально, к тому же стационарные казенные проекторы были дешевы и воспроизводили человека только до плеч, причем без окружающей его обстановки. Из-за этого казалось, будто с тобой разговаривает отрезанная голова. Если же учесть, что лицо у командира штурмовиков было надменно-застывшим, то сравнение казалось не таким и надуманным.

— Господин Кастольядикус, за операцию вас отымеет либо наградит ваше начальство, — агент Ленгли сфокусировал взгляд на стене кабинета, глядя сквозь голограмму собеседника. — Меня интересует лишь информация, важная для моего расследования. Однако ее качество и количество вполне может повлиять на мое желание пообщаться с этим самым вашим начальством насчет степени отымения или щедрости награды.

Лейтенант в ответ на эти слова промолчал, выражение лица у него не изменилось, однако в глазах промелькнуло едва сдерживаемое бешенство.

Командиру штурмотделения было около тридцати: опытный боец с отличным послужным списком. И тут вдруг такое фиаско в плёвом, казалось бы, деле. А теперь ещё и допрос, учинённый шишкой, близкой к совету директоров. Допрос откровенно унизительный — объяснять офисной крысе, почему провалили задание. Крысе, которая, небось, и не бывала в реальной схватке.

— Что ж это за группа такая, которая играючи ушла от штурмовиков… — тем временем пробормотал Ленгли, продолжая

просмотр записи.

— Хорошая группа. Сработанная, — зло ответил собеседник, полагая, что обращаются к нему.

— Да уж, вижу. Куда лучше вашей, — заметил Джед.

— Приспособленней, — с холодной ненавистью поправил его лейтенант.

— Лейтенант Кастольядикус, — агент Ленгли откинулся на спинку кресла. — Объясните мне, почему им все-таки удалось уйти?

Командир, по-прежнему глядя перед собой, ответил:

— Фора во времени, сэр, отход через знакомое здание, отсутствие мин на пути отступления. Я всё изложил в отчете.

— Ясно. А вот эта девушка, — Джед повернул к собеседнику планшет со стоп-кадром на экране, — она была оставлена, чтобы вас отвлечь?

Брайн едва заметно усмехнулся:

— Никак нет, сэр. Штурмовую вертушку автоматной очередью не остановить.

— А зачем тогда? — искренне удивился Ленгли.

— Не могу знать.

Джед про себя выматерился. За годы работы в службе безопасности он так и не научился ладить с военными. Любые разговоры с ними напоминали ему допрос: односложный вопрос — односложный ответ. Чтобы хоть что-то узнать, следовало раз пять спросить одно и то же, по-разному сформулировав фразы. Да, конечно, есть отчеты, но они сухи, косноязычны, полны канцелярщины и не передают мелких деталей случившегося, а сейчас важна каждая крупица.

— Охарактеризуйте группу противника, лейтенант. Что вы можете о них сказать?

— Сработанные, опытные, с выдумкой, дерзкие, неплохо экипированные, не нищеброды — машину легко бросили и уничтожили.

Никаких зацепок…

— А почему дерзкие? — спросил Ленгли и осёкся, вглядываясь в очередной кадр видеосъемки. — Лейтенант, можете быть свободны, благодарю за службу, — сказал Джед, сразу же потеряв всякий интерес к собеседнику.

— Есть, сэр, — командир мгновенно оборвал связь, словно опасался, что гражданский передумает и опять начнет терзать его глупыми вопросами.

Однако агенту Ленгли было уже плевать на лейтенанта, его операцию и его облажавшуюся группу, он нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Элен, соедините меня с отделом криминальной экспертизы.

Запиликала мелодия гимна корпорации, однако уже через пару секунд она оборвалась и простуженный голос сказал:

— Отдел криминальной экспертизы, старший эксперт Уот Дженкс.

— Специальный агент службы безопасности при совете директоров Джед Ленгли. Мистер Дженкс, только что по внутренней сети я отправил вам снимок с места одной стычки. Будьте любезны, проведите сравнительный анализ с данными из дела, которое я приложил к письму.

— Одну минуту, — сказал Дженкс. — Я просмотрю файлы.

Он ненадолго замолчал, лишь глухо покашливал, прикрывая рукой трубку, наконец, отозвался:

— Мистер Ленгли, имеющихся данных для полноценной экспертизы недостаточно, но если вас устроит условно-приблизительный результат, смогу подготовить уже через четверть часа, прогнав образцы через анализатор соответствия.

— Устроит, спасибо.

Джед положил трубку и задумался. Идея, пришедшая ему в голову, была, конечно, совершенно бредовая, но, за неимением лучшего, следовало проверить и её. Тем более, ведь похоже. Действительно, похоже. От лейтенанта Брайна толку, как от дрессированной собаки — всё понимает, приказы выполняет, а сказать ничего не может.

Чтобы не томиться ожиданием, агент Ленгли еще несколько раз просмотрел материалы, надеясь найти что-то ещё. Ничего. Дым, взрывы, выстрелы, матерщина, россыпи гильз, визг рикошета…

Наконец, динамик селектора сообщил приятным женским голосом:

— Агент Ленгли, вам звонок от старшего эксперта-криминалиста.

— Соедините.

Уот Дженкс прокашлялся в трубку и сказал сипло:

— Извините, простыл. Итак, агент, подробный результат экспертизы я выслал вам на почту. Коротко же скажу следующее: визуальное совпадение почерка объекта «Фиалка» и почерка неизвестного на стене старого ангара — девяносто процентов. Однако прошу заметить, что это не полноценный анализ. Полноценный, если необходимо, подготовим в течение ближайших двенадцати часов.

Агент Ленгли усмехнулся:

— Не нужно. Этого более чем достаточно. Благодарю.

Он повесил трубку.

Вот, значит, как? Девочка жива. И девочка играет в игры. Интересно…

* * *

— Я весь внимание, агент, — отозвался коммуникатор голосом Винсента Хейли. — И спасибо за инфопакет. Всё очень кстати. Чем ещё порадуете?

Джед про себя усмехнулся. Как меняет человека привычная среда. Когда ходил безмолвной тенью за капризненькой миллионершей, слова было не выдавить, а тут — гляди ж ты. Что значит родная стихия. И кураж, и дерзость, и самоуверенность.

— Я думаю, вас там и без меня найдется, кому порадовать, — сказал агент Ленгли. — Однако тут поступила свежая информация, мистер Хейли. С высокой достоверностью разыскиваемая нами Айя Геллан была в числе налётчиков, которых сегодня ночью пыталась задержать аэромобильная штурмовая группа. И была с ними, насколько я могу судить из комплекса обстоятельств, по доброй воле.

— Подробней, — попросил рейдер.

— Надпись на стене, оставленная штурмовикам, сделана её рукой. Вероятность девяносто процентов.

— Иди ты! — не сдержался собеседник.

— Я-то пойду, — холодно заверил его агент, — но и вас, уважаемый, возьму с собой. Так что игра переходит в новую фазу. Все осложнилось, Винсент. На вашем месте я бы усилил бдительность.

— Обещаю, — заверил его рейдер и добавил: — Спасибо за информацию. Кстати, ответный, так сказать, реверанс. Я с высокой достоверностью знаю, у кого конкретно находится девчонка. Гонцы к нему уже отправлены, но ответа пока нет. Полагаю, наш клиент просто отсыпается после рейда.

Хейли усмехнулся и закончил:

— Если всё пойдет без сбоев, вечером или, скорее, завтра утром я буду вести переговоры об обмене. Готовьте деньги. Серьёзные деньги.

— Не знаю, что меня больше настораживает, — задумчиво сказал Джед, — ваша самоуверенность или скорость внедрения в чёрный сектор?

— Не всем же внедряться к высшим корпам. До связи. И еще раз спасибо за информацию, вы мне очень помогли.

С этими словами Винсент оборвал разговор.

Ленгли усмехнулся и покачал головой.

Как ни прискорбно, но мистер Хейли всё больше и больше ему нравился. Впрочем, несмотря на всю симпатию, Джед не собирался отказываться от слова, данного Эледе. И дело тут было даже не в том, что симпатии к мисс Ховерс заметно и вполне объяснимо перевешивали в его душе симпатии к её телохранителю. Дело было в том, что, с какой стороны не взгляни, в благосклонности и доверии мисс Ховерс он нуждался сильнее, чем в благодарности какого-то там неудачника рейдера, ставшего на свою беду её телохранителем.

* * *

Наверное, она спала очень долго, потому что проснулась отдохнувшей, свежей, со счастливо пустой головой. И сперва даже казалось, будто всё, что случилось накануне, — гонки по темным улицам, бой, бегство по подземельям и гибель Алисы — приснилось. А реальность, она вот: тишина, спокойное дыхание спящего мужчины, темнота полупустой комнаты…

Однако Алисин нож, лежащий рядом на полу, красноречиво намекал, что…

Сердце болезненно сжалось.

Но нужно вставать. Да и есть хочется, не ела ведь с прошлого дня, с «Хризантем»… Опять же, в печь пора подбросить очередной брикет, пока там всё не прогорело. Интересно, который сейчас час? Мышцы после вчерашнего бега тянуло, кости ломило, сорванное надрывным дыханием горло першило от сухости. Хотелось пить.

Айя выбралась из спальника. Жизнь в интернате приучает двигаться бесшумно, уважая чужой сон и право на тишину. Девушка неторопливо оделась. Пушистую юбку положила поверх рюкзака, чтобы не шуршать фатином. Щелкнула выключателем, зажигая свет над столом, и прошлепала к печке. Брикет топлива лег на подернутые пеплом угли. Не разгорится. Айя осторожно подула.

Тонкие крылышки пепла мягко взлетели, угли зарделись ярче, лицо обдало жаром. Ещё раз. Робкий язычок пламени лизнул брикет. Теперь не погаснет. Дверца печи, закрываясь, громко скрипнула. Девушка про себя выругалась и бросила виноватый взгляд через плечо. Керро спал. Даже не шевельнулся.

Она ушла в кладовку. Умылась из бутылки, налила в кружку воды и наконец-то попила. Взяла с полки несколько банок консервов, две ложки и вернулась в комнату.

Пока консервы разогревались, Айка сидела на стуле и задумчиво смотрела на Алисин нож. Вроде как бы это теперь её оружие. Но брать его в руки не хотелось. Для неё этот нож оставался по-прежнему Алисиным. Девушка понимала, что, наверное, никогда не сможет отнестись к нему иначе — как к оружию, а не к памятной вещи. Поэтому она взяла нож и спрятала вглубь рюкзака. Понадобится — достанет. Но на поясе носить не будет. С подобным оружием надо уметь управляться, надо его чувствовать, как себя. Такое для понтов не таскают. Навесила — пользуйся.

Консервы были вкусные и быстро закончились. Банки отправились в мусорный пакет, вымытая ложка — обратно в кладовую, а Айка заскучала. Керро по-прежнему дрых, в печи потрескивал огонь…

Девушка смотрела на лежащие на столе якобы солнцезащитные якобы очки. Интересно, что в них видно? Айя скосила глаза на спящего мужчину. Он за всё это время ни разу не сменил позы, так и лежал затылком к ней. Он ведь крепко спит и дышит ровно. И не узнает ничего. А она потом положит всё, как было.

Айка осторожно потянула руку к очкам, с опаской поглядывая в сторону их владельца. Спит.

Пальцы мягко прикоснулись к прохладному пластику…

Тяжелые, однако. Как Керро не задолбался таскаться в них? Девушка осторожно разложила дужки. Ну, с виду самые обычные очки в массивной оправе. На дужках по четыре маленьких кнопки. Но нажимать их, конечно, незачем. А что за линзы? Айка снова покосилась на темную макушку. Керро не шевелился. Правильно, пусть дрыхнет. Она поглядит только.

Осторожно девушка поднесла очки к лицу, на секунду замешкалась, думая, что, может, ну их, пусть лежат, пока хозяин не проснется. Однако любопытство пересилило робость.

— БЛЯДЬ!!!

Айя с криком вскочила, опрокидывая стул. Яркая вспышка выжгла глаза. Мир залило ослепительным светом. Стерильно-белое сияние поглотило всё вокруг. Рассудок зашёлся в панике.

Белый. Белый. Белый свет! Предвестник боли и ужаса.

Откуда-то издалека девушка услышала эхо мужского голоса. Она не разбирала, что ей говорят, но инстинкты подсказывали — сейчас будет больно. Снова больно. Её опять привяжут. А значит, иголки. Как вчера. Как позавчера. Скажут: «Терпи». Или: «Больно не будет». Но будет. Обязательно будет. Всё будет. И наполненный шприц, и жгут, стягивающий плечо, и похлопывание по напряженной руке, вены на которой прячутся от иглы, и

пластиковые ремни, фиксирующие тело на кровати…

С губ сорвалось шипение. Девушка смутно различила силуэт мужчины, стоящего напротив. Здоровый. Санитары все здоровые. Но этот выше Айи только на голову, а у неё к тому же есть нож!

Опять эхо далекого голоса. Как всегда, спокойного. Они думают, если говорить спокойно, то это расслабляет. В первые дни она и впрямь верила, что это не предвестие боли. Но потом поняла — предвестие. Всегда предвестие. Чем спокойнее с ней говорят, чем больше в интонациях участия, тем больнее будет.

И тот маленький, пухленький, белобрысый, с кудряшками на голове. Он спрашивал: «Где болит, солнышко?»

Солнышко. Её в жизни никто так не называл.

У него и руки были мягкие, такие уютные. Пальцы осторожные, тёплые. Она первый раз честно ему сказала, где. Думала, что-то сделает. Он и сделал. Очередной укол прямо туда. Из здоровенного шприца размером чуть ли не с флакон монтажной пены. Айю тогда всю вывернуло судорогой, она даже кричать не могла.

Потом, когда её привели к этому говнюку второй раз, она уже не так честно сказала, где болит. Зато дождалась, пока докторишка наклонится посмотреть, рванулась и вцепилась ему зубами в голову. Голова была самым близким, до чего можно было дотянуться. Сука! Её быстро оттащили, но она надеялась, что успела прогрызть ему череп до самого мозга, и потом еще долго плевалась кровью и волосами.

После этого случая каждый раз перед процедурами её связывали, а на голову надевали плотный бандаж — синтетическую ленту, которую пропускали под подбородком и затягивали на темени.

Но сейчас она не связана. Забыли! Правда, перед глазами ещё плыло. Но постепенно стало хоть что-то, да видно. Девушка дёрнула с пояса тычковый нож. Урод безоружный и не такой здоровый, как обычно. А ей главное — выйти.

Она прыгнула, когда смутно различила дверь за спиной врага.

* * *

Первый раз он не ударил, только перехватил руку с ножом, выводя на болевой. Айя стремительно прокрутилась, продолжая движение. Ладонь, сжимавшая оружие, разжалась, рука сразу же онемела от боли. Обычный нож выпал бы, а тычковый чудом, но удалось удержать. Девушка вывернулась и отпрыгнула.

Бросилась ещё раз, ткнула ножом и почти — почти! — достала. Но этот урод вдруг оказался совсем рядом и влепил тяжелую резкую пощечину. Ударил, мудак, наотмашь, тыльной стороной ладони, да так, что у неё перед глазами и то немногое, что ещё было видно, поплыло, а голову чуть не снесло с плеч.

Айя полетела кубарем, опрокинула стул и крепко приложилась головой об стену, на миг потеряла ориентацию, однако тут же откатилась, уходя от удара ногой. Впрочем, удара почему-то не последовало. Это хорошо. Боец из нее сейчас был хреновый — спину и затылок ломило, рука не слушалась, левую половину лица дергало, из носа и разбитой губы текла кровь.

Девушка торопливо вытерла ее рукой. Мир вокруг кружился, в голове гудело. Но всё это было неважно, потому что чутье, воспитанное и закаленное улицей, обострилось до предела, а инстинкты взвыли, требуя спасаться. Только спасаться было некуда — противник перекрывал дорогу к двери, а Айкины лопатки упирались в стену.

Смотреть снизу вверх было унизительно, да еще и страшно. Мужчина стоял над жертвой, и та начала медленно подниматься, скользя ладонью, измазанной в крови, по холодной стене. Ноги были мягкими-мягкими и еле держали. Сердце обвалилось в живот, и пелена жгучей ярости, охлажденной испугом, начала медленно спадать. Айя хлопала глазами и видела, как сквозь мельтешение белых пятен проступают очертания знакомой фигуры и знакомой же обстановки…

Керро был зол. Очень зол. И само собой всплыло в памяти: «…Зачем тебе его сердить? Он — не я. Вообще не отходчивый. Хотя… учитывая, что с твоим везением можно играть в рулетку, причем ставить по-крупному…»

— Тебе, мля, Три Суки в очередь отлизывают, так ты совсем охерела и подмахивать им начала? — рявкнул рейдер.

Айя вздрогнула, снова вытерла тыльной стороной ладони льющуюся из носа кровь и пролепетала:

— Керро, прости! Я… меня… заклинило, — вид у нее был виноватый, испуганный и сконфуженный одновременно. — Оно когда вспыхнуло, белое такое, мне показалось, что я снова в палате, а ты — санитар.

Кровь из носа текла и текла, девушка шмыгала, чтобы хоть как-то её остановить. На скуле медленно наливался синяк.

* * *

Когда Винс вошел в крохотный бар при ночлежке, куда

проводники Су Мин определили его группу, у стойки сидел только Ирвин и неспешно потягивал пиво из высокого запотевшего бокала.

— Кайфуешь? — спросил Винс, подсаживаясь. — А остальные где?

— Кемп дрыхнет, — ответил товарищ и кивнул бармену, чтобы тот налил еще один стакан. — Кара сперва тут крутилась, потом наверх умотала.

— А от Рекса психотерапия уже ушла? — спросил Винс, придвигая к себе наполненный бокал.

— Полчаса как, — Ирвин закатил глаза. — Какая девочка… у нас таких в эскорт агентстве не каждый раз получишь.

— Еще бы, — Винс хмыкнул. — Су Мин к нему для реабилитационных работ названую сестру отправила.

— Меня б так кто отреабилитировал… — с притворной тоской вздохнул Ирвин, делая очередной глоток.

— Мы с тобой, дружище, староваты для подобных реабилитаций, — хлопнул его по плечу Винсент. — Нам такая гимнастика по возрасту не показана. Чик-пык, сердечко ёк, и привет. Теперь только грелки, противорадикулитные пояса, фито-чаи и лечебная физкультура на свежем воздухе.

Друг хмыкнул:

— Ага, ага. Про фито-чай я промолчу. А «грелку» твою видел, догадываюсь, что там у вас за лечебная физкультура была.

Винс, глядя поверх стакана куда-то в пустоту, сказал загадочно:

— Древние восточные техники омоложения организма. Ты — человек чёрствый, не поймешь.

Ирвин беззлобно расхохотался.

— Я тут послушал про твои вчерашние похождения. Вот объясни, как ты умудрился меньше чем за сутки втереться и стать здесь почти своим парнем?

Винс мельком оглянулся — кроме них двоих, в зале никого больше не было, даже бармен вышел. Короткое касание уха. Ирвин в ответ едва заметно покачал головой и пробежался пальцами по предплечью, будто по наручному пульту. Все, мол, чисто.

— Это просто, — негромко ответил Винсент, — я всегда предлагаю больше, чем ожидают, а по возможности такое, чего здесь ни за какие деньги не добыть. Ну и общаюсь, как с коллегами из нейтральной корпорации, которых надо склонить к сотрудничеству. Вот и весь секрет.

— А как же намек на то, что, если с тобой что-то случится, то…

— По ситуации, — собеседник посерьезнел. — Но с толковыми обычно без надобности. Местные и без подсказок такого навыдумывают, чего нам с тобой даже в голову не придет.

Ирвин хмыкнул и, допив пиво, сказал:

— Не умничай, теорию мы на курсах вместе проходили и принципы внедрения тоже, но меня ни разу так не обхаживали.

Винсент развел руками:

— А ты хоть раз в одиночку выходил? Чтоб без связи и поддержки. Попробуй. К третьей ходке ничуть не хуже будет получаться.

— Если доживу до этой третьей ходки, — Ирвин откинулся на стуле.

Вернувшийся бармен поставил перед рейдером новую кружку пива.

— Да, — серьезно сказал Винс. — Но если доживешь, разверзнутся бездны. Ладно, пока мы в чистом месте — слушай, — он придвинулся ближе к товарищу, — инфу по связям конкурентов наверху уже обрабатывают, ночью спустят нам возможные варианты использования. С утра возьмешь Кемпа и проработаете. Кару заодно до точки эвакуации проводите.

— А она чего? — удивился Ирвин.

— У нее ТО каждые две недели. Следующее — через четыре дня. Рисковать не будем.

— Цена могущества… — покачал головой рейдер. — А ты как? Опять в одиночку?

— Рекса себе оставлю. Драк вроде не предвидится…

— И, случись что — есть хвост, чтоб сбросить, — хмыкнул собеседник.

— Да. Но ему об этом знать ни к чему. Итак, как я сказал, инфопакет получим ночью. С утра начнете работать, а пока вызывай наших.

Ирвин кивнул, после чего сказал несколько слов в ларингофон.

Винс же вытащил коммуникатор и нажал пару кнопок. Почти сразу в дверях бара появилась Су Мин, а через пару минут сверху неспешно начали спускаться в общий зал и рейдеры.

— О, Кара, свет группы нашей! — махнул девушке рукой Винсент. — Там, куда мы идем, обещался быть тот парень Ушлого, который тебя к конкурентам вел. Считай — подарок.

— Балуешь ты меня, — плотоядно улыбнулась в ответ девушка.

Ирвину в этот момент отчего-то показалось, будто Винсент каким-то уж слишком долгим взглядом задержался на собеседнице, а та, словно в ответ на немой вопрос, едва заметно

кивнула. Но… показалось, и фиг с ним.

* * *

«Нора» оказалась совсем не похожа на «Хризантемы». Если последние были очень приличным кафе с претензией на ресторан, то «Нора» была чистейшим ночным клубом. Электронная музыка в стиле «тыц-тыц», мигание стробоскопов, подиум с пилоном, высокие тумбы с клетками, в которых извивались полуголые танцовщицы. И, разумеется, кабинеты для приватов. Как же без них.

— Не тормози, парень, — Винсент ткнул обалдело озирающегося Рекса локтем в бок. — Выбирай любую, подходи, договаривайся и вперед. Только из клуба ни ногой, как бы ни звала. Назад можешь не вернуться. Понял?

Рекс перевел на старшего растерянный взгляд и спросил:

— А как же…? — имя дамы сердца потонуло в грохоте музыки.

— Думаешь, ты у нее один? Хотя… если хорошо себя покажешь, глядишь, послушает здешнюю коллегу и сама придет. А может, и без этого придет. Но почему и отчего, ты никогда не угадаешь. Женщины! Так что вперед. Сети разврата ждут. И оцени — никаких отметок в листе психоустойчивости.

— Да, это круто… — Рекс на секунду замялся, а потом прокричал сквозь баханье танцевального ритма: — Винсент, а можно вопрос?

— Вопрос можно, ответ — не факт, — пожал плечами собеседник.

— Это правда, что рейдеры заставляют пленных драться друг с другом до смерти? Старший моей ГБР говорил… завидовал жутко.

Винсент еле сдержался, чтоб не заржать. Тут музыка гремит, спиртное течет рекой, девки полуголые скачут, хватай любую и трахай до мозолей, так нет, надо о высоком, о легендах и мифах. Но лучше сразу ответить, чтобы отстал.

— Врут.

Молодого такой ответ явно порадовал, однако Винс продолжил:

— Так каратели развлекаются. А мы, если можем отпустить, предлагаем поединок с одним из своих. Нож на нож или чистая рукопашка. По выбору. — Тут рейдер будто вынырнул из воспоминаний, хлопнул Рекса по плечу и закончил: — Да забей ты уже. Это всё добровольно. И для пленного, и, тем более, для

своих. Лучше гляди в оба.

И он кивнул в сторону извивающейся на соседней тумбе темноволосой девушки с такими формами, при виде которых любой нормальный мужик говорит только восхищенными междометиями. Девчонка уже давно пыталась привлечь внимание Рекса, но тот, поглощенный вопросами вселенского масштаба, не замечал ее просто в упор.

— Тебе уже, вон, сдаются без боя, — рейдер подтолкнул молодого вперед. — Иди, бери в плен.

Посмотрев, как Рекс нерешительно мнётся возле тумбы, Винсент перевел взгляд на подошедшую Су Мин. Та довольно улыбнулась и кивнула, после чего подхватила спутника под локоть, увлекая в более тихую зону — к столикам.

— Сочная девчонка, — одобрил Винс.

— У моей сестрицы только такие, — улыбнулась Су Мин. — А эту она нарочно под него подложить решила, — кореянка наклонилась к уху Винса и прошептала: — Сказала: хороший мальчик. Нежный. А Викки недавно на урода нарвалась, две недели лечилась. Вот, чтобы ей легче было к работе вернуться…

— Даже не буду спрашивать, что сделали с уродом, — хмыкнул Винс.

— И я не стала, — согласилась Су Мин. — У Мэрилин, если ее разозлить, фантазия богатейшая. А за девочек своих она вообще любого порвет.

Собеседница чуть помолчала:

— Винс, а зачем ты просил привести Санни?

— Кару занять, — пожал плечами рейдер. — Заскучает ведь, устроит стрип-соревнование с переходом в дебош. А на него она запала.

— Вы странные корпы. Даже для рейдеров, — девушка не удивлялась, скорее констатировала.

— Было дело — попали под молотки. Остались я, Кара и на руках тяжелораненый. Денег нет, связи нет, оборудования нет. Только по пистолету с неполным магазином. У нее даже ножа не было — сломала. Вот и выкручивались, как могли. Я на бои пошел, а она в такое же вот место… ну и наложилось на характеры.

— Бои насмерть?

— Разумеется, — кивнул Винс. — Там ставки выше и плата тоже.

* * *

Мистер Эдтон сидел на узкой койке в камере и стискивал голову руками. Всего несколько дней назад у него было все — должность, положение, перспективы, неплохой доход, и вдруг из-за какой-то дебиловатой девки жизнь перевернулась с ног на голову!

Что такого в этой Айе Геллан? Вот что? Тихая, услужливая. Незаметная. Да на неё даже сверстники, готовые в этом возрасте кидаться на всё, у чего есть сиськи, не смотрели! Хотя какие там сиськи… Ал вспомнил тощую, длинную, как монорельс, рыжую девчонку, всегда и на всех смотревшую будто бы слегка исподлобья.

Большинство старшеклассниц уже вовсю трахались, а эта сидела над книжками или зубрила уроки. Да был бы толк! Ведь дура дурой! Кому только понадобилась.

А теперь из-за этой… Мистер Эдтон едва сдержал стон.

На соседней койке лежал, отвернувшись к стене, безучастный ко всему Джо. Их поместили в общую камеру, проинструктировав, что любые попытки выяснения отношений, как то — мордобой, вопли, взаимные угрозы, будут пресекаться жёстко и болезненно для обеих сторон.

Впрочем, Джо и Ал не собирались драться. Их обоих настигла жесточайшая апатия, обоим стало понятно: жизнь, ещё вчера бывшая такой полной (достаточно вспомнить маленькие радости Джо, через койку которого прошли все смазливенькие старшеклассницы), вдруг закончилась. Совсем. Без возврата.

И даже чёрт бы с ними — с положением, с перспективами, с должностью! Тут бы просто сохранить голову на плечах. Голову и жизнь. Пусть совсем скатиться вниз, лишиться всего, драить сортиры в забегаловках, но жить — жить! Однако обвинения, выдвинутые мисс Ховерс, не оставляли сомнений в будущей судьбе и директора, и начальника СБ.

— Как ты думаешь, Джо, — спросил Аллан хрипло, — что с нами будет?

— А тебе не всё равно? — не поворачиваясь, буркнул в ответ Рик.

— Нет… — его сокамерник снова стиснул голову руками. — Нет.

— Ну, ок, — Джо сел и впервые за последние сутки посмотрел на друга. — Я тебе расскажу. Слушай.

Мистер Эдтон побледнел от того, насколько неживым и бледным было лицо собеседника.

— С таким здоровьем, как у тебя, вряд ли светит попасть в лабораторию. Поэтому, скорее всего, просто усыпят по приговору. Меня, — он нервно хмыкнул, — меня ещё можно на опыты. Или

на органы. Тоже по приговору. Разберут и отправят всё нужное в криокамеры. А может, предложат сыграть. И если предложат, я соглашусь. Хоть какой-то шанс.

— Во что сыграть? — спросил Ал.

— Во что бы ни предложили, — с этими словами Джордж опять лег и отвернулся к стене.

* * *

В кабинете агента Ленгли верхние лампы были выключены, вместо них горели боковые софиты, дающие мягкий тёплый свет. Столик в зоне отдыха был сервирован на четверых, пахло кофе…

Эледа, окинув взглядом неожиданно изменившийся интерьер, удивилась:

— Ты кого-то ждешь?

Джед расслабленно сидел в кресле и улыбался с явным предвкушением:

— Жду. И мне для предстоящей встречи нужна спокойная атмосфера.

— Вот как? — девушка положила на стол рабочий планшет. — Здесь отчеты по каждому из направлений. Я все систематизировала, отжала лишнее, убрала повторяющееся, можешь ознакомиться.

Ленгли кивнул и неожиданно спросил:

— Вы хорошая актриса, мисс Ховерс?

Эледа изумленно вскинула бровь и сказала:

— Моей гувернанткой целых пять лет была Софи Корин. Не знаю, делает ли это меня хорошей актрисой, но золотой девочкой — точно.

Настал черед Джеда недоумевать:

— Софи Корин? Кто это?

Собеседница рассмеялась:

— Одна актриса из Бродвей-холла. Не очень известная, но весьма яркая. Если когда-нибудь окажешься у меня дома, покажу снимки. Мой отец… был большим поклонником её таланта. Во всех смыслах.

Ленгли хмыкнул:

— И что, она преподавала тебе актерское мастерство?

Девушка уклончиво ответила:

— Скорее учила общению с мужчинами. На личном, так сказать, примере. Когда мы выходили гулять в Центральный Парк, не было ни одного представителя сильного пола, который не свернул бы себе шею, провожая взглядом мою дуэнью.

Джед покачал головой:

— Она была актрисой какого-то определенного жанра?

— Да, — кивнула Эледа, — в основном драмы. Но либо играла во втором составе, либо получала мелкие незначительные роли.

— Драматический жанр. Я не очень смыслю в театре, но вроде бы он считается самым сложным?

— Самым сложным жанром, агент, считается фарс, — усмехнулась Эледа. — И она его прекрасно освоила, оставив сцену ради карьеры гувернантки. А уж сколько ей за это заплатили… впрочем, ладно. Так зачем тебе мои актерские данные?

Собеседник улыбнулся:

— Подыграешь сейчас?

— Если объяснишь, что именно собираешься делать.

Мужчина поднялся из кресла и сказал:

— Сейчас сюда приведут двух известных тебе личностей — мистера Эдтона и мистера Рика. Постарайся сделать так, чтобы они прониклись тем, что я скажу. Нужен прессинг с двух сторон.

Эледа усмехнулась.

— Подыграю.

* * *

Вид у бывших директора и начальника СБ школы-интерната номер восемнадцать был донельзя жалкий. Оба заросшие щетиной, помятые, а после допросной химии еще синюшно-бледные, с черными кругами под глазами.

— Господа, присядьте, — гостеприимно указал агент Ленгли на диван, стоящий в зоне отдыха. — Налейте кофе. Нас ждет серьезный разговор. Мисс Ховерс, будьте любезны, включите глушилку.

Эледа встала и отвернулась, чтобы скрыть усмешку. Никаких глушилок в кабинете не было и быть не могло. Для секретных разговоров предназначались совсем другие помещения. Однако она сделала вид, словно и вправду что-то потыкала на стене, где был установлен пульт управления сплит-системой.

— Итак, джентльмены, — приветливо и бодро заговорил Джед, — позвольте представиться — специальный представитель СБ при совете директоров компании «Виндзор», уполномочен разбирать ваше дело.

Рик и Эдтон смотрели на собеседника, словно загипнотизированные. К угощению они, конечно, не

притронулись.

— Мисс Ховерс, не откажите в любезности, налейте нашим гостям кофе.

Интересные расклады. Эледа наполнила чашки и отошла к столу для переговоров, встав таким образом, чтобы арестованные были вынуждены смотреть либо на нее, либо на агента, ну или метаться взглядом туда-сюда.

— Итак, ваше дело рассмотрено. Вот здесь, — Джед похлопал рукой по планшету, который принесла Эледа, — тексты ваших приговоров. Как несложно догадаться, несовместимых с жизнью.

Мужчины стали ещё бледнее, а мистер Рик так стиснул чашку с кофе, что костяшки пальцев побелели.

Агент Ленгли, довольный произведенным эффектом, продолжил:

— Однако… я могу предложить вам шанс. Если повезёт, получите свободу. Конечно, о карьере, перспективах и прочем можете забыть навсегда, но жизнь сохраните. Откажетесь — приговор приведут в исполнение завтра с утра.

После этих слов Джед замолчал.

Джордж и Аллан переглянулись. Бледные, взопревшие…

— А… — сипло начал мистер Эдтон и, торопливо откашлявшись, спросил: — Что нужно делать?

Ленгли тонко улыбнулся:

— Нужно будет пройти восемь километров, спуститься под землю в законсервированную лабораторию и вынести оттуда вечный накопитель. Вас, конечно, должным образом экипируют и вооружат, оснастят всей необходимой следящей аппаратурой. Ваша задача — дойти из пункта А в пункт Б, взять вечный накопитель и вернуться. В этом случае приговор аннулируется, вина считается искупленной, а вы сможете идти на все четыре стороны.

Джордж Рик вскинул на Ленгли полный понимания взгляд:

— Это Игра, да? — спросил он тихо.

Эледа перевела взгляд с говорившего на агента Ленгли. Тот усмехнулся и сказал:

— Я вижу, слухами об Игре земля полнится… Да, мистер Рик. Это Игра. И вы в ней будете главными участниками. А если окажетесь достаточно хороши, возможно, получите даже сверх уже названного мной. Решайте. Ответ мне нужен сейчас же.

В комнате на несколько секунд повисла тишина. Эледа всё так же стояла возле стола, Джед, наклонив голову, слегка насмешливо смотрел на собеседников.

— Я… согласен, — выдавил Джордж.

Мистер Эдтон еще несколько секунд молчал, а потом

безмолвно кивнул. По его лицу ручьями тек пот.

— Вот и прекрасно, — хлопнул в ладоши Ленгли. — В таком случае, я дам распоряжение, чтобы вас начали готовить. До завтра, джентльмены.

С этими словами Джед нажал кнопку селектора и сказал изменившимся холодным голосом:

— Элен, пригласите конвоиров.

* * *

Когда мистер Эдтон и мистер Рик в окружении конвоя вышли, чуть пошатываясь, Эледа рывком обернулась к Ленгли.

— Джед, что ты тут нес? — спросила она. — Что за ахинея? Какая еще Игра, какой приговор, какой шанс?

Мужчина рассмеялся, явно наслаждаясь её растерянностью.

— Позволь заметить, золотая девочка, актриса из тебя весьма посредственная. А ты разве ни разу не слышала об Игре? — продолжал веселиться он. — Когда приговоренным дают шанс на спасение — вручают оружие, экипируют, надевают налобную видеокамеру и ставят задачу. Выполнил — свободен. Не выполнил — смерть, поскольку преследователи выходят с задержкой в пару часов. Такое вот реалити-шоу для богатых.

Мисс Ховерс посмотрела на него с иронией:

— Что за чушь?

— Ну не знаю, чушь или нет, но низы болтают. Гляди, вон, Аллан с Джорджем поверили и даже вопросов не задавали.

— Погоди, — Эледа взмахнула рукой, пытаясь остановить поток его насмешек. — Так это что — правда?

— Девочка моя, — мягко сказал Джед, беря ее за подбородок и глядя в глаза, — а вот этого никто. Никогда. Не узнает. Ни ты, ни даже я.

Она мягко высвободилась и спросила:

— Тогда зачем весь этот балаган?

Ленгли покачал головой:

— Нам нужно, чтобы кто-то отправился в Зета-центр. Нужно проверить, осталась ли там зараза. Твой ненаглядный Винсент обещает к завтрашнему утру получить Айю Геллан. Причём живой. Надо готовиться к переходу на следующий этап. Я не собираюсь жертвовать полезными людьми. А этих двух дураков всё равно не жалко. Зачем их бесполезно усыплять, если можно использовать для дела?

Мисс Ховерс нахмурилась:

— Всё равно не понимаю. Почему не сказать им правду,

поставить задачу и отправить?

— Эледа, — мягко ответил Джед, — ты иногда как ребенок. Это обычно очаровывает, но явно не сейчас. Ты знаешь, на сколько растягивается зараженный пояс, и есть ли он до сих пор? Нет. И никто не знает. И что мешает этим двоим сбежать в черный сектор, не выполнив порученного? Просто из трусости и желания жить. Они там подохнут, конечно, сразу, но толку-то нам от этого ноль. А тут отправятся добровольно, и очень быстро. Поскольку будут уверены, что по следу уже мчатся другие смертники. Сколько у нас охотников, они не знают. Скажем: сотня — и в это поверят. Нам же надо выяснить — можно ли отправлять в Зета-центр людей. Если эти двое сдохнут — невелика потеря, но зато мы будем достоверно знать: соваться туда нельзя. И сбережем людей. Если выживут — отправим уже нормальную группу для исследований. И да, разрешение на всё это я уже получил.

Его собеседница только усмехнулась:

— Ну, вы даете, агент.

Джед в ответ на это развел руками, как будто извиняясь, что мыслит глобальнее и коварнее своей визави.

* * *

Кровь из носа всё текла и текла, Айя шмыгала, чтобы хоть как-то её остановить. На скуле медленно наливался синяк. Керро молча отошел, и девушка, проморгавшись, бросилась к столу, где лежали салфетки. Ей показалось, она извела едва ли не всю пачку, прежде чем из носа, наконец, перестало течь.

На смену кровотечению сразу же пришла головная боль. Айка кое-как умылась, чувствуя, что ноги буквально подгибаются — так хочется лечь. И спать, спать, спа-а-ать.

Она вернулась обратно на свой спальник и скорчилась на нем, стиснув ладонями виски.

Керро ткнул в плечо, протягивая таблетку. Айя взяла её дрожащими руками, бросила в рот и проглотила, даже не запивая. После чего зарылась лицом в синтетическую ткань и отключилась.

В себя она пришла внезапно и села рывком, не понимая, что случилось. Огляделась, растерянно потерла лоб и хрипло спросила:

— Керро, я на тебя кидалась или… или приснилось?

Мужчина, сидевший за столом, аж подавился и, еле откашлявшись, выдавил:

— Да? И что еще тебе приснилось?

Айка вжала голову в плечи и ссутулилась, понимая, что всё произошедшее снова было не сумбурным сновидением, а реальностью.

— Прости… — тихо сказала она, не решаясь поднять глаза от пола. — Я не знала, что так получится.

— Запомни раз и навсегда. Можно пристрелить любого, и все вокруг только пожмут плечами: слабак. Можно отобрать вещь или украсть — и все пожмут плечами: слабак или лошара. Но нельзя дотрагиваться или брать чужую вещь просто так. Поскольку тому, у кого ты ее взяла, придется доказать всем вокруг, что он не лошара и не слабак. А ты этого не переживешь. Это не считая той мелочи, что действительно ценные и важные вещи обычно имеют защиту. И еще. «Не знала» никого никогда не спасло.

Девушка растерянно хлопала глазами. Судя по вытянувшемуся лицу, она даже не догадывалась посмотреть на ситуацию в таком свете. В голове ещё звенело от удара, и из всей отповеди она зациклилась на словах про ценное и важное, поэтому спросила:

— Я их сломала? Разбила?

— Визор из разведывательно-информационного комплекса-то? — Керро смотрел на неё с насмешкой. — Может, тебя сдать назад в твою корпорацию? Конечно, утилизируют по девяносто девятому, но проживешь ты там явно дольше, чем здесь — за периметром.

Она сидела такая красная, будто вся кровь разом прилила к лицу.

— Я виновата, конечно, — глухо сказала Айя. — Но я здесь всего несколько дней и вообще не знаю, как тут что устроено. Тебе не приходит в голову, что там, где я жила — все иначе?

— Тебе не приходит в голову, что жива ты до сих пор благодаря редчайшей удаче? А что у удачи есть поганое свойство заканчиваться в самый неподходящий момент, знаешь? Я тебе обещал выбор — выбор ты получишь. Не ошибись только. Второго шанса не будет. Собирайся, пойдем узнавать, кто ты есть.

Она посидела, кусая губы, потом спросила:

— А ты никогда не ошибался?

— Я похож на мертвого?

— Не особо… Но как ты понимаешь, какое решение принять и что выбрать?

— Головой. С расчетом последствий на два-три хода вперед, с учётом интересов и действий всех заинтересованных сторон, исходя из своих целей. И с поправкой на непредсказуемое.

Она поднялась на ноги, подошла к стулу, на котором висела

куртка, и стала медленно одеваться. Закончив возиться с застежками, забросила на плечи рюкзачок и, наконец, словно собравшись с духом, повернулась к Керро.

— Послушай, — Айя шагнула вперед и осторожно прикоснулась к плечу мужчины. — Понимаешь, я выросла в интернате. Там у всех все общее и одинаковое. Если возьмешь, попользуешься, а потом аккуратно положишь на место — никто ничего не скажет. Я думала — посмотрю и верну, где взяла. Я не знала, что так всё по-другому. Обещаю, я никогда больше ничего не возьму без спроса. Это был очень глупый поступок. Не сердись.

Керро задержал дыхание и даже на секунду прикрыл глаза.

— Ты так ничего не поняла. Пошли.

— Нет, подожди! — Айя топнула ногой. — Ты здесь родился и вырос, ну или не здесь, не важно. У тебя в голове все чётко. Сколько тебе лет? Много, да? И из года в год ты учился выживать. Раз за разом. Я тоже когда-то умела. И не виновата, что стала вот такой! Ты помнишь все свои промахи, ошибки, неудачи. А я помню только то, что для меня придумал программист. Остального же просто нет. Меня не учили принимать решения. Я не знаю, как это делается. И как тут жить — не помню! Поэтому то, что для тебя естественно и просто, для меня — безумный шифр! А когда я пытаюсь хоть что-то понять, ты делаешь спесивую рожу! Говоришь про каких-то там сук, которые мне отлизывают! Я даже не знаю, о чем ты вообще.

— И опять ошибка на ошибке. В этом мире слова не стоят ничего — стоят дела. Намерения не стоят ничего — стоит результат. Твоя готовность или неготовность к чему-либо, чему тебя учили, а чему нет, не имеет ни малейшего значения — значение имеет то, как ты выкрутишься из ситуации. Или как не влипнешь. А сук по дороге покажу. Тебе стоит посмотреть. Авось задумаешься хоть чуть-чуть.

* * *

Они шли мимо когда-то очень красивой постройки — с балюстрадами и высокими мощными колоннами. Наверное, прежде здесь располагалась библиотека или, может, театр. Но сейчас вид у здания, выступившего из темноты, был жутковато мрачный, словно оно выпало сюда из другой эпохи и теперь казалось не то призраком прошлого, не то вратами в потусторонний мир. Ветер гнал по широкой лестнице мусор — обрывки целлофана, скомканные шуршащие обертки…

— Удача бывает слепой, дурной и уже бесполезной, — вдруг

прервал молчание Керро и вытащил цилиндрик фальшфейера. — Или, как еще говорят, Сука-Удача, Удача-Сука и Фортуна-Мать-Их.

Он дёрнул запальный шнур и передал загоревшийся фальшфейер Айе.

— Там твои Три Суки. Иди, любуйся.

Девушка замерла, стискивая вспотевшей рукой пластиковую гильзу. В белом свете пиротехнического факела балюстрада казалась ослепительно яркой, а тьма за ней — плотной, почти осязаемой. Но уже через миг стало заметно, что там, за массивными колоннами…

Айя медленно пошла наверх по грязной лестнице и замерла, ступив в тень колоннады. Зрелище, открывавшееся отсюда, было одновременно и величественным, и пугающим.

Из-за щербатых каменных столбов медленно выступала огромная картина. Язык не поворачивался назвать это граффити. Изображение в два, два с половиной человеческих роста — черно-белое и тем еще более жуткое, потому что темнота и игра теней делали его почти живым.

Три девушки смотрели на оцепеневшую зрительницу с холодной насмешкой. Айя уже видела их прежде. Конечно, лица были другими, но персонажи, без сомнения, те же самые, хотя и представил их художник иначе. Так, прицел снайперской винтовки, которую вскинула брюнетка, стоящая слева, был не разбит, а закрашен. Фигуристая блондинка задирала юбку не так бесстыдно, приподнимая подол лишь до середины бедра, но прищур при этом был на редкость похабный… Стоящая же за спинами этих двоих девушка постарше смотрела и вовсе с нескрываемым ехидством.

Разглядывать рисунок можно было бесконечно, хотя на первый взгляд он казался очень лаконичным: четкие резкие линии, отрывистые, слегка угловатые. Но лица девушек жили, и взгляды сошлись на Айе. Она отступила вправо, влево, но не смогла уйти из точки их скрещенья.

А еще изображение оказалось полным мелких деталей, которые и заметишь не сразу — крохотная ямочка на щеке темноволосой девушки, обозначающая не то насмешку, не то едва намечающийся оскал. Развязавшийся шнурок на одном из высоких ботинок. Тонкий браслет на руке блондинки, или, может, след от наручника? А в волосах у старшей девушки длинная шпилька или стальная игла.

Изображение было старым. И жутким. И очень отличным от уже виденного. Впрочем, в секторе вряд ли можно было отыскать хотя бы два похожих. Каноничными, судя по всему, являлись три

фигуры, а не детали, которыми наделял их художник.

Фальшфейер медленно прогорал. Девушки растворялись во мраке колоннады, словно отступая, прячась. Однако взгляды нарисованных глаз, как и дуло винтовки, даже из этой темноты неотступно следили за всеми, проходящими мимо.

Ты можешь не смотреть и не обращать внимания, но при этом все равно останешься в прицеле. И для тебя нет разницы — разбит прицел или закрашен. Потому что для смотрящей в него это абсолютно не важно. Не имеет значения, соблазнишься ты или нет завлекающей тебя блондинкой, как не имеет значения — носит или не носит она белье и насколько высоко задирает юбку. Важно другое: эта доступность — не больше чем видимость. И даже если ты получишь предложенное, не факт, что будешь от этого счастлив. И та, что улыбается из-за спин первых двух. Она-то точно знает: всё будет не так, как ты мечтаешь и планируешь, а так, как распорядится *она*. Отвлечет ли она девушку с винтовкой, не позволив совершить губительный или, наоборот, спасительный выстрел? Подговорит ли соблазнительницу быть ласковой или посмотрит, как она манит тебя обещанием удовольствия, а потом исчезает?

Они все три, наверное, смеялись, когда Айю Геллан увозили из интерната. Рейдерам, которые ее украли, не повезло. Брюнетка с винтовкой попала не в ту цель. Или, может, нарочно промазала. И эта веселая шлюха, наверное, призывно задирала подол, а в итоге так и не дала. Им. А к их жертве проявила несвойственную для себя благосклонность. Раз, другой, третий… Но Керро прав, когда-то ей надоест быть благосклонной и захочется повеселиться. А, может, уже захотелось.

Эти Трое были квинтэссенцией улицы. И плевать они хотели на людей, которым дарили или у которых отбирали удачу. Точнее нет, не так! Они искренне забавлялись, давая либо отбирая удачу, а потом наблюдая, как жертвы справляются и с тем, и с другим. Им было глубоко безразлично, что в итоге случится с человеком, на которого упадет их взгляд. Что бы ни случилось — свое развлечение они получат.

Любовь Фортуны забавна и полна иронии. Во всяком случае, произошедшее с Айей за последние четыре дня иначе как издевкой и назвать было нельзя. Цела, обута, одета, сыта, однако при этом… Большей задницы девочка из корпсектора не представляла, но, поди ж, поспорь со здравым смыслом! Везение…

Фальшфейер светил уже совсем тускло, но чёрные дыры зрачков Духов Улицы, казалось, прожигали насквозь. Горло сжималось от острого осознания того, что уже ничто в жизни не

будет так, как прежде — понятно, просто, однообразно, предсказуемо. Вот она — новая реальность. Живи с ней. Другой не будет. Не умеешь? А кого это волнует. Боишься? Тем более. Погибнешь? Не ты первая. Накосячишь? Вперёд. Отвечать-то только тебе.

Будто рывком, на внезапном приближении, проступили события последних четырех суток, и стало страшно… а где-то совсем рядом за невидимой гранью смеялись Трое.

Их не остановить, не задобрить, не разжалобить… Хоть плачь, хоть кричи, хоть злись — это ничего не изменит, не сделает ни хуже, ни лучше. Раньше люди молились богу. Некоторые молятся и до сих пор, взять хоть Терезу. Но когда ты понимаешь, что нет никакого бога-отца — мудрого, всемогущего, милосердного, что вместо него — только вот это… Как жить в таком одиноком и покинутом мире? Рассчитывая не на провидение, а на собственные силы и надеясь, только надеясь, что вот эти Трое будут глумиться над тобой как можно реже, а когда начнут — ты с одинаковой стойкостью выдержишь как удар их неприязни, так и насмешку их милости.

Айя медленно приближалась к огромному изображению и с каждым шагом казалась сама себе все меньше и меньше. У подножия стены лежали мелкие дары.

Непослушными руками девушка потянула молнию бокового кармашка куртки и достала оставшуюся у нее алую ленту. Полоска яркого атласа, в темноте казавшаяся черной, упала на грязный каменный пол. Сквозняк подхватил ее и потащил, крутя, прочь. Айя проводила свое подношение взглядом, а самой казалось, что это не ленту, а ее увлекает, тянет неизвестно куда холодный ноябрьский ветер.

Когда она вышла из тени старых колонн и спустилась по грязной лестнице, Керро терпеливо ждал внизу. Он ничего не сказал, ни о чём не спросил. По-прежнему молча, они двинулись дальше.

* * *

Беговая дорожка уносилась из-под ног. Десятки и сотни метров… Эледа Ховерс любила бегать. Вообще любила спорт. Занятия помогали отвлечься. Когда с остервенением крутишь педали велотренажера или яростно отжимаешься — сознание пустеет. Только сердце грохочет, вибрируют от напряжения мышцы да дыхание со свистом вырывается из груди. А мыслей нет. Хорошо! Периодически голову нужно освобождать вообще от

всего.

Особенно после тяжелого рабочего дня.

Она бежала и бежала. В детстве она так же бегала вокруг родительской резиденции — мелкий гравий, которым посыпали дорожки, разлетался из-под ног. Трава была ярко-зеленая. В детстве все яркое: синее-синее небо, изумрудная зелень, белоснежный мрамор ступеней, россыпь разноцветных карамелек в вазочке на столе, темно-бордовые пионы в вазе, терракотовый шелк занавесок и полумрак зимнего сада — насыщенный, влажный, лилово-серый…

Все воспринимается острее и резче, когда тебе одиннадцать, и ты с жары забегаешь в тишину закрытой оранжереи, в надежде, что здесь тебя не станут искать, а значит, не найдут и не усадят играть гаммы. Ты прячешься за развесистыми кустами мирта, а потом вдруг слышишь странные звуки и, конечно, выглядываешь посмотреть! Осторожно высовываешься и становишься свидетелем того, что для тебя вовсе не предназначалось — видишь наклонившуюся женщину, задранный подол, смуглую мужскую руку, стискивающую белое бедро, и…

Эледа никогда не была малодушной. Взбалмошной, резкой, ядовитой, злопамятной… Но не малодушной. Поэтому она неслышно развернулась и вышла.

Солнце по-прежнему было ярким. Трава зеленой. Карамельки на столе кричаще-разноцветными. От перенасыщенности цвета к горлу подкатила тошнота…

Нет, не то чтобы Эледа в одиннадцать лет вообще ничего не знала про секс… И знала, и в фильмах видела, и с подружками обсуждала. Но так вот вживую… Поэтому, когда запыхавшаяся миссис Крид выбежала из-за угла со своими гаммами, ученица смерила ее тяжелым недетским взглядом и сказала:

— Миссис Крид, гаммы будут завтра. А сейчас вызовите мне шофера и сообщите управляющему, что я еду к маме. Он выделит телохранителей.

Миссис Крид — моложавая интеллигентная женщина с безупречной осанкой — сперва открыла было рот, однако тут же закрыла. Посмотрела внимательно воспитаннице в глаза и спросила:

— Вы уверены, что ваш визит будет желателен?

— Уверена, что нет. Но все равно поеду.

Женщина в ответ задумчиво кивнула.

«Визит будет желателен». Ха! Эледа видела мать только по вечерам за ужином. Ровно тридцать минут. А потом та уходила в кабинет, куда дочери являться запрещалось. Однако девочка слышала вызовы коммуникатора и то и дело включающийся

голографон. Мама постоянно работала. Отец, кстати, тоже. Но иногда находил время отвлекаться. Например, как сегодня.

* * *

В офисе у Мелинды Ховерс тоже все было очень ярким — авангардные картины, мебель в стиле модерн, пластиковые панели на стенах. Пахло тканями, кожей, дорогим парфюмом, и всюду суетились люди: одни катили вешалки с одеждой, другие несли огромные папки с эскизами, третьи — папки с образцами тканей…

Когда двери лифта открылись и маленькая Эледа с двумя огромными телохранителями вышла в холл, ее даже не заметили. Никто, кроме референта. Та подняла брови домиком, потом сладко улыбнулась и тут же нажала кнопку селектора, связываясь с начальницей.

Дочь провела в приемной двадцать минут. Сидела, ровно сложив руки на коленях, и смотрела в голокуб, на котором секретарша заботливо включила ей мультфильмы. Воспитанная девочка из хорошей семьи — в платье-клеш с тонким лакированным поясом и с кокетливым ободком на голове.

— Мисс Ховерс, можете войти, — наконец-то сказала, поднявшись из-за стойки ресепшена, секретарша.

Эледа поднялась, повернулась к телохранителям и приказала:

— Ждите здесь.

Что удивительно, они подчинились. То ли потому, что понимали — девочке здесь ничто не угрожает, то ли потому, что девочка никогда прежде не ездила к матери на работу и не вела себя столь решительно и властно. Эледа потянула на себя тяжелую дверь и впервые в жизни вошла в святая святых — кабинет миссис Меллинды Ховерс.

— Леда, в чем дело? — строго спросила мать, не поднимаясь из-за огромного стола. — Что за странный визит? У тебя пятнадцать минут, потом у меня встреча.

— Я видела Софи и папу, — сказала дочь, глядя неотрывно в глаза собеседнице.

Та иронично вскинула брови и сделала очередную затяжку. Она уже тогда много курила.

— Я тебя поздравляю. Теперь всякий раз, когда ты их увидишь, то будешь приезжать сюда и сообщать мне об этом удивительном факте?

— Нет, — ответила девочка и веско пояснила: — Я видела их вместе в оранжерее. Они занимались сексом.

Брови миссис Ховерс взлетели еще выше на лоб, а потом она рассмеялась:

— Милая, из-за того, что в тебе роста метр с бантом, я постоянно забываю, что возраст у тебя давно уже не детский… Безусловно, то, что ты видела — зрелище не из приятных, и наблюдать его ты бы вовсе не должна. Как раз чтобы не испытывать того, что испытываешь сейчас. Минуту.

Мать нажала кнопку селектора и сказала:

— Сьюзи, никого ко мне не впускать, — после этого затушила сигарету, посмотрела на стоящую напротив дочь и спросила: — Что ты думаешь о случившемся?

Эледа задумалась. Прежде её мнения о поступках взрослых никогда не спрашивали. Тем более в таких серьезных вопросах! Поэтому девочка наморщила лоб, собираясь с мыслями, и осторожно сказала:

— Я думаю, это опасная связь. Ненужная.

Миссис Ховерс уважительно кивнула, как бы давая понять, что подобное соображение не лишено резонов, однако заметила:

— Запомни, родная, не бывает безопасных связей. Что-то всегда оказывается под угрозой: свобода, независимость, репутация. Поэтому всё и всегда нужно держать под жестким контролем.

— Мне об этом говорили. Папа.

— Тогда с чего ты так переполошилась?

Эледа похлопала ресницами.

— Ты *знаешь*?

Мелинда с осуждением покачала головой:

— В нашем доме наймом персонала занимаюсь я. Твой отец мне в этом всецело доверяет. Ему нравится бывшая не очень известная актриса, оставившая сцену. Кстати, мне она тоже нравится. Я предлагаю ей выгодный контракт по воспитанию одной упрямой девочки, с оговоркой на ряд неких услуг по гармонизации атмосферы в доме. Она соглашается. Контракт подписан. Ты получаешь статусную дуэнью, я — довольного мужа. Дрязги не выходят за пределы дома, все дозволенное оговорено документально. У меня есть свободное время, у твоего отца — приятный досуг, у тебя — хорошая наставница.

Дочь задумалась:

— А папа в курсе?

— В курсе чего? — мать прикурила очередную сигарету и выпустила в сторону облачко дыма.

— Контракта.

— Зачем ему это? Софи достаточно артистична, чтобы дать твоему отцу то, в чём периодически нуждается каждый женатый

мужчина: щекочущую нервы интрижку. Однако твой отец неглуп. Он прекрасно понимает, что к чему в этом мире. Я делаю ему приятный подарок. Он его принимает и делает приятные подарки мне. Нам хорошо. Всем хорошо.

— Но… есть же всякие эскорт-агентства… — растерянно протянула дочь.

— То есть ты считаешь, что управляющий тремя секторами мегаплекса должен вызвать девку из эскорт-агентства? Куда-то ее отвезти, где-то с ней уединиться, подвергаясь глупому риску и тратя драгоценное свободное время, которого и так почти нет…

Эледа пристыженно опустила глаза:

— Но всякие интрижки…

— Мужчине нужен комфорт в первую очередь дома. Я не понимаю, что тебя смущает.

Девочка ответила:

— Просто я думала, ты не знаешь…

Мать в ответ на это рассмеялась.

— А Софи… она… — пробормотала дочь.

— Она актриса. Хорошая. И как хорошая актриса получила очень выгодный контракт. В театре ей столько не заплатят. Наша семья обеспечит её на всю жизнь. И Софи это прекрасно понимает, как и то, что у твоего отца есть голова на плечах. Поэтому дальше позволенного красавица-гувернантка не пойдет, не волнуйся. А если и пойдет, то не дойдет. О чем, кстати, знает. Но ты рассуждаешь не о том, Эледа. Совсем не о том.

— Нет?

— Совершенно нет. Ты бы лучше подумала вот о чём: как так получилось, что твой отец увлекся? По-настоящему увлекся. Неужели ты не видишь — он доволен, даже счастлив.

— Ну… — протянула девочка, — она красивая.

— Нет, Эледа. Опять мимо. Она знает, что *предложить*. Она умет себя подать. Умеет быть такой, какой необходимо, в нужный момент. Актёрка. Лицедейка. И, заметь, никакой пошлости. Ты ещё сегодня утром любила её без памяти. Софи то, Софи сё. Что же изменилось?

— Это обман! — вспылила дочь.

— Это. Контракт. И прекрати орать. Она отрабатывает свои деньги. Виртуозно отрабатывает. Без вот этих вот дешевых всплесков, какие свойственны эмоционально утонченным натурам. Она подписала договор и выполняет его. Она делает своё будущее, какое у неё, как у актёрки, было бы весьма печальным. Погуляла бы из постели в постель корпоративных сошек, может, получила какую-то очередную мелкую роль. Хотя и это сомнительно, потому что театр у нас в мегаплексе только

один и недостатка в талантах у него нет. Большая слава обошла Софи стороной, однако жизнь подарила ей уникальную возможность стать скромной наставницей одной маленькой и не очень сообразительной девочки. А через три-четыре года — обладательницей дома на побережье, приличного счёта в банке и, возможно, хозяйкой эскорт-агентства, или агентства по кастингу, а то и школы актёрского мастерства. Совсем другой статус.

Эледа задумалась, а мать, видя, что дочь напряженно размышляет, добавила:

— И всё это она сделала, оставаясь незаметной, приятной и уместной в любой ситуации. Она очень умна. И да, Эледа, я ей довольна. А тебе рекомендую не сводить глаз с Софи. Возможно, тогда ты научишься тому, чего ещё не умеешь — понимать людей, понимать, что им надо, а самое главное — *как* и *от кого* они готовы это принять. Путь к успеху прост: если женщина владеет способностью нравиться, она не пропадет нигде. Так что будь внимательна, Эледа. Мне бы не хотелось, чтобы ты набивала лишние шишки. Я постаралась вырвать у судьбы максимум. У твоего отца тоже есть многое. Но ты, если постараешься, сможешь получить *еще больше*. Для этого тебя и учат. А ещё раз узнаю, что прогуливаешь занятия, накажу.

— Зачем мне эти гаммы? — тут же заныла Эледа.

Миссис Ховерс открыла портсигар, достала очередную сигарету и пояснила:

— Образование, Леда. Умного человека сложнее обмануть, запутать, использовать, им труднее манипулировать. Чем умнее ты будешь, тем меньше шанс проигрыша.

Девочка вздохнула:

— А что с Софи?

— А что с ней? — спросила мать, поднося зажигалку к сигарете.

— Как мне себя вести?

— Скажи, что ты их видела, — пожала плечами Мелинда. — Или не говори.

— Мне неприятно… и папа… — она опустила глаза в пол, не решаясь договорить, что теперь не знает, как смотреть в глаза отцу.

— Эледа, тебе одиннадцать лет! — раздраженно сказала мать. — Конечно, неприятно, но не надо раздувать из этого вселенскую трагедию. Или ты думала, тебя сделали в пробирке? Ничего подобного, самым естественным образом. Поэтому прекрати драматизировать на ровном месте. Ты всего лишь краем глаза увидела чужой секс, даже не пытки или избиение. И, между прочим, ты была бы избавлена от этого стресса, если бы не бегала

от миссис Крид. Шагом марш отсюда, мне надоело уговаривать тебя и убеждать, что мир не рухнет под напором открытий. Увидимся за ужином.

— До вечера, мама, — кивнула дочь, понимая, что ей и так уделили очень много времени и внимания.

— Кстати, Леда, — окликнула ее миссис Ховерс.

Девочка оглянулась от двери.

— Это твой отец. И он тебя любит так, как не всякий вообще способен. А слабостям близких надо потакать. Иначе они не будут потакать твоим, когда придет пора. Только не забывай, что близких надо выбирать с умом.

Эледа крепко-накрепко это запомнила.

Кто бы тогда сказал одиннадцатилетней девочке, что всего через три года именно Софи, в которой сегодня юная мисс Ховерс видела опасность и угрозу семье, будет инструктировать свою подопечную перед выходом на первое свидание и объяснит ей психологию флирта. А потом, когда сконфуженная Эледа вернется, гувернантка разберет с ней все допущенные ошибки и скажет: «А вот теперь будем учиться по-настоящему».

Мисс Ховерс выключила беговую дорожку и медленно перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась. Всё же мама была права: умная женщина — украшение умного мужчины. Нейт Ховерс принял очень правильное решение, когда взял в жёны Мелинду Спайк. Их союз вышел по-настоящему прочным. Они оба умели достигать поставленных целей, идя к ним исключительно по чужим головам.

* * *

Айя расстегнула куртку и села на потасканный пластиковый стул. Ночлежка по меркам корпсектора была полный отстой. Старая дешёвая мебель, стены, обшитые пластиковыми листами, пол, покрытый ими же. Ни о каких интерьерах или обстановке даже речи не шло — просто комната со светодиодной лентой по периметру, стол, три разномастных стула, жёсткий неудобный диван, на котором устроился Керро, и несколько розеток. Всё.

Однако это была *комната*, пусть и без окна, пусть и довольно холодная, но в жилом доме и с настоящим санузлом. Айя за четыре дня вне стен интерната научилась ценить даже такую малость. Кроме того, она искренне не ожидала, что они придут в подобное место. Думала, впереди очередной подъём по частично обрушившимся лестничным пролетам, глухомань, грязища и руины. А тут оказался трёхэтажный жилой дом с несколькими

проходными подъездами, в холле одного даже было что-то похожее на стойку ресепшена, за которой сидел администратор и выдавал ключи от номеров.

Правда, идти сюда Айе с Керро пришлось по тёмным улицам, как двум шпионам — незаметно следуя за Цифрычем. Рейдер пытался обнаружить «хвост». Не обнаружил. Его спутницу это несказанно порадовало — стрельбы в последние дни было столько, сколько не во всяком боевике увидишь.

Убедившись в безопасности перемещения, Керро окликнул хакера, и дальше — до этого дома — шли вместе в молчании.

А теперь вот комната. Резкий свет с потолка, неряшливая скупая обстановка, холод. Керро молчит, будто дремлет сидя. Цифрыч суетится вокруг стола…

Айе было тоскливо-тоскливо. Даже под ложечкой засосало от нехорошего предчувствия. Хакер на неё глянул мельком, заметил синяк и негромко хмыкнул, однако почти сразу отвлёкся: достал из рюкзачка два планшета и взялся подсоединять к ним какие-то явно самодельные девайсы.

— Не, Керро, что ты так просто на встречу не выйдешь — я знал, но что про это местечко в курсе — даже не подозревал. А заценил, как круто тут? Три пути отхода, и все хрен перекроешь, плюс восемь каналов к чёрным серверам.

Рейдер ответил:

— Путей отхода, на самом деле, пять, а серверов, мне говорили — только четыре, — он устроился поудобней — откинулся к жесткой спинке, вытянул ноги. — Ну, а то, что знаю… Я со многими межсекторалами в дружбе. Помнишь, в прошлом году сеть чёрных проксей упала? Не удивило, что тебя никто не расспрашивал?

Цифрыч промолчал, но безмерное удивление на его лице было красноречивее любых слов.

— А всё потому, — продолжил Керро, — что я нашёл того, кто это сделал. Вот Церковь Цифры вас и не трясла.

— Однако! — присвистнул Цифрыч. — За мной должок.

— Не принимаю, — коротко отозвался собеседник.

— Как хочешь, — пожал плечами хакер. — Прошу, леди, — и он подвинул к молчаливо сидящей девушке один из голографических планшетов, а за второй сел сам. — Ознакомляйтесь.

Айя поудобнее устроилась на шатком стуле и начала пролистывать проекции.

Люди, люди, люди… Лица, лица, лица… Мужчины и женщины, старые и молодые, угрюмые и улыбающиеся, красивые и не очень. Много. Очень много. Но никто не казался знакомым.

Девушка старательно всматривалась в каждого, надеясь, что память всё-таки отзовется. Однако память молчала. И на пятом десятке внимание стало рассеиваться.

Керро, похоже, спал. Цифрыч сидел в своем углу и больше не обращал на Айку никакого внимания. Она этому молчаливо радовалась, так как светить синяком было всё-таки не очень приятно.

И снова лица, лица, лица… Женщина с высокой прической, молодой мужчина с ранней лысиной, престарелый дядечка в огромных очках, юная леди, постриженная под мальчика, снова женщина, мужчина, старик… Рыжие, светловолосые, русые, брюнеты, блондины, с короткими волосами и длинными, с гладкими и…

Девушка отшатнулась от голограммы добродушного кудрявого человека в белом халате. Поставила проекцию на паузу, увеличила масштаб. И долго смотрела, чувствуя, как мелкая дрожь застарелого страха поднимается вдоль по позвоночнику.

— Вот этот, — хрипло сказала Айя и зачем-то добавила: — Я его за голову укусила. Сюда, — она ткнула указательным пальцем в затылок благообразного доктора.

— А ты, однако, та еще штучка, — хохотнул парень, отшатываясь с наигранным испугом, — но остальных-то тоже посмотри. Их не так много осталось.

— Была… — сказала девушка, продолжая пролистывать голограммы.

Лица перед ней снова замелькали.

— Это тот же самый, — девушка остановила очередную проекцию выбранного ранее кучерявого доктора, но отснятого в другой позе и без медицинского халата.

— Ошибся, когда подборку компоновал, — отмахнулся хакер. — Звиняй. Долистывай всё-таки.

Сам он тем временем быстро набирал что-то на втором планшете, глядя сквозь очки на мелькающие цифры и коды. Похоже, и вправду разбирал что-то в этой пестрящей мешанине.

Девушка продолжила перебирать файлы:

— Больше никого не помню, — сказала она, когда изображения закончились.

— Ок, — ответил Цифирь, увлеченно продолжая заниматься своим делом. — Есть! — отозвался он несколько минут спустя, и над голограммером Айи закрутился ярлычок нового архива. — Смотри теперь среди этих.

В папке были собраны различные логотипы, эмблемы и пиктограммы. С изображениями оказалось сложнее. Девушка

вглядывалась в каждое, надеясь вспомнить хоть что-то. В наказание за это усилие начала нудно болеть голова. Конечно же, та ее половина, на которую пришлась оплеуха. Айя терла висок, стараясь сосредоточиться. Перед глазами пестрило от картинок, переносицу ломило. Сейчас опять из носа хлынет…

Несколько тяжелых тёмных капель упали на стол. Девушка поспешно вытерла их рукавом. Черт, надо было салфеток взять.

— Вот эта… вроде бы… — неуверенно сказала Айя, увидев изображение символического щита, закрывающего спираль ДНК.

— Да не напрягайся ты так, — отмахнулся Цифрыч, — и ещё разок просмотри.

После вдумчивого пролистывания девушка нашла ещё несколько знакомых картинок: что-то вроде листа клевера, абстрактную закорючку и несколько общеизвестных логотипов, примелькавшихся по рекламным билбордам.

— Лады! Пока отдыхай, — хакер опять засуетился над своим планшетом. — Или посмотри чего, там много всякого…

Айя хотела было почитать, но первой книгой, на которую она наткнулась в электронной библиотеке, оказался почему-то учебник по прикладной электронике. Девушка вспомнила, как всего несколько дней назад переживала, что низкий балл по этому предмету может сломать ей жизнь, усмехнулась и больше к планшету не притронулась. Уткнулась лбом в ладони и сидела так, ожидая, пока снова не придется что-то смотреть.

Спустя какое-то время хакер сказал:

— Гляди ещё, — и щелкнул пальцем по кнопке Enter.

В новом архиве были собраны снимки различных видов. Черные сектора, белые, корпоративная зона, руины и новостройки, широкие проспекты, узкие захламленные улицы. Над одной из проекций, показывающей огромные раздвижные ворота, Айя застопорилась. Поставила на паузу. Покрутила так и эдак, потерла лоб, покусала губы и задумчиво произнесла:

— Вот эти ворота помню. Скрежетали, когда раздвигались, очень противно. Там за ними длинный такой коридор и еще одни ворота, тоже здоровые, а по бокам переходы — тротуары, огороженные железной сеткой…

— До конца-то просматривай, — однако теперь хакер, как ни силился, не смог скрыть волнения. Попытался было усесться и невозмутимо взяться за работу, но вдруг сорвался и с паническими нотками в голосе зачастил: — Керро, я не буду играть сам! Это не мой уровень! Клянусь, не сдам вас! Да, за неё можно и сто миллионов взять, но меня ж сожрут!!! Керро, играешь ты. Я прикрываю, как договаривались… ну, хочешь десять? Пусть даже девять, мне хватит. Но я не стану играть сам,

здесь Ушлый уже не прикроет.

Рейдер сидел, как сидел, даже не шевельнулся.

Айя испуганно напряглась, понимая, что Цифрыч выудил из её ответов информацию, из-за которой всерьез испугался за свою жизнь. Данные той самой ценности, когда благоразумнее убить напарника и тем самым снизить риски. А для Керро что убить, что плюнуть. Девушка медленно поднесла к лицу левую руку, словно бы снова вытирая кровь, льющуюся из носа, а на самом деле прикрывая движение правой, которую опустила к кобуре с пистолетом.

Уж коли мисс Геллан так выросла в цене, она тоже имеет право голоса. Хотя кто услышит её хилый писклявый голосок, если его не подкрепит веский аргумент?

Девушка незаметно повернулась на своем стуле так, чтобы иметь возможность резко вскочить. Со стороны, если на неё, конечно, не смотрят совсем уж пристально, должно все выглядеть так, будто дуре снова сплохело и она борется с тошнотой.

— Адекватно — тридцать. И мой выбор, — глухо сказала Айя, стискивая вспотевшей рукой Доков пистолет.

Керро только хмыкнул в ответ, а Цифрыч скользнул по подопытной удивленным взглядом, но тут же снова повернулся к рейдеру.

— Это не мой уровень и мне не сыграть, — хакер явно совладал с собой — без резких движений вытащил из-за пояса пистолет и положил на край стола. — Я подписывался за долю, и я именно за долю в деле. Цифрой клянусь! — левой рукой он достал из кармана что-то маленькое. — Другого долго искать будешь.

— Адекватная, блин, — Керро поморщился. — Хоть узнай, о чем речь, сперва, — после этого он повернулся к парню. — Цифрой? Кидай.

Айя продолжала мягко и незаметно отодвигаться, стараясь держать обоих в поле зрения и не торопясь при этом убирать руку от оружия. О чём они говорили, она не понимала. Но наблюдала с жадностью.

Цифрыч сглотнул, облизал губы, а потом подобрался, словно перед прыжком, закрыл глаза и бросил то, что держал в левой руке, на стол.

По гладкой пластиковой поверхности со стуком прокатилась игральная кость и застыла кверху гранью, на которой вместо точек почему-то значилось число шестьдесят четыре.

— Цифра подтверждает, — хмыкнул Керро: — Ок, двадцать. Или прежнее число эстетически радует? Адекватная, — он, наконец, снова повернулся к Айке, на миг почти выпустив

Цифрыча из поля зрения, — ты хотя бы руки от волыны убери. А лучше выложи её. Нервирует.

Девушка, не отводя взгляда от хакера, огрызнулась:

— Хрен тебе. Понервничаешь. Тридцать и выбор.

Керро в ответ только рассмеялся.

— Цифрыч, одолжи тридцатку, пока думаешь.

Тот сразу вытащил три купюры по десять кредов и передал рейдеру, который в свою очередь взял их левой рукой и бросил на стол перед Айкой:

— Рано взялась жёстко играть, — сказав так, Керро снова повернулся к хакеру. — Твое слово.

— Старая радует.

— Принято. Растолкуй девушке вкратце, что же она на самом деле вспомнила. Всё, что знаешь.

Айя медленно убрала руку от оружия. И вопросительно посмотрела на Цифирь. Тот быстрым движением вытер потный лоб, после чего заговорил:

— Была… да и есть такая корпорация «Мариянетти». Специализация — биологическое оружие. И был, вот, к счастью, именно *был* в ней некий Дерек Вулкинс, он же — Гений Смерти. В натуре Гений — на стыке дисциплин всегда работал, — на этих словах Цифрыч почему-то поёжился. — Во время непоняток в Зета-центре погиб. Ну, официально пропал без вести вместе со всеми, кто там работал. История с Зета-центром случилась пять лет назад. А ты ровно четыре года, как отучилась в том своём интернате и, если над тобой работали психоинжинеры, то как раз год им и нужен, чтоб довести тебя ту — прежнюю — до списания. По времени всё сходится. Ты вспомнила и Дерека, и внутренний логотип лаборатории, и даже шлюз Зета-центра, а он уникальный был — все остальные такой фигней не страдают. Так что… — хакер развел руками.

Керро тихо посмеивался, глядя на ошарашенную Айку, а та хлопала глазами, забыв про лежащие перед ней на столе три десятки, которые так и не взяла.

— Кстати, стоит она ровно пять. — Рейдер с явным удовольствием полюбовался на лица обоих — и рассказчика, и слушательницы, после чего пояснил: — Больше в мой спец-кейс не влезет.

— А ты два возьми, — сорвалось у девушки с языка.

Керро и Цифирь переглянулись и расхохотались. Обстановка, еще несколько минут назад накалённая до предела, заметно разрядилась.

Рейдер вытащил из внутреннего кармана куртки толстую пачку купюр и протянул хакеру:

— В счёт твоей доли. На непредвиденные расходы.

Даже несмотря на картинно невозмутимый вид Цифрыча, Айя поняла, что держать в руках такую прорву денег ему явно непривычно. Девушка тем временем тронула Керро за плечо и тихо-тихо, чтобы слышал только он, спросила:

— Керро, здесь есть душ? Я четыре дня нормально не мылась…

— Только быстро. Здесь лучше не задерживаться, — так же тихо ответил он и повернулся к хакеру: — Цифрыч, выпьем чутка?

Айя поспешила к двери в санузел. Туда, где находился водопровод. И душ. И полотенца. И мыло. Пускай там было холодно и не очень чисто, пускай мыться приходилось впопыхах, даже так это всё равно оказалось наслаждением.

Вода из душа текла, конечно, не самая горячая, но она текла! А тесная кабинка оказалась просто углом с водостоком в полу, отделенным от остального санузла рваной целлофановой занавеской. Хорошо-то как…

Торопливо намыливаясь, девушка думала, что здесь, — в черном секторе, — особенно после того, что она о себе узнала, логичнее всего мыться, обставившись минными растяжками и пулемётными гнездами. До чего ж непросто-то всё… Вот почему в жизни так мало радостей и так много всякого дерьма?

* * *

Волосы были еще слегка влажные, и Айка спрятала их под шапку. Снимет, на голове будет такой же бардак, как и внутри. Хотя нет, внутри был не бардак, а настоящее месиво. И такое долгожданное, но быстрое плескание в душе сумбур в мыслях только усугубило. Однако именно сейчас, оттеснив в сторону все более или менее своевременные мысли, мозг сверлило… любопытство.

— Керро, а что это у Цифрыча за кубик такой? — Айя, впервые увидев этот кубик, почему-то сразу вспомнила черно-белое изображение трех девушек за высокой мрачной колоннадой разрушенного здания. — У таких, как он, своя Удача?

— Ну, спросила, — усмехнулся Керро, не сбавляя шага. — Цифроголовых понять — как… — он замялся, подбирая сравнение, — как в центр корпзоны пролезть. — Потом помолчал и добавил: — Про рейдеров говорят примерно так же.

— Хм… там ведь были степени двойки на гранях… А что бы ты делал, выпади ему другая цифра? Например, шестнадцать или четыре?

— Ничего. А выпало бы два — застрелил, — Керро не стал мучить спутницу паузами. — Я его за язык не тянул Цифрой клясться.

— Там у каждого числа какое-то определенное значение? — уточнила Айка, пытаясь разобраться в логике немудреного ритуала, и тут же перебила сама себя: — А! Я, кажется, поняла! Цифра шестьдесят четыре эквивалентна шести точкам, потому что максимальная на кубике. Так?

— Цифроголовой стань, они с тобой поделятся, — пожал плечами собеседник. — А так, если выпадает шестьдесят четыре — значит, Цифра подтверждает, если два — опровергает. Остальное — «сам решай». Цифрыч зря испугался. Я, конечно, дернулся, когда про Зета-центр понял, но валить его и в мыслях не было.

— Но если бы выпала двойка, всё равно бы убил? Даже несмотря на то, что не собирался?

— Я его за язык не тянул, — повторил Керро.

— А чего он вообще так испугался? Ты ведь даже не пошевелился.

— У него к планшету беспроводной сканер мозга был подключен. Самопал, конечно, по долям не следит — так, общую интенсивность мышления ловит. Вообще на тебя был установлен, но и меня тоже краем ловил. Вот и поймал.

— А на меня-то зачем? — такого рода откровение Айку изрядно напрягло.

— Чтоб, если чего узнаешь, но не осознаешь, был шанс это заметить, — Керро пожал плечами. — Расслабься, это не детектор лжи. На тебе детектор использовать вообще глупо. Ты ведь даже не знаешь, что врать.

Некоторое время шли молча.

— У Цифрыча, значит, кубик… — осторожно заговорила девушка. — А если тебе самому нужно испытать удачу, что ты делаешь?..

Рейдер усмехнулся:

— Я не верю в удачу. Сегодня утром, например, нас вывела не удача, а план. Заранее продуманный.

Он свернул в узкий — не больше шага в ширину — проход между двумя старыми одноэтажными постройками. Подождал свою спутницу, пропустил ее вперед и чуть повозился, ставя на землю небольшую коробочку, которую присыпал мелкими камнями и мусором. Двинулись дальше — вглубь частично обрушенного здания, где свернули в неброский закуток под опасно накренившейся лестницей. Там Керро отрыл в груде мусора пластиковый контейнер, откуда вытащил спальный мешок

и пенополиэтиленовый коврик.

— Мы не на твою лежку? — удивилась девушка.

— Нет. Слишком долго там зависали, кто-нибудь мог и засечь уже.

Он помолчал, потом продолжил:

— Слушай, день был непростой и я вымотался. Ты наверняка тоже. И тебе завтра с утра отвечать, что ты решила. Больше времени на раздумья дать не могу.

— Я понимаю, — сказала девушка и добавила: — Завтра я всё скажу.

* * *

Комната, где они уединились, была небольшая, располагающая к интиму — приглушенный свет, широкая кровать, бежевые обои, откровенные фотографии в разномастных рамках, тёмные тяжелые портьеры, драпирующие углубление в стене, где обнажалась красная кирпичная кладка… Томно, чувственно, но при том без явной похабщины.

Су Мин обладала редким качеством — будучи полностью раскрепощенной и доступной в постели, она умудрялась избегать пошлости. Уникальная черта для женщины подобного рода. Даже сегодня вечером, утянув спутника в комнату привата, она ухитрилась обставить всё элегантно и естественно. Они вошли в пустующий кабинет, кореянка повернулась к рейдеру и прямо спросила:

— Устал?

Он не счёл нужным отпираться. Напряжение прошедших суток давало о себе знать.

— Ложись, — улыбнулась девушка. — У тебя второй сеанс релакса.

И помогла ему стянуть футболку.

Винс растянулся на постели, Су Мин уселась на него верхом. Тёплые мягкие ладони заскользили по спине…

На этот раз массаж сперва расслабил, а потом вдруг резко взбодрил — сонливость ушла, в голове прояснилось, организм снова вошёл в тонус, чем кореянка не преминула воспользоваться. Впрочем, ее «пациент» был совсем не против…

— Уютный кабинетик… — Винс лениво поглаживал девушку, устроившуюся у него на плече.

— Мэрилин для меня его обставила, — Су Мин довольно улыбнулась, — и если кого-то сюда пускает, то после обязательно проводят генеральную уборку.

Рейдер хмыкнул.

— Винс, а чем всё-таки закончилась та история у вас с Карой? — осторожно спросила девушка.

— Я же не спрашиваю, как ты выбилась в младшие бонзы, — сказал он вместо ответа.

— Мог бы и спросить, это не секрет, — пожала она плечами. — Я была при прошлом младшем бонзе, ещё там — в старом секторе. Но потом, когда выходили из-под зачистки, с ним несчастный случай произошел… Ну, я бразды правления и перехватила, благо, не только развлекала его. А потом уже здесь пару сложных дел провернула. После этого Старший дал мне дорогу наверх. Банальная история.

— Моя тоже. Кара с тамошним бонзой сошлась, а мне предложили его убрать… в итоге денег хватило и раненого вылечить, и даже машину купить, а не угнать. Ничего интересного.

Собеседница вздохнула и прикрыла веки, будто собираясь с духом. Потом перевернулась и посмотрела мужчине в глаза.

— Скажи, мы ведь были полезны в твоем деле? — серьезно спросила она.

— Даже больше, чем ожидал, — честно ответил Винсент.

— Винс, я знаю, такие вопросы решаешь не ты, но ты даёшь информацию тем, кто решает. Убеди их, что наша группировка может быть очень полезной. Очень. Мы на многое способны. И если тебя переведут к нам, то я буду с тобой. А я тоже способна очень на многое.

Собеседница сверлила его взглядом, словно хотела по лицу угадать, каким станет ответ. И видно было: ради того, чтобы ответ оказался положительным, она *уже* готова «очень на многое».

— Раз так, — спокойно произнес Винсент, — рискнешь принять участие в моей личной игре? Если победим, то я стану резидентом в вашем секторе.

Она ответила, едва он успел договорить:

— Да. Что нужно сделать?

Рейдер улыбнулся и убрал с лица девушки прядь волос.

— Для начала необходимо, чтобы Керро со мной связался не позднее завтрашнего утра. Передай: я хочу услышать его цену, а *что именно* он добыл — уже знаю.

— Он получит эту информацию. По моему личному каналу. Дальше, — Су Мин была сосредоточена и говорила отрывисто.

— Дальше… я знаю, что вы не трогали уничтоженный разведцентр активными методами. Но ведь наверняка следили?

— Разумеется. И даже раскололи три шифра.

— Отлично. Добудь их и передай мне. Но так, чтобы никто не узнал и не заподозрил. Даже ваши. Даже самые твои доверенные.

— Сделаю, — кивнула кореянка. — Но ты обещай, что мы станем вашими руками в секторе. Обещай.

Она смотрела одновременно требовательно и с надеждой.

— Обещаю сделать всё, чтобы именно так вышло. И обещаю вытащить тебя, если что-то пойдет наперекосяк, — сказал Винс.

Собеседница довольно улыбнулась, и в узких глазах на секунду промелькнула хищная искра.

— Такую сделку надо скрепить, — сказала девушка, садясь на него верхом. — И скрепить достойно.

У Су Мин слова не расходились с делом — более достойно Винсент не скреплял еще ни одну из сделок.

День пятый

Ничего не говори, не подходи на выстрел…

Группа «Пикник» «Инкогнито»

Эта ночь была самой холодной и самой тёмной из всех ночей в жизни Айи Геллан. Во всяком случае, тех, что она помнила.

Керро спокойно спал, плотно завесив их закуток под лестницей пологом из пленки и накрыв спальник своей курткой, а его подопечная всё сидела и таращилась в глухую темноту.

Противоречия раздирали разум на части. Казалось, будто в одном теле сошлись несколько совершенно разных личностей.

Одна молила судьбу вернуть всё, как было: школу-интернат, уроки, понятную жизнь, предсказуемое будущее. Отмотать назад! И, если можно, ещё раз стереть память. Все воспоминания последних четырех дней.

Другая тихо скулила, понимая, что ничего уже не изменить. Она и не хотела менять. Пусть решат за нее. И плевать на последствия, она примет любые.

Третья просто впала в ступор.

Четвёртая бесилась. Какого чёрта всё это обрушилось на неё — хорошую девочку, никогда никому не делавшую ничего плохого? Разве мало вокруг более крепких, стойких или хотя бы более гнусных?

Пятая не верила и всё повторяла: «Нет-нет, это все происходит не со мной. Не может со мной такого происходить!»

Шестая мрачно вещала: дальше будет хуже, гораздо хуже…

Седьмая требовала что-нибудь предпринять. Что угодно! Срочно, сейчас же, сию минуту! Быстрее! Надо что-то сделать, иначе…

И так по кругу, раз за разом. То хотелось вскочить и бежать, то, напротив, накрывало безысходным оцепенением и, казалось, не было сил даже пошевелить пальцем.

Айя прошла все стадии отчаяния, на которые у нормального человека обычно уходит много дней. Испуг переплавлялся в панику, паника — в неверие, неверие — в жалость, жалость — в гнев, гнев — в протест, протест — в равнодушие, равнодушие — в смирение…

И все это время какая-то отдельная совершенно хладнокровная часть сознания молча следила за остальными. А

когда настроения стали сменяться с совсем уж неприличной частотой, спокойно и властно вернула Айю в реальность.

Голова болела. И уже было не понять — то ли от удара об стену, то ли просто болела, как все последние дни. Тело казалось деревянным — от холода и усталости. Ломило правую руку, которую Керро вывернул, чтобы заставить бросить нож, ломило спину, ушибленную при падении, дергало скулу, отмеченную синяком.

И вдруг девушку прострелила от макушки до пяток внезапная мысль: у неё ведь есть пистолет! И Алисин нож! А если бы она помнила об этом утром, когда потекла крышей? Если бы открыла пальбу? Если бы начала размахивать не тычковым ножом, а…

Айю заколотило от запоздалого ужаса.

Очки ей захотелось посмотреть, идиотке. Любопытно, блин, стало…

Ледяными пальцами она прикоснулась к синяку на щеке. Боль соединяла с реальностью, напоминала о том, чем бывает чревата глупость. Конечно, Айя и вправду плохо знала жизнь и нравы чёрного сектора, только вот плохо знать — это одно, а вести себя дура дурой — совсем другое. Именно об этом ей сегодня говорил Керро. Жаль, она не поняла.

Да, пора бы мисс Геллан повзрослеть, если она собирается остаться здесь.

А она собирается? Айя замерла, раздумывая. Что ждёт её в родной корпорации? Конечно, лаборатория и опыты. А потом утилизация по девяносто девятому меморандуму…

Значит, как бы ни хотелось вернуться к прежней жизни — это вряд ли удастся. То есть, остается только один вариант — получить обещанный Керро «адекватный процент» и свободу. А потом как-то затеряться, исчезнуть, залечь на дно. Чтобы не вспоминали, не искали… И прожить остаток дней здесь. Или, может, в каком-то из белых секторов? Потому что в чёрном она долго не протянет даже с деньгами.

Блин. А сколько денег у него просить? Цифирь затребовал меньше двадцати процентов. Но он помогает. Тогда как Айя только путается под ногами и осложняет жизнь. С другой стороны, хакер всего лишь на подхвате, а она — непосредственно товар. Угу, круть. Но продает товар и торгуется за него Керро. Без него охотников на этот товар будет до чёрта и ни одному не придет в голову больной идеи что-то там Айке предлагать. Ха-ха.

А ведь, попади она в руки кому-то более циничному, могла бы уйти частями. К примеру, что стоит отвести её к уличному доку и распродать фрагментами? Или наоборот. Предложить целую Айю «Мариянетти». Тем более, когда они узнают, что

девчонкой заинтересовались в «Виндзоре», наверняка постараются перебить цену…

Безумные мысли разной степени бредовости теснились в голове, грозя разорвать череп. Айя потерла глаза, разгоняя сон.

Холод медленно забирался под одежду…

Трое, наблюдающие эти метания, должно быть, усмехаются. Интересно, захочется ли им продолжать игру в Айкину удачу? Одно дело — абсурдное безлимитное везение одной отдельно взятой идиотки-корпоратки. И совсем другое — безлимитное везение лабораторной крысы, в которой начали просыпаться инстинкты улицы. Это уже не так весело. Таким везение всегда строго дозируют. Керро снова прав — лафа вот-вот может закончиться.

Что он там говорил? Намерения не значат ничего, значит результат? Его намерения могли быть какими угодно, но результат говорил сам за себя. Только Айя, искорёженная страхом и паникой, умудрилась не понять очевидного. А теперь вспомнила, как льнула к Керро Алиса. Она доверяла ему! Абсолютно. Да и вообще все кролики считали его своим. Он умудрился заслужить безусловное доверие бригады психопатов, которое ни до, ни после него заслужить не мог никто. Для этого мало уметь втираться. Для этого надо быть, по меньшей мере, очень честным. Теперь понятно, почему Алиса так удивилась словам Айи о непонятности Керро — на ее взгляд, сложно было найти человека проще.

Пока Айка терзалась размышлениями, ноябрьская ночь становилась всё морознее. Руки и лицо девушки уже онемели от холода. Хотелось спать. Согреться, наконец. Но спальник один на двоих. Как туда лечь? Керро, конечно, уже не совсем чужой, но и не настолько близкий, чтобы спать под одним одеялом. Разумеется, усталость и озноб помогут перебороть неловкость, но пока еще можно терпеть.

Айя села на обломок бетона и подула на ладони. Чёрт, холодно-то как. Она усмехнулась сама над собой — да, холодно. Не желает ли мисс Геллан вернуться в удобства корпоративного сектора? К теплу, душу и чистоте? И в этот миг, наконец, совершенно определенно и остро осознала — нет. Не желает. Никогда больше. Ни за что.

* * *

Утром Рекс еле-еле разлепил глаза. Голова не болела, выпил он накануне совсем мало — две-три стопки, не больше, но спать

хотелось…

— Давай, давай, поднимайся, не на курорте, — тряс его за плечо Ирвин.

Молодой сел, потер ладонями лицо, с хрустом зевнул.

— Ага, — сказал он и начал обуваться, радуясь про себя, что накануне лег прямо в шмотках, и не нужно тратить время хотя бы на одевание. Так, броник надеть, куртку накинуть — и готов.

Разбитый и мятый со сна, Рекс вышел в холл следом за Ирвином.

— Лови! — Кемп, вольготно расположившийся на диване, бросил Додсону маленькую плоскую фляжку, которую Рекс еле поймал. — Глоток, не больше. Зато проснешься мигом. Моя особая мешанинка. Только, если стимуляторами закидываться будешь, Винса предупреди. Он состав знает, скажет, что можно, что нет.

От глотка мягкого и, к удивлению, неалкогольного питья в глазах внезапно потемнело, и Рекс осел на диван рядом с заржавшим Кемпом.

— Ща все наладится! — пообещал тот, хлопнув по плечу.

Не обманул. Накатившая невесть откуда дурнота отступила. Сознание прояснилось, в тело вернулась бодрость.

Рекс отдал флягу хозяину.

— Люблю с Винсом работать, — Кемп спрятал фляжку во внутренний карман куртки, — всегда комфортно, и оттянуться возможность есть, к тому же на цель выводит чётко.

— Ага, а самое главное — только на базе узнаешь, что добрая половина местных тебя на лоскуты порвать хотела, — хмыкнул Ирвин, а потом посерьёзнел и повернулся к Рексу: — Ты, молодой, гляди, не привыкай. Обычно за периметром не так. Зря тебя на первый выход к нам сунули, сбили правильный настрой.

Внизу неслышно открылась и закрылась дверь, а через полминуты на лестнице появилась Кара. Рекс привык видеть её собранной, насмешливой, слегка суховатой, поэтому сейчас удивился. Рейдерша была похожа на сытую хищницу — довольная, расслабленная, с едва уловимой ленцой в каждом движении.

— Будешь? — Кемп кивнул Каре и сделал жест, будто отвинчивает крышку с фляги.

— Поверх всего? — Кара потянулась — Не. Увольте.

— Смотри, свалишься.

— Свалюсь — донесете, — женщина плюхнулась в пустующее кресло, откинулась на спинку и успокоила: — Я легкая.

В этот раз дверь внизу будто бы даже не шелохнулась, поэтому собранный свежий Винсент возник на лестнице

неожиданно.

— Все в сборе? Зашибись. Спускайтесь. Только у дверей тормознитесь, — с этими словами он кивнул Каре и сделал шаг к её креслу, освобождая дорогу мужчинам.

Рекс потянулся следом за Ирвином и Кемпом, однако уже на середине лестницы услышал доносящийся сверху негромкий разговор и, скорее рефлекторно, нежели обдуманно, задержался:

— Сделала? — спросил вполголоса Винс.

— Да. Закладки будут к обеду. Вот координаты… — Кара вдруг осеклась, и сразу после этого Винсент громко спросил:

— Молодой, чего завис? Кто любит греть уши, тот частенько остается без них. Всё необходимое я до тебя сам доведу.

Пристыженный Рекс быстро отправился дальше, нарочито громко топая. Внизу у выхода его уже ждали напарники.

— Слушай сюда, молодой, — Ирвин произнёс это обманчиво дружелюбно и благожелательно. — Винс тебе скажет, как отобразить в отчете тот факт, что ночью Кары с нами не было…

— И нужно ли вообще ее упоминать, — скучающим голосом закончил Кемп, глядя в сторону.

— Да, — согласился Ирвин. — Так вот. Настоятельно рекомендую прислушаться и сделать, как он скажет. Без дури и хрени.

Рекс оторопело кивнул.

* * *

Сладкий сон Айи нарушило чужое неосторожное движение. Ей было тепло. Очень тепло. А теперь тепло ускользало. Кожу, горячую ото сна, лизнул сквозняк. Холод тут же забрался под одежду, заставляя съежиться.

Девушка завозилась, натягивая на себя гладкую синтетическую ткань… Матерное шипение, раздавшееся где-то совсем рядом, заставило разлепить глаза. Керро натянул задубевшую от холода куртку и теперь обувался. Глядя на него, Айке совсем расхотелось выбираться из теплого кокона. Поэтому она ловко выпростала руку, сдернула со спальника свою курточку и втянула ее внутрь.

Ледяная! Аж передернуло всю.

— Доброе утро, — хрипло сказала девушка.

— Угу, — ответил Керро.

После этого Айя завозилась, одеваясь и попутно пытаясь вспомнить, как ложилась спать. Ответ был один: никак. Никак не ложилась. Сидела на обломках лестницы, спрятав руки под

мышки. Так и срубилась.

Получается, Керро проснулся, увидел ее, притулившуюся в углу, поднял, разул и запихал в спальник? Смутно-смутно что-то такое припоминалось — закостеневшее от холода неуклюжее тело и тепло синтетической ткани, которое вдруг обняло со всех сторон. И Керро тоже теплый. Вообще очень повезло с теснотой — ему некуда было отстраниться. Поэтому Айя уткнулась ледяным носом в широкую спину и заснула.

Куртка, хотя и хрустела с мороза, но в спальнике чуть-чуть согрелась, а вот всовывать ноги в холодные ботинки оказалось тем еще удовольствием… Девушка торопливо затягивала шнуровку, надеясь сберечь хоть частичку тепла. Изо рта вырывался сизый пар, руки костенели.

— Б-б-блин… — сказала она, складывая спальник. — Вечером б-б-было теплее.

Керро молча снимал пленку. И сразу, как только он ее сложил, Айя поняла, что настоящий холод еще не начинался. Когда в закуток под лестницей ворвался ветер с улицы, показалось, будто даже волосы под шапкой встали дыбом и мгновенно покрылись инеем. Захотелось опять вытащить из контейнера спальник, напялить его на себя, прорезав дырки для ног, и так идти хоть на край света. А лучше не идти. Обратно расстелиться и лечь спать. Это же так здорово…

— Идём.

— Ага, — девушка вдела непослушные руки в лямки рюкзака. Спине сделалось чуточку теплее.

На улице задувало, и лежал снег. Снег, мать его! Грязь застыла, стала скользкой и коварной. Обломки бетона и кирпичей прочно вмерзли во вчерашнюю слякоть.

Айя потихоньку согревалась. Точнее, от быстрой ходьбы согревалось то, что было под одеждой, а лицо, наоборот, застыло от ледяного ветра.

Девушка шмыгнула носом:

— Куда мы идем? — спросила она.

— В тепло, — ответил Керро.

В тепло! В тёплое тепло!

— Далеко? — уточнила спутница.

— Не очень.

Тёплое тепло не очень далеко!

— А умыться там есть где?

— Да.

— Круть! — и она припустила еще резвее.

* * *

Темный тесный закоулок привел Керро и его спутницу к чёрному входу в «Девять жизней». Джувз как раз только-только поднялся и сейчас разжигал квадратную железную печь. Та стояла у него прямо за стойкой, на ней он готовил, от неё же и грелся в холода.

Бар был еще пуст. Ни случайно забредших полудурков, ни постоянных клиентов. Только сквозняки гуляли из угла в угол.

— О, Керро, — махнул рукой хозяин. — Вот ведь завернуло, да? Плевок на лету замерзает.

И он кивнул гостю на маленький столик, притулившийся за стойкой рядом с печью.

— Не был ты там, где действительно замерзает, — пробурчал Керро.

Джувз в ответ на это промолчал.

Айка заторопилась умываться.

— Там это… — сказал ей вслед Джувз, — вода не льётся. Шланг замёрз. Бери из канистры.

— Ага, спасибо.

Уборная оказалась так себе. Даже не так себе, а отстойной — вонючий закуток. Однако всё равно теплее, чем на улице. Вот только вода в канистре была совершенно ледяная, да ещё и полотенца не нашлось. Зато здесь висело мутное пластиковое зеркало, и лампочка под потолком хоть как-то, но светила. Айя мрачно разглядывала багровый синяк на скуле. Скоро коричневеть начнёт. Потом желтеть… Ладно, фиг с ним. Рано или поздно пройдёт. А её тут всё равно никто не знает.

Она вернулась в зал, вытирая мокрое лицо рукавом курточки, сбросила с плеч рюкзак, повесила его на спинку стула и села. От печи тянуло ощутимым, но пока ещё скудным теплом.

— Держи, — Керро протянул девушке сложенный в несколько раз лист бумаги. — Вчера надо было отдать, но руки не дошли.

Айя с удивлением взяла лист, развернула его и вгляделась в строки, выведенные летящим старомодным почерком.

— От Куин, что ли? — спросил Джувз, случайно скользнувший взглядом по посланию. — Не парься, — подмигнул он девушке, когда та настороженно прижала письмо к груди. — Угадал. Просто больше никто в секторе не нацарапает столько от руки.

Письмо. Настоящее бумажное письмо для девочки из корпоративного сектора, написанное странной женщиной, выдающей себя за персонажа старого сериала…

Когда Айя снова развернула лист бумаги, руки у нее подрагивали от волнения.

«Здравствуй Айя, девочка моя!

Как ты помнишь, я — врач. К тому же довольно старомодный. Поэтому ты, наверное, первый за много-много лет человек в чёрном секторе, который получает бумажное письмо, да к тому же написанное от руки. И уж, совершенно точно, ты первый в чёрном секторе человек, которому уличный доктор совершенно безвозмездно излагает его диагноз. Как видишь, чудеса случаются. Впрочем, Алиса сразу сказала, что ты сказочно удачлива, а она замечательно разбирается в людях.

Итак, зачем я тебе пишу? По вполне объяснимой врачебной привычке — не проходить равнодушно мимо узнаваемых симптомов. Если же учесть, что симптомы твои довольно тревожные, а сама ты являешься, безусловно, уникальным человеком, молчать я не имею права. К тому же ты с Керро. А это обстоятельство обязывает меня быть к тебе особенно внимательной. Ну и, в конце концов, то, что с тобой происходит, мне прекрасно знакомо, поскольку некогда я занималась именно изучением психотропных препаратов, исследованием их влияния на работу мозга и изменением личности при помощи фармацевтики и нейропрограммирования.

К сожалению, то, что я сейчас расскажу, вряд ли тебя обрадует, однако узнать это необходимо, хотя бы потому, что praemonitus praemunitus — кто предупрежден, тот вооружен.

Наверное, ты уже заметила, что с тобой происходят странные вещи. И я не о волшебном превращении самой обычной девушки в ценный объект стоимостью во много миллионов кредов. Речь о другом. О том, что ты не всегда и не во всём можешь себя контролировать, о «чужих» воспоминаниях, всплывающих в мозгу, о рефлексах, которым на первый взгляд неоткуда взяться, а ещё о головных болях, головокружениях, носовых кровотечениях, потере ориентации, потере моторной координации, ослаблении контроля над собственным поведением, эмоциональной неустойчивости. Ты ещё не все симптомы, мною перечисленные, ощутила на себе? Если нет, то хорошо. Очень хорошо. Потому что они — самые легкие и самые безобидные из грозящих тебе разнообразных психических и физиологических сбоев.

А теперь подробнее. Чтобы минимизировать последствия вторжения в рассудок, нужно быть очень осторожной. Как я смогла навскидку оценить работу специалистов «Виндзора», они не очень умело над тобой трудились. Это и благо, и зло. Благо, потому что более глубокая переработка сознания не оставила бы от тебя прежней ничего, кроме оболочки. Однако ты явно сохранила навыки неумело стёртой исходной личности, и они — эти навыки — очень тебе пригодятся. А зло заключается в том, что именно память об этих навыках оказывает то негативное

воздействие на твой мозг, какое ты уже ощутила во всей красе.

Я сообщу тебе одну вещь. Она не должна тебя пугать, просто прими к сведению.

Люди с переработанным сознанием живут в среднем от пяти до пятнадцати лет после проведенных манипуляций. Часики тикают, моя девочка. Время уходит. Но прежде, чем ударяться в панику, подумай о том, что время уходит у всех. И очень многие, кто ещё вчера был здоровее и крепче тебя, уже кормят крыс где-то в подворотне. Я понимаю — утешение слабое, однако жизнь в чёрном секторе может оборваться совершенно внезапно по независящим от последствий медицинских экспериментов причинам. Ты жива — это главное. А учитывая твой уникальный иммунитет, есть шансы прожить долго.

Что тебе важно знать? Спустя некоторое время неприятные симптомы должны ослабнуть или полностью исчезнуть. Наступит стабилизация состояния — ремиссия. Всё, что не подчистили нейропрограммисты «Виндзора», ты постепенно вспомнишь, после чего бурные реакции организма прекратятся.

Если же они продолжат проявляться на протяжении длительного времени, это сигнал о серьезных нарушениях, которые произошли в работе мозга. Что может относиться к таким нарушениям?

Усиливающаяся головная боль, вялость, неустойчивость в позе Ромберга (положение стоя со сдвинутыми вместе стопами, закрытыми глазами и вытянутыми перед собой руками), раздражительность, забывчивость, ухудшение реакции, обмороки, затуманенность сознания, потеря ориентации при громких звуках или же ярком свете, тошнота (довольно сильная — приступами), светобоязнь, снижение зрения, нарушения сна.

Если это случится, особенно если случится комплексно, лучше тебе отыскать приличного доктора и, пока он проводит диагностику, постарайся не спускать с него ствола. Это, как понимаешь, особенно важно.

Далее. Чтобы уберечься от вышеперечисленного, соблюдай несколько важных условий: старайся избегать эмоциональных вспышек (раздражительности, агрессии), исключи спиртное и наркотическое, по возможности высыпайся. Понимаю — невыполнимо, но предупредить должна. Самое главное, старайся не накапливать стресс. Появился негатив — сбрось. Пристрели кого-нибудь, в конце концов. Напряжению нужно давать разрядку.

На крайний случай, если возникнет острая необходимость затормозить уже случившееся обострение — есть такое лекарство, которое в народе называют «амнезин». Одна таблетка перед сном. Предупреждаю ещё раз — крайнее средство. И такую

роскошь, как его использование, можешь себе позволить единожды, максимум дважды (но последствия спрогнозировать уже не берусь). Оно даст откат на последний стресс. Говоря проще, ты забудешь случившееся. Начисто. Но принять таблетку нужно до первого засыпания. И ещё помни — чудес не бывает. Позже всё вспомнишь. Но главное — напряжение к тому моменту снимешь. Нагрузка на мозг получится щадящей, подсознание будет подготовлено. Впрочем, от души надеюсь, что этот совет тебе не пригодится.

Изменение личности без последствий не проходит. Об этом помни. То, что с тобой сделали, уже не изменить. Но с этим можно научиться жить и ладить. У кроликов получилось. А уж ты-то тем более осилишь.

Удачи тебе, моя девочка. И я отчего-то думаю, что мы ещё встретимся.

P.S. Всё это я сообщила и Керро, он сказал, будто есть варианты. Даже не стану гадать, какие именно, но, полагаю, ты уже убедилась, что у него весьма обширные и разнообразные знакомства».

Некоторое время Айя сидела в прострации, тупо глядя на строки приговора.

«Часики тикают».

В лучшем случае ей осталось жить лет десять. В худшем — от нескольких месяцев до нескольких дней. Мало. В восемнадцать лет жизнь представляется бесконечной, как уходящий к горизонту монорельс. А тут вдруг — «часики тикают». Трое, наверное, опять смеются. Может, вот она — причина удивительного везения? Просто Фортуна от щедрот своих решила всю немудрёную удачу, на которую может претендовать Айя Геллан, уместить в её короткий век?

С другой стороны, Куин права — время уходит у всех. И, чего уж душой кривить, когда вообще не знаешь, получится ли выжить в ближайшие сутки, терзаться из-за возможной безвременной кончины — это отравить свои последние дни страхом.

Поэтому Айя моргнула, выходя из оцепенения, ещё раз пробежалась глазами по отдельным фрагментам письма, задумчиво потерла подбородок и подняла взгляд на сидящего напротив Керро.

— Значит, ты знаешь про пять лет… — сказала она.

— Знаю. В утешение могу сказать — не ты первая, не ты последняя. Кстати, ты даже знакома с такими же «счастливчиками».

Девушка удивленно вскинула брови:

— Кролики?

— Они самые. Четвертый научник накосорезил-таки. Он разрабатывал самоуничтожение человека. Разработал. А триггеры встроить не успел. Так что самоликвидаторы срабатывают случайно. Очень редко. Впрочем, все живем, как последний день. Может, сюда уже летит звено вертушек по наши головы? А мы и не знаем. А, может, в сектор пара-тройка сумасшедших снайперов вошла?

— Куин то же пишет… — пробурчала Айя и подумала, что её специфическое везение снова явило себя во всей красе.

Если ликвидатор кроликов срабатывает внезапно и без предупреждения, то переключение её «тумблера» будет сопровождаться предварительными спецэффектами, а значит, есть шанс понять, осознать или, если получится, предотвратить. А не получится, так хотя бы подготовиться.

Ну, что, девочка с часовой бомбой внутри, накануне жизнь казалась тебе беспросветно сложной? Осознаешь теперь, насколько она была проще? Чего ты там вчера рассчитывала для себя выторговать? Торгуйся, но, как говорится, Memento mori. Постоянно. Смерть гораздо ближе, чем ты привыкла думать. Возможно, даже не успеешь свой «адекватный процент» потратить. Время идёт. Как ты им распорядишься, когда оно утекает сквозь пальцы?

Все ночные сущности, будто пробудившись, затрепыхались в голове, забились, превращаясь в знакомые уже стадии гнева, готовые разорвать рассудок на части. Сразу начало ломить затылок. Нет, нет, нет… Хватит! Куин сказала избегать эмоциональных вспышек. Поэтому спокойно. Дыши. Медленно. Вот так, да.

А теперь думай. Тоже медленно, обмусоливая каждую имеющую отношение к делу мысль. И дыши. Ровно.

Она уронила взгляд на свои руки. Пальцы дрожали. И отнюдь не от холода. Печь уже достаточно раскалилась, и от неё волнами расходилось тепло.

Айя сделала очередной вдох-выдох. Мелкая дрожь стала утихать. Вдох. Выдох. Куин пишет, напряжение надо сбрасывать. Можно выйти и пристрелить кого-нибудь. Нет. Это после. Потом. Вдох. Выдох. Головная боль медленно и неохотно, но всё-таки отступила.

Джувз подчеркнуто шумно гремел посудой на другом конце стойки и не обращал на посетителей внимания.

…Керро терпеливо ждал, пока Айка свыкнется с мыслью о своей внезапной смертности, когда в правом углу очков замигала иконка полученного сообщения — обычный конверт, но сбоку три зеленые точки. Аппаратура «связистов» допускала такое только

для посланий одной вполне конкретной личности…

«Привет.

Человек, который говорил с тобой в «Хризантемах», знает, *что* ты взял, но не знает, *сколько* ты за это хочешь. Назначай встречу. Он сказал, контакт тебе известен.

P.S. Мне жаль, что Алиса погибла. Обещаю, граффити никто не тронет».

— Керро, — Айка, наконец, оторвала немигающий взгляд от своих рук и посмотрела на собеседника. — Помнишь, когда мы разговаривали, ты сказал, что деньги — прах? Конечно, деньги деньгам рознь, но ведь не они твой главный интерес во всей этой истории, верно?

— Это не вопрос, а утверждение, — скучным голосом заметил он.

— Тогда вот вопрос: чего ты хочешь?

— Теперь? Забраться в Зета-Центр и посмотреть, что оттуда можно взять, — Керро усмехнулся, — полезного.

Девушка посмотрела на него с удивлением:

— А если Цифирь ошибся? Если я вспомнила что-то не то и вообще в итоге не из Зета-Центра?

— Тогда я умру, — пожал плечами собеседник.

— А моя роль во всём этом какая? — не поняла Айя. — Я-то тебе зачем?

— Ты сумела уйти из Зета-центра как раз во время катастрофы, — пояснил он. — Значит, можешь и войти. А дальше пусть… Тебе Куин про «варианты» написала? Вот, пусть «варианты» и разбираются, что к чему и как дать твой иммунитет мне.

Девушка опешила. Смотрела на него и хлопала глазами. Вот, значит, как? Снова сделать её подопытной крысой? Только на этот раз не для испытания смертоносных вирусов, а для передачи иммунитета. Который нужен *ему*, чтобы залезть черт-те куда и посмотреть «что оттуда можно взять». С большим трудом Айя умудрилась сохранить невозмутимость.

— Куин написала, что нельзя копить стресс, надо сбрасывать напряжение, — девушка говорила ровно, хотя внутри её колотило от возмущения и гнева. — Рекомендовала пристрелить кого-нибудь. Сейчас мне очень хочется пристрелить тебя. Не знаешь, есть поблизости более безопасные варианты? Какой-нибудь бродяга пьяный, например… Ладно, молчи. Сама найду.

Она перевела дыхание. Иммунитет ему дать… сука! Совсем охренел! Только медленно нарастающая головная боль помогла Айке сбросить обороты ярости. Самообладание возвращалось с трудом. Нет, ну каково вообще, а?! Долбаное везение. Долбаный

Керро! Уф-ф-ф… Дыши, Айя, дыши… «Твой иммунитет мне». Чтоб он тебе колом встал, скотина хитрожопая! Чтоб тебе вместе с иммунитетом такой же тумблер самоликвидации встроили! Спокойно. Вдох. Выдох. А то и правда придется кого-нибудь валить…

— Керро, мне нужно все обдумать, — сказала, наконец, девушка. — Дай мне время до вечера. Хорошо?

* * *

Эледа разложила на столе голографические планшеты, включила на каждом воспроизведение, после чего задала режим конференции внутри локальной сети.

Над экранами замерцали проекции руководителей отделов и подразделений. Мисс Ховерс сразу же отсела в сторону и включила свой голограммер на запись.

— Доброе утро, господа, — Ленгли обвел глазами участников встречи. — Очередное совещание рабочей группы «Ключ» с докладами о результатах проделанной работы предлагаю начать с мистера Эванза, — он кивнул представителю корпуса карателей.

Голограмма широкоплечего мужчины с квадратным лицом и тяжелой челюстью сразу стала чуть ярче.

— Корпус проработал ваш запрос, — начал доклад старший каратель. — Вывод: возможность проведения внезапной зачистки в тридцать седьмом секторе исключена. Следовательно, в случае начала операции из-под удара успеет уйти от пятидесяти до шестидесяти процентов населения. Напомню, что даже в условиях абсолютной внезапности успевают спастись от пяти до двадцати процентов. Мы, конечно, учитываем, что половина сбежавших погибнет из-за погодных условий и взаимной агрессии, однако гарантировать уничтожение или захват единичного объекта в таких условиях всё равно не можем. Это означает, что полная секторальная зачистка нецелесообразна. На этом я полагаю своё участие в рабочей группе завершенным.

Вопросительные интонации в его голосе отсутствовали.

— Благодарю за информацию, — спокойно сказал Ленгли. — Нам было необходимо экспертное мнение.

— Разумеется, сэр, — кивнул каратель, после чего его голограмма погасла.

Джед откинулся в кресле.

— Теперь слово представителям конкурирующего подразделения, — он повернулся к другому участнику совещания — седому через волос крепкому мужчине с крайне тяжёлым

взглядом. — Благодарю, что не стали раздувать соперничество.

— Корпус рейдеров вообще не любит конфликтов, — в отличие от довольно агрессивно настроенного карателя рейдер был спокойно равнодушен. — Итак, касаемо запроса о введении в сектор дополнительных сил. Это всегда решает тот, кто уже работает на месте, в данном случае — Винсент Хейли. И если он утверждает, что дополнительная помощь ему не требуется… Со своей стороны, ознакомившись с его текущими отчетами, я склонен согласиться. Да, если вы настаиваете, мы можем отправить ещё три группы ему в поддержку, но такая концентрация сил только привлечет внимание конкурирующих корпораций.

— Ваша оценка действий мистера Хейли? — спросил Ленгли.

— С учетом того, что он уже получил предложение о переговорах, отличная работа. Теперь главное — не форсировать события. Вариант простого выкупа объекта, конечно, не так драматичен, как спецоперация по захвату, но зато намного более надёжен.

— Благодарю. Не смею больше задерживать, — Джед отвернулся от рейдера за мгновение до того, как его голограмма погасла. — А что скажет представитель службы содержания и конвоирования заключенных?

— Объекты экипированы и проинструктированы, — отрапортовал упитанный мужчина в тёмно-синей полувоенной форме. — Наряд для их сопровождения выделен. Можем отправлять хоть сейчас.

Джед уже открыл рот, чтобы выразить согласие, но в диалог вклинился начальник биолаборатории:

— Прошу задержаться до полудня, мы ещё не совсем готовы.

— Да хоть до полуночи, — пожал плечами конвоир, скользнув взглядом по человеку в белом халате. — У нас все быстро, соберёмся по первому приказу.

— Благодарю за понимание, — вмешался Ленгли, пока научники и силовики не успели разругаться. — Мы вынуждены действовать так, как того требует наука.

Еще минус голограмма.

Джед обвел глазами оставшихся участников совещания:

— Что ж, теперь, когда остались только ознакомленные с сутью дела по объекту «Фиалка», заслушаем, наконец, наших архивистов. Мистер Гортон, вам слово.

— Благодарю, сэр, — откашлялся сухопарый мужчина в дорогих позолоченных очках. — Итак, пять лет назад в два часа ночи шестнадцатого августа служба радиоразведки засекла сигнал из Зета-Центра. Согласно инструкции, туда направили

высотный беспилотник и переориентировали спутник слежения. По полученным данным наземный корпус Зета-центра был перекрыт с предосторожностями, соответствующими высшему уровню биологической опасности, а служба охраны перешла на усиленный режим. Сорок минут спустя с ближайшей базы «Мариянетти» вышла автоколонна, в составе которой были замечены, в том числе, дезактивационные модули и машины для работы в условиях биологического заражения. Еще спустя тридцать четыре минуты старшему автоколонны пришел инфопакет из Зета-центра, после чего колонна остановилась, а через пять минут развернулась и отправилась обратно на базу. Спустя полчаса, с беспилотника, в пределах периметра Зета-центра были обнаружены первые погибшие — младший обслуживающий персонал, пытавшийся покинуть базу. Сотрудники, которые в это время находились в подземном комплексе, из-за включения режима защиты оказались запертыми внутри. Выживших не было. Ориентируясь на указанные разведданные, наша корпорация в течение месяца после происшествия направила на этот объект две научные экспедиции с интервалом в неделю. Никто из приблизившихся к периметру Центра ближе, чем на пять километров, не выжил. Сводку и полный пакет информации я вам отправлял. Применение специализированного киборга результатов не дало — связь была потеряна вскоре после его входа в Центр. Кроме того, нам известно о трёх попытках проникновения в Зета-центр других корпораций. По имеющимся данным они также оказались безуспешными. «Маряинетти» не выдвигали ноту протеста и не препятствовали экспедициям. Однако сами на место происшествия никого не направляли. Пока это всё, но мы продолжаем поиск и сбор информации.

— Благодарю. Что-нибудь можете добавить? — повернулся Ленгли к биологу.

— Только то, что при помощи лабораторных животных и дистанционно управляемой техники мы смогли частично проверить уровень угрозы. Что бы там ни было, оно проходит даже в герметичные боксы с толщиной стенок полтора сантиметра и меньше. Из двух десятков подопытных кроликов, мышей, крыс, собак и кошек не выжила ни одна особь.

— А на людях проверяли? — поинтересовался Джед.

— В отчетах не отражено. Но, думаю, просто не стали связываться. Дорого и довольно очевидно. К тому же бокс для лабораторных животных дешевле, меньше, легче, и его куда проще доставить.

— Предпринимались ли попытки вывезти из окрестностей

Зета-центра боксы с умершими животными для исследований?

— Насколько мне известно — нет, — развел руками биолог. — Но поиск информации по данному вопросу ведется как нами, так и архивистами. Однако, агент…

— Да?

— Предполагаю с вероятностью девяносто девять процентов, что таких попыток не было, — представитель биолаборатории замялся и пояснил: — В Зета-центре работал сам Дерек Вулкинс.

— Ну да, Гений Смерти… — Ленгли хотел было хмыкнуть, но посмотрел на преисполненные благоговения лица собеседников и сдержался.

— Вы ведь знаете его репутацию, сэр, — сказал начальник архива. — Сомневаюсь, чтобы кто-то из руководства «Виндзора» дал санкции на вывоз образцов, заражённых вирусом, который создал этот ученый.

— А как вы расцениваете шансы на выживание хоть кого-то из людей, находившихся в Зета-центре? — спросил Джед.

— Мизерны. Однако вероятность того, что в окрестностях появился биологический образец из какой-то другой лаборатории, ещё меньше. Именно поэтому мы поддержали вашу версию.

Агент Ленгли довольно улыбнулся.

— Что ж, прекрасно. Благодарю за информацию, господа. Работаем дальше.

* * *

— Удивительно, что в Хризантемы пускают так рано, — Винс, устроившийся за пустым столиком, поприветствовал Су Мин кивком.

— Для меня откроют в любое время, — кореянка сняла курточку и села напротив, — тем, за кого я попросила, тоже.

— Керро откликнулся, — Винс коснулся кнопки на дужке очков, и его пальцы замелькали над столом, перебирая виртуальное меню. — Лови. Я даже не ожидал, что он так быстро отзовется.

— В этом секторе, — спокойно сказала девушка, — не больше десяти человек получают мои личные сообщения. И ни один их не проигнорирует.

Она вытащила из внутреннего кармана курточки голокуб, быстро трансформировала его в плоскость и вчиталась в сообщение, после чего развернула голополе и вывела на него карту сектора. На долю секунды перед глазами Винсента

мелькнули какие-то пометки на корейском, которые, впрочем, сразу же исчезли, повинуясь жесту. Короткий взмах ладони, и перед глазами собеседника остался фрагмент карты с одним выбранным районом.

— Хороший район, — похвалила Су Мин. — Туда от нас всего два прохода, а внутри, если понадобится, можно прятаться месяцами. Проверить, откуда было отправлено сообщение?

Винс пожал плечами:

— Смысл? Там, сто процентов, одноразовый передатчик с таймером и, почти наверняка, термитной шашкой.

— А ты хорошо понимаешь Керро, — девушка улыбнулась. — С молодым вашим пойдешь? — и когда рейдер кивнул, продолжила: — Тогда твое прикрытие встанет здесь.

Кореянка указала точку на карте.

Близко. Если что, дойдут минут за десять. Уж столько они с Рексом всяко продержатся, тем более в таком районе.

— И, Винс, — узкая ладонь коснулась запястья мужчины, — играй с Керро честно. Он это весьма ценит, а вот обман не прощает.

* * *

По сторонам тянулись руины домов и развалины каких-то не то цехов, не то складов. Это и в лучшие времена был не самый фешенебельный район, а уж теперь и вовсе — иллюстрация к фильму-апокалипсису. Дорога разбита, на обочинах — остовы заржавевших автомобилей, частично смятых, частично сожранных коррозией, частично разобранных. И мусор, мусор, мусор. Удивительно, сколько его тут. Обрывки целлофана, обертки, пластиковые обломки, всякая другая хрень. Всё давно слежавшееся. Интересно, как люди умудряются создавать вокруг себя такой феерический срач? Это при том, что в тридцать седьмом секторе живет не так уж много народу, а здешний район считается заброшенным даже по местным меркам.

Рекс шел следом за Винсентом, выискивая дорогу среди присыпанного снегом мусора. Сейчас Додсону казалось, будто трехмесячные курсы рейдеров, которые он окончил — это сон и морок, а на самом деле он в составе своей ГБР на очередном выезде в мёртвый сектор. Просто водилы заглушили движки, а ребята на секунду замолчали…

Смешно. Все гэбээровцы, если их заносило в мертвые сектора, старались там посильнее шуметь, разгоняя жутковатую безжизненную тишину. А вот Винс, наоборот, шел беззвучно.

— Винс, — вполголоса окликнул молодой своего спутника, — говорить-то можно?

— Можно. Только не ори.

Рексу показалось, что за линзами очков старший на секунду скосил взгляд на изображение с камер заднего вида.

— Что, жутью пробирает? — хохотнул рейдер. — Привыкнешь.

Да уж. Не поспоришь.

— Ирвин и Кемп сказали, ты доведешь, как отчитаться о ночной отлучке Кары…

— Как есть, так и отчитывайся, — пожал плечами Винсент. — Ночью ее не было, утром доложила старшему группы о выполненной работе.

— А про… — Рекс замялся.

— Про то, какой утром пришла? Хочешь дураком себя выставить, сообщай. Думаешь, никто не знает?

— То есть это как бы нормально, что мы вчера… ну…

Старший остановился и, оглянувшись, посмотрел на напарника:

— Ты даже не представляешь, на что готовы закрывать глаза в управлении, пока даешь результат, — он усмехнулся и пошел дальше. — Хотя совсем уж отвязные развлечения, конечно, не приветствуются. Мы ведь не каратели. А те, кого на чем-то подобном ловят, частенько не возвращаются из рейдов.

Некоторое время они шли молча, потом Рекс снова спросил:

— Винс, почему на курсах так плохо готовят? Нас ведь даже штурму зданий учили только в теории, не говоря уже о том, как переговоры вести или ещё что. Я вот с очками путаюсь…

Старший на ходу аж затрясся от хохота.

— Ну, ты, блин… — его снова беззвучно заколотило. — Ты действительно думал, что рейдера готовят три месяца? Рекс, полный курс три года, и потом ещё год практики в специальных группах на специальных заданиях, — Винс насмешливо посмотрел на ошарашенного спутника. — А курсы и первый рейд — это так… отбор. Кто пережил выход и будет после него рекомендован старшим группы, тот пойдет учиться уже всерьёз. Особо не рвись только. Просто держись рядом и проблем не создавай. Подпишу я тебе направление… если совсем уж не накосячишь.

Еще несколько шагов они прошли молча, собеседник был настолько ошарашен новостями, что в голову Винсента закралось запоздалое подозрение.

— Слушай, — спросил рейдер, — а ты часом не интернатский?

— Да. Откуда…

— Так в интернатах вечно всякую пропагандистскую муть гонят, — рейдер хмыкнул. — «Благо корпорации — превыше личного». «Чести защищать «Виндзор» удостаиваются лучшие» и прочее такое. Мой тебе совет: забудь. Прямо сейчас. За периметр с таким мусором в голове соваться нельзя. Впрочем, в учебке из тебя эту хрень и так выбьют. Хотя и в чистой зоне выше рядового с такой лабудой в голове не поднимешься. Ладно, это всё лирика была. А теперь слушай сюда, и слушай внимательно. На встрече стоишь у меня за спиной и молчишь. К оружию не тянуться ни под каким предлогом. Даже чтоб намека на движение не было — переговоры сорвешь. И если я вдруг раскашляюсь, значит, работаем по силовому варианту — будь готов в любой момент.

Рекс кивнул:

— Понял.

* * *

Су Мин устроилась на циновке, поджав ноги и прикрыв глаза — спина прямая, плечи расправлены, руки ладонями вниз лежат на коленях. Для европейца — довольно неудобная напряженная поза, для неё — одна из самых комфортных, позволяющая сосредоточиться, настроиться на работу и привести мысли в порядок.

Как ни бодрись, а прошедшие дни (да и ночи тоже) были весьма насыщенными, и предстоящие обещали им ни в чем не уступить. Поэтому любую свободную минуту стоило потратить на отдых. А раз уж не складывается со сном, надо хотя бы на время отключать сознание. Как сейчас. Просто тишина, просто спокойствие и расслабление…

Некоторые говорят, что ждать и догонять — самое изматывающее дело. Неправда. Ожидание — это своего рода передышка перед началом действий. Ее нужно ценить и любить. Кроме того, ждать даже приятно, особенно когда знаешь, что запущенные процессы развиваются так, как им следует развиваться, а ты лишь наблюдаешь, контролируешь и держишь руку на пульсе событий, чтобы в нужный момент оказаться в положенном месте.

— Госпожа, — прозвучал мягкий голос в динамике коммуникатора, — согласно вашему приказу мы прекратили сопровождение гостя и заняли наблюдательные посты на подходах к месту встречи. Только что вглубь района прошли пятеро средневооруженных «патлатых». Жду указаний.

Су Мин довольно улыбнулась, по-прежнему не открывая глаз. Все-таки правда, что сильные мужчины приносят женщине удачу. А самое главное, это их — мужская — удача и, пусть даже её даровали Трое, к женщине у Трех претензий уже не будет. Можно черпать везение полными горстями, зная, что платить придётся другому.

— Собирай людей рядом с точкой входа патлатых. Я скоро буду.

Переключение канала:

— Тройка «Хан» на выход. Ждите меня в машине.

Еще одно переключение, короткое ожидание:

— Старший, по информации из проверенного источника, Патлатый решил уничтожить нашего гостя. В районе, где гость организует деловую встречу, обнаружена их группа. Я беру тревожную тройку и выдвигаюсь к месту засады. Прошу поднять беспилотник для ускорения поиска.

Старший немного помолчал, а потом спросил:

— Ты уверена? Это — война.

— Уверена. Этот источник никогда меня не подводил, — Су Мин усмехнулась одними губами. «Этим источником» была ее собственная голова, и уж сама себя она точно не подводила ни разу. — Он думает, мы не знаем. Сделаю так, что Патлатому нечего будет нам предъявить.

Собеседник едва слышно вздохнул:

— Будь это Бивень, я бы попросил тебя раскрыть информатора. Но это Патлатый. Твои действия полностью одобряю. Беспилотник поднимем, когда вы соединитесь с тройкой прикрытия гостя.

Девушка нажала кнопку отбоя и довольно улыбнулась. Надо при случае поблагодарить Керро за то, что из всех заброшенных районов сектора он выбрал именно этот — совершенно безлюдный. А вот информатору, который подбросил дезу пятерке патлатых, она ничего говорить не будет. Деньгами уже оплачено.

Су Мин поднялась на ноги, скинула халат и перебросила его через край ширмы. Одежда для выхода была приготовлена заранее: плотные штаны, толстовка, бронежилет скрытого ношения, теплая короткая куртка, ботинки на толстой нескользящей подошве, на правое предплечье — крепеж для трансформированного в планшет голокуба.

Чуть поколебавшись, девушка все-таки закрепила в специальных петлях на подкладке курточки длинный нож боло. Последними подхватила пистолет-пулемет и подсумок с магазинами.

Забавно… Мэрилин — ее названая сестра — когда-то

поклялась, что больше не возьмет в руки оружие, а Су Мин тогда же, что будет спать только с теми, кто ей действительно нравится. И что?

Мэрилин теперь ложится в постель исключительно с тем, с кем хочет. А сама Су Мин давно могла бы не брать в руки оружия (хватает тех, кто готов и рад убивать за нее). Но нет. Добровольно отказаться от острой, как лезвие бритвы, радости, что это ты — живая — стоишь над упавшим врагом, оказалось невозможно.

Смешно… дурацкие клятвы, много лет назад данные двумя измученными девчонками самим себе, вдруг стали опорой в жизни и вытянули обеих буквально с самого дна.

* * *

Керро довольно хмыкнул, глядя на переданную с ретранслятора картинку: двое корпов зашли в подъезд полуразваленного дома. Всё строго по правилам подобных переговоров: встали там, где сами сочли нужным, не доходя метров пятидесяти до указанного ориентира. Замерли. Ждут выхода на связь.

А вот он сумел угадать, где они остановятся: он просчитал их, а это серьезное повышение позиции в переговорах. Неплохо.

Прицельная марка коммуникационного лазера все так же держалась на приемнике ретранслятора, ларингофон прилип к горлу. Керро выбрал контакт из списка быстрых вызовов:

— Стой, где стоишь. Через минуту буду. И, Винсент, там, в углу, возле вас ржавая железяка валяется. Подними, глянь на обратную сторону.

С этими словами рейдер сбросил вызов и отправил на ретранслятор команду по активации таймера самоуничтожения. Через двадцать минут взорвётся. Теперь коммуникационный лазер можно убрать под куртку, а самому отправляться на встречу.

Жаль, не увидеть морду корпа, когда тот обнаружит на обороте железяки рисунок гранаты и поймет, что выбор его локации был предсказуем, а значит, опасен. Пусть немножко взбодрится от этого знания.

Керро спустился по узкой лестнице старой водонапорной башни и вышел на улицу. Миновал развалины бетонного ограждения, затем пересек разбитую дорогу, вдоль которой теснились одно к другому двухэтажные серые здания. Проходы между ними были сделаны в виде мрачных сквозных коридоров, кое-где обрушенных не то временем, не то давнишними

взрывами. Рейдер нырнул в полумрак одной из уцелевших арок, которая вывела его в тесный двор, где догнивали свой век железные остовы легковушек. Торец дома напротив был частично обрушен. У подножия стены валялась куча битых кирпичей — по ней рейдер без труда забрался в здание, пересек короткий коридорчик и вышел в холл, где ждали корпы.

Старший выглядел невозмутимым, а вот его молодой напарник в руках себя держать еще не умел — был слишком напряжен и собран. Видать, крепко по нервам картинка гранаты дала. Вот что значит сила правильного искусства.

— Хороший почерк Айям в восемнадцатом интернате ставят, согласись? — сказал тем временем корп.

— Ага, — кивнул Керро, — особенно тем, которые Геллан из группы «2Б». Ну и какой у тебя сейчас лимит?

— Что тебе до моих лимитов? Свою цифру называй.

— Пять. И я не о сотнях тысяч, — ответил рейдер.

— Думаешь, она того стоит? — слегка удивился собеседник.

— Я не думаю и тебе не советую. У тебя руководство есть, вот им и передай…

В это время в правом верхнему углу очков Керро мигнула синяя иконка полученного сообщения. Вообще, в специальном канале всякая хрень ходила регулярно — в час по сотне — какой-нибудь невинный текст, зачастую бредовый. Подключиться к каналу стоило недорого, а развлекались в черном секторе такими вещами многие. Чуши здесь гнали, конечно, запредельно. Но иногда в лавине ничего незначащих слов и фраз проскальзывали действительно ценные. Собственно, одной из забот Цифрыча была поддержка бредогенератора для канала. Платили за это тьфу, но и работы ведь мизер.

Электронный комплекс Керро отслеживал поток сообщений и ловил кодовые слова, после чего перекодировщик расшифровывал истинный смысл послания и выдавал его на очки.

Сообщения высшего приоритета выпадали сразу развернутыми, вот и сейчас иконка развернулась, а перед глазами замигали красные буквы:

«В районе встречи засечена телеметрия боевого киборга!!!»

Цифирь свою долю отрабатывал на все бабки.

— …главное — не тяни. Я с тобой свяжусь чуть позже. Торговаться не будем, — Керро сделал шаг назад, не отводя взгляда от собеседника.

— Цена какая-то запредельная, — ошарашенный корп автоматически двинулся следом, — хоть намекни, чего нашим искать в подтверждение?

Забалтывает. Керро внутренне подобрался. Киборг — это

трындец. Он, в отличие от тех штурмовиков в «Квадрате», не остановится. И хрен ты чем подручным эту железяку завалишь, а она вооружена до зубов и из своей пушки навылет бьёт дома.

— Назад, — в руке рейдера появилась граната.

— Знаешь, — корпорат плавно опустил руки, но остановился, — не бери на понт. У тебя кнопка на ворот броника выведена. Взрывчатка или термит? Неважно. А ты пугаешь гранатой. Тем более, наступательной. Притом, что мы в броне. Плюс моё прикрытие придёт через пять минут, а ты — одиночка. В чем дело?

— Да ты из наблюдательных, коллега… — Керро дважды резко моргнул, запуская на очках таймер. В поле зрения побежали цифры секундомера.

Сразу после этого рейдер выдернул чеку и бросил гранату на пол между собой и своим собеседником. Молодой корп дернулся, старший даже не шелохнулся. Руки все по-прежнему держали чуть на отлете от оружия.

— Не надо было киборга притаскивать. Если ваш — зря. Если не ваш, тоже валите.

Корпорат застыл, но, несмотря на самообладание, совсем скрыть удивление не сумел. Секундомер досчитал до пятнадцати.

* * *

Сказать, что Винсент офигел, услышав про киборга, — ничего не сказать. Единственная мысль, которая осталась в голове: «Ленгли, сука!» Свою железяку он отправил или из спецподразделения взял — неважно. Но мля… и тут по ушам ударил взрыв, а очки мгновенно затемнились, защищая глаза от вспышки.

Дальше все случилось очень быстро и на рефлексах.

Скрутка влево, уход вниз. Что-то чиркает по рукаву. Выхватить оружие. Ёп, стрелять нельзя — нихера не видно, а рядом молодой! Но… как?! Как, бля?!

Очки просветлели. В ушах звенело. Керро не было. Свалил.

Доворот головы — на землю медленно заваливается Рекс, из незащищенной кисти торчат три иголки. Удивительно, как много успеваешь заметить в состоянии злобной растерянности.

Очки в режим тепловизора. Есть тепловой след! Вперед.

Небольшая комнатка, давно выбитое окно. Прыжок с подоконника на груду битого кирпича.

Очередь!

Винс упал, перекатился, но, когда поднял голову, темный

проход между домами уже был пуст. Твою ж мать!!!

И только тут пришло осознание — Керро стрелял не на поражение. Умен и хладнокровен. А вот он — мастер-рейдер Винсент Хейли — повел себя, как последний идиот.

Надо возвращаться. Винс развернулся и увидел слева на подоконнике бело-голубую пластиковую упаковку с антидотом к парализатору. Уже не спеша подобрал её и отправился обратно к брошенному напарнику.

С трудом сдерживая бешенство, рейдер подошел к лежащему ничком Рексу, выдернул одну из игл, что торчала в тыльной стороне ладони, и внимательно изучил цветовую маркировку на хвостовике.

Оно. Впрочем, если бы Керро хотел их смерти, то стрелял бы не из игольника.

Винсент медленно вдохнул-выдохнул, возвращая утраченное хладнокровие, после чего разорвал упаковку и воткнул шприц-тюбик в плечо напарнику. Затем поднял безвольное ещё тело, прислонил к стене, устраивая поудобней. Снова глубоко вдохнул, нажал кнопку на дужке очков, выбрал контакт.

— Агент Ленгли, чей киборг находится сейчас в районе переговоров? — голос рейдера Хейли звучал абсолютно спокойно, но усмиренное бешенство, конечно, никуда не делось. Просто затаилось и ждало своего часа.

* * *

Хороший район. Тихо. Совершенно безлюдно. Грязно. И очень легко спрятаться. Су Мин стояла в узком переулке, прислонившись к стене. Чуть впереди около старого склада замерли четверо её людей. Ещё двое сейчас занимали удобные позиции на втором и третьем этажах частично обрушившегося здания.

Щелчок рации. Следом, почти сразу, еще один. Су Мин бросила взгляд на экран планшета, на который транслировалось видео с беспилотника — пятеро недоносков отслеживают выход из переулка с другой стороны площади. Отлично! Несомненным везением можно считать то, что именно там, только четырьмя кварталами ниже, находится Винсент, хотя этого она совершенно не планировала. В конце концов, где Керро будет встречаться с корпом, знал только один человек. Сам Керро. И вдруг такая удача.

«Винс, тут по твою душу патлатые. Сейчас их угомоним — немного постреляем. Предупреди Керро, он слегка параноик».

Однако нажать кнопку отправки Су Мин не успела — где-то в глубине района рванула граната. Патлатые утырки от этого звука встрепенулись… и двое из них мгновенно легли под пулями корейских стрелков. Трое повалились на землю, выхватывая оружие, попытались развернуться… Ещё минус один — с беспилотника четко видно. Оставшиеся два успели откатиться за ржавый остов искореженного седана, но четверка Су Мин находилась уже на дистанции броска. Полетели гранаты! Бабах! Ржавая железяка, за которой укрылись случайно выжившие, дрогнула от взрывной волны, изъеденную коррозией крышу пробили осколки. Вот и всё.

Несколькими кварталами ниже протрещала короткая очередь.

Девушка стерла утратившее актуальность сообщение и набрала новое: «Винс, стреляли мы. Всё закончено. Выходи к площади с руинами фонтана в центре. Буду стоять в трех метрах от чаши». Су Мин бросила короткий взгляд на экран планшета, сверяясь с местностью, и добавила: «Рядом с обломком фонарного столба».

Ответ пришел через несколько секунд: «Ок. У нас тоже проблемы, но потерь нет. Выхожу к вам. Обозначусь: очередь в два патрона, после паузы — одиночный».

Умница. А теперь можно и Старшему написать: «Отзывай беспилотник, всё закончено. Буду успокаивать гостя».

* * *

Айка сидела на каменном обломке, подложив под себя рюкзачок и закутавшись в термоодеяло. Одеяло ей дал Керро — изнутри теплоизолирующая фольга, снаружи серый камуфляж, если завернуться с головой и не шевелиться, вообще будет не видно, что тут — в темном углу — притаился живой человек.

— На, держи, — сказал Керро, снимая с руки часы. — Не вернусь через два часа — сваливаешь. Если в здание зайдет кто-то, кто может тебя увидеть — тоже сваливаешь. Там, направо по улице, есть старый дом с обрушенным подъездом. Добежишь до него, подождешь за обломками еще минут десять. Не приду, валишь совсем. Ну и по ситуации. Главное — не отсвечивай.

Она кивнула. Часы оказались увесистыми, а металлический браслет слишком свободным для тощего запястья и теперь болтался на руке, непривычно отяжеляя кисть.

— Ты лучше возвращайся, — сказала девушка, закутываясь в одеяло.

И впервые страх о Керро непривычно кольнул сердце. Может

быть, потому, что рейдер перед уходом, совсем как Алиса, отдал ей свою вещь, и Айя вдруг отчетливо поняла: он ведь тоже может не вернуться.

— Два часа, — повторил он, видимо, не надеясь на ее сообразительность.

— Я поняла. А потом сваливать к старому дому с обрушенным подъездом.

— И без самодеятельности, понятливая. Вот, — он протянул ей небольшой конверт, — откроешь, если не вернусь.

С этими словами Керро ушел.

Стало тихо. В дверной проем задувал ветер. День выдался пасмурный и серый. А время тянулось медленно-медленно… Казалось, от одной секунды до другой не доли мгновения пролетают, а протягиваются минуты — долгие и вязкие. Айя сидела, стискивала в руке конверт и глядела на часы, стрелки на которых, казалось, застыли.

Пять минут.

Порыв ветра влетел в окно и разбился о противоположную стену.

Семь минут.

Керро еще даже не дошел туда, куда собирался.

Десять минут.

Что делать, если он не вернется? Куда идти? Денег как не было, так и нет. Хотя есть тёплая одежда и обувь. Есть часы. Айка подтянула их выше по руке, чтобы не потерять. Звенья браслета, плотно подогнанные одно к другому, мстительно захватывали волоски на предплечье и больно их дергали. Если Керро не вернется, продать его часы будет все равно, что продать Алисин нож. С практической точки зрения можно и даже нужно, но совершенно гнусно с точки зрения памяти и благодарности.

Хм. Благодарности. Айя потыкала носком ботинка обломок кирпича. Благодарности. Алиса отводила ее снаряжаться. По просьбе Керро. Одела. На деньги Керро. Привела обратно. К Керро. Тот её накормил. Затем укрыл в безопасном месте. Затем доставил к человеку, который смог рассказать ей о том, кто она на самом деле… После этого была холодная ночь в развалинах. Айя замёрзла и уснула, он разбудил, разул, запихал в спальник, где она грелась, прижавшись к нему окоченевшим телом.

Сегодня он привел её вот сюда. Дал одеяло, чтобы не зябла. Дал часы, чтобы не прозевала время. Проинструктировал в привычной своей ехидно-насмешливой манере. Дал этот конверт. Что там? Скорее всего, инструкция, как себя вести и куда бежать…

Внутренний сарказм Айи, конечно, не унимался. Накормил,

одел, обул, согрел, мозги вправил… Как там Алиса говорила? Долбаная Золушка и долбаный принц? Конечно, принц старается, ведь долбаная Золушка стоит пять миллионов. Но если принц погибнет, не все ли ему равно, что станет с Золушкой? А если да, то зачем тогда этот конверт? В конце концов, пусть драгоценная Золушка выпутывается сама.

Айя снова посмотрела на часы.

Пятнадцать минут.

Время — величина относительная. Керро только-только ушел, а ей кажется, будто она ждет его не меньше недели. Но если он все-таки не вернется? Он ведь живой человек. Его можно убить, покалечить, заманить в ловушку… Представилось на миг — прошли два часа, а его нет. И ей надо убегать, зная, что он уже не придет. Никогда.

Панический взгляд, брошенный на часы, подтвердил: нервничать ещё рано.

Двадцать минут.

Снег за окном больше не падал. Даже ветер успокоился. Вся жизнь за стенами развалин будто замерла. Тихо-тихо.

Если он не вернется и останется лежать где-то среди этих унылых серых руин, Айя поднимется со своего камня, сложит одеяло, забросит на плечи рюкзачок и выйдет в большой, холодный и опасный мир. Выйдет с застрявшими в горле слезами, но это будет не так, как с Алисой. Потому что Алису оплакивали друзья, с ней простились и выпили за помин души. А Керро просто сгинет. И никто-никто об этом не узнает. Ни Кролики, ни все остальные. Только заметят, что он куда-то исчез. Но даже тогда не будут уверены — погиб или просто свалил в другой сектор. Знать будет только Айя.

От этой неожиданно страшной мысли девушку заколотило.

Двадцать пять минут.

Тихо.

Нет повода так беспокоиться, он жив, идёт где-то там, среди этих развалин, и знать себе не знает, чего ей стоит сдержаться, чтобы не припустить следом.

Почему же так страшно и тоскливо? Почему вообще страшно и тоскливо кого-то терять?

Наверное, потому, что остаешься один на один с невысказанными мыслями, с недоделанными делами, с отложенными разговорами. Когда человек жив, ты думаешь, что у вас еще бездна времени — часы, дни, месяцы, годы… Значит, ещё успеешь, ещё скажешь, ещё сделаешь. Но потом — мгновенье! — и его больше нет, а все, что ты хотел сказать, так и осталось… не более чем намерениями. «Намерения не стоят ничего — стоит

результат».

Горло стиснула паника. Айя вдруг поняла, что за все эти дни ни разу! Ни единого разу не поблагодарила Керро. Просто за то, что он ей помогает. За то, что кормит, защищает, терпит. Не важно, что им при этом движет, слова ведь не значат ничего, значат дела. И сейчас, если он не вернется, то так и не узнает, что она хотела сказать спасибо, что… Мать твою! Какая разница, что?! Не сказала, не сделала, а если Керро не вернется, то уже не скажет и не сделает.

Взгляд на часы.

Тридцать пять минут.

Айя плотнее закуталась в одеяло и замерла. Еще восемьдесят пять раз по шестьдесят секунд. Он должен вернуться! Должен, и всё!

Сорок минут…

Сорок три…

Девушка привалилась плечом к стене и закрыла глаза. Чем сильнее торопишь время, тем медленнее оно идет. Но сидеть с закрытыми глазами оказалось ещё хуже. Заснешь, чего доброго. Хотя какой тут сон? Взгляд снова упал на циферблат.

Сорок пять.

Далёкий взрыв. Раскатистый и глубокий.

Айя вскочила. И тут же услышала треск автоматной очереди, но откуда-то с другой стороны.

Чёрт!

Тишина… Тишина. Тишина!

Потом снова стрельба, но уже оттуда, откуда прежде донёсся взрыв.

Тишина. Снова стрельба и несколько взрывов с другой стороны.

Пятьдесят.

Пятьдесят три.

Стрелка в часах ожила и понеслась вдруг с бешеной скоростью. Просто вентилятор какой-то.

А Керро все не шёл и не шёл.

Пятьдесят семь.

Айя убрала конверт во внутренний карман курточки, сложила одеяло. Запихала его в рюкзачок, примяв топорщащийся фатин юбки. Посмотрела на циферблат. Пятьдесят восемь.

* * *

Керро бежал по узким улочкам, кое-где срезая путь прямо

через здания. Мелькали исписанные баллончиками и закопченные давними пожарами стены домов, чернели провалы подъездов, под ногами похрустывал слежавшийся мусор.

Быстрее, быстрее!

Итак, информацию о времени и месте встречи Винсент получил час назад. Керро устроил Айю в укрытии и отправился на переговоры около пятидесяти минут назад. Тепловой след давно промерз, запах развеялся, снега мало — ветер сметает его к стенам зданий, оставляя дороги голыми, — поэтому визуально отыскать следы тоже не получится. Как же удачно, что Айка сидит в изотермическом одеяле! В нем её даже киборг заметит лишь по чистой случайности.

Остается надеяться, что девчонка с перепугу не выкинет какое-нибудь коленце. Хотя, она в целом толковая, значит, удирать не станет, пока железяка на неё сама не выйдет… а вот что плохо, так это то, что, услышав выстрелы, Айя могла собрать одеяло и подготовиться к отходу. Если так, то у киборга появится шанс засечь её раньше возвращения Керро.

Значит, ещё быстрее!

Старую двухполосную дорогу, разделяющую кварталы, рейдер пересек в несколько прыжков и снова юркнул в узкий переулок. Здесь выследить одиночку не сможет даже беспилотник — слишком тесно, слишком темно, слишком много разного хлама.

Хорошая всё-таки придумка с гранатой. Кто не покупается на первый обман и принимает её за муляж, один фиг не успевает додуматься, что это ослабленная светошумовая, которая рвётся через пятнадцать секунд после выдёргивания чеки. Или не рвётся, если чеку вернуть на место. А чтоб не ослепнуть самому, нужно просто запустить таймер, своевременно затеняющий очки. Ровно тогда, когда будет вспышка.

Рейдер свернул в очередной проулок, заканчивающийся тупиком.

Почти на месте. Тёмный подъезд. Обрушившийся лестничный пролёт. Короткий коридор и, наконец, комнатка, где должна ждать Айя.

Она стояла уже собранная: одеяло спрятано, рюкзак за плечами, кобура сдвинута вперед. При виде Керро на веснушчатом лице отразилось искреннее облегчение. Рейдер без слов подтолкнул девчонку на выход, и она послушно припустила куда показано. Он побежал следом.

Несколько проходных комнат, выбитое окно, загаженный двор и, наконец, узкий переулок, выходящий к соседнему кварталу.

— Налево, — скомандовал Керро и снова приотстал.

Как можно больше поворотов. Сто метров простреливаемого пространства за спиной — это смерть, если киборг выйдет сзади. Эти падлы видят сквозь препятствия сонаром, а вооружены пушками, которые навылет бьют БТР или стену дома.

Радиосканер вывел на очки сообщение о кодированном импульсе. Полсекунды спустя анализатор выдал предположение: одноразовый малый разведзонд. Чуть позже аппаратура засекла ещё один.

Плохо. Очень плохо. Киборг где-то совсем близко выбрасывает вверх зонды, которые аппаратура Керро способна засечь на расстоянии не дальше трехсот метров, тогда как они, прежде чем упасть, отщелкивают с высоты пяток снимков и легко могут обнаружить беглецов.

Хрен со всем. Пути отхода продуманы, бежать осталось всего ничего. Надо только решить, какой люк под землю выбрать — «первый» или «второй»?

Второй ещё и разгрести надо. Значит, первый.

Айя уже немного сбила дыхание, однако продержалась неплохо. Совсем немного ей терпеть осталось — скоро спустятся в коммуникации, там передохнёт.

Твою мать!!!

Железная махина, высотой в полтора человеческих роста неожиданно выскочила из переулка впереди. Горилла-переросток, мля. Толстенные прыгучие ноги, тяжелобронированный корпус, сравнительно тонкие, но, тем не менее, мощные верхние конечности и крошечная голова без шеи, всё — в разводах тускло-серого городского камуфляжа. Мля, не могло *это* бесшумно бежать! Не расслышал, значит, за собственным дыханием.

Люк, к которому так рвались беглецы, оказался ровно между керамостальной образиной и ними.

Однако в те доли секунды, что понадобились киборгу для разворота, Керро успел подхватить Айку, прижать её к себе, а другой рукой сбросить предохранитель и вжать кнопку на вороте бронежилета.

— Спокойно! — рейдер перевел дыхание, ровный голос разнёсся по переулку: — Под бронником термит. Отпущу кнопку, сгорим оба — и я, и она. Ствол вниз!

Радиосканер зашкалило. Киборг, похоже, начал передачу видео. Досадно, но терпимо.

— Ствол вниз или отпускаю! — Керро держал кнопку самым краем большого пальца, чтоб отпустить её даже парализованным (в том случае, если прилетит игла). — Пять, четыре, три, два…

Серая ручища со встроенным тяжелым пулеметом

опустилась. Хорошо. Поверили. Видимо, беспроводной детектор лжи в эту херовину всё-таки встроен.

— Не препятствовать активному сканированию! — на пару секунд рейдер отпустил Айю, чтобы вжать две кнопки на дужках очков.

Аппаратура мгновенно вцепилась в противника всеми датчиками.

— Обесточить силовые привода.

Киборг заколебался.

— Чего стоишь? Мне тебя даже не оцарапать, ты это знаешь.

Приказ, пришедший откуда-то издалека, прервал колебания железяки. Очки Керро сразу же отобразили резкое снижение энергии в силовых цепях конечностей.

— Отлично, — рейдер слегка перевел дух. — Сканируй.

Он медленно отпустил Айю — та от напряжения была просто каменная — и достал из кармана куртки большую слепилку. Всего-то аэрозольная граната для забрызгивания видеокамер. Гарантированное покрытие — сто кубов. Не понадобилась там, в рейде, зато пригодилась теперь.

— Разобрался, что это? — спросил Керро, медленно-медленно отступая к перекрёстку. Киборг, как привязанный, шёл следом, сохраняя дистанцию. — Если да, кивни.

Башкой он кивнуть, конечно, не мог, поэтому «кивнул» всем корпусом, поклонившись, словно воспитанный японец. Отлично! Удалось подгадать! Движение киборга совпало с коротким шагом человека влево — в сторону узкого проулка между двумя магазинами.

— Камеры не закрывать. Броску не препятствовать, всё равно отчистишься в пять минут.

Ну, момент истины… Рейдер швырнул слепилку.

Из-под ног противника взвилось вверх полупрозрачное облако аэрозоля.

Погнали!!!

Керро сделал ещё один шаг влево и нырнул в проулок, увлекая за собой девчонку. Коротким движением поставил термит обратно на предохранитель, отпустил Айю, которую всё это время крепко прижимал к себе. И уже через секунду граната, выдернутая из подсумка, отправилась за угол.

Железяке осколки нипочем, но грохот взрыва раскалибрует ей сонар. Камеры от краски придется чистить минут пять, потом еще пару минут калибровать сонар: по радару-то здесь бегать — чистое самоубийство. А киборг, хотя и железный, но всё-таки с мозгами. Пусть развлекается.

Сами же бегом ко второму люку.

* * *

Рекс толком и понять ничего не успел. Вроде только что стоял готовый ко всему — к схватке, к смерти, к погоне — и вдруг уже валяется, пошевелиться не может и ни хера не понимает, чего случилось.

Рванула, оглушая, граната, затемнились очки, защищая от вспышки, однако когда просветлели, не вышло даже скосить взгляд в сторону. Рекс лежал и видел только то, что было перед глазами: вмёрзшие в лед осколки бетона, отпечаток ботинка на снегу… Потом приглушенно, будто сквозь подушку, вроде как топот какой-то донёсся. Снег возле лица медленно плавился от дыхания, щеке стало сыро. Надо встать. Надо… Хрен!

Рядом громко, так что даже сквозь глухоту разобрал, выматерился Винс. Сразу после этого Рекса схватили за грудки и усадили. В плечо больно кольнула игла, и руку опалило. По одеревеневшему телу медленно расползалось жжение, но вместе с ним возвращалась чувствительность. Наконец-то, получилось шевельнуть сперва ногой, потом рукой.

Первое, что сделал Додсон, обретя возможность двигаться — заморгал. Глаза уже порядком пересохли. После этого вытер мокрое от талого снега лицо и, наконец, посмотрел на старшего. Тот глядел внимательно.

— Ну как? — спросил он, похлопав Рекса по щеке. — Путём?

— Угу, — ответил тот и добавил: — Ни разу ещё парализатором не славливал.

— Понравилось? — усмехнулся Винс.

— Охуенно, да, — сипло ответил парень, поднимаясь на ноги.

В тело словно вонзались сотни маленьких колючек, будто отсидел и отлежал себе вообще всё — от пяток до затылка.

— Идём. Сорвались переговоры, — сказал старший и, как ни в чем не бывало, направился прочь.

Молодой потянулся следом. Постепенно мир снова обретал чёткость, а Рекс — способность спокойно размышлять. Правда, все размышления сводились к небывалым пережитым ощущениям. Абсолютная беспомощность и оттого слепая, сводящая с ума паника. Жесть. А главное — ведь как быстро всё случилось! Мгновенно же! Но Винс успел увернуться. А он — нет. Неужто можно так реакцию натренировать? Офигеть.

В это время рейдер вскинул ладонь, приказывая замереть. Додсон застыл. Винс дал короткую очередь в небо и, после недолгой паузы, одиночный выстрел.

— Идем, — махнул он своему спутнику. — Видишь, какая у тебя вылазка выдалась интересная и поучительная. Мало кому

так везет.

Куда уж там. Рекс хотел что-то ответить, но в этот момент они с Винсентом вывернули из переулка на небольшую площадь, в центре которой высились руины не то фонтана, не то памятника, а по бокам чернели копотью развалины домов. Справа — возле остова проржавевшего седана — стояли четверо вооруженных мужчин и валялись в луже крови несколько изуродованных тел. Что было особенно примечательно — у всех убитых, несмотря на разницу в возрасте и внешнем виде, волосы были одинаково сваляны в сальные дреды.

Чуть в стороне над трупом здорового мужика замерла худенькая девушка с прижатым к уху коммуникатором. Та самая кореянка, которую Додсон уже видел раньше. Первый раз, когда возвращались с зачистки дома, и второй — в «Норе», куда она их всех привела.

Когда Винсент с Рексом подошли, девушка вскинула руку, прося подождать, и вопросительно глянула на одного из своих людей. Тот в ответ кивнул. Кореянка нажала кнопку вызова.

— Батый, — мягкий бархатистый голос совершенно не вязался со сценой недавнего побоища и металлическим запахом крови, — да, я самая. Помнишь наш старый разговор? В продолжение темы: через пару-тройку часов патлатые очень обидятся на бивнястых. Неплохо бы обеспечить им взаимность, как мы договаривались.

В коммуникаторе что-то побубнило, и Су Мин после короткой паузы ответила:

— Конечно. Да, разумеется, подожду.

Комм снова отозвался неслышной остальным репликой.

— Нет, — на этот раз девушка слушала собеседника чуть дольше, потом сказала: — Это не подстава. Но если ты забудешь, что Бивень — мой, то тебя не спасут ни Ушлый, ни Трое. Ок. До связи.

Кореянка спрятала коммуникатор в карман штанов, а потом плавно вытянула из-за спины здоровенный нож и склонилась над лежащим у её ног трупом.

Носком ботинка Су Мин пнула руку покойника, чтобы та, согнутая в локте, легла прямо. После этого девушка чуть отстранилась и одним коротким, точным ударом перерубила сустав. Подцепила отсеченную кисть и отбросила в сторону. Потом выпрямилась и, повернувшись к своим людям, поманила самого молодого.

— Дун Хён, — в этот раз она говорила без улыбки, — я уже знаю, что постоянно передающей прослушки у тебя нет.

Заметно нервничающий прыщавый юноша лет девятнадцати,

к которому она обращалась, все это время стоял чуть в стороне от прочих. Похоже, первый раз с этой командой.

Кореянка спокойно посмотрела, как он подходит:

— Так вот, если о моем звонке узнает Старший, у меня будут проблемы. Серьёзные. Но не смертельные. У тебя вскоре после этого — тоже. Но уже смертельные.

Паренек заметно побледнел и опустил глаза. А девушка тем временем повернулась к корейцу, закатавшему на одном из трупов рукав куртки и теперь внимательно изучавшему татуировки:

— Мин Дже, помнится, у тебя было одно незавершенное дело.

Тот коротко кивнул.

Прыщавого корейца от этих слов пробрала мелкая дрожь.

— Сейчас он, — Су Мин указала пальцем на Мин Дже, — расскажет тебе, Дун Хён, об одном маленьком дельце. Выполнишь его — и добро пожаловать в *мою,* — это слово она нарочно выделила, — команду. Не захочешь, но будешь держать язык за зубами — живи, как жил. Расскажешь хоть кому-то — умрёшь. Твой выбор?

Дун Хён быстро-быстро заговорил по-корейски и почтительно закланялся.

— Он не хотел вас оскорбить, — тем временем сказала девушка стоящим рядом Винсенту и Рексу. — Просто плохо говорит по-английски, а сейчас еще и немного волнуется.

С этими словами Су Мин подняла с земли отрубленную несколько минут назад руку, выпрямила средний палец, после чего опустилась на корточки рядом с трупом, клинком разжала ему челюсти и вставила отогнутый палец в раскрывшийся рот. Ее бойцы тем временем тоже достали ножи.

— Это они по нашу душу были? — поинтересовался Винсент.

Су Мин в ответ только усмехнулась. А рейдер, к несказанному удивлению Рекса, наклонился к ней и… поцеловал, после чего повернулся к замершему чуть в стороне напарнику. Лицо у того было окаменевшим, а взгляд очень пристальным.

Винс усмехнулся и сказал:

— Тебе опять повезло, Рекс. Только что ты видел работу настоящей бонзы.

— Младшей бонзы, — после короткой, почти незаметной паузы поправила мужчину Су Мин.

* * *

Батый выключил комм и задумчиво посмотрел на чикано,

сидящего в кресле напротив.

— Рамон, твоя прошлая банда, вроде, пыталась к Патлатому притереться? — спросил старший.

— Да, — мгновенно вскинулся парень.

Сегодня он был одет в серую толстовку и черные джинсы, в которых выглядел более чем прилично. Во всяком случае, Ушлый, когда встретил, внимания не обратил.

— Не ржали над тобой, что башку заголил и черепом светишь? — спросил Батый, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Молодой ухмыльнулся:

— После того, как в баре одному морду о стол расплющил, а за других заплатил — ни разу.

— А можешь их поднять, чтоб кого из бивнястых замочили? Любого. Но внаглую. Прям на улице.

— Сложно, — чикано заметно потух. — Без грева не выйдет, а у меня столько нет.

Батый покачал головой, вытащил из ящика стола пачку купюр и перебросил её собеседнику:

— Держи. Всё им. По выполнении получишь столько же. Времени сколько нужно?

— Ну, соберу-то я их быстро — минут за двадцать, — Рамон чуть замялся. — А дальше — как подходящего бивнястого найдем. Не всякий ведь сгодится, на ихних крутых парни залупаться не будут.

— Ща. Ты иди, подожди чутка, — старший указал собеседнику на выход, давая понять, что ждать следует за дверью.

Когда парень вышел, Батый нажал несколько кнопок на коммуникаторе:

— Су Мин. Всё сделаем быстро. Через час бивнястые будут очень не любить патлатых. Но мои разговоры в ближайшие два часа не должны услышать ни Бивень, ни Патлатый, ни Ушлый.

— Замечательно, — отозвался коммуникатор сладким голосом младшей бонзы связистов. — Сделаю. С тобой приятно иметь дело.

— С тобой тоже.

Батый нажал кнопку отбоя, после чего сразу же выбрал новый контакт. Инструктаж нужных людей не занял много времени, уже через пару минут заместитель Ушлого положил комм и, взяв со стола сломанное стило, бросил им в дверь.

— Собирай своих, — сказал Батый, когда Рамон вошел в комнату. — Через сорок — сорок пять минут бивнястый не из крупных зайдет к Олли. А еще минут через пять выйдет. Сам не пались, но проследи, чтоб замочили наглухо. И пусть поорут чего-нибудь типа «от Патлатого». Такое…

Чикано понятливо кивнул:

— Есть, бонзо! — парень весело козырнул.

— Младший бонзо, — равнодушно поправил Батый. — При Ушлом такого не ляпни ненароком. Да, ещё. Если всё сделаешь как надо, вечером заглянем вместе к Мэрилин.

— В «Нору»? — у молодого заблестели глаза.

«Нора» была очень шикарным местом, всех подряд туда не пускали, и у Рамона шансов попасть в подобное заведение было… ни хрена не было, в общем.

— В «Нору», в «Нору», — Батый умудрился сохранить каменную физиономию, хотя про себя рассмеялся: в двадцать лет так мало надо для счастья — оружие, отвязных дружков, надежного вожака и охочую девку. — Гонорар за акцию тратить не спеши. Пригодится.

* * *

Узкий проулок между двумя магазинами заканчивался тупиком — кирпичной стеной и старым мусорным контейнером. Контейнер был раскурочен, смят, в нескольких местах прострелен. Айя в панике озиралась, понимая, что бежать некуда, что чудовище с улицы вот-вот их настигнет, а они с Керро в ловушке. Однако её спутник был, как всегда спокоен. Одним рывком он отшвырнул ржавый бак, раскидал ногами слежавшийся под ним мусор, наклонился и сдвинул в сторону тяжелую крышку канализационного люка.

Девушка всё поняла без слов, рванула к черному провалу, нащупала старую лестницу и быстро-быстро начала спускаться в темноту. Спрыгнула и сразу отступила в сторону, чтобы не задерживать спутника. Он слетел следом, как раз, когда она нашарила в рюкзаке фонарик.

— Вперёд! — рейдер подтолкнул Айю в один из туннелей.

Побежали. Позади них сверху что-то грохотало и лязгало, звуки дробились и разносились под землёй пугающим эхом. Айка неслась по узкому коридору, где давно уже истончились и исчезли все запахи, кроме запахов земли и камня.

Поворот, ещё один, теперь прямо. Луч фонарика мечется по полу и стенам, сзади бежит Керро, значит нужно мчаться во все лопатки, чтобы его не задерживать. Какая же она тихоходная! В боку колет, а ноги одеревенели и, кажется, вот-вот подогнутся. Снова поворот, спуск куда-то вниз под наклоном, опять прямо. Быстрее, быстрее… Вспомнишь тут, как драпали с кроликами, а тело было не в пример нынешнему — лёгким, послушным.

— Стой, — Керро замер, прислушиваясь. — Тихо.

Айя по инерции пробежала ещё несколько шагов, но, наконец, затормозила и, тяжело дыша, привалилась к стене. Хотелось сесть, однако девушка понимала, что если сядет, встать уже не сможет — коленки тряслись.

— Оторвались, — сказал Керро.

От этого короткого простого слова последние силы покинули Айку. Она выронила фонарик и медленно сползла по неровной стене на пол. Тело начала бить запоздалая дрожь. Последний раз так колбасило, когда прекращал действовать парализатор, но тогда мышцы словно вибрировали, потому что к ним возвращалась чувствительность. А сейчас крупную дрожь рассылал пережитый страх. Озноб расходился волнами из груди, собирался в конечностях, которые сразу начинали мелко трястись. Унять этот тремор никак не получалось. Мало того, трясучка всё усиливалась, вот застучали и зубы.

Айка обхватила себя руками за плечи, но успокоиться никак не могла.

— К-к-кто эт-т-то б-б-был? — спросила она.

— Киборг, — пожал плечами Керро. — Продвинутая боевая модель. От человека там, наверное, только мозг и остался. Наиболее развитое направление твоей же корпорации, между прочим.

— Н-н-на и-и-инопланетянина п-п-похож, — сказала девушка, стуча зубами. — К-к-керро, я и-и-идти не м-м-могу, у мен-н-ня н-н-ноги отняли-и-ись…

— Я бы на твоем месте тут так просто не сидел, — мужчина даже не сдвинулся, по-прежнему всматриваясь в темноту туннеля. — Здесь плесень опасная — одежду на раз проедает и с кожи потом вывести очень дорого. А если не вывести, то за пару месяцев до костей прогрызет.

Айя беспомощно завозилась, но тело не слушалось, сделавшись мягким, как пластилин. Мягким, дрожащим, безвольным и слабым-слабым.

— П-п-пусть проед-д-дает, — ответила она обреченно и уткнулась лицом в колени.

Керро тронул дужку очков, отключая микрофоны.

— Нет здесь никакой плесени, здесь даже крыс давным-давно нет. Одеяло подстели и ложись, приходи в себя. Чисто оторвались, он за нами вниз не рискнул соваться.

Рюкзак Айя раскрыла только с третьей попытки — так тряслись у неё руки. Девушка вытянула одеяло и сказала:

— Вот т-ты, б-б-блин… Лишь бы п-п-поиздеваться… Г-г-гад…

— Извини, рефлекторно. По краешку прошли.

Она кое-как расстелила шуршащее одеяло и скорчилась на нем, пытаясь успокоиться:

— Ре-ре-рефлекторно у н-н-него. А я б-б-будто не поняла, что по-по-покраешку. Ты х-х-хоть цел?

Девушка закрыла пылающее лицо ледяными ладонями. Дрожь сотрясала тело, и никак не получалось с ней совладать.

— Нет. Разорван на кусочки и через пять минут помру на месте.

— Вот го-говорю же — гад, — сказала она, все еще клацая зубами. — А меня когда н-на улице подстрелили, я еще бежала и н-не чувствовала долго.

— Если бы эта тварь стреляла, тоже бы не почувствовала. Правда бы и не убежала. Они дом навылет пробивают и никогда не промахиваются.

— А р-раньше? — спросила Айя. — Я с-слышала выстрелы, думала, в тебя стреляли.

— Не в меня. Не успели.

«Не успели». А она, услышав автоматные очереди, уже представила его лежащим в луже крови — тут рука, там нога и голова — кровавое месиво… Испугалась. Очень. И вот сейчас накрыло отдачей — отпускал страх за Керро, страх поспешного бегства, страх встречи с киборгом, страх из-за того, что оказалась вдруг щитом между человеком и механической махиной, страх осознания — могла погибнуть прямо там, на месте. Потому что её спутник не лгал. Не лгал, Айя слышала по голосу. А значит, секунда — и их нет. Ничего больше нет.

Но вдруг они вроде бы вырвались и прибежали в тот закоулок, который оказался тупиком. То есть всё-таки смерть? Потому что лучше смерть, чем опять белые стены, белые потолки, иголки, уколы, санитары… Наверное, именно от мысли, что спасение невозможно, накатила растерянная обреченность. А потом люк, лестница, бег в темноте, грохот позади. И короткое: «Оторвались» — апофеозом случившегося.

«Не успели». Пуля — дура, от слепого случая уберечься невозможно. Керро, конечно, непохож на того, кого легко завалить, но всё равно не бессмертный. А представить, что его вдруг не стало — это всё равно как представить, что оказалась одна, с погоней на хвосте и переломанными ногами. Как бы смешно ни звучало — Керро был единственным по-настоящему надежным человеком из всех, кого Айя когда-либо знала.

— Д-дай руку, — попросила девушка, чувствуя, что паника мало-помалу угасает, а истерика потихоньку сходит на нет. — Встать хочу. Ноги в-ватные.

Керро протянул ей ладонь и рывком поднял. Рука у него была

теплой, в отличие от её — ледяной, как у покойницы. Около минуты Айка стояла, вцепившись в рейдера, чтобы не упасть, и потихоньку успокаивалась. Ну, вот же он — целый и невредимый. Убивать запаришься. И она тоже целая и невредимая. Ни белых стен, ни белых потолков. Всё хорошо.

— Слушай, — сказала Айя, когда смогла, наконец, стоять без поддержки и объясняться внятно. — Ты говорил, что хочешь посмотреть, чего там есть полезного в Зета-центре. А я знаю человека, который, если сходит туда, то точно вернётся. Главное ему — обратно в «Виндзор» не попасть. Можешь с этим помочь?

— А как же долг перед корпорацией? — Керро наклонился, поднял фонарик и передал спутнице. — Ну, типа там «Благо «Виндзора» — превыше личного», «Предать «Виндзор» — предать самого себя» и всё такое…

Девушка забрала фонарик:

— Откуда в тебе столько говна? — спросила она спокойно. — Ты только что мной прикрывался и грозился взорвать. У меня чуть сердце не лопнуло, ноги до сих пор трясутся. Потом плесень эта… И вот я предлагаю помощь, которую тебе никто больше не предложит. А ты вместо того, чтобы просто сказать да или нет, издеваешься.

— Ну, хочется же узнать мотив, — ответил он невозмутимо.

— И просто спросить ты, конечно, не можешь? — Айя усмехнулась.

«Корпоративный дух низкий», — вспомнил Керро, а вслух сказал:

— Просто? Пожалуйста. Зачем тебе Зета-центр?

— Хочу. Тебе. Помочь. Если ты туда полезешь, то, скорее всего, умрешь. А я, скорее всего, нет. Ты помогаешь мне. Я помогу тебе. Ну и я ведь говорила, что не хочу возвращаться в «Виндзор». Или ещё куда-то, где меня могут утилизировать по девяносто девятому меморандуму. Устраивает такой ответ?

Рейдер внимательно посмотрел на девушку.

— Полезешь сейчас — тоже умрёшь, потому что ничего не умеешь. Однако это поправимо. Пока твой ответ устраивает. Но легкой жизни не обещаю, тогда как тяжелую — легко. И с невозвратом «Виндзору» придется потрудиться. Впрочем, это тоже решаемо, хоть и непросто. Идём.

Он подождал, пока Айка сложит одеяло и откроет рюкзачок, в недрах которого мелькнул ярко-алый фатин юбки.

— Чего ты ее с собой таскаешь? — удивился Керро. — Больше не понадобится. Выкинь.

Девушка на миг замерла, перестав сосредоточенно упихивать одеяло в рюкзак, и с глухим упрямством в голосе ответила:

— Это — *юбка*. И она *моя*. Я её выбирала вместе с *Алисой*. Просто надо сложить поплотнее…

Рейдер пожал плечами.

Айя с удивлением заметила, что он вроде как тоже… постепенно приходит в себя после случившегося. Только, в отличие от неё, от ужаса стучавшей зубами, его напряжение выражалось в скупости движений и общей собранности. А сейчас Керро заметно расслабился, успокаиваясь.

Дальше шли уже неторопливо, сворачивая то тут, то там. Каким-то непостижимым образом Керро безошибочно находил дорогу в паутине туннелей и переходов.

* * *

Бывший директор школы-интерната номер восемнадцать для детей работников среднего звена, мистер Аллан Эдтон, стоял в кабинете агента Ленгли и чувствовал себя жалким посмешищем.

Новая одежда, в которую облачили подследственных, Ала и Джорджа, была им непривычна, а пахла так, как пахнет всё казенное: слежавшейся чистой тканью, только-только извлеченной из пластикового пакета.

Нынешним утром мистера Эдтона и мистера Рика переодели в черную полевую форму сотрудников ГБР. И если на статном Джордже форма смотрелась уместно, то мистер Эдтон выглядел в ней глупо. Да и чувствовал себя точно так же. Форменные брюки казались неудобными, ботинки — слишком тяжелыми, пряжка ремня, застегнутого под нависающим брюшком, давила.

Помимо новой одежды им с Джорджем выдали по пистолету (правда, без патронов) и по рюкзаку со снаряжением, после чего отправили на полигон, чтобы немного освоились. Затем дали полчаса на изучение выданного снаряжения и одну обойму на пристрелку оружия под строгим присмотром военного. Потом, правда, пистолеты забрали, пообещав вернуть перед выброской. Следующей стала консультация по спецоборудованию. Консультант терпеливо объяснял двоим своим подопечным, как пользоваться картой, как крепить налобную камеру и прочее подобное. Мистер Эдтон слушал молодого крепкого мужчину и едва сдерживался, чтобы не взвыть в голос от накатывавшего отчаяния.

А ещё Аллан с ужасом понимал, что проигрывает… проигрывает на фоне Джорджа, который пусть и не был профи, но всё же соображал в военном деле получше своего неумелого напарника. Случись что, шансов выжить у Джо гораздо больше,

чем у его друга. Да и друга ли? Тут каждый сам за себя, наверное. И мистер Эдтон смертной завистью завидовал мистеру Рику. Потому что тот обладал именно теми знаниями, умениями и навыками, которые сейчас позарез были необходимы для выживания.

Когда же экспресс-подготовка завершилась, двое конвоиров доставили подследственных во вспомогательный офис СБ компании, подняли на лифте на уже знакомый этаж и провели в уже знакомый кабинет. Правда, на этот раз кофе здесь гостям не предлагали и на уютный кожаный диван не приглашали. Собранные в путь Ал и Джо стояли напротив стола агента Ленгли, а на шаг позади них застыли бесстрастные конвоиры. Мисс Ховерс, старая знакомая обоих подследственных, скромно сидела в сторонке.

— Итак, господа, — сухо сказал агент Ленгли, — ваша задача — пройти в заброшенный исследовательский центр и принести оттуда модуль памяти, который располагается на последнем этаже подземного комплекса. Мисс Ховерс, включите карту.

Девушка покинула свое место, положила на стол голограммер, нажала несколько кнопок, и перед мужчинами возникла проекция местности.

— Вот через этот шлюз, — агент указал на высокие ворота, — вы пройдете к зданию заброшенного комплекса и через центральный вход проникнете внутрь. Камеры не выключать, медбраслеты, передающие информацию о параметрах жизнеобеспечения, снять не пытайтесь — всё равно не получится.

— Простите, сэр, — перебил говорившего Джордж. — Если комплекс заброшен, там, наверное, все разворовано?

Ленгли усмехнулся и ответил:

— Ничуть не бывало. Комплекс не заброшен, а заморожен. Вам перед высадкой выдадут пневматический таран, вы, мистер Рик, судя по данным личного дела, умеете им пользоваться. Взломаете дверь, войдете внутрь, а дальше будете действовать по ситуации. Повторяю, ваша задача — вынести модуль памяти. Сможете это сделать — обвинение с вас и вашего коллеги будет снято. Главное — не забывайте о поставленной цели и о том, что её выполнение принесет помилование. Думаю, это лучший стимул для обеспечения успешности операции. Мистер Эдтон, у вас есть какие-нибудь вопросы? Если да, то спрашивайте сейчас, потом будет поздно.

Аллан замялся. Он не знал, что спрашивать, и был в полной растерянности, а под пристальным взглядом мисс Ховерс окончательно смешался, только промямлил:

— Нет, вроде всё понятно…

Про себя же он в который раз думал о другом: каким идиотом был, каким идиотом! Купился на спектакль, устроенный девчонкой! Разгадай он вовремя её актерство, может, и сумел бы выкрутиться, а теперь… Теперь непривычная новая одежда, рюкзак за плечами, пустая кобура на поясе, тяжесть высоких ботинок на ногах и паника. Глубочайшая паника.

Он не умеет пользоваться пистолетом, да что там, боится его в руки брать, магазин-то вставлять научился с пятого раза. Физическая подготовка… её просто нет — одышка уже через тридцать метров легкой пробежки, да еще живот колышется, мешая двигаться и смотреть под ноги. А в этой одежде, которую положено носить людям с хорошей осанкой и крепким телом, Аллан выглядит смешным и жалким. У мисс Ховерс, вон, в глазах ехидство и взгляд ну просто людоедский.

Неужели агент Ленгли не замечает, с кем имеет дело? Видимо, нет, раз обращается к ней с неким превосходством. Но Аллан-то знает, какая это актриса… знает. Видел. А вот её снобначальник в курсе ли?

И вдруг мистера Эдтона осенило внезапное неуместное и ненужное ему прозрение. Да Ленли же её трахает! Точно! Как и почему это вдруг стало ему ясно, Ал не смог бы внятно объяснить даже под допросной химией. Но что-то неуловимое проскальзывало между этими двумя. А, может, просто включились, наконец, мозги, отошедшие от фармацевтики. Включились, заработали, и стало понятно: слишком уж быстро продвинулась мисс Ховерс по служебной лестнице, сделавшись секретарем специального представителя СБ при совете директоров, тогда как ещё вчера была в своей иерархии мелкой сошкой. Хотя… она ведь раскрыла преступный сговор, возможно, повысили за хорошую работу.

Словно уловив путаные мысли подследственного, мисс Эледа сказала, обращаясь к его другу:

— Мистер Рик, вы ведь понимаете, что без опыта и подготовки, мистеру Эдтону в Игре не выжить? Надеюсь на ваше благоразумие и чувство товарищества. Такими вещами поодиночке лучше не заниматься, поэтому не бросайте коллегу по несчастью. Вы оба оступились. Теперь самое время держаться вместе.

Но несчастному Алу слышалась в её голосе вовсе не участливость, а тщательно скрываемая издёвка, которая предназначалась только ему и его напарнику. Аллан бросил быстрый взгляд на агента Ленгли — слышит ли он насмешку в голосе подчиненной? Если и слышит, не показывает вида.

Конечно, за время работы мистеру Эдтону не приходилось

сталкиваться с корпоративной элитой, всё, что он знал о высшей власти, ограничивалось сплетнями и слухами. Но из общения с мисс Ховерс одно стало понятным наверняка: прекрасное создание, так виртуозно изображающее наивную девушку — существо особого толка. И тот сам себе безмозглый дурень, кто этого не заметит. Вот он — Ал — не заметил. И где он теперь? Агент Ленгли тоже не замечает. За что рано или поздно поплатится. Хотя… возможно, и нет. Он всё же старше, опытнее. Вдруг мисс Ховерс сломает об него свои острые зубки? Кто знает. Эти двое друг друга стоят.

— …мистер Эдтон?

Ал вздрогнул.

— Да? — спросил он.

— Вам пора, — напомнил агент Ленгли. — Постарайтесь дойти и вернуться.

— Это очень важно, — мягко добавила мисс Ховерс и сказала с притворным сочувствием, от которого Аллана едва не передёрнуло: — Для вас в первую очередь. Берегите себя.

Бывший директор интерната вяло кивнул и потащился к выходу, с трудом переставляя ноги в непривычно высоких ботинках. Новая одежда шуршала, пряжка ремня по-прежнему врезалась в нависший над штанами живот.

Коридоры, кабинеты, люди… Все это стало таким чужим, таким бесконечно далеким! Мистер Эдтон смотрел на окружающий мир глазами человека, которому предстояло этот мир покинуть. И озабоченные лица работников, мерцающие голоэкраны, сигналы коммуникаторов — всё, что раньше являлось неотъемлемой частью его собственной жизни, теперь казалось суетой, не стоящей внимания. Как люди могут переживать из-за графиков и планов, когда реальность в любую минуту может тебя отторгнуть и повернуться вот так?

Аллан судорожно вздохнул, входя в лифт следом за Джорджем и его конвоиром. Двери плавно закрылись. Мистер Эдтон с горькой иронией увидел, что стоящая в лифте молоденькая сотрудница с интересом смотрит на Рика. Видимо, он показался ей привлекательным — в новой форме, высокий, широкоплечий. Девушка даже улыбнулась ему, не догадываясь, что понравившийся ей мужчина — преступник и при первом же подозрительном движении получит парализующую иглу.

«Без глупостей, господа. Вас всё равно десантируют в нужный квадрат — не важно, парализованных или нет. Вот только действие препарата закончится лишь через пару часов. А охотники ждать не будут. Поэтому из-за какой-нибудь дурацкой выходки вы можете потерять фору», — объяснил им старший

конвоир, когда выводил из камеры. Ему невдомек было, что Ал и Джо давно уже смирились со своей участью.

Джордж выглядел бледной тенью самого себя. Улыбку девушки в лифте он даже не заметил, а если и заметил, то она вызывала у него, скорее, отчаяние и тоску, нежели самодовольство.

Аллан оглянулся на своего конвоира — тот равнодушно смотрел в пустоту.

Лифт остановился, прошелестели двери, девушка вышла, а кабинка с четырьмя мужчинами поползла на самый верх к вертолетной площадке. Можно сказать, сбылась мечта побывать на последнем этаже.

* * *

Агент Ленгли очень не любил отвечать за свои ошибки, особенно при посторонних. Поэтому, когда голографон издал сигнал входящего вызова, а над панелью возникло дежурное изображение Винсента Хейли, Джед испытал острое искушение не отвечать или хотя бы отправить Эледу куда-то за пределы кабинета.

Но, увы, это было бы ещё большей слабостью. Поэтому он всё-таки нажал кнопку ответа. Голограмма абонента при этом так и осталась неподвижной проекцией, тот звонил с коммуникатора и изображение транслировать не мог. Что пришлось весьма кстати.

— Агент Ленгли, — голос рейдера был сух и спокоен, — я получил уже второе подтверждение телеметрии боевого киборга в квадрате проведения переговоров. Также рейдерский штаб сообщил мне о вылете бесшумного разведывательного вертолета в соседний квадрат. Вы всё ещё разбираетесь, чей киборг был в районе встречи?

Джед про себя с сожалением вздохнул, однако ответил в тон собеседнику: подчеркнуто сдержанно и невозмутимо:

— Это был мой киборг, отправленный вам, рейдер Хейли, для поддержки. Я счел неприемлемым, что на встрече с опасным человеком вас прикрывал только сопляк, проходящий отбор. Кстати, я ещё разберусь, почему его к вам прислали.

— Вот здесь я с вами, агент, солидарен. И кто сопляка отправил, выясню. Только вы, пожалуйста, не суйтесь, — Винсент выдержал короткую паузу и, наконец, сказал: — Ваша инициатива с несогласованной поддержкой уже стоила мне срыва переговоров. Хорошо хоть успели услышать сумму.

— Кто же мог предпо…

— Джед, — в голосе Винса прорезалась нотка бешенства, — тебе прошлого раза мало было? За периметром живут не идиоты и не дикари, а очень злые и в большинстве своем весьма умные люди. О зачистках они отлично знают и за нами следят в оба глаза. Причем радиоразведка у многих поставлена так, что корпоративные резидентуры тихо плачут от зависти. Кстати, я теперь в курсе модели одного из твоих киборгов и части его модификаций. Этой же информацией владеют и корейцы. А к кому она уплывет завтра, сам гадай. Поэтому меняй железяку.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил Ленгли.

Конечно, знание модели киборга, как и его модификаций, третьими лицами — мизерная брешь в системе личной безопасности, но и такие бреши бывают опасны. Однако сам факт того, что Хейли озвучил эту информацию, является явным предложением пойти на мировую. Прекрасно. Поэтому Джед решил не лезть в бутылку и спросил:

— Что ты предполагаешь делать, и нужна ли какая-то помощь? Например, более активный поиск нашими силами?

— Джед, всё, что я предполагаю делать, я уже делаю. Ты же молись Корпоративному Духу, если, конечно, в него веришь, чтоб этот Керро не лёг на дно, — Хейли вздохнул. — А касаемо поиска… тридцать седьмой — это тридцатипятикилометровая клякса с плотной застройкой средней и низкой этажности без четких границ. И ты бы это знал, если бы потрудился посмотреть карту. А еще там подземные коммуникации разной убитости чуть не на километр под землю уходят, и их плана нет ни у кого. Поэтому поиски я буду вести с помощью местных, а ты не суйся и не шебуршись. Что я еще должен знать, но не знаю?

— С чего…

— С того, что, услышав сумму в пять миллионов, ты не задал ни одного вопроса. Я не спрашиваю, кто она. Я спрашиваю: что я должен знать?

— Инфопакет по возможным психофизиологическим реакциям будет подготовлен в течение часа, — ответил, скрепя сердце, Джед.

— Изумительно. И как давно у тебя эта информация?

— Полтора дня.

— То есть, если бы обмен сегодня состоялся и с девчонкой что-то начало происходить, то я бы сидел и гадал? — начал снова закипать Винсент. — Чего еще я не знаю?

— Лови видео, — Ленгли отправил рейдеру архив.

На несколько минут воцарилась тишина, которую первым прервал Винсент.

— Что я тебе говорил про злых и умных? — теперь его голос

звучал как-то уж совсем безнадежно. — Короче, молись Духу, чтоб он на дно не лёг. И высылай инфопакет. Будем надеяться, что товар у нашего продавца скоропортящийся. И готовь… нет, пусть корпус рейдеров готовит деньги. Я с ними отдельно свяжусь, уточню, что купюры должны быть чистые — без маячков и подлянок, короче, по всем правилам. А ты дай им задание. Сейчас дай.

Рейдер прервал связь, но голограмма так и осталась висеть над панелью.

— Ты по-прежнему хочешь выполнить данное ему слово? — мягко спросила Эледа, выключая голографон. — И по-прежнему считаешь, будто я неправа, говоря, что делать это необязательно?

* * *

В тридцать седьмом секторе Винсент Хейли откинулся к стене и прикрыл глаза.

— Как прошел разговор? — Су Мин бесшумно вошла в комнату и опустилась на пол напротив.

— Прекрасно!!! — Рейдер снял очки и бросил их на пол рядом с собой. — Хоть к Трем иди с подношением.

Кореянка ничем не выказала удивления, только спросила:

— Тебе сказать, где Их ближайшее место или самое сильное?

Мужчина её словно не услышал, так глубоко был в своих мыслях.

— Позарез нужна ещё одна встреча с Керро, — Винс, наконец, посмотрел на собеседницу. — Свяжись. Передай, что его сумма принята и я согласен на любые условия. А ещё, если он хочет испортить жизнь хозяину киборга, то мы с ним союзники.

— Я говорила, ты хорошо его понимаешь. Ему плевать на хозяина киборга, но само предложение явно заинтересует, — кореянка улыбнулась и добавила: — Могу, в качестве извинений за то, что у вас там вышло, пообещать ему ночь любви. Предложить?

Винсент не успел ответить, Су Мин встала и прижала палец к его губам:

— Даже если скажешь «да» — не предложу. Есть причины. Но тебе их знать не нужно, — она широко улыбнулась и отвела руку. — Возгордишься.

— Еще больше? Тогда не надо, — улыбнулся в ответ Винс, после чего снова посерьезнел. — Что ж, говори, где Их лучшее место.

* * *

Эледа отвлеклась от чтения медицинских документов и помассировала переносицу.

— Еще чуть-чуть, и эта Айя Геллан будет казаться мне самой близкой родственницей. Я за последние дни посвятила ей столько времени и мыслей, сколько не посвящала своей семье за полгода.

Агент Ленгли усмехнулся и откинулся в кресле:

— Мисс Ховерс, знаете, что меня беспокоит?

— Что Винс не сможет договориться о передаче девчонки? — попыталась угадать собеседница.

— Отнюдь. Как раз об этом я беспокоюсь меньше всего. Ваш опальный цербер договорится с кем угодно и о чем угодно, думаю, ему даже вполне по силам убедить голодного людоеда стать вегетарианцем. Нет. Винс меня мало заботит.

— Тогда что? — с искренним непониманием спросила девушка.

— Вы, коллега. Исключительно вы. Стоило нам сюда приехать, как вы растратили и любовь к шпилькам, и задор. Поскучнели, мисс.

Эледа напомнила:

— По-моему, буквально пару дней назад вы говорили, что мои попытки манипулировать безыскусны, а флирт предсказуем. Я лишь пытаюсь соответствовать вашим высоким требованиям. Вот, посерьезнела, повзрослела. Отчего же вы заскучали? Неужто с дурочкой было бы интереснее?

Джед поморщился:

— Я не люблю дурочек, — сказал он. — Предпочитаю жизнерадостных женщин, которые не лезут за словом в карман. А вы вдруг превратились в скучную офисную работницу без огонька…

Мисс Ховерс ответила насмешливо:

— Огонек, агент, нуждается в топливе. А когда вчерашний интересный и внимательный собеседник становится скучным начальником, которому без остановки надо то чей-то доклад, то документы, то результаты экспертизы… это, знаете ли, не располагает к флирту. Я просто стараюсь работать хорошо, особенно в свете своего внезапного и, не скрою, долгожданного повышения.

Джед, наконец, поднялся из кресла, обошел вокруг стола и встал за спиной Эледы. Теплые ладони легли ей на плечи.

— Кстати, давно хотел спросить, — задумчиво произнес мужчина, — зачем тебе это надо — идти с самого низа? Учитывая, что отец вполне может обеспечить старт с куда более

высокой ступени…

Он легонько массировал плечи собеседницы. Та прикрыла глаза и сказала томно:

— Не останавливайся. Я всё-всё расскажу. Только не останавливайся.

Ленгли тихо рассмеялся:

— Говори, говори, я как раз включил голографон на запись.

— Понимаешь, — начала объяснять она, — когда срок твоей жизни от двухсот до двухсот пятидесяти лет — ее надо на что-то потратить. И потратить с толком. Я подумала, будет неплохо — начать с самого начала, посмотреть, как что устроено, понять людей из низшего звена, их мотивации, логику, страсти… Если бы я только знала, какая это окажется скукота! Теперь жалею, но дело сделано. А ведь папа отговаривал… Надо было послушаться.

— Твоему отцу восемьдесят, верно?

— Да, — кивнула девушка, наклоняя голову так, чтобы ему было удобнее поглаживать шею. — Но выглядит он, уж извини, моложе тебя.

Теплые пальцы пробежали вдоль позвоночника, поднимая волну мурашек:

— Ну, я не из высшего эшелона, потому проживаю обычную человеческую жизнь, — напомнил собеседник.

— Не совсем обычную, не лукавь.

— Ладно, не совсем обычную. Лет до ста — ста двадцати, думаю, протяну.

— Если не наживешь влиятельных и опасных врагов — легко, — согласилась Эледа. — Хотя сто двадцать лет — это все-таки мало.

— Мало. Однако дело, как ты понимаешь, не в деньгах, а в доступе к технологиям, которые «не для всех». То, что доступно наивысшей корпоративной элите — недоступно остальным.

Эледа кивнула и мягко заметила:

— Но если подняться до уровня корпоративной элиты или обзавестись нужными связями… Хотя, это сложно, конечно…

— Но не невозможно? — уточнил он.

— Не невозможно, — кивнула она, подумав. — Тут, как с карьерным ростом, когда идешь с самого низа — надо прикладывать усилия, чтобы чего-то добиться. Само собой повышение не свалится, даже несмотря на происхождение. Нужно всё-таки доказать, что ты заслуживаешь. Я ведь заслужила?

Ладони собеседника спустились от шеи к плечам, приласкали ключицы.

— Конечно, иначе бы никакого повышения не получилось, — ответил Джед.

— Ну, вот. Поэтому увеличить срок жизни для тебя тоже вполне реально, — сказала девушка, прикрывая глаза.

— Мисс Ховерс, — произнес Джед, разворачивая к себе ее кресло, — а вы очень понимающая собеседница…

Она широко улыбнулась:

— Тоже мне открытие. По-моему, вы это заметили еще при нашей первой встрече.

Джед неспешно расстегивал пуговицы на её форменной блузке:

— Заметил, и в очередной раз радуюсь своему везению.

Эледа мягко отвела его руки от своей одежды и сказала холодно:

— Агент Ленгли, вы не тем заняты в рабочее время.

Собеседник в тон ей напомнил:

— По-моему, начальник здесь я, а не вы.

Мисс Ховерс поцокала языком, выражая явное неодобрение:

— Вы, может, и начальник, но в моих должностных обязанностях пункта об интимной стороне вопроса нет. Поэтому, если хотите печеньку, придется постараться. А то у меня такое чувство, будто мы с вами в браке. Причем лет тридцать.

Джед развеселился:

— Вижу, вас задели мои слова относительно скуки, — сказал он.

— Ещё чего. Просто я не до такой степени жаждала повышения, чтобы благодарить вас прямо на офисном столе. Кроме того, я второй день выслушиваю попрёки то в том, как ужасно выгляжу, то в том, как поскучнела. Вот и думаю, раз я такая ужасная и скучная, идите-ка вы… к миссис Лауф. Она, наверняка, женщина с огоньком. И повышения тоже жаждет.

Агент Ленгли расхохотался:

— Оказывается, чтобы вы показывали зубы, вас надо щипать.

— Тот, кто меня ущипнет, останется без пальцев, — заверила его Эледа. — И ещё. Раз уж вы решили приударить за плохой избалованной девочкой, включите фантазию.

Джед слегка прищурился:

— М-да? Могу ли я чисто в превентивных целях уточнить, насколько эта избалованная девочка плоха?

— Не уточняйте. Очень плоха, — отрезала Эледа. — И может стать еще хуже, если угадаете, как её испортить.

— Обещаю над этим подумать, — заверил Ленгли. — Так что готовьтесь к вечеру испортиться по максимуму.

* * *

День выдался ненормальный.

Сперва наезд (а это был именно наезд) Ирвина и Кемпа, потом Винс с его рассказом о настоящем наборе в рейдеры и последующем обучении, потом переговоры и парализатор, затем отходняк и расчлененка. А в завершение — вишенкой на торте — явное одобрение, нет, скорее, даже *гордость* Винсента за эту мелкую азиатку… Теперь же Хейли вовсе свалил, сказав перед уходом:

— Делай, чего хочешь, только не накосорезь. Вытаскивать будет некому.

Рекс горько усмехнулся. Старший его ГБР говорил, что взрослеть, мол, можно двумя способами: больно или постепенно. Интересно, он сейчас каким взрослеет? Мужики, конечно, всерьёз его не воспринимают, оно и понятно, с их опытом. Он, глядя на них, сам к себе весьма скептически относится и даже не на шутку сомневается, что рейдерство — верный выбор. Рексу по жизни не хватало гибкости. Он ходил или параллельно, или перпендикулярно, потому и отправился в военные, где всё просто и по приказу. В производственной структуре с таким характером не выжить, сожрут сразу.

— Балбес бесхитростный, чего тебе там делать у этих рейдеров, а? — говорил старший, качая головой. — Упёрся же.

Но Рекс, как было верно замечено, упёрся. Его не пускали туда, куда он вознамерился попасть. И не было на свете силы, которая могла бы сдвинуть его с намеченного пути. Старший махнул рукой, мол, на хрен. Дурака учить — только портить.

А теперь, когда эйфория схлынула, Рекс получил-таки возможность рассуждать, наконец, трезво. И уверенность в себе сильно пошатнулась. Но поздно, поздно сокрушаться. Выбор сделан. И отступить — значит признать поражение. Не смог. Не мужик. Кишка тонка, яйца мелки и всё такое. Да и просто обидно! К тому же Ирвин и Кемп, вон, не сказать, что охеренные стратеги и гроссмейстеры. За ними просто опыт. А опыт нарабатывается. То есть дело наживное. И вот он сегодня этот опыт, бля, наращивал. В итоге так нарастил, что сам чуть не офигел в атаке.

Рекс встал с тахты и подошел к окну. С серого неба медленно падал снег… на улице пусто. Чего делать-то? Сидеть тут до прихода Винса, идиот идиотом? Уж лучше идти… нарабатывать опыт дальше. Послоняться, дурь развеять. Хотя чего уж врать-то? Себе самому — зачем? При взгляде на депрессивный пейзаж

сердце ёкает — становится жутко от мысли, что не знаешь дороги до точки эвакуации. Не довели. И связи с корпорацией тоже нет, как и знакомых на сто километров вокруг. Хотя…

…Внизу в пустом баре халдей только руками развел:

— Не знаю я, мужик, той девчонки.

— Ну, такая… — Рекс пытался подобрать правильное слово, но сдался и закончил: — Из «Норы».

— «Такая» из «Норы», — хохотнул бармен. — В «Норе» все «такие», парень. И через одну — Викки, Микки, Джесси, Стесси…

— А связаться можно как-то? — не хотел сдаваться собеседник.

— Связывайся. Не вопрос. Лови контакт.

Рекс достал коммуникатор, нажал иконку «принять» и вышел в холл. Гудки тянулись долгие, а потом обволакивающий женский голос сказал:

— «Нора». Что желаете?

— Здрасьте, а с Викки можно поговорить? — выпалил Рекс.

Женщина на том конце соединения рассмеялась:

— Вот, значит, как? С Викки? А я не понравилась?

В этот момент он, наконец, узнал голос, из которого исчезла томность.

— Мэрилин? Нет… ты понравилась… ты очень понравилась, просто…

— Просто ты — олух, — закончила женщина со смехом и спросила: — Чего звонишь-то, чудо малолетнее? Заскучал?

Рекс понял, что отпираться бессмысленно, и сказал:

— Да.

— Так приходи. Дорогу найдёшь?

— Найду, — сразу же ответил он.

Собеседница опять рассмеялась, но не обидно, а как-то… ласково.

— Приходи. Охране на входе скажи, что ко мне. Тебя проводят.

* * *

Мистер Эдтон задыхался. В боку у него кололо, рюкзак оттягивал плечи, спина была мокрая. Пот полз вдоль позвоночника и скатывался за ремень штанов.

— Джо, Джо… — просипел Аллан в спину товарищу, шагавшему впереди. — Погоди… давай… передохнем…

И остановился, привалившись плечом к стене разрушенного дома.

Джордж оглянулся. Выглядел он свежее своего напарника, но тоже заметно вымотанным. Ничего не сказав, Рик опустился на поваленную ржавую бочку из-под автомобильного масла.

Ал просто сполз вдоль стены на корточки. Этот день был самым ужасным днем в его жизни, хотя прежде первенство держал день знакомства с мисс Ховерс. Особенно же страшным казалось то, что этот вот ужасный отвратительный день может оказаться его последним днем.

Руку свело на пистолете.

С того момента, как Аллана и Джорджа на тросах спустили с вертолета, мистер Эдтон никак не мог прийти в себя и пребывал в состоянии застывшей истерики. Даже сейчас при воспоминании о высадке его охватывала липкая паника. Большего ужаса, чем тот полёт, и представить было нельзя! Трос мотало из стороны в сторону, обвязка врезалась в тело, ноги болтались, ледяной ветер бил в лицо, земля с серо-черными остовами руин простерлась где-то далеко-далеко внизу. А над головой мерно стрекотал вертолет с оставшимися в нём людьми… Мистер Эдтон стискивал руками трос и тихо скулил, благо за свистом ветра никто не мог этого слышать, даже те, кто наблюдали за ним по видео. Впрочем, закончилось все быстро. Едва Ал и Джо достигли земли, тросы, отстегнутые от вертолета, упали рядом, а борт вместе с оставшимися пассажирами развернулся и улетел.

— Как думаешь, мы далеко успели уйти? — спросил Аллан своего друга.

— У тебя есть планшет, посмотри, — огрызнулся Джо.

Он тоже был напуган, бледен и напряжен. И тоже стискивал в руках оружие.

Ал бестолково потыкался в закрепленном на предплечье планшете, выбрал нужное меню, отыскал в нем интерактивную карту.

— До шлюза около километра, — сказал он.

Джо хмыкнул.

— Как думаешь, охотники уже вышли? — снова спросил Аллан, причем спросил не столько потому, что ему был интересен ответ, сколько потому, что гнетущая тишина и мрачные тени руин пугали с каждой минутой всё сильнее.

— Не знаю. Идём, — ответил Рик, поднимаясь на ноги. — Если повезет, успеем пройти через шлюз и спуститься в комплекс, там будет проще укрыться. Шевели булками, Ал. Если охотники пешие — нам повезло. А если на тачке или мотоциклах, то мы охренеем.

Мистер Эдтон кое-как встал и заковылял дальше по улице.

* * *

— Жалкое зрелище, — Эледа в очередной раз оторвалась от планшета, на котором что-то читала, и бросила короткий взгляд в большой голокуб. Там, уже второй час подряд, продолжалась видео-трансляция кадров с налобных камер Эдтона и Рика.

Картинка была лишена как эстетики, так и разнообразия.

— Теперь я абсолютно уверена, что никакой игры и уж тем более Игры с большой буквы — нет, — насмешливо сказала мисс Ховерс.

— Почему же? — зевнул Ленгли, лениво наблюдавший за злоключениями двух товарищей по несчастью.

— Если б это было развлечением, а не работой, — ответила ему собеседница, снова опуская взгляд в книгу, — я бы и за деньги такое смотреть не стала.

Ленгли откинулся в кресле и устремил взор в потолок:

— Как по мне, весьма забавно, а уж если добавить чуток… — он покосился на Эледу, которая явно подбирала слова поядовитей, и заговорил уже другим тоном: — Ладно, ладно не буду тебя щипать, не хочу остаться без пальцев. Действительно, унылое зрелище. То ли дело соревнования силовых сборных! И рукопашная, и бои в лабиринте… Конечно, всего лишь лазерная имитация и холостые патроны, но куда азартнее. Хотя один боевой на сотню холостых изрядно добавлял интереса.

Мисс Ховерс пожала плечами:

— Отец как-то брал меня на учения рейдеров, — она улыбнулась, вспоминая. — Три группы корпуса против всех сил сектора. Причём две из них не только прошли, но ещё и дел натворили. Жаль, я тогда мало что понимала…

— Организовать? — вот теперь Джед действительно заинтересовался.

— Ты, вон, засылку киборга уже организовал, — покачала головой собеседница. — Скажи хоть, зачем?

— Ну, кое-кто говорил, будто очень не хочет терять Винсента… — ответил Джед. — Если бы дело выгорело, объект взял бы я, а заслуга Винсента в поимке Айи Геллан оказалась минимальной. В итоге он бы остался в стороне и не при делах. Ни тебе наград, ни поощрений, ни возврата в корпус… Кто же знал, что железяка облажается! На полигоне они такое творили, а тут… Впрочем, не волнуйся. Если я сказал, что мистер Хейли будет твоим, он будет твоим. Просто иным способом.

* * *

Керро опять ушел. Айя закрыла за ним дверь и снова осталась одна. Но на этот раз не среди развалин, не в секретном месте, не где-то на окраине сектора. А в самом обычном номере мотеля. Ну, или, во всяком случае, в чём-то очень на него похожем, разъяснения Керро она не очень поняла… ну, кроме «никуда не выходи». Меблированная комната: кровать, диван (да неужели же сегодня можно будет спать не на полу?!), два кресла, стол, нормальное электрическое освещение, розетки, двери в ванную комнату, в уборную, в кладовую. Боже, цивилизация!!!

Девушка брыкнулась на диван и от восторга даже вырубилась, но проспала, видимо, недолго — четверть часа, не больше. Проснулась и сразу заскучала. Встала, походила по комнате. Посмотрела в зеркало на коричневеющий синяк. В очередной раз приуныла от грустного зрелища. Ещё походила. И внезапно вспомнила про конверт с письмом, который ей отдал, но так и не забрал назад Керро. Прочитать? Но он вроде сказал, что открывать в том случае, если не вернется. Только ведь конверт не запечатан…

Айя посмотрела на свою куртку, во внутреннем кармане которой лежало послание, отмела последние сомнения и угнездилась с ним в углу дивана. Почерк у Керро был, конечно… тот еще. Но разобрать можно.

Письмо оказалось коротким.

«Даже если найдешь лежку, на которой мы были, не пользуйся — может оказаться засвечена.

Сразу иди к окну, из которого чуть не прыгнула на мины (теперь их там уже нет), ищи ровную бетонную плитку. Под ней деньги. Немало. Забери и перепрячь.

Двух с половиной штук из конверта тебе за глаза хватит на неделю, а ночлежек в секторе полно. Только пятисотки меняй аккуратно и заранее прикидывай, как будешь уходить. Проще всего — в оружейном у Олли, он и не кинет (не должен), и не сдаст (это уж точно).

Каждое утро издалека смотри на дверь черного входа в «Девять жизней». Если там появится написанное мелом матерное слово, значит, я вырвался — подходи к Джувзу, он скажет, что делать. Но будь аккуратна.

Если в течение двух дней матерного слова не появится, вали из мегаплекса. Деньги из тайника — считай, наследство.

И не поминай лихом».

Девушка застывшим взглядом смотрела на неровные строчки. Потом снова заглянула в конверт — там лежало четыре купюры по пятьсот и несколько мелких — по сто.

Деньги. Ей. И подробная инструкция, как не облажаться, даже

будучи совсем тупой. Айя осторожно убрала письмо обратно в конверт, а сам конверт положила на стол. Посмотрела на него долгим взглядом, потом моргнула и задумалась…

Керро стал первым человеком, который проявил о ней заботу. Настоящую. Первым, кому оказалось не всё равно, что с ней случится. Господи, да она думала, такого в принципе на свете не бывает! Все всё делают из соображений выгоды.

Даже в интернате среди корпоративной молодежи принцип «ты мне — я тебе» цвёл махровым цветом. Все эти дурацкие, вызывающие отвращение интриги, дружба то против одного, то против другого, попытки подольститься к третьему. Мелкие подставы и дрязги. Поэтому Айка со всеми была одинаково доброжелательна и одинаково неблизка. Знала — доверять нельзя никому.

И вдруг в чёрном секторе она знакомится с человеком, который рушит эту прописную истину. И картина мира трещит по швам, расползается, обнажая факт, который до этого казался не более чем фантастическим допущением из старых книг и фильмов. Идея о настоящем доверии, якобы выдуманная давно умершими писателями и режиссёрами, вдруг оказывается не совсем вымыслом.

Нет. Глупости. Так не бывает. У каждого поступка есть причина, расчёт. Альтруизм придумали до Первой Корпоративной ещё не вымершие тогда романтики. Но в реальном мире всё подчинено логике и выгоде. Вот только какая выгода мёртвому Керро в том, что живая Айя Геллан не попадет обратно в «Виндзор»?

Может, он нарочно написал ей это письмо? Знал, что ничего не случится, а она наверняка сунет нос в конверт и прочитает. Хочет манипулировать? Нет, как-то глупо. А для Керро глупость нехарактерна.

Значит, правда? Ему действительно не всё равно?

Айя вскочила и сделала круг по комнате.

Есть кто-то, кому не всё равно, что с ней будет! И не потому, что она ценный лабораторный образец. А… почему? Этот простой вопрос озадачил девушку до крайности. С новым знанием вообще оказалось очень непросто ужиться. Совсем непросто! Может, она что-то не так поняла? Айка снова взяла конверт, снова достала и перечитала письмо. Попыталась сосредоточиться, но шок от прочитанного по-прежнему был столь силен, что мысли не выстраивались в логические цепочки.

Девушка села обратно на диван и зажмурилась, не веря в случившееся. Так не бывает. В реальной жизни не бывает.

Надо срочно отвлечься. Забыться. А потом с холодной

головой обдумать всё снова. Айя взяла со стола оставленную ей Керро читалку и открыла последнюю из загруженных книг. Забыть про все. Почитать. Успокоиться.

* * *

Такой высокой стены мистер Эдтон не видел никогда в жизни. Да, собственно, много ли он видел высоких стен? Пожалуй, только ту, что окружала его… бывший его интернат. В той насчитывалось два с половиной метра.

А в этой… трудно навскидку сказать, сколько именно. Но выглядело ужасающе монументально.

— Джо, — просипел Аллан, — только погляди… тут… ручей…

Он стоял, упершись руками в колени, и пытался отдышаться. Пот градом катился по лицу, Ал раз за разом стирал его тыльной стороной ладони.

Джорж посмотрел в указанном направлении и с удивлением увидел, что из-под стены, действительно, бежит довольно широкий ручей.

— Это странно, да? — усмехнулся мистер Эдтон. Вид у него был совершенно полоумный, а лицо багровое от усталости, натуги и, видимо, гипертонии. — Нигде нет, а тут есть…

Спутник в ответ мрачно кивнул. Пока в секторе хоть как-то можно жить, люди его не покидают. А главная причина ухода — чаще всего именно отсутствие воды. Здесь же вода была! Но, ни людей, ни следов их присутствия.

— Я там тоже видел, — сказал Аллан, махнув рукой за спину. — Тоже видел…

— Да понял я, понял, — ответил Джо. — Идём. Нечего тут стоять. Охотники…

— А если никаких охотников нет? — вдруг спросил мистер Эдтон и поднял на собеседника воспаленные, все в красных прожилках глаза. — Что, если тут вообще никого нет? Ты сам погляди — ни души. И вода…

— Далась тебе эта вода! — вспылил Джордж. — Идём, нечего здесь стоять. Может, никого и нет, а может, вот-вот нам в задницы прилетит пяток-другой пуль.

— Я туда не пойду, — уперся Ал. — Не пойду! Там хер знает какая херня, которая мне на хер не нужна!

Его вопль перешел в истеричный крик, и Джо влепил другу пощечину.

— Чё ты, как баба-то? — удивился он. — У нас выбор, что ли,

есть? Ну, не хочешь идти, пиздуй обратно — делов-то. Я тебя не держу. Заодно проверишь — есть охотники или нет.

Мистер Эдтон сел прямо на землю и мелко-мелко затрясся от подступившего смеха:

— Джо, да включи же ты мозги! Здесь ни души. Прислушайся. А мужиков, которые нас сюда везли, видел? Ты обратил внимание на их лица? Они боялись сильнее нас! *Чего* они боялись, Джо? Они все из спецподразделения, им в переделку попасть, что поссать! Но ты видел, *как* они нервничали? Меня только со второго раза тросом обвязали. А чего им грозило в вертолёте?

— ПЗРК, — сухо ответил Джордж. — Хорош истерить. Ты идёшь или нет?

Ал обречённо кивнул. Он не хотел идти. Но остаться одному было ещё страшнее. Поэтому пришлось снова тащиться следом за напарником.

— Нет, Джо, что-то тут нечисто, — сказал Аллан в спину другу. — Да и шлюз этот! Замороженный комплекс, сказали они. Ваша задача — вынести модуль памяти, сказали они. Где ты видел, чтобы замораживали *такие* комплексы? А браслеты эти медицинские? Зачем их на нас надели? Для чего им постоянно передающийся на мониторы анализ нашей крови?

Джордж рывком повернулся к своему спутнику и сгрёб его за грудки.

— Если ты и дальше продолжишь нагнетать, я тебе рожу разобью, понял? — рявкнул он.

Аллан испуганно кивнул, забыв, что держит в руке пистолет и может просто пристрелить своего обидчика.

— Прости, прости, Джо, — торопливо залепетал он. — Прости.

Тот вместо ответа разжал пальцы и повернулся к высокой стене. Одна из калиток шлюза оказалась не запертой. Джордж потянул её, и округу огласил пронзительный скрежет ржавых петель.

* * *

— А мистер Эдтон не такой уж и дурак, — задумчиво сказал агент Ленгли. — Смекнул.

Эледа усмехнулась:

— Дурак на его должности вряд ли бы удержался. К тому же дурак не смог бы меньше чем за сутки спрятать следы пропавшей девчонки. Конечно, спрятал поверхностно — не рассчитывал на подробный анализ, но всё-таки… Слушай, а ведь правда

сопровождающие боялись. Я только сейчас сообразила.

— Я бы тоже боялся. Да и ты, да и вообще любой разумный человек. Вон, когда за год до подписания девяносто девятого случился бунт подопытных в биокомплексе, так все спецподразделения наотрез отказались его усмирять. Сказали, хоть под трибунал, хоть расстреливайте, не пойдем.

— И что? — подалась вперед собеседница.

— А ничего. С пониманием отнеслись. Ну, штраф влепили, конечно, но так, символический. А центр химией и радиацией залили в три слоя. Может, в автономных контурах что-то еще и пожило с недельку, но наверху ни одна бактерия не уцелела.

Пока они беседовали, две мигающие красные точки на карте продолжали движение к цели.

— Джед, а если этот истерик повернет назад? — спросила Эледа. — Надеюсь, ты предусмотрел что-то, мешающее ему вырваться из зараженной зоны?

— Мисс Ховерс, это предусмотрел не я, а стандартная инструкция. Никуда он не вырвется. Одно нажатие кнопки, и на медбраслетах активизируется инъектор, который введет дозу сильнодействующего яда. Беглец умрет раньше, чем долетит до земли. В какой-то степени это даже…

Его прервал щелчок селектора и голос начальника лаборатории:

— Джед, наконец-то, начинается интересное и для вас. Параметры крови уже полчаса как меняются, а теперь, судя по показаниям, вот-вот начнутся симптомы. Подопытные, правда, их еще не чувствуют, но скоро ощутят.

* * *

Дорогу до «Норы» он помнил хорошо и добрался без приключений.

На входе сказал крепким парням (чувствуя себя при этом довольно неловко), что пришел к Мэрилин. Один из ребят проводил его через служебные помещения к служебной же лестнице и сказал:

— Третий этаж, налево.

Рекс поблагодарил и стал подниматься.

Мэрилин стояла босиком на ступеньках и улыбалась. На ней был длинный тёмно-зелёный халат из струящейся невообразимо легкой ткани, накинутый поверх короткой тонкой сорочки.

— Пришел, чудо?

Рекс кивнул, чувствуя, что мучительно краснеет. Это

развеселило женщину ещё больше, она расхохоталась, взяла его за руку и повела за собой.

Комната в этот раз была другая. Тёмные стены, тёмный ковер на полу, массивная кровать, белоснежные простыни. Два широких кресла. Столик возле мини-бара.

— Раздевайся, — буднично сказала женщина.

Эти слова прозвучали и просто, и двусмысленно. Рекс скинул куртку, повесил на вешалку.

— И разоружайся, — Мэрилин покачала головой. — Откуда ты только взялся такой несуразный… Из белого сектора, что ли?

— Ну да, — кивнул собеседник, разуваясь.

Мэрилин плавала по комнате, зажигая свечи. Рекс стоял у порога и смотрел на нее, не в силах отвести глаз. Она двигалась так… это просто очуметь, когда женщина в таком халате идёт неспешно, с ленивой грацией, а летящая ткань одеяния струится следом и сквозь неё на просвет видно полуобнажённое тело…

Хозяйка почувствовала его восхищенный взгляд и оглянулась:

— Ты чего там замер?

Он покачал головой и ответил честно:

— Любуюсь.

Она приблизилась всё с тем же плавным изяществом и провела указательным пальцем по его скуле. Очень красивая женщина — светлые кудрявые волосы, темные глаза с длинными ресницами, тонкие брови уголком, родинка на щеке и тело… тело тоже очень красивое.

— Трудно тебе по жизни придется… — сказала Мэрилин тихо. — Балбес ты доверчивый. Не думал, что я тебя в ловушку заманить могла? Пришел бы ты, а здесь крепкие ребята с волынами. Или по пути где-нибудь. Головой-то хоть соображаешь иногда? Или совсем не научили?

Он хлопал глазами и, похоже, действительно не догадывался о возможности такого… внезапного расклада.

Женщина отошла и опустилась на кровать.

— Иди уж сюда, герой, — она похлопала ладонью справа от себя. — Друзья твои — не такие легковерные.

— У них опыта больше, — сказал Рекс, присаживаясь рядом.

— Цинизма, глупый. Цинизма у них больше, потому и развлечения жёстче, и кураж другой.

Мэрилин поднялась, встала напротив Рекса и повела плечами, заставляя халат соскользнуть на пол:

— Со временем станешь таким же. Если доживешь. Что с твоей наивностью — вовсе не факт.

Она легким толчком опрокинула его и села сверху.

— Хочешь совет? Бесплатный.

Рекс улыбнулся:

— Кто же откажется от бесплатного совета?

— Никому. Никогда. Не верь. Тогда выживешь.

Он положил руки ей на бедра, сдвигая тонкую ткань прозрачной сорочки:

— И тебе сейчас тоже?

Мэрилин запрокинула голову и рассмеялась:

— Быстро учишься. Но мне и именно сейчас — можно.

— Почему? — ладони Рекса скользили вверх-вниз по теплому бархатистому телу.

— Потому что сейчас у меня к тебе свой интерес. Это значит — мне выгоднее, чтобы ты был жив и невредим. Во-первых, за тебя просила Су Мин. Во-вторых, ты мне понравился. В общем, пока наши цели не пересекаются, от тебя живого и довольного мне пользы больше. Но если ситуация сложится иначе и мертвым ты окажешься полезнее, чем живым… — она запустила руки ему под футболку, — тогда не советую мне доверять.

* * *

Джордж с трудом втащил ослабевшего напарника в караулку. Того накрыло внезапно и резко, едва отошли от ржавой калитки. Сперва Аллан побледнел так, что губы сделались серыми, а потом замер, привалившись к ржавому ограждению. Джо подумал — от общего стресса сплохело, от пробежки, от переживаний. Но когда Ал стиснул ладонями голову и застонал, оседая на бетонные плиты, стало понятно, что стресс не при делах. От стресса у человека ни с того ни с сего не поднимается за секунды жар и не начинаются судороги. А у Аллана все лицо перекосило, руки вывернуло. Ну и горячий он был. Джо, пока пёр его, даже через одежду чувствовал, как повышается температура…

Жалкие сто метров бетонной кишки шлюза показались бесконечными. От усталости у Джорджа всё сильнее кружилась голова, затылок ломило, легкие раздирало от сиплого натужного дыхания. Ал весил чуть ли не центнер, напарник едва волок ослабшее вялое тело. Да ещё калитка, выводящая к КПП, совсем проржавела и еле открылась. У Джо мутилось сознание. Хотелось плюнуть на всё и просто упасть… Но ледяной ветер заставлял шевелиться, идти вперед, искать хоть какое-то убежище, чтоб, если и упасть, то не на бетонные плиты, а под защиту стен.

Он таки дошел. И Аллана доволок. Три ступеньки крыльца вообще преодолел одним рывком, толкнул дверь… Соседняя комната оказалась закрытой. Впрочем, Джо было всё равно —

навалилась внезапная апатия.

Кое-как устроив Аллана на полу, Джордж, наконец, привалился к стене, пытаясь отдышаться и переждать, пока перестанут плавать перед глазами чёрные круги. Но легче не стало. Наоборот, желудок скрутило, и Джо скрючился в остром приступе рвоты. А когда отпустило и сознание немного прояснилось, до него, наконец, дошло…

У Аллана не сердце и не стресс. Он был прав: никто их не преследует, а вокруг не просто мёртвый, а дважды мёртвый сектор — зона заражения. Нет ничего: ни Игры, ни охотников, ни возможности искупить вину. Нет и не будет спасения, прощения, возврата к прежней жизни. Корпорации они больше не нужны. Она забрала у них всё, что посчитала нужным, выжала, выпила, высосала досуха и напоследок употребила.

Наверное, та сучка из высших и её ублюдок-начальник сейчас смотрят на муки двух неудачников и смеются. Вот только хер им, а не реалити-шоу!

Джордж оскалился и с трудом вытащил из кобуры пистолет. Руки не слушались. Затвор получилось передернуть только с третьей попытки, предохранитель снять — со второй. Но он справился. Несмотря на слабость, несмотря на головокружение и озноб.

Ствол вдруг показался очень тяжелым… поднять его и прицелиться в друга было невыносимо трудно. А на слова прощания сил и вовсе не осталось. Да и какой смысл распинаться? Аллан в горячечном бреду вряд ли что-то поймет. Однако нажать на спуск ослабшие пальцы все же смогли.

Сухой щелчок бойка. Нет выстрела.

В этот раз передернуть затвор получилось с первой попытки, но потом ноги подкосились. И уже сидя на полу, с подступающей к горлу новой волной дурноты, Джо вдруг увидел вылетевший патрон, который оказался прямо у него перед глазами.

Взвыть от отчаяния сил уже не хватило. Джордж откинулся к стене и просто закрыл глаза. Возле него валялся патрон с непробитым капсюлем.

* * *

— Финал у фильма оказался до обидного предсказуемым, — Ленгли протянул руку к голокубу и отключил трансляцию.

— То есть досматривать до титров не будем? — насмешливо спросила Эледа, снова отвлекшись от чтения.

— Незачем. И так ясно, что главные герои погибли, — Джед

выбрал контакт в коммуникаторе и включил его на громкую связь.

Раздался оживленный голос начальника биолаборатории:

— Джед, мое почтение. Скажи, это можно будет повторить? У нас тут уже идеи возникли, какую аппаратуру вешать.

— В ближайшее время не рассчитывай, — умерил его восторг собеседник. — Но запрос на аппаратуру оформи, как полагается, и перекинь мне.

— Разумеется. Но какие данные, да еще и с посекундной разбивкой! Если бы сам не принимал, сказал бы, что всё полученное — чистейшая деза.

— Стоп, — прервал научника Ленгли, — сколько эти двое ещё протянут?

— Да четверть часа, не больше… — отмахнулся биолог. — Но *какие* данные! Мы на них два наших застопорившихся проекта продвинем! Вот не зря Дерека называли Гением, не зря!

— Как всё закончится, — Джед устало потер шею, — сразу высылай мне выжимку. Теперь по аппаратуре. Думайте, что вам необходимо, предложения озвучивайте в течение трёх дней.

— Понял! — ученый оборвал связь.

— На сегодня все, — сказал Ленгли Эледе и поднялся: — Можешь идти отдыхать. А я отправлюсь организовывать мероприятие по порче маленькой вредной девчонки. Часам к шести постарайся быть готовой, — он подмигнул ей и вышел.

* * *

— Нет, не будет из тебя толка, — сказала с грустью Мэрилин. Она лежала поперёк кровати, упершись подбородком в скрещенные руки, которые сложила на груди у Рекса.

— Что так? — спросил он, перебирая её волосы.

— Да ты какой-то… Не выживают такие у нас.

Рекс хмыкнул:

— Я первым буду.

Она вздохнула:

— Жизнь покажет. Главное — помни: здесь на тебя всем плевать. А если ты еще и чужак, то уже поэтому люди будут против тебя. Слабинку покажешь — вообще ничто не спасет. Понял?

— Понял, — улыбнулся он. — Никому не верить, держать лицо.

Она насмешливо фыркнула:

— С твоим лицом всё за километр ясно. Ты ведь не

картёжник, нет?

Рекс покачал головой.

— Оно и видно. У тебя все мысли на физиономии написаны, балбес. Уж в черном секторе с лица даже дети читать умеют. Запомни. Лицо и глаза выдают. Рожа должна быть каменной.

— Никому не верить с каменной рожей, — кивнул собеседник.

Мэрилин хихикнула, совсем как девчонка:

— Ну-ка, попробуй. Я посмотрю.

— Ты вот почему-то мне доверяешь. А вдруг я притворяюсь? — совершенно серьезно спросил Рекс. — Может, только кажусь таким наивным?

Она широко улыбнулась, а он старательно нахмурился, но ничего кроме нового смешка не дождался.

— Я тебе раскрою большой и страшный секрет, чтоб ты не расстраивался попусту, — шепнула Мэрилин ему на ухо. — Мужчина показывает себя истинного не только в перестрелках или делах, но и в постели. Поэтому ты тут хоть какую серьезную мину скорчи, я в твое коварство уже не поверю.

— Тебя не проведешь, — признал он.

— Просто я давно уже ушла из белого сектора. Из-под зачистки выскочила чудом, и вообще по-всякому помыкалась. А тебя, сразу видно, жизнь не била толком. Это плохо. Чем старше, тем больнее. Поэтому и говорю — доверчивым таким не будь и эмоции жестко контролируй.

— Я понял.

— Не страшно в белом секторе жить? — спросила женщина, снова ложась рядом так, чтобы он мог гладить ей спину.

— Не особо… — уклончиво ответил Рекс.

— Я бы не смогла… — её передернуло. — Корпы слишком близко.

— Иди сюда… — он притянул Мэрилин к себе, мягко поцеловал и сказал: — Спасибо.

— Ишь, какой галантный… — протянула она томно. — А руку поцелуешь?

— И руку тоже.

* * *

Есть женщины, которые обожают сюрпризы и различные приятные внезапности, женщины, которые млеют от широких жестов и поклонников, потерявших голову.

Эледа Ховерс относилась к другому типу. В людях она

ценила, прежде всего, ум, поэтому мужчин, внезапно глупеющих от избытка чувств, не уважала, а широкие жесты вызывали у нее снисходительную улыбку, поскольку за каждым широким жестом обычно стоял какой-то мелкий поганый расчётец.

Ну и, наконец, сюрпризы мисс Ховерс тоже терпеть не могла именно за их непредсказуемость и невозможность держать ситуацию под контролем. Вот почему сейчас Эледа тихо бесилась. Она сидела на кожаном пуфе и сердито дергала шнурки кроссовок.

— Батч, ты ведь знаешь, куда мы едем! — наконец, не выдержала девушка, глядя снизу вверх на невозмутимо стоящего у входной двери телохранителя.

Тот вместо ответа многозначительно повёл бровями.

— Я бы тоже была не прочь выяснить, к чему готовиться.

Мистер Фэйн остался непроницаем.

Эледа закончила обуваться, поднялась и смерила мужчину тяжёлым взглядом:

— Ты можешь сказать или нет?

— Готовься к отдыху, — ответил собеседник.

— К какому? Я даже не знаю, куда мы едем, — сказала она с раздражением.

— Едем на военный полигон.

— Хм… зачем? — озадачилась девушка.

— Слушай, не будь ты такой нудной! — не выдержал телохранитель. — Твой отец, когда узнал, зачем тебя Джед туда тащит, долго смеялся и просил не раскрывать секрет. Я и не раскрываю. Если хочешь знать, я тоже от ситуации не в восторге. Но приказ есть приказ. Готова?

Мисс Ховерс накинула короткую куртку, обмотала шею шарфом и сказала мрачно:

— Готова.

— Идем, Ленгли в вертолете заждался.

Эледа фыркнула.

* * *

Когда Винсент вышел от Су Мин, на улице стемнело. Сектор заметно опустел — люди потихоньку расходились. Кому сегодня повезло, тех ждал бар, кому не очень, те валили домой или в то логово, которое было для них домом, ну, а совсем неудачники готовились встретить очередную холодную ночь под открытым небом. Закон каменных джунглей — каждый сам за себя.

Винса же переполняла злая радость. Ленгли добровольно —

своими руками! — из чистой дурости и желания сорвать куш дал ему козыри. Плюс Керро вышел на связь ещё до того, как получил предложение от Су Мин. Одним словом, всё складывалось настолько удачно и гладко, что лучше и пожелать было нельзя.

Так, наверное, чувствует себя шулер, который ловко припрятал несколько карт в рукав, сумел закрапить ещё с десяток в основной колоде и вдруг получил на руки четыре туза. Осталось только взять последнюю пришедшую карту, подменить её на джокера и идти ва-банк.

«Там, на углу квартала, старый мусорный контейнер с нарисованной рогатой рожей. От него влево метров тридцать, и будет здание… ну, такое, с колоннами. Не пропустишь», — припомнил Винс напутствие Су Мин.

И вот он — ржавый бак с рогатой харей, а от него проулок влево — темный и вонючий, выводящий на соседнюю улицу. Рейдер шагнул в полумрак между двумя пятиэтажками.

Будь ты хоть трижды несуеверным, но если дорога на встречу сама ведет через Их место, глупо проходить мимо. Это умники из центральных секторов чистой зоны смеются над жестокой и наивной верой в Трёх. А те, кто ходит по периметру и немного за его пределы, — патрули, ГБР, гарнизоны пограничных секторов, — они отнюдь не случайно рисуют на воротах блокпостов, на стенах караулок логотип своей корпорации.

Корпораты кожей чувствуют насмешливые холодные взгляды с Той Стороны и отгораживаются от них своей принадлежностью к другому миру и другим правилам, которые за периметром (ха-ха-ха!) *не действуют*. Вот и призывают Корпоративный Дух, чтоб защитил, прикрыл, удержал удачу. Предрассудок. Глупость. Но когда часто рискуешь жизнью, становишься суеверным. Если же ещё и регулярно ходишь на Ту Сторону… Об этом не принято трепаться, но хотя бы раз в жизни подношение Трём оставлял каждый рейдер. А девять из десяти делали это регулярно.

Вонючий проулок вывел Винсента на старый проспект. С одной стороны здесь тянулся загаженный пустырь, некогда бывший, по всей вероятности, городским сквером, с другой чернели руины прежде красивых построек. А вот чуть в глубине от дороги, среди грязи и развалин, возвышалось почти нетронутое временем и людьми величественное здание с колоннами.

Оно.

Рейдер медленно пошёл вперёд.

Что тут было раньше, до Второй Корпоративной? Театр, наверное, какой-то. Удивительно, что не взорвали. Обычно в чёрных секторах уничтожают всё мало-мальски отличное от

однообразных руин. То ли живущим здесь людям так комфортнее — подстраивать мир под привычный безобразно депрессивный пейзаж. То ли хоть сколько-то вычурные строения представляют угрозу во время уличных войн. А может, старая красота и старое искусство просто бесят наследников своей недостижимой эстетикой. Хрен его знает. Но эта махина сохранилась не иначе как чудом или…

Винс огляделся по сторонам и отключил ночной режим очков.

«Под колонны заходи без ПНВ, — сказала Су Мин и пояснила: — Так на этом месте принято».

Ну, раз принято… Рейдер направился к колоннаде.

Здесь на полу стояли коптилки, сделанные из ржавых консервных банок, с налитой в них горючкой. Несколько щелчков зажигалкой. Фитили потихоньку занялись, озаряя тьму зыбким светом. Винсент поднял голову и… застыл. Прямо перед ним в слабо мерцающем полумраке проступило на стене изображение Трёх. Размышления оборвались сами собой.

С широкой замусоренной лестницы Винсент в немом изумлении смотрел на чёрно-белый рисунок. Уж в скольких секторах побывал, сколько всего повидал, но подобного не встречал нигде.

Обычно изображения Духов Улицы выполняли в стиле старых комиксов: яркие краски, множество похабных подробностей. Однако работа этого художника разительно отличалась.

Мрачная графика на неровной стене — техничная, высокопрофессиональная, явно сделанная рукой настоящего мастера: отрывистые линии, резкие штрихи, пятна и точки. Но, несмотря на минимализм цвета, удивительная правдоподобность, полное отсутствие вульгарности, и при этом — тонкий эротизм. Винсент пригляделся. Сделано не баллончиками. Баллончиками такого эффекта не добьешься. Похоже на рисунок углём или карандашом, хотя и то, и другое, конечно, невозможно. Загадка.

Трое неотрывно смотрели прямо на зрителя. Выражение их лиц было насмешливо-внимательным, взгляды пронзительными, а позы настолько живыми, что в зыбком свете коптилок легко можно было принять игру теней за движение тел. Винс шагнул ближе.

У подножия стены лежали мелкие подношения — патроны, гильзы, карты, пластиковые монетки, значки, резинки для волос. Рейдер вытянул из подсумка полный пистолетный магазин, положил на пол к другим дарам и, отойдя чуть назад, снова посмотрел вверх на изображение.

Фортуна улыбалась ему без ехидства. С едва заметной

иронией. Руки у нее, согласно общепринятому канону, были молитвенно соединены на груди. Однако всякий раз, у каждого художника это выглядело по-своему. На граффити одного пальцы переплетались, у другого ладони смыкались плотно, как в индийском танце, у третьего они могли быть стиснуты в кулаки, прижатые друг к другу. Здесь левую ладонь, сложенную лодочкой, накрывала правая, словно что-то пряча от зрителя. Одна из коптилок разгорелась ярче. Винсент пригляделся.

В бережно сложенной пригоршне Фортуны ничего не было. То есть художник ничего не нарисовал. Но, видимо, сквозняком подняло одно из подношений, после чего порывом ветра швырнуло на стену. Там оно и зацепилось за какую-то неровность, попав точно в руки старшей вершительнице судеб. Повезёт дарителю. Или уже везёт. И ведь не снимешь оттуда, не сдёрнешь (хотя вряд ли найдутся смельчаки) — слишком высоко. Винсент удивлённо смотрел на узкую алую ленту, такую яркую на фоне чёрно-белого изображения.

Однако! Рейдер хмыкнул, и, словно в ответ на его усмешку, налетевший сквозняк задул дрожащие фитильки, погружая колоннаду во тьму. Автоматически очки переключились в ночной режим. Винса пробрала короткая дрожь. В зыбком зеленоватом свете на стене проявилось второе изображение, сделанное спецкраской, видимой только в ПНВ. Почти то же, что и раньше, но…

Прицел Слепой в этот раз не был закрашен. Оптика хищно поблескивала, направленная точно на зрителя. Дурная стояла, по-прежнему призывно улыбаясь и задирая юбку… но в правой руке, слегка отведенной в сторону, сжимала заточку. А у Фортуны-Матери-Их на короткой цепочке свисали с запястья не то электронные часы, не то таймер…

Горло перехватило под откровенно злыми взглядами, и Винсент осторожно, будто на самом деле находился на прицеле у снайпера, попятился прочь.

* * *

Уже на улице Винсент зябко передернул плечами и порадовался, что уж его дар в руки Фортуне-Матери-Их ветром точно не забросит. А то ведь любовь удачи — штука переменчивая, плюс ироничная до безобразия. Думая так, рейдер шёл всё дальше по улице. Миновал очередной квартал. Людей становилось всё меньше, хотя очки в комбинированном режиме показывали и подсвечивали весьма далеко.

«Иди вперёд, пока я с тобой не свяжусь. После выполняй инструкции». И ведь не рыпнешься. Косяк на стороне Винсента, спасибо Ленгли. А значит, по неписаным правилам инициатива переходит к потерпевшей стороне, то есть к Керро.

— Отлично, что корейцев не взял, — костный наушник очков заговорил неожиданно, без разрешения на прием — вызывающий номер был в списке приоритетных на автоответ. — Метров через сто разбитая тележка продавца еды. Доходишь, поворачиваешься к ней спиной и смотришь тепловизором. Увидишь свечу. Дальше идёшь по стрелкам. Там сейчас никого нет, наблюдаю давно. Стоишь двадцать минут. Если не подхожу, валишь и ждёшь следующего контакта.

И, не дав ничего сказать, Керро оборвал связь.

Винс только зубами скрипнул. Если впереди засада, уйти не получится. И отказаться нельзя. Остаётся лишь выполнять указания и надеяться, что собственное мнение, сложившееся о Керро, равно как и характеристика, данная этому человеку Су Мин, не будут ошибочными.

Свеча под непрозрачным колпаком и первая стрелка.

Винсент с трудом сдержал порыв перевести очки в активное сканирование. Керро отлично знает возможности техники, его комплекс как минимум не хуже. И если это ловушка, то ему — Винсенту Хейли — не вывернуться. Что ж мысли-то по кругу ходят…

В конце концов, этот самый Керро запарится доказывать другим корпорациям, что Айя Геллан реально стоит пять миллионов. А Ленгли уже согласился, причем с ходу. Какой смысл херить взаимовыгодную сделку?

Вторая стрелка.

С другой стороны, Винсу ли не знать, что здравых смыслов в мире примерно по числу мыслящих голов. А уж здесь, в чёрных секторах, где каждый третий спятил давно, каждый второй — недавно, а каждый первый активно готовится…

Продолжая размышлять, рейдер, впрочем, не забыл убрать руки от оружия, оставив очки в режиме чистого ПНВ — никакого активного сканирования, всё передающее отключено.

Третья стрелка.

И в десятке метров от неё — развалины дома: комната с обвалившейся стеной, внутри небольшой костер и два весьма неплохих кресла. Рядом с костром — кучка горючего хлама. Столик пустой… пока? Рейдер вошел, однако садиться не стал. Радиосканер, конечно, не показывал близкой активности, но это, увы, ничего не значило. Камера могла быть и на оптоволокне. Винсент неторопливо, без резких движений взял пистолет-

пулемёт, достал магазин, передёрнул затвор, поймал вылетевший патрон и убрал в карман. Магазин вернул назад. Потом то же самое проделал с пистолетом. А вот револьверчик в кармане оставил, как есть. Вежливость вежливостью, но последний козырь на то и последний, чтоб можно было им воспользоваться.

Садиться Винс не стал, отошел к противоположной частично сохранившейся стене, которая прикрывала от ветра и которую почти не освещал свет маленького костерка.

Керро вырос из полумрака, будто из воздуха материализовался, и, уже не скрываясь, приблизился к месту встречи. Возле провала в стене, заменяющего дверной проём, так же демонстративно выбросил патроны из патронников и убрал в карман. Хотя наверняка, как и у Винсента, у него что-то да осталось про запас.

— Чего не садишься? — спросил рейдер гостя.

— Не знаю, какое из мест хозяйское, — отозвался тот.

— Расслабься, — Керро сел и кивнул собеседнику на второе кресло. — Сюда только один путь, и внезапных посетителей там уже ждет сюрприз на боевом взводе. А путей отхода три, — ответил он на молчаливый вопрос.

— Серьезно. И тебя хотели взять киборгом… — Винсент покачал головой: — Убеждать не буду, но…

— …Но железяка не твоя, — продолжил за него Керро. — Я знаю. Ты её мог получить только через корпус рейдеров. А там не забыли бы затереть малый логотип. Ваши так не лажают.

— Да. Тогда по Айе Геллан. Твоя цена принята, деньги будет паковать корпус рейдеров по чистому варианту с нашими метками. Что подстраховка у тебя есть, я уверен, поэтому подставы не будет. Твои предложения по обмену?

— Через день. Смотри…

Керро развернул карту — бумажную карту! это ж надо быть настолько параноиком — и начал объяснять план обмена. Толково, ничего не скажешь. Обе стороны получают максимальную безопасность, а заодно в случае проблем — возможность отступить. Когда собеседник договорил, в голове Винсента окончательно оформился план действий.

— Почему обмен не завтра? И, кстати, как она?

— Нужно кой-чего подготовить для безопасности сделки. А она… — Керро замолчал, подбирая слова, — так себе. Почти всё время в ступоре. Но за день не помрёт.

— Понятно. — Винсент на секунду прикрыл глаза, выдохнул и спросил: — А как ты относишься к дополнительному заработку?

* * *

— Ты не любишь сюрпризы, я знаю, — сказал Джед перед дверью в воротах огромного то ли ангара, то ли корпуса. — Но этот, надеюсь, всё же оценишь.

Эледа посмотрела на него выжидающе.

— Не томи, — сказала она устало. — Сначала вертолет, потом секретный периметр, электромагнитные рамки, три фильтрационных зоны, одноразовый пропуск с зашифрованным кодом доступа, это вот твоё «она со мной» на каждом повороте… Сюрприз по любому удался, Джед. Сегодняшнее свидание я запомню на всю жизнь, можешь быть уверен. Так меня еще никто не изводил скукотой и бездарной потерей време…

Он не дал ей договорить — наклонился, поцеловал.

— Не будь занудой. Приключения ждут. Последняя просьба. Закрой глаза.

Девушка с раздражением выдохнула, но всё-таки зажмурилась. Почувствовала, как спутник осторожно берет её под локоть, помогая переступить порог, после чего ведёт коротким то ли коридором, то ли тамбуром и, наконец, шепчет, наклоняясь к самому уху:

— Теперь смотри…

Когда Эледа Ховерс открыла глаза, то смогла издать лишь судорожный вздох. Несколько мгновений Джед наслаждался ее остолбенением, а потом спросил с улыбкой:

— Так и будешь стоять? Гулять не пойдешь?

Девушка смотрела на него потрясенно:

— Как…?

— Мы живем в прозрачном мире, особенно для тех, у кого рентгеновское зрение. Иди. Это секретная экспериментальная база. Но то, что ты видишь, создано специально для тебя.

Было заметно, что Эледа с трудом пытается подчинить себе распирающее её волнение, а вместе с ним детский восторг и нетерпение.

— То есть… я могу… просто погулять?

Джед улыбнулся:

— Для этого трудилось несколько сотен человек. Да ты не просто можешь, ты *должна* погулять.

— А… а ты пойдешь со мной? — спросила собеседница, хватая его за руку.

— Нет, — Ленгли покачал головой. — Во-первых, я не являюсь таким страстным поклонником старых фильмов, во-вторых, мне нужно сделать пару звонков. С тобой пойдет Батч. Наслаждайся. И ничего не бойся. Вокруг тебя лишь иллюзия. Высокоточная и подробная голограмма. Здесь ничто тебе не навредит. Иди, — он легонько подтолкнул её в спину.

И Эледа Ховерс сделала неуверенный шаг вперед — в свою детскую мечту.

* * *

На Пандоре стояло раннее утро. И впереди, раскинув могучие ветви на фоне розовеющего неба, возвышалось Дерево Дома. Мисс Ховерс шла через просыпающиеся джунгли, боясь нарушить очарование иллюзии.

Маленькая Эледа впервые посмотрела «Аватар» (тогда еще третий сиквел) лет в восемь, да и то по совершеннейшей случайности. Сама уже не помнила, как наткнулась на него в Сети. Потом нашла древний оригинал. А затем долго плакала, от горечи, что фильм — выдумка, что ни таких растений, ни таких гор, ни, тем более, аноbтаниума, в реальной жизни не существует. Ее не смутила жестокость ленты, потому что она понимала, чем эта жестокость обусловлена. Аноbтаниум стоил жертв. Хотя Пандора была прекрасна…

После просмотра юная мисс Ховерс изложила за ужином подробный бизнес-план по правильной добыче аноbтаниума, максимально щадящей экосистему планеты. По словам отца, проект вышел поумнее режиссёрского.

А всё потому, что ей хотелось не только добывать, но и *изучать*. «Наверняка, кроме этого минерала, там была еще уйма всего полезного. И это даже без учета экотуризма», — рассуждала девочка. И родители серьезно кивали. Восемь лет спустя она изложила тот же план, только доработанный и расширенный, в выпускной бизнес-работе и получила высшую оценку.

Но, несмотря на прагматичный подход к фантастической идее, Эледе по-прежнему больше всего на свете хотелось попасть на планету, где неистовое буйство красок компенсировало отсутствие удобств цивилизации, где природный хаос соседствовал с гармонией… Огромный мир, неизведанный и прекрасный.

Что-то заставляло её мучительно тосковать. А что именно, она не могла объяснить. То ли мечта полетать на икране, то ли сожаление, что ей, несмотря на все родительские деньги, никогда не побывать в месте, подобном созданному режиссерской фантазией.

Но вот она — Пандора. Вокруг.

Глянцевые листья реликтовых папоротников, косматые бороды мха, свисающие с переплетённых лиан, заросли неведомых растений… И невесомые, торжественно парящие в

воздухе семена священного дерева.

Эледа всё-таки не удержалась — протянула руку, понимая, что пальцы просто пройдут сквозь пустоту. Однако невесомое семечко ускользнуло, не позволив случиться разочарованию. Девушка рассмеялась и побежала вперед. Джунгли расступались. Мелькали высокие травы, огромные листья кустарников и могучие стволы гигантских деревьев, по широким веткам которых скользили гибкие синие тени.

Плевать, что это лишь иллюзия, создаваемая под чужую блажь, плевать, что где-то за множеством мониторов сейчас сидят операторы, тщательно следящие за развертыванием голограммы, за нюансами демонстрации и за тем, чтобы человек, окруженный проекциями, не влетел со всего разбегу в стену. Эледа бежала.

Мелькали тенистые заросли, тянулись из земли мощные корни, издалека доносился шум водопада, чаща кричала, шептала, рычала, отзывалась множеством звуков…

А вот и полянка с удивительными растениями, закрученными в светящиеся воронки. В фильме Джек Салли коснулся одного такого, и… Эледа потянулась к сияющему лепестку, уже зная, что произойдет. Широкий завиток с громким шелестом свернулся, прячась в заросли мха. Один, потом ещё один, и ещё, друг за другом.

— Батч, сейчас будет танатор! — закричала девушка в восторге.

* * *

Винс как раз вышел к зданию с изображением Трёх, когда увидел возле колоннады Су Мин.

— Как прошла встреча? Моя помощь ещё нужна? — спросила кореянка. Тройка её прикрытия рассредоточилась неподалёку — спрятаться от тепловизора на пустой улице они даже не пытались. — Кстати, два из четырех устройств сегодня пришли. Можно сказать, авансом.

— Почему же авансом? — Винсент приобнял девушку и поцеловал в висок. — Главной цели я ещё не достиг, но ваша помощь была более чем ощутимой. Так что просто промежуточная оплата. Пойдём потихоньку?

— Да, — Су Мин развернулась и, увлекая за собой мужчину, направилась вверх по улице. — Так ещё помощь нужна?

— Коды, — одними губами сказал рейдер и тут же почувствовал, как в руку, за которую его держала спутница, скользнула тонкая пластинка миниатюрного чипа.

— Я вот о чём думаю, — как ни в чем не бывало продолжил говорить Винсент, — Керро же с кем-нибудь из местных цифровиков работает? И, наверное, не самым худшим?

Он сделал вид, что повыше застегивает молнию на куртке, и одним неуловимым движением спрятал полученный чип во внутренний карман.

— Конечно, — кореянка усмехнулась. — Совсем не с худшим. Он Цифрыча подвязывает.

— Чем этот Цифрыч занимается? Ну, так, в общих чертах.

— В общих чертах? Если по мелочи, то аренда радионепрозрачной комнаты, проверка на жучки всякой аппаратуры, продажа разных приблуд и девайсов. А если по-крупному, то про такое не распространяются. Но что занимается и серьезными делами, точно знаю.

— Надо бы с ним пообщаться, — сказал задумчиво рейдер. — Организуешь?

— Легко. Вызовем куда или к нему?

— Лучше к нему. Посмотрю, чем дышит человек. А там, может, чего полезного расскажет.

— Посмотришь? Тогда идем, — Су Мин неизвестно чему развеселилась. — Но Керровы лежки он вряд ли знает. И выследить не поможет.

— Всё равно пока делать нечего, остается ждать. Так что пообщаемся. Вдруг на руку окажется.

* * *

Ситуация бесила Батча с самого начала. Будь дело только в сентиментально-романтических порывах Ленгли, положить на них болт и добиться отмены этого паскудного «аттракциона» не составило бы труда, но… Но отец Эледы одобрил подготовленное для дочери развлечение, а против нанимателя идти было нереально. Ну, то есть реально, конечно, но только если собираешься искать новую работу.

Хорошо хоть дали достаточно времени на подготовку, да и спецов своих мистер Ховерс подключил оперативно — со всем необходимым помогли быстро, сработали чётко. В течение часа подготовили пакет программ, общую сводку по возможным опасностям голограмм, а также инфопакет с описанием полигона и ключевыми контактами его руководства.

Но, тем не менее, и врагу не пожелаешь работы в таких условиях. Батч, когда увидел, даже выругаться не смог — слова в горле застряли. Только подумал: «Жо-о-опа…» И всё.

Реальные объекты от проекций можно было отличить исключительно в тепловизор. Активное сканирование показывало что угодно, кроме реальности… А главное, любой мудак под изотермической накидкой ярко-зелёного цвета становился в этих условиях невидимым и мог без труда подобраться почти вплотную. Тогда как Батч заметил бы его только после первого выстрела.

Одна радость — счастливая Эледа носилась по ангару абсолютно хаотично, а искажатель ИК силуэта Батч на свою подопечную успел нацепить до того, как она рванула покорять инопланетные джунгли. То есть, если где-то здесь затаился убийца, то в его тепловизоре и цель, и телохранитель выглядят одинаково. Так что придется или смотреть сквозь голограммы, или стрелять наудачу.

Как же не хватало Винса! Работай они сейчас вдвоем, шанс, что первый выстрел попадет в Эледу, был бы один из трёх, а не один из двух. Да и в целом, на пару проще.

— Батч, сейчас будет танатор! — закричала рядом Эледа в восторге.

Телохранитель про себя подумал: «Ёп». И приготовился к худшему. Как оказалось — не зря.

В очках вдруг замерцало ярко-красным сообщение программы-сканера: «Обнаружен эффект Дерека!» И тут же запустился обратный отсчёт времени. Десять минут нахождения в зараженных мозговым червём полях — минимальная опасность. Пятнадцать — средний риск. Двадцать — гарантированная кома.

В этот момент Эледа круто развернулась и рванула в противоположную сторону, Батч понёсся следом, на бегу стремительно нажимая на очках комбинацию кнопок «Покушение». Сигнал тревоги отправился отцу Эледы и старшему его безопасности, а вся информация с камер и микрофонов — по выделенному каналу на сервера сто одиннадцатого сектора. После этого Батч переключил комплекс в режим коммуникатора.

Первый номер: смена операторов.

— Выводите нас! Быстро!!! — несмотря на бег, приказ был отдан коротко, четко и безапелляционно.

Отбой.

Второй номер: цифровая безопасность.

— Эффект Дерека!!!

Рядом визжала от восторга Эледа, с азартом улепетывавшая от невидимой и, в общем-то, неинтересной Батчу виртуальной опасности. Операторы виртуозно направляли девушку к выходу.

Телохранитель нёсся следом, на ходу отключая на очках индивидуальное распознавание по сетчатке глаз. Хрен знает,

поможет или нет, но на девятой минуте, если их ещё не выведут, наденет на Эледу, чтобы могла уже напрямую побежать к дверям. Ангар не настолько велик, должна успеть.

* * *

Закрывая лицо от веток, перепрыгивая через корни и ямы, Эледа в неописуемом восторге неслась прочь от черного шестиногого хищника. Рядом ломился Батч в образе хвостатого на'ви, но, даже несмотря на удачную проекцию, присутствие телохранителя, конечно, немного сбивало эффект погружения. На какой-то миг Эледа даже пожалела, что взяла его с собой. Одно дело, когда он ходит по пятам на улице или в офисе — это нормально и привычно, но здесь совсем не вписывается в концепцию. Хотя хвост ему, в общем-то, шёл.

Треск ломающихся кустов за спиной стремительно приближался, Эледа припустила ещё резвее — настолько правдоподобной была голограмма. Но в тот момент, когда сзади раздался оглушительный раскатистый рык, девушка… вылетела из джунглей Пандоры прямиком на ярко освещенную прожекторами площадку перед ангаром.

Батч уже не был синим и полосатым, хвост у него тоже исчез, и Эледа с сожалением остановилась, тяжело и прерывисто дыша:

— Блин… — сказала она, упираясь ладонями в колени. — Чего так резко-то? Блин!

И увидела: Батч заслонил ее собой и стоит, собранный, готовый к бою, так, что между ним и киборгом Джеда оказался сам Джед. Последний, кстати, выглядел совершенно обескураженным.

— Если вдруг начнется, отходи за угол ангара, пытайся добежать до КПП или любого места с видеонаблюдением, — сказал телохранитель своей подопечной, не отводя взгляда от Ленгли и его железяки. — В ангар не суйся ни в коем случае. Твой отец в курсе, помощь уже идёт.

Девушка, ошарашенная внезапной сменой приоритетов, ответила коротко:

— Поняла.

И встала так, чтобы широкая мужская спина закрывала её от опасности.

Джед замер, не пытаясь ни приблизиться, ни отступить. Держался он подчеркнуто спокойно. Вот медленно поднял руки в примирительном жесте и негромко, но предельно вежливо сказал:

— Мистер Фэйн, я понимаю, как данная ситуация выглядит

на первый взгляд, но предлагаю сохранять спокойствие и доверие. Начнем с меня, — агент Ленгли всё так же медленно развернулся к своему киборгу. — Ступай в сектор технического обеспечения, по приходе отключи питание. Код подтверждения восемь икс двадцать.

Железная махина развернулась и размеренно зашагала к зданиям технической службы. Телохранитель мисс Ховерс тем временем вытянул из дужки очков ларингофон и, прижав его к горлу, начал что-то беззвучно говорить.

— Батч, — мягко окликнула его Эледа, но мужчина жестом попросил подождать. Она замолчала.

Ленгли стоял по-прежнему неподвижно, держа руки на виду, чуть разведенными в стороны.

— Знаешь, — сказал он, — а ты и впрямь была права. В ряде ситуаций люди действительно превосходят киборгов.

В этот момент коммуникатор Эледы пискнул, извещая о получении сообщения высшего приоритета.

«На тебя только что было совершено покушение. До утра полностью подчиняешься Батчу. Повторение маловероятно, так что заверши необходимую расследовательскую мутотень, но по первому требованию Батча уходи. С последствиями разберусь. Папа.

P.S. Проследи, чтобы ему дали время и возможность восстановить защиту от несанкционированного доступа.

Эледа перевела глаза с экрана коммуникатора на Джеда. Взгляд ее был тяжелым и задумчивым.

* * *

Забавно, но за три дня, проведенных в секторе, Винсент всего третий раз пришел в высотку связистов. Но сегодня внутрь он попал не через главный вход, а через черный, к которому вывел правильно захламленный переулок. Винс не приглядывался, но кожей чувствовал, что переулок просматривается с верхних этажей и держится под неусыпным контролем. Да и в здешнем хламе наверняка таилась пара-тройка неприятных сюрпризов для любопытных чужаков.

Заканчивался путь тупиком, точнее, торцом высотки с мощной дверью, снабженной кодовым замком. Су Мин быстро набрала нужную комбинацию, что-то сказала на корейском в микрофон, и лишь после этого дверь открылась, издав легкий щелчок.

Просторный, чистый, хорошо освещенный холл. Лифт. Все

весьма достойно, но скромно, без шика и лоска. Подъем на нужный этаж занял буквально несколько секунд. На выходе снова ждал короткий коридор, заканчивающийся очередной внушительной дверью.

Су Мин провела указательным пальцем по сканеру, затем повернула голову и посмотрела куда-то в угол слева от двери. Мелькнула короткая вспышка — створка начала медленно открываться.

— Добро пожаловать в блок квартирантов, — улыбнулась девушка своему спутнику. — Не представляешь, как цифровиков дисциплинирует жизнь рядом с операторами связи. А у нас, в случае необходимости, отличные кадры под рукой.

Винс хмыкнул. Они прошли еще несколько шагов вперед по обычному коридору обычной обжитой высотки — облезлому и стрёмному. Су Мин толкнула кирпич, валяющийся на полу, после чего сказала в пространство:

— Цифрыч, гостей принимаешь?

С полминуты ничего не происходило, а затем в глухой, казалось бы, стене открылся узкий проем. Кореянка без колебаний шагнула внутрь, а за ней, пригнувшись, вошел и Винсент.

Капец, накурено… Аж дыханье спёрло. «Посмотрю, чем дышит человек?» — смотри! Только глаза режет. Ну да, окон-то нет, вытяжка хилая, поэтому сизому дыму, висящему в тесном логове, деваться некуда — разве только впитываться в стены, одежду и более чем скромные предметы обстановки.

Хоть дыхалку надевай.

На широком столе, кстати, настоящем — офисном, а не сколоченном из хлама, стояла разнообразная техника: мониторы, черная панель проектора, голограммер, голографон, голокуб, массивный модуль памяти, ещё какая-то хрень. Все это было включено, мигало индикаторами и всячески фонило. А в удобном кресле напротив обвисал сутуловатый тощий парень в татуировках и с воспаленными не то от дыма, не то от бессонницы глазами. Справа от него на столе стояла грязная кружка, доверху забитая окурками.

— Хой, Цифирь! — Су Мин остановилась у входа, а Винс по инерции проскочил дальше. — Знакомься, это — наш уважаемый гость и коллега из двести четвертого…

— Наслышан, — парень сделал пару жестов над панелью голограммера, и над столом всплыла проекция: Винсент на входе в «Хризантемы» прикрывается вырубленным негром, а рядом стоит улыбающаяся Су Мин. — Зачётно выступил, чувак, респект. Так чего надо?

Рейдер шагнул вперед и показал парню короткую записку: «Ты очень боишься прослушки».

— Если че, я с плохо знакомыми не работаю, заводится от них всякое… нехорошее, — сказал парень и чуть заметно кивнул.

— А моей рекомендации мало? — Су Мин откровенно забавлялась происходящим. — Давай так договоримся. Если гость останется доволен, год платишь нам полцены. Ну и, если жучков так боишься, я к тебе бригаду уборщиков потом пришлю. Устроит?

— Не… лучше пару уборщиц, а в «Нору» за ними я и сам зайду, — типа пошёл на попятную хозяин, после чего взял со стола планшет и кивнул Винсенту в сторону неприметной двери, а кореянке сказал: — Только ты, красивая, уж будь ласкова, снаружи подожди.

Когда за гостем и хозяином логова закрылась очередная дверь, очки рейдера сразу показали полное отсутствие радиофона.

— Что ж не потребовал оружие сдать? — спросил для завязки беседы Винс.

— Раз ты с ней, то незачем. Меня грохнуть — дело нехитрое, можно обойтись и без этих выебонов с записками. Так чё надо?

— Комп на раз, и чтоб с него гарантированно не смогли снять инфу после использования. Чёрный одноразовый адрес. Выход в общую сеть, минуя связистов, без возможности перехвата.

— Цены знаешь? — поинтересовался парень.

— Не знаю и знать не хочу, — рейдер вытянул из кармана куртки банковскую упаковку сотенных. — Проверяй.

— Найду фальшивки, спрошу с твоей подруги, делов-то, — пожал плечами хакер, даже не притрагиваясь к деньгам. — Компы там, — он кивнул на три коробки, стоящие у стены, — выбирай любой. Коммуникационных модулей нет ни в одном. Гарантия такая устроит? — он вытащил из ящика облезлого стола увесистый молоток и термитную шашку. — Только жги на улице.

— Сервис на все сто, — похвалил Винсент.

— Ненавязчивый, ага, — кивнул парень. — Когда нужен адрес и выход?

— Сегодня вечером.

Не говоря ни слова, Цифрыч включил планшет, немного повозился и повернул экран к гостю.

— Щелкай. Одноразовый коммуникатор для прямой отправки на спутник дам снаружи, здесь не держу. Отойдешь на километр, никто не поймает. Разве что беспилотник строго сверху пролетать будет. Но это уже не в моей компетенции.

— Сервис на все сто, — повторил Винсент, сохраняя на очки

время прохода спутника и адрес, — добавь к счету час аренды этой комнаты.

— В выданное укладываешься. Ударно потрудиться.

Только после этого хакер сгреб со стола пачку и вышел, оставляя гостя наедине с его делами.

* * *

Айка валялась на животе, упершись локтями в диван, читала книжку и болтала ногами. Сама того не ожидая, она по-настоящему увлеклась. Это было такое счастье — просто почитать лежа, в одиночестве. Не за ученическим столом и не на стуле, как в интернате, а безмятежно кувыркаясь туда-сюда по дивану, то забиваясь в угол, то вытягиваясь во весь рост, закидывая ноги на подлокотник или спинку.

Книжка, которая была на середине открыта у Керро в читалке, оказалась забавной. «Хроники диверсионного подразделения» — про подготовку взвода корпоративных рейдеров-ниндзя. *(Кстати, тем, кто любит посмеяться, книга Вадима Артамонова «Хроники диверсионного подразделения», которую читала Айя, тоже понравится)*. Айя хихикала, иногда смеялась. Ей было хорошо. Просто хорошо. Она почти дочитала, когда в замке прошелестел пластиковый ключ-карта.

Капец. А она лежит. До отбоя!

Рефлексы, вбитые интернатской дисциплиной, сработали мгновенно: книжка отправилась за диванную подушку, девушка вскочила. Однако увидела стоящего в дверях Керро и сказала, запоздало проникаясь обстановкой:

— Блин. Чё ж я так туплю-то…

Мужчина в ответ только чуть зевнул и скинул куртку:

— Чему б толковому вас так в интернате учили.

Айка достала из-за подушки читалку:

— Ага. Как ты сходил? Лучше, чем утром?

— Намного, — ответил рейдер и пояснил: — За наш план нам же ещё и платят. Сверх основной суммы.

— Расскажешь? — спросила девушка, садясь обратно на диван. И сразу перебила сама себя: — Есть будешь?

Керро посмотрел на неё, словно с секундным сомнением.

— Нам… мне платят за обстрел машины, — он усмехнулся, — платят за то, что я собирался делать сам и на свои.

Собеседница удивилась:

— С чего вдруг такая щедрость? И зачем им обстреливать самих себя?

Она даже не заметила, что представители корпоративного сектора стали для нее «ими». Чужаками.

Тем временем Керро снял оружие и завозился с липучками бронежилета.

— Не хочешь услышать ложь, не задавай вопросов, — он скинул броник и плюхнулся в кресло. — Какие-то внутренние интриги. Дело обычное. Обстрел хотят всерьёз. Гарантии, чтоб ничего «такого» не вышло, полчаса обсуждали.

Девушка пожала плечами:

— Ну, раз всерьез… Так ты есть будешь?

Керро зевнул, уже не скрываясь, и с легкой иронией спросил:

— Откуда такая забота?

— Ты устал, весь день где-то ходил. Возможно, голодный, — ответила она, потом замешкалась на мгновенье и поинтересовалась осторожно: — Раздражает?

— Непривычно, — пояснил собеседник.

Айя ответила как-то очень задумчиво:

— Согласна… — и так же задумчиво, глубоко уйдя в какие-то свои мысли, добавила: — Иди в душ. Я пока со здешними запасами разберусь.

На долю секунды повисла тишина. Слишком внезапная и плотная. Керро, снимавший ботинки, отчего-то вдруг застыл, впрочем, мгновенно отвис и продолжил дёргать шнурки.

— Да уж, давно пора, — сказал он. — Дни суетливые вышли.

Затем, словно чуть неуверенно, стянул толстовку, расстегнул ремень, стащил штаны и ушёл в ванную. Пистолеты-пулеметы так и остались висеть на спинке кресла, а куртка с дерринджерами — на крючке.

Будь Айя чуть более сообразительной или чуть менее сосредоточенной на своих мыслях, а может быть, живи она в черном секторе хоть на пару дней дольше, она бы поняла, *что* сейчас произошло. Керро оставил свое оружие в комнате. *Всё* оружие.

Но в действительности девушку поразило другое. Она размышляла над тем, как человек, которому чужая забота подозрительна и непривычна, может совершать добро бескорыстно, без всякой причины? Насторожился, когда ему всего лишь предложили поесть, а сам, не моргнув глазом, оставил две тысячи кредов посторонней дурёхе.

Айя размышляла над этим, когда лезла в кладовку, где хранились запасы еды (которая, как вода, электричество, тепло и другие блага, была вписана в общую стоимость номера); размышляла, когда накрывала на стол и раскладывала разогретую еду по тарелкам; размышляла, когда выбрасывала

опустевшие консервные банки в мусорное ведро… А потом она, наконец, обратила внимание на оставленное Керро оружие, медленно опустилась на краешек кресла и уставилась на компактную кобуру игольника.

Керро в полотенце вышел из ванной почти через полчаса, и первым делом окинул номер быстрым взглядом, оценивая обстановку и отыскивая глазами Айку. Та сидела возле накрытого стола, по-прежнему очень задумчивая. Рейдер брезгливо сбросил с кресла грязную одежду и сел:

— Звиняй. Не так часто удается помыться.

Девушка подвинула к нему тарелку.

— Ешь.

Она медленно жевала, не чувствуя вкуса еды, и думала — сказать или нет, что прочитала письмо, поинтересоваться или нет, почему он его написал? Вроде бы ответ очевиден — ему не всё равно. Непонятно другое — *почему* ему не всё равно? В мире, где всем на всё плевать. Почему? Она ж его явно подбешивает. Так почему же, чёрт?!

Нет, не будет она ничего спрашивать. Во всяком случае, не сегодня.

К сожалению, Айя не могла придумать темы для разговора. А Керро, вполне очевидно, не собирался болтать. Поэтому в комнате висела тишина.

В молчании поужинали. Девушка убрала со стола посуду, вымыла её в ванной, а когда вернулась, Керро уже лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

Айя выключила свет и зашуршала одеждой. Что же тревожно-то так? И внутри всё мелко-мелко дрожит. Видимо, бремя доверия тяжелее бремени безразличия.

Стало вдруг одиноко и страшно.

Она села, прислушиваясь к темноте. Спит Керро или нет? Дышит вроде ровно. Девушка отбросила одеяло, поднялась, медленно приблизилась к его кровати и замерла, переминаясь с ноги на ногу. Если он дрыхнет, то, пожалуй, спросонья может, не разобравшись, влепить. А рука у него тяжёлая…

С другой стороны, спать он должен чутко. Привычка же и всё такое. Айя осторожно присела на край кровати.

— Керро, — тихо позвала девушка. — Ты ведь не спишь. Чего тогда затаился?

— Спугнуть боюсь, — рейдер повернулся и притянул её к себе. — Разных видел, но таких зашуганных — никогда.

* * *

В реальной жизни всё не так, как в кино. Вроде бы каждый это знает. Тут нет дублеров, нет возможности сделать монтаж, переснять, выбрать иной ракурс. И пусть Айе хотелось быть по-кинематографичному соблазнительной, она понимала, что на деле окажется неловкой и стеснительной. Да еще эти патлы рыжие, ссадины по телу, синяк на лице…

И, пока она шла свой самый долгий и длинный путь — пять шагов от дивана до кровати, она успела подумать обо всём. И в первую очередь о том, что у воспитанницы восемнадцатого интерната Айи Геллан нет даже крохотного опыта в интимных делах. А что там было за спиной у биоматериала лаборатории «Мариянетти» — оставалось только гадать. Твою ж мать! Она ничего про себя не знала. Поэтому внутренне содрогалась от неизвестности.

Пять шагов. Пять! Конечно, можно было их не делать. Керро ведь ничего не ждал, и она ничего ему не обещала, ни на что не намекала. А возникшего между ними доверия вполне хватало для сотрудничества. Но… почему-то одного лишь сотрудничества Айе теперь не хотелось.

Пять шагов. Пять секунд, когда от страха быть или отвергнутой, или принятой бросало то в жар, то в холод. Впрочем, Айя надеялась, что человек, написавший письмо, которое она сегодня перечитывала, не сможет безо всякой на то причины поступить с ней жестоко. Только эта мысль и помогла сделать последний решающий шаг.

А потом она топталась возле кровати и думала, что ответить, если Керро спросит, с чего вдруг ему такая ласка. Он ведь может спросить. С него станется. Что тогда сказать? Наверное, правду, что она ему благодарна. А поскольку слова не стоят ничего…

Но Керро не спрашивал. Молчал. И не спал при этом. То ли ждал, когда девушка передумает и уйдет, то ли, наоборот, давал ей время решиться. Наконец, собравшись с духом, Айя присела на краешек его кровати и заговорила-таки. Надо ведь ей знать, чего он затаился, хотя слышит её возню!

И вдруг совершенно внезапно получилось… как в кино.

Керро был теплый. И ласковый. Айя прижималась к нему, чувствуя, как гулко и часто колотится сердце. Сами собой забылись и веснушки, и ссадины, и синяки, ушёл стыд. Во рту пересохло. Сердце громыхало всё громче, и громче, и громче, и… В какой-то миг Айя захлебнулась собственным вдохом.

А затем судорожно переплетенные объятия распались. Накатила сонная усталость. Сделалось зябко. Девушка плотнее прижалась к мужчине, а потом и вовсе перебросила через него руку и ногу. Лежать так оказалось неожиданно уютно. Айя

уткнулась носом в теплое плечо и пробормотала:

— Спасибо…

Ей не пришло в голову, что такая благодарность звучит, по меньшей мере, странно, если не сказать больше.

Но Керро спокойно ответил:

— Обращайся.

И в голосе слышалась улыбка.

День шестой

Пуля виноватого найдёт.

Егор Летов

— Знаешь, Батч, а ведь ты третий, — сказала задумчиво Эледа, когда они уже подходили к дверям её квартиры. — Третий телохранитель, который вытаскивает меня из-под удара. И всегда я понимаю, *что* произошло, только тогда, когда всё уже закончилось. Проверишь комнаты, сразу не уходи.

…Первое в своей жизни покушение Эледа Ховерс пережила в четырнадцать лет. Нельзя сказать, чтобы оно её сильно впечатлило. Ничего поистине захватывающего не случилось. Её везли из колледжа домой. Все было, как обычно: она сидела пристегнутая на своём месте, рядом — телохранитель, впереди — водитель и с ним второй телохранитель. В салоне негромко играла музыка.

Девочка безо всякого интереса смотрела в окно на проносящиеся мимо витрины и вывески магазинов, на спешащих по своим делам пешеходов, на рекламные билборды. Всё это давно примелькалось, даже несмотря на то, что маршрут от колледжа до дома и от дома до колледжа постоянно меняли.

Юная мисс Ховерс скучала, когда перед очередным перекрестком автомобиль, в котором она ехала, резко затормозил и ушел в сторону, а вперед вырвалась машина сопровождения. Девочку слегка мотнуло вперёд, но ремень безопасности врезался в плечо, не давая упасть.

В это время сидящий рядом с водителем телохранитель вдавил на приборной панели кнопку разблокировки пульта контроля огня. Слева раздался грохот столкновения. Водитель роллс-ройса, в котором ехала наследница Нейта Ховерса, ударил по газам. В окне промелькнули два вмявшихся друг в друга автомобиля — белый джип с искореженным боком и гелендваген с разбитым капотом. Гелендваген лихо выруливал в сторону.

Больше девочка ничего разглядеть не успела. Однако когда она удивленно перевела взгляд на сидящего рядом телохранителя, тот выглядел абсолютно невозмутимым. Поэтому Эледа решила, что переживать, в общем-то, не о чем. И стала дальше смотреть в окно.

Меньше чем через минуту помятый внедорожник нагнал роллс-ройс и пошёл сзади впритирку. Так мчались несколько кварталов, после чего машина сопровождения снова отстала, и

девочка с удивлением услышала позади частую стрельбу. Она опять взглянула на сидящего рядом телохранителя и спросила:

— Это по нам стреляли, Горден?

Он совершенно спокойно ответил:

— Нет. Это стреляли мы. Скоро приедем, мисс.

Эледа посмотрела вперед и с удивлением увидела, что роллс-ройс вырвался из зоны небоскребов и въехал в сектор элитных таунхаусов. Мелькали коттеджи и белые заборы, зелёные лужайки и цветники. Водитель ещё несколько кварталов гнал по пустой дороге, после чего плавно повернул и вывел машину на широкую асфальтированную площадку, расположенную чуть в стороне от домов. Роллс-ройс замер. Рядом остановился и помятый внедорожник, своей массивной тушей загородивший младшего брата от возможной опасности. А еще через несколько минут с неба донёсся рокот вертолёта.

— Выходим, — сказал, отстегиваясь, Горден.

— Так вот какое оно — настоящее покушение, — слегка разочарованно протянула Эледа. — На тренировках было интереснее…

Телохранитель ничего не ответил, лишь слегка усмехнулся.

Девочка освободилась от ремня безопасности, после чего боковая дверь с её стороны распахнулась, кто-то протянул Эледе руку, и она ступила на ярко залитую солнцем площадку. В лицо ударил ветер, поднятый лопастями, он трепал волосы, форменное платье мисс Ховерс и костюмы её телохранителей. Девочка зажмурилась от слишком яркого после полумрака салона света и в окружении охраны прошествовала в вертолёт.

* * *

На следующий день Эледа не поехала в школу. Софи, пришедшая будить свою воспитанницу, сказала:

— Мистер Ховерс считает, тебе лучше побыть дома и заняться проектами по основным дисциплинам. Все-таки скоро экзамены.

Девочка зевнула, села на кровати и посмотрела на наставницу:

— А он сейчас дома?

— Нет. Вчера все сильно понервничали, отвлеклись от дел. Сегодня наверстывают.

Эледа вспомнила, как накануне её встречала мама. Она стояла на краю вертолетной площадки — порывы ветра разметали её обычно безукоризненно уложенные волосы и рвали подол дорогого дизайнерского платья, отчего ткань некрасиво

облепляла тело.

Когда Горден помог девочке выйти из вертолета, Мелинда Ховерс подошла к ней, взяла за плечи и несколько секунд безмолвно смотрела в голубые глаза, после чего ровно сказала:

— Леда, я волновалась.

Больше она никак не выказала ни своего волнения, ни своих переживаний. Поцеловала дочь в лоб и сообщила прохладным голосом:

— Сегодня и завтра вечером меня не будет — улетаю на показ. Папа тоже в делах. Занимайся уроками, погуляй с Софи, за пределы резиденции не выходите. Горден будет вас сопровождать. Слушаться его во всем.

Девочка кивнула.

Вот и вся встреча. А отца она так и не увидела.

Весь остаток дня по наказу матери при наследнице Ховерс неотступно находились гувернантка и телохранители. Софи была повышенно заботлива. Эледе нравилось её внимание и расспросы о том, как дела в школе, что нового в учёбе, не было ли ссор с одноклассниками.

Однако когда Софи принесла ей шоколадного молока с печеньем, девочка фыркнула:

— Ага, еще мишку плюшевого мне дай, пижаму в рюшах и бутылку с соской.

— Ты не испугалась сегодня? — мягко спросила Софи.

Эледа посмотрела на неё с удивлением:

— Нет. Не понимаю, почему мама так всполошилась — примчалась с работы… Зачем?

Софи развела руками:

— Это первый такой инцидент, вот и вся причина.

Первый инцидент… И сегодня Эледе из-за него безвылазно сидеть дома. Бесит.

…День тянулся тоскливый и тошный. В колледже хотя бы весело. А тут горбишься, как проклятая, перед голокубом, и хочется всё послать — и доклад по экономике, и уроки, и экзамены. Причем не потому, что сложно. Среди девчонок параллели у Эледы была самая высокая успеваемость, учёба давалась ей легко. Юная мисс Ховерс могла бы стать даже лучшей во всем потоке, однако ее амбиции разбились вдребезги об отличника Дейва Парсона.

Дейв обгонял наследницу империи Ховерс на десять баллов в общем зачёте. На жалкие десять баллов! Ух, как её это выводило из себя… Примиряло с действительностью лишь то, что Парсон восторженно пялился на свою соперницу по учебе, аж глазами ел. Впрочем, ей такие, как он, не нравились — субтильные,

узкокостные. Бе. И хотя Дейв был высок и, возможно, обещал годика через два раздаться в плечах, сейчас он казался больше похожим на шнурок от старых кед — тонкий, длинный и какой-то помятый.

Но когда неделю назад Парсон подошел к Эледе и, смущаясь, пригласил «куда-нибудь прогуляться», девочка широко улыбнулась, будто сбылась самая заветная мечта её подростковой жизни.

— Я уж думала, ты никогда не решишься, — сказала она и тут же предложила: — Давай завтра, после уроков? Пойдем в старый блок…

Дейв посмотрел на неё, как на богиню. Эледа была ниже него на две с половиной головы — хорошенькая, словно фарфоровая куколка, с трогательными ямочками на щеках и такой улыбкой, что спятить можно. И она приглашает его в старый блок! Конечно, чтобы туда попасть, надо как-то улизнуть на задний двор и продраться через буйно разросшиеся кусты гортензии, но зато там никого нет — ни педагогов, ни охраны, ни даже видеонаблюдения.

В прохладном полумраке заброшенного здания можно, не опасаясь навязчивого внимания, побыть наедине и при этом не нарушить строгого запрета колледжа на выход за пределы защищенного периметра. Романтическое место для парочек.

А дальше всё было просто. Эледа пришла к отцу и сказала, что ей позарез нужна консультация лучшего спеца по электронному взлому и модификации данных.

Нейт Ховерс удивился:

— Ты собралась *сама* куда-то лезть и что-то править? Не считаю это хорошей идеей. Спец будет через два часа, а *ты,* — это слово он нарочно выделил, — тщательно обдумай, чего от него хочешь и как будешь ему это объяснять.

Только много лет спустя, уже заканчивая академию СБ, Эледа совершенно случайно узнала, что спецу отец тогда приказал выполнить всё, сказанное дочерью. Буквально. А то, чего он не поймет, сделать, не уточняя, и в меру своего разумения. Впрочем, всё прошло без сбоев, поскольку уже тогда Эледа умела грамотно поставить задачу.

Ну и закончилась эта история в лучших традициях трагедии и фарса.

На свидание с Дейвом Эледа пришла, неся в рюкзачке специальный мобильный считыватель для удаленного доступа. А потом, пока они сидели на подоконнике первого этажа старого блока, и Парсон пытался вести неловкие разговоры — устройство из Элединого рюкзачка дало возможность папиному спецу

хакнуть учебный планшет доверчивого мальчика. Хакнуть и внести несколько незначительных «поправок» в итоговый доклад по дисциплине «Управление рисками». Иронично вышло. Эти мелкие «поправки», сделанные умелой рукой, привели к тому, что экзаменационный балл у Дейва обрушился на двадцать пунктов.

Так Эледа стала лучшей ученицей параллели.

* * *

Был уже вечер, когда в дверь Элединых апартаментов коротко постучали.

— Да? — она оторвалась, наконец, от голокуба и повернулась.

На пороге стоял Горден.

— Мисс Ховерс, пройдемте со мной.

Эледа встала с кресла. Она была одета по-домашнему — в спортивные штаны, футболку и уютные мягкие тапочки.

— Мне переодеться? — уточнила девочка.

— Нет. Мы всего лишь на цокольный этаж.

Странно. Эледа направилась к выходу. В коридоре телохранитель пропустил её вперед и пошел следом.

На цокольном этаже особняка находился зал с тренажёрами, сауной и небольшим бассейном. Зачем они туда идут? Впрочем, мама велела слушаться. И дочь слушалась. Однако любопытство пересилило:

— А зачем нам туда?

Ее спутник пояснил:

— Мистер Ховерс попросил вас спуститься.

— Папа? Он что — дома?

— Со вчерашнего дня, мисс.

— А… почему же он?..

— Был занят, — последовал короткий ответ.

Ещё страннее. Отец постоянно занят. Но если он дома, то ужин никогда не игнорирует. Это незыблемая семейная традиция.

— Сюда, мисс, — сказал Гордон, когда Эледа спустилась по лестнице на цокольный этаж. — Налево.

Эледа даже не знала, что здесь есть какое-то «лево». То есть она знала, конечно, что в углу зала находится подсобка, но что в подсобке есть еще одна дверь, а за ней еще одна лестница, — на этот раз узкая, круто уходящая вниз, — оказалось для неё неожиданностью.

Лестница привела в небольшой тамбур с бронированной дверью. Что ещё за бункер?

— Подождите мисс, — сказал, тем временем, Горден. — Я войду первым.

Он нажал комбинацию цифр на кодовом замке и заглянул внутрь.

— Мистер Ховерс, ваша дочь пришла, — после этого телохранитель повернулся к девочке и сказал: — Входите, мисс.

Эледа изумленно сделала шаг вперёд — в небольшой серый зал. Тут не было никакой обстановки. Кафельный и почему-то мокрый пол с отверстием под слив и водопроводный отводок со шлангом, торчащий из стены.

А вот людей в зале оказалось много — телохранители отца стояли полукругом, словно что-то рассматривая на полу, а сам мистер Ховерс и его заместитель по особым поручениям мистер Оуэн замерли чуть в стороне. При этом отец был без пиджака — в брюках и рубашке с закатанными почему-то рукавами. Руки он держал в карманах.

— Отвратительно! — сказал Нейт Ховерс, словно выплюнул. — Оуэн!

Спец по особым поручениям перевел взгляд на шефа и согласился:

— Да, теряешь форму.

— С начала следующей недели надо возобновить тренировки. Не менее часа в день. Встрой в график своих ребят. И чтоб работали со мной в полную силу.

— Папа? — удивленно окликнула отца Эледа. — Я думала, ты в управлении…

— Леда, вот и ты, — Нейт подошел к ней и безо всякого перехода спросил: — Хочешь знать, кто выступил заказчиком вчерашнего покушения?

Дочь потрясенно смотрела на отца снизу вверх. Нейт Ховерс был мощным и крепким мужчиной, а Эледа — невысокой даже для своего возраста. Поэтому рядом с отцом она всегда чувствовала себя песчинкой у подножия скалы.

— Хочу, — ответила девочка.

Отец улыбнулся, вынул, наконец, руку из кармана брюк, и Эледа увидела, что костяшки его пальцев сбиты до крови. Нейт приобнял дочь за плечи и сказал, кивая в сторону застывших телохранителей:

— Смотри. Раздайтесь, парни.

Эледа была готова к чему угодно, но не к тому, что увидела.

На мокром полу лицом вниз лежал, скорчившись, худой человек в насквозь мокрой одежде. Человек дрожал и закрывал руками голову, рядом на кафеле виднелись бледные разводы плохо смытой крови.

— Узнаёшь? — спросил отец.

Дочь сделалась белее его сорочки, но внимательно вгляделась в сжавшегося пленника.

— Эй, поднимите ему голову! — приказал Нейт охранникам.

Один из мужчин вздёрнул избитого человека за светлые волосы.

Эледа, с трудом сдерживая тошноту, ответила:

— Это Дейв Парсон.

Рука отца на плече девочки отяжелела.

— Дейв, гляди, кто пришел, — окликнул Нейт Ховерс пленника, а потом посмотрел на дочь: — Видишь, к чему приводят ошибки? Не твои. Его собственные. Мальчик захотел мести, начал искать тех, кто сможет тебя припугнуть. А кое-кто более умный и дальновидный узнал об этом и решил использовать в своих целях. Впрочем, тебе такие подробности знать рано. Для подобных игр ты пока маловата. Что мне с ним сделать, Эледа? — спросил он задумчиво.

Дочь с трудом оторвала взгляд от обезображенного мальчишки, взиравшего на неё с немой мольбой, и подняла глаза на отца. Тот, в свою очередь, смотрел на неё — внимательно, испытующе. А значит, вопрос задан не просто так. И Дейв здесь тоже не просто так… и не просто так ещё жив. Усилием воли Эледа взяла себя в руки, с трудом, но подавила тошноту и сделала глубокий вдох. Отец с удовольствием наблюдал, как на её бледное лицо постепенно возвращаются краски.

— Не надо его убивать, — задумчиво сказала Эледа, прикинув что-то в уме. — Он — один из лучших учеников колледжа, ему прочили хорошую карьеру. Глупо убивать специалиста, который сможет приносить пользу. Его надо использовать. Если вернуть родителям, они будут нам обязаны за то, что ему сохранили жизнь. И сделают всё, что угодно, чтобы её не отняли у него окончательно, а заодно и у кого-нибудь из них. Его семья не очень влиятельна, но польза от них будет. Обязанные и благодарные нужны всем.

Нейт усмехнулся:

— Быстро соображаешь. Правда, не так всё просто, как кажется, но со временем научишься гарантии обеспечивать. Научим. Ладно, поступим, как предлагаешь, — и без перехода, не меняя интонаций, спросил: — А какие выводы *ты* сделала из этой истории?

В голове Эледы закружились обрывки мыслей, она дважды открывала рот, чтобы заговорить, но останавливалась. Отец молчал, молчали и остальные мужчины, только тяжело и сипло дышал Дейв.

— Не попадайся, — сказала, наконец, полностью успокоившаяся Эледа.

Придушенные всхлипы пленника удачно оттенили весомость этих слов.

— Хороший вывод, — одобрил отец. — Но к завтраку я всё-таки жду от тебя более содержательные мысли. А главную *твою* ошибку назову сам. Ты не учла реакцию противника и даже не подумала, что кроме вас двоих есть и другие заинтересованные в этой вражде стороны. *Ты просчитала ситуацию только на один ход*. Ладно, иди. Нам с мистером Парсоном надо ещё кое-что обсудить…

Слова отца совершенно выбили Эледу из равновесия.

— А… на сколько ходов просчитал ситуацию *ты*? И… когда?

Нейт Ховерс усмехнулся:

— Когда ты заговорила о консультации со спецом, до конца *всей* комбинации. Всё дерево вариантов, — на этих словах он поправил сам себя, — конечно, всё просчитать невозможно, но большинство ветвей можно свести к ограниченному числу способов реагирования. Впрочем, этому мы тебя научим. И ещё. Тебе на планшет должны были перекинуть доклад мистера Парсона. Изучай. К завтраку жду развернутые соображения об этой истории. А к ужину — анализ твоего решения оставить ему жизнь, исходя из теории управления рисками, — отец подмигнул. — Начала играть — учись играть правильно. Подстраховка будет не всегда.

* * *

Пережить зиму. Это главное.

У каждого свои расклады, вот только у бродяги к наступлению холодов остается один: пережить зиму.

Чтобы пережить зиму, нельзя спать у костра — придут. Что особо плохо, придут свои же. Нельзя ложиться спать, не согревшись — не проснёшься. Нельзя не просушить то, в чём спишь — тоже не проснёшься… рано или поздно. Скорее рано.

Когда-то Крис Меркиндок был почти шишкой в своём секторе. Когда-то он был посредником, пусть мелким. Он даже почти подобрался к прямым контактам с корпами, и ему почти уже верили. Но пришел чужак, который выступил в боях насмерть, и что-то вокруг изменилось.

Сложно сказать, что именно, но те, кто умели чувствовать — почувствовали… а Крис — нет. Они отошли вовремя, а он протормозил.

Чужак исчез, и в секторе все вдруг понеслось кувырком. Однако бывшие кореша Криса вырулили и, наверное, до сих пор там. А он… он теперь здесь. За триста километров. И единственное, что его волнует: «Пережить зиму».

Да, он нашел хорошее место, где дым от костра по воздуховоду уводило далеко, а всё, что происходило рядом, было отчетливо слышно: спасибо ещё одному воздуховоду — короткому и извилистому. Увы, ни тепло, ни относительная сытость, ни даже пол-литра браги так и не дали Крису покоя. Потому что три дня назад он увидел *его*. Того чужака, который убил в круге Симпи-Чемпиона. Того, кто сломал весь порядок в его родном секторе, а теперь оказался здесь, идущим рука об руку с младшей бонзой связистов. И в этот раз Крис *почувствовал*. Шкурой почувствовал перемены! Только вот ни информаторов, ни влияния, которым можно было бы воспользоваться, у него уже нет.

…- Ты на фига мне это рассказал? — злой голос разорвал спокойствие поздней ночи.

— На фига? Не тебе Патлатые жизнь подгадили? Не ты искал, как с ними счёты свести? Искал? Ну, вот нашёл, — ответил с тихой яростью второй голос.

— А ты-то чего так за меня беспокоишься? За меня и мои счёты, а?

— Да просто мне эти утырки тоже по-крупному задолжали. А значит, цель у нас общая, — говоривший почти шептал, но ярости в голосе это не убавляло. — Если я не могу вернуть долг, так ты постараешься. Видишь, как удачно?

Собеседники отошли от чёрных развалин торговой лавки. Наступила тишина. Крис с облегчением откинулся на старое автомобильное кресло — бесшумно, чтобы не услышали снаружи — и с трудом перевел дыхание…

— Ты чё, правда, веришь этому шмароводу? С хера ли? — насмешливо спросил новый голос.

— Я никому не верю, — огрызнулся голос злого. — Но Патлатый парню реально нагадил и нескольких шалав его под своих сутенеров подвел… Так чё б не проверить, правду он сказал или дезу вкинул? Пройдемся чутка с парнями, пробздимся, делово-то. Если там, где он сказал, никого нет, повезло, значит, тварям. А есть… значит, нам повезло.

— Бонзы ж договорились… — с сомнением протянул собеседник.

— Бонзы? — рыкнул второй. — Патлатые насмерть забили Боло-Среднего, и ещё ржали. Над нами после этого даже шлюхи смеются! Надо мной смеялись только что! На улице! В глаза! И

бонзы типа хотят, мля, мира, ёп?! Типа разобраться надо! Хуй ли тут разбираться?! Завалим патлатых козлов, принесём пару голов, Бивень никуда не денется.

Крис Меркиндок замер в своей норе.

«Пережить зиму». Ну, переживёт, дальше-то чего? Лето коротко, а холода неизбежны. А тут… шанс. Бивнястые по чьей-то наводке идут исподтишка валить патлатых. Они богатые, они многое бросят. Соберут, наверняка, только стволы и деньги. А Крис возьмет то, что останется. И по весне свалит. Начнет жизнь по новой.

Где-нибудь… там… где теплее.

* * *

Луи Третье Колесо зябко передернулся.

Вот ведь щенок пиздлявый, и на чем только приподнялся? Еще вчера ходил сопля соплёй, шапка на ушах висела, а теперь вдруг со стволом, и базарит-то как уверенно! «Я с тебя щас даже бабла брать не буду. Сам завтра мою долю отдашь. А я еще чё-нить расскажу. Интересное…»

И вот теперь вся бригада вместо того, чтоб сидеть в тепле и лакать запасённое пиво, мерзла, пася один из коридоров Вонючей Дыры. А на их лёжке шумели местные, которых припахали за обогрев и пару канистр самой дешевой браги. Ну, если инфа окажется дезой, Луи этого пиздюка найдет, и ствол его модный ему же в задницу и засунет.

А не зря-таки Луи терпел смешки других бригадиров за то, что изредка помогал здешним и раз в месяц общался с ихними авторитетами. Да, какая-то падла слила его запасную лежку… зато другие вот о бивнястых донесли. Теперь осталось только встретить пидоров, но с этим у Луи проблем не будет. И плевать, что там бонзы порешали. Бригада бивнястых ведь не с вискарём идет.

Где-то в лабиринте переходов Вонючей Дыры послышался шум. Неправильный шум. Необычный.

«Отдам пацану половину того, что возьму с этих падл, — решил Луи и сбросил предохранитель. — Заслужил».

* * *

Крис выбрался из своего убежища, когда двое бивнястых свалили. Сполз с мусорной кучи и подкрался ко входу в Вонючую

Дыру. Ну, кому вонючая, а кому и нет. Крис вот уже несколько месяцев живёт в развалинах, частично превращенных в помойку. Через это к запахам стал непривередлив, а к чистоте нетребователен. Можно, можно, конечно, было спуститься жить в Дыру, да только на фиг надо. Там, хочешь, не хочешь, придется сталкиваться с местными, отстаивать своё право на лежку, а какой из него боец? Одна нога хромая, ему её в драке как-то перебили. Срослась неправильно. Да и на правой руке мизинец и безымянный пальцы скрюченные, не хваткие, сухожилия на них ему еще лет пять назад повредили. В общем, не хотелось ему драться. Да и по натуре Крис всё-таки был одиночкой. И вообще, жить в Дыре он бы стал только в случае совсем уж дикого отчаяния.

Дело в том, что Вонючая Дыра была ничем иным, как многоэтажной подземной парковкой. Частично она обрушилась, но процентов, наверное, на семьдесят оставалась цела. Вентиляции тут, разумеется, никакой, кроме сквозняков, кое-где просачивающихся с поверхности, не было. А потому царили духота и вонища. Причем вонища до крайности крепкая, поскольку многие, кто тут жил, тут же и гадили, и подыхали.

Верхние этажи парковки, разумеется, обжили те, кто пошустрее и позубастее — сутенёры, их шлюхи, мелкие уличные банды, на нижних селились те, кто не мог защититься от мира. Они платили верхним какие-то жалкие гроши за право обитать в Дыре, и были этим счастливы. Старики, больные проститутки, мамаши с детьми, мужики-работяги из сильно пьющих, подростки, кому не повезло вписаться в банды. Одним словом, всякий жалкий сброд, беспомощный, беззащитный, но цепляющийся за жизнь. Здесь был настоящий подземный город со своими законами, своим правительством, даже своей архитектурой.

Огромные этажи парковки давно уже превратились в лабиринты из самодельных стен, возведённых из всякого хлама: где — из железа, снятого со старых автомобилей, где — из текстолитовых плит, кто знает, когда и кем притащенных, где — из кирпича. Каждый старался обустроить себе закуток для уединения. А поскольку строили без какого-либо порядка, заблудиться в здешних катакомбах было — раз плюнуть. Внезапные тупики, закоулки, иногда настолько узкие, что протиснуться можно было только боком, какие-то повороты, упирающиеся в загаженные углы… И всё это в темноте и вонище. Нет, Крис ещё не настолько опустился, чтобы жить в таком месте.

Сюда и заходить-то было страшно. Главным образом из-за детей. Эти мелкие тварюшки могли просочиться в любую щель,

свеситься откуда-то сверху и без затей натыкать любому чужаку заточкой или ржавым гвоздем. С тела они после этого собирали всё. Наверху болтали, будто некоторые из местных обитателей не гнушались даже жрать человечину. Поэтому вопрос утилизации убитых или умерших не стоял.

Однако даже такой хаос был подчинен порядку. Верхние жёстко следили за теми, кто жил на нижних этажах. Следили, собирали дань, а иной раз давали защиту. Но хотя здесь они считались королями, наверху им приходилось прогибаться под тех, кто считал их просто гнилым мусором — под бригадиров крепких уличных банд, вроде тех же бивнястых и патлатых. У каждого из них был свой сектор влияния, и раз в месяц они приходили собирать с местных шестёрок дань. Иногда брали людьми. В основном девчонками. Каких-то матери приводили, какие-то сами приходили. Это был шанс. Понравишься старшему — заберут наверх, дадут одежду, поставят работать. Одна ведь не пойдешь — ни шмоток, ни возможности привести себя в порядок, опять же конкуренция — стервы из уличных забьют чужачку в ближайшем же переулке. А вот если кто из больших на улицу выведет — считай, получила путёвку в жизнь. Дурой не будешь — может, даже удастся пристроиться в бордель.

Одним словом, Вонючая Дыра была эпицентром отчаяния. Отчаяния, грязи и вони. Крис старался сюда не соваться, особенно на нижние этажи. Но ведь бивнястые вниз не потащатся, чего они там забыли? Они пришли за патлатыми. А патлатым внизу делать нечего… Эх, хорошо бы они друг дружку перестреляли, а Крис бы снял кассу! Бродяга усмехнулся сам над собой. Мечты, мечты…

Он медленно крался по тёмной улице-коридору, стараясь прислушиваться к малейшему шороху. Бивнястые давно ушли вперед. Ну и ладно. Всё равно шумели так, что фиг потеряешь. Им-то тут бояться нечего. Против них никто из местной грязи не залупнется, не посмеет. Впереди мелькали косые лучи фонарей. Обитатели Дыры испуганно шарахались от бригады, пришедшей сверху. От таких добра не жди — пристрелят, если не вовремя подвернешься. Опаньки! Крис споткнулся в темноте о труп.

Хе. Не убрался вовремя с дороги? Теперь лежи, остывай, располосованный мачете. Обдолбанный он, что ли, был, раз полез? Кто его знает. Крис ощупал тело. Одежда — сплошные лохмотья, обувь — вовсе смех: подошвы прикручены к ботинку проволокой. А вот бандана на голове ничего так… пойдет под шапку. Хоть что-то. Досадно, конечно, в Дыре много не возьмёшь. Только драка закончится, тут же набегут из всех щелей падальщики. Одних шакалят местных будет под сотню, они и сейчас, небось, следят, крадутся одними им ведомыми

закоулками. Благо глаза к темноте привыкшие.

Да, если не поторопишься, много взять никак не успеешь. Тьфу, твари патлатые, не могли на поверхности свои дела решать? Там хоть нищебродов меньше обретается.

Крис задумался и потому пропустил момент, когда впереди вдруг затихло. А потом по ушам ударили длинные автоматные очереди и бабаханье нескольких гранатных разрывов. Хера се, как только потолок не рухнул.

Впереди опять замелькали отсветы фонарей.

Стрёмно. Крис понимал: близко сунется — попадет под замес, далеко останется стоять — не успеет подобрать то, что бросят победители. Бродяга нащупал на поясе нож и тихо двинулся вдоль стены. Впрочем, сделал всего шаг и сразу замер — услышал тихий шорох. И тут же чья-то сильная рука ухватила его за плечо.

— Ты местный? — развернул его к себе здоровенный чёрный амбал. И тут же потребовал: — Выведи!

— Пятьдесят кредов. Сейчас!

— На улице дам сто, — Бивнястый наскоро обыскал Криса, нащупал и забрал нож, после чего сказал: — Веди.

— Идём, — Крис незаметно нащупал иглу для игольника, найденную по чистой случайности в каких-то развалинах, и воткнул в руку собеседника, по-прежнему не отпускавшего его плечо.

Торопливо обирая парализованного, бродяга жадно прислушивался. Короткая схватка впереди затихла. Теперь, пожалуй, надо выждать минут пять, а потом идти смотреть.

Если окажется, что победа за патлатыми, им можно будет сдать парализованного ниггера, уж они-то на радостях дадут побольше сотни. А если окажется, что победили бивнястые, всегда можно сказать, мол, такого и нашел, вот — отдаю вам, подайте, сколько можете.

* * *

Батч осмотрел комнаты, но, следуя приказанию Эледы, не ушёл, как обычно, а уселся в гостиной напротив стационарного голографона. Сама мисс Ховерс на несколько минут удалилась в спальню, откуда вернулась переодетой в домашнее — тренировочные штаны и футболку. Забралась с ногами на диван рядом с телохранителем, и тут же, словно кто-то специально подгадывал, раздался сигнал входящего вызова.

Эледа, не глядя на пиктограмму абонента, выбрала «ответить», и над черной панелью голографона возникло

изображение Нейта Ховерса. Батч подобрался. Отец Эледу лишними контактами не баловал, на связь выходил только в экстренных случаях, говорил сухо и исключительно по делу. Человеком он был резким, категоричным, но при дочери заметно смягчался. Правда, эта перемена была видна не каждому. Хотя Батч вот замечал.

Вообще мистер Ховерс был не самым плохим работодателем. Задачи ставил чётко, содействие обеспечивал быстро, проблемы решал оперативно, впрочем, и отдрючить тоже мог стремительно — без прелюдий и по самые гланды.

— Мистер Фэйн, очень удачно, что вы здесь, — Нейт Ховерс жестом остановил Батча, который дернулся вскочить. — Сидите. На вас теперь распространяется одностороннее дополнение договора «особые обязательства нанимателя». Текст получите утром. Свой счёт на предмет перечисления премии за образцовое выполнение обязанностей можете проверить сразу после нашего разговора. Основную же награду, согласно пункту два особых обязательств, вы получите послезавтра.

Батч кивнул.

— Итак, — продолжил мистер Ховерс, не дав никому вставить ни слова, — согласно проведённому совместной группой расследованию, покушение было совершено на Джеда Ленгли. Имя Эледы Ховерс никому из исполнителей известно не было и не называлось в согласованиях доступа. Исходя из этого, можно считать достаточно достоверным то, что целью покушения был именно агент Ленгли. К сожалению, окончательно подтвердить эту версию с помощью фармакологического допроса мистера Ленгли не выйдет, так как он прошел экспериментальную программу противодействия… И, Батч, — здесь Нейт, наконец, посмотрел телохранителю в глаза, — отличная работа. Спасибо.

— Как вы и сказали, сэр, это моя работа, — ответил тот.

— Ваша работа, мистер Фэйн, не требовала отдавать визор инфокомплекса моей дочери, а вы были готовы это сделать. И ваша *работа,* — это слово он произнес с особым нажимом, — не требовала выступать против киборга. Благодарю, Батч. Отдыхай, а пока оцени размер премии. Надеюсь, в ближайшее время моя дочь сможет дать тебе выходной.

— Спасибо, сэр, — Батч покинул диван. — Мисс Ховерс, до утра.

Девушка кивнула ему и снова устремила взгляд на голограмму. Телохранитель, уходя, в очередной раз отметил, как непохожи между собой отец и дочь: Нейт Ховерс — с крупными резкими чертами, смуглый, массивный, и аккуратная, словно статуэтка, Эледа — светленькая, миниатюрная, хорошенькая до

невозможности. В который уж раз Батч задался вопросом: красива мисс Эледа от рождения, или ее очаровательную мордашку создали опытные пластические хирурги?

Когда дверь за телохранителем закрылась, Нейт Ховерс чуть расслабился и даже улыбнулся:

— Смотрю, ты уже научилась просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед, — он вскинул руку, не давая дочери ответить. — Да, знаю — поощрение Батча было очевидным ходом. Именно поэтому я хочу сейчас услышать, насколько ты планировала расклады с Винсом и твою, хм… интрижку, — на этих словах он скривился, — с Ленгли.

Дочь неотрывно смотрела отцу в глаза:

— Кроме древовидного планирования, есть и другие пути к цели. В том числе, например, создание условий для достижения и ожидание подходящего шанса.

— Да, верно… — Нейт немного помолчал. — Но, как ты уже успела убедиться, твой нынешний спутник — не самая безопасная личность. Никто и слова не скажет, если ты решишь с ним расстаться. Тем более, само сближение с ним было… спорным шагом.

Эледа хмыкнула:

— И, тем не менее, я пока останусь с ним. Сократим риски до минимальных. Всё-таки прямое покушение при наличии двух киборгов охраны я лично с трудом могу представить.

Отец кивнул:

— Здесь согласен. Что ж, коль ты решила, не смею препятствовать. Да, кстати, мама самым решительным образом настаивает на том, чтобы купленную ею ссыкливую собачонку передали тебе как можно быстрее. Я, конечно, постараюсь сделать всё, чтобы Гектора не отсылали хотя бы до окончания текущей операции, но… ты же знаешь свою мать. Если она решила проявить заботу, лучше сразу спасаться бегством. Так что переноску, попонки, корм, миски, рекомендации по уходу и прочую ерунду ты всё равно получишь ближе к вечеру. Здесь она, увы, непреклонна. Мои соболезнования.

— Угу… — вздохнула Эледа.

Отец усмехнулся, глядя на её кислую мину, однако уже через секунду снова сделался официально-отчужденным, смерил дочь внимательным взглядом, после чего сказал:

— Главное — не рискуй. Рано или поздно можно добиться любых целей, а вот жизнь не вернёшь, как и не все провалы нивелируешь. Кстати, для информации: Ленгли не указал в отчёте, что проработка связи Айи Геллан и Зета-центра принадлежала тебе.

— Ну и что? — легкомысленно пожала плечами дочь. — Разве это так уж важно? Мы ведь делаем общее дело. Доброй ночи, папа. Передай маме привет.

* * *

В секторе творилось чёрт-те что. Пожар войны еще не полыхал во всю мощь, однако уже было ясно, что разгорается он чем дальше, тем жарче, а когда угаснет — можно только гадать. Именно поэтому сегодня Малыш Олли решил не открывать магазин. Лучше пересидеть, чем отбиваться от ватаг полудурков.

Патронов, стволов, топлива, воды и прочего у Олли было достаточно, чтобы выдержать даже месячную осаду с перестрелками, но всё-таки хотелось выйти из грядущей заварухи целым, невредимым, с минимальными финансовыми потерями и без последствий в виде переезда в места более спокойные. Поэтому еще накануне Олли с братьями закрыли витрины надежными рольставнями, а изнутри перегородили окна еще и толстенными щитами-поглотителями. Братанов, невесток, равно как и своих пацанов, Малыш вооружил — стволы разобрали ещё с вечера. Ценности и шмотники с вещами первой необходимости рассовали по багажникам машин, стоявших в подземном гараже… не то чтобы Олли думал, будто дойдет до бегства, но обратно все вытащить и снова разложить не так долго. Клиентов растерять Малыш не боялся. Всякая мелочь подождет, а серьезные люди, случись у них нужда, найдут, как связаться с нужным человеком.

Разве ж знал Олли, что иные серьезные люди смысл слова «связаться» понимают весьма оригинально…

Нынче утром, ещё по темноте, хозяина оружейного магазина разбудил сигнал коммуникатора. Звонил брат, несший вахту в гараже при машинах:

— Малыш, извини, что разбудил, но у нас тут клиент подъехал. Прихвати заказ Керро и спускайся, — голос у Джеки был подчеркнуто спокойный.

Олли про себя выматерился, а вслух хрипло сказал:

— Ща буду.

Погладил спящую жену, встал с кровати, привычным движением взял с тумбочки пистолет, дослал патрон и, сунув оружие за ремень штанов (благо спал одетым), отправился вниз — на цокольный этаж. По пути разбудил младших братьев, прихватил коробки с заказом и распечатку.

Заказчик, мать его. И ведь вошёл тихо — ни одна из систем сигнализации не вякнула. Воистину, некоторым людям замки и

двери — не помеха. Эти куда угодно войдут и откуда угодно выйдут, падлы.

Откровенно говоря, Олли недолюбливал Керро, поскольку разумно опасался. Слишком себе на уме, плюс никогда не угадаешь, чего собирается делать. И сегодняшний тихий визит тому доказательство.

Подземный гараж выглядел целка целкой: засов на дверях задвинут, машины на своих местах. Вот и как он вошёл? Ниндзя хренов. В углу за маленьким столиком, над которым уютно светила старая лампа, сидели в двух видавших виды креслах Керро с Джеки и резались в карты.

— Учиться тебе ещё долго… — сказал рейдер, после чего подгрёб к себе несколько мятых купюр и спрятал в карман. — Чересчур заметно, как карты из рукава гонишь.

— Опять он за свое? — зевнул Олли, подходя к игрокам. — Джеки, хорош его обогащать, лучше организуй пару стаканов. Там в углу одноразовые есть, сразу упаковку тащи. На что играли? — повернулся Малыш к гостю.

— На внимательность, — ответил тот. — Каждый раз, когда я вижу передергивание — мне десятка. Каждый пропущенный или ложный — десятка ему.

— Пиво будешь? — Олли уселся в освободившееся кресло и кивнул в сторону видавшего виды пикапа: — Там в машине пара упаковок невскрытых есть, возьми.

Керро не заставил себя упрашивать, шагнул к машине, открыл дверцу, пошарил на заднем сиденье и вытащил обтянутые пластиком жестянки «Будвайзера». Через секунду в руке у рейдера возник нож, и Олли сразу же вскинул ладонь, успокаивая братьев, которые в комнате наверху наблюдали за встречей через камеры видеонаблюдения. Не хватало еще, чтоб вломились защищать старшего. Тогда уж точно драки не избежать.

Тем временем гость выставил на стол пяток банок. Джеки водрузил рядом упаковку больших одноразовых стаканов и сразу же отошел. Олли со щелчком открыл одну из банок и разлил ее содержимое по двум стаканам.

— Будем, — он сделал глоток.

Лишь после этого Керро тоже пригубил выпивку.

— Держи. Твой заказ, — Малыш придвинул коробку. Сверху на неё легла распечатка. — А это — ответ на твой основной заказ. Откуда ты знаешь пароль для связи с *такими* людьми, даже спрашивать не стану.

Керро ничего не ответил, вскрыл коробку и вытащил из неё ингрем сто десять, передёрнул затвор, проверяя мягкость хода. Направил ствол в угол и нажал на спуск. Потом подсоединил,

отсоединил магазин.

Олли спокойно пояснил:

— Только с завода. Вчера два магазина отстреляли для проверки. Ну и пристреляли на пятьдесят метров. Он тебе хоть по руке будет?

Рейдер проигнорировал его вопрос, вытянул из рукава видеощуп, навинтил насадку для тонкого досмотра и заглянул в ствол. Снова оттянул затвор и внимательно посмотрел в окно выбрасывателя. Наконец, удовлетворенный проверкой, достал коробку холостых патронов и начал набивать магазин. Спросил только:

— Что с «осликами»?

— Вон они, — Олли кивнул брату, и тот сдернул брезент, открывая квадроцикл с прицепом. — Электроники нет. Никакой. Вообще. Сканируй.

Керро вжал пару кнопок на дужке очков и полминуты внимательно осматривал транспорт, после чего опять повернулся к собеседнику.

— Сколько с меня осталось?

— Нисколько. Старшие сказали — доплатят мне из основной сделки. Типа тебе бонус за большую покупку.

Гость кивнул:

— Тогда открывай ворота.

Малыш секунду помолчал, после чего негромко произнес:

— Керро, я не спрашиваю, кому ты берешь сто десятый, который тебе не по руке, к тому же знаю, что сам ты эти тарахтелки не переносишь. Я даже не стану интересоваться, на фига тебе к нему холостые. Но если при всех этих странностях можешь чего-нибудь сказать по ситуации, буду благодарен.

— Тебе по какой конкретно ситуации? По моей в частности или по общей в целом? — Керро сел на квадр, повернул ключ зажигания и посмотрел на собеседника: — Если по общей, так ты не хуже меня осведомлен, а по частной… меньше знаешь — дольше живешь.

— Понятно, — сказал Олли. — Бывай. Пусть Трём будет не до тебя.

— Пусть и твой дом они обойдут стороной. Прощай.

Когда коммуникатор истеричным верещанием возвестил о сработавшей в туннеле сигнализации, Малыш даже не пошевелился, чтобы его выключить. Он задумчиво смотрел, как брат закрывает ворота за рейдером, и с удивлением прислушивался к внезапно воцарившемуся в душе спокойствию.

Да, когда-то и его — Олли — операции вот так же выходили на финальный этап. В крови бурлил адреналин, впереди ждала

неизвестность, а позади оставались долгие недели тщательной подготовки и порванные в клочья нервы.

С той поры уже не один год миновал. Пацаны, вон, совсем взрослые… Но до сих пор случалось Малышу в панике вздергиваться среди ночи. Открывал глаза, и казалось — очнулся не на кровати рядом с Дженни, а в засидке с братьями. В те незапамятные времена, когда Большой Рико, одаривший Олли прозвищем «Малыш», еще был жив, у самого Малыша под сердцем не сидел осколок гранаты, а Джонни Торопыге не отрубили три пальца на правой руке… На миг даже будто вскидывался в груди былой кураж. А потом поперек горла вставал ком.

В такие моменты Олли чуть протягивал руку в сторону, дотрагивался до спящей жены и с облегчением понимал, что его время огня и крови миновало навсегда, что для настоящего счастья теперь больше не надо кого-то постоянно валить или же от кого-то валить самому. Нет. Для настоящего счастья за глаза хватит «скромного» дела, семьи и надежды, что прошлое не оживет и не вернется, повергая всё в хаос.

* * *

И эти вот люди считают его параноиком! А они, обеспечивающие себе отход двухсотметровым подземным туннелем, конечно, совершенно нормальные — без отклонений. Керро, наконец, вывел квадр на поверхность. Здесь уже начало светать, и очки автоматически переключили ПНВ в пассивный режим.

Интересно, сколько народа в секторе знает, почему квадр с прицепом называют «осликами»? И сколькие вообще знают про такое животное, как «ослик»? Пять человек? Десять?

До развалин дома, где в очередной раз томилась ожиданием Айя, оставалось всего полквартала. Звук мотора она уже слышит, но не выйдет, пока не получит условный сигнал. Рейдер, поравнявшись с чёрными, припорошенными снегом руинами, коротко свистнул. И тотчас же из-за полуобрушенной стены высунулось веснушчатое лицо с коричневым пятном синяка на правой скуле. Керро Айе не говорил, но синяк можно было легко убрать регенерирующим спреем. Однако, во-первых, мелочь, а во-вторых, подтверждает легенду, рассказанную Винсу.

— Миледи, карета подана, — мужчина галантно протянул спутнице руку.

Айка улыбнулась и, опираясь на предложенную ладонь, забралась на второе сиденье.

— Вообще-то, леди, — поправила она и добавила с улыбкой: — Мой лорд!

— Как прикажете, *леди*. Главное — не свалитесь.

Двигатель заработал чуть громче, квадр двинулся вперед. Девушка сзади прильнула еще теснее. Тонкие руки крепко обхватили Керро.

— Не прижимайся так, — он чуть сбросил скорость и обернулся: — От управления отвлекаешь, под откос же улетим.

И, словно смягчая сказанное, легонько потерся щекой о холодный, весь в конопушках нос, после чего снова устремил взгляд на дорогу. Айя чуть ослабила хватку. Но всё равно чувствовалось, что она так крепко держится и льнёт не от боязни упасть.

Предсказуемо получилось, чего уж душой кривить. Но даже после всего надо себя вести аккуратно, хотя нынешняя Айя Геллан, конечно, не то встрёпанное недоразумение, что выползло в одеяле из спальни кроликов. Пять дней жизни в чёрном секторе знатно её пообтесали. Теперь неосторожным движением или словом не спугнешь, и передавить тоже можно не сильно бояться, но постоянно делать скидку на корпоративное прошлое придется ещё очень и очень долго.

Что ж, принцип: «Не знаешь, как действовать — не действуй вообще: сбережешь силы» можно, наконец, отменить и строить отношения в духе: «Делай, что должно, и будь, что будет».

Но накануне вечером она выдала, конечно… Керро про себя усмехнулся. Ну да, она выдала, но он-то принял. Надо будет узнать, она хоть поняла, что вчера сотворила? Да хоть бы и не поняла… Как ни крути, а напарник в Зета-центре ему нужен. И напарник толковый. Так что, едва только удастся оторваться от корпов и сменить личность, для бывшей Айи Геллан настанет пора учебы. Интересно, как скоро после этого она раскается в принятом решении?

Разбитая дорога километр за километром уходила из-под колес. Улицы опустели, визор лишь изредка улавливал тепловые следы местных обитателей, удравших от шума мотора, но вскоре престали попадаться и они. Квадр выехал к дороге, вдоль которой ранее тянулся промсектор: осыпавшиеся, частично рухнувшие бетонные заборы, ворота и здания старых не то проходных, не то КПП, какие-то железные вышки, прямоугольные длинные цеха с рухнувшими проржавевшими фермами…

Керро остановил квадр за серой, покрытой разводами копоти руиной — две стены среди просевших обломков кирпича и между ними лестница в небо. Собственно, это было всё, что сохранилось от постройки: угол и лестничный пролет, устремлённый в

пустоту. Пока рейдер выставлял на стену миниатюрную видеокамеру, Айя завороженно смотрела на ведущие в никуда ступеньки.

— Сиди, — обернулся Керро к спутнице, которая собралась было спуститься с квадроцикла. — На вот.

Рейдер передал девушке подсумок с магазинами и компактный, даже изящный пистолет-пулемет. Она взяла оружие и посмотрела вопросительно.

— Проверять, как ты с этим обращаешься, времени нет, да и в любом случае несработанного стрелка за спиной мне не надо, — пояснил мужчина. — Потому в магазине холостые, случись чего, хоть пошумишь. Но в тех, что в подсумке, нормальные — боевые. Сейчас приедет грузовик, мы выедем на дорогу. Запоминай. Я спущусь первым, ты следом. Подходим, остановишься в двух шагах позади и справа. По пути сразу прикинь, где встанешь, и наметь укрытие. Если начнется заваруха, падаешь туда и только потом начинаешь стрелять. Предохранитель автоматический, переключатель режимов уже на автоматическом. Всё поняла?

— Спускаюсь после тебя, встаю сзади справа, по пути нахожу укрытие. Если пальба, сперва ныряю туда и только потом стреляю, — оттарабанила девушка.

— Верно, — Керро вздохнул. — Плохо, что ты без броника. В общем, лучше не высовывайся.

Время тянулось медленно… С неба посыпался было легкий снежок, но быстро прекратился. Наконец, когда Айка совсем уже извелась в ожидании, издалека донёсся шум мотора. Вскоре на дороге показался низкобортный грузовик без тента, в кузове которого по центру стояли принайтованные ящики.

— Так беспечно едут… — удивилась девушка.

— С беспилотника смотрят, — собеседник кивнул на небо. Айя запрокинула голову и, действительно, рассмотрела на фоне свинцово-серых туч крошечный вертолётик. В это время водитель грузовика, явно увидев двоих людей за стеной, приветственно помахал рукой.

Керро снял камеру, повернул ключ зажигания и топнул по стартеру. Квадр завёлся, рейдер вывел его на дорогу и остановил метрах в десяти от грузовика.

Из кабины тем временем выбрались двое мужчин: водитель — крепкий парень среднего роста в военном камуфляже — и пассажир — плотный бородач в чёрной бандане и чёрной одежде, из-под которой на кисти рук выползали татуировки. Третий — долговязый малый неопределенных лет — спрыгнул на землю из кузова и остался стоять возле машины.

Керро кивнул прибывшим, после чего шагнул к обломку

бетонной стены, который валялся на обочине, постелил на него кусок полиэтилена и водрузил поверх несколько денежных пачек. Айя заметила краешки пятисотенных банкнот.

Бородач — видимо, старший группы — тоже кивнул, без резких движений достал из внутреннего кармана куртки небольшое прямоугольное устройство с широкой прорезью купюроприемника, прикрепил к нему пластиковый пакет и загрузил первую пачку кредов. Прибор зашуршал, прогоняя через себя деньги.

Первая пачка закончилась. Старший кивнул долговязому, стоявшему возле машины. Тот сразу же забрался обратно в кузов и с натугой спустил на землю длинный ящик.

В устройство легла вторая пачка купюр. Снова зашелестело.

Долговязый продолжил выгружать ящики. К первому добавились ещё три, потом два поменьше и, наконец, рядом с ними на обочину легли две длинные плоские коробки, какие-то совершенно несерьезные, будто самодельные. Когда весь груз оказался выложенным вдоль дороги, деньги уже были проверены. Бородатый шагнул в сторону и сделал приглашающий жест, предлагая покупателю оценить товар.

Керро подошел, внимательно осмотрел ящики, обратив особое внимание на целостность пломб и трафаретные надписи. При взгляде на последние две коробки рейдер усмехнулся.

— То, что я думаю? — он дождался кивка, выпрямился и отошёл.

Только после этого долговязый сорвал пломбы и быстро открыл все ящики: четыре ПТУР, в каждой упаковке — пусковая и к ней складная тренога. Два снаряда в густой смазке. Четыре зеленых цилиндра в соседнем ящике. По три длинных ракеты и свежепокрашенные трубы к ним — в самопальных кор*о*бках.

Керро снова приблизился. На этот раз он рассматривал всё намного внимательней. Вот плавно, без резких движений вытащил из кармана куртки небольшой приборчик, подсоединил к первому ПТУР, изучил данные, выведенные на экран. Перешел ко второму. Всё повторилось.

Продавцы спокойно ждали, ветер шуршал пакетом с деньгами, Айя замерла чуть в стороне.

После управляемых ракет подошла очередь снарядов и зажигательных мин. Рейдер обтер смазку ветошью, вытащенной из набедренного кармана, внимательно прочел надписи. Чуть подрегулировал очки, пытаясь найти следы перекраски или перебивки. Затем перешел к оставшимся двум коробкам, осмотрел ракеты, поднял трубы направляющих, взглянул на просвет. Все это время трое продавцов стояли неподвижно, будто

окаменели.

— Таки распотрошили вертушку в тридцать первом? — равнодушно уточнил Керро.

— Ага, распотрошили, — голос у мужика в бандане оказался на удивление приятным и дружелюбным, не сочетающимся ни с бандитской мордой, ни с татуировками, ни с унылым серым пейзажем вокруг. — Но не в тридцать первом, а в двадцать девятом.

Керро усмехнулся и чуть дернул плечом, а его собеседник продолжил:

— Электрику проверили, остальное — нет. Если не сработают, претензии к корпам.

— Ну да, пусть объясняют, твари, почему летают с протухшими ракетами.

Теперь настал черед усмехаться трем продавцам.

Наконец, рейдер закончил проверку и отступил на два шага.

— Норма. Забирайте, — видно было, что Керро чуть расслабился. — Приятно иметь с вами дело.

Бородач, наконец, наклонился и подобрал пакет с купюрами:

— С тобой тоже было легко работать. Если после дела отправишься на смену личности, то в новой жизни нас тоже не забывай.

Первым в грузовик забрался водитель, затем в кузов рывком поднялся долговязый помощник и только после них открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья старший.

— Вы, если остальной груз в этом секторе сдаете, — Керро кивнул на оставшиеся в кузове ящики, — с черных деньги требуйте сразу. И долги стрясите, если за ними есть.

— Потребую, — кивнул бородач и добавил: — Долго не грузись, наша подстраховка сильно задерживаться не будет.

Двигатель грузовика заурчал, и машина отправилась дальше. А Керро начал быстро перетаскивать ящики в прицеп.

— На квадр. И по сторонам поглядывай, — коротко бросил он Айке.

Та не заставила просить дважды. Уселась обратно, поменяла магазин и стала прилежно озираться. Амазонка, блин. Только тяжелые ящики помешали Керро заржать.

* * *

Совещание по подготовке торжественной встречи Айи Геллан завершилось. Отчиталась служба конвоирования о предоставлении вертолета, электронного ошейника и людей для

транспортировки ценного груза. Отчитался начальник лаборатории, сообщивший, что все необходимое оборудование выделено, персонал отозван из очередных отпусков, бокс для содержания объекта «Фиалка» определен. Отчитался корпус рейдеров, который паковал деньги для передачи «продавцу» и прикидывал, как помочь Винсенту Хейли в доставке девчонки.

Всё это время Эледа вела запись совещания, которое, как надеялись участники рабочей группы «Ключ», должно было стать последним в деле возвращения Айи Геллан в родную корпорацию.

Наконец, голопланшеты погасли.

— Ну вот, — сказал агент Ленгли, откидываясь на спинку кресла, — все с нетерпением ждут драгоценную Фиалку и активно готовятся упрятать ее поглубже. Хотя, думаю, зря научники так на биологическую опасность напирают. Девчонка пять лет жила у нас и никаких эпидемий не спровоцировала.

Эледа слушала его с выражением холодного внимания на лице. Мисс Ховерс сохранила файл стенограммы, отправив копию с сопроводительной запиской в Управление СБ, после чего выключила свой голограммер и вопросительно посмотрела на собеседника:

— Я могу быть свободна? — спросила она.

— Нет, — ответил мужчина, — не можешь. Я тебя еще не отпускал.

С этими словами он нажал кнопку селектора и сказал секретарше:

— Миссис Лауф, принесите кофе и чай.

Эледа внимательно смотрела на собеседника, явно ожидая распоряжений. Он вздохнул, встал и подошел к креслу, на котором сидела девушка.

— Извини, что вчера так вышло. Я не самый безопасный спутник. Ну, ты это знала — два киборга личной охраны так просто не достаются…

Мисс Ховерс смотрела на него с прежним холодным равнодушием и молчала.

— Эледа, — Джед присел на соседнее кресло, — мне действительно очень жаль, что вчерашний вечер был безнадежно испорчен. Я этого не хотел. Наоборот…

Девушка усмехнулась:

— Джед, при чем здесь покушение? Оно в моей жизни, как и в твоей, не первое и, скорее всего, не последнее. Да, сразу после случившегося ты был первым подозреваемым. Но ведь ты не позвонил, даже когда во всем разобрались!

Джед про себя выматерился. Он терпеть не мог извиняться, особенно тогда, когда был невиноват. Но уж такова женская

натура — даже если женщина неправа, подойди и раскайся. Многажды. Тогда, согласно традиции, тебя несколько раз окунут в помои. После чего, конечно, милостиво простят, но так, чтобы ты понял, до какой степени *легко* отделался.

— Вообще-то я имел удовольствие общаться с твоим отцом. И последнее, чего хотел после этого — вклиниться в ваш с ним задушевный семейный разговор. Кстати, теперь я понимаю, почему ты решила не пользоваться его помощью для построения карьеры.

— Тебе *кажется,* будто понимаешь, — Эледа вздохнула.

Оба помолчали.

— Мисс Ховерс, — вкрадчиво сказал Джед, — в качестве жеста безграничного доверия, вызванного чувством глубочайшей вины, примите моё приглашение в гости. Можете взять с собой оружие и поставить Батча под дверями спальни. Я на все согласен.

— А тебя, может, в наручники заковать, чтобы уж совсем обезопаситься? — усмехнулась Эледа.

Джед снова взял её за руки:

— Э, нет… Маленькая испорченная девчонка здесь ты, а не я. Но наручники все равно захвати. Вдруг пригодятся…

Девушка рассмеялась:

— Агент Ленгли, а когда надо, вы можете быть крайне убедительным и даже обольстительным. Ладно, уговорил. Я тебя прощаю. И, конечно, приду в гости. Но тебе придется очень постараться, чтобы загладить свою вину.

Ленгли про себя выдохнул. Повезло. Тысячу раз повезло, что сегодня мисс Ховерс решила не использовать излюбленную женскую манипуляцию: принуждение невиновного к заглаживанию воображаемой вины с максимальным рвением.

* * *

Винс почесал ладонь о щетину на подбородке и пошел назад к квадроциклу. Хороший транспорт подогнала Су Мин: двигатель мощный, состояние отличное. А что до увеличения счёта, выставленного «Виндзору», так это рейдера не волновало. Корпорация не обеднеет. Тем более — чего уж он там потратил-то, тьфу. Зато успел с утра смотаться к точке заброски, получить деньги и аппаратуру, заказанные вчера вечером. Хорошо иметь дело с влиятельным человеком, у которого всё схвачено!

И таки правду говорят, что в черных секторах возможно всё. Когда накануне Керро предложил произвести обмен на краю

минного поля, Винсент, конечно, удивился, но виду не подал. Решил, откуда тут — в чёрном секторе — взяться минному полю хоть сколько-то достаточной протяженности и плотности. Подумал, речь об очередном раздолбанном районе со специфическим названием.

Однако вот оно, минное поле. Реально поле. И реально минное. Никаких метафор. Зачем здесь кому-то понадобилось его ставить среди груд кирпича и бетона — неясно. Ясно другое: делали это откровенные умалишенные. Потому что, как бегло посмотрел Винс, фугас из трех снарядов, густо присыпанный сверху малыми противопехотными крылышками (странно, что не самоликвидировались, брак, похоже), легко мог находиться там, куда никому в здравом уме даже не придет в голову лезть. Зачем? Загадка.

Винсент сел на квадр, лениво потянулся и услышал доносящийся издалека шум двигателя. Про себя рейдер выматерился, досадуя, что беспилотник контроля, равно как и пара корейцев Су Мин, в этот раз были явно лишними. В это время из-за поворота вывернул квадр с прицепом, и Керро, сидевший за рулем, приветственно махнул рукой, после чего указал направление и повернул.

Сто метров через площадь. Квадры встали возле развороченной постройки, от которой остались лишь неровные стены первого этажа, груда камней за ними и узкий навес из остатков пола второго этажа вдоль всего фасада.

— Разгружаемся, — Керро спрыгнул на землю и откинул борт прицепа. — Вскрывай, смотри. Всё, как и договаривались, ПТУРС со старой системой наведения и термические снаряды для самоуничтожения всего этого. Ну и для первого залпа — шесть НУРС с направляющими.

— Блоки управления проверять будешь? — спросил в свою очередь Винс и снял первый вытянутый ящик.

— Зачем? — удивился Керро. — Мне до их сработки дела нет. Это всё твоё.

На несколько минут наступила тишина, которую изредка нарушали щелчки откидываемых с ящиков крышек.

— Слушай, — Винсенту надоело молчать, — а откуда такая креза? — он кивнул в сторону минного поля. — Без толку и смысла. Я такого если только под кислотой наставлю.

Керро в ответ усмехнулся:

— Угадал. Именно под кислотой. Обреталась у нас тут бандочка, не сильно большая, но неплохо подготовленная. И было от них много беспокойства. А потом свезло им — отбили от конвоя две машины со средствами минирования и в придачу груз

медикаментов. В итоге обдолбались, а затем в галлюциногенном угаре понаставили… ну, а в процессе постановки все благополучно и закончились.

— На легенду похоже, — пожал плечами Винсент, проверяя третий ПТУРС.

— Или на грамотную работу грамотных людей с охеревшими ебанатами, — невозмутимо подытожил Керро.

— Да уж, — Винс поднялся, снял со своего квадра камуфляжный кофр и протянул собеседнику, — проверяй.

Керро покачал головой, достал из прицепа кейс, отщелкнул крышку и взглядом показал Винсенту: мол, перекладывай. Ровные брикеты купюр один за другим отправились в чемоданчик.

— Пересчитаю и проверю на досуге. Будут проблемы — завтрашняя сделка отменяется. Обе сделки. Так что, если с бабками какие косяки, у тебя ещё есть время признаться.

— Признаю́сь: сам с утра напечатал, — сказал Винс, после чего спокойно добавил: — Если не найдешь косяков, то за завтрашние твои пять миллионов могу принтер продать.

— Лучше мастеров назови, а принтер я и сам куплю, — усмехнулся Керро, отсоединяя прицеп. — Отгонишь и упаковку вывезешь?

— Разумеется.

— Ну, тогда готовь засаду. И я жду сигнала, чтоб нанимать людей. Кстати…

Винсент вопросительно глянул на собеседника, и тот продолжил:

— Тебе лишние проблемы во время всего этого нужны? А то, давай я типа потребую, чтобы с тобой ваш молодой был? Считай, бонус за сделку.

— Тема! — мгновенно оживился корп.

— Отлично, тогда добавляй в мои требования, и жду вас завтра обоих, — с этими словами Керро сел обратно на квадр и уехал, оставив сообщника разбираться с привезенным оружием.

Винс проводил секторального коллегу взглядом и начал разбирать аппаратуру.

Шоу обещало быть изумительным. Пожалуй, после всего съемки с беспилотников попадут в учебные курсы по контрзасадным действиям. Жаль, что авторские права не заявишь…

* * *

Тонкие каблуки звонко постукивали по полу. Цок-цок-цок!

Звук разлетался по огромному пустому залу, разбивался о стены, рассыпал вокруг тонкое злое эхо, которое царапало слух и не сулило ничего, кроме проблем.

— Слушать внимательно! — в голосе хозяйки «Норы» не звучало даже отголоска той завораживающей томности, которая заставляла замирать в предвкушении мужские сердца. Соблазн исчез, улетучилось вкрадчивое обещание, вместо них звенел металл. — Я вас собрала не для того, чтобы похвастаться новыми шмотками, а для того, чтобы предупредить: любая из здесь стоящих, включившая режим тупой давалки, вылетит прямиком на улицу, в чём мать родила. Это понятно?

Двадцать восемь длинноногих девушек сбились на сцене в испуганную стайку. Некоторые топлес, — распущенные волосы, короткие, почти ничего не скрывающие юбки, босоножки стрипы, — до появления хозяйки как раз репетировали номер… Остальные прибежали, кто в чём: одни в халатах, видимо, отдыхали, кто-то в чалме из полотенца, кто-то с частично снятым размазанным макияжем, одна заспанная, помятая, другая явно мучающаяся от похмелья, третья с сеткой на волосах и равномерным слоем тональника на лице — ни глаза, ни губы, ни брови нарисовать не успела, теперь стояла, как покойница. Все двадцать восемь работниц эротического фронта выглядели крайне нелепо, даже жалко. Встревоженные вытянувшиеся лица, широко распахнутые глаза, напряженные позы.

Мэрилин остановилась, — грозный полководец созерцающий деморализованную армию, — обвела девушек тяжелым взглядом, под которым они взволнованно зашевелились и сгрудились еще теснее. Несмотря на то, что владелица заведения смотрела на подчиненных из зала, то есть снизу вверх, неуютно было именно им, а никак не наоборот.

— Итак, — снова заговорила Мэрилин, пройдясь из стороны в сторону и нагнав напряжения, — что творится в секторе, вы знаете. В связи с этим мы усиливаем фейс-контроль и всех прошедших принимаем по двойному тарифу. Но это не значит, что я разрешаю делать глупости. Бойцов я донаняла, к ним не лезть, задницами не крутить — бесплатное обслуживание в оплату не входит, а отвлекаться от дела им незачем. Скоро ещё корейцы подойдут. К ним — если дуры — лезьте, но мне потом не жаловаться. Все выездные мероприятия отменяются. Кто сунется из «Норы» на улицу, назад может не возвращаться. И ещё! Клиенты, которые придут, в любом случае будут нервничать. Вести себя с ними аккуратно и предупредительно, но иглы с парализатором держать под рукой. Возникло подозрение, что пора — применяйте, я потом разберусь. Всё ясно?

Хозяйка обвела девушек взглядом, и те вразнобой судорожно закивали.

— Китти!

Высокая полуголая брюнетка поспешно сделала шаг вперед, остальные от неё инстинктивно отпрянули.

— Какого ты вчера рвалась к Олли? Пока в секторе есть мужчины, *сами* мы драться не будем. А если мужчины вдруг закончатся, один хрен, оружия останется — только подбирай. Ясно? Поэтому если я говорю — из заведения ни ногой, это означает: из заведения, мать твою, ни ногой. А если ты такая самостоятельная, тогда выкупайся и вали, куда хочешь, но уже не возвращайся.

Девушка испуганно замотала головой.

— Пошла вон с глаз моих. И режим тупой давалки выключить не забудь.

Китти со сцены будто ветром сдуло. Мэрилин выдохнула, посмотрела на остальных и спокойным ровным голосом закончила:

— Хватит трястись. Отдыхайте, пока есть возможность. Чуть мужиков отпустит, будете пахать в три смены.

* * *

При Ушлом сегодня, как и всегда, были только двое телохранителей. Но Бивень догадывался, что сейчас этого унылого задрота прикрывают куда плотнее обычного. Наверняка рассредоточились по всем щелям и бдят, как бы кто не порешил их яйцеголового очкастого типа самого-самого.

— Сдай оружие и проходи, — в своей обычной пиздострадательной манере не то сказал, не то проныл на выдохе Ушлый. — Патлатый тебя ждет. Поговорите, разберетесь во всем…

Собеседник смотрел на него с ненавистью. Кусок говна в пальтишке, плевком можно устроить сотрясение мозга, зато корчит из себя хер поймешь какого туза. А выйди он против даже самого хилого бойца из его — Бивневских — ребят, зашибут на развороте, хоронить будет нечего. Разводящий, ёп. Судья, мать его. Вломить бы так, чтобы очочки в череп вмялись.

— Я? В «Хризантемы»? Сдав оружие? — Бивень цедил слова, будто выплевывая их в лицо собеседнику. — Меня что, уже не узна***ю***т? — лоб у него лоснился от пота, желваки обозначились резче.

— Тебя слишком хорошо *знают,* — Ушлый покачал головой и

сказал негромко: — Не делай глупостей, сдай оружие, зайди, обсудим всё спокойно, как цивилизованные люди.

— Моих парней валит эта тварь, а я — Я! — сдавай оружие, чтобы цивилизованно поговорить?! — Бивень проорал в лицо собеседнику: — Хер!!!

— Его людей завалили твои, поэтому разоружаетесь оба, — по-прежнему спокойно, никак не среагировав на яростный вопль, ответил Ушлый. — Это последнее предложение. В противном случае я умываю руки.

Бивень криво усмехнулся, многозначительно сплюнул под ноги, после чего развернулся и пошёл прочь. Собеседник проводил его задумчивым взглядом, покачал головой, а потом, повернувшись в сторону соседнего дома, одними губами сказал: «Рано». Откровенно говоря, бонза просто поленился доставать коммуникатор. Все равно Батый, устроившийся со снайперами, отлично умел читать по губам.

* * *

Крис довольно поглаживал пистолет. Он уже и забыл, каково это — ощущать в руке тяжесть оружия. Забыл, как оно пахнет, забыл, какие ощущения возникают, когда ладонь обхватывает рукоять, отдавая металлу и пластику тепло человеческого тела… И не в том соль, что Крису нравилось убивать. А в том, что именно ствол будил в памяти уже порядком выцветшее чувство защищенности.

Теперь уже не подойдет какая-нибудь тварь с крепкими кулаками, не отберёт еду или выпивку, не вышвырнет из хорошего угла… Чёрт! Да теперь можно самому отжимать лучшие куски и лучшие лёжки. Вот он — вкус жизни! Сила, которую дарит человеку весьма немудрёный механизм. Немудрёный, но смертоносный… Крис прижал пистолет к щеке, наслаждаясь прикосновением холодного ствола к коже. Скоро, скоро металл раскалится, от него будет пахнуть остро, дымно и чуть горьковато. Запах успеха.

Наконец-то! Тот негр, которого Меркиндок завалил в Дыре, свой ствол где-то просрал, поэтому всё, что с него удалось взять — патроны, деньги, хороший нож да нормальные шмотки. Крис радовался шмоткам. Они были теплые, слегка великоватые, но зато чистые и незатасканные. Да, он радовался, чувствовал себя везунчиком, но тогда даже не представлял, какое счастье испытает, когда добудет оружие… Никакие шмотки мира, никакие ножи не могли подарить такого восторга. Ствол — это

талисман улицы. Едва он у Криса появился, дела сразу пошли на лад.

Наём трех «коллег»-бродяг обошелся Меркиндоку в пятнадцать кредов. Конечно, знай забулдыги, что этот неудачник — Крис пнул ногой ещё тёплое тело — разгуливает с волыной, вряд ли бы рискнули на него залупнуться. Но они не знали. И всё прошло гладко. Отвлекли, а Крис со спины метнул нож точно в шею. После чего, став счастливым обладателем ствола, без труда забрал деньги у нанятых дураков назад, да еще и с наваром. Так просто! Теперь многое можно будет делать без труда. Оружие открывает массу перспектив.

Надо только людей подсобрать… для начала среди прессовщиков мусора можно поискать. Не все ж ханыги забились по щелям. Часть наверняка выбралась на промысел. И вожак со стволом им будет очень кстати. Уж чего-чего, а стрелять и быть вожаком Крис умел прекрасно, поскольку знал главное правило умного руководителя: всю черную работу должны выполнять подчинённые. Выполнять добровольно и с рвением. Для этого нужно лишь правильно замотивировать. Мотивировать Меркиндок тоже прекрасно умел.

* * *

Джед Ленгли отложил рабочий планшет и откинулся на спинку кресла. Именно в такие моменты особенно приятно быть руководителем. Раздать указания, проставить визы, согласовать доступы, обеспечить взаимодействие между ответственными и… расслабиться в ожидании результата. Подчиненные яростно работают, осознавая ответственность и высокое доверие, а также понимая риски, которые повлечет халатное исполнение, начальник же наслаждается заслуженной передышкой.

Строго говоря, сегодня в офисе Джед был уже не особо нужен. Однако надо встретиться с Эледой на нейтральной территории и понять, что она навыдумывала за ночь. Понять, разубедить, если придется, и снова приручить, если понадобится. По счастью, мисс Ховерс дулась только из врождённой вредности, а уж ломалась и вовсе по чисто женской привычке к манипулированию. Джед даже позволил ей немного потешиться. Пока это ещё на пользу. Пусть думает, что из него можно вить веревки. Всё прок.

Но как же повезло!

Высшая корпоратка, противостоящая излишне властным родителям и потому застрявшая внизу пищевой цепочки. Она хочет карьеру без помощи папочки. Хочет доказать отцу и матери,

которые по-прежнему держат её за малолетнюю дурочку (кто бы их в этом винил, только не Джед!), будто чего-то стоит. Ну что ж, агент Ленгли поможет своей протеже с честью выдержать этот конфликт. Она хочет карьеру? Будет ей карьера. Для него не составит труда создать рядом с собой мелкую, но пафосную должность и посадить на неё свою любовницу. Никаких сложностей.

А мисс Ховерс получит вожделенное повышение, которого добилась без помощи отца. Вся такая независимая-независимая, самодостаточная-самодостаточная, но при этом бестолковая-бестолковая. Балованная девочка, которая считает, будто бы с её происхождением можно делать карьеру самостоятельно. Джед хмыкнул. Продвинуть ребенка нужного человека — это такой соблазн, о каком Эледа в силу своей ветрености даже не подозревает…

Она действительно наивно забывает о том, что близость к ней дает возможность вхождения в круг высшей элиты. И уж Ленгли эту возможность не упустит. О, нет.

Сначала, конечно, корпоративная аристократия будет кривиться. Долго, лет десять, не меньше. Скорее, даже пятнадцать. Ничего, Джед это выдержит, не впервой. Терпения ему не занимать. Зато потом, когда наладятся контакты и связи, когда возникнут знакомства, наконец-то, подсоберется компромат, а вместе с ним — ниточки, за которые можно дергать спесивых и неосторожных…

Но каков, однако, у милашки Эледы папочка: «Я требую от тебя соблюдения предельной осторожности. Предельной. Не рискуй. И по-хорошему расстанься с ним при первой же возможности». Собственно, письмо мистера Ховерса дочери было увлекательнейшим чтением от первой до последней строки. Но отдельные моменты впечатляли особенно. Ничего, станет тестем — Джед ему обязательно в рамках налаживания родственного доверия подгонит что-нибудь полезное. И для первого раза даже без подвоха. Агент Ленгли слегка усмехнулся этим сладостным мыслям. С папой Эледы надо дружить. Особенно на первых порах. Надо быть ему полезным, надо его расслабить.

Эледа, возможно, ещё и сама не поняла, что незаметно для себя и своей семьи вдруг стала сообщницей нового босса. Точнее, готова стать. Завуалированное согласие на помощь в доступе к технологиям долголетия было более чем однозначным. А уж представители корпоративной аристократии всегда крайне тщательно подбирают слова.

Жаль только, с будущей тёщей Ленгли явно не повезло. После прослушиваний разговоров между ней и Эледой хотелось принять

душ. Впрочем, мир вообще несовершенен, поэтому, окажись Мелинда Ховерс милейшей женщиной, Джед бы напрягся, предполагая подвох. Миссис Ховерс, по счастью, оказалась… та еще су… штучка. Интересно, что в ней в свое время нашел Нейт Ховерс? Явно была объективная причина. Происхождение? Наследство? Что? Надо будет покопаться, узнать. Дела, конечно, давние, но след-то должны были оставить… Иначе как объяснить это странное супружество? Видно же стервозную самовлюбленную самку, для которой создали красивый бизнес и посадили им «управлять». Хотя даже дураку ясно, что на самом деле модным домом вынужден заниматься секретарь Эндрю, которого пинают, словно полное ничтожество. А миссис Ховерс исключительно украшает собой кабинет, курит, как старая шлюха, и дает фамилию мужа новым модным коллекциям, которые для неё разрабатывает группа безымянных никому не известных и не интересных служащих.

Остается только порадоваться, что Эледа от матери унаследовала лучшее — цвет волос и умение элегантно одеваться. Мисс Ховерс более чем красива, весьма хороша в постели и не совсем уж беспросветно тупа…

К слову, о постели. Сегодня от Винса должны прийти точные условия по сделке, касающейся Айи Геллан. Значит, впереди бестолковая суета по подготовке завтрашнего обмена — неизбежная путаница между службами и отделами, проволочки то там, то здесь, вызванные чрезмерной осторожностью одних и агрессивной активностью других, грызня между отделами… До чего ж не вовремя! Эледа ведь пока еще толком не привязана, а она своенравна и взбалмошна. Примириться вторично может уже и не выйти. Ужин отменять нельзя, тем более, после него обещана «очень испорченная девчонка», но ведь и работы вечером невпроворот…

Да шло бы оно все! Эта самая Айя — всего лишь разовый бонус, пусть и крупный, а Эледа Ховерс — постоянный источник благ. И крайне ценный притом. Ну, а если у руководства есть более важные дела, значит, придется отдуваться подчиненным. Главное — правильно их замотивировать и настроить систему взаимоконтроля.

Джед развернул голокуб в плоскость и набросал в рабочей области имена всех тех, кем мог руководить здесь и сейчас. Хм… кто же те счастливчики, на кого будет переложена головная боль руководства? Осталось лишь выбрать и наладить взаимосвязь: кого-то припугнуть, на кого-то надавить, кого-то умаслить и, главное, сделать так, чтобы все следили друг за другом. В конце концов, подчиненные должны работать, а дело руководства —

обеспечить им мотивацию и тонус.

Как-то само собой перед глазами всплыло лицо Эледы тем вечером в ресторане — растерянно-беззащитное, уязвлённое, испуганное. О, этот коктейль непривычных для балованной богатенькой стервочки чувств! Сладкая, а ты ведь тогда даже не представляла, что столь желанное бегство от родительской заботы — дело уже решенное. Правда, решенное не тобой, не для твоего блага и не во имя твоего тщеславия. Ты, очаровательное глупое создание, поработаешь на чужой успех. Поработаешь и телом, которое весьма неплохо, и душой, до которой твоему манипулятору нет никакого дела, и умом, который, по счастью, достаточно гибок, но при этом не избыточно остер. С тобой еще очень долго можно работать. Главное сейчас — не спугнуть.

Ты, конечно, еще поерепенишься, и во имя грядущей цели даже придется под тебя чуточку прогнуться, чтобы усыпить бдительность и окончательно дать понять: влиятельный любовник — это твой счастливый шанс вырваться из семьи. Будь уверена, тебя вытащат из-под надоевшей опеки. А вот потом…

Джед резко выпрямился и начал набрасывать схему на голополе.

Потом видно будет. Дурная примета считать выручку до продажи.

* * *

Когда обнимаешь человека в бронежилете, чувство такое, будто он слегка столб. Но если тебя обнимают в ответ, дурацкие ассоциации сразу пропадают…

Когда Керро возвратился с очередных переговоров, Айя уже навернула не один десяток нервных кругов по полутемному гаражу, в котором он её оставил.

— Ты чего бегаешь? Разминаешься?

Девушка в три прыжка оказалась рядом.

— Приехал! — обрадовалась она.

— А были варианты? — удивился рейдер.

— Прошлый раз твоему появлению предшествовали взрывы и пальба, — напомнила Айка, забираясь на квадр. — А затем кросс по пересеченной местности и киборг.

Керро развел руками:

— Ну, извини, сегодня без спецэффектов.

Айя порывисто к нему прижалась и неловко ткнулась лбом в плечо.

— Дадим нашему корпоративному другу сделать всё, что

надо, и поедем заниматься своими делами, — сказал мужчина, приобнимая собеседницу.

Та прильнула теснее, обхватила его обеими руками и замерла. Некоторое время сидели в тишине, а потом девушка слегка отстранилась и спросила:

— Зачем ты перед тем, как ехать, выгрузил из прицепа вообще всё, а затем часть загрузил назад?

Рейдер ответил:

— Когда имеешь дело с сильным противником, важно не проколоться в мелочах. Этот корп — очень наблюдательный и умный оппонент, — Керро мысленно хмыкнул, вспоминая, как Винс частично разгадал уловку с гранатой. — Он мог обратить внимание на несколько странную укладку груза, а это в свою очередь спровоцировало бы ненужные мысли о том, что, помимо уговоренного, я привез что-то еще.

— Погоди, — оживилась собеседница, — но ведь вы договорились об обстреле. Как он тебе вообще доверил по себе стрелять, если тут все всех во всём подозревают? Какие гарантии, что ты не войдешь в раж?

— Как какие? — Керро откровенно удивился. — Он уже получил оружие и сейчас сам его ставит, наводит на цель. Вся управляющая автоматика — его. Так что я тут никак не подставлю. Единственное, в чем могу его опрокинуть, это в найме бойцов, но у него явно есть подвязки в секторе, а значит, успеет понять и нанять через других.

Айя снова к нему прижалась и заговорила:

— Ты вчера сказал, что я зашуганная, — она помолчала, пытаясь верно подобрать слова, чтобы донести до собеседника свою мысль и не сказать при этом какую-нибудь глупость. — А мне очень многое здесь непонятно. Я хочу научиться. Но… это вообще возможно?

Керро легонько стиснул её плечи и улыбнулся. Теплая улыбка странно контрастировала с глухими черными очками, скрывающими глаза.

— Вспомни себя у Мусорного и сравни с нынешней. Ты *уже* многому научилась. К тому же ты попросилась в младшие. А младших учат.

— Я? Попросилась? — лицо у Айи вытянулось в непритворном изумлении. — Не помню такого. Я говорила, что хочу помочь.

— Младший в рейде имеет право потребовать доказательств, что ему доверяют, — объяснил Керро. — Ты их потребовала и получила. Так что отвяжемся от корпов, — буду учить. Ещё не раз проклянешь тот день, когда захотела стать младшей партнершей.

— Нет, нет, погоди! — всполошилась Айка, снова отлепляясь от него. — Я ничего у тебя не требовала! В смысле, когда я что-то требовала?

Ей казалось нелепой сама мысль о том, чтобы что-то там… даже не просить, а *требовать* у Керро. Ну, кроме того раза, когда она требовала свой процент от авантюры. Причем требовала впустую.

— Кто сказал: иди в ванную? Моются без оружия. Большего доверия потребовать просто нельзя, — Керро притянул девушку обратно. — Не беспокойся, ты была в своём праве. Зета-центр — серьезный рейд, не на месяц и не на полгода. Ты в нём младшая и была в своем праве.

Про себя мужчина рассмеялся. Она таки даже не догадывалась, *что* стоит за подобной просьбой, а он повёлся. Ну, и ладно, сложилось-то в итоге более чем удачно. Что характерно — для обоих. Интересно, признается ли? А, впрочем, какая разница.

Айка немного помолчала, осмысливая услышанное. Получается, если бы Керро отправился в ванную в одежде — для знающего человека это было бы чем-то вроде плевка в лицо. Ну, или очень красноречивого намека. А она-то, святая простота, ещё думала, что за внезапный стриптиз! Собственно, если бы не это впечатляющее выступление и не последовавший за ним эффектный выход из душа в полотенце, вряд ли бы Айя решилась подсесть к Керро в темноте. Интересно, он это понимает? Хотя какая теперь разница.

Девушка лукаво посмотрела на собеседника:

— Кое-кто на днях говорил, будто у удачи есть поганое свойство заканчиваться в самый неподходящий момент. А мне всё равно как пёрло, так и прёт. К тому же, — она торжествующе улыбнулась и закончила: — Это был первый раз, когда мне удалось тебя развести!

— У тебя ещё будет уйма времени, чтобы об этом пожалеть в полный рост, — Керро усмехнулся. — Учитель из меня суровый и хреновый. Так что жизнь впереди весьма насыщенная. Впрочем, другой и не жди, искать тебя никогда не престанут.

Айка легкомысленно пожала плечами. Она явно не собиралась унывать.

— Мое везение, хотя и специфично, всё же остается везением, так что не напугал, — она немного помолчала, а потом спросила уже серьезно: — Если меня не перестанут искать, то зачем сегодняшний обмен? Почему просто не исчезнуть? Из-за денег?

Керро покачал головой:

— Нет, не из-за денег. Просто это две большие разницы —

быть в списке «Возможно, жива — тело не обнаружено, вероятность выживания крайне низкая» или в списке «Жива — местоположение неизвестно». Во втором случае ключ к Зета-центру будут искать яростно и неусыпно. Ты даже не представляешь всей мощи корпораций. Год, максимум два, и тебя найдут.

Девушку передернуло.

— То есть искать меня всё равно будут, но с разным рвением… — протянула она.

— Да. Добро пожаловать в… реальный мир, — казалось, он хотел сказать что-то другое, но передумал.

— Пять миллионов кредов легко примиряют с реальностью, — резонно заметила собеседница. — Ну, то есть не пять, а сколько мне там причитается как младшему в рейде? Да, кстати, ты говорил о правах. Но ничего не сказал об обязанностях.

— На сегодня и завтра твоя обязанность — чтобы все прошло так, как запланировано, — Керро скосил глаза на ящик, стоящий в углу гаража. — Остальное узнаешь в свой черёд, — и рейдер со вкусом выговорил, — *напарница*. А, вообще, предлагаю, пока ждём, заняться делами более приятными, нежели треп.

С этими словами он снял с багажника квадра объемный кейс.

Айка скептически прищурилась и осмотрелась.

Похоже, для нее холодина, ветер и разруха вокруг плохо сочетались с «приятными делами».

* * *

Квадроцикл Винсент оставил, не доезжая пары километров до населенной части сектора. Закатил в неприметные развалины, прикрыл масксетью, которая была примотана к сиденью, и закидал всяким мелким мусором. Наткнуться можно только в случае очень крутого везения. Рейдер специально запомнил ориентиры, чтоб сказать Су Мин, если вдруг забирать транспорт придется её людям.

Дальше отправился пешком. Обстановка в секторе со вчерашнего дня накалялась с каждой минутой, и выделываться на квадре уж точно не стоило — шум привлекает внимание, а от пули не укатишь. Пешком всяко безопаснее. Так что ножками, ножками. Зато, случись заваруха, можно быстро спрятаться в укрытие или просто пойти другой дорогой. Впрочем, пару кварталов Винс миновал безо всяких приключений. Если, конечно, не считать приключением свежий труп, ноги которого

торчали из-за ржавого каркаса покореженного и смятого автобуса. На рослого крепкого мужика напали, видимо, со спины и били ножом, пока не свалился. Он так и помер лицом вниз в луже крови. Не позавидуешь.

Винс хмыкнул и отправился дальше. Спустя пару улиц ему попался ещё один мертвец, гораздо более колоритный. Парня-мулата насадили спиной на торчащую из обломков бетонной стены арматуру. Тело обвисло на ржавых штырях, ноги подогнулись. Ботинки, кстати, с убитого сняли вместе с носками. Не побрезговали. Может, и штаны бы стянули, но те были совсем дрянными.

Да уж, всё как сообщила Су Мин: Патлатый с Бивнем таки сцепились. Ушлый, не будь дурак, увёл своих в сторону, запретив шароёбиться по сектору, а всякая мелочь, наоборот, пользуясь временной анархией, пошла сводить счеты и делить недоделенное. Любят человеки друг друга убивать, особенно если думают, что за это им ничего не будет. А дичают и вовсе на удивление быстро.

Словно в подтверждение этих мыслей из-за угла ближайшего дома послышались истеричные женские взвизги и глухие звуки ударов. Винс даже не стал доставать из рукава куртки видеощуп, просто шагнул в темноту ближайшего подъезда, где остановился переждать чужую разборку и заодно обдумать, куда идти.

В конце концов, а так ли ему надо в ту ночлежку, где ждёт Рекс? Ничего ценного там нет, тащиться же придется через весь центр сектора. Проще вызвать молодого, чтобы валил на другую точку, а самому не суетиться. Ведь всё, что Винсенту необходимо — состыковаться с Рексом и дождаться завтрашнего утра. Керро был прав: салага на обмене не сможет навредить, к тому же самого факта его присутствия хватит, чтобы центр не навязал другого напарника. Кстати, надо ведь ещё отправить, наконец, Ленгли план обмена для утверждения и подготовки. А для этого следует найти тёплое и безопасное место, где можно спокойно посидеть и все сделать.

Итак, куда податься? «Хризантемы»? Не, ночевать точно не оставят. Да и вообще могут не пустить без согласования с Су Мин, а пока они с ней свяжутся… Долго. Связисты? К ним пилить через весь центр, и не факт, что будут рады… А вот «Нора» как раз неподалеку, всего в трёх кварталах. Там без проблем оставят заночевать, и туда же Су Мин сможет прислать проводника, который доставит Рекса. Ну, значит, в «Нору».

Как раз когда рейдер определился, куда пойдет, разборка за углом стихла и вскоре мимо подъезда, где он пережидал драку, прошли, весело хохоча, три потасканных уличных девки. Судя по

неестественному диковатому смеху и разболтанным походкам, шалавы были обдолбаны до полного изумления. Одна, вон, даже куртку сбросила. И всё, что под ней, тоже. Да и остальные…

Винс усмехнулся, выждал, пока оживленная троица повернет на соседнюю улицу, и не спеша направился в сторону заведения Мэрилин. Как он и ожидал, за углом, там, где случилась потасовка, валялось изломанное тело — то ли недавняя подружка, то ли опостылевшая конкурентка местных шлюх. На неудачнице явно от души попрыгали, а затем долго с наслаждением разбивали голову. Собственно, головы-то после этого почти и не осталось. Месиво сплошное да брызги вокруг. И посреди — пара окровавленных кирпичей. Странно, что не поразвлеклись с запихиванием арматуры куда ни попадя. Видать, обдолбанных мозгов на такие сложные идеи уже не хватило. А может, координация подвела.

Мёртвая девка лежала, вытянувшись от стены до стены узкого переулка. Винсент перешагнул через тощее обезображенное тело и отправился дальше.

* * *

Атмосфера в «Норе» разительно отличалась от той, что царила на улицах: тишина, стерильная чистота пустого танцевального зала, чёрный провал сцены, тусклое поблескивание пилонов в полумраке, тёмная барная стойка, аккуратно придвинутые к ней высокие табуреты… Перила второго этажа снизу были почти неразличимы, как и клетки для танцовщиц. Лишь над полками с бутылками мягко горела диодная лента. Ее бледный свет отражался от стеклянных боков стаканов и фужеров, вспыхивал на хромированной поверхности пивных кранов. Всё вместе это, как ни странно, создавало иллюзию безопасности — умиротворенная тишина, порядок… Будто находишься не в черном секторе, где разразилась война банд, а в развлекательном квартале корпоративной зоны.

Винсент устроился за одним из столиков, стоящих вдоль стен, и теперь наслаждался, действительно наслаждался покоем. Даже, к собственному удивлению, поймал себя на том, что, пожалуй, несколько стосковался по цивилизации, чистоте и лёгкому получению удобств. Он не успел толком заскучать, когда с противоположной стороны зала послышался цокот тонких каблуков. Из полумрака выплыла Мэрилин. Как всегда, удивительно элегантная. Сегодня на ней были строгая узкая темная юбка и короткий жакет в тон. Подобный наряд не

постыдилась бы надеть даже Эледа.

— Я сказала охране, чтобы Рекса пропустили, — Мэрилин уселась напротив гостя и тут же спросила: — Девочку? Двух? Мужчине Су Мин — бесплатно.

Винсент на секунду задумался, а потом достал пистолет и, вытащив магазин, быстро выщелкнул часть патронов.

— Даже на трех согласен, — он вставил магазин обратно. — Но с условием, что хотя бы одна из них сумеет выбить пятьдесят.

С этими словами рейдер рукоятью вперед протянул оружие хозяйке заведения. Мэрилин выставила перед собой ладони и взглядом указала на стол. Винс положил пистолет.

— И сколько патронов оставил? — усмехнулась, кивая на оружие, собеседница.

— Три, — отзеркалил усмешку мужчина.

— И еще в стволе один, — хозяйка «Норы» засмеялась.

Нормальный стрелок сможет, конечно, выбить пятьдесят очков. Вот только даже ему для этого понадобятся пять патронов.

— Чем между собой похожи все мужчины Су Мин, так это отличным чувством юмора.

С этими словами Мэрилин кивнула подошедшей девушке-официантке. Та, поняв немой приказ, испарилась, но меньше чем через минуту вернулась. С подноса на столик перекочевали бутылка текилы, стопка, блюдо с легкими закусками и стакан коктейля.

— Скажи, вы ведь не исчезнете? — мягко поинтересовалась женщина.

— Скоро исчезнем, — честно ответил рейдер. — Но, если дела пойдут хорошо, я вернусь.

— Сестра будет рада… — сказала собеседница, но Винсенту послышалась в её голосе легкая грусть. — Прихвати с собой вашего молодого. Обещаю обкатать его здесь как следует. Да и второе безопасное место таким, как он, ещё никогда не вредило.

Ясно. Вон оно в чем дело.

— Так понравился? — чуть ехидно подмигнул собеседник.

— А почему нет? — деланно удивилась Мэрилин. — Су Мин любит риск, она — боец. А я — всего лишь слабая женщина, поэтому, в отличие от неё, тянусь не к умным и резким, а к ласковым и предсказуемым. Рекс очень милый мальчик…

Винс немного помолчал.

— Врать не буду, — наконец, сказал он. — Его сюда вытащить вряд ли удастся. Разве что года через два, и то… — он неопределенно развел руками.

— Через два года это будет уже совсем другой человек, — вздохнула Мэрилин. — Но за правду спасибо. Тоже нечастая

вещь.

Помолчали.

— Слушай, а чего твои девчонки такие пришибленные? — Винс отсалютовал хозяйке стопкой и выпил. — Проходили тут две. Совсем зашуганные.

— А… — собеседница повела бровями, — просто некоторых из них посетили дурные мысли. Пришлось быстро принять превентивные меры по наведению порядка в головах.

— Наведение порядка в головах — дело жизненно важное, верно, — рейдер хмыкнул. — Скажи, а ты Керро хорошо знаешь?

— Не особо… — Мэрилин слегка удивилась вопросу и тут же пояснила: — Его, по большому счету, никто не знает толком.

— Су Мин предложила устроить ему ночь любви в качестве платы за мой косяк… — Винс на секунду замолчал, подбирая слова.

— Это она дразнилась, — улыбнулась Мэрилин. — Уж мне можешь поверить.

— Да, знаю, — Винс выглядел довольным. — Она потом сказала, что ни-ни. Даже посмеялась надо мной чуток. Вот и стало интересно: что не так с Керро?

— С Керро всё так, — спокойно ответила женщина, делая глоток через соломинку. — Вообще он на неё немало работал. Всегда чётко, ровно, ни одного косяка. Но у моей сестры пунктик: она спит только с теми, кто ей реально нравится. А Керро её привлекает как профи. Но не как мужчина.

Винс подавился смехом.

— Что тебя развеселило? — непонимающе и оттого слегка настороженно спросила Мэрилин.

— Да так… — рейдер опрокинул в себя ещё одну стопку. — Воистину «возгордишься», — непонятно закончил он.

Хозяйка «Норы» вежливо улыбнулась и встала:

— Отдыхай. Если что-то понадобится, просто позови официантку. Приятно провести время.

Она ушла, а Винс из-за царящего в зале полумрака так и не заметил промелькнувшего во взгляде собеседницы лукавства.

Мэрилин очень хорошо знала свою подругу и сестру. И знала, что Су Мин избегает Керро вовсе не из-за отсутствия к нему интереса. Совсем наоборот. Это Керро оказался невероятно устойчив к чарам младшей бонзы связистов. То ли он был настолько непробиваемо глух к намёкам, то ли совершенно равнодушен к опасному флирту, то ли попросту не нуждался в самоутверждении. Мэрилин подозревала последнее, а в психологии сильного пола она разбиралась неплохо.

Однако Винсенту об истинном положении вещей знать не

следовало. Зачем? Мужчине нужно быть уверенным в себе и женщине, которая рядом с ним. Это не только тешит самолюбие, но и дает чувство глубокого удовлетворения жизнью. А из заведения Мэрилин ещё ни один клиент не уходил неудовлетворенным.

* * *

Вот уже битый час Рекс пытался выбраться к обжитым кварталам из путаного лабиринта переулков и развалин. Сидеть в отеле (ну, не поворачивался язык назвать вполне уютное место ночлежкой) быстро надоело. К тому же Винс опять куда-то свалил… А Рексу по возвращении на базу наверняка придётся отчитываться. Раз так, не фиг сидеть. Надо продолжить наращивание полевого опыта. То есть идти на прогулку.

Поперся, блин. Не помогли ни карта в очках, ни система точного позиционирования. Если же верить снимку со спутника и спутниковой же навигации, то Рекс сейчас стоял в центре здоровенного здания, а не посреди узкой улицы, заваленной обломками. Фигня какая-то…

Поэтому, когда неподалеку ударили несколько автоматических стволов, рейдер на слух определил место перестрелки и направился в обход. Кто ж мог знать, что полуразрушенная городская застройка настолько искажает направление звука?

Лихо!

Иных мыслей при виде открывшегося зрелища в голове не возникало. Рекс было потянулся к оружию, но потом узнал мужчин и девушку с ними, поэтому плавно убрал руку от пистолета-пулемета.

Возле подъезда относительно целой пятиэтажки двое корейцев красиво рассаживали мертвецов: четверо ребят лет восемнадцати-девятнадцати были застрелены, а теперь их тела устраивали так, чтобы они сидели по двое с каждой стороны от входа. Прямо почетный караул.

Убитых привалили к стенам, после чего один из азиатов взял валявшийся на земле баллончик с краской и, безо всяких сантиментов, разжав покойнику челюсти, вбил баллончик ему в рот.

Су Мин, что-то рисовавшая на стене промышленным маркером, оглянулась, послала рейдеру лучезарную улыбку и вернулась к своему занятию. Несколько небрежных движений, и на старой кирпичной кладке появилось изображение

перечеркнутого баллончика, а рядом с ним антеннка с исходящими радиоволнами. После этого девушка отбросила маркер и лёгкой походкой направилась к Рексу.

— Это частная вечеринка, или каждый может присоединиться? — спросил он.

— Вечеринка уже закончилась, — развела руками Су Мин. — Так что поучаствовать не удастся. А ты чего здесь? Один?

— Приказа сидеть на месте не было.

— Значит, решил прошвырнуться?

— Ага, с местностью знакомлюсь. И за что их? Если не секрет.

Кореянка подошла уже совсем близко, и Рекс учуял запах пороховой гари от её оружия.

— Не секрет, — ответила собеседница. — Собирались посягнуть на то, на что посягать не стоило. Влезли изгадить чужую работу, сделанную в память об одном… — тут она запнулась, подбирая верное слово, — об одном редком человеке. В связи с чем были использованы в качестве показательного примера для остальных, кто захочет повторить их подвиг. Прикинь, три группы краскодрочеров провоцировала, — она кокетливо улыбнулась, — а вылезла только одна. Старею, наверное, — девушка рассмеялась, — или, может, кролей так боятся…

— А посмотреть на работу, которую пытались изгадить, можно?

— Конечно, можно. Показать?

— Буду благодарен, — кивнул Рекс, которому действительно было интересно.

— Идём, — девушка поманила его за собой.

Рейдер поднялся по короткой лестнице и проследовал за своей спутницей в подъезд. Уже в холле стало ясно — недавно тут кто-то кантовался, а потом в спешке свалил. Пакеты с мусором в углу, аккуратно сложенные вдоль стены обломки кирпичей, самодельный стол, скамьи (и то, и другое уже частично раскуроченное), следы промлипучки на окнах, видать, крепили пленку… Здесь явно жили и пытались создать уют. Но местные вандалы уже расстарались — часть мусора расшвыряли, углы загадили. Плюс следы свежей крови на полу тоже добавляли настроения.

На стене была нарисована картина. Красивая. Не то что прям уж правдоподобная или там высокоталантливая, но очень запоминающаяся. На картине в натуральный рост неизвестный граффитчик изобразил стройную девушку в старинном платье и белом передничке. Девушка, прикрыв глаза, стояла на тропинке, ведущей к далекому и очень уютному дому из белого камня, тоже

старинному — с широкой лестницей, перильцами и тепло горящими окнами.

Лицо у девушки было… словами не передать. Рекс, например, не понимал, как при помощи красок можно изобразить облегчение, надежду, умиротворение. Но у художника получилось, несмотря на общую мультяшность.

— Вот, — сказала Су Мин, указывая на граффити. — Вот это они хотели испортить.

Рейдер пригляделся и увидел пятно ярко-желтой краски на одном из окон. Видимо, от этой точки собирались либо всё закрасить, либо написать какую-то похабщину. Но не успели. А теперь в полумраке, казалось, будто в домике из белого камня одно окно светится ярче прочих.

— Хорошо, что не успели, — сказал Рекс и добавил совершенно искренне: — Офигительный рисунок. Но ты ведь не только из-за красоты озаботилась защитой?

— Ну, я же сказала — редкая девушка… была. Хорошая. К тому же я пообещала, что прослежу за сохранностью. А слово надо держать. Особенно слово, данное нужным людям, — серьезно ответила кореянка.

— Знаешь, я теперь понимаю, почему Винсент весь вечер провел только с тобой, тогда как остальные меняли девчонок в час по паре, — сказал задумчиво Рекс. — Я так думаю, наши вчера очень ему завидовали.

Су Мин закатила глаза и сказала, легонько ткнув собеседника в бок:

— М-м-м, комплименты… обожаю! Скажи ещё что-нибудь, у тебя неплохо получается.

— Не-а, — улыбнулся Рекс. — Не хочу от Винса в морду получить.

Девушка игриво рассмеялась. Смех странно дисгармонировал с запахом выстуженного помещения, сгоревшего пороха и свежей крови.

— Я тебя не выдам, — ответила она, отсмеявшись, и добавила: — А правду сестрица говорила — приятный ты малый, — кореянка взяла спутника под руку и доверительно сказала, слегка понизив голос: — Кстати, ваши не зря завидовали Винсу. В «Норе» удовольствия только узкого профиля, а я специализируюсь на широком.

Рекс удивленно вскинул брови, явно не понимая, что имеет в виду собеседница:

— Да не в том смысле, в каком ты подумал, — сказала девушка, увлекая рейдера обратно на улицу. — Вот говорила Мэрилин, что у тебя всё на лице написано, но я не поверила.

— С лицом прям беда какая-то… — с деланным сожалением вздохнул Рекс. — Прям хоть новое пришивай… — он посмотрел на убитых граффитчиков и спросил: — А краскодрочеры входят в широкий профиль чьих-то удовольствий? Или так — для души?

В это время в верхнем углу линзы очков замигала иконка сообщения. Рекс пробежался по кнопкам на дужке и раскрыл текст:

«Перебазируемся. Гуляешь, небось? Возвращайся в номер. К тебе подойдет проводник, скажет — от новой волны. Ответишь, что тебе и старая не надоела».

Тем временем Су Мин подняла руку и активировала планшет на предплечье, скользнула взглядом по пришедшему сообщению, после чего повернулась к Рексу и спросила:

— Ну, ты куда сейчас? На исходную?

Он посмотрел на неё удивленно:

— С чего взяла?

Девушка пожала плечами:

— Да так… Может, тебе проводник нужен? Район здесь старый, путанный…

Рейдер покачал головой:

— Разберусь, спасибо.

— То есть не провожать?

— Не.

— Жаль, могли бы поболтать. С тобой интересно, а меня всегда прёт от новой волны.

Её спутник на миг застыл, а потом сказал:

— Да? А мне и старая не надоела.

Су Мин улыбнулась и шепнула:

— Толковый… Мэрилин всегда самую суть схватывает. Но всё равно наивный. А если я на самом деле сообщение перехватила и свою игру решила затеять?

— Блин… — досадливо ругнулся Рекс.

Несколько минут они шли молча, а потом рейдер сказал:

— Я всё больше и больше завидую своему старшему. Научиться бы так — в секторе всего несколько суток, а лучшая женщина уже твоя и всё схвачено. Как у него это получается?..

— Я — своя собственная, — после секундной паузы ответила кореянка. — Но за лучшую прощаю. А что у Винса всё схвачено, так хватает правильно. Со временем научишься, если, конечно, не помрешь раньше.

От этих ее слов Рекса пробрало холодком. Вспомнились вчерашние трупы на площади и короткий взмах ножа. А спокойные и учтивые корейцы из тройки прикрытия, которые сейчас шли, отставая на пару шагов, накануне выглядели вовсе не

так дружелюбно, мало того, были готовы убить своего же по единственному знаку этой хрупкой девушки.

— Скажи, в этом мире вообще есть хоть что-то, что именно такое, каким кажется на первый взгляд? — прервал молчание рейдер.

— Наверное, есть, — весело ответила Су Мин. — Но мне ни разу не встречалось.

* * *

Двадцать секунд.

Ровно. Двадцать. Секунд. Несколько мгновений, которые завтра решат всё. И ради этих коротких двадцати секунд сегодня были три долгих часа непрерывной тренировки.

Об этом думала Айка, шагая рядом с Керро по разрушенному городскому кварталу. Она устала. Вымоталась за последние шесть суток и физически, и эмоционально. А нынешний день практически досуха отжал невеликий запас внутренних сил. Ноги казались негнущимися, словно костыли, голова — пустой, как старая кастрюля. И все мысли сосредоточились вокруг одной, монотонно повторяющейся в сознании фразы: двадцать секунд.

С этими проклятыми двадцатью секундами Айю примиряли только два аргумента: Керро и еда. Оказалось, еда могла примирить воспитанницу интерната номер восемнадцать вообще с любыми трудностями. Потому что именно вкусная еда была тем стимулом, который вдохновлял Айку на борьбу. Да, натура мисс Геллан, как выяснилось, оказалась начисто лишена романтики, потому мисс Геллан совершенно пошло и заурядно любила пожрать. И аппетит у нее был совершенно не девичьим. Керро именно так и сказал, когда смотрел, с какой жадностью его подопечная уничтожает продукты после трёх часов яростных физических нагрузок. Кто бы другой упал и вырубился. А она ела, словно последний раз в жизни.

Да, не свобода и не приключения манили Айкину душу. Еда. Вкусная, сытная, которая не чета интернатской сублимированной бурде и протеиновым плиткам, похожим на застывший клей… Пожалуй, лишь теперь Айя поняла, что человеку нужно для счастья: короткая передышка, в которой есть самое главное — вода, чтобы помыться, еда, чтобы наесться, и человек, которого можно обнять и который на ощупь слегка столб.

У нее всё это есть. И будет. Если завтра она постарается. Главное — помнить про то, что секунд всего лишь двадцать. Двадцать стремительно летящих мгновений, которые

окончательно решат судьбу Айи Геллан.

Повторяющаяся без остановки мысль (вот ведь вбил Керро в голову!) совершенно унесла девушку из реальности. Вымотанная донельзя Айка на автопилоте брела след в след за своим спутником, не обращая внимания ни на что вокруг. Так она и шла, пока не влетела носом в широкую спину. Удивительно, но внезапно остановившийся Керро даже не рыкнул.

— Вот же, блин, — сказал с досадой рейдер, — и хер ведь обойдешь.

Айя, ещё *до* того как успела понять причину остановки, инстинктивно подобралась и повторила всё согласно утренней инструкции — замерла в паре шагов слева от спутника, после чего быстро огляделась, выискивая возможное укрытие на случай, если начнется стрельба. В очередной раз она от души позавидовала очкам Керро, которые, похоже, позволяли видеть сквозь что угодно.

Рейдер на картинке с камер заднего вида прекрасно разглядел немудреные манёвры девушки и чуть усмехнулся: начинает включать соображение и инстинкты, плюс чётко следует инструкциям. Значит, шансы на будущее весьма неплохи.

— Расслабься, — сказал он. — Нам ничего особо не грозит. Но, ёп, до чего ж не вовремя. И обойти нельзя. Ладно, идём дальше. Глупостей только не делай и за оружие не хватайся.

Девушка сразу же послушно убрала руку от глока, хотя так и не поняла, чем конкретно раздосадован спутник. Лишь спустя несколько десятков шагов Айя увидела то, что Керро заметил раньше неё. Точнее не то, а того…

Посреди небольшой площади лежал массивный бетонный блок, к которому лицом вниз был привязан согнутый в пояснице мужчина. Лица его было не разглядеть из-за длинных дредов, которые болтались грязными сосульками. Мужчина вжимался щекой в грязный бетон и судорожно с подвываниями всхлипывал. А штаны у него почему-то были спущены до колен.

— Его… что… — Айя не решилась озвучить своё предположение, потому что оно показалось ей слишком ужасным. Однако реальность оказалась ещё хуже.

Керро ответил:

— Когда хотят, чтобы человек подыхал как можно дольше и поганей, загоняют поглубже слабый заряд взрывчатки. На кол или арматурину надо уметь сажать, а мастеров мало. С зарядом проще. Мощность давно подобрали. Это называется «вставить пистон».

Девушка судорожно сглотнула.

— Вежливые твари, — зло процедил рейдер. — Даже кляп

воткнули, чтоб ором никому не мешал. Руки от оружия! — вдруг резко сказал он.

Айка вздрогнула, отдергивая ладонь, которая сама собой легла на рукоять глока.

— Не ты делала, не тебе и ломать. Идём мимо.

Так и прошли. От злости и беспомощности у Айи шумело в ушах. Но надрывные всхлипы прорывались даже сквозь этот гул и били по нервам, заставляли скрипеть зубами. Девушка шагала, уронив взгляд под ноги, чтобы только не видеть страшную чужую беспомощность и муку. Жаль, нельзя побежать бегом! Керро шёл рядом — напружиненный, собранный — и смотрел поверх умирающего куда-то в сторону.

Лишь на другой стороне площади, когда жалость, ужас, гадливость и бессилие переполнили девушку до краев, она протянула руку, чтобы остановить своего спутника, попросить, потребовать… А чего именно, и сама не понимала толком. Просто потребовать! Люди они или нет? И если люди, то как могут равнодушно уйти?

К счастью, ничего этого Айя сделать не успела, поскольку в узком переулке Керро вдруг оттолкнул её в подъезд, а сам выдернул из-под куртки правый пистолет-пулемёт и выстрелил, после чего одним прыжком ушел следом за спутницей. Две пули, прилетевшие с другой стороны улицы, запоздало ударили в стену.

— Обычно в таких случаях, — спокойно продолжая беседу, сказал рейдер, — в засаде оставляют стрелков, чтобы исключили вмешательство гуманистов вроде тебя или друзей казнимого.

Он достал из-под куртки экранчик, передал его Айе, а сам вытянул из рукава видеощуп, осторожно выставил его за угол и чуть повозился, беря в фокус бетонный блок. По серому камню вокруг патлатой головы расплывалось кровавое пятно.

— Прости, — у Айи был виноватый вид, — прости, я просто… Я не могла…

Она замолчала, потому что он ведь и так понял, чего именно она не могла. Прекрасно понял.

— Знаю, — сказал Керро. — Поэтому и пришлось стрелять отсюда. Иначе бы просто прошли еще метров двадцать и подобрались поближе через соседние развалины. Такое видеть в первый раз всем тяжко. А уж ничего не сделать — тем более.

Айя посмотрела на него с благодарностью и, не зная, что сказать, просто обняла.

* * *

Винсент сидел за своим столиком уже с полчаса. Попивал текилу, закусывал и лениво наблюдал за обитательницами заведения. Девчонки из танцовщиц, одетые в обтягивающие спортивные топы и лосины, занимались на сцене гимнастической растяжкой, повторяли элементы групповых номеров. Одна крутилась на пилоне. Упражнения и танцы были лишены чувственности — обычная тренировка. Движения собранные, скупые, артистичность побоку, простое заучивание, даже без музыки. Основной упор на слаженность и правильное распределение по сцене, чтобы никто никому не мешал и никто никого не толкал.

Мэрилин стояла в зале и наблюдала за подчиненными. Когда ей казалось, будто кто-то из них выкладывается с недостаточной самоотдачей, она резко хлопала в ладоши, чем сразу вызывала испуг и прилив стараний. Как понял Винс, владелица заведения планировала извлечь из вынужденного простоя максимальную выгоду, поэтому сейчас работницы эротического фронта яростно трудились над новой программой выступления. Толково. Когда всё уляжется, в «Нору» попрут страждущие мужики, причем многие — заметно разбогатевшие. И желательно их удивить и ублажить по максимуму, чтобы деньги они тратили, не считая. А ещё Мэрилин была отличным руководителем и потому знала: от ничегонеделания в глупые головы частенько лезут глупые же мысли, поэтому подчиненные не должны изнывать от безделья.

Бойцы охраны наблюдали за репетицией безо всякого интереса. Смотреть действительно было не на что — потные огрызающиеся друг на друга девчонки, не накрашенные, без завлекательных костюмов, похожие на мучающихся с похмелья чирлидерш. Поэтому мужики с б***о***льшим вожделением поглядывали на текилу Винса, чем на сцену.

Время тянулось. Винс скучал. Инфопакет с планом обмена и приказами всем задействованным службам уже давно ушел в центр. Когда со своей ознакомительной прогулки вернется Рекс, можно будет сразу отправлять дополнение о «требовании» Керро. Не вернется, ну… кого-нибудь другого дадут.

Пить особо не хотелось… Мелькнула было мысль попросить у Мэрилин кабинет для приватов и завалиться там спать до прихода Су Мин… Мелькнула и исчезла. Рекса, если приведут, то приведут раньше, а его в кабинете для приватов дожидаться несколько… странновато.

Впрочем, жизнь, как всегда, внесла свои коррективы — двери в зал вдруг распахнулись, и на пороге появились сразу и Су Мин, и Рекс. Девушка улыбалась, слушая собеседника, который что-то ей рассказывал. Винсент приветственно помахал вошедшим, и те

направились к столику, на ходу снимая куртки.

— Не ожидал тебя увидеть так рано, — сказал Винс кореянке, — думал, внутрисекторальными делами будешь заниматься.

— Всё силовое — в компетенции Младшего, — отмахнулась девушка, — дипломатия — на Среднем, а я занимаюсь особыми поручениями, и из таких сейчас только ты. Так что моя задача — помочь тебе, в чем надо, ну и так… обеспечить особые условия, — она многозначительно улыбнулась.

Мэрилин, которая всё это время стояла возле сцены, наконец, отвлеклась от созерцания репетиции и повернулась к гостям. Увидела сестру, показала глазами куда-то в сторону. Кореянка легко поднялась:

— Я оставлю вас ненадолго, — сказала она мужчинам.

Рекс посмотрел туда, где в полумраке зала стояла фигуристая белокурая женщина:

— Ты передай, пожалуйста, Мэрилин, что она, как всегда, роскошно выглядит…

Девушка закатила глаза:

— Ой, ну какой ты ми-и-илый… и хитрый! — она рассмеялась. — Не передам. Хочешь организовать себе вечер, подкатывай сам. Но учти — она слегка на взводе.

Рекс пробормотал:

— Поэтому и нужен парламентёр…

Су Мин подмигнула:

— Ладно уж, чудак-человек, не обещаю, что сделаю, но и категорическое «нет» говорить не буду. И это… претензии не принимаются.

С этими словами она ушла.

— Винс, я тут… — Рекс замялся.

— Чего накосорезил?

— Да я и сам толком не понял, — признался молодой, а потом всё-таки попросил: — Глянь в логе, что я не так сделал?

И он начал копаться в виртуальном меню.

Винсент только вздохнул, коснулся кнопки на дужках очков. Затем пальцы замелькали, бегло перебирая строки:

— Всегда отключай внешний доступ. Когда это было?

— Минут двадцать назад…

Рейдер быстро отыскал нужный отрезок и просмотрел запись.

— Бля, совсем на курсах обленились, — тоскливо вздохнул он. — Но ты точно легендой станешь. Оскорбить бонзу при её людях и остаться живым — это умудриться надо. Запомни, молодой, *чьи-то* — рабы, должники и шлюхи. Назвать жителя чёрного сектора *чьим-то* — хуже, чем плюнуть в лицо. Вежливо

будет спросить «с кем ты» или, если человек в группировке, то «под кем ты», если совсем вежливо — «кто над тобой». Но ни в коем случае не «чей ты». Врубился?

— Но у нас же так всегда говорят, ну… — Рекс запнулся, пытаясь подобрать слова, но собеседник понял и кивнул:

— У тебя богатый выбор для определения того, кем являются люди у нас. Аж три позиции. Любую выбирай — не ошибешься. Теперь понимаешь, за что на самом деле работают рейдеры?… Ладно, начинающая легенда корпуса, слушай сюда: расслабляйся, отдыхай, всё такое. Выходим в четыре утра. Ты — со мной на обмене. Керро настоял. Так что будь в норме.

— Почему я? — удивился собеседник и зачастил, не давая старшему сказать: — Понимаю, Керро настоял. Но я про другое. Почему ты вообще оставил меня при себе? Именно меня.

— А кого еще? — развел руками Винс. — У Кары ТО. Никогда не видел недокиборга, у которого скоро ТО, а он не уверен, что сумеет его получить? И не видь. То ещё зрелище. Связи конкурентов отработать надо? Откуда они, кем присланы, как узнали о нашей цели? Надо. Не тебя ж посылать на эту разработку — ни опыта, ни навыков, поэтому отправились Ирвин с Кемпом. Ну а здесь силовая поддержка, если что, всегда будет, помощь тоже — любая… вот и оставил тебя. Можно было, конечно, вместе с Карой сплавить, но корпорация косо смотрит, когда кто-то работает за периметром в одиночку.

У Рекса в голове будто перещелкнулся тумблер. У Винса был — был! — другой вариант: вызвать на отработку связей конкурентов ещё одну группу из-за периметра, а Ирвина, Кемпа и Рекса оставить здесь, не бить группу. Так было бы и логичнее, и надежнее. Но он этого не сделал. Он предпочел всех отослать под различными предлогами, оставив рядом самого молодого, наивного и бестолкового. Того, кто ни черта не смыслит в реалиях сектора, того, кто не понимает раскладов, того, кого легко надуть и ещё проще — устранить, если вдруг узнает лишнее. Того, о ком не заставят писать отчетов — прекраснодушного наивного интернатского дурака, которому всё в диковинку, который от восторга и адреналина плохо соображает, а на своего старшего глядит, как на бога. Отличный расходный материал… И ведь спроси его, так ли это — ведь всё объяснит. Гладко и логично. Может, даже не соврет. Может… только вот Рекс всё равно не поймет, он ещё не настолько заматерел, чтобы отличить правду от ловкой разводки.

Вспомнился недавний диалог:

«— Скажи, в этом мире вообще есть хоть что-то, что именно такое, каким кажется на первый взгляд?

— Наверное, есть. Но мне ни разу не встречалось».

И еще слова Мэрилин: «Никому. Никогда. Ни в чем. Не верь. Тогда выживешь». А следом, эхом: «Лицо и глаза выдают. Рожа должна быть каменной».

Все это вихрем пронеслось в голове.

— Чего застыл? — Винс оглянулся, проследив глазами за взглядом Рекса, и вполне предсказуемо увидел хозяйку «Норы», беседующую с названой сестрой. — Не сиди, как идиот, вали, подкатывай — такая женщина внимание обратила!

— Да, — сказал Рекс. И добавил с искренней благодарностью: — Спасибо, что мозги вправил.

Он ничуть не лукавил, в данной ситуации даже детектор лжи не уловил бы фальши. Поэтому и Винсент Хейли тоже ничего не заподозрил.

* * *

Джед Ленгли искренне наслаждался, читая инфопакет, пришедший, наконец, от Винсента. Спутниковый снимок и кроки местности. Варианты подхода.

И ведь есть же любители острых ощущений, которые добровольно, пусть и на бронированной машине, полезут в эту каменную кишку. Ну и работёнку некоторые себе выбирают. Очень специфический вывих мозга нужен, чтобы в такую профессию податься.

Итак, что мы имеем? Место — вот оно. Время обмена — двенадцать дня. Дальше. Готовые приказы службам и частям, которые от Ленгли требуется только завизировать. Ну, Винсент и постарался! И ведь это, сидя в чёрном секторе с урезанным доступом к инфосети. Теперь переведём с бюрократического на человеческий.

Первое. Аэротехническая служба. От неё требуется оборудовать временную площадку для базирования вертолёта класса «тяжёлый десантный» в точке такой-то к девяти часам утра.

Второе. Охранная служба должна выделить роту для обеспечения безопасности проводимых работ и временной площадки бла-бла-бла…

Третье. Отдельному аэроштурмовому батальону обеспечить вертолёт класса «тяжёлый десантный» с полным десантным нарядом к десяти часам утра. С одиннадцати вертушку держать в пятиминутной готовности на временной площадке в точке… далее по прилагаемому плану.

Четвертое. Корпусу рейдеров перегнать машину марки «Ленд Ровер» модификации «Скаут 3», комплектация такая-то в точку такую-то к девяти утра. Обеспечить эвакуацию перегонной команды.

Джед бегло дочитал весь список и хмыкнул. Винсент своё дело знает на «отлично». Ничего не забыл, ни научников с их пунктом передачи объекта (вот ведь параноики по части биобезопасности), ни службу конвоирования. Даже беспилотниками наблюдения озаботился, причём в строго необходимое время.

Аппетиты у него, конечно, не слабые, но ведь и речь не о мелочевке. Однако же как подробно человек разбирается во всех этих нюансах… По ходу, наизусть знает все службы километров на пятьдесят вокруг. А то ведь, когда он за периметр с двумя

пистолетиками отправился, Ленгли всерьез опасался, что не только девчонку украденную, но и самого мистера Хейли живым обратно не дождётся. Однако же Винс возложенные на него надежды полностью оправдал, а расходы — окупил. Подумать только, до какой степени некоторым не хочется принадлежать мисс Ховерс. Такой нежный цветок, и такое сильное неприятие будит в подчиненных. Какая прелесть, право слово.

Джед приложил к сканеру планшета указательный палец, ставя резолюцию и подтверждая план обмена. Приказы по внутренней почте автоматически отправились исполнителям, а Винс у себя в далеком черном секторе получил извещение об одобрении. Хорошая штука электронный документооборот.

Ленгли довольно улыбнулся. Теперь ему предстояла сама приятная и, в общем-то, пикантная часть работы — выполнение обещания, данного мисс Ховерс. Эледу надо держать на коротком поводке, а для этого необходимо создать вокруг нее иллюзию свободы и реализации желаний.

Капризная девочка очень не любит своенравного телохранителя, у которого есть шанс вырваться из её острых коготков. Этот факт бесит сидящую в Эледе маленькую хищницу. Что ж, дорогая злючка, будет тебе возможность поиграть во власть и отвести душу. Наденем на ненавистного Винсента такой строгий ошейник, чтобы и вздохнуть без разрешения не смел. Посадим на самый короткий поводок. Вот только поводок этот будет в твоих нежных руках лишь номинально. Впрочем, тебе об этом, конечно, знать не следует. Да и зачем? Тешься, не жалко. Но если вдруг задумаешь идти против своего благодетеля, быстро узнаешь, кто обеспечивал этот праздник жизни.

А теперь приступим. Сначала рейдеры. Ленгли отыскал в списке контактов нужный и нажал кнопку вызова. Несколько секунд слушал гудки, а потом над панелью появилось изображение начальника рейдерского штаба.

— Добрый день, мистер Крафт. Мне нужна ваша помощь. Я обещал Винсенту Хейли, что по результатам работы группы «Ключ» его контракт с мистером Ховерсом будет расторгнут и ваш сотрудник возвратится в корпус. Если вы сейчас вышлете мне представление об отзыве рейдера Хейли обратно в штат подразделения, то сразу по завершении операции я этот документ завизирую.

…Пять минут спустя Джед с искренним удовольствием читал полученное письмо. Отлично.

Это только идиоты думают, будто всем рулят силовики. Те, кто чуточку поумнее, убеждены, что рулят управляющие. А на самом деле всем рулят правильно подобранные кадры. Главное —

уметь их правильно использовать.

Джед выбрал в списке ещё один контакт. Снова потянулись гудки. Ну же, милочка, отзывайся. За тобой залёт. И настала пора в очередной раз его отработать. Может быть, это научит тебя пониманию очевидной, в общем-то, вещи: нельзя гулять налево, когда у тебя *такой* брачный контракт. А уж если гуляешь, то хотя бы чуть-чуть озаботься информационной безопасностью.

Над черной панелью голографона возникло изображение миловидной женщины лет тридцати. При виде Джеда её лицо болезненно дернулось, а взгляд стал одновременно и затравленным, и злым. Ну, ещё бы, кто же любит шантажистов. Впрочем, Джед всегда плевал на любовь или нелюбовь тупых сосок.

— Записывай номер документа, — на этот раз его голос был полон холодного равнодушия. — По моему сигналу организуешь перевод фигуранта под меня. Всё должно быть подготовлено завтра к трём.

Женщина хотела было возразить, но Джед жёстко сказал:

— Я бы не советовал сейчас открывать рот. За нарушение должностных инструкций тебя, конечно, понизят, но вот если я дам ход *своим* материалам, последствия будут куда губительней. Работай, — с этими словами он оборвал связь.

Ну, а теперь самое приятное:

— Миссис Лауф, пригласите ко мне мисс Ховерс.

Джед откинулся на спинку кресла и усилием воли заставил себя спрятать улыбку.

Эледа пришла уже через минуту — официальная, строгая, с рабочим планшетом в руках.

— Мисс Ховерс, — дружелюбно сказал Джед, — закройте дверь, у меня для вас две приятные новости.

Девушка удивленно вскинула бровь.

— Сразу две? Да вы меня балуете, — она закрыла дверь и уселась в кресло.

— Ну, ты ведь сказала, что я должен расстараться, дабы загладить свою вину, — объяснил Ленгли, изо всех сил изображая раскаяние.

— Сказала, но не ожидала, что ты кинешься исполнять сию же секунду, да ещё с таким рвением.

— Ради маленькой испорченной девчонки я готов на всё, — признался собеседник. — А поэтому, чтобы у тебя было время как следует испортиться, можешь идти домой. Завтра нас ждёт тяжёлый день, а сегодня, надеюсь, крайне насыщенный вечер, поэтому ты свободна. Портись по максимуму.

— Это была первая приятная новость? — уточнила с улыбкой

Эледа.

— Да. И если ты не против, я попрошу тебя сделать заказ на вечер. Можешь выбрать любой ресторан и любые блюда. Я хочу, чтобы тебе было максимально комфортно, поэтому не сдерживайся.

Девушка польщённо порозовела и всё-таки не удержалась, спросила:

— А вторая новость? — было видно, что её точит любопытство, хотя она и пытается всячески это скрыть.

— Вторая… — протянул Ленгли и сделал вид, что запамятовал: — Вторая…

— Джед!

— Ах, да, вспомнил. Вторая. Конечно, — он улыбнулся. — Документы на мистера Хейли готовы. По возвращении он твой. За исключением мелких нюансов — фактически в рабстве. На столько, на сколько тебе это нужно.

И он замолчал, любуясь мстительной радостью собеседницы. Эледа подалась вперёд.

— Мой? — переспросила она, явно не веря своему счастью.

Ленгли про себя расхохотался. Видел бы сейчас рейдер Хейли свою заклятую подопечную — небось, не торопился бы обратно в корпзону.

— Да. Не папин. *Твой*. В полном твоём подчинении. Только, Эледа… — Джед сделал короткую паузу, — ты ведь понимаешь, что есть границы…

Мисс Ховерс буквально выпрыгнула из кресла и бросилась к нему.

— Джед! — она неуловимым движением дёрнула вверх подол узкой форменной юбки и уселась верхом на колени мужчине. — Дже-е-ед…

Он машинально положил руку на оголившееся бедро и почувствовал под ладонью тонкое кружево чулка…

— Я не собираюсь его убивать, во всяком случае, в прямом смысле, — промурлыкала девушка, наклоняясь к губам собеседника. — Но это так возбуждает… В полном. Моем. Подчинении. Я уже чувствую, как начинаю портиться…

Она поцеловала его, слегка укусив за губу, и резко встала, приводя в порядок одежду. Ленгли раздосадованно выдохнул.

— Не расслабляйтесь, агент, — сказала мисс Ховерс, поправляя ему галстук. — Вы на рабочем месте. Так что все приятные бонусы — вечером.

С этими словами она вышла, оставив его бороться с разочарованием.

* * *

Яркие шуршащие пакеты и элегантные свёртки заняли едва ли не половину холла. Эледа стояла среди всего этого великолепия с планшетом курьерской доставки в руках и растерянно хлопала глазами.

— Мисс, просканируйте большой палец. Шестнадцать свёртков. Четыре пакета, — представитель службы доставки — невысокий тощий малый — указал на сканер, который держал в руках, и добавил: — Ваш телохранитель целостность груза и печатей уже проверил, безопасность тоже. Вот его отметка.

Парень указал на электронную подпись Батча на экране.

Мисс Ховерс растерянно провела пальцем по сканеру и вернула курьеру планшет.

— Приятного вечера! — курьер, широко улыбаясь, принял купюру чаевых и испарился.

— Чёрт… — Эледа растерянно смотрела на доставленный груз. — Это же совсем маленькая собака… Откуда столько всякой херни?!

Она присела на корточки, развязала бечёвку на ближайшем свертке и заглянула внутрь. Джинсики, голубая курточка с капюшоном, вязаный джемпер, ботинки. Да мать же вашу! Второй пакет. Шампунь, кондиционер, щипчики для подрезания когтей.

— Мама… — девушка села на пол, прижалась спиной к обувному пуфу и прикрыла глаза. — Мама, как же я тебя люблю.

Дочерняя благодарность, видимо, была столь сильна, что передалась адресату — голографон звонко запиликал мелодию, установленную на номер Мелинды Ховерс.

— Ледочка, мой ангел, мне пришел отчет от курьерской службы, что тебе доставлено приданое Гектора! — миссис Ховерс сегодня была строга и великолепна: черное платье, жемчужное колье, светлые волосы убраны назад, глаза ярко подведены. Сигарета между указательным и средним пальцами тоже была черной. С белой полоской по фильтру.

— Мама, — отозвалась дочь, — скажи честно — ты хочешь внуков?

— Это еще здесь при чем? — вскинула тонкую бровь собеседница.

— А как иначе объяснить тягу к маленьким свитерам, ботинкам, джинсикам и шапочкам? Зачем столько?! Это всего лишь мелкая собачонка, а гардероб у неё больше, чем у человека.

— Тебе с ней выходить в свет! Собака — продолжение хозяйки. А значит, должна выглядеть достойно. Между прочим, я решила создать линию одежды для модниц и их любимцев, ну

знаешь, чтобы перекликались фасоны, ткани…

— Давай без подробностей, — вздохнула Эледа. — Я поняла. Спасибо тебе за подарки. Но разберу всё завтра, сегодня уже нет времени.

Мелинда Ховерс сделала очередную затяжку:

— Что значит «нет времени»? У тебя весь вечер впереди.

Дочь сказала, растягивая слова:

— Ну, понимаешь… вечером я иду на ужин. Кое-кто очень провинился и теперь всячески сожалеет о своей бестактности, о доставленных переживаниях, о том, какой он был осёл, и всё такое…

В ответ на эти слова мать фыркнула:

— И куда же он тебя выводит? В «Алайн»? В «Ле-Финн»? Или, — спросила она с насмешкой, — в «Макдоналдс»?

— О, нет, — Эледа проигнорировала иронию. — Он слишком сильно виноват, чтобы отделаться ресторанами. Поэтому пригласил в святая святых — домой! Заметь, я буду первой, кто узнает, где его таки поселили.

— Домой? — мать откинулась на спинку кресла. — Чем он тебя там будет потчевать? Омлетом? Подгоревшими тостами? Пиццей? Или сама встанешь к плите?

Дочь вздохнула:

— Ну, зачем ты так? Он очень старается быть милым. А ужин приготовят в «Алайне», поскольку это мой любимый ресторан. Между прочим, анонимный заказ: доставка до точки, а потом по указаниям, чтоб никто не догадался — кому это. Да ты, должно быть, в курсе, как оно делается. Ну, а я, само собой, в отместку заказала самые дорогие блюда. Даже этот их фирменный десерт… не помню название… какое-то наслаждение.

Мелинда смотрела удивленно:

— Ангел мой. Ты отродясь не любила сладкое. С чего бы вдруг? К тому же ведь терпеть не можешь черимойю.

— Мама, ты как ребенок, — закатила глаза дочь. — Суть не в том, что я *хочу* это съесть. Суть в том, чтобы он за это *заплатил*. А там может хоть выкинуть. Он виноват. А значит, пусть терпит. И впредь будет осторожнее.

Ее собеседница рассмеялась.

— Боже, Леда, в очередной раз убеждаюсь — мне следовало рожать сына. У мужчин как-то всё проще…

— Ну да, — подхватила дочь, — и сейчас бы твой сын покупал кому-то десерт за четыре тысячи кредов.

Мать затушила сигарету и сказала:

— Ну и вертихвостка же ты. У Джеда, видимо, далеко идущие планы. Не верю, чтобы мужик ради одной лишь постели так

прогибался и позволял вить из себя веревки. Не переусердствуй с дрессировкой. Сдается, мы с отцом слишком тебя избаловали…

— Это всё потому, что я у вас единственная, — пожала плечами Эледа. — Кстати, почему? Один ребенок — это серьёзный риск.

Миссис Ховерс прикурила очередную сигарету и ответила:

— Видишь ли, Леда, в семье крайне важно исключить всякую возможность предательства. Большая семья — большие проблемы. Нельзя всех держать под контролем. Лучше вложиться в одного, но быть в нём уверенным, чем распылиться на двоих-троих и потом гадать, кто из них подставит тебя первым из-за непомерных амбиций или надуманной, а то и навязанной, обиды. Опять же, один наследник — это отсутствие свар при разделе имущества. Конечно, риск потери одного ребенка немал, но он куда ниже риска внутрисемейной междоусобицы.

Девушка хмыкнула:

— Вполне логичный прагматизм. Как думаешь, что мне надеть?

— Шубу из шиншиллы. На голое тело. Жаль всё-таки, что твой отец не позволил отправить Гектора. Там в приданом есть бесподобная меховая жилетка, я её подобрала как раз к этой твоей шубке! Чудо какая прелесть и с кармашком на пуговичке. В третьем пакете лежит. Совершенно изумительная вещица. Впрочем, ты такая черствая и неблагодарная дочь, что наверняка не оценишь.

— Мама, — Эледа улыбнулась. — Ну, зачем ты так?

— Ой, всё! У меня нет времени выслушивать претензии. Опять ты меня расстроила! — с этими словами Мелинда оборвала связь.

Её собеседница лишь покачала головой. Миссис Ховерс всё же великолепная актриса. Куда там Софи.

Хм… шубу из шиншиллы… на голое тело…

* * *

Крис задумчиво прошелся вдоль алтаря — текстолитовой плиты, положенной на кирпичные опоры. Выглядело достаточно монументально и величественно. На алтаре и в нишах над ним стояли коптилки с чадящими фитильками.

Неровный танцующий свет делал скульптуру Костяного Дави'Ро довольно-таки жутковатой. Белое божество стояло на небольшом возвышении, покрытом красным синтетическим шёлком, и простирало в стороны руки — три слева, три справа. В

двух верхних Дави'Ро держал косы, в двух средних — автоматы, в нижних — удавку. Сама скульптура была невысокой — сантиметров тридцать-сорок — и до крайности топорной, из-за чего казалась еще отвратительнее.

— Почему его называют Костяным? — спросил Крис стоящую чуть в стороне девку с пропитым одутловатым лицом.

Девку звали Ликкой — она родилась и выросла в Вонючей Дыре, но по юности вырвалась оттуда и несколько лет успешно занималась проституцией, пока однажды её не поймали товарки и не изуродовали за то, что взялась сбивать цены. Убивать не стали — отрезали кончик носа, исполосовали лицо и сиськи — типа, живи и мучайся. С той поры Ликка перебивалась случайными заработками: то подворовывала, то нанималась под пресс, то давала за выпивку или еду кому-нибудь из совсем опустившихся бродяг, которым плевать было, как она выглядит. Жизнь — не порадуешься, но бывает и хуже.

Сейчас девка держалась поодаль от алтаря, и по всему было видно — подходить близко не хотела.

— Почему Костяным? — переспросила она сиплым скрипучим голосом и усмехнулась: — А думаешь, из чего он сделан? Из пластика, что ли?

Крис, который как раз тянул к Дави'Ро руку, отшатнулся.

— Ну, может, потому что он скелет, — с сомнением сказал Крис, глядя на скалящуюся черепушку.

— Ага, — сказала Ликка. — Скелет из скелета, — и нервно усмехнулась: — Дави'Ро режут из человеческих костей.

Крис в тусклом свете коптилок поглядел на фотографии людей, висящие по обе стороны от Костяного. На снимках был здешний секторской народ: Батый, Керро, ещё какие-то бандитские рожи и, как ни странно, Су Мин, которая несколько неуместно смотрелась среди мужиков.

— А эти зачем здесь? — кивнул Крис на снимки.

— Да я хер знаю, — пожала плечами Ликка. — Они ж все людей пачками валят, наверное, угодны Дави'Ро. А, может, их мечтают схватить и приволочь на мессу, типа, достойная жертва. Ну и потом новую скульптурку сделать, краше прежней.

— Охренеть, — от души признал собеседник и плюнул на труп лежащего у его ног крепкого мужика в длинном кожаном плаще. — Чё-то мне уже расхотелось в их подвале шариться. И плащик брать стремновато.

— Плащик точно человеческой кожи, — отозвалась женщина. — На улице за такой с самого, не думая, сдерут. А в подвал точняк не стоит лезть.

— Ну, Ликка, ты и нашла, — Криса передернуло.

— Я их давно нашла, — ответила женщина и злобно оскалилась: — Еще когда на улице работала, они у меня напарницу утащили. Тогда не рискнула сунуться.

Да уж. И сейчас-то не по себе, хотя стволы уже есть и эти, мля, служители смерти к своему божеству отправились. Крис посмотрел на трупы пятерых не то жрецов, не то маньяков-садистов. Надо же, какое только говно не таится в глубинах сектора. Даже вот такое.

И ведь бабы у них есть. Меркиндок покосился на закуток, задернутый целлофановой занавеской. Там мелькали тени и слышались пьяные мужские возгласы. Это тринадцать ушлепков из бригады Криса пользовали местных ничего не соображающих обдолбанных девок.

— Повезло, что они под наркотой все были, — прогудел из-за спины вожака здоровяк, которого все звали Тягач. Тягач потирал оцарапанное пулей плечо и мрачно глядел на мертвых служителей Дави'Ро.

— Наоборот, — Крис вздохнул, — у нас восемь стволов и два с лишним десятка людей.

Повод для вздоха был более чем весомый: если б часть прибившихся к банде ебанько завалили в схватке, вожак бы не сожалел. Этот сброд оказался на редкость малоуправляемым.

— Крисси, — Ликка подмигнула, — как ни странно, но *людей* у нас как раз восемь. А те, которые сейчас девок жарят, обычные твари, дорвавшиеся до дури и баб. Ты же их пытался остановить. Они не послушались…

Она кивнула на полусорванную занавеску, за которой их недавние товарищи по налету шумно веселились с сектантками. Впрочем, девкам из наркотической нирваны было глубоко плевать, что с ними творят.

Крис на секунду прикрыл глаза, потом перевел взгляд на оружие, составленное в углу.

— Лупа!

Лупоглазый мужик среднего роста посмотрел на вожака. Криса он знал уже несколько месяцев, случалось вместе попивать и подворовывать.

— Держи. Ты стреляешь вроде неплохо, — револьверное ружье с оптикой и патронташ отправились к новому владельцу. — Ликка, твое, — укороченная штурмовая винтовка повисла на плече женщины. Точно такое оружие уже висело за спиной самого Криса.

— Тягач, стрелок из тебя, как из меня мордобоец, но с этим управишься только ты, — чудовищная четырехствольная конструкция отправилась к силачу, — не огорчайся, первый

автоматический дробовик — тебе.

Остальные стволы тоже быстро нашли новых владельцев.

Крис напоследок огляделся ещё раз и уточнил:

— Жратву и полезное всякое собрали?

— Ага, — отозвался Муха — мелкий и шустрый парнишка, прибившийся час назад, — кучеряво жили. Сублимат всего на полгода просрочен.

— Сублимат срока годности не имеет, — хмыкнул вожак старую шутку. — Просто от старого люди быстрее портятся. Тогда, Тягач, подвинь-ка эту хрень.

Здоровяк кивнул, шагнул к металлической махине ржавого рефрижератора, чуть напрягся и передвинул тяжеленный шкаф, перекрывая проём, который вёл в закуток. Крис с Лупой и ещё двумя мужиками свернули с алтаря плиту-столешницу. Упал и разлетелся на куски Дави'Ро, загрохотали, рассыпаясь, кирпичи опор, но обдолбанные ёбари, веселящиеся в комнате, не обратили внимания на шум. Не заметили они и того, что их недавние товарищи подперли шкаф.

— Мы в другом месте погреемся, — сказал Крис своим и криво усмехнулся: — Однако бывших корешей в холоде оставлять не дело.

Он взял стоящую возле стены канистру горючки, свинтил крышку, и остро пахнущая жидкость полилась под холодильник — в комнату.

— А старшему не подчиняться — значит, сильно жизнь не любить… — вожак кивнул сообщникам на выход.

Уже в дверях он разжег кусок пластика и швырнул его в начало огнепроводной дорожки.

Легкую смерть получили только обдолбанные сектантки. Они так и не вышли из своего наркотического забытья.

* * *

На третьем этаже старой больницы в просторном холле горел костер.

Через пролом в стене тянуло сквозняком и виднелся выступ ветхого балкона, на котором лежал дозорный. От пронизывающего ноябрьского ветра его укрывала невысокая самодельная стеночка. С наблюдательного поста отлично просматривались все окрестные развалины — фиг кто подберется незамеченным. Ну, если только какой исключительно сноровистый чувак. А обычному человеку и мечтать нечего.

Впрочем, даже сноровистому чуваку, если он таки сумеет

приблизиться, придется вернуться ни с чем. Сюрприз! По здешним лестницам не поднимешься — нормальных пролётов тут нет. Центральный обрушен, а служебные завалены — проберется только киборг из тяжелых модификаций. Желающие могут, конечно, попытаться влезть по пожарной лестнице, но и она чуть держится — штыри в стенах разболтанные. Взрослого не выдержат, даже и пытаться не стоит.

Да и зачем бы сюда лезть? Добра никакого, а местные обитатели умели разбегаться, как тараканы — ввинчивались в старые вентиляционные шахты, протискивались под частично обрушившимися плитами потолков, рассыпались по щелям и закоулкам старого здания… Короче, ныкались там, куда ни один взрослый не заберется.

Хорошее место. И вид красивый. Особенно, когда утром солнце встает. Всё такое розовенькое, будто не грязные развалины внизу, а картинка из комикса. Того самого, который тут заботливо хранится в нише, в углу, и давно засмотрен до дыр.

Беспризорники много лет назад заселили здешнее царство. Тут были их владения — безопасные и по-своему родные, уютные даже. Именно неприступность старого здания позволяла малолеткам жить в своё удовольствие — шустрить по всем углам и вовремя сваливать в безопасное место. Потому, видать, и ходили шакалята до сих пор сами по себе — без явной крыши. Так, платили по мелочи Патлатому, не более. Ну, а если кто вдруг наезжал на мелких где-нибудь на улице, к тем очень скоро подходили весьма серьезные люди и настоятельно рекомендовали вернуть всё взятое в двойном размере. И заодно напоминали, что дети — цветы жизни. И чтобы они не росли на могилах, лучше прислушаться к доброму совету и больше не лезть. Слухи о том, кто и за что крышует мелочь, ходили, конечно, самые разные, но правды не знал никто. Конечно, у серьезного человека можно спросить, кто именно его нанял… Только, вот незадача, ответ всегда одинаков: «посредник».

Костёр горел хорошо. Пламя плясало едва-едва по поверхности горючего хлама — не коптило, но и высоко не взвивалось, отдавало тепла ровно столько, чтобы было комфортно тем, кто находился рядом — мальчишке лет одиннадцати-двенадцати, раскинувшемуся в проржавевшем стоматологическом кресле, и узкоглазой черноволосой девочке, сидевшей от него по правую руку на старом пластиковом ящике.

Мальчишка, хотя и был одет в шмотки с чужого плеча, вид имел самый авторитетный и важный, а в руках гордо крутил здоровенный пистолет. Главарь. А что за главарь без помощника? Точнее, помощницы. Пускай тощая, мелкая, зато юркая и

бесстрашная. Пацаны долго гадали: кто такая эта узкоглазая, откуда взялась? Но Лето сказал, как отрезал: «кореянка». Так и порешили.

Девчонка была модная — в дутой курточке (конечно, рваной и с заплатками, но почти по размеру) и даже штанцах по возрасту. Таких выпендрёжных, с ремнем-цепочкой на поясе. А на цепочке блестящие сердечки. Красота!

В двух шагах от кресла вожака и его поверенной устроился прямо на полу щуплый белобрысый мальчишка лет девяти. Этот одет был, как все беспризорники — во взрослую куртку с подрезанными по росту рукавами и взрослые же подвернутые штаны, зато таскал на поясе понтовый нож! По обуху шла пилка, а если соединить с ножнами, то получались кусачки. Правда, ни пилить, ни кусать до сих пор как-то надобности не возникало…

Белобрысый, насупившись, слушал старшего.

— Шустрый, — вожак, наконец, спрятал пистолет под куртку, а вот девочка, наоборот, выразительно положила руку на шило за поясом, — харэ уже тупить. Брошенное ничего не стоит. Ваще ничего, понял? И не фиг в чужие замесы лезть. Нам сейчас надо ходить тихо, смотреть, слушать, запоминать. А подбирать только то, что совсем уж плохо лежит.

— Блин, Лето, столько добра мимо проходит! — взвыл белобрысый и даже подскочил.

— Я сказал: харэ тупить, — жёстко повторил Лето, а девчонка рядом с ним насупилась еще сильнее и как-то вся подобралась. — Чё Ушлый делает? А корейцы? Сидят и ждут. Дождутся — сразу отработают и поднимутся. Ты Керро давно видел?

— Давно… — Шустрый заметно потух.

— Во-о-от, — со значением протянул Лето. — Он не носится, не лезет в замесы, а исчез и что-то своё работает. А если вдруг у тебя в голове херня завелась, ты лучше лбом об стенку постучись. Потому что если ещё ко мне полезешь, то я твою тупую башку сам разобью на хер. Осознал?

Белобрысый открыл уже рот, чтобы что-то возразить, но в этот момент по короткому тросу из широкой щели в потолке соскользнули двое: совершенно одинаковые с лица мальчишка и девчонка лет восьми. Мальчишка, спрыгнул на пол и заорал в восторге:

— Три опиздюлины опять наширялись, как тогда летом! Идут и одиночных баб валят, а одна уже куртку скинула!!! Всё, как тогда!!! Лето, ты по три креда за каждую их шмотку обещал!!!

— Гони сюда!

Главарь, получив куртку, тут же исчез в узком лазе между стеной и обрушившимся перекрытием потолка. Вернулся через

несколько минут и сказал мальчишке из близняшек:

— Держи.

Три креда перекочевали к счастливой парочке, а Лето, сунув в рот два пальца, резко свистнул:

— На выход! За опиздюлинами! Что бросят — подбирать сразу. Не успели — запомните, кто ухватил. Какая упадет — налетели, обобрали и в стороны. За каждую шмотку пять кредов, плюс всё барахло из карманов отдам!!! Ну, а не упадут сами… — вожак осклабился и хлопнул рукой по пистолету под курткой. — Поможем.

— Йоху! — запрыгала радостно девочка-близняшка и сдернула с головы бесформенную шапку, демонстрируя короткий ежик едва-едва отросших волос. — Йоху-у-у!!!

Когда верные «бойцы» Лето умчались исполнять поручение, мальчишка припомнил слова Су Мин: «За каждую ключ-карту, которую снимешь с этих трёх, получишь по три сотни. И очень надеюсь, что ты не попытаешься меня кинуть». Лето тогда ещё подумал: «Чё я — совсем без мозгов? Тебя кинешь, потом по кускам собирать будут». Кореянка же, словно прочитав его мысли, мило улыбнулась и добавила: «И не дай тебе Трое кому сболтнуть о моём интересе».

— Погодь, — вожак придержал за локоть напарницу.

Девочка посмотрела на него из-под длинной сальной челки с угрюмым недоумением.

— Пусть бегут, — сказал Лето и пояснил: — На улице холодища. А эти три дуры, раз уж раздеваться начали, быстро замёрзнут. Наши сами справятся. А мы с тобой пока на лёжку к ним сходим, — он усмехнулся вопросительному взгляду подруги. — Знаю я, где их лежка, знаю.

* * *

Рамон слегка поёжился, стоя у двери непримечательного с виду двухэтажного дома. Со стороны поглядишь — ни красоты, ни шика, ни даже надёжности. Ветхие стены, облупившаяся штукатурка, крыша какая-то облезлая… Ушлый и сам с виду такой вот простенький, безобидный, на унылого задрота похож. А ворочает делами, какие не снились ни Патлатому, ни Бивню, несмотря на всю их брутальность.

И вот Рамона пускают в святая святых — дом бонзы. Мля, очково-то как… Прийти на хату авторитета всего-то через месяц работы в группировке! Это или взлёт, или… залёт. Лучше бы первое, конечно. О втором даже думать не хочется.

Поневоле вспомнилось, как полчаса назад Батый будто бы вскользь уточнил:

— Сколько человек знают про твое участие в убийстве бивнястого?

— Один, и он на дно уже лег, — честно ответил Рамон.

— Отлично. Когда вся эта фигня закончится, познакомишь. Мне толковые люди нужны. Да и тебе они тоже пригодятся. И учти: ты про свою банду и её дела не в курсе.

Капец. Встрял, так встрял. Получается, Ушлому кто бивнястого мочканул — знать не нужно. Ёп. А ведь поговаривают, будто у него в башку детектор лжи встроен! И как теперь не спалиться? Батыю-то по фиг, вон, спокойный, как киборг, а ему — Рамону — каково? Он с Ушлым говорил-то один раз всего. То есть, Ушлый с ним. И не говорил, а поставил в известность, как относится к рэперским шмоткам. До сих пор стрёмно, что привлек внимание старшего не работой, а дебильным прикидом. Но кто ж знал, что у него в банде так с этим строго?

Это потом уже Рамон обратил-таки внимание, что люди Ушлого и впрямь сильно отличаются от всех прочих — нормально одетые, правильно говорят, спокойно себя ведут… И в доме-то, вон, как всё… обалденно!

Внутри особняк и впрямь напоминал кадр из какого-нибудь крутого стереофильма: лестница, ковры, элегантная мебель, чистота, мягкий свет… Ничего лишнего, никакого пафоса, но выглядит так, что хочется идти по стеночке и благоговеть. Мля, неудивительно, что бонзе не понравились Рамоновы шмотки и сальные дреды.

— Чего замер? Разувайся, — подтолкнул молодого в спину Батый.

Рамон поспешно стянул изношенные стоптанные кроссовки и украдкой заправил носок между пальцами, чтобы скрыть дыру.

— Идём, — махнул Батый и отправился вверх по лестнице.

Чикано заторопился следом, на ходу одёргивая одежду и досадуя про себя, что брился целых три дня назад. Но кто ж знал-то, блин!

Прошли длинным уютным коридором, на стенах которого тепло горели выполненные под старину лампы. Батый стукнул в дверь и вошел.

Ушлый сидел за массивным столом и перелистывал книгу, однако, судя по выражению лица, даже не пытался читать.

— Приветствую, бонзо, — кивнул Батый, усаживаясь в уютное кожаное кресло с изогнутыми подлокотниками.

Рамон замер на пороге, пока старший не кивнул на стоящий возле книжного шкафа стул.

— Самый толковый из моих, — представил Батый чикано. — Всё утро по сектору бегал.

— Толковый, говоришь? — Ушлый посмотрел на Рамона без узнавания. — Ну, тогда излагай. От самого важного и по нисходящей.

— Самое важное… — Рамон сглотнул, незаметно спрятал ноги в дырявых носках под стул, а руки положил на колени, чтобы были на виду. — Бивнястые вставили пистоны трём патлатым. Когда другие патлатые на выручку подоспели и завалили стрелков, которые бдели за казнью, то потеряли ещё пятерых. В итоге решили в отместку двух схваченных бивнястых на жаркое пустить, но сдуру начали жарить перед магазином Олли. Тот подпалённых пристрелил и сказал, что в следующий раз грохнет придурков, которые надумали вонять горелым рядом с его заведением. Сам Олли закрыт, не пройти. «Нора» утроила охрану. Пускают не всех. В «Хризантемах» так же. Ну, всякая мелочь по-разному: «Девять жизней» людей набрали, укрепились, а, скажем, помойка на третьей радиальной закрылась — хозяин все запасы заныкал и на дно лег.

— Хватит, это уже надиктуешь по выходе, оно пока не сильно важно. Что со связистами?

— Су Мин два часа назад пришла в «Нору» с каким-то мужиком не из наших. Тот это чужак или нет — не знаю, а чел, который инфу сообщил, того чужака не видел, поэтому подтвердить не может. Там же, в «Норе», корейские бойцы — пять или шесть троек. Остальные сидят в высотке и не высовываются.

— Ясно. Теперь самую неважную новость расскажи, — Ушлый расслабленно откинулся на спинку кресла.

Рамон замялся, а потом вдруг просиял и ухмыльнулся:

— Перед логовом Бивня написали: «Бивень — баклан». Бивень почему-то вышел с автоматом и расстрелял по надписи весь магазин.

Ушлый хохотнул:

— Вот вредная баба! — после этого бонза повернулся к Батыю. — Не вовремя это всё завертелось. Надо гасить. Кого из двоих оставляем?

— Патлатого, — помощник не задумался даже на долю секунды — явно ждал вопроса и давно решил, каким будет ответ. — Во-первых, Бивень уже почти неуправляем, а значит, свою полезность исчерпал, — Батый вскинул руку, упреждая возражение авторитета, и продолжил: — Им все труднее манипулировать, и максимум через год он слетит с нарезки. Тогда валить его придется уже нам самим.

— А во-вторых? — Ушлый вроде обращался к собеседнику, но

Рамону почему-то казалось, будто бонза ждет ответа от него.

— А во-вторых, — Батый усмехнулся, — в секторе есть такой симпатичный и очень сексапильный фактор, благодаря которому нам мараться о Бивня не потребуется.

— Верно. Но, чтоб Патлатый не борзел, ему нужно подбросить конкурента, — Ушлый выпрямился и слегка подался вперёд — упёрся локтями в стол, сцепил пальцы. — Амиго, — бонза поставил подбородок на сцепку и впился в молодого пронзительным взглядом, — а ты, например, хочешь стать четвёртым бонзой сектора? Первый год поддержим, поможем и всё такое.

— Нет, — не задумываясь, ответил Рамон.

— Обоснуй, — собеседник чуть прищурился.

— Во-первых, не справлюсь — авторитета не хватит.

Ушлый благосклонно кивнул, признавая весомость довода.

— А, во-вторых, — сказал чикано, — помощником бригадира у тебя быть зачётней и перспективы по любому лучше.

— Аргументируй, — казалось, бонза смеётся про себя.

— У тебя мало точек, а людей, денег, оружия, да всего — куда больше, чем у Бивня и Патлатого, значит, ты живешь не с земли, а с чего-то другого. Или с корпами ведешь дела, но это вряд ли, или с межсекторалами. И потому я лучше буду с тобой.

— И многие в секторе так обо мне думают? — будто мимоходом поинтересовался собеседник.

— В секторе вообще мало кто думает. Так что немногие.

— Выйди, — бонза посерьёзнел, — и подожди снаружи… Хотя нет, сходи в третью дверь за углом, надиктуй там все, что вообще сегодня слышал по сектору. А потом зайди к учетчику, я скажу, чтоб гонорар тебе выдал. Вали, вали.

Совершенно оглушенный нежданным успехом Рамон оставил старших наедине.

* * *

В маленькой комнатке, уставленной аппаратурой, воздух был сизым от сигаретного дыма. За столами, что стояли в центре, в удобных офисных креслах сидели перед голокубами двое мужчин и женщина. Женщина — короткостриженая брюнетка — курила, стряхивая пепел в грязный пластиковый стакан.

— А я говорю, мегаплекс сто существует! — сказал женщине сидящий напротив долговязый коллега в легких очках-информере. Видно было, что спор между этими двумя тянется уже давно. — Не может его не быть! По любому есть какой-то общий

центр. Иначе в мире давно бы уже полыхала Третья корпоративная, а не нынешнее чуть теплое противостояние.

Поперхнувшись дымом, долговязый вызвал приложение бытового комплекса и ткнул в виртуальную кнопку. Загудела вентиляционная система.

— Ничего себе чуть теплое! — Кэтрин Меган — собеседница тощего очкарика — хмыкнула и отправила бычок в импровизированную пепельницу.

Она прекрасно помнила рассказы брата об уходящих за периметр рейд-группах, воздушных боях вертолетов, о стремительных и безжалостных схватках штурмовиков, о диверсиях и внедрении агентуры, да много о чём ещё из бесконечного противостояния корпораций.

«Остынь, не спорь» — мигнуло в голокубе Кэтрин мгновенное сообщение от Волмера Каунти — флегматичного сутуловатого мужика, сидящего слева от спорщицы.

— Конечно, чуть тёплое! И только попробуй поспорить! — очкарик откинулся в кресле. — Ядерное оружие уже лет сорок не применяли, — начал перечислять он, — и лет двадцать, как перестали использовать биологическое.

Кэтрин стало любопытно.

«Почему?» — едва заметно шевеля пальцами, написала она в мессенджер Волмера.

«У него, конечно, навязчивая идея, но бзики бывают очень разные. Знаешь, сколько он левого, но полезного нарыл в своих поисках?»

«Нет».

«Достаточно, чтобы получать больше и тебя, и меня вместе взятых. А почему ищет… на это боссу плевать, был бы результат».

Кэтрин раздраженно фыркнула и свернула крохотное окно мессенджера.

Стив тем временем продолжал разоряться, рассказывая, что тот, кто найдет контакт с мегаплексом сто, получит тестовое задание, по выполнении которого незамедлительно отправится в этот рай на земле. Ну, или на небесах, если сотый на самом деле окажется орбитальной станцией. Хотя, в целом, пофиг даже, если мифический мегаплекс будет подземным. Какая разница, где блаженствовать? Главное — мегаплекс сто — это РАЙ.

В чём заключался этот рай, Кэтрин уже знала: каждого там ждало своё четкое место, причем можно было не переживать, что кто-то подсидит и ты лишишься работы или должности, не получишь премии. Типа там все зависело только от твоих реальных способностей. Ну и, если уж ты попал в мегаплекс сто, то останешься там навсегда. А это — два выходных в неделю,

восьмичасовой рабочий день, месяц оплачиваемого отпуска, возможность питаться только натуральными продуктами, собственный дом, достаток…

Короче, полный бред, как из брошюрок «Корпоративного Братства», где все улыбаются, обнимаются, смотрят на коллег с дружеской заботой. Глянцевое выхолощенное счастье, образцовое, идеальное, лишенное стрессов… Приторно-сладкое до тошноты. Хотя месяц *оплачиваемого* отпуска, *восьмичасовой* рабочий день, да еще ко всему *два* выходных — это было, конечно, очень круто. Потому и пованивало отвратным концентратом ванили.

Но Кэтрин уже не слушала Стива. У неё крутилась в голове навязчивая и обидная мысль: «Больше, чем ты и я, вместе взятые». Да ни хрена себе! Интересно, можно ли искусственно привить такую вот полезную паранойю? Ну, или любую другую, главное — чтоб на ней зарабатывать.

Она не успела прийти к однозначному решению, потому что в этот момент дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возник невысокий человечек с брюшком, лоснящейся физиономией и блестящей лысиной — Дик Чекил, босс их маленькой компании по радиоразведке и контрразведке.

— Хорош трепаться, есть работа, — провозгласил он, явно чем-то довольный. — Срочная и простая. В общем, удачно мы следящую сетку в коттеджном…

— Коттеджном, — перебил его ехидным смешком Волмер, вспоминая дворцы богачей, что стояли на строго охраняемой территории.

— А я сказал — коттеджном, — с нажимом произнес босс. — «Особняковом» не звучит. Так вот, у нас третье задание на этот район. Очередной анонимный заказ. Поэтому, Кэтрин, щас выдам тебе допуск, метнёшься — активируешь, отправишь тестовый сигнал, проверишь получение и общую работу сети. Если какие проблемы, бегом сигнализируй. К своей любимой женщине сегодня ни-ни, ещё будешь нужна. После налижетесь. И, раз уж обзавелась любовницей из высших корпов, договорись, наконец, чтобы она тебе допуск сделала, и лучше постоянный, я свои варианты палить уже задолбался. А отгулы — к ней кататься — тебе будут. Только учти, полезные любовники должны быть удовлетворены во всех смыслах, так что ты уж постарайся.

Кэтрин фыркнула. Её не оскорбили и не задели указания руководства. В конце концов, она не скрывала своей бурной сексуальной жизни. Пусть завидуют.

— Волмер, — тем временем обратился босс к другому подчинённому, — проверяй машину — ту, которая у нас под техфургончик замаскирована. Снятие собранного — в девять.

Допуск уже делаю.

— Ок, босс, — Волмер откинулся в кресле и потянулся.

— Стив, — руководитель компании шагнул к очкарику, и тот лениво изобразил внимание, — начинай продумывать, как следующую сетку сбора будем ставить. Эта рано или поздно накроется, а место уж очень прибыльное оказалось.

— На какое противодействие СБ рассчитывать при разработке? — спросил парень.

— Нулевое, но и на помощь с их стороны тоже не надейся.

— Да, босс, забыл уточнить, — Волмер остановился, не дойдя до двери пару шагов. — В СБ материал сдаём, как обычно, сразу, или заказчик оплатил задержку?

— Сразу. Как за системы противодействия выедешь, так и отсылай. О задержке речи вообще не было, — Дик Чекил окинул сотрудников довольным взглядом и ухмыльнулся: — Может, не знали, может, пох им, а может… неважно. Работаем, работаем, не на курорте.

* * *

Агент Ленгли смотрел в окно на служебный автомобиль службы доставки ресторана «Алайне». Подумать только, на что способна обиженная женщина! Шеф и четыре его помощника уже минут десять переносили деликатесы в особняк, куда поселили Джеда. Причем шеф настолько сурово контролировал процесс, словно речь шла не о еде, которую съедят за вечер, а о ценнейших музейных экспонатах, коим предстоит много веков услаждать взоры эстетов. За поваром и его подчиненными вёл бесстрастное наблюдение один из киборгов охраны.

Собственно, персонал осознавал всю торжественность своей миссии, поэтому помощники шефа ступали осторожно, подносы и посуду носили, не дыша, тележки катили с благоговением. И всё равно к одному, тащившему высокую коробку, старший повар ринулся на подстраховку так резво, что неловким движением сорвал бейдж. Тот так и остался валяться на земле, пока старший что-то выговаривал носильщику бесценного груза. Джед усмехнулся. Видимо, в коробке то самое «Наваждение летней ночи», которое обошлось в четыре тысячи кредов. На месте шефа Ленгли бы тоже нервничал. Хотя вышедший из самых низов Джед всё-таки скептически относился к культу еды. В конце концов, пища нужна лишь для того, чтобы функционировало тело. Да, она должна быть вкусной, иначе какое от неё удовольствие? Но делать из жратвы культ… это такое же извращение, как… как

любое другое, в общем.

Однако повар «Алайне» считал иначе, в итоге торжественный перенос снеди в особняк занял не меньше четверти часа.

— Сэр, — сказал шеф с достоинством, — нам нужно двадцать минут.

Джед бросил короткий взгляд на часы:

— Работайте.

В просторной гостиной, где предполагалось ужинать, горничная уже создала весь необходимый уют: горели камин и свечи, огромное панорамное окно открывало поистине сказочный вид на заснеженный сад, в полумраке которого мерцали теплым светом фонари.

Для ведомственного дома здесь оказалось вполне прилично: большой белый диван, белые стены, высокий потолок, два кресла с кремовой обивкой, но черными подлокотниками и ножками, мягкий белый ковер на черном полу. Ни вычуры, ни пышности, ни изыска. Но при этом строго и стильно. Стеклянный стол, несколько подсвеченных ниш в стенах, где стояли книги, часы, ваза с цветами… Вполне приятно для глаз. А черная без перил лестница на второй этаж выполнена так, что ступеньки кажутся парящими в воздухе.

Но главным украшением интерьера являлся, конечно, камин в центре комнаты — стеклянная тумба, которую венчала чаша с огнем. При этом тумба была одновременно и аквариумом. Милое сочетание несочетаемого: сверху трепещет пламя, внизу неспешно и торжественно плавают пестрые рыбы и раскачиваются водоросли.

Ленгли курил сигару и наблюдал за работой профессионалов.

Чёрная скатерть, фарфор, столовое серебро, белоснежные салфетки, букет чёрных орхидей в вазе — всё было выдержано в стиле гостиной, где сервировался стол. Ну да, у него же поинтересовались интерьером. А тут черно-белый минимализм. Джеду нравилось. Классика и модерн его раздражали изобилием деталей и пестротой, хай-тек казался слишком унылым и безликим. А минимализм — в меру прост, но при этом изыскан. Впрочем, Эледа, наверное, будет фырчать в своей привычной манере. Она любит роскошь, хотя и старается не подавать вида.

Пока Ленгли лениво размышлял ни о чем, персонал «Алайне» беззвучно суетился вокруг стола. Шеф руководил подчиненными молча — шевелением бровей. Джед смотрел, как на столе появляются закрытые серебряные блюда, как ловкие руки сервируют привезенное по тарелкам и салатникам. За работой профи наблюдать всегда приятно. Всё делается быстро, четко, без единого звука, без лишних движений, каждый точно знает

отведенную ему роль. Один подставляет тарелки, другой с изящной небрежностью бросает нарезанные ингредиенты, тут же поливает соусом с непринужденностью художника, а потом сверху — завершающим штрихом — падает щепотка чего-то, подчеркивающего вкус и красоту.

Да, Эледа размахнулась. Из обиды и вредности заказала всё самое дорогое, причем столько, что не съесть и половины, даже если Джед пригласит к столу и самих поваров, и охрану, и заодно обитателей соседнего особняка.

— Сэр, всё готово. Для подачи блюд с вами останутся наш официант и су-шеф.

Агент Ленгли кивнул:

— Благодарю, но это излишне. Мы с гостьей постараемся управиться своими силами. Всего доброго.

Шеф посмотрел на своих подчиненных, и те быстро сложили опустевшие ёмкости и подносы на тележки, после чего по-прежнему бесшумно потянулись к выходу. Теперь Джеду осталось лишь дождаться главного украшения и главного же блюда этого вечера — мисс Ховерс.

А пока агент Ленгли лениво смотрел через экран видеофона, как шеф и его подчиненные грузятся обратно в машину. На улице за людьми наблюдал неподвижно стоящий в стороне киборг весьма отталкивающей модификации: вместо головы плечи венчал на редкость отвратный блок камер и сенсоров. А вот руки были почти человеческими, да.

Один из официантов так засмотрелся на монстра, что возле машины едва не налетел своей тележкой на шефа, который наклонился подобрать оброненный ранее бейдж. По счастью, взбледнувший подчиненный сумел-таки объехать стоящее раком начальство по дуге, но идущие следом официанты и су-шеф всё равно сбились с ровного шага, на миг сгрудившись в стадо. В общем, уход вышколенного персонала «Алайне» вышел не таким чинным, как появление. Ленгли хмыкнул. А шеф так повел бровями, что неуклюжий помощник цветом лица сравнялся с белой форменной курткой. Похоже, больше он в этом ресторане работать не будет. А если и будет, то уж точно не на выезде.

* * *

— Батч, ты слишком долго возишься со своими проверками, — Эледа была очень недовольна задержкой. — Я пять минут назад позвонила Джеду, он наверняка уже замёрз в воротах.

— Секунду, — телохранитель просветил улицу активным сканером и вгляделся в изображение на очках. Фоновую работу электронного комплекса он, конечно, не видел.

Радиосканер, как обычно, вёл запись всего, что засекал в радиусе активного действия, и в данный момент перехватил слабый инфопакет. Центральный процессор сравнил инфопакет с образцами в текущей базе, обновляемой каждое утро, и, повинуясь указаниям, дал команду сменить кодовые последовательности.

Машина плавно тронулась вперёд и спустя несколько сотен метров остановилась у ворот небольшого особняка, возле которых ждал одинокий мужчина.

— Я обязан действовать по инструкции. Не говоря уже о здравом смысле, — спокойно сказал Батч своей подопечной. — Теперь порядок. Можешь идти.

— Наконец-то, — фыркнула мисс Ховерс с таким раздражением, словно не была жертвой покушения буквально полдня назад. — Заберёшь меня завтра утром. И одежду привези.

Едва отзвучали эти слова, как дверца роллс-ройса распахнулась. Встречающий гостью агент Ленгли протянул руку. Эледа оперлась о ладонь и выпорхнула из машины. Охранник посмотрел ей вслед. Ну, до чего хорошенькая, а уж расфуфырилась… Ленгли будет прямо-таки очарован и околдован. Однако телохранитель ему всё равно не завидовал.

— Поехали, — кивнул Батч шоферу. — Дальше они без нас справятся.

Телохранитель дождался, пока закроются ворота, ведущие к особняку, и нажал кнопку на дужке очков, отправляя нанимателю сигнал «объект из-под контроля сдал». Разумеется, кодовая последовательность была уже из нового пакета. Где-то далеко Нейт Ховерс получил сообщение о том, что его дочь благополучно доставлена к человеку, которого он всячески не одобряет.

— Мисс Ховерс, вы очаровательны, — Джед скользнул губами по ладони в кружевной чёрной перчатке.

Эледа и правда была хороша, тут он нисколько не лукавил. Роскошное длинное меховое манто белого цвета, черное платье… Ее наряд словно бы продолжал настроение вечера, созданное в особняке, и даже подхватывал цветовую гамму. Изысканность, но при этом простота. Потрясающая прическа, когда волосы подняты вверх и открывают шею, но при этом не закручены в букли, а художественно уложены, с милой небрежностью.

— Раз я так хороша, — девушка взяла спутника под локоть, — ты должен стократ острее чувствовать свою вину. Из-за тебя эта красота чуть не погибла.

Он усмехнулся и повел гостью по узкой дорожке к дому.

— Я раскаиваюсь. Многократно и неустанно.

В просторном холле Эледа с интересом огляделась, снимая перчатки.

— А тут очень мило, — сказала девушка. — Со вкусом и без вычур. У тебя дома так же?

Мужчина покачал головой:

— Надеюсь, что лучше.

Джед помог гостье снять манто и онемел. Действительно, на секунду утратил дар речи.

— Что-то не так? — спросила мисс Ховерс, оборачиваясь.

Хозяин дома откашлялся и заверил внезапно севшим голосом:

— Всё… так.

— Тебе нравится?

— Пожалуй.

— Джед, — с явным предостережением сказала Эледа, — ты сейчас рискуешь. Очень рискуешь нарваться на новые извинения.

— Ты прекрасна.

— То-то же.

Удовлетворенная произведенным эффектом мисс Ховерс проплыла в гостиную.

Агент Ленгли проводил её долгим взглядом. Чёрт. Он никогда не видел подобных платьев. Хотя, где ему их увидеть? В подобном наряде можно было прийти только на интимный ужин, никак не в ресторан или другое публичное место. Слишком эпатажно. И развратно — чего уж там — тоже слишком.

— Джед? Ты прирос к полу?

— Дух перевожу, — честно ответил Ленгли, бросая манто на диван в холле.

* * *

Су Мин договорила с сестрой и возвратилась за столик к мужчинам. А Мэрилин, к глубокому разочарованию Рекса, снова повернулась к сцене, на которой девушки делали очередной прогон нового номера.

— Хватит бестолково трясти буферами, смотреть противно! — резкий хлопок прервал репетицию. — Дора, что ты там корчишься сбоку? Работай нормально, пока я тебя отсюда не вышвырнула!

Рекс со своего места наблюдал за хозяйкой «Норы» — сейчас она выглядела такой официальной, что он испытал внезапный

приступ нерешительности. Хотелось подойти к ней, заговорить, но недавняя беседа с Су Мин и разъяснение Винсента обострили осторожность. Опять ляпнешь что-нибудь не то, ещё обидишь. Да и занят ведь человек — руководит… А поскольку в местных порядках, как и в местных правилах хорошего тона, Рекс не разбирался от слова совсем, ему не хотелось по-крупному косячить второй раз за день. К тому же ситуация такова, что к Винсу за консультацией не обратишься. Во-первых, в принципе неловко. Во-вторых, он о чем-то негромко разговаривает с Су Мин. Скорее всего, сейчас они оба поднимутся и свалят по своим делам. А Рексу что делать? Опять на задницу приключений искать? На сегодня, пожалуй, хватит.

Минут пять начинающий рейдер метался, борясь с вполне мужским желанием подойти к Мэрилин и одновременно с мальчишеской робостью, советовавшей этого не делать. Потом всё-таки мужик пересилил пацана — Рекс выбрался из-за столика и, чувствуя затылком насмешливый взгляд Винса, двинулся вперёд.

В это время Мэрилин, вздрючив Дору, уже накачивала энтузиазмом следующую подчиненную.

— Вон, полюбуйся на свою Викки, — сказала она подошедшему Рексу и кивнула в сторону одной из девушек, стоявших на сцене. — Не танцует, а трясется, будто эпилептичка.

Рекс присмотрелся, но, как ни старался, не смог узнать среди уставших запыхавшихся стриптизерш ту яркую соблазнительницу, с которой недавно провел ночь.

— Ты так их строишь, что тут бы даже взвод корповских силовиков потел и трясся, — сказал он в защиту измученных девушек.

Хозяйка «Норы» рассмеялась.

— Так вот, значит, почему ты так осторожно подходишь?

— Нет, — Рекс покачал головой и объяснил: — Субординация. Невежливо подкатывать к начальству, когда оно устраивает разнос подчиненным.

— Это верно, — Мэрилин забавлялась ситуацией. — Велика вероятность попасть под раздачу.

— Ну да. Потому осторожность не лишняя.

Женщина лукаво спросила:

— Так, может, попросту не надо подкатывать?

Рекс ответил, глядя ей в глаза:

— Может, и не надо. Но лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал.

Хозяйка «Норы» посмотрела на него задумчиво, после чего снова повернулась к радующимся незапланированной передышке

девчонкам и опять хлопнула в ладоши:

— За работу!

Артистки пришли в движение, а их суровая надсмотрщица уже переключила внимание на собеседника.

— Идём, — сказала она с улыбкой. — Сделаем так, чтобы жалеть было не о чем.

* * *

На этот раз она привела его в другую комнату — тоже без окна, но гораздо более уютную: кровать с мягким изголовьем и тяжёлым пушистым покрывалом, небольшой кожаный диван, ковер на полу, круглый столик, огромное зеркало в половину стены, приглушенный свет, а в углу — ширма, через которую переброшено что-то невесомое, тонкое, кружевное…

— Там, в стене, есть бар, налей что-нибудь, — кивнула Мэрилин. — А я пока переоденусь.

Она с непринужденной элегантностью скинула пиджак, затем юбку и осталась только в тонкой комбинации и чулках.

— Нет, — удержал ее Рекс. — Не надо переодеваться…

Женщина удивленно вскинула брови.

— Ты в этом… очень красивая, — объяснил он, притягивая её к себе.

То кружевное, что висело на ширме, так и осталось висеть. Возможно, зря, выглядело соблазнительно. Но в короткой сорочке и чулках Мэрилин казалась совершенством, которое вряд ли что-то смогло бы дополнить или улучшить. К тому же вид у неё был домашний и обольстительный одновременно.

— Раздевайся уже, — она высвободилась.

— Ты, прямо, как врач, — сказал Рекс. — «Раздевайтесь, ложитесь на кушетку».

Хозяйка комнаты хихикнула:

— Хочешь поиграть в доктора?

— Нет, — улыбнулся в ответ гость, — совсем не хочу. Не люблю докторов. У них всякие непонятные штуки. К тому же, если врач говорит, что больно не будет, значит, готовься безмолвно орать.

— Сразу видно, что ты из белого сектора… — сказала Мэрилин, уходя со снятой одеждой за ширму. — В чёрных доктора честно предупреждают: будет больно, ори. А чтобы вопли работать не мешали, в рот суют тряпку или ремень. Ну и старую шутку повторяют, что хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается.

Она проплыла к бару, достала початую бутылку виски и пару стаканов.

— И всё-таки раздевайся, не стой столбом. Какой-то ты сегодня странный.

— Почему так решила? — удивился Рекс, снимая куртку и разоружаясь.

— Неплохо в людях разбираюсь. Издержки профессии.

— Понимаешь, — Рекс задумчиво потер лоб, — я сегодня очень обидел твою сестру.

Мэрилин замерла, а потом медленно повернулась к собеседнику:

— Вот как?

— Да. Не нарочно. По незнанию. Но это ведь не оправдывает…

— Верно, — голос женщины стал холоден. — А мне ты для чего это говоришь? Надеешься, выгорожу?

— Нет, — искренне удивился Рекс. — Просто стыдно — это раз. И не хочу так же вот случайно обидеть тебя — это два. Винс сказал, меня чудом не грохнули…

Мэрилин выразительно на него посмотрела и уточнила:

— То есть, ты сейчас все это говоришь, чтобы уж наверняка? Ну… без чуда?

Он рассмеялся:

— Нет.

— А выходит, что да. Мы остались наедине, и тут ты объявляешь, что смертельно оскорбил мою сестру, но она тебя по какой-то причине не убила. Вдруг я захочу это исправить? Не приходит в голову такая мысль?

— Не захочешь, — ответил собеседник. — Думаю, если за неё начнёт мстить кто-то другой — это её оскорбит куда сильнее, чем мои слова.

В ответ на эти объяснения хозяйка «Норы» хмыкнула, сделала глоток виски из стакана и сказала:

— Надо же, а ты начинаешь соображать. Тогда зачем эта исповедь?

Рекс подошел к ней и снова осторожно притянул к себе:

— Потому что чувствую себя идиотом, виноватым не только перед Су Мин, но и перед тобой. Стыдно, что спорол глупость. Ну и… ты ведь заметила, что что-то не так, а врать с каменной рожей я еще не очень умею.

Мэрилин протянула:

— Сильно жизнь в белом секторе расслабляет людей… Ладно уж, грешник, давай, кайся. Не вышло поиграть в доктора, поиграем в монахиню и прихожанина, — она подтолкнула

собеседника к дивану и, когда Рекс сел, удобно устроилась у него на коленях. — Тебе, как я понимаю, надо выговориться? Вечер у нас длинный. А я всё же вызвалась к тебе психотерапией, поэтому, так и быть, послушаю.

— Нет, — Рекс мягко гладил ей спину, запустив руку под сорочку. — Опять скажешь, что такие долго не живут, что я какой-то неправильный… Тогда у меня обострятся комплексы — никакой психотерапии не хватит.

— Ты не неправильный, — спокойно ответила женщина. — Ты — наивный. Как все жители белых секторов, приближенные к благам цивилизации и корпоративным ништякам. Это вас и расслабляет. А надо держаться в тонусе. Потому что однажды ништяки кончаются. Они всегда кончаются, Рекс. А затем жизнь ставит тебя в коленно-локтевую позицию и начинает так яростно иметь, что умнеешь на глазах. Просто тебя она пока еще не драла во всю мощь. Но не переживай — всё впереди.

— То есть не избежать? — уточнил он.

— Даже не надейся. Пока ни у кого не получилось. И ты, уж извини, не станешь первым. В общем, если хочешь бесплатный совет — вали из белого сектора подальше.

Теплая мужская ладонь продолжала ласковые поглаживания.

— Так ведь я и в чёрном, судя по твоим словам, не жилец.

— В чёрном шансы выше, — мурлыкнула, зажмурившись, Мэрилин, — тут всё зависит только от тебя, к тому же корпы очень боятся сюда лезть. А по белым секторам рано или поздно проходятся кровавым катком.

Рекс запустил под тонкую комбинацию вторую руку. Ему нравилось смотреть, как блаженствует женщина. Длиннющие ресницы Мэрилин лежали на щеках. Она сладко улыбалась, выгибаясь навстречу ласкам. Какая же красивая… И ведь совсем молоденькая. Сейчас, когда лицо расслабленное и счастливое, это особенно заметно. Сколько ей лет? И тут Рекс с удивлением понял, что хозяйка «Норы» ненамного старше его самого. Лет на пять. Максимум.

— Подожди, — Мэрилин открыла глаза, сдернула комбинацию и легла, устраивая голову на коленях мужчины. — Это чтобы тебе было удобнее, — пояснила она.

Рейдер рассмеялся.

— А вообще в чёрном секторе выжить гораздо проще, чем кажется, — тем временем продолжила свою мысль женщина. — Нужно лишь понять несколько основных принципов.

— Знать бы еще их, эти принципы, — ответил Рекс.

— Никому не верь, не лги там, где легко проверить, не выворачивай душу перед незнакомцами, не надейся на чудеса, не

проси об одолжениях, храни спокойствие, не бойся смерти и всегда думай, *что* говоришь и *кому*. Вот и всё.

— Ну да, ерунда, — усмехнулся собеседник.

— Учись у своего старшего, — посоветовала Мэрилин. — Он всё это отлично умеет. Но помни, что слова «никому не верь» и в этом случае очень актуальны.

— Да, я понял.

Женщина открыла глаза и сказала спокойно:

— Разница между ним и тобой в том, что тебе можно верить, но… с тобой нельзя вести дела. А с Винсентом ровно наоборот. Он расчетливое и последовательное чудовище. Сможешь стать таким — сможешь стать одним из нас. А пока ты… — она поднялась, села ему верхом на колени и сказала с улыбкой: — Пока ты просто очаровательное недоразумение, которое очень хочется потискать. Поэтому хватит болтать.

Мягкие ладони скользнули Рексу под футболку.

* * *

Эледа, слегка наклонившись, замерла возле камина и рассматривала рыбок в аквариуме.

— Какая прелесть, — сказала она.

— Мисс Ховерс, не нужно так стоять, — произнес Джед. — Иначе ужин не состоится.

Девушка польщенно рассмеялась и подошла к столу.

— Рассказывай, — предложила она, когда хозяин дома помог ей сесть.

— Что именно?

— Насколько глубоко ты чувствуешь себя виноватым. Исходя из этого, я решу, стоит ли тебя прощать.

У нее на шее была кружевная бархотка с тонкими низками черных камней и удивительной огранки черной слезой, которая слегка покачивалась в ямочке между ключицами. Джед с трудом оторвал взгляд от украшения и сказал, наливая гостье вино:

— Мисс Ховерс, позвольте сделать комплимент вашему вкусу. Вы безупречны. И очень эффектны.

Эледа довольно улыбнулась.

— Говорят, одежда должна быть такой, чтобы мужчина боролся с двумя противоречивыми желаниями: желанием снять её с женщины и желанием этого не делать.

— Удивительно точно сказано, — согласился Джед, взяв, наконец, себя в руки.

Платье, действительно, было феерическое. Конечно, даже в

подобном наряде другая женщина вряд ли настолько впечатлила бы агента Ленгли, но мисс Ховерс по счастливому совпадению точно воплощала предпочитаемый им типаж.

— Эледа, предлагаю выпить за тебя, — сказал Джед. От чистого сердца сказал! — Я очень рад, что именно тебя направили в этот богом забытый интернат и что именно меня прислали проверять тот твой запрос. Я по жизни везуч, но это дело, пожалуй, станет одним из самых успешных по числу приобретений.

Мисс Ховерс тонко улыбнулась:

— Приятно слышать. Рада, что ты так думаешь, и, надеюсь, наша совместная работа будет взаимовыгодной.

— В этом можешь не сомневаться, — заверил Ленгли, любуясь тем, как она розовеет от комплиментов.

— Ты сказал «одним из». А какими были успешные приобретения предыдущих дел? Тоже блондинками или брюнетками? — гостья приступила к ужину.

— Ни теми, ни другими. Остальные… приносили другие приобретения.

— Расскажи. И начинай уже есть еду ртом, а не меня глазами.

Он рассмеялся и взял вилку.

— О каком из дел тебе рассказать?

Эледа задумалась и, наконец, ответила:

— О самом запутанном! Я хочу почувствовать себя подружкой Джеймса Бонда, работающего на «Виндзор».

— Хорошо. Несколько лет назад я вскрыл канал, по которому в конкурирующую корпорацию сливались секретные технологии и стратегические материалы. Схема там была очень запутанная. Настоящий боевик — со слежкой, записывающими устройствами, могущественными покровителями и шпионами. Пока работал над этим делом, дважды пытались подкупить. Причем суммы предлагали действительно впечатляющие. Но и подкупатель, и тот, кого он покрывал, конечно, ничего не добились. Информация ушла на самый верх, обрушила целую сеть осведомителей, оборвав цепочку слива данных. Конкурирующая корпорация еще долго не могла прийти в себя от причиненного ущерба.

Эледа слушала с глубочайшим вниманием.

— А те, что покрывали осведомителей и работали на конкурентов? Их всех вычислили и ликвидировали?

— Увы, — развел руками собеседник. — Я ведь не настоящий Джеймс Бонд. Поэтому не знаю.

Девушка покачала головой:

— Это очень серьезное дело. Сколько ты над ним работал?

— Два года.

— Если честно, не представляю, как ты справился. Мне эта Айя Геллан всю душу уже вымотала. А ведь меньше недели прошло.

— Тут другой ритм, другие ставки. Всё другое. Но в целом ни одно дело не бывает похожим на предыдущее.

— Мне пока не с чем сравнивать, — сказала гостья. — Это ведь мое второе расследование. А первое было — ерунда, статистическая тревога.

— И окончилось ничем, как и большинство статистики?

— Почти. Я вскрыла в рабочем секторе хищение и перепродажу за периметр успокойки. Там всё было просто: в питьевой воде для рабочего персонала понизилась концентрация вещества, ну и в итоге — драки, снижение дисциплины, уменьшение выхода продукции. Скукота, в общем… Джед, я не говорила, но с тобой очень интересно работать. И, знаешь, в какой-то степени это очень заводит.

Она улыбнулась, поднося к губам бокал.

Джед хмыкнул. Заводит. Ещё как заводит.

— Эледа, я не могу понять… — начал Ленгли, но осёкся.

— Что именно?

— Это платье…

Он замолчал, не зная, как правильно сформулировать вопрос.

— Ты очень наблюдателен, — похвалила девушка. — Это действительно платье.

Она встала. Джед поспешно сделал то же самое. Мисс Ховерс шагнула чуть в сторону и элегантно покрутилась.

— Тебе нравится?

— Не то слово… — хрипло сказал Ленгли, гадая про себя, какой изощренный мозг придумал подобный наряд.

Дело в том, что платье мисс Ховерс, скорее, оголяло, нежели одевало. Чёрная материя была совершенно прозрачна — даже струящийся широкий подол, даже облегающий лиф. Женщина в таком наряде казалась бы голой, если б не тонкая вязь вышивки, сделанная чёрным шелком и стразами. Вышивка расходилась затейливыми узорами, где-то почти прозрачными, где-то очень плотными. Поэтому сквозь ткань проглядывало, мелькая, тело: то бедро, то округлость груди… Но никаких подробностей. Однако очертания были видны. При этом оставалось совершенно неясным — под платьем проглядывает тело или всё-таки тончайшая бежевая ткань? Женщина в этом наряде обнажена или пристойно одета?

Тем временем Эледа шагнула к мужчине и мягко потянула его за галстук:

— Так *что именно* ты не можешь понять о моем платье, Джед?

— Я не могу понять: есть под ним что-нибудь или нет? — ответил Ленгли, кладя руки ей на талию и ощущая под ладонями прохладу шелка и тепло тела одновременно.

— Конечно, есть, — тихий голос Эледы тянулся, как мед. — Под ним есть я…

* * *

— У меня было бы удобней, — сказала Су Мин, глядя, как Винсент сбрасывает ботинки и вытягивается на кровати. — Всё же номера для приватов настраивают на иной лад.

Винс подложил под голову подушку и включил планшет.

— Что, и Рекса бы к себе пустила? — с иронией спросил рейдер.

— Конечно, — кореянка присела рядом и ответила в тон ему: — Старая циновка есть, постелила бы за порогом.

— Реально обидел? — Винс снял очки, положил их на прикроватную тумбочку и внимательно посмотрел на собеседницу.

— Если бы реально обидел, был бы мертв, — девушка вздохнула. — Просто очень он резко сказал. Неожиданно. Не отошла ещё до конца. Глупо, да?

— После того, что он ляпнул? И что ты таки сдержалась? Нет, не глупо. Более чем неглупо. Я ему ещё объясню, что он тебе жизнь задолжал.

— Не мне, — сказала кореянка. — Тебе. Приди сообщение хоть на минуту позже, я бы не знала, что он тебе действительно нужен.

— Ну, глядишь, при случае и стребую должок, — легко согласился Винсент. — Через годик он как раз всё осознает в полной ме… — вибрация браслета прервала разговор.

Рейдер немедленно нацепил очки и расплылся в довольной ухмылке, после чего достал коммуникатор, полученный от связистов. Несколько секунд, и в бредо-канал ушли пять заранее подготовленных кодовых сообщений.

…Еще через несколько секунд в другой части тридцать седьмого сектора аппаратура Керро поймала нужные слова, сообщая хозяину, что время настало. И сразу после этого где-то на окраине сектора небольшой электронный модуль передал в эфир заранее подготовленный инфопакет, после чего самоликвидировался, обрывая след. Тут же мощная профессиональная аппаратура корпоративного слежения, установленная в высотке связистов, перехватила этот пакет и

сохранила его в архив. Хорошо, когда заранее знаешь установленную модель перехватчика и её возможности. В таком случае не составит труда ввести технику в заблуждение.

— Ну, вот я и дождался, — Винс снова снял очки, отложил планшет и потянулся к сидящей рядом девушке.

Однако она мягко отстранилась и с улыбкой покачала головой:

— Терпение. Ты дождался, а я ещё нет.

— Ты вроде говорила, что сегодня не занята? — Винс убрал руки, вопросительно глядя на собеседницу.

— Делами клана — нет, но могут ведь у слабой девушки быть маленькие секреты и личная жизнь? — протянула она мечтательно. — Должок кое-кому вернуть надо, — кореянка на миг прикрыла глаза, и собеседнику показалось, будто за густыми ресницами вспыхнул злой огонек.

— А-а-а… — протянул Винсент и демонстративно придвинул к себе еще одну подушку. — Ну, тогда, как дождешься, буди.

— Разумеется, — девушка наклонилась к мужчине. — Но ты, и правда, спи. Завтра долгий и непростой день. А я поставила на тебя. Так что отдыхай, пока можешь. А чуть попозже обязательно разбужу.

В её голосе слышалось многозначительное обещание.

— Слушай… — смех смехом, но рейдер почувствовал, как сразу после этих вкрадчиво сказанных слов его, действительно, начало клонить в сон, — кто же ты, и что ещё умеешь?

— Когда-нибудь расскажу. Может быть… — тонкие пальцы взъерошили мужчине волосы. — Но сперва вернись к нам резидентом. Спи…

И Винс послушно отрубился.

* * *

Керро размеренно шагал по разбитой дороге, тянувшейся между мёртвыми мрачными среднеэтажками. Следом за ним шла молчаливая Айка. Девчонка, конечно, сильно вымоталась, это было заметно. Хотя она и старалась не подавать вида, но по пустому взгляду становилось ясно: идет на автопилоте. Неудивительно — день выдался суетный, а если ещё и тренировку учесть…

В целом рейдер был доволен: всё складывалось как нельзя более удачно. Только что посредник, с которым он связался, провел успешные переговоры и привлек на исполнение дела бандочку рыл в двадцать — неплохо вооруженную и даже более-

менее обученную… Как раз такую, какая нужна для Винсова плана. Задаток передан, недостающую сумму банда получит уже по завершении дела при предъявлении доказательств. Правда, Керро знал: остальное платить не придётся, разве только корпы совсем обленились и не смогут прикрыть своего же. Естественно, ни посредник, ни банда ничего о личности нанимателя не знали. Так что, когда корпораты начнут расследовать инцидент, то след, который мог бы привести их к Керро, попросту оборвется.

Что еще? Миллион Цифрычу лежит в тайнике. Передатчик, который укажет хакеру место, уже настроен и отправит сообщение послезавтра. Как бы Цифирь ни напирал на тринадцать процентов, которые его эстетически радуют, но от двадцати наверняка не откажется. Надо будет глянуть через пару лет, как он пережил внезапно свалившееся богатство. То ещё испытание.

Единственное, что сейчас ну очень не в тему — нынешние разборки на улицах. И, главное, с Айкой привычно насквозь, через дома, не пойдешь: окончательно уморится, а ей завтра выкладываться по полной.

Потому Керро решил на углу ближайшего квартала свернуть в мёртвые районы. Крюк, конечно, выйдет изрядный, но там спокойней, а значит, можно сбавить шаг, а то и присесть где-нибудь, дать девчонке перевести дух.

Не срослось.

Из-за ближайшего дома донесся шум голосов, и метрах в двухстах впереди показалась разношёрстная сильно потасканная и возбужденная толпа. Рыл двадцать пять — тридцать. Очки поймали перефокусировку зрачков и послушно настроились, приближая изображение и подключая направленные микрофоны. Судя по виду, какие-то отбросы, улучившие момент подняться на беспределе. Они шли, не скрываясь, в полный рост. Растянулись во всю ширину улицы, что-то орали, время от времени без разбору палили в разные стороны. Раздайся, грязь, говно ползет. Толпа отморози, хлебнувшая крови, ощутившая силу и готовая рвать любого, кто попадется на пути.

По разболтанным движениям и неуместной агрессивности было ясно: падлы качественно закинулись наркотой и сейчас несказанно охуевают от собственной внезапной крутости.

Керро вздохнул, коротким морганием сбросил режим приближения и шагнул в ближайший переулок.

Для незнающего человека этот путь выглядел бы тупиковым, упирающимся в торцы трех домов. В стене одного, правда, зиял чёрный провал, но он вёл в просторный заброшенный холл, больше похожий на пещеру — ни окон, ни дверей. Спрятаться тут

было негде, зато по одной из стен не составляло труда (при наличии метателя, конечно) вскарабкаться на второй этаж и уже оттуда перейти на соседнюю улицу.

* * *

Крис был очень доволен.

Его банда выросла до тридцати рыл, а стволов на всех было уже больше двух десятков! Патронов, правда, маловато, но на первое время хватит. Даже четыре тяжелых броника добыть сумели, плюсом жратвы, бухла и дури набрали на несколько дней. Само собой, сразу же и несколько баб прицепились.

Вот она — жизнь! Наконец-то. Как давно он этого ждал… Свобода делать, что хочешь, возможность снова проворачивать дела, набирать авторитет: уважение, стабильность, силу.

А пока можно расположиться в уютном тупике и чуть-чуть передохнуть. Разжечь костёр, достать хавчика и пойла, отметить удачный день, расслабиться. Оглянуться не успеешь, на шум и веселье подтянутся еще и бойцы, и бабы. Тогда уже с утреца можно будет пойти на конкретное дело — накрыть пару мелких группировок, отжать всё, что отыщется полезного, ну и, конечно, разжиться новыми стволами. После этого — к барыге, сбросить хлам, а потом к Олли — затариться патронами.

Если Олли примет, то… реально успех.

Вообще за этот день Крис вымотался, будь здоров. Еле ноги волочил. Ликка, видимо, это поняла, тронула за локоть и протянула пару таблеток, а к ним пластинку жвачки — отбить вкус.

— Зажуй, Крисси, — сказала она сипло. — Весь день работал на износ, теперь-то уж…

Он кивнул и забросил колёса в рот. Сперва по языку разлилась острая горечь, которую, впрочем, кое-как перебила химическая сладость жвачки. А потом… Усталость отступила, мир вокруг обрел резкость, тело стало ловким и гибким. Силы прибывали, словно из ниоткуда, ноги пружинили о разбитый асфальт, перестало ныть искалеченное колено, а Ликка рядом вдруг стала вполне красивой сочной бабой, такой сочной, что захотелось наклонить её прямо здесь. О чем он ей незамедлительно и сообщил, ухватив за зад.

Девка игриво засмеялась: «Давай там, у огня». И Крис, ощущая себя неимоверно крутым и удачливым, великодушно кивнул — мол, да, всё ещё успеется. Кто-то из банды, глянув на вожака, начал беспорядочно палить по мертвым развалинам,

остальные одобрительно загудели, поддерживая. Крису это только добавило куража — он и его люди идут во весь рост, они — сила, которую никто не сможет остановить, а если попытается, пусть пеняет на себя. Стрельба зазвучала чаще. Конечно, поберечь бы патроны, а с другой стороны, да и хер бы с ними. Купят ещё. А пока сектор должен понять: здесь появились новые хозяева жизни, с которыми надо считаться.

Но обо всем этом Крис думал как-то мельком. Он шёл и размышлял, глядя на шагающую рядом Ликку: ведь и умная, и не такая страшная, какой весь день казалась, и с понятием. А как она с теми мудаками в логове поклонников Дави'Ро разрулить предложила? Теперь в банде никто и вякнуть против слова вожака не смеет. Что до лица, так поднимется Крис, оплатит ей пластику, делов-то, когда при бабках. К тому же задница у нее и без пластики очень даже…

В этот момент со стороны тупика, куда уже подошли первые двое из бригады Меркиндока, ударили две короткие очереди.

* * *

Айка бездумно шла следом за Керро, когда он в очередной раз свернул в переулок и непонятно выругался.

— Ёп… метатель же двоих не поднимет! Ладно, переждём. Пропустим этих полудурков и пойдём дальше.

Он отошел чуть вглубь и сел рядом с грудой обломков у стены, почти сливаясь с серым камнем. Пальцы рейдера замелькали, перебирая виртуальное меню. Айе, несмотря на усталость, было всё-таки интересно, что он там такое смотрит. Тем временем шум и беспорядочная пальба приближались. Керро снова тихо выматерился и вжал кнопку на дужке очков, отключая интерфейс.

— Почти тридцать невменяемых рыл, — сказал он зло и пояснил: — Дохрена…

Но продолжить не успел, в этот момент в их тупик свернули двое мужиков пропитого вида со стволами наперевес. Айя успела заметить вспыхнувшую у них в глазах злую радость — добыча! Конечно, что такое два человека против чокнутой кодлы, которая убивает и грабит без остановки с самого утра? Но Керро оказался быстрее: две короткие очереди отшвырнули оборванцев назад.

— Мне нужно полминуты, — коротко сказал рейдер спутнице и щёлкнул какими-то пряжками под курткой, после чего выдернул из-за спины тот самый замеченный Айей ещё несколько дней назад плоский ящичек. — Постреляй, отпугни их. Только не

высовывайся. Пошла.

Он распахнул ящичек, и Айя, уже разворачиваясь, краем глаза разглядела-таки внутри укороченный автомат и петли, будто под руку.

Девушка рванула к углу, в панике путаясь в ремне ингрема. Она не была уверена, что раньше стреляла из подобного оружия. Хорошо, хоть магазин с боевыми вставлен ещё утром… Плоская кнопка предохранителя поддалась под ладонью. Айя выставила руку со стволом за угол и вжала спусковой крючок.

Пистолет-пулемет забился, руку бросило вверх… Весь магазин вылетел мгновенно, затвор встал на задержку, а девушка ошарашенно уставилась на такое непривычное по сравнению с глоком оружие. Чёрт!

Открывшаяся в ответ частая пальба из-за угла дала понять, что радоваться победе сильно преждевременно. Айка выбросила опустевший магазин и потянула из подсумка второй.

* * *

Лето осторожно присмотрелся к узкой щели меж двух опасно накренившихся бетонных плит. Чтобы ловчее двигаться, он полностью снял верхнюю одежду, оставшись в одних штанах и футболке. Холодно, конечно, но в объемной куртке в логово опиздюлин не пролезть. Собственно, и без куртки может не выйти — эти сумасшедшие суки облюбовали себе руину старого дома, которую в секторе называли Стонущими Развалинами.

Болтали, будто здесь лет пятнадцать назад находилось логово местного бонзы. В те далекие времена тридцать седьмой еще не считался чёрным сектором. Теперь в это, конечно, верилось с трудом, но тогда тут была вполне благополучная (по меркам зариметрия, конечно), прикормленная корпами, светло-серая зона. Больничка работала, кой-какие поставки велись, даже типа школа действовала и пыхтел заводик по производству экологически грязной херни. Неплохо, говорят, жилось. Если не врут, как обычно.

Короче, в те давние незапамятные времена на месте Развалин стоял дом. Высотка о скольких-то этажах. И жил в ней со своими людьми местный бонза, который мутил дела с корпами. Но потом, как оно всегда бывает, что-то пошло не так и не туда. Прилетели вертушки, приехали танки, пришли каратели и расхреначили домик чуть не до основания. Полную секторальную зачистку (эти жуткие слова в секторе знали все — от мала до велика) устраивать не стали, и то спасибо.

А высотка после налета сложилась, как карточный домик. Провалилась стенами внутрь, всю верхушку сектора там и похоронило под горами бетона. С тех пор подходить к этому месту боялись. Поговаривали, тут жили духи бонзовых парней и девок, жили и искали, кому бы отомстить. Да ещё корпы раздолбали дом так, что он постоянно скрипел, а внутри, нет-нет, рушились с гулким грохотом уцелевшие перекрытия.

Было дело, пытались пролезть на развалины особенно отмороженные из взрослых. Ни один не вернулся — придавливало на хрен или срывались. Мальчишки соваться тоже опасались. Кто постарше, тех развалины не выдерживали. А кто помладше, духов боялись, да и не умели ни фига. В довершение же ко всему рядом с руинами постоянно кто-то пропадал. Может, конечно, мясники баловали, а может…

Впрочем, сам Лето не верил в духов. То есть, как не верил. Ссыкотно, конечно, всё равно было, но он знал: зассышь — подохнешь. И безжалостно душил в себе страх. Сейчас мальчишка уже не помнил, откуда пронюхал, что три опиздюлины прижились в Стонущих Развалинах. Слухи эти ходили давно, хотя никто в секторе не понимал, как чокнутые девки пробираются внутрь. Они вообще были странными. Появлялись из ниоткуда и пропадали в никуда. Лето подозревал, что у старого бонзы под домом был тайный ход, а опиздюлины его разыскали и теперь шастали подземными тропами. Впрочем, это мало кого волновало, лезть внутрь дураков не находилось.

Однако Лето был везунчиком. Отчаянным и упертым. К тому же для своих лет ну просто дрищ дрищом, а значит, пролезть пока ещё мог. В придачу перед делом он нарочно ничего не ел (чтобы не добавить веса) и не пожидился сделать щедрое подношение Трём. Ну и напомнил себе главную истину улицы: кто не рискует, тот никогда не поднимется. А Лето хотел, *очень* хотел подняться и стать человеком. Смог же он выбраться из Вонючей Дыры, где сгнили на хрен его мамаша и брат? Смог.

— Короче, — мальчишка повернулся к своей спутнице, — стоишь на стрёме. Ну и если вдруг чё — свистишь и валишь. Не вернусь до завтра, вскрывай захоронку и уматывай из шоблы. Без меня сожрут. Можешь к Мэрилин пойти, — он увернулся от легкого тычка, — да не в этом смысле! Су Мин про тебя знает — я просил, замолвит слово, а работа найдется — полы мыть или номера убирать… Зиму перекантуешься, тепла дождёшься, потом найдешь, куда деться. Ладно, полез я, — он отдал ей куртку, шапку, покрепче зашнуровал ботинки, проверил, надежно ли сидит в кобуре пистолет, и двинулся к Развалинам — гор*е* бесформенного бетона, арматуры, провисших перекрытий,

накренившихся лестничных пролётов…

Лето сюда уже забирался. Жаль, тогда у него ещё не было ствола, а опиздюлины, суки, оказались до крайности бдительны. Когда их не вштыривало, они были очень, очень опасны. И никогда не покидали логово все одновременно. Впрочем, когда их вштыривало, они становились ещё опасней. Зато осторожность вообще теряли, потому и вылезали на поверхность втроём. Ладно, хрен с ними. Сегодня один фиг замерзнут.

Мальчишка, осмотрительно проверяя руками каждую бетонную глыбу, стал карабкаться к вершине. Наверху, там, где потолки и стены сложились внутрь, чудом уцелела шахта лифта — черный провал с обвисшими ржавыми тросами. Сперва по ним, болтающимся, как сопли, надо спуститься к подвальному этажу, потом на животе пролезть под бетонной плитой, завалившей проём. Там будет узкий-узкий лаз длиной метров десять. Страшно, мля… Главным образом Лето боялся застрять. В эту нору он лез последний раз год назад. Конечно, вырос он с той поры чуть — всего на пару пальцев, но… Не-е-е, об этом лучше не думать.

Одна из глыб у него под ногой опасно покачнулась. Ёп! Только не дёргаться. Мальчик медленно перенес вес тела на другую ногу. Не дышать… спокойно… Постройка выстояла, хотя где-то внизу заскрежетал металл. Захотелось оглянуться на замершую у подножия подругу, махнуть ей рукой и успокоить. Но это было бы как-то не совсем по-мужски, да ещё навернёшься, как не фиг делать. И Лето полез дальше. Нащупал впереди очередной выступ, уцепился за него, подтянулся. Бетон под руками, казалось, дышал и вздрагивал.

Надо отвлечься, думать о чём-то хорошем. Если думаешь о плохом, оно обязательно случится. А о чём хорошем?

Да хоть о Нари. Нари, правда, была странная. Но клёвая. Он не знал, откуда она взялась. Просто однажды пришла в их логово и притащила убитую крысу, показывая знаками, что может добыть ещё, если её возьмут в банду. Крыса, правда, оказалась мелкая и тощая, с башкой, разбитой камнем, но даже такая она была куда круче сублимата или протеиновых плиток.

Конечно, мальчишки запросто могли крысу отобрать, но девчонка бы удрала, и тогда фиг им больше. А так… ей нужна защита, им — вкусная еда. К тому же человек, который голыми руками ловит и убивает крыс, заслуживает уважения. Лето вот не умел. А эта мелкая к тому же была похожа на кореянку… В общем, парень не смог ей отказать. Хотя, конечно, согласился не сразу. Сперва расспросил, всё как положено — сурово и деловито. Но ведь с немой особо не перетрёшь. Впрочем, она ловко

объяснялась жестами. Даже шутить умела!

Он пытался узнать, как её зовут, но она качала головой. У неё не было имени! Она показывала на глаза и жмурилась. Лето решил, что люди обзывали её просто Узкоглазой. Но это было несолидно и унизительно. Поэтому, когда она немножко обжилась в их банде, он предложил ей выбрать имя. Непременно красивое. Чтоб всё как положено. Перебрали чуть не сотню, но девчонка всякий раз отрицательно мотала головой и отвергала предложенное. Получалось, человек есть, а имени у него нет.

Впрочем, Лето нашел, как вывернуться. Однажды, когда Су Мин его нанимала, попросил помочь. Она отнеслась к вопросу серьезно (она вообще ко всем, с кем работала лично, относилась серьезно) — озвучила десяток разных клёвых имен. Лето запомнил. И потом огласил список своей «кореянке». Та с первого раза одобрила третье по счёту — Нари. Остальные даже слушать не стала. Упрямая девка. В общем, Нари, так Нари.

Сейчас Лето спиной чувствовал взгляд подруги. Волнуется… Ничего, он справится.

Казалось, до верха никогда не добраться, один раз мальчишка даже решил, что все — щас грохнется эта херовина и размажет его в кровавое месиво. Но херовина выстояла. А вскоре он вскарабкался на вершину. Из черного прямоугольного проема шахты лифта тянуло гнилостным сквозняком и холодом. Ржавые тросы стонали и скрежетали. Только б не оборвались…

Конечно, будь у него деньги, он бы всё сделал по уму, взял бы снарягу… Хотя какая снаряга? Снаряга — это лишний вес. А лишний вес — это значит, фиг поднимешься. Так что придется работать с тем, что есть. Мальчик закрепил на голове налобный фонарик. Не покупной, как у крутых, а собранный из разнокалиберных запчастей и прикрепленный на старую резиновую ленту. Надел перчатки. Тоже самые обычные — синтетические, со вложенными внутрь защитными вкладками, которые Лето вырезал из мягкого пластика. Ну, всё. Теперь готов. Можно спускаться.

Страшно-то как, ёп… Лето подергал один из ржавых тросов. Вроде держится крепко. Ну… Трое, помогите!

Прямоугольный проём, в который было видно небо, всё отдалялся и отдалялся. По стенам метался луч фонарика. Развалины стонали и скрипели. Мальчишка до боли стиснул зубы, удерживая себя от суеты, стараясь спускаться как можно плавнее, не раскачивая ветхий трос. Лучше просто считать про себя, это успокаивает, да.

У него уже дрожали и разжимались руки, когда утомительный жуткий спуск, наконец, завершился. Вот он —

момент истины — узкий лаз с ходящими над ним ходуном бетонными обломками. Лето выключил фонарик, осторожно лег на живот, вытянул вперёд руки и медленно, очень медленно протиснулся в дыру. По лицу катился пот, долбаная футболка выбилась из штанов и сковывала движения, локти оцарапывали обломки бетона. Но мальчик упрямо полз, обдирая кожу. Хер с ней. Новая нарастёт. Главное — не застрять.

Лаз становился всё ***у***же, дышать делалось всё труднее… Сука! Да неужели его судьба — застрять здесь и подохнуть?! Злые слезы наворачивались на глаза, но Лето тянул и тянул себя вперед, упорно работая локтями. Ну, уж хрен вам всем! Если он застрянет, то рванется так, чтобы вся эта громадина рухнула. Лучше одним разом подохнуть, чем трепыхаться.

На счастье, если ему и светило подохнуть, то точно не в этой норе. Мальчик достиг, наконец, узкой щели, что заменяла опиздюлинам вентиляционное отверстие. Прислушался. Тихо. Только не видно ни хера. Ладно, их все равно нет. Лето просунул в отверстие руки, нашарил стену внизу, после чего аккуратно втянулся внутрь комнаты. Надо бы найти выключатель. Наверное, он где-то рядом со входом, а вход…

В этот миг что-то щелкнуло, и зажёгся свет…

* * *

Когда спереди ударили две коротких очереди и двое самых нетерпеливых из банды завалились, Крис откровенно струхнул. Но протрещавшая следом длинная неприцельная на весь магазин успокоила.

— Дави огнем! Кто там ближе? Нех валяться, подползайте!

Сам он вместе с Ликкой уже спрятался за разрушенным крыльцом серой высотки и сбросил с плеча полюбившуюся укороченную штурмовуху.

— Крисси, — из глаз женщины почти ушла наркотическая муть, — может, ну их? Людей же потеряем.

Вторая очередь огрызнулась из-за угла. Всё такая же бестолковая — в белый свет на весь магазин.

— Да ладно тебе, — хохотнул Крис, снова ощущая поднимающийся в груди кураж, — там ведь лохи полные. Кто ж так стреляет? Ну, а выбьют из наших пару-тройку мудаков — балласт скинем, заодно и стволов будет столько, сколько людей.

Ликка замялась, пытаясь объяснить, что вряд ли всё так просто. Крис приобнял девку, краем глаза наблюдая, как его банда, паля из всех стволов, рвётся вперед. Первым до угла

оставалось метров десять.

— Ща уже наши их. Рассла…

Хренак! Брошенная из тупика оборонительная граната оглушила и накрыла самых шустрых — тех, что подобрались ближе всего. А как только отшуршали осколки, из-за угла вылетел натуральный демон.

Доля мгновенья — и он уже в центре улицы. Трое подранков, откатившихся к стене ближайшего дома, почти сразу открыли огонь. Задержка с их стороны была лишь на долю секунды. Но была!

Разворот. Три короткие очереди. Три трупа.

Один из посечённых осколками мужиков, даже не пытаясь встать, выдернул из-за ремня пистолет… Небольшой щит встретил пулю. Она взвизгнула, вскользь ушла куда-то в сторону, а демон ударом ноги мгновенно убил незадачливого стрелка.

Это происходило так быстро! Нечеловечески быстро! Люди не могут так двигаться!

Лупа за спиной Криса ме-е-едленно вскинул револьверную винтовку и попытался поймать демона в прицел. Но адская тварь мгновенно сместилась, уйдя от пули, а затем и от очереди пистолета-пулемёта, выпущенной Мухой, которому повезло спрятаться от осколков за обломком фонарного столба. Взлетел вверх короткоствольный огрызок чужака, и Лупа незамедлительно получил свою порцию свинца. Из огрызка! На ста с лишним метрах!!!

Пули Крисовых стрелков выбили бетонную крошку из стены. А демон опять ушёл в сторону. Ещё три коротких очереди — ещё три трупа. Перекат. Смена магазина. Прямо с земли новая очередь и прыжок в сторону. Там, где только что лежал человек, пули врезались в землю.

И вот тут Крис, наконец-то, понял: с *этим* шансов нет. *Этот* знает, куда придёт выстрел, а потому легко уходит от смерти, не тратя впустую ни силы, ни патроны. Это киборг. Из новых моделей, тех, которые не отличишь от человека. Дурная только поманила Криса Меркиндока и вывела точно под прицел Снайперши, а Фортуна теперь смеется, там, у себя за чертой.

Пока Крис всё это стремительно думал, неуязвимый убийца впереди в очередной раз принял на щит пулю. Она отбросила его на пару шагов, чуть развернула, и под прицел демона попали еще двое нападавших, которые тут же беззвучно полегли.

Тягач, что скорчился на земле впереди, понадеялся на тяжелый бронежилет и прыгнул вперёд. Он разрядил все четыре ствола разом, казалось бы, верная смерть, но киборг откинулся спиной назад, распластался по земле, пропустив картечь, и вбил в

тяжеловеса очередь. Пули, как бумагу, прошили защиту.

Ликка вскинула руки, держа штурмовуху за цевьё. Хитрая баба что-то начала вопить, типа, не стреляй, дай уйти… Короткая очередь отшвырнула её прямо на Криса, и тот опрокинулся навзничь, накрытый обмякшим телом. Но в этот раз инстинкт не подвел главаря уже уничтоженной банды. Руководствуясь безошибочным чутьем, каким обладают только самые слабые и уязвимые, он выпустил из рук винтовку и замер.

Этот почти прошел мимо! Почти. Крис уже хотел выдохнуть от облегчения, слушая, как удаляются шаги незнакомца, но тот вдруг замер и на развороте всадил в Меркиндока очередь, после чего равнодушно сбросил очередной отстрелянный магазин.

Пули прошли через мертвую Ликку и рванули плечо съежившемуся под ней хахалю. Крис скорчился и едва слышно застонал, но сразу же прикусил щеку, чтобы не заорать. *Этот* двинулся дальше.

Те из банды, кто ещё был жив, в ужасе разбегались. Стрелять им вслед демон не стал. Только крикнул, подзывая кого-то, и из-за угла сразу же выскочила высокая рыжая девка с пистолетом в руке.

И надо ж было Крису именно, когда эта тощая пробегала мимо, не выдержать и дёрнуться от боли.

Пули из двух стволов накрыли мгновенно, беззвучно вгрызаясь в тело.

Боль обожгла, заставила захлебнуться кровью, ужасом, досадой и пониманием, что всё закончилось. Для него — Криса Меркиндока — уж точно. Не к добру он встретил тогда на улице того чужака. И этого тоже. Лучше бы сидел в своей норе и пил брагу. Лучше…

Уже в полузабытьи, Крис отрешённо смотрел, как его убийца отбросил оружие и щит, а рыжая девчонка замерла в паре шагов. Оглядываясь по сторонам, странная парочка быстро ушла. Умирающий вожак расстрелянной банды смотрел им вслед остановившимся взглядом. Глаза ему медленно заволакивала свинцово-серая пелена. Холод просачивался сквозь кожу, и не было сил пошевелиться или сделать вдох. Да ещё звучал в ушах издевательский смех Духов Улицы — Трёх Сук. Но и он становился всё глуше и глуше, распадался, рассыпался, таял, пока совсем не исчез.

* * *

Лето беззвучно взвыл. Одна из опиздюлин стояла в дверях,

раскачиваясь туда-сюда. И смотрела на бледного ободранного пацана глазами, лишёнными даже проблеска мысли. Мальчик замер. Застыл, как парализованный. Мля! Вы ж всегда, как наширяетесь, все шмотки скидываете! Всегда! Оба-два прошлых раза!!! Что ж ты в свитере-то осталась, сука, и не замерзла?! Что ж ты приперлась сюда так не вовремя?! Что ж я, зазря лез?! Ведь должен был успеть пошариться и удрать, так нет, ты, тварь, вернуться решила! Внутри у него всё клокотало.

Главное — не двигаться. Она обдолбанная — взгляд, вон, пустой. А торчки часто не видят дальше своего носа. Может, сейчас сползёт по стеночке и будет сидеть, в одну точку таращиться?

Может… Мальчишка медленно потянул из-за пояса пистолет. Сердце в груди грохотало, рука ходила ходуном. Он ведь всего три раза до сегодняшнего дня стрелял — патроны-то дороги! Лето плавно поднял оружие на уровень глаз… свет в логове был совсем бледный, аккум у них, дур, уже совсем разрядился. Дозаряжают, наверняка, редко… Да что ж за хрень-то в голову лезет?! Ладно, авось, с пяти шагов удастся не промазать.

Но спуск оказался непривычно тугим, ствол повело вверх…

Выстрел!!!

От грохота Лето на мгновение оглох, а спятившая баба вмиг отмерла и длинным прыжком рванула на вспышку!

Второй! Снова мимо!

Мля!

Мальчик отскочил, не заметил стоящего сбоку табурета, зацепился за него ногой и рухнул на пол.

Опиздюлина со всего размаху врезалась в стену рядом, однако тут же развернулась и прыгнула на упавшего противника. У того от ужаса едва сердце не лопнуло. Тело среагировало быстрее головы — Лето перекатился, подошва чокнутой бабы чиркнула по ребрам. Пацанёнок, задыхаясь, скорчился на полу. Пистолет он так и не выронил, но не было — не было! — времени снова вскинуть ствол.

Позади опиздюлины через узкий лаз проскользнуло что-то тощее, юркое, злобное и сразу сигануло торчихе на спину.

От дикого визга содрогнулись стены. Баба закрутилась на месте, рвя ногтями ту, что вцепилась в неё мёртвой хваткой. Нари повисла у противницы на шее, обхватив ногами за бока, и яростно тыкала шилом, куда придется. Вот жалкое оружие застряло в теле, а чокнутая, не переставая орать, сдернула девчонку с себя и со всей дури швырнула о стену.

Нари врезалась в бетон. Удар вышел страшным и гулким. Подружка Лето мешком упала на пол и застыла без движения. У

мальчика в груди вдруг всё онемело. Сердце перестало грохотать, а руки ходить ходуном. Холодная ярость остудила сознание. Он вскинул пистолет и в этот раз уже не промахнулся.

Выстрелы гремели один за другим. Попадая и промахиваясь, Лето думал, что, наверное, развалины сейчас сложатся и их троих похоронит под обломками. Однако жал и жал на спуск, пока затвор не встал на задержку. Только после этого спятившая баба, наконец, сползла по стене, к которой ее отбросило.

…Потом мальчишка будет, равнодушно покачиваясь, стоять над трупом. А когда со второй попытки достанет и вставит запасной магазин, его вдруг бешено затрясет, и будет колотить всё сильнее и сильнее, пока маленькие руки не стиснут сзади за плечи. Он обернется и увидит Нари с разбитой головой, всклокоченными волосами и в кровь расцарапанными руками. Только тогда до Лето, наконец, дойдет, что они оба живы, целы, а грёбаные развалины все-таки не рухнули. И еще он поймет, что Нари полностью повторила его путь с поверхности. В этот миг его пробьет на безудержный смех. Девочка сперва будет смотреть с удивлением, а потом и сама примется беззвучно хохотать.

Много позже, когда у обоих перестанут трястись руки, они обшарят тело и в криво пришитом кармашке под джинсами найдут три ключ-карты. После чего, наконец, оглядятся и поймут, *куда* попали. У них будет достаточно времени, чтобы обыскать на удивление опрятное и уютное логово, а затем, спустя несколько часов блужданий, найти-таки выход к поверхности.

Всё это будет после.

А пока они истерически смеялись, смывая с душ страх. И три девушки смотрели на них, улыбаясь, откуда-то из-за грани.

* * *

Айя бежала следом за Керро, и рюкзачок бил её по спине. Всё, что случилось до этого, случилось уж очень быстро. Она и не поняла ничего толком, кроме того, что Керро вдруг бросился под пули, а потом, спустя буквально полминуты бешеной хаотичной стрельбы, окликнул её, позволяя покинуть укрытие.

Когда она вышла, то увидела только трупы. На грязном разбитом асфальте беспорядочно валялись тела, из-под которых медленно растекались лужи тёмной блестящей крови. Казалось, будто эхо выстрелов до сих пор мечется среди руин. Но всё уже было кончено. Девушка бросилась к своему спутнику, однако замерла в нескольких шагах, каким-то животным инстинктом поняв — ближе лучше не подходить и не спрашивать ничего.

За эти несколько дней она видела Керро всяким: сосредоточенным, смеющимся, раздосадованным, уставшим, раздражённым, злым, но таким… Что он там делал, пока она бездарно расстреливала магазины Ингрема? И что с ним стало после этого?

— Идём, — сказал рейдер.

В эту секунду лежащий рядом мужик, накрытый телом убитой женщины, чуть дёрнулся. Короткая очередь и выстрел глока почти слились. Керро, конечно, был первым, но его спутница опоздала лишь на мгновение. Айя только с облегчением отметила про себя, что с пистолетом таки вполне управляется, в отличие от автоматического оружия.

— Быстро! — скомандовал тем временем Керро и отшвырнул в сторону небольшой щит, трансформированный из того загадочного ящичка со спины, и компактный автомат. — Одноразовый, — быстро пояснил рейдер, заметив недоумение в глазах спутницы. — Полторы сотни выстрелов держит. Осталось — тьфу. Идём. Живо!

И она побежала, потому что идти не получалось — угнаться за Керро даже быстрым шагом оказалось невозможно. Он был напряжен, как взведенная пружина: отрывистые скупые движения, застывшее лицо. Не человек. Машина. Девушка мчалась следом, еле поспевая. Даже второе дыхание открылось. Хотя пару раз она всё равно споткнулась и один — упала. Спутник не приостановился ни на миг. А когда Айке стало казаться, что ещё немного — и она просто рухнет от усталости, рейдер свернул в какую-то захламленную подворотню. К тому моменту у его спутницы уже кололо в боку, сердце выпрыгивало, а перед глазами ползли круги.

Через пролом в стене Керро забрался внутрь старой многоэтажки, где проследовал к ветхой лестнице, ведущей не то в подвал, не то в подземный гараж. Там он устремился сквозь темноту вперед, и девушка снова бежала следом, ориентируясь только на звук его шагов — возьмись она доставать фонарик, то попросту бы отстала, а Керро явно не собирался ждать. Затем был узкий лаз, заваленный погнутыми железными балками, — длинный, приведший к провалу в полу. Айя слышала, как спрыгнул вниз рейдер, поняла по звуку, что провал довольно глубок, а ей ничего не видно, кое-как нащупала край, свесила ноги и взмолилась про себя, чтобы падать было не очень высоко. Однако две сильные руки подхватили её на лету, не дав свалиться на осколки камней и бетона.

После этого что-то где-то прошуршало, потом заскрипело с надрывным ржавым визгом, а еще через миг девушка услышала,

как отходит в сторону тяжеленная мощная дверь.

— Сюда, — раздался знакомый голос, и не осталось ничего иного, кроме как шагнуть на звук.

Чёрт! Она споткнулась о высокий порог, пролетела пару шагов, едва устояла на ногах, а потом справа коротко щелкнул выключатель и над головой зажегся свет. Айка зажмурилась, после темноты подземных лазов свет показался уж очень резким. За её спиной снова ржаво застонала, заскрипела дверь, и когда девушка обернулась, то увидела, что Керро закрывает мощную герметичную створку с круглой ручкой-штурвалом. Один проворот, и металлические штыри замка с визгом встали на место.

Вдруг стало тихо-тихо. Как в бункере. Хотя, почему как?

Холодный свет древних флуоресцентных ламп освещал квадратную комнату с низким потолком и несколькими дверями. Тут даже была мебель, правда, очень старая, как в древних фильмах: диван, стол, два кресла, подвесные полки, шкаф, даже мягкое покрытие на полу…

Айя отметила всё это мельком и повернулась к своему спутнику. Тот как раз сдернул и швырнул на пол куртку. Поверх отправились пистолеты-пулемёты, магазины из подсумков на бронежилете, нож с пояса, что-то хитрое высокотехнологичное из левого рукава, очки… Девушка с недоумением смотрела, как рейдер торопливо избавляется от оружия и снаряжения.

— Унасмаловремени, — сказал Керро. — Минутпять.

Он говорил так быстро, что слова слипались в совершенно неразборчивые фразы. Причем Айя видела: он пытается говорить раздельно и, наверное, думает, будто это у него получается. Девушка замерла чуть в стороне и кивнула, отмечая, какими отрывистыми стали движения ее спутника, будто бы он из последних сил сдерживал чудовищное напряжение — даже пот на висках выступил.

— Тебенадоспрятаться.

Она кивнула опять, понимая, что говорить бессмысленно.

— Забериэто, — он указал на куртку с грудой всего.

Айя снова кивнула.

— У-тебя-есть-минуты-четыре, — сказал Керро, делая глубокий вдох и тщательно выговаривая каждое слово. — Потом-я-озверею. На-глаза-не-попадайся-убью. Заныкайся-куда-нибудь. Будет-продолжаться-минут-двадцать. Как-стихнет-выйдешь-наденешь-на-меня-вот-эту-штуку.

Рейдер протянул девушке эластичную медицинскую ленту в упаковке.

Айка взяла её и спросила:

— А ты не ворвешься?

— Нет, — ответил он, и было заметно, что говорит сквозь зубы, — мозгов-не-хватит. Концентрация-внимания-на-полсекунды-не-больше. Главное-не-попадись. Вали.

Она сорвалась с места, подлетела к ближайшей двери, дернула на себя ручку. Туалет. Не пойдет. Следующая. Кладовка. Отлично! Айя подхватила с пола куртку с барахлом и исчезла. Впрочем, через несколько мгновений снова появилась и бросила Керро моток веревки. Он рефлекторно поймал, а когда посмотрел туда, где только что стояла девушка, той уже и след простыл.

— Умница, — сказал рейдер пустоте.

* * *

Айя захлопнула дверь и огляделась. Внутри кладовка оказалась совсем тесной, но пыли здесь почти не было. Лампочка под потолком едва тлела, освещая ряды полок, канистры с водой, стопки не то одежды, не то ткани, банки консервов… Черт! Ничего тяжелого! Стеллажи оказались вполне ожидаемо привинчены к стенам. И дверь не подпереть, и спрятаться негде.

Так, без паники. Он сказал: главное — сидеть тихо. Если бы знал, что шансов спастись у нее нет, не стал бы так рисковать. Керро хоть и не в себе, но все-таки худо-бедно соображает, значит, трезво оценил риски. А теперь надо успокоиться и ещё раз внимательно оглядеться.

— Керро, твою мать, я надеюсь, ты успеешь связать себе руки, или ноги, или вообще всё, — бормотала про себя Айя. — У меня были такие планы на этот вечер…

Девушка торопливо привязала дверную ручку к стойке стеллажа (хватило ума отрезать кусок веревки перед тем, как отдать моток рейдеру) и огляделась в надежде отыскать себе хоть какое-то убежище. Увы! Полки вдоль стен были узкие — не влезешь, да ещё заставлены всевозможными припасами. В углу стояли канистры с водой, а ручка на двери оказалась круглая и бестолковая.

В это время из комнаты донесся свирепый рев и послышался звук удара. От неожиданности Айя присела, вжав голову в плечи. Дверь в кладовку сразу же показалась совсем хлипкой, а ручка и стеллаж, связанные веревкой, ненадежными. Айя забилась в угол, натягивая на себя спальный мешок. Может, если Керро всё-таки ворвется, то не заметит её под ворохом синтетической ткани, сжавшуюся за канистрами с водой?

А в комнате металось и билось свирепое чудовище, оно

рычало, с грохотом расшвыривая то, что попадалось на пути. Треск и удары были такой силы, словно вещи крушил пневматический молот, а не человек.

«Керро, — шептала про себя девушка, — ради Трёх, не сломай себе ничего, я же тебя потом не соберу! И не иди сюда, потому что тогда я не соберу и себя».

Она вздрагивала от ужаса, стискивая в руках глок, и думала, что не сумеет, не сумеет выстрелить, если понадобится… Или сумеет?

Мужчина в комнате рычал и рвался, но когда первый ужас сошел, Айка из своего укрытия поняла, что он перемещается не свободно: звуки доносились только с одной стороны. Значит, он не может отойти дальше, иначе бы разнёс вообще всю комнату. А раз ревёт и бьётся в одном углу, значит, успел привязаться. Он сказал, это будет продолжаться треть часа. Прошло уже минут пять. Может, чуть меньше, может, чуть больше, но скоро силы у него иссякнут, хотя сейчас и не верилось — чудовище, которое раньше было Керро, казалось неутомимым, неуязвимым и невероятно свирепым.

Айя осторожно стянула с себя душный спальник. Человеческой речи не слышно. Не слышно выкриков, ругани, проклятий, только звериное рычание и звуки ударов. Он так беснуется, что не заметит, как она тут шуршит — полностью сосредоточен на себе и невозможности освободиться. Это хорошо.

Девушка, опасливо косясь в сторону двери, стала быстро проводить ревизию кладовки. Вода есть. Еда есть. Впрочем, вряд ли после такого припадка Керро сможет жевать консервы. А вот пить захочет. Наверняка ослабнет. Нужен бульон. Нужны стакан, ложки, чистая ткань, нужен спальник, чтобы уложить этого разрушителя, когда он успокоится — судя по звукам, от мебели в комнате мало что осталось. Зато человеку все нипочем, будто заведенный мечется. Айя заметила на верхней полке горелку и уже потянулась, чтобы её достать, но внезапный удар сотряс дверь кладовки. Створка застонала, по стеллажу прошла дрожь. Спокойно. Это не Керро. Это он что-то бросил. Наверное, кресло. Или то, что осталось от кресла. Дверь открывается наружу, всё нормально.

И опять бросок, и снова грохот. Чёрт! Если он продолжит так швыряться, то завалит Айке выход, а сам надорвётся окончательно. Знать бы ещё, чего с ним такое. Ладно, главное, когда утихомирится, быстро сделать всё необходимое: закрепить на руке эластичную медицинскую ленту, уложить, разуть, укрыть, налить воды, чтобы, когда придет в себя, дать напиться, затем приготовить какой-то совсем легкой еды, которую ему будет по

силам съесть, и убрать всё то, что он там раскурочил. Скучно ей уж точно не будет. Только бы цел остался. А то, судя по звукам, там не только мебель может пострадать…

Девушка расставляла на стеллаже самое необходимое. Горючка для горелки, как назло, оказалась на самом верху. Пока Айка за ней лезла, битва с мебелью в комнате начала потихоньку стихать.

Неужели скоро угомонится?

Хрясть! В дверь прилетел какой-то новый снаряд.

Не похоже, чтобы Керро ослабевал.

Тем временем на полке выстроились в ряд сублиматы, стаканы, бутылка питьевой воды.

Теперь спальник. Вот он. Пенка-коврик где-то еще была. Ага, здесь. Салфетки. Вроде бы всё.

Айя прислушалась — буйство явно стихало. Что же такое он с собой сделал, если в итоге так озверел? А самое главное — какие будут последствия?

Она выждала еще минут пять. В комнате стало совсем тихо. Теперь можно было размотать веревку с дверной ручки и выйти. На миг сердце Айи стиснул ужас. Что, если она выйдет к мёртвому телу? Что, если после этого всего Керро… Нет! Он сказал, что отключится, значит, отключился. Девушка осторожно, тихо-тихо приоткрыла дверь. Створка во что-то уперлась, наверное, в обломки мебели.

Айка выглянула.

Капец.

Половина комнаты была разнесена в хлам. В куски и клочья. В труху. И среди обломков лицом вниз на полу лежал Керро, обвязанный по поясу несколькими витками веревки, которая хитрым узлом крепилась к железной скобе в стене. Насколько позволяла длина привязи, настолько и метался посаженный на неё человек.

— Керро… — Айя подошла к нему уже безо всякой осторожности. Он лежал трупом.

Девушка взяла тяжелую безвольную руку, быстро закатала рукав толстовки, зубами разорвала упаковку медицинской ленты и повозилась, затягивая её на предплечье.

— Сейчас я тебя уложу, — сказала она, прекрасно понимая, что он ее не слышит.

Айя торопливо перерезала веревку, расчистила участок пола от обломков, расшвыряв их, чтобы не мешались, расстелила коврик-пенку, затем спальник, взяла Керро обеими руками за плечо и потянула.

Какой тяжеленный! Но при этом совершенно тряпичный, да

ещё похож на труп — бледный, холодный, с застывшим лицом. Кое-как удалось перевернуть его на спину и устроить на мягком. Теперь перчатки, потом обувь, потом укрыть. Поставить греться воду, умыть его и обработать глубокую царапину на лице, оставленную, видимо, отлетевшим осколком пластика. Подложить под голову свёрнутую куртку, чтобы был меньше похож на покойника.

Девушка не знала, сколько времени прошло. Наверное, довольно много, потому что она успела переделать все дела — убрать комнату, оттащить разбитую мебель в дальний угол, принести и бросить на пол какое-то подобие одеяла, устроиться на нём и в ужасе уставиться на человека, который больше походил на мертвеца, чем на живого.

— Да что же ты… — прошептала Айя, осторожно гладя Керро по волосам. — Ну, давай, открывай глаза, ну, пожалуйста…

Ещё никогда в жизни ей не было настолько тоскливо. Он был совершенно беспомощный! Непривычно беспомощный — хоть режь, даже оттолкнуть не сможет. Айка и подумать не могла, что зрелище этой внезапной уязвимости так её напугает… Как же было его жалко, аж сердце заходилось!

— Керро, — шептала девушка, — открой глаза…

Ей хотелось лечь рядом и обнять его, чтобы ощущать всем телом дыхание — слабый признак жизни. Обнять, прижаться носом к плечу и не отпускать. Плохая идея. У него, наверное, сейчас всё тело болит…

Поэтому Айя осторожно гладила Керро по волосам и терпеливо ждала, когда он откроет глаза. Она очень надеялась, что это всё-таки произойдёт.

* * *

Девушка уже почти заснула, когда услышала слабое шевеление. Она мгновенно вскинулась и с надеждой уставилась на лежащего без памяти мужчину. Он медленно открыл глаза, и взгляд, поначалу мутноватый, наконец, прояснился.

— Ты… спрашивала… ошибался ли я? — сипло, но вполне членораздельно произнес рейдер. — Вот… сегодня… в том проулке. Поэтому в рукаве… всегда должны быть козыри. А в кармане то, чем… сможешь расплатиться… по итоговому раскладу…

Айя, едва касаясь кончиками пальцев, осторожно погладила его по бледной щеке, через которую тянулась глубокая борозда свежей царапины:

— Давай ты попьёшь и всё-всё расскажешь, ладно? У тебя, кстати, в аптечке есть что-нибудь подходящее?

— Обычные препараты… они… с этой дрянью и пост-лентой плохо сочетаются, — облизывая губы, ответил рейдер. Говорил он трудновато, делая между словами долгие паузы, но умирающим больше не выглядел. — До утра оклемаюсь, а там к доктору сходим. Поднимусь, не переживай…

— Давай пей, — собеседница покачала головой, после чего ловко подсунула руку ему под голову, помогла слегка приподняться и поднесла к губам стакан. — Пей, пей. Поднимется он…

Керро с жадностью пил, прикрыв глаза. Айя смотрела, как он торопливо глотает и как на бледном лбу — даже от этого малого усилия — вновь выступает холодный пот. Не оклемается он к утру. Это было очевидно.

— Может, отложить обмен, пока тебе не станет лучше? — осторожно спросила девушка.

— Нет, — резко ответил рейдер, оторвавшись от стакана. — Меньше, чем на неделю — без толку. А за неделю корпы от непоняток озвереют, — он с трудом перевел дыхание и снова упрямо повторил: — Прорвусь, не впервой.

— То есть, уже бывало? — уточнила Айя. — А что ты принял?

— «Врата» — стимулятор… особой группы, очень редкий… — он снова помолчал, но видно было, что просто собирается с силами, а не обдумывает каждое слово, как в начале их знакомства. — Некоторые говорят… демона вселяет… глупость, конечно… А так… скорость утраивает, реакцию, внимание: за полсекунды знаешь, куда чужая пуля придет… Сила почти не растёт… он для стрелковых на короткой… Вообще, разные есть, конечно…

— Может, тебе не нужно говори… — спохватилась собеседница.

Керро покачал головой:

— Нужно. Хоть отвлекусь. Раз аптечкой нельзя. Ты спрашивай.

— А цена этих сверхспособностей? Я имею в виду не деньги, а здоровье. Какова цена? Ты просто проваляешься, и всё, или?..

— И всё. Планов дожить до ста у меня нет.

— Это в каком таком смысле? — насторожилась девушка и с ужасом произнесла: — То есть ничего не «и всё»?!

— «И всё», значит — и всё, — отрезал собеседник, но снова прервался, прикрыв на мгновение глаза. — Организм, конечно, изнашивается… ну, так от пули он вообще портится на месте. А тут… вполне можно подлататься. Были бы деньги и правильные

знакомства.

Айя вздохнула:

— И это расплата за то, что мы свернули в переулок, из которого нельзя было уйти вдвоем, а ты это не предусмотрел? Верно?

— Да. Добро пожаловать в реальный мир.

— Хватит язвить, а то воды не дам больше, — огрызнулась девушка и отодвинула стакан, чтобы угроза показалась реальной. — Я в этот реальный мир погружаюсь уже неделю без остановки. И каждый раз, когда мне кажется, что глубже уже некуда, ты в очередной раз великодушно говоришь «Добро пожаловать».

Он слабо, но беззлобно усмехнулся, провожая стакан взглядом, и сказал:

— Если бы я тебя в том переулке оставил… или не справился… то ты даже с помощью тех отморозков не нырнула бы до самого дна… так… до серёдки.

Она снова взяла стакан в руки и сказала с грустной улыбкой:

— Ладно, тогда уж пей ещё. Не хочу даже представлять, каким может быть здешнее дно. А это, кстати, что за место?

— Бункер. Старый. Ещё до Второй Корпоративной построен. Я тут несколько лет назад… убитого корейца нашёл неподалеку. Такого приличного… в хорошем костюме. А в спине полмагазина. Видать, на стимах был, сумел уйти. Ну, а я поискал — нашёл, куда он лез. Потом запасов добавил. На самый край берёг.

Айя зевнула и потерла глаза.

— Я там сублимат заварила. Ты с утра ничего не ел. Он жидкий. Бульон.

Керро кивнул. Девушка взяла стоящую в стороне термокружку и свинтила крышку.

— Не горячий, можно сразу пить, — пояснила она, снова помогая собеседнику приподняться. А пока он глотал, сказала с горечью: — Блин, ты такой продуманный всегда. Ну почему тебя дёрнуло ошибиться именно сейчас?

Айя вздохнула и уткнулась носом в короткостриженую макушку, не желая продолжать мысль. У неё завтра двадцать секунд на то, чтобы успеть. И если не удастся уложиться в этот гадский норматив, то для неё всё закончится. Навсегда. Не будет часовой бомбы замедленного действия в голове, не будет этого бездонного в своей поганости мира, не будет изматывающей усталости… На это-то плевать. Не плевать лишь на то, что не будет Керро. *Для неё* уже не будет.

— Давай спать, — сказала Айка ему в макушку, когда сублимат был допит. — Только, если что-то будет нужно, ты меня

разбуди.

Она улеглась на свое одеяло, прижалась к мужчине и уткнулась носом ему в плечо.

Двадцать секунд, блин. И Керро, который едва может шевелиться. Если она выживет, то он, когда оклемается, замается отрабатывать свой косяк.

День седьмой

Вот шахматный король, а вот бубновый туз.
Скажи мне, кто кого победит?

группа «Алиса», «Картонный дом»

Из «Норы» уходили затемно, когда не понять: сто*и*т ещё поздняя ночь или уже наступило раннее утро. На улице царила тишина. Такая, какой никогда не бывает в корпоративном секторе, где всегда снуёт народ. Были слышны свист ветра в развалинах, шорох пластикового пакета в подворотне и ржавое поскрипывание скребущейся о бетон где-то вдалеке неведомой железяки. В воздухе висел резкий острый запах мерзлой земли, бетона, запустения…

Казалось, будто во всем мире не осталось ни единой души, и вокруг не худо-бедно обитаемые развалины, а безжизненное кладбище цивилизации: остовы домов, обломки фонарей, разбитые улицы… и никого на десятки и сотни километров. Только мёртвый обезлюдевший город.

Винс вышел первым. Следом за ним шагнула в темноту и Су Мин с ПНВ на лбу. Сегодня она выглядела непривычно и неузнаваемо в тёмно-сером комбинезоне, разгрузке и трикотажной шапочке, под которую убрала волосы. В такой одежде девушка буквально сливалась с окружающей темнотой. Две тройки корейцев, весьма разнообразно вооруженных, но одетых столь же неприметно, дожидались свою старшую снаружи.

— Люблю по темноте выходить, — вдруг негромко сказал Винсент, останавливаясь за пятном света, падавшего из дверей.

— Да, хорошая примета, — встала рядом с рейдером Су Мин.

Рекс молча поддёрнул молнию на куртке.

Вот и всё. Он уходит. Его первый в жизни рейд приближается к концу… И отчего-то муторно на душе, словно вот-вот останется за спиной не сложное опасное задание, а какая-то очень важная часть жизни. Причём он будто не подозревал, что эта самая часть вот-вот завершится, а потому не настроился, не успел попрощаться. Просто вдруг оглянулся назад и понял: прошло. Без возврата. И как-то горько сделалось, а почему — непонятно. Всё ведь, как и должно быть. Но уходить отчего-то тяжело. Мэрилин

еще там, в номере, поцеловала его долгим, неожиданно нежным, каким-то прощальным поцелуем и улыбнулась с едва заметной грустью: «Никогда раньше не связывалась с правильными мальчиками. Так что ты у меня первый. И определенно могу сказать — последний. Удачи тебе. Может, ещё и встретимся».

Ему показалось, она хотела что-то добавить. И он даже догадался, что именно, но тоже промолчал. В конце концов, это будет всё-таки совсем уж нереальное везение — в случае новой встречи снова очутиться по одну сторону интересов. Уже спускаясь в общий зал, Рекс краем уха услышал обрывок фразы. Мэрилин сказала Су Мин: «…передай привет». Кореянка беззаботно рассмеялась: «Если от всех передавать, то и до дела не дойдет. Но твой — обязательно!»

И вот прощание осталось позади. А впереди лежала тёмная улица, и напротив стояли двое — мужчина и женщина. Можно было только удивляться тому, насколько они, такие разные внешне, вдруг оказались похожи. Создания ночи. Не просто ночи как темноты, от которой помогает ПНВ или фонарь, но ночи как тьмы. Той самой тьмы, которая таится в людях. А, впрочем, почему таится… Рексу казалось: перешагни он порог — и что-то непоправимо изменится уже в нём самом.

Почти рефлекторно он захотел повторить про себя гимн корпорации, но вдруг понял, что не помнит слов. Слов, которые слышал каждое утро, сколько жил на свете. И тогда, осознав, что ему не за что, совершенно не за что зацепиться, Рекс неожиданно для себя успокоился. И сделал шаг вперед.

Дверь за спиной закрылась, очки переключились в режим комбинированного ПНВ-ифравизора, куртка надежно защищала от ветра, а свитер — от холода. И внезапно Рекс понял: здесь, снаружи, в общем-то, вполне комфортно. А темнота — что темнота?.. Для человека с ПНВ она скорее союзник, чем враг.

Дальше отправились молча, и каждый думал о своем.

Бойцы корейских троек бесшумно шли впереди, и для них всё было предельно просто. Есть Старшая, взявшая свое место умом и клинком. Она ведёт, они её поддерживают, и в итоге вместе они сильнее, чем порознь, а значит, так тому и быть. Жалели только о запрете отвечать тем, кто болтает, будто Старшая заработала место в деле передком. Ну да ладно, она уже не раз доказала своим людям, что видит дальше и чётче… И вот сейчас впереди очередное дело, и ещё один дурак увидит, что грубая сила — ничто против силы ума. Сколько таких было, сколько ещё будет…

Су Мин шагала сквозь темноту и чувствовала себя почти счастливой: лучшая удача женщины — от сильного мужчины. Вот захлопывается ловушка, так долго и тщательно планируемая, а

давно лелеемые планы, которыми она никогда ни с кем не делились, скоро станут ещё чуть реальнее. Так или иначе. С помощью Винсента или с помощью того, кто придёт вместо него. С Винсентом, конечно, будет проще и намного приятней. Ну а пока… пока надо вернуть старый должок, чтобы в новой жизни, которая, наконец-то, забрезжила впереди, не возникли внезапно призраки прошлого.

Винса, в отличие от спокойных корейцев и полной предвкушения Су Мин, глодало смутное беспокойство. Оно сосредоточилось на одной простой, но совершенно абстрактной мысли: он что-то упускает. Однако, как ни силился рейдер понять причину тревоги, ни к какому определенному выводу прийти так и не смог. Перебирать в памяти и анализировать минувшие события он прекратил еще вчера в зале «Норы». Если чуйка голосит, а причин ты понять не можешь, то не страдай фигней, просто будь осторожней обычного. Озарит, так озарит, нет, так нет. Ну и ещё ему было крайне любопытно, что же попросит за свою помощь Су Мин и как она сделает их будущее сотрудничество взаимовыгодным. Что сделает, он даже не сомневался, и эти мысли, как ни крути, были гораздо приятнее пустого перебора событий. А сегодняшний обмен и прочее… Что обмен? Всё сделано, осталось доиграть финальный тур и посчитаться.

Рекс шёл позади всей группы, приотстав на несколько шагов, и в голове у него царил полнейший хаос. Слишком многое за последние несколько дней произошло в его жизни впервые. Первый выход за периметр, старший группы, в котором он с удивлением узнал Винсента Хейли — личность весьма известную и более чем неоднозначную, штурм здания, грохот пулемета, разрывы гранат, а потом узкий нож в руке и беспомощный человек на коленях… Первое в жизни сомнение. Первое убийство. Первый загул. И первая женщина. Не в том смысле, что вообще первая-первая, а… первая *настоящая*.

И потом вдруг подгулявшая Кара, отчитывающаяся о чем-то Винсу, внезапные угрозы недавних товарищей, разговор с Мэрилин, убитые граффитчики, косяк перед Су Мин, когда, оказывается, можно было умереть за несколько неловко сказанных слов, да так и не успеть этого понять, снова разговор с Винсом, а потом опять с Мэрилин… И, наконец, шаг за порог из света во тьму — вслед за людьми, которым нельзя верить, но за которыми нельзя не пойти.

Впервые, наверное, он по-настоящему пожалел об уходе из ГБР. Там всё было проще: понятнее и мир, и жизнь, и свое место в ней. А теперь… теперь нет старшего, который скажет, что делать

и как действовать, нет товарищей, которые прикроют. Теперь он вдруг один перед целым миром — уязвимый, неопытный и отчаянно желающий этот мир понять, удержаться в нём, даже если земля под ногами дрожит, а всё вокруг рушится. И он должен устоять, не упасть, не сделать глупость, потому как мир, внезапно оказавшийся сложнее, паскуднее и грязнее, одновременно с этим оказался притягательнее и интереснее, чем прежде. В нём вдруг развернулось так много дорог, так много смыслов и так много вероятностей, что Рексу стало невыносимо обидно сойти с дистанции до срока.

А они всё шли и шли вперёд по пустым разрушенным улицам…

Спустя пару кварталов добрались, наконец, до замаскированного квадра. Бойцы Су Мин уже сбросили с него и свернули масксеть.

— Увидишь Бивня, передавай привет, — Винс поцеловал кореянку в лоб.

— И ты туда же, — упрекнула она. — Передам, — девушка легонько коснулась запястья рейдера и улыбнулась: — А ты возвращайся. Я буду рада.

…Винсент выждал несколько минут, пока семеро азиатов не растворились в темноте, и только тогда завел двигатель. Рекс покрепче ухватился за края сиденья.

Несколько минут — и лишь быстро остывающий тепловой след показывал, что на этом пятачке недавно расстались люди.

* * *

Ночь тянулась бесконечная и сумбурная. Айе очень хотелось спать, но она боялась, что отрубится и не услышит, если Керро понадобится помощь. В дурной полудреме ей снился какой-то бред. Девушка то и дело вскидывалась, прислушивалась к дыханию лежащего рядом мужчины — дышит? Дышит. Кто же мог подумать, что так страшно быть рядом с беспомощным человеком, зная, что ему плохо, а ты ничем — вообще ничем! — не можешь помочь.

Однако тишина, темнота и ровное дыхание Керро раз за разом делали свое дело: Айя засыпала, чтобы через какое-то время опять вынырнуть из полузабытья. В итоге ближе к утру она совсем извелась, уморилась и свалилась в чёрную бездну, из которой вырвалась, когда человек, лежавший рядом, зашевелился и приподнялся на локте.

— Ты чего? — мгновенно села Айка. — Плохо? Воды?

В темноте было слышно, что он усмехнулся, но беззлобно, без ехидства:

— Пора вставать.

— Ага.

Она прошлёпала к выключателю и, едва зажегся свет, устремила на Керро обеспокоенный взгляд. В слабом сиянии флуоресцентных ламп рейдер казался землисто-серым, чуть ли не обескровленным. А судя по тому, как подогнулась рука, которой он опирался об пол — неспособным не то что идти, но даже и просто встать.

Впрочем, всё это Айя решила держать при себе. Она быстро приготовила завтрак: Керро — бульон, себе — банку консервов. Вопросов никаких задавать не стала, давая мужчине собраться с силами. Он молча пил сублимат и, похоже, думал о том же, о чём спутница: как-то надо идти.

«Чёрт, — нервничала про себя девушка, — если на него надеть броник и оружие, он ведь под их весом упадет. Чёрт!!!»

Наивные надежды на то, что утром Керро станет значительно лучше, не оправдались. Лучше-то ему, конечно, стало. Но не особо…

— Тащи… всё… — кивнул рейдер в сторону кладовки.

Айка ушла, а когда вернулась обратно, он сидел на спальнике. Самостоятельно сидел! И шнуровал ботинки.

— Давай я…

— Ага… щас… — усмехнулся Керро, упрямо продолжая своё занятие. — Ты мне… встать поможешь… а потом… решим…

Она видела, что ему плохо. Больно. Видела, как его ломает и гнёт от слабости. Это было заметно по общей смазанности движений, по нарушенной координации, по чуть дрожащим пальцам. Айя не очень хорошо представляла, что он чувствует, поскольку никогда не болела сама. Однако она знала, что такое *боль*. Очень хорошо знала.

Девушка присела на корточки рядом со спутником и мягко отвела его руки в стороны.

— Давай я. Так будет быстрее.

Она оказалась права, вышло и правда быстрее, а Керро, пока она боролась с его шнурками, лёг обратно на спальник.

— Слушай, — негромко сказала девушка, затягивая последний узел, — там же наверх лезть. Ты точно сможешь?

— Не, — вяло мотнул головой собеседник, — есть другой путь… Через подвал… а потом по лестнице…

— Давай руку, — Айя закончила с его обувью. — Попробую поставить на ноги.

Поднялся он на удивление легко. Оперся ладонью о стену для

устойчивости, малость пошатался, а потом ничего, отнял руку и смог стоять самостоятельно. Наверное, не так все и плохо, думала Айя, помогая надеть ему бронежилет и оружие. Она никогда ещё не видела, чтобы человек так упрямо перебарывал себя. Вроде только-только лежал пластом, а потом вдруг как-то сгруппировался и усилием воли подчинил тело, которое отказывалось слушаться.

Около минуты рейдер стоял, приводя в порядок одежду, и девушка потрясённо замечала, что движения становятся чётче, резче, увереннее. Только лицо нет-нет, да кривилось от боли.

— Не тормози, — сказал Керро замершей рядом спутнице.

Та сразу же пришла в движение, подхватила вещи, повернула ручку-штурвал, открывая дверь.

— Идём, — Айя подставила рейдеру плечо.

— Нет. Я впереди.

Она не стала возражать, послушно приотстала, пропуская его. Опыт подсказывал: Керро знает, что делает. И если сейчас он собрал всю волю в кулак, значит, дойдет. Наверное.

Когда они, миновав подземный коридор, выбрались на поверхность, то оказались в грязном холле, своды которого раньше подпирали массивные квадратные колонны. Сейчас колонны были частично обрушены, так же как потолок и широкая лестница, поэтому к выходу пришлось идти между бесформенных глыб бетона.

Наверное, раньше здесь был дорогой отель. Эту догадку подтверждал и чудом сохранившийся фрагмент мозаики. Красивый… Впрочем, девушка вовремя опомнилась и заторопилась следом за своим спутником. Хотя могла бы не спешить, Керро шёл медленно и довольно тяжело. Видно было, что он всецело сосредоточился, чтобы не упасть, не потерять равновесие. Пока получалось.

— Ты… за улицей следить не забывай… — сказал рейдер, когда они выбрались, наконец, из здания.

— Да, помню, — успокоила его Айка, послушно отставая на два шага. А про себя подумала, что следить ей надо не за улицей, а за ним, так как если он споткнется и упадёт, то уже вряд ли встанет.

Но Керро не падал, он упрямо шёл вперед.

Когда добрели до конца квартала, девушка попросила:

— Давай чуть передохнем?

Её спутник не стал возражать — привалился спиной к стене разгромленного супермаркета и резко дёрнул молнию куртки, будто одежда внезапно начала его душить.

— Ты чего? — насторожилась Айя.

— Жарко… — пояснил он.

— Ну-ка, — она осторожно положила руку ему на лоб, ожидая, что тот будет огненным. Ничуть. — Всё с тобой нормально. Застегнись.

Девушка потянула застежку вверх, возвращая в исходное положение, а потом вытащила из рюкзачка пластиковую бутылку с водой, открыла её и сказала:

— Попей лучше.

— Глючит… — объяснил Керро, беря бутылку. — Психосоматическое.

Едва он попил, двинулись дальше. Сперва пошли будто бы даже с прежней скоростью, но уже через пару сотен метров Айя стала замечать, что ее спутник движется всё менее и менее уверенно. Его слегка покачивало в стороны при ходьбе, шаг стал не таким широким, плечи под тяжестью бронежилета снова поникли.

— Стой, — Айка опять догнала рейдера. — Попей ещё.

— Хватит пока, — отказался Керро.

— Тогда давай сядем, — предложила она.

— Нет… надо идти…

— Если упадёшь, мы вообще никуда не придем… — в этот момент она с опозданием поняла, что взгляд у него сделался совсем мутным. — Тебе надо передохнуть, — Айя поднырнула мужчине под руку, ощутив, что та вновь стала вялой и отяжелевшей. — Давай уйдем в укрытие, и ты немного посидишь…

Думала, он заупрямится, высвободится, чего-нибудь пробурчит, но этого не случилось, видимо, и впрямь накрыло качественно. Даже через одежду чувствовалось, как одеревенели у Керро мышцы — он изо всех сил пытался идти сам, чтобы не виснуть на худосочной «напарнице», и, в общем-то, шёл, но если бы не её помощь, скорее всего, сполз бы по стене на тротуар.

Кое-как Айя завела его в ближайший дом и торопливо огляделась. Сбоку лежала груда камней.

— Туда…

Рейдер тяжело опустился на бетонные обломки, прижался затылком к стене, прикрыл глаза и пошарил в кармане. На свет появилась коробочка индивидуальной аптечки.

— Говорил ведь, что у тебя нет подходящих препаратов, — удивилась девушка.

— Не говорил… — ответил Керро, переводя дыхание.

— Сказал, что они плохо сочетаются с пост-лентой и тем стимулятором, — вспомнила она.

Вялое пожатие плечами:

— Выбирать-то… не приходится. Идти надо… — и он одним щелчком открыл крышку аптечки.

— Нет, — Айя перехватила его руку. — Ты останешься здесь. А я сбегаю и приведу дока. А сам сиди, вот… воду пей, — она протянула ему початую бутылку, при виде которой Керро скривился. — Только не расстегивайся — холодно же. Простудишься.

— Не расстегнусь, — успокоил он и мрачно сообщил: — Теперь мерзну, мля…

Ну, вот это-то как раз не было удивительным. Утро и впрямь выдалось промозглым, дыхание вырывалось изо рта белым паром, да ещё ветер поднялся порывистый, холодный. Айка скинула рюкзачок, выдернула из него термоодеяло, набросила на плечи спутнику и сказала:

— Сейчас ты мне объяснишь, куда идти. А сам будешь сидеть, зябнуть и ждать врача. Даже не думай колоться чем-то ещё.

Керро прикрыл глаза, Айя забеспокоилась, но он начал объяснять:

— Сейчас выйдешь на улицу, пройдёшь три дома… Четвертый — пять этажей, один подъезд, в нём начисто вынесена дверь и лепнина под крышей. Пройдёшь насквозь. Там переулок — прямо по выходу, направо до дома, где кроли жили. Зайдёшь, прыгнешь там, куда собиралась — мин уже нет — и вдоль стены налево дойдешь до угла. Увидишь напротив задницу почти целой многоэтажки. На углу отыщешь спуск в подвал. Заходишь. Ищешь перекошенную дверь. За ней в шаге будет хорошая прочная — это запасной выход дока. Постучишь, скажешь, чтоб взял два особых чемоданчика. Тут недалеко — метров двести, если напрямую как я сказал. Не вернетесь через полчаса, вкалываюсь и иду туда же.

— Вернёмся, — Айка чмокнула его в щёку. — А ты отдыхай.

…Она поняла, что ошиблась, только тогда, когда уже пробежала насквозь дом с лепниной под крышей и оказалась на другой улице. Ёп! Деньги-то не взяла! А ведь секторальный эскулап задницу от стула не оторвет, пока не увидит купюры. Значит, возвращаться?! Девушка слегка затормозилась.

Блин, надо же было так протупить… В этот момент её взгляд упал на знакомый подъезд знакомого же дома. Кроличья нора! Правда, сегодня у входа, прислоненные к неровным стенам, сидели четыре бездыханных тела. Довольно давно бездыханных. И у каждого из разбитого рта торчало по баллончику-распылителю с краской. Ну ни фига ж себе… Айка на секунду даже забыла, что ей надо торопиться.

Впрочем, вовремя спохватилась, отмерла и побежала по разрушенным ступенькам внутрь, на ходу вспоминая письмо

Керро: «Сразу иди к окну, из которого чуть не прыгнула на мины, ищи ровную бетонную плитку. Под ней деньги. Немало. Забери и перепрячь».

Она и заберёт, только перепрятывать не будет. Он же всё равно разрешил. А так быстрее, чем возвращаться.

Удивительно, но заброшенное опустевшее кроличье обиталище огорчило Айю куда сильней, чем сидящие на входе мертвецы. Здесь внутри уже не было так уютно и тепло, как прежде. Стоял острый запах сырости, мокрого бетона, выстуженного нежилого помещения, под ногами хрустел мусор.

Стараясь не смотреть по сторонам, Айка прошла в дальнюю комнату и осторожно выглянула в окно. Никого. Утро стояло раннее, за всё время пути — ни когда она шла вместе с Керро, ни когда бежала одна — девушке не встретилось ни души. Похоже, местные ещё не восстановили силы после вчерашних беспорядков. Впрочем, осторожность лишней не бывает.

Айя обшаривала взглядом разбитую землю под окнами: осколки кирпичей, плешины асфальта, мусор, грязь, отпечатки ботинок… Вон она! Гладкая бетонная плитка! Девушка перелезла через подоконник и спрыгнула во двор. Снова огляделась, подбежала к плитке и, помогая себе ножом, кое-как выворотила обломок бетона из промёрзшей земли.

В углублении лежал залитый герметиком небольшой пластиковый бокс. Увесистый. Внутри обнаружились пистолет с двумя запасными магазинами, коробка патронов, коммуникатор в радионепрозрачном чехле, аккумулятор к нему и на самом дне — брикет купюр, завернутый в полиэтилен. Айя торопливо убрала оружие, патроны и коммуникатор в рюкзак, разорвала пленку, осмотрела купюры. Две пачки. Одна потолще — сотенные, другая потоньше — пятисотки. Сколько же здесь? Наверное, тысяч пятнадцать-двадцать… Она отродясь не держала в руках такой прорвы денег! Ничего себе «наследство»…

Пятисотенные, как и половину пачки сотенных, Айя тоже убрала в рюкзак, оставшиеся сотки положила во внутренний карман курточки, рассудив, что доктору этого должно хватить. Ну, а дальше будет видно.

И она снова припустила вперёд — к торцу дома, на углу которого должен был отыскаться вход в подвал.

Он и отыскался.

Подземелье оказалось на редкость затхлым. Спертый воздух пах пылью и бетоном… Лучик фонаря скользил по грязным стенам. Вот и обвисшая дверь. Айя потянула её и оказалась в коротком закутке перед мощной металлической створкой с видеоглазком, встроенным микрофоном под ним и кнопкой

вызова.

Ну что, док, пора вставать. Девушка вдавила кнопку пальцем. Звонка не услышала. Хорошая звукоизоляция! Айя выждала около минуты, но хозяин никак не дал о себе знать. Хм. Она вжала кнопку и держала её ещё секунд двадцать. Потом снова подождала. Нет ответа. Он вообще дома? Или где-то проводит внеплановую операцию по удалению пули? Да мать же вашу, ну что за невезуха?!

И снова звонок. И снова тишина.

— Ну, падла, — сказала девушка с чувством, — если ты там и не открываешь по-хорошему, то я все равно войду. Но уже по-плохому.

С этими словами она сбросила с плеч рюкзачок и пошарила внутри.

Нанокерамика? Толщина кромки — двести молекул? Даже броневик вскрыть можно? Ну, ок. Спасибо, Алиса, за посмертный дар. Пусть в домике мечты тебе будет хорошо!

* * *

Утренний кофе был терпким и горьким, даже несмотря на сливки и сахар. Вот же гадость! Но минувшая ночь у мисс Ховерс выдалась очень насыщенной — спать-то не пришлось, так что следовало взбодриться, а значит, чай пить бессмысленно.

Джед, отдав кружку своей визави, любовался, какая она взлохмаченная, помятая, недовольная и розовая со сна. Видимо, мисс Ховерс относилась к тем людям, которые всегда просыпаются не в духе, но, чёрт побери, нет ничего более сексуального, чем женщина наутро после бурной ночи. Что-то есть в них такое… Лоск утрачен, чары рассеялись, осталось только истинное: слегка осыпавшийся макияж, беззащитное обнажённое тело, все подробности — как достоинства, так и недостатки, прежде подчеркнутые или скрытые одеждой — отлично видны. Впрочем, Эледа оставалась весьма соблазнительной, хотя уже и не такой идеальной. Попробуй-ка быть идеальной с отпечатком подушки на лице, распавшейся укладкой и смачным засосом на плече. К тому же из всех вещей на ней осталась только чудом уцелевшая бархотка на шее. Которая весьма дополняла образ.

Однако мисс Ховерс не комплексовала и была лишена жеманства. Она со вкусом потянулась, принимая от Джеда кружку с утренним напитком, сделала пару глотков, едва заметно скривилась и спросила еще хрипловатым спросонья голосом:

— Батч вещи привез?

— Нет.

Агент Ленгли усмехнулся. Зачем ей вещи? Так гораздо лучше — куда меньше пафоса, куда больше искренности. Да и в принципе голый человек не способен к активному сопротивлению или гневу. Уязвимость делает людей кроткими. И женщин в особенности. Впрочем, тут он ошибся.

— Нет?! — Эледа взвилась на кровати, едва не расплескала кофе, сунула кружку в руки мужчине и зашипела: — Что значит «нет»?!

Будто это Джед принудил её телохранителя возиться дольше необходимого. Впрочем, мисс Ховерс не волновало, кто именно виноват в данном случае. Она вскочила, запуталась в одеяле, едва не упала и сразу же забегала по комнате.

— Джед, это полная жопа! — частила она, расшвыривая его одежду. — Я не успею собраться! Вот ведь козлина двухметровая!!! Отпуск ему? Анальную казнь ему с особым цинизмом, скотине тупой! Где у тебя ванная? Джед!

Агент Ленгли наслаждался. О-о-о… она была прекрасна в таком состоянии — растерянная, злая, совсем-совсем настоящая. Тем временем Эледа лихорадочно надевала его рубашку.

— Я в душ. У тебя есть фен? Чёрт, я же ничего не взяла, даже белья, даже коммуникатор! И связаться-то с этой скотиной не могу! Ну, урод…

С этими словами она умчалась в сторону ванной.

Джед плюхнулся на кровать, посмеиваясь. Из душа доносились ругань и угрозы Батчу, которые, впрочем, скоро перекрыл шум воды. А забавно получилось. У неё ведь и вправду ничего нет. Если телохранитель задержится, она так и будет свирепо носиться по особняку в мужской рубашке, заходясь от бессильной ярости. Можно, конечно, позвонить мистеру Фэйну и сообщить, что его ждёт страшное… но зачем? Тот не дурак — понимает, ну и раз опаздывает, значит, есть причина. В этот район не так-то просто попасть: пока пройдёшь все КПП, пока досмотрят машину… Скорее всего, Батч просто не рассчитал время и будет буквально…

Сигнал видеовызова прервал размышления агента Ленгли. Так и есть. Мистер Фэйн, наконец-то, прорвался в закрытую зону. В сам особняк его, конечно, не пустят, вещи принесет киборг из охраны, поэтому можно сказать, Батчу повезло — ему выцарапают глаза чуть позже.

Джед принял объемный пакет, и в этот момент в холл вылетела Эледа с чалмой из полотенца на голове. Больше на мисс Ховерс ничего не было.

— Давай сюда, — вырвала она пакет из рук любовника. — Ну, козлина…

Мужчине показалось, что даже киборг слегка удивлён.

Посмеиваясь, агент Ленгли стал и сам собираться. Они опаздывали. Пока еще незначительно, но в такой день, конечно, лучше быть на месте заранее или хотя бы вовремя. Впрочем, за минувшую ночь можно простить мисс Ховерс и её телохранителю утреннюю задержку.

Из ванной доносилось жужжание фена, которое продолжалось минут семь, потом снова выскочила Эледа — уже при макияже и с волосами, собранными в пучок.

— Джед, что ты возишься, опаздываем! — она подлетела к нему, помогла справиться с запонкой и вытряхнула из пакета свои вещи. — Вот есть же уроды безмозглые, — бубнила девушка, быстро разбирая одежду.

Хм. А всё-таки жаль, что ни разу не получилось стребовать с нее ласк в офисе, хотя, конечно, минувшей ночью в особняке были опробованы все поверхности, в том числе и стол в кабинете. Но тем не менее…

Ленгли смотрел, как его гостья поспешно надевает чулки, затем белье, и тут понял, что тоже готов казнить Батча. Потому что, успей телохранитель привезти вещи заранее, утро бы началось совершенно иначе. Как-то не думал Джед, что под невзрачным серым костюмом СБ на мисс Ховерс может быть *такое*. Роскошное бирюзовое кружево, тонкие бретельки… Ну, Батч… ну, козлина!

Мисс Ховерс молниеносно оделась.

— Джед, да, боже мой, что ты застыл?! — кипятилась она. — Дай сюда!

Она вырвала у него из рук галстук, мгновенно набросила на шею, несколькими выверенными движениями завязала узел, затянула.

— Идём!

Глядя ей в спину, Ленгли думал о том, что костюмы СБ для среднего звена могут сделать крокодила даже из самой аппетитной женщины.

Окончательно мисс Ховерс успокоилась только в машине. Всё-таки она очень хотела повышения, поэтому как огня боялась нарушения регламента. Её спутника это забавляло. Такая милота! Заносчивость, самоуверенность и в то же время глубокий внутренний трепет и чинопочитание. Эледа сидела рядом, нервно хрустя пальцами:

— Скажи, он может ехать быстрее? — наконец, не выдержала она.

— Успокойся, — осадил её Джед. — Опоздание некритично. Не мотай нервы ни себе, ни мне. Это раздражает.

Удивительно, но она действительно успокоилась. Видимо, он сказал слишком резко и властно, а Эледа не привыкла к такому тону со стороны своего любовника. Между тем, Джед ощутил внезапный прилив раздражения и беспокойства. Эледа с этой её утренней истерикой несколько выбила его из колеи, день ведь и впрямь предстоял крайне серьезный, а Ленгли уже слегка утомила её суета. Если мисс Ховерс считает, что может уже настолько по-свойски вести себя с начальником и до такой степени его приручила, она, безусловно, ошибается, и пора бы поставить её на место. К тому же Джеда глодала неясная смутная тревога…

Узкая ладонь легла ему на колено.

— Пожалуйста, прости, — виновато сказала Эледа. — Я просто боялась тебя подвести с этим опозданием.

— Я сказал — успокойся. Смотри в окно, — ответил Ленгли.

Он нарочно сказал это сухо и резко, чтобы зафиксировать в ветреной головке любовницы тот факт, что иногда может быть отнюдь не пушистым и угодливым. Пусть привыкает. Конечно, главное не перегибать.

Она, похоже, испугалась.

— Прости…

— Эледа, — Джед мягко взял её за ладонь. — Я не люблю женские истерики.

Короткий взмах ресниц:

— Я поняла.

— Отлично.

А всё-таки маетно… Наверное, зря он так её осадил. Рано. Следует быть осторожнее. Сейчас, когда дело Айи Геллан переходит в решающую фазу, отыщется немало тех, кто захочет присоседиться к результату, поэтому…

Спутница прервала его размышления.

— Джед, — неуловимым движением мисс Ховерс вздернула вверх узкую форменную юбку и одним рывком оказалась верхом на коленях мужчины. — Джед, прости. Я испортила наше утро, я хочу извиниться.

О как! А он думал, что пережал. Но, оказывается, балованная девочка очень хорошо понимает грань, до которой можно доходить. Мало того, признает право мужчины указывать ей на место, если вдруг эту грань переступила. Надо сказать, это очень возбуждало фантазию.

— Извиняйся, — спокойно предложил Джед. — Но для этого всё-таки придется слезть с моих колен.

Она провела языком по губам и улыбнулась долгой обещающей улыбкой. Хорошая девочка. Понятливая. И, оказывается, легко поддается дрессировке. Просто он не понял сразу, что метод кнута для неё предпочтительнее пряника. Что ж, значит, впереди их ждёт полная идиллия. Джед тоже считал кнут эффективнее. Пусть извиняется. Агент Ленгли удобнее откинулся на сиденье. Хорошее утро хорошего дня — что ещё надо?

* * *

Доктор Клаус, тихо матерясь, шёл за своей провожатой.

Вчера до трёх ночи работал!!! Зашивал, доставал пули, ставил шины, а за соседним столом двое спешно нанятых помощников потрошили мёртвые тела… Потом, когда органы, взятые с трупов, переполнили рефрижератор, док наотрез отказался принимать на ливер покойников. Тогда ему потащили на разделку живых: раненых и парализованных. И органы от трупов полетели за порог. Потом и с живых (те, что похуже) отправились туда же. Надо будет сегодня нанять пару ханыг, чтобы вывезли отбракованное подальше. Сейчас хоть и холодно, но рано или поздно завоняет.

Но как эта… провожатая от груды ливера, сваленной на выходе, передернулась. Конечно, быстро себя в руки взяла, попыталась не показать, но у Клауса глаз намётан.

Эх, как же с парализованными удобно было работать! Не орут, не вырываются — даже фиксировать не надо. Лежат смирненько, только ужас в глазах и слезы текут, но, ни писка, ни крика. Красота. Когда доку надоело трудиться под вопли, он даже запасной магазин к игольнику помощникам выдал. Жалко, конечно, было, но уж очень крики достали. Хорошее время — война банд! За день, как за пару месяцев, поднимаешь.

Откровенно говоря, сегодня док собирался просто отдохнуть. Всех денег не заработаешь, а рефрижератор и так полон. Причем изъятые органы не ниже второго класса, а часть, наверняка, и на первый потянет. До прибытия курьера ещё целый день, как раз можно протестировать… И поди ж ты.

Но убедительная девка. Когда она у запасного выхода первый замок вынесла — полуторасантиметровые штыри перерубила — это было эффектно. Когда пять штук без счета на стол бросила, а потом стеллаж с пробирками опрокинула и за оружие взялась — тоже впечатлило. Ну, а после слов про особые чемоданчики выбора уже не осталось. Если про эти чемоданчики кто лишний узнает, всё… кранты. Никакая охрана не спасёт. Коллеги за такое

и на самого лучшего убийцу денег не пожалеют.

Блин, от кого же она и к кому ведёт? Одета зашибись: и под размер, и в комплект, причем одежка с подбивом от игольника. Оружие — вполне себе, и это ещё не удалось тот её ножик толком рассмотреть. От Ушлого? Вряд ли… он себе спеца-медика куда покруче может позволить. От связистов? У них свой док, и тебе, Клаус, до него как до луны. Бивень? Мимо. У него бабы только для одного применяются. Неужто к Патлатому?.. А ведь это тема! Если Патлатый таки отобьется.

Тем временем девчонка уверенно двинулась в сторону бывшей кроличьей лёжки. Её миновали почти бегом, док даже по сторонам не посмотрел. Потом были ещё несколько поворотов и, наконец, развалины старого магазинчика, в углу которого на груде кирпича сидел изрядно вымотанный человек.

— Мля, а я-то гадал!!! — Клаус был явно ошарашен. — Керро, при всём уважении, если тебе надо пулю достать, то придется ко мне идти. Инструмента нет, да и условия так себе. Я и просто ножом могу, конечно…

— А тебе чё, сказали инструмент брать? — устремил на него тяжёлый взгляд рейдер. — Не сказали? Значит, и не нужен. Я вчера вечером «Врата» принимал. Тройку короткострелковку. Теперь надо ещё пятнадцать часов активных действий, и могу падать.

— А падать в могилку или в кроватку? — уточнил док. — Если в кроватку, то пяти штук предоплаты не хватит.

— Угадай с одного раза, и сорок пять сверху — не вопрос, — Керро начал закатывать рукав куртки. — С тебя: восстановление со стимами на сейчас, стимы на день и комплект перед падением, чтоб не сдохнуть.

— Цены знаешь! — удовлетворенно хмыкнул док и раскрыл здоровенную грязную сумку.

Айя с удивлением увидела в ней две полевых медукладки Хай-Энд препаратов. Тех самых, что и мёртвого поднимут… пусть даже ненадолго. Или еле живого оживят — уже надолго.

* * *

Всё-таки удивительно однообразные пейзажи в мертвых секторах: руины, развалины, покосившиеся многоэтажки, каменные глыбы, разбитый вдребезги асфальт. Когда только получили машину и распрощались с рейдерами-перегонщиками, Рекс ещё с интересом смотрел на проносящиеся мимо достопримечательности: свалку ржавых раскуроченных

автомобилей, разрушенную старую церковь с обвалившейся крышей и накренившейся колокольней, захламленный пустырь на месте бывшего парка, высохший пруд, сейчас превратившийся в нечто, напоминающее выгребную яму… Однако уже минут через десять вид за окнами примелькался до тошноты. Скука. Только что полученная штурмовая винтовка стояла под рукой в специальном держателе, старший молча вёл машину. Мир и покой. Если бы не пейзажи за окном.

Спать не хотелось, Мэрилин в этот раз сперва помогла расслабиться, а потом и как следует отдохнуть. Будто знала, что у него впереди непростой день. Хотя… Рекс скосил взгляд на Винсента, сидевшего за рулем. Почему же «будто»? Воистину, нельзя верить, но можно вести дела.

— Винс… — начал было Рекс, но короткий жест старшего оборвал фразу. Винсент вдавил акселератор в пол, проносясь, видимо, через особо опасный участок. Поворот в переулок, и машина въехала под укрытие стен полуразрушенного дома с неплохо сохранившейся крышей.

— Облаков ждал, — пояснил Винс. — От беспилотников нас плотно прикрывают, но про спутники заранее ничего не скажешь. У тебя запись включена?

— Да. Как ты и инструктировал перед посадкой.

— Отлично. Смотри на меня, — Винсент повернулся к молодому и снял очки. — По результатам отборочного рейда я — мастер-рейдер Винсент Хейли — как старший группы рекомендую стажера Рекса Додсона к дальнейшему обучению.

Он протянул руку, вытащил из бардачка сканеры сетчатки и ДНК.

Несколько коротких манипуляций с одним и другим. Короткая вспышка, негромкий щелчок, последовательное нажатие кнопок на универсальном пульте машины, и в очках ошарашенного Рекса зажглась надпись «Личность подтверждена».

— Теперь говори, — Винсент благодушно откинулся на сиденье.

— Почему? — ошарашенно спросил Рекс.

— Ты знаешь, что будет через десять минут? — усмехнулся собеседник. — Нет? Зато я знаю, что, скорее всего, будет через час-полтора. Мы выясним подстраховку этого самого Керро, а она у него обязательно есть. И я помчусь её нейтрализовывать. Но поскольку я вне штата, — он пожал плечами, — то подтверждения успешности выхода тебе светит ждать долго. Да и разбор комиссией — та ещё морока. Так что проще заранее сделать. Чего спросить-то хотел?

В голове у Рекса завертелись вопросы, непонятки, сомнения

— всё накопившееся за последние дни, но с языка сорвалось неожиданное:

— Сколько ты уже в рейдерах?

— Семнадцать лет, — Винсент полюбовался на обалдевшего молодого: — На курсы попал в четырнадцать «в особом порядке».

— Так можно? — Рекс аж подавился. А выражение лица у него стало ну просто-таки дивное: смесь недоверия, восхищения, шока.

— Так нельзя. Но если корпус хочет… — Винсент ухмыльнулся и с явным удовольствием процитировал: — «Ввиду усугубляющегося асоциального поведения и низкой вероятности успеха мягкой психокоррекции…» В общем, как четырнадцать исполнилось, вызвали на спецкомиссию и зачитали заключение психопедагогической экспертизы. А потом предложили выбирать: жёсткая мозгололомка или рейдерские курсы. Что выбрал — сам видишь. Могу сказать, ни разу не пожалел.

Старший широко улыбнулся и продолжил:

— А вообще глазами не лупай, ты не меньшее чудо. Из *правильных,* — он особенно подчеркнул это слово, — интернатов не то, что в рейдеры, вообще в силовики не берут. Они там работяг для низового производства штампуют. Предел карьерной вершины — младший тех. Отсюда и высокие идеалы, которые в вас вбивают. Так что, выпади иная карта, сидел бы сейчас в рабочем секторе, лакал из-под крана воду с успокойкой, не задумывался бы ни о чем и не парился. Так что, если я «в особом порядке», то ты «по явной ошибке».

Рекс, не веря своим ушам, подобрался. Лицо у него застыло, как маска, даже взгляд, устремленный на собеседника, казалось, смотрит мимо — в пустоту.

— Считай, покер на тузах вытянул. Ты реально невероятно везучий, — закончил Винсент совершенно серьёзно, а потом-таки усмехнулся: — Не продолбай удачу… легенда корпуса.

Молодой моргнул и сказал внезапно севшим голосом:

— Не верю…

— И правильно. В учебке всё перепроверишь, возможности будут. Там пропагандой не балуются, там правду говорят. Не всю, разумеется.

— Ты так спокойно рассказываешь, — задумчиво сказал Рекс. — Не боишься, что…

— Не-а, — Винсент откровенно забавлялся. — Чего в тебе точно нет, так это импульсивности, — он бросил короткий взгляд на часы и посерьезнел. — Ладно, хватит языком чесать. Повтори свои действия во время обмена.

— Держать объект, при необходимости стрелять только из

игольника, — начал перечислять собеседник. — В случае твоей смерти или потери боеспособности сдаться Керро, не пытаясь причинить ему вреда… Почему, кстати?

— Рекс, — Винсент устремил на него прямой и очень тяжёлый взгляд, — Керро — секторальный рейдер. Там, куда мы выходим в рейды, он живет. А куда он ходит в рейды… у меня ОДИН рейд на территорию враждебной корпорации. И я считаюсь одним из лучших. А у него таких выходов десятки. Запомни: наш самый страшный противник — это не уличный боец, не бонза и не чужой корпоративный рейдер. Наш самый страшный противник и одновременно лучший союзник, если выйдет договориться, — рейдер секторальный. Он понимает и нас, корпоратов, и тех, кто за периметром. Он умеет работать и с теми, и с другими. Техсредства у него не хуже, а зачастую, за счёт доработок, и лучше наших. К тому же, уж извини, ты Керро на один зуб… А что до сдачи, так попадешь к нему в плен — моему последователю проще будет начать диалог. Наконец, если ровно сдашься, больше шансов дожить до окончания переговоров.

Рекс молчал, анализируя полученную информацию, потом чуть замялся и всё-таки спросил:

— Винс, если рейдеры ни во что не ставят корпорацию и корпоративный дух, то… во имя чего ты… вы работаете? Если не во имя блага корпорации и её работников, то зачем? — его, похоже, не на шутку волновали эти вопросы.

— Ты чё, молодой? Все ж просто: чтоб грести бабло, а потом на него оттягиваться. Как все, — Винс резко отбросил глумливый тон. — А если серьезно, тебе понравилось в рейде?

— Да, — не задумываясь, ответил Рекс.

— Вот за это и работаем, за это и умираем, — спокойно резюмировал старший. — За свободу и оттяг в рейдах и за безопасность между рейдами. Ну и… о карьерных раскладах с тобой говорить пока, извини, просто рано. Вот года через три реальной работы будет смысл. Тогда найдутся и те, что просветят, если сам не допрёшь. Ладно, — Винсент снова надел очки, — время. Теперь на место встречи прибудем аккурат когда надо — не позже и не раньше. Погнали.

* * *

Тусклый луч фонаря (нарочно включенного на самый слабый режим, чтобы не сбивать ПНВ Керро) метался по длинному, уходящему вдаль коридору.

Под землёй темнота особенная — давящая, плотная, глухая.

Даже привычные звуки здесь кажутся другими: более раскатистыми, гулкими, пугающими. И расстояние. Расстояние вообще становится самой относительной величиной из всех. Как время. Когда не видишь впереди ориентиров, а только чёрный тоннель, уходящий во мрак, однообразный путь кажется бесконечным, взгляду не за что зацепиться, кроме щербатой бетонной стены, каменной крошки и засохшей грязи под ногами.

Ты идёшь и идёшь, туннель тянется и тянется, темнота остается одинаково глухой, звуки — одинаково монотонными. Слышно, как хрустнул камешек у Керро под ногой, слышно, как бьётся о стены эхо шагов. Кажется, что и биение сердца тоже должно быть слышно. Ведь оно у Айи стучит столь отчаянно, что больно дышать. Колотится где-то у самых ключиц. Она даже попробовала выпить воды, в надежде погасить панику, успокоиться. Сделала пару глотков, но горло сжалось — едва не подавилась.

Внутри все мелко-мелко дрожало. Причем с каждым шагом сильнее и сильнее. Еще немного, и начнут трястись руки. Девушка до боли стиснула кулаки. Даже пальцы свело. Надо успокоиться. Всё получится. Нет ничего сложного. Не зря же накануне отрабатывали до изнеможения. Да и Керро, вон, явно стало лучше после доковых манипуляций. Правда, если присмотреться, видно, что двигается он слегка раскоординированно. Конечно, кто-то посторонний вряд ли это заметит, но Айя уже была не совсем посторонней.

Когда док колол рейдеру какие-то препараты и ставил капельницу, девушку пробил холодный пот. Блин! Ну, блин же! Холод, разруха, грязь, едва шевелящийся бледный человек, замызганная сумка, неопрятный эскулап. Правда, он таки протер себе руки и даже сгиб локтя пациента дезинфектором, прежде чем делать укол. Но всё в целом…

После этого док забрал деньги, нацепил на Керро две медленты, оставил какие-то ампулы и еще две медленты, а в придачу к ним — готовый пакет для капельницы, велел «немного обождать, не сразу подрываться» и попытался быстренько свалить. Он всё-таки нервничал, это было заметно. Вот только Керро тормознул эскулапа и заставил полчаса сидеть рядом, пока препараты не подействовали. Ничего — посидел, подождал.

Уже после ухода дока рейдер расспросил спутницу, как прошли переговоры, выслушал и, чуть поразмыслив, усмехнулся.

А потом они отправились дальше по развалинам. Шли руинами и закоулками, пока не добрались до вчерашнего квадра, затем почти час ехали, затем скатились под землю, снова его замаскировали и пошли дальше уже пешком. Тут-то Айку и

начало потряхивать. Переживания за Керро слегка отступили, на смену им пришло осознание, что ничего уже нельзя изменить или отложить. Остаётся лишь доиграть партию до конца. Каким бы он, этот конец, ни был. До зловещих двадцати секунд, которые определят всю дальнейшую жизнь, оставались жалкие полчаса. А, может, это вообще последние полчаса её жизни? Самые-самые последние? Может, жить осталось — всего ничего?

От этой страшной мысли девушку заколотило ещё сильнее.

Нет-нет-нет, надо успокоиться! С таким настроем точно сгинешь. Нужно взять себя в руки.

— Стой.

Айя застыла и почувствовала, как сердце, колотившееся между ключицами, ухнуло вниз. Но не туда, куда ему положено — обратно в грудную клетку, а прямиком в живот. И забилось там глухо и еще более надрывно.

— Пришли? — девушка не узнала свой голос — севший, хриплый, словно сорванный.

— Нет ещё, — сказал Керро. — Давай сюда ингрем и подсумок.

Она послушно сбросила с плеча пистолет-пулемет. Рейдер выщелкнул магазин, передернул затвор, выбрасывая патрон из ствола, сделал контрольный выстрел, затем вставил магазин с холостыми, дослал патрон, после чего протянул оружие спутнице.

— Стреляй в меня.

Айка обалдело вытаращилась и захлопала ресницами.

— Зачем ещё? — она спрятала руки за спину и даже сделала шаг назад.

Керро терпеливо объяснил:

— Тебя видели разгуливавшей по сектору с оружием. И вдруг я привожу тебя и продаю, а ты даже не сопротивляешься. Это странно, значит, вызовет вопросы. Вопросы побуждают искать ответы. А нам это не нужно, так что легенда должна выглядеть логичной и не вызывать сомнений. Поэтому стреляй. Получится, будто ты сопротивлялась, но не знала, что магазин — с холостыми. Очень хорошо, что у дока обошлось без пальбы.

У Айи вытянулось лицо.

— Я… я не смогу… — отчаянно мотая головой, сказала девушка. Мысль о том, чтобы просто так стрелять в Керро, вызвала у неё поистине суеверный ужас.

— Ага, рассказывай. С ножом кидалась только в путь. А тут, глядите, какая совестливость, — усмехнулся рейдер.

У неё жалко надломились брови, а ресницы захлопали ещё чаще.

— Так. Успокойся, — сильные ладони стиснули плечи. — В

магазине всего лишь холостые. Против броника это ничто, он и пулю удержит. Стреляй уже, хватит моргать, рейдерша, блин.

Она перехватила ингрем, судорожно вздохнула, отступила на шаг и нажала на спуск. Грохот выстрела ударил по ушам, разнёсся эхом по подземным коридорам.

— Ну вот, — сказал Керро, любуясь подпалиной на куртке. — А то «не смогу, не смогу».

Он снова забрал у нее оружие, причем, конечно, не только ингрем, но и глок и тычковый нож, сложил это всё в рюкзачок — к подарку Алисы, после чего вытащил из-за пояса наручники.

— Руки давай.

Айя молча протянула подрагивающие ладони.

Металл показался обжигающе холодным, стиснул запястья, и те непривычно отяжелели. Впервые за долгое время девушка вдруг почувствовала себя абсолютно беспомощной, словно голой — оружия нет, руки закованы…

В этот момент рассудок полоснула страшная и запоздалая мысль. А что, если всё это ложь? Что, если нет у него никакого плана? Точнее, есть, но не учитывающий интересы Айи Геллан. Он ведь всегда говорит правду и в их первый серьезный разговор назвал истинную причину своей помощи: «Считай, что я слишком ленив, чтобы за тобой все время следить и не давать удрать». Поэтому теперь она отправится обратно в «Виндзор». Туда, где яркий белый свет, белые стены, белые халаты, чистота, стерильный инструмент и боль, которая живет на кончике иглы. Всегда разная, но всегда одинаково ослепительная…

На миг закружилась голова, пол под ногами закачался, к горлу подступила тошнота. Нет-нет-нет, это глупость какая-то. Нет, и всё.

Айя подняла глаза на рейдера. Он высокий, и если обнять, то на ощупь слегка столб. Но она не может больше обнять — руки-то закованы… Поэтому пришлось просто на мгновение уткнуться лбом ему в грудь, ощущая запах пороха и подпаленной ткани…

Керро мягко поцеловал спутницу в макушку:

— Идём. И не забывай: ты в ступоре.

Она кивнула.

Трое! Если у удачи есть поганое свойство заканчиваться в самый неподходящий момент, то, пожалуйста, не надо сегодня!

Потом.

Когда-нибудь.

* * *

Рекс поймал себя на том, что вообще перестал удивляться происходящему. Только он начинал думать, будто хоть чуть-чуть понимает устройство мира, как всё вдруг становилось с ног на голову, а фрагменты паззла опять смешивались. Оставалось лишь изумленно таращиться да пытаться собрать целое, которое, не просуществовав и часа, опять развалится. И так раз за разом. Столько разочарований выпускник производственного интерната Рекс Додсон не переживал никогда в жизни. Но и столько шокирующих открытий он тоже никогда прежде не делал.

Снова и снова начинающий рейдер пытался уложить в голове неожиданные факты. Снова и снова пытался свыкнуться с мыслью о том, что всё, чему его учили с самого детства — не больше чем фикция, способ манипулирования легковерными и прекраснодушными дураками. Рексу не нравилось чувствовать себя дураком. А уж дураком, которого используют втёмную, тем более.

Да, похоже, не зря выпускников «правильных» интернатов к периметру не подпускали на выстрел. Может, и не только к периметру…

Гудел двигатель, автомобиль потряхивало на неровной дороге, Рекс напряженно думал. А потом вдруг решил: да ну на хер! Думать можно и позже, в спокойной обстановке, нет смысла загоняться именно на деле. «От жевания соплей один вред», — говорил старший их ГБР. И был прав. Поэтому сейчас лучше отбросить сомнения. Ещё отыщется время. После! Рекс бросил косой взгляд на сидящего рядом Винса и даже не удивился довольной ухмылке.

— Ты спецом именно сейчас про правильные интернаты рассказал? — уточнил молодой.

— Ага, — рейдер не скрывал удовольствия. — Чтоб ты по всякой фигне до начала дела отстрадал и успел себя в руки взять. Заметь, я даже время рефлексии почти до минуты рассчитал. Предсказуемый ты всё-таки. Для нашей работы это вредно.

Некоторое время ехали молча. Затем Винсент внезапно нажал на тормоз и сказал в микрофон:

— Точка три. Первый пошел!

За спиной раздалось жужжание, затем грохот падения, и Рекс увидел, как выползший из багажника плоский гусеничный дистант шустро погнал в сторону площади, ловко преодолевая небольшие неровности дороги и объезжая препятствия покрупнее.

— Рекс, пулемёт с турели сними пока, — Винсент немного нервно барабанил пальцами по рулю. — Мы на обмен, а не на разборку всё-таки.

Несколько минут ожидания. Рекс пролез между сиденьями и,

сняв пулемет, положил его назад. Потом вернулся.

— Чисто. Машина пройдет. Следов минирования не обнаружено, следов засады не обнаружено, — отозвался в наушниках голос оператора.

Рекс знал (уж это Винсент до него довел): прямо сейчас где-то далеко защелкал тумблерами пилот вертолета, чтобы в любой момент поднять машину в воздух, а штурмовики и приданные им в усиление киборги подобрались.

В наушниках рейдеров прозвучало оповещение:

— Поддержка. Полуминутная готовность к взлёту.

Машина опять тронулась вперёд и на тихом ходу плавно вырулила с узкой улочки на площадь. Однако, не доезжая до развалин дома, который притулился за пределами минного поля слева от края площади, снова остановилась.

— Точка два. Второй пошёл.

Всё повторилось и со вторым дистантом. И снова сообщение от оператора. И снова ни засады, ни следов минирования.

У следующих развалин сбросили третьего дистанта, получили тот же доклад, и в этот момент в наушниках раздался спокойный голос Керро:

— До следующего дома. И заворачивай. Дальше как обговорили.

Когда Винсент начал сдавать в тупиковый переулок с глухими стенами, Рекса затрясло.

— Расслабься, — старший был собран и серьёзен. — Хорошее место, я уже глянул. В дома никого не посадишь — окон нет. А сверху на нас беспилотники смотрят, если что — предупредят. Но по ходу без подставы обойдется. Наушники-то сними. Они ж активные, вдруг ещё этот параноик решит, что мы к перестрелке готовимся… Напоминаю: стрелять только из игольника, так что штурмовуху за спину.

Автомобиль стал, косо перегородив переулок. Рекс выбрался из салона, обошел машину и открыл заднюю дверь, демонстрируя пустое сиденье. Винс, не выходя, в свою очередь распахнул водительскую дверь, давая убедиться невидимому наблюдателю, что в салоне, действительно, остался только он один. Затем подождал, пока напарник отойдет в сторону, аккуратно развернул автомобиль капотом к выезду и снова остановился. Рекс раскрыл багажник, показывая, что и там не припасено никакого сюрприза.

— Отлично, — на этот раз голос Керро раздался не через наушник, а со стороны ближайших развалин. — Ведём себя спокойно и не дёргаемся.

Из-под обрушенной стены соседнего дома, оттуда, где две бетонные плиты сложились, образуя узкую тёмную нишу,

выползла высокая рыжая девчонка с закованными руками, а следом за ней — здоровенный мужик, тот самый, что не так давно познакомил Рекса с парализатором.

Мужик слегка подтолкнул тощую спутницу в спину, и она покорно сделала короткий шажок вперёд, после чего сразу замерла, будто не умела передвигаться без тычков. Лицо девушки, густо покрытое конопушками, было застывшим, как маска. А взгляд пустым.

Винс окинул объект сделки беглым равнодушным взглядом, после чего вытащил из машины лёгкий бокс и чехол со сканерами. Тем временем Керро и «товар» подошли ближе.

— Чего она в наручниках-то? — спросил Винсент, кладя бокс на землю и раскрывая чехол.

— Да когда из ступора выходит, начинает активничать, — усмешка Керро вышла до крайности глумливой. — Чтоб не гоношилась, предложил защиту и помощь. Для правдоподобности даже тарахтелку прикупил. Поверила. Дёргаться перестала.

Винс хмыкнул, отошел от бокса и сканеров на два шага, а Керро, не выпуская жалко ссутулившуюся девушку из вида, присел и внимательно осмотрел сканеры ДНК и сетчатки.

— Правда, когда узнала, что всё-таки продам… — продолжил рейдер, кладя сканеры обратно и оставляя рядом медицинскую иглу в стерильной упаковке. — Решила меня пристрелить. Сильно удивилась, что патроны холостые. Ну и опять в ступор выпала.

Он хохотнул, а Рекс, приглядевшись, заметил подпалину на куртке.

— У вас все такие двинутые? — ехидно спросил Керро и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Сканеры в норме. Поверяй товар, — он отступил на пару шагов назад.

Винсент плавно, без резких движений подошел, взял сканеры и поманил девчонку. Та даже не шелохнулась. Застыла в оцепенении и смотрела в пустоту. Рейдер вздохнул, приблизился, по-прежнему держа Керро в поле зрения.

Со стороны всё это выглядело отвратительно и дико — трое напряженных здоровых мужиков и тощая безвольная девчонка, неестественно равнодушная к происходящему. Не человек. Существо. Вещь.

Вот «покупатель» оттянул девушке веко. Короткая вспышка. Никакой реакции, всё то же отрешенное равнодушие. Затем пришел черед иглы, оставленной Керро. Укол в палец. Нет реакции. Стоит, только чуть голова трясётся. Едва-едва заметно. Винсент тем временем выдавил в анализатор каплю крови, дождался, пока прибор выдал результат, удовлетворенно кивнул, после чего снова отошел к боксу и открыл пластиковую крышку.

— Всё по правилам, — сообщил рейдер «продавцу», кивая на пачки денег: — Герметичная упаковка. Инертный газ. Обработаны СВЧ и жёсткой радиацией. Ни микробы, ни электроника не переживут. Индикаторные пластины — сам видишь.

— Выкладывай, — Керро развернул на земле кусок полиэтилена и сделал шаг назад, включая режим активного сканирования.

«Покупатель» начал по одной доставать пачки из бокса. Сто брикетов купюр. Почти две минуты. Рекс поймал себя на том, что внимание от этих монотонных манипуляций у него потихоньку рассеивается, и следит он уже не за девчонкой в ступоре и даже не за Керро, а за Винсом, единственным, кто сейчас двигался.

Все это напоминало некий торжественный обряд, в проведении которого каждая из сторон чётко знала свою роль, последовательность действий и ответы на них.

Ну, вот и выложены деньги. Теперь Винсент отошел в сторону, а Керро выступил вперёд, плавно отцепил со спины свой бокс, кстати, в разы навороченнее, и достал из него небольшой портативный сканер.

— Проверять будешь? — спросил рейдер у Винса.

— Пока не заявишь, что с нашей стороны есть косяк — нет, — пожал плечами тот.

Керро присел возле аккуратно разложенных денег, пристроил сканер и вложил в него первую пачку. Тут же загорелся зелёный огонек в подтверждение того, что в упаковке и впрямь инертный газ, что индикаторные пластины не поддельные, контакта с кислородом после активации не имели, обработку СВЧ и радиацией прошли. После проверки деньги отправились в бокс «покупателя». Вторая пачка — то же самое. А вот третью рейдер нарочно взял из середины, после подтверждения безопасности нажал еще одну кнопку на сканере, чтобы тот вскрыл упаковку и прогнал купюры, проверяя на подлинность. И так — раз за разом.

Рекс не без труда отвел взгляд от секторального «коллеги» и снова посмотрел на объект торга. Девчонка. Рыжая. В конопушках. На скуле побледневший синяк двух или трехдневной давности. Руки закованы. Что с ней произошло за эти семь дней? Почему она не рвется домой, не кидается на шею спасителям, не плачет, не ждёт освобождения? Стоит столбом. Что с ней здесь делали, если она выпала в такой глухой ступор?!

Внезапно в груди всколыхнулась глухая злость на тварь, которая сейчас деловито проверяла деньги и наверняка считала себя человеком, мужчиной даже. Издевался над беззащитной, обманул, а теперь как ни в чем не бывало прибирает к рукам барыши. И ведь совесть не гложет! Вот есть же скоты на свете! А

девчонка-то — ребёнок совсем…

Керро чуть усмехнулся и едва заметно, однако же не отвлекаясь от ревизии гонорара, кивнул в сторону Рекса. Винс всмотрелся в изображение, транслируемое камерами заднего вида, и отшагнул назад.

— Сорвёшь обмен — здесь закопаю! — тихо прошипел он. — Держишь объект и не рыпаешься.

Рекс только глубоко втянул воздух, на несколько секунд задержал дыхание, потом медленно выдохнул и с каменной мордой демонстративно уставился на девчонку.

Тем временем Керро закончил проверку денег, закрыл бокс и встал. На куске полиэтилена остался ключ от наручников.

— Забирай. Цени, какой раритет тебе не пожалел, — рейдер, пятясь, кивнул на девчонку и добавил: — На досуге проверю всё ещё раз. И тщательно. Если уйду легко и с деньгами, тогда ты через четыре часа получишь координаты тайника. В нём записи о ней из интерната и пробирка крови. Если же у меня возникнут из-за вас проблемы, — он коснулся кнопки на вороте бронежилета, — то координаты получат ваши конкуренты. А нарушение девяносто девятого — это очень серьёзное обвинение. Замаетесь отмываться.

— Гарантии, что её кровь не всплывет где-нибудь ещё? — Винсент не шелохнулся, и даже тембр голоса у него не изменился.

— Вены посмотришь. Там два прокола. Один старый — при захвате сделали, второй — мой. Допросишь под химией — убедишься. С теми, кто её похитил, разбирайтесь сами.

— Принято. Рекс, бери объект. Аккуратно и без глупостей.

— Если заготовил подставы, — отступавший к нише Керро не препятствовал Рексу, — то лучше прямо сейчас отменяй. Если же всё путем, готовься забирать компромат. Бывай. Приятно было иметь с тобой дело.

Он скользнул в тень нависших плит и исчез.

— В машину! — Винсента словно подменили. Он подобрал ключ и рванул к автомобилю. — Бегом!

— Может, наручники снимем? — Рекс подхватил девушку под локти и потащил к транспорту.

— Позже. На заднее с ней, — старший рывком перебросил пулемет с заднего сиденья на переднее. — Если была утечка, то вот сейчас мы очень уязвимы!

Будто в подтверждение этих слов наушники отозвались голосом координатора операции:

— Поддержка взлетела, идёт к вам.

Рекс не без труда впихнул безвольную девушку в салон,

придержав ей голову, чтобы не ударилась, захлопнул дверь и обежал машину. Двигатель взревел.

— Теперь главное — вырваться с площади и свалить, а там и прикрытие подойдет, — Винс дождался, когда напарник запрыгнет на сиденье, и рванул с места. — Наушники-то надень…

* * *

Керро, больше не глядя в сторону представителей «Виндзора» и их добычи, скользнул в щель между бетонными плитами и активировал заряд на входе. Если корпы вдруг решат преследовать излишне удачливого секторального коллегу — свод банально обрушится на дурные головы, думающие дурные мысли.

Теперь бегом десять шагов. Узкий колодец вниз. Прыжок. Двадцать шагов в боковой коридор. На месте.

Здесь под потолком была закреплена небольшая контактная коробка. Осталось всего ничего — подключить кабель к электронному комплексу… Да чтоб тебя, только со второй попытки. «Врата» даром не прошли раскоординированность таки есть. Ладно, это мелочи, главное — обмен прошел как по маслу.

Айя всё-таки очень доверчивая. Повезло. Не возникло ненужных сложностей. Она напряглась только в самом конце — дёрнулась, запоздало понимая, что происходящее может оказаться подставой. В принципе угадала. Опять же повезло, что не стала истерить, взяла себя в руки и даже попыталась побороть панику незаметно, чтобы её спутник ничего не заподозрил. Наивная. А сама так тряслась…

Что ж, лабораторная крыска Айя Геллан, пусть ты и не знаешь ничего о действительных намерениях своего «напарника», в одном можешь быть уверена: они не идут вразрез с твоими интересами. Только с интересами корпоратов. Так что зря ты дрожала и молодец, что смогла успокоиться. Теперь главное — не завали второй акт премьеры, и будем считать, что дебютировала ты успешно.

Перед глазами Керро в очках развернулась панорама площади. Трансляция велась с визора ПТУРСа — четвёртого, купленного рейдером вчера, но не для Винса, а для себя. ПТУРС стоял метрах в восьмистах от места обмена. Оптоволокно из подземных коммуникаций вело на поверхность, а далее к новейшей управляемой ракете тянулась цепочка из пяти (пяти!) лазерных ретрансляторов. Зато не засечь и не перехватить.

Если побег Айи сорвется, одно нажатие кнопки исправит её ошибку. В конце концов, слишком жирно будет корпам заиметь

ключик к Зета-центру даже и за пять миллионов. Да и сама Айя наверняка предпочтет мгновенную смерть участи подопытного материала биолабораторий «Виндзора».

Керро смотрел, как машина Винсента выезжает из переулка, увозя прочь рыжую нескладную девчонку, с головы до пят обляпанную веснушками, болезненно застенчивую, тощую и длинную, словно водопроводный шланг… Некрасивую. И отчего-то было погано на душе.

Накатила вдруг лёгкая слабость. Рейдер сделал глубокий вдох и прислонился к стене. Ерунда какая-то, док ведь гарантировал десять часов активных действий, а прошло всего шесть. Чтобы открыть глаза, потребовалось изрядное усилие. Машина корпов тем временем уже ехала через площадь.

Вспомнилось вдруг совсем не к месту: «Ты останешься здесь. А я сбегаю и приведу дока». И ведь привела! Недоразумение зашуганное. Даже сумела убедить. Это Клауса-то, который иной раз даже жопу от кушетки ленится оторвать, чтобы к двери подойти. Ничего не напутала, правда, забыла взять деньги, но сориентировалась, вспомнила про тайник. И вернулась… Причем видно было: скажи ей Керро грохнуть доктора — грохнула бы… Что это? Доверчивость? Или доверие? Наивность? Или уверенность?

Она часто подвисает, плоховато соображает в реалиях чёрного сектора, говорит и спрашивает глупости. Корпоратскую прошивку сложно перебить. Но когда из-под кодировки проглядывает изначальная личность, весьма запоминающиеся репризы получаются — неожиданные.

Тьфу ж ты, ёп. Перестань себя обманывать. Времени мало. А ты отлично знаешь, что сейчас чувствуешь. Это Вызов. Мир бросает тебе Вызов, и сжечь здесь эту удачливую и реально толковую девчонку — значит отказаться от него. К тому же не надо обманываться — одной пробирки крови явно недостаточно, чтобы получить её иммунитет. Так что? Что станешь делать, если у неадекватного существа по имени Айя Геллан не срастется с побегом? Убьёшь, следуя принципу «ни себе, ни другим»? И одним махом перечеркнешь всё, чем и ради чего жил? Отступишься от собственной цели, сойдешь с пути и будешь спокойно прожигать пять миллионов? Ну же, самурай… уличный! Решай! Скоро закрутится, и времени остались секунды. Уничтожить? Или отпустить?

Керро отлепился от стены, стал твёрдо и, сжигая мосты, отослал управляющей аппаратуре ПТУРСа сигнал на самоуничтожение. Всё-таки «врата» и восстанавливающие препараты изрядно размягчают психику. Чего сопли-то

распустил?

Даже если Айя не вырвется, козыри у него в рукаве ещё остаются. Винсент в рамках договора получит свою пробирку — ту самую, которую несколько дней назад взяла Куин. А у его оппонента останется образец, законсервированный Мусорным. У дока его забрали нефилимы, а у них, в свою очередь, отобрал Керро. Копию записей из интерната он себе тоже сохранил. Сами по себе они ничто, но в комплекте с образцом крови… Если Айка не вырвется — это будет началом большой игры больших корпораций. Но запустит эту игру он, и он же постарается вырвать девчонку. Рискованно. Очень рискованно. И очень мало шансов. Но риск… что риск — не впервой. А бороться надо всегда!

Рейдер выдернул шнур из разъема контактной коробки, запустил таймер на очках и, подхватив Айкин рюкзачок, побежал по подземному коридору. До места встречи здесь недалеко, и если девчонка не появится в течение десяти минут — значит, не вырвалась. Но… но пусть она вырвется. Трое, вот сейчас не отбирайте у неё удачу! Ведь тогда мы вдвоем сыграем совсем в другую игру. С совсем другими целями и таким джекпотом, какой Айя пока даже представить себе не может. Пусть только вырвется — обещаю, вы останетесь довольны.

* * *

Винты протяжно взвыли, тяжелая туша вертолета качнулась, а лейтенант Брайн Кастольядикус прикрыл глаза и откинулся на скамье. Сегодня перед его отделением поставлена самая обыкновенная, можно даже сказать, рутинная задача — прикрытие рейдеров после обмена с кем-то из секторских. Если ничего не случится, сопроводят машину и назад — на базу. А ведь даже жаль. С момента боя в том коридоре, когда наглые налетчики таки ушли, ну очень чесались руки с кем-нибудь сцепиться! Правда, сейчас, когда к штурмовикам прикреплены трое киборгов во главе со своим координатором, это, пожалуй, не лучшая идея. Времени-то на слаживание совсем не дали. Хорошо хоть совместное десантирование успели вчера отработать.

Двухмоторный «Чинук» оторвался от земли и уверенно лег на курс. Командир штурмовой группы открыл глаза — на забрале шлема началась трансляция видео с зависшего прямо над местом обмена беспилотника. Машина рейдеров прошла уже почти половину широкой захламленной площади, когда из неприметных развалин рванули, оставляя за собой хвосты дыма,

ракеты…

— Ёбть!!!

От возгласа удержались только киборги. Все остальные члены команды ошарашенно выдохнули.

Однако в полусотне метров от цели ракеты перехватила активная защита, и посреди площади вспухло облако взрыва.

«6 НУРС. Модель неизвестна», — замигала надпись перед глазами Брайна.

С другой стороны площади практически одновременно с НУРСами вылетели более медленные ПТУРС. Три штуки.

По контуру машины рейдеров пробежала ярко-голубая линия — аппаратура сообщила о работе систем РЭБ. Отлично! Две ракеты ушли вверх, а третью опять-таки на пятидесятиметровой дистанции подорвала активная защита. Изображение при этом даже не качнулось — система стабилизации беспилотника отработала штатно. Однако когда уже казалось, будто обошлось без потерь, в облаке пыли медленно и величественно завалилась на дорогу стена накренившейся высотки, наглухо перекрывая рейдерам выезд.

Было видно — водитель рванул к краю площади, ударил по газам и вывернул руль, закладывая лихой поворот. Машина погнала по разбитой дороге и… Брайану показалось, будто он даже отсюда слышит скрежет днища. Автомобиль сел на брюхо. Из-под колес брызнула земля, полетели обломки асфальта и бетона.

Теперь троих беспомощных и явно оглушенных людей защищала от нападавших только бронированная кабина обездвиженного транспорта. Двигатели «Чинука» взревели громче, вертолёт прибавил скорость.

Отделение подобралось. Киборги отцепились и встали. Один застыл у правой двери, двое — возле рампы.

— Устоят в любом случае, — успокоил лейтенанта координатор.

А на видеотрансляции Центр уже обозначил белыми контурами цели: метрах в трехстах от застрявшей машины откуда-то из-под земли перли и перли люди. До хрена людей.

Рейдеры не стали ждать, когда к ним подойдут: распахнулась передняя правая дверь машины, из кабины, пригибаясь, выскочил человек, обежал капот и упал за колесом.

Нападающие сразу же открыли яростный огонь. Брайну даже на трансляции были отлично видны дульные вспышки. Лейтенант подключил аудиоканал с беспилотника, стала слышна шквальная стрельба засадников и короткие отрывистые очереди пулемета рейдера. Вот опрокинулись двое нападавших, остальные сразу же

торопливо залегли. Плотность огня усилилась. А из подземных коммуникаций появлялись всё новые и новые бойцы.

— Быстрее можете? — спросил Брайн пилотов.

— На пределе идём, — огрызнулся старший. — РВП — три минуты. Зона высадки здесь, — прямо поверх видеотрансляции боя на окраину площади легло прозрачное красное пятно, обозначающее место десантирования группы.

Тем временем стало заметно, что налетчики, наконец-то, все включились в бой — из-под земли, во всяком случае, никто больше не лез. Анализатор отчаянно мигал, демонстрируя поверх изображения цифру двадцать четыре. Немало. И это при том, что убитых было уже трое — пулеметчик подловил-таки ещё одного.

Пока грохотала стрельба, задняя правая дверь машины рейдеров распахнулась, из салона выпихнули «объект» — тощую высокую девку, закованную в наручники, следом за которой сразу же выскочил мужчина. Пригибаясь и по возможности закрывая девчонку собой, он почти волоком потащил её в ближайшее здание.

Брайн скрипнул зубами, и словно в ответ на его злобу на забрале запустился обратный отсчет времени до высадки. Лейтенант обвёл глазами отделение. Парни сидели напряженные, застывшие, в любую секунду готовые к рывку. А их командир тем временем лихорадочно соображал: какой короб в пулемёте рейдеров? Стандартная полуторасотка? Четверть? Полтысячи?

Пока штурмовики в вертолете бесились от невозможности прикрыть своих, напарник Винсента (Брайн от злости даже вспомнил имя старшего рейд-группы) затащил «объект» в укрытие, и оттуда сразу же ударили длинные, на полмагазина, автоматные очереди.

Сам Винсент подхватил пулемет и, пригибаясь, рванул зигзагом к зданию. Нападающие, пользуясь моментом, сократили было дистанцию, однако под короткими пулеметными очередями снова залегли. До развалин, где укрепились рейдеры, засадникам оставалось чуть больше двухсот метров. Двести метров открытого пространства, почти лишённого укрытий. Брайн перевел дыхание. Продержатся. Даже если короб на полторы сотни, всё равно продержатся.

Полминуты до высадки. По аудиоканалу стал, наконец-то, слышен гул приближающегося вертолёта. Киборг у правой двери ухватился крепче за поручень, поднял ствол пулемёта. Рампа раскрылась, и внизу за ней показалась бешено несущаяся земля.

Брайн вернулся к трансляции.

Бой на площади продолжался. Очередная короткая из пулемета. На разбитую дорогу легло ещё одно тело, уже

четвёртое по счёту. А вот следующая очередь, прилетевшая от корпоративных бойцов, оказалась почему-то тревожно длинной — патронов на тридцать. Ещё одна длинная! Ёп, да что там у них?!

— Высаживаемся с ходу! — лейтенант вызвал виртуальное меню, торопливо развернул карту, обозначая точку десантирования чуть в стороне от прямой, на которой находились нападающие и укрытие рейдеров.

— Есть!.. — пилот явно проглотил ругательство. Тоже понял: что-то там не так. А на трансляции с беспилотника стало видно, как с обратной стороны полуразрушенного дома, где укрепились рейдеры, выскочила вдруг их девка и ломанулась, не разбирая дороги, прямо на минное поле.

Засадники, наплевав на огонь, рванули вперёд. Пулемет рейдеров зашёлся, отбивая атаку, тогда как один из оборонявшихся ринулся следом за беглянкой прямо на мины.

— Ебанутый! — почти с благоговением произнес на выдохе Пит-Стоп.

Брайн был согласен с Джимом. И правда, ебанутый. Он, конечно, внимательно смотрит под ноги, и рейдерский комплекс более чем неплох, но… Но это всё равно не специализированный сапёрный. Совсем без башки мужик.

«Чинук» начал замедляться. Заговорил курсовой пулемёт, однако засадники, несмотря на перекрёстный огонь, продолжали остервенело рваться к укрытию рейдеров.

Вот и площадь. В рампе мелькнул заваленный выезд. Вертолёт чуть повернулся, выводя противников в сектор бортстрелка. По обшивке вертушки забарабанили пули. К курсовому присоединились бортстрелок и пулемет киборга, стоящего в правой двери.

Всё медленнее и медленнее… Ниже, ниже, ниже… Движки ревут, останавливая неповоротливую тушу. Высота десять метров. На забрале загорелся красным сигнал «высадка».

Двое киборгов прыгнули вниз даже без тросов.

— Гранатомет!!! — вопль второго пилота совпал с длинной очередью киборга, который застыл в дверях.

Хлопок! Вертолет качнуло, корму повело, а затем вертушку замотало и начало разворачивать.

Наушники заорали голосом первого пилота:

— Держаться! Жёсткая!!!

Огромное тело «Чинука» завалилось на бок — земля в распахнутой рампе скакнула вверх, с треском сломались винты, взвыл ротор, многотонную машину с оглушительным скрежетом развернуло, мир содрогнулся…

…Брайн помотал головой. Движки молчали. За бортом,

который теперь неожиданно стал полом, виднелась мёрзлая перепаханная земля, а где-то совсем рядом длинными очередями на расплав ствола бил единый пулемет рейдеров и злыми короткими вторил ему крупняк киборга.

— Уснули?! — вся ненависть и жажда жизни прорвались в диком рыке лейтенанта. — С приземлением, бля! Пошли, пошли, пошли!!!

Брайн, ещё слегка пошатываясь, рванул к выходу, а кто-то из его парней, кто был рядом с рампой, уже выкатывался наружу.

* * *

Белое пламя ревело в подъезде старой двухэтажки, гнало вверх клубы едкого вонючего дыма. Конец истории. Всё, что осталось от объекта «Фиалка»: огонь, дым и досада. Вот ведь рванула, дура чокнутая! По ходу, стрельба вывела её из ступора, и девка, как говорил Керро, «начала активничать». Пока рейдеры отстреливались, рыжая вдруг вскочила и ни с того, ни с сего ломанулась куда глаза глядят — прямо на минное поле.

Как обычно бывает в таких случаях — дуракам и припадочным везёт, но, как обычно же, недолго. Метров сто идиотка пронеслась, чудом не наступив ни на одну мину, хотя минимум две перешагнула, а потом свершилось закономерное: ринувшаяся в развалины двухэтажного дома девчонка споткнулась, влетела внутрь и напоролась на термитный заряд. Полыхнуло будь здоров… И ведь почти догнал, мля!

Самого Винсента от смерти спас исключительно вертолёт штурмовиков.

Когда послышался треск лопастей, рейдер инстинктивно замер и оглянулся. Огромный «Чинук» завис над площадью, где по-прежнему грохотала яростная перестрелка. В воздухе был виден дымный след от гранаты и цепочка трассеров, которая летела ему навстречу. Стрелку с вертолета удалось задеть и сбить гранатометный заряд с траектории — в итоге граната прилетела аккурат в один из движков.

Навернулась летающая хрень с дичайшим грохотом и скрежетом. А потом сразу же полыхнуло и в доме, в который забежала «Фиалка». А ведь не засмотрись Винс на прилет подкрепления, догорал бы сейчас рядом с «объектом».

Глядя в белое пламя, ослепительное до рези в глазах, Винс тяжко выдохнул и сплюнул. Такой провал… на ровном, бля, месте! А ведь пытался остановить эту дуру припадочную из игольника. Но игла не пробила куртку. И вот результат. Догорает.

«Керро, ёп! — выругался про себя Винс. — Ну, на хера ты ей одежду с защитным подбоем купил?! Ты чего, вообще денег не считаешь?»

С места взрыва тянуло острой химической вонью. Аж горло сводило. К зажигательным минам что-то для усиления подложили? С нариков станется…

На площади по-прежнему продолжалась ожесточенная перестрелка — штурмовики пережили приземление и сейчас вымещают злость на засадниках.

— Центр, — сказал Винсент в гарнитуру очков, — передайте прикрытию, чтоб хоть кого-нибудь живым взяли, а то могут и увлечься.

— Бабу свою поучи сублимат заваривать, — отозвался в наушниках далекий голос координатора, — уже передали. Были обматерены пятиэтажным.

Рейдер хмыкнул, внимательно осмотрел ближайшую к себе груду кирпичей на предмет взрывчатых сюрпризов, сел и перекинул штурмовую винтовку на колени. Теперь остается только ждать, кто кого. Если прилетевшие на выручку силовики не справятся с засадниками, то последнее, что останется Винсу — пристрелить первого сунувшегося. А потом всё. Даже если попробуют взять живым, он им такой радости не доставит. В любом случае, дальше бегать по этому блядскому минному полю… ну нах. Рейдерский комплекс не всякий сюрприз засечёт. И так чуть не поседел, когда разок грунт под ногой подался.

Впрочем, судя по плотности стрельбы, верх брали всё-таки свои.

— Рекс, ты как? — спросил Винс, переключив канал связи.

— Норм! — молодой так и не успел надеть активные наушники и теперь орал. Еще бы! Шесть НУРС на полусотне метров — это, хе-хе, громко. Оглушают на раз.

— Чего там наши?

— Справляются.

— Сам не лезь. Мы, что могли, сделали. Пусть теперь тяжёлые работают.

Сразу после этих слов, будто по заказу, перед глазами замигал сигнал видеосвязи. Винсент подтвердил приём и залюбовался трансляцией с беспилотника: штурмовое отделение, усиленное двумя киборгами, слаженно и оперативно теснило чёрносекторную банду. Ещё поживём.

Когда выстрелы со стороны засадников окончательно стихли и штурмовики пошли добивать возможных раненых, Винсент устало тронул кнопку связи, переходя на общий канал.

— Прикрытие, это рейдер-один. У тебя, вроде, по штату сапер

должен быть?

— Он у меня и есть. Рядом стоит, — командир штурмовиков всё ещё тяжело дышал.

— Пришли его меня вытащить. Я тут ровно в мины влез.

— Видел, — в голосе собеседника слышалось уважение.

— Живых-то взяли кого?

— Двух взяли, даже не ранили почти, — ответил штурмовик.

— Ну, жду тогда, — Винс оборвал связь и со вздохом уселся поудобней.

Да уж, такую ситуацию точно не замнут. Объект потерян, вертолёт сбит… планы перевыполнены во столько раз, что теперь самому бы уцелеть.

* * *

Тех-лейтенант Аксель Дреф зло выпустил ларингофон гарнитуры, скрипнул зубами и почти упал на обломок бетона поодаль от завалившегося на бок «Чинука».

Злись сколько влезет, хоть какие зверские рожи корчи — забрало комм-шлема закрывает лицо, а поверхность зеркальна. Значит, пока не заорёшь, никто не узнает, что тебя колбасит от бессильной ярости.

Сука! Одного из киборгов при «посадке» отшвырнуло вертолетом. Корпус искорёжило, конечности переломало. Железо — под списание. А вот мозг неожиданно уцелел и теперь держится на аварийном запасе. Резерва хватит на час, потом всё. Полная деструкция. Но эти, мля, падлы из финотдела быстро произвели анализ потерь: «Мозг номер 156-89. Оставшийся срок работы — год. Вставка в новое тело экономически нецелесообразна. В высылке эвакуационного вертолета отказано». Как списать — у них всё быстро, пять секунд и готово, а как на обслуживание заявка, так неделями запросы гоняют от отдела к отделу.

Твари! Ни хера не соображающие твари!!! Рядом же ещё два киборга, причем, если один полностью перепрошит и не то что сомневаться — думать не особо способен, то второй — из тяжелораненых силовиков, он, считай, человек. «Экономически нецелесообразно»! Да, в новом теле мозгу осваиваться с полгода… Но что киборг — это не просто железяка, вам, уроды, сказали? А что такое внутренние коммуникации у команд киборгов, вы знаете? А что про вашу блядскую «экономическую целесообразность» уже вечером всё кибер-подразделение знать будет, вы в курсе? А это пятьдесят бронированных рыл с

крупняками, и они на всё, что меньше гранатомета, плевать хотели! В общем, на свои коды остановки не очень рассчитывайте! На эти коды у них найдутся средства РЭБ, чтобы банально их не принять.

Аксель яростно втянул носом холодный воздух. Спокойно. Надо взять себя в руки…

Из соседних развалин, пробираясь по обломкам и огибая торчащую арматуру, вышли четверо мужчин. Двое штурмовиков (силуэт тяжелой брони сложно перепутать с чем-то другим) и двое гражданских — в неприметных мешковатых куртках. Видать, те самые рейдеры, которых мчались прикрывать.

Не спеша подошли.

— Рекс, — старший рейдер бегло огляделся и сказал напарнику, — иди-ка к вертолёту. Пилотов поохраняй, чтоб им из-за угла не прилетело.

Тот кивнул и спросил:

— Кресло выдрать можно? Чтоб с удобствами охранять.

— В десантный загляни, — хохотнул на это штурмовик, — там носилки у стены в фиксаторах. Охраняй с комфортом! Джимми, возьми кого-нибудь из парней, пройдись, хоть сигналок на выходы из-под земли поставь. Вряд ли ещё кого занесет, да и ударные в пятиминутной готовности, но…

— Понял. Сделаю.

Штурмовик пошёл следом за молодым рейдером, и возле обломка, на котором сидел Аксель, остались только командиры.

— Чего бесишься? — старший рейд-группы, сняв очки, вгляделся в забрало тех-лейтенанта. — Аж оттуда, — он кивнул на развалины, — видно.

Аксель чуть поник, но потом рывком поднял забрало и выдал всё, что думал про экономическую целесообразность, про тыловых тварей из финотдела, про киборгов, которых многие считают тупыми железками, про то, чем случившееся может аукнуться.

Слушавшие его мужчины переглянулись. Штурмовик пожал плечами, а рейдер усмехнулся, надел очки и, вытащив ларингофон, отошел на пару шагов. Некоторое время он что-то говорил неслышным лариногофонным шепотом, а потом вдруг заорал так, что тех-лейтенант дернулся:

— А теперь, мля, посмотри последние минуты обмена и связывайся с тем, кто отдает приказы! Время, ёб, идет, нах! Через двадцать минут жду транспорт и напарника!

После этого рейдер оборвал связь и, снова сняв очки, вдруг повернулся к своему молодому сослуживцу. Тот неподалеку присел на корточки, будто бы возясь со шнуровкой ботинок.

— Рекс, опять уши греешь? Сколько стоит новые пришить, знаешь? Выполняй приказ, — и, сказав так, старший вернулся к собеседникам. — Думаю, скоро решим твои проблемы. Тыловые твари тоже полезны, просто их надо уметь мотивировать.

Тут он чуть дёрнул рукой, поднёс очки к глазам, хмыкнул и снова опустил.

— Через двадцать минут придёт вертушка, привезёт мой заказ. Пилот не из наших, поэтому сам уговаривай, чтоб тебя с грузом прихватил. Как хочешь, так и убеждай. Ты ведь без киборгов уже обойдешься? — спросил рейдер, повернувшись к штурмовику.

— Легко, — тот, наконец, поднял забрало. — Наши уже вылетают. Минут через десять пойду проверю, как мои наблюдение наладили, да и новую вертушку надо подальше от сбитой посадить. Может, ты возьмёшься? — он протянул координатору киборгов дымовую шашку.

— Первый раз за периметром? — спросил рейдер, глядя, как тех ошарашенно принимает алюминиевый цилиндр.

— Да…

— Привыкай. Здесь всё сильно иначе, чем в чистой зоне, — рейдер хохотнул и достал фляжку: — Ну, за первый опыт.

Он отпил и будто слегка расслабился.

— За новых людей, — штурмовик принял флягу, сделал глоток, на миг прикрыл глаза, потом передал флягу Акселю и сказал: — У моих следующая неделя — полигонная, неплохо бы и с киборгами действия отработать. Я рапорт подам, чтоб тебя с твоими прислали?

Тех-лейтенант ошарашенно смотрел на собеседников, всё ещё отказываясь верить во внезапную помощь, затем тоже сделал глоток и ответил:

— Да, разумеется. Я тоже подам рапорт.

Штурмовик бросил короткий взгляд на рейдера:

— За мной должок.

Тот только усмехнулся:

— Сочтемся, — потом вздохнул, надел очки и сказал удивленному Акселю: — За периметром свои правила. Даже у нас — корпов. Иначе не выжить.

Аксель выдохнул и, чувствуя, как потихоньку отпускает, вернул флягу владельцу.

— За мной тебе тоже долг, — затем он повернулся к штурмовику. — А полигон — дело нужное. Среди руководящих такие идиоты иной раз встречаются… недавно вот кибер-телохранителя с наглухо прошитым мозгом загнали в мёртвый сектор кого-то ловить. Тот, естественно, облажался по полной…

тут специального надо — и с поддержкой. Но кто о таком думает? Типа, раз киборг — значит, всё может.

Винсент, принимая флягу, хохотнул:

— Забавно, я тоже что-то про эту историю слышал.

* * *

Вертолёт пересек периметр и на минимальной высоте двинулся над мертвыми секторами. Насколько хватало глаз, вокруг раскинулся депрессивный серый пейзаж разрушенного города: просевшие или накренившиеся небоскребы, безжизненные улицы с остовами машин и перевернутых автобусов, безлюдные проспекты, пустыри на месте парков, замусоренные котлованы на месте прудов… Люди давно уже отсюда ушли. Причины самые обыденные: нечего есть, нечего пить, нечем греться, нет электричества, негде работать, а значит — негде воровать и заниматься бандитизмом.

Монотонно гудел двигатель. Вертолёт неспешно летел к цели, и даже тени внизу не было видно. Зрелище довольно мрачное.

Команда техов, отправленных для экспертизы сбитого «Чинука», загомонила. Парни с любопытством таращились в иллюминаторы, то и дело издавая удивленные возгласы. Их старший начал громко и не смешно шутить.

Равнодушным к пейзажу и его обсуждению остался только сидящий возле кабины пилотов мужчина. Он был одет в серую полевую форму без знаков различия и сейчас работал с индивидуальным информационным комплексом — здоровенные черные очки визора закрывали пол-лица, а пальцы мелькали в воздухе, перебирая строки меню.

Вообще говоря, Алехандро Домингес предпочел бы одеться как уличный боец. Намного привычней. Но это сделало бы его слишком заметным в группе, а привычка по возможности не выделяться и не бросаться в глаза вероятному снайперу въелась намертво. Тридцать лет работы за периметром. Автономки, руководство резидентурами, три рейда в сектора противника…

И лишь полтора года назад, когда медики вынесли однозначный вердикт — или омоложение, или в рейд больше не выпустим — Алехандро пришлось пересмотреть свою жизнь.

Столько денег, чтобы хватило на омоложение, у него попросту не было, а типовое предложение от финансистов корпорации получить кредит Домингес отверг. Влезать в эту кабалу — практически в рабство — дураков ищите в других местах. Тем более с его рейдерским «коэффициентом риска», который «почему-то» максимален. Ну, а получить квоту по сумме заслуг и вовсе нереально. Он всё-таки — не любимая девочка для удовольствий кого-нибудь из высших корпов. Поэтому Алехандро

прикинул все «за» и «против» и принял единственно верное решение — забил болт. К тому же кто-кто, а рейдер, имеющий хотя бы десяток лет опыта, без работы не останется.

Так оно и вышло. Уже через пару месяцев после отставки Домингес получил предложение на должность личного помощника Герарда Клейна, тогда еще второго заместителя руководителя контрразведки по мегаплексу восемнадцать.

Алехандро вздохнул и коротко глянул по сторонам. Наткнулся взглядом на старшего теха, усмехнулся про себя, однако ничего не сказал. Руководитель группы сидел со здоровенным планшетом в руках, да еще и с разными теховскими приблудами на поясе. Дурак человек. Хотя… подстрелят — похороним. Выживет — ну и ладно. Отставной рейдер утратил интерес к беспечному спутнику и снова занялся делом, а именно — комплексным разбором итогов операции Винсента Хейли.

Итак, после выкупа объекта «Фиалка» у секторального рейдера машина корпоративных бойцов попала под комбинированную атаку ПТУРС и НУРС.

Активная защита и системы РЭБ отработали отлично — ни одна из ракет не достигла цели. Однако нападающие подорвали дом, который стоял на выезде с площади, и таким образом завалили дорогу. Винсент Хейли принял единственно верное (особенно учитывая вероятность второго удара ПТУРС) в такой ситуации решение — рванул к ближайшим, проверенным дистантами, развалинам дожидаться поддержки. И посадил машину на брюхо. Бывает. И танки, случается, на брюхо сажают. После этого старший рейд-группы обеспечил отход напарника с объектом, затем отступил сам. Огонь был уже более чем плотный, а машина в такой ситуации — не лучшее укрытие.

Что дальше? Бегство «Фиалки». Заснято дистантом и камерами заднего вида обоих рейдеров. Была в полном ступоре, потом начала раскачиваться, как маятник, поскуливать, а затем вдруг сорвалась с места и рванула во все лопатки.

Рейдеры попросту не услышали, оно и ясно — после взрывов, да еще и за своей стрельбой… но оператору дистанта — взыскание.

После бегства «Фиалки» действия старшего рейд-группы тоже не вызывают вопросов. Он рванул за объектом на минное поле и даже почти сумел перехватить. Отвлекся на появление над площадью вертолета. Повезло. А то сгорел бы вместе с девчонкой в том же подъезде.

Теперь по «Чинуку». Вертушку подбили. Шансы на восстановление пока неизвестны. Пилоту — поощрение. Выполнил приказ командира десанта, не побоялся влезть в самое

пекло и сумел-таки превратить падение в посадку, пусть и жёсткую. Короче, людей сберёг. Это главное. А железо… нового наклепают. Что характерно, босс Алехандро с этим согласен.

Штурмовики. Тоже отработали на отлично — выполнили задание, несмотря на ЧП, прикрыли рейдеров. Правда, сгоряча вписались в самый замес, но здесь пусть уже их командование разбирается.

Теперь ключевые детали. Машина рейдеров прошла по площади в одиннадцать пятьдесят шесть. В двенадцать ноль два рядом с местом, где вылезали нападающие, было пусто. А в двенадцать ноль шесть на очередном проходе беспилотник засек посторонний предмет. Им по результатам проверки оказалась видеокамера на оптоволокне. К слову, машина рейдеров была оборудована системой активного поиска оптики. Вывод? Нападавшие знали время обмена и, соответственно, время, когда машина пройдет площадь. А вот когда она будет возвращаться, не знали. Было ли им известно о системе поиска оптики — неясно. Впрочем, двоих налетчиков взяли живыми, допросим.

Идём дальше. Заряды, обрушившие дом на выезде, сработали несинхронно, один из управляющих модулей не был полностью уничтожен. По счастью, в следственной бригаде нашелся хороший тех, который сумел на месте разобраться, что к чему. Получалось следующее: по получении кодового сигнала запускался таймер срабатывания зарядов. При этом сигналом служил код рейд-группы: «объект взял, выезжаю». Иронично, Винсент Хейли, не зная этого, сам запустил ловушку на себя же.

И вот это плохо. Выходит, нападающие знали не только время и место обмена (с точностью до обозначенного в плане), им была известна как минимум часть кодовых сигналов группы.

Аналитики уже прошлись по всему документообороту и установили имена трёх человек, которые имели доступ к этой информации. Что ж, ублюдком Ленгли пусть занимается босс. Винсент, пока суть да дело, затребовал напарника и свалил забирать подстраховку Керро. Поторопился, конечно… с другой стороны, нарушение девяносто девятого… Плохо, что пришлось его отпустить, но больше в тридцать седьмом секторе работать не может никто. Впрочем, риск минимален. А напарник, которого мистер Хейли вызвал себе в помощь, был подробно проинструктирован о том, что его коллега может попытаться скрыться. Как действовать в такой ситуации, он знает. Лояльность напарника высокая, вероятность исполнения приказа тоже.

Ну и, наконец, последний участник заварухи. Керро. Этот, разумеется, недоступен. Но ведь у него и не было кодов рейд-группы. Можно, конечно, предположить, что Керро установил

плотную слежку и перехват сообщений Винсента, а потом оперативно их расшифровал и задействовал… равно как можно предположить, что для получения этих кодов Керро прочитал мысли Винсента. В общем, версия бредовая, однако отработать её всё равно придется. Одним словом, работай, Алехандро. Определяй, кто именно слил информацию, а кто этого точно не делал. Результат сам в руки не придёт.

Что ещё он забыл? Позиции тяжелого оружия самоуничтожились термитными зарядами, там искать нечего. Под землю с них не уйдёшь, убегавших не было, второго залпа не было… Соответственно — полная автоматика. Пусть техи в остатках роются.

Размышления Алехандро прервало мягкое покачивание пола под ногами — вертолет коснулся земли, двигатель начал останавливаться.

Команда техов, летящих определить состояние и уровень повреждений сбитого «Чинука», загомонила. Мужчины отстегивались, доставали кейсы с инструментом и диагностическим оборудованием. Человек же в здоровенных чёрных очках и серой полевой форме силовика даже не пошевелился.

Успеется. Он не спеша прицепил на нагрудный карман жетон СБ. Людей на месте происшествия много, за периметром некоторые из них бывают редко, нервничают… пусть сразу видят, что свой.

* * *

Комнатушка — бывшая подсобка старой автозаправки — оказалась совсем крохотной. Не больше пяти квадратов. Зато и для того, чтобы прогреть её, потребовалось всего несколько брикетов топлива. Получилась неплохая лёжка для разового использования. Два старых пластмассовых ящика заменяли табуреты, а с накинутыми поверх ковриками из пенополистирола превращались практически в кресла. На этих «креслах» и устроились с комфортом Ирвин и Винсент.

Накрытые масксетью мотоциклы-эндуро стояли за дверью — в торговом зале среди обломков рухнувшей крыши. Их камеры заднего вида транслировали на очки рейдеров панораму пустынной улицы.

Здравствуй, тридцать седьмой сектор. Не ждал нас назад так быстро?

Ирвин вытащил из упаковки банку пива и открыл её с

громким смачным щелчком. Смахнул пену, сделал первый, полный удовольствия глоток, после чего расслабленно откинулся к стене.

— Запасная сеть лёжек — дело хорошее, — сказал он. — Когда успел организовать?

— Кара тут развлекалась с одним из местных. Да ты в курсе. Заодно и вербанула. Ну, а я, как вы ушли, его заюзал.

Собеседник покивал, снова приложился к банке, а потом сказал, безо всякого, впрочем, интереса:

— Ты в курс дела-то введи, что ли. Сорвали ведь, блин… чуть не с бабы.

— Сорвался бы ты с бабы, — хмыкнул Винс. — В целом ничего такого: в секторе спрятан компромат на «Виндзор». Через час мы получим координаты места, откуда его необходимо изъять. Вот и всё.

— Или не получим и будем искать сами, «пока не найдем», — потянулся Ирвин и спросил: — А чего ты запасную лёжку используешь, а не через эту свою узкоглазую?

Винсент тоже открыл банку с пивом, сделал пару глотков и объяснил:

— За помощь в поисках объекта мы предложили ей и её бонзам столько, сколько самостоятельно они в жизни не возьмут. А вот компромат — это уже другой вопрос. Если она узнает, что где-то в секторе хранится такой козырь, то может попытаться его использовать… а рисковать она любит и умеет. И кто кого в таком раскладе — пятьдесят на пятьдесят. Или я её, или она меня. Так зачем лишний раз искушать?

— Такой серьезный противник? — искренне удивился друг.

— Более чем.

— М-да. А меня-то чего так резко сдернул? Времени ж еще до хрена, оказывается, — Ирвин внимательно посмотрел на собеседника.

Тот в ответ развел руками:

— Звиняй. Киборга конкретно повредили, нужно было его на базу возвращать, а в эвакуации отказали, типа, «экономически нецелесообразно». Срочно нужен был вертолёт. А поскольку вертолёт просто так я вызвать не могу…

— Ясно, — махнул рукой Ирвин и вдруг осознал смысл сказанного: — Еще и киборга повредили? Да чё у вас там случилось-то?

— Жопа, — лаконично охарактеризовал Винсент результат операции. — Вертушку сбили, ну, ты видел. Одного из киборгов расхреначили… объект потеряли. Мля, как она из ступора вышла и рванула! А я за пулеметом. Рекс в такой переделке вообще

первый раз… Ладно, отбрешусь. И не из таких провалов выбирался.

Посидели молча, глядя в огонь и потягивая пиво.

— Слушай, — снова прервал молчание Ирвин, — а говорят, будто ты вне штата успел с карателем поработать. Как оно вообще?

— Не поверишь, — хохотнул Винс, — за периметром — люди, как люди. Здесь, видать, отрываются на всю катушку… Или, может, мне уникум ихний попался.

— Да ладно! — подался вперёд друг. — Я на форсированном допросе такого не творю, что они чисто для развлечения.

— Я тоже, — пожал плечами собеседник. — Но реально — человек человеком. Если б не значок трёх полных секторальных, и не подумаешь даже. С инициативой напряг, конечно, но исполнитель чёткий. И, знаешь…

Винс чуть помолчал, крутя в ладонях банку пива, а потом закончил:

— Телохранитель из него куда лучше, чем из меня вышел.

Ирвин в ответ захохотал:

— Это ты его похвалил или опустил?

— Сам не знаю, — ответил Винс и задумчиво уставился в костёр.

Ирвин искоса глянул на собеседника. По ходу в этот раз Винсент действительно не ждал особых проблем по возвращении. А значит, инструктаж о возможности побега мастера-рейдера Хейли и его ухода в отрыв был обычной перестраховкой. В конце концов, реши Винсент свалить, ему бы всего и потребовалось — задействовать местные связи, после чего шансов у его напарника просто бы не было. Ирвин невесело усмехнулся. А ещё Винс был кем угодно, только не идиотом. Поэтому он знал: удирать, прихватив компромат на корпорацию… Даже не так! Удирать с *подозрением*, что ты прихватил компромат на корпорацию — это вызывать на себя всю мощь её гнева, а после и всю ярость возмездия. Максимум полгода побегаешь. Да и то вряд ли.

* * *

Алехандро выпрямился и перешагнул через валяющегося ничком человека.

Пленные не стали изображать из себя крутых и играть в молчанку, так что особо стараться во время допроса не понадобилось. Тем более штурмовики при захвате уже выместились на выживших засадниках: двоим разбили рожи и,

видимо, переломали ребра, а третьему «при попытке побега» буквально вмяли лицо в череп прикладами — выбили глаз, своротили набок нос, раздробили челюсть… Алехандро даже удивился, что мужик ещё жив. Говорить он, конечно, не мог — лежал в сторонке и булькал. Зато для двух своих напарников стал отличным наглядным примером. Так что рассказали они всё. Пару раз только прерывались, когда Алехандро водворял дисциплину — несильными тычками призывал к вежливости и напоминал, что говорить следует по очереди.

Итак. Банда «Тринадцатый этаж». Тридцать седьмой сектор. Задача: остановить машину, вытащить рыжую девку и уйти. Кто ставил тяжёлое оружие — не знают. Кто наниматель — не знают. А вот время, когда машина с рейдерами пойдёт через площадь — знали, даже имели строгое указание: до двенадцати из своих нор не высовываться. Про вертолет не знали, до сих пор в шоке. Вообще не подозревали, что будут действовать против корпов. Гранатомёт прихватили на всякий случай. Логично. Защищённую технику без тяжёлого оружия не остановишь. Ну и, наконец, всё, сказанное во время допроса, оба подтвердили под химией.

— Что с ними делать? — спросил у Домингеса командир штурмовиков.

Когда на одном пятачке собираются несколько служб, вопрос единоначалия встает весьма остро. Впрочем, на этот раз повезло — волевым решением управление принял на себя не какой-нибудь тыловой полугражданский идиот, а взводный штурмовиков. Это хорошо. Вот уж с кем рейдеры всегда легко находили общий язык.

— Да как обыч… — Алехандро остановил привычный жест пальцем по горлу. — Извини, привычка. Кольните отключалку и с оказией отправьте к нам. Вряд ли будут полезны, ну да вдруг. А нет, так лабораториям всегда биоматериала не хватает.

Капитан довольно усмехнулся. Алехандро же посмотрел в небо и задумался.

Итак, Винсент Хейли и Керро. Рейдер корпоративный и рейдер секторальный. Оба знали план. Оба имели возможность его сорвать. Что Керро — здешний обитатель, что Винсент — при его-то налаженном контакте с местными.

Винсент. Корпоративный рейдер. Какой у него может быть мотив? С ходу не просматривается, но это-то как раз один из самых мутных пунктов. Цель? Особенно учитывая, что провал крайне негативно скажется на его карьере. Передать объект другой корпорации? Глупо. Для этого ему всего лишь надо было «не найти» объект. Уничтожить объект? На съемках хорошо видно, как он его «уничтожал». Аж на минное поле рванул.

Привлекал чье-то внимание? Глупо вдвойне. Он не мог не знать, что за весьма узкие пределы в СБ это геройство не выйдет. Иными словами, профит нулевой, зато риск — будь здоров. А Винсент, как и всякий рейдер, рисковать за так точно не любит. Кстати, что у нас говорит личное дело? Алехандро вывел досье на визор. Так, психопрофиль. Корпоративный дух «проявляет изредка», юморист обследовал. Лояльность — высокая. Как обычно. «Корпоративный дух низкий, лояльность высокая»: идеальный расклад для рейдера, а вот кадровиков бесит. Ну, расчетлив, любит риск, бла-бла-бла… Это сейчас неважно.

Вывод? Цель не просматривается, факты работы не по согласованному плану отсутствуют. Девяносто из ста — невиновен.

Конечно, следует ещё покрутить ситуацию, посмотреть на неё под разными углами, а вечером по возвращении мистера Хейли провести непринужденную беседу-допрос с фиксацией реакций. Фармдопрос, конечно, был бы надежней, но вот незадача — один только Нейт Ховерс, дочку которого этот Винсент охранял, узнав, что того расспрашивают под химией, мигом начнет анализировать, какую информацию о нём и его семье могли узнать допрашивающие. И, уж будьте уверены, бросится превентивно нейтрализовать угрозы. А за Нейтом следят его конкуренты, которые тоже что-то подумают и что-то начнут предпринимать… до гражданской войны, наверное, всё-таки не дойдет, но проблем будет уйма. А ведь рейдер Хейли, наверняка, не только Нейтовские секреты хранит. Ещё минимум двух групп влияния. И мало ли на кого, кроме них, он, в придачу, успел поработать.

Так что хочешь фармдопрос — действуй по инструкции (особой необходимости-то в такой крутой мере нет): сперва созови представителей всех сил (как управлений, так и кланов), чьи секреты может хранить Винсент, затем согласуй список вопросов, заручись расписками, обеспечь передачу подтвержденной записи… проще сразу застрелиться. Так хоть нервы сбережешь. В общем, это вариант на самый крайний случай. Тем более, что особых улик и доказательств против Винсента нет.

Идём дальше. Керро. Секторальный одиночка. Мотив? Сколько угодно! Он, конечно, демонстрировал беспристрастный, чисто деловой подход, но это ничего не значит, корпов за периметром ненавидят просто по определению. Итак, если нападение организовал Керро, какова его возможная цель? Получить деньги и уничтожить объект, чтобы не достался корпорации. Нет, глупо. Банальный яд, действующий в течение

получаса, или засунутое, хм, поглубже взрывное устройство с задержкой минут на — дцать — надежнее и безопаснее. А заодно наркотой обдолбать, чтоб девчонка уж точно не рыпнулась. Полноценное обследование-то ей устроят не сразу, как раз хватит времени на отход. Одним словом, нежизнеспособная версия.

Что ещё? Отобрать и продать объект снова, но уже третьим лицам? Мля, да он пять миллионов взял! Столько за всю жизнь не потратить!!! Тоже мимо.

Получить деньги и оставить объект себе? Ключ к Зета-центру… возможно, возможно… Но! Засада была организована явно наспех и с тем, что оказалось под рукой. К тому же нападающие не знали точного места обмена, тогда как Керро — единственному — оно было известно… Блин, да банальный крупняк надежно и без лишних эффектов остановил бы машину. А тут еще и нанятые засадники… Не складывается. Рейдер, живущий в секторе, знающий там всех и вся, и вдруг нанимает банду средней паршивости? Бред.

Опять-таки, Керро обеспечил себе подстраховку на случай подставы со стороны «покупателей» — тайник с компроматом. Винсент этот компромат уже изъял и везёт сюда. Получается полная бессмыслица: зачем так заморачиваться, если точно знаешь, что «покупатель» погибнет? Вывод?

Ну и, наконец, общее качество засады: не самые лучшие средства, не самые лучшие люди. Будто из-за нехватки времени организатор использовал то, что оказалось под рукой. Но у Керро было время. Сутки! От второй встречи с Винсентом и до третьей (после которой Винс, собственно, и отправил план операции).

Алехандро припомнил видеозапись, сделанную киборгом после первых — неожиданно сорванных — переговоров с Керро. Тогда рейдер был готов уничтожить и себя, и объект. Однако когда ему дали отойти — отошел. А ведь стиль жизни: «Даже если я сдохну, ты всё равно ничего не получишь» — весьма характерен именно для таких вот одиночек из чёрных секторов. Так что этот провернул бы дело чётко и быстро. Тут же все было организованно через задницу.

* * *

Завал на выезде с площади уже разобрали — растащили лебёдками, распихали инженерной техникой и свалили каменные глыбы вдоль обочин. Когда Алехандро пришёл на место, от огромной кучи кирпича и бетона осталась лишь россыпь мелких обломков да пыль. Домингес пнул осколок раствора и обшарил

место происшествия взглядом. Отсюда были хорошо видны наиболее уязвимые участки дороги.

Бывший рейдер неспешно прошёлся вперед-назад, отмечая для себя то, на что обычный человек просто не обратил бы внимания.

Например, вот тут, возле перекрестка, бросая на соседний проулок довольно плотную тень, накренилась стена особняка — можно укрыться ненадолго и остаться незамеченным. От пули или взрыва не спасет, но пару секунд передышки даст. Вон там, на третьем этаже, удачный провал в стене: если устроиться для наблюдения, оттуда будет просматриваться вся площадь. Хотя нет, не будет — пол давно рухнул, устраиваться негде.

Все это Алехандро отмечал машинально, а размышлял о другом.

Предположим, Винсент получил указание не выкупать объект, а взять его у Керро силой. Конечно, секторальный рейдер подобный расклад не исключал, и предусмотрительно подстраховался доказательствами, компрометирующими «Виндзор». Однако о наличии компромата банально не успеешь сказать, если в голову прилетит пуля. Да и объект в этом случае окажется в руках корпорации. То есть принцип: «Даже если я сдохну, ты всё равно ничего не получишь» — не сработает. Но секторальный рейдер не мог не предусмотреть такого поворота событий! И встает другой вопрос. Как отомстить из могилы? На самом деле это гораздо проще, чем кажется. Достаточно лишь не подать сигнал отключения автоматике, и она отомстит за тебя.

Как машина с «объектом» пойдет по площади? Да как угодно! А какое место машина однозначно не минует?

Алехандро огляделся и уперся взглядом в разобранный завал. Вот это. Значит, его обязательно проверят на закладку фугаса. Да, конечно, можно заминировать здание, что и было сделано (такое сходу не проверить), но ведь обрушить стену — мало. Автомобиль бронированный — помнётся, но выдержит, и люди внутри останутся целы, а потом их откопают.

Не вариант.

Как ещё можно поразить машину именно на данном отрезке пути, не допустив при этом нейтрализации атаки? Дистанция! Всего-то нужен ПТУРС. Правда, подойдёт только новейшая модель, которая способна миновать практически любую защиту. Но у Керро, в отличие от всех остальных, времени на поиски хватало. А уж связи, чтобы достать дорогое и редкое оружие, точно были, или Домингес ничего не понимает в бывших секторальных коллегах.

Алехандро ещё раз обвел площадь задумчивым взглядом. А

где бы поставил ПТУРС он сам? Осмотрелся и пришел к выводу: подходящих мест всего три. Учитывая, разумеется, что здания непосредственно по периметру могут просветить беспилотники технической поддержки.

После этого Домингес хмыкнул, вытащил ларингофон и прижал к горлу:

— Капитан, дай одного сапёра, пару человек прикрытия и вертушку, чтоб нам с ними до вечера по окрестностям не болтаться.

Настала пора пошарить по местным закоулкам.

…Искомое нашлось на второй намеченной точке. Новейшая ПТУРС с системами преодоления РЭБ ложными целями и повышенной скоростью. Эта бы легко преодолела защиту рейдерской машины. Универсальная тандемная боеголовка, где первой идёт кумулятивная, а за ней, с секундной задержкой, отрабатывает термобарическая часть — гарантированно уничтожила бы любую возможную цель.

Теперь посмотрим, что тут у нас.

Домингес склонился над установкой, изучая. Клейма и номера сбиты, но это уж как всегда. Экранирована. Сколько вообще возможно, укрыта от тепловизоров. Перед выстрелом ракету, собственно, поднимал вверх отдельный механизм, встроенный в станок.

Аппаратура управления, как и следовало ожидать, самоуничтожилась. Установлено всё было недавно: следы ставившего чёткие, не припорошенные пылью. Трехлучевой лазерный ретранслятор глядит в сторону. Один излучатель настоящий, два — фальшивые. Ну, то есть не фальшивые, просто направлены в никуда. Да уж, паранойя в черных секторах — это не психическое расстройство, а образ жизни.

Итак, вывод. Керро мог уничтожить и Винсента, и объект, и пришедший им на помощь вертолет со штурмовиками. Однако не стал этого делать, чтобы в будущем не навлечь на себя месть корпорации.

Он таки был ровно тем, кем казался — обычным высококвалифицированным наёмником зоны отчуждения. Умелым, злым и умным сукиным сыном.

* * *

Гостевой кабинет, выбранный Герардом Клейном, был полностью обезличен: строгий, с дорогой мебелью, широким окном (которое на самом деле было голоэкраном высокого

качества) и необходимым комплексом технической безопасности: глушилками, антипрослушками…

Массивный, совершенно пустой, если не считать голограммера и селектора, стол. Кресло с высокой спинкой. Шкафы для документов, в которых не хранилось ничего, кроме бумаги для записей и пары блокнотов.

Запах стерильности, кожи, полироля и кофе.

Взгляду не за что зацепиться, не от чего оттолкнуться. Кто ты, человек, обосновавшийся в этих стенах? Есть ли у тебя семья? Тщеславен ли ты? Каковы твои успехи и заслуги? Ни фотографий на столе, ни дипломов в рамках, ни кубков в шкафах. Ни-че-го. Да и сам мистер Клейн выглядел таким же нейтральным, как и его временный кабинет: приятный, солидный, располагающий, строгий. Именно то, что требуется для правильной работы с людьми.

Вызванный «на ковер» человек, оказываясь в таком пространстве, чувствует себя растерянным именно из-за этой выверенной ноты казённости и невозможности составить хоть приблизительный психологический портрет собеседника. Поэтому Герард, когда ему доводилось работать на выезде, старался ничем не подчёркивать своей индивидуальности. Ни в одежде, ни в обстановке. Даже стило у него в руках было не дорогим с серебряной отделкой, а самым простым, с логотипом «Виндзора» — одно из миллионов. Вот эта нарочитая усреднённость заставляла теряться людей заносчивых, а неуверенных в себе, наоборот, успокаивала.

Однако сейчас в кабинете мистера Клейна не было никого, кроме его самого и помощников. Причем, если первый — Фредерик Обье — сидел за столом напротив, то второй — Алехандро — присутствовал в виде проекции, парящей над голокубом. И как раз сейчас вдруг отвлёкся на носимый комплекс. За спиной у Домингеса была видна всё та же площадь с суетящимися людьми.

— Только что доложили: подъезд, наконец, остыл, следователи начали работу. Уже нашли наручники, — доложил рейдер.

— А тело? — уточнил Герард.

Алехандро прижал ларингофон к горлу, сказал несколько слов, выслушал ответ.

— Нет, сгорело начисто. Там три зажигательных мины было. Разве что камень не полыхал. Наручники, и те чудом уцелели. Хорошие… были. Качественные.

Рейдер сделал пару пассов руками, роясь в виртуальном меню комплекса, и планшет на столе его босса тихо дзынькнул,

извещая о получении снимка почерневших искорёженных наручников.

— Да уж, — покачал головой Герард, рассматривая фотографию. — Ну и место этот Керро выбрал для обмена.

— Место, как место, — пожал плечами Алехандро. — Для одиночки самое то.

— А почему не были выдвинуты ударные вертолеты?

— Обычная практика, чтоб не привлекать внимание раньше времени. За ударными следят куда серьёзней, чем за транспортниками. Поэтому ударные, если не ожидается больших проблем, и не выдвигают.

— Ок. А у тебя что? — обратился Клейн ко второму помощнику.

Фредерик — худощавый брюнет неприметной внешности — поправил очки-информер в тонкой оправе и сказал, мягко грассируя:

— Итак, когда стало ясно, что нападающим было известно время проведения сделки, я начал прорабатывать контакты Ленгли с момента получения им плана обмена. Выяснил следующее: по системе документооборота полный план операции не уходил. Только подготовленные приказы, ни один из которых не содержал времени. Личных контактов у фигуранта не было ни с кем, кроме как с Эледой Ховерс — ответственным секретарем рабочей группы. Я задействовал экстремальные полномочия и получил запись их беседы, которую внимательно просмотрел. Информация об обмене не передавалась. Запись прилагаю — ничего сколь-либо интересного. Далее. По пути домой Джед Ленгли не передавал эту информацию по обычным каналам. В гостевом особняке запись не ведётся.

Герард устало покачал головой:

— Всё, всё. Я уже понял, что инфы, как обычно, ноль, взять её было неоткуда, но ты в очередной раз совершил подвиг сыска. Не первый год вместе работаем. Одним словом, что и почему не вышло — я уже знаю, теперь говори о том, что получилось выяснить.

— Конечно, босс, — помощник расплылся в ухмылке. — После того, как на допросе мы выяснили принадлежность нападающих непосредственно к бандам тридцать седьмого сектора, где не так давно был установлен комплекс следящей аппаратуры, я затребовал записи перехватов, среди которых обнаружил пойманный в восемнадцать пятнадцать инфопакет. Закодирован он был одним из кодов, переданных нашими секторальными союзниками. Они сумели расколоть часть шифров, что использовали владельцы уничтоженного несколько

дней назад разведцентра…

— Я читал общую сводку операции, — оборвал его Клейн. — Продолжай.

Подчиненный кивнул:

— В перехваченном инфопакете содержался полный план обмена объекта «Фиалка» и весь комплекс приказов, включая время, приблизительное место, модель машины рейдеров, а также её комплектацию. Кстати, было указано и то, что в автомобиле Винсента Хейли есть система активного поиска оптики. Не было сообщено только точное место обмена, поскольку данная информация стала известна Винсенту уже на площади. После этого я задействовал свои знакомства в местной низовой СБ. В результате удалось узнать о существовании на территории коттеджного городка, в котором проживал командированный Джед Ленгли, радиоразведывательной сети «неустановленной принадлежности». А так как эта низовая СБ ничего не имела против работы радиоразведчиков…

— Хватит тянуть! Я знаю методы низовых СБ в районах, где работать надо, а полномочий нет. Прикормленные частники? Так и сказал бы сразу, а то «неустановленной принадлежности». Продолжай.

Фредерик в очередной раз поправил очки и перефокусировал взгляд, видимо, сверяясь с пунктами доклада в информере.

— Так вот, они получили анонимный заказ на радиомониторинг городка с четырнадцати до двадцати часов того же дня. Заказчика, конечно, мне выявить не удалось. Оплата была проведена так же анонимно — путем предоставления кода доступа к ячейке с деньгами. В общем, частники отработали и в двенадцать ночи сдали запись своим кураторам, после чего она легла в архив. Так вот! Согласно этой записи, в семнадцать пятьдесят восемь от ворот особняка Ленгли ушёл кодированный сигнал с тем самым пакетом, зашифрованным тем самым кодом!!! — Помощник устремил на босса полный торжества взгляд. — Возможно, нам даже удастся получить независимое подтверждение перехвата, так как в это время в прямой видимости от места передачи сигнала — метрах в двухстах — находилась машина Эледы Ховерс. Если я хоть что-то понимаю, радиосканер в машине такого класса должен быть непременно.

— Стоп, — прервал его озадаченный начальник. — Она-то чего там забыла?

— А вы, босс, запись из кабинета Ленгли посмотрите, — помощник ухмыльнулся и показал незамысловатый пошлый жест.

— Посмотрю, — сухо сказал Герард и добавил: — К Нейту не лезь. Сам с ним поговорю. Досмотреть машину он, конечно, не

позволит, но данные радиосканера под протокол, думаю, сдаст.

— И не собирался. Мне это не по статусу, — ответил Обье.

— Ты после этой находки запросил разрешение на обыск? — уточнил Клейн.

— Да. Факт обыска, конечно, от подследственного скрыли, оправдали внезапный переезд производственной необходимостью — появлением в городе более высокого начальства, нуждающегося в комфорте. И вас, босс, заодно жильем обеспечили. Так вот, — продолжил он, явно довольный. — В кабинете особняка, а точнее — под настольным ковриком — был найден чип с ещё одним из кодов, переданных нам секторальными союзниками. Передатчик и шифровальную аппаратуру пока не обнаружили, будем искать дальше. Чип, использовавшийся для кодирования пакета, также найден не был.

Шеф, продолжая слушать бодрый доклад, вдруг присмотрелся к помощнику внимательней:

— Зашибись работа, но ты слегка заговариваешься. Сколько ментакса уже принял? Для такого результата надо было перерыть гору инфы примерно с это здание.

Помощник не смутился и честно сказал:

— Полторы дозы, шеф. Иначе не успеть было.

Герард спокойно резюмировал:

— Тогда идешь в медкрыло, принимаешь нейтрализатор и валишься спать. Дальнейшее все равно вне твоих полномочий. А не подчинишься, отправлю приказом на профилактику мозга.

— Есть, шеф, — аналитик явно приуныл из-за неожиданного отстранения, но возражать не рискнул.

— Теперь ты, — Клейн повернулся к голокубу, который по-прежнему транслировал изображение рейдера, внимательно слушающего доклад.

— Босс, я без стимов обошелся, — вскинул ладони Алехандро.

— Планы какие?

— А-а-а. Винсент прибудет, полечу назад с ним, в пути и сразу по прибытии проведу допрос-беседу. Вертолет уже заказал, обещали дать.

— Это здешнюю пердящую железку-то? Прибудет Винсент, вызывай мой, он мне пока без надобности. В комфорте допрос-беседа лучше идёт. Код к бару спросишь у пилота.

— Спасибо, босс.

— Не для тебя, а для дела, так что не за что, — лаконично сказал Герард и оборвал связь.

* * *

Герард Клейн закрыл вкладку с личным делом агента Джеда Ленгли и задумчиво поглядел в пустоту перед собой. С того момента, как было начато расследование, прошло шесть часов. Есть три версии. Одна будет подтверждена или опровергнута в ближайшее время, по остальным двум есть планы. Главный козырь, который обеспечивает результативность в таком деле — слаженная высокопрофессиональная команда. А чтобы подчиненные трудились на совесть, нужно всего лишь давать им больше, чем они могли бы получить от твоих врагов. Это первый и единственно надёжный шаг к реальной лояльности.

Итак, что мы имеем? Подследственный вызван для беседы, в принципе, можно даже вывести на информер трансляцию с камер наблюдения — посмотреть, где он сейчас идёт. Но Клейн думал о другом. Эледа Ховерс. И это её странное, возникшее на ровном месте соблазнение Ленгли.

Может, конечно, золотая девочка решила поиграть с забавной зверушкой. Бывает, и отнюдь не редко. В конце концов, Джед не мелкая сошка, приручить такого всегда приятно, особенно девчонке, которая пусть и с перспективами, но сама ещё ничего толком не добилась. Опробовать, так сказать, могущество женских чар, понять пределы их возможностей, побравировать перед подружками, поводить высокопоставленного любовника на коротком поводке, демонстрируя завистницам извечное: смотрите, как я могу!

Что ещё? Возможен ли здесь иной интерес? И если возможен, то чей? Её? Её отца? Кого-то третьего? И в чем этот интерес заключается? А самое главное — как разойтись с ним краями, чтоб и своё дело сделать, и чужому не помешать? Если есть чужое, конечно.

Впрочем… ближайшее развитие событий уже предопределено, и каждый последующий ход вытекает из предыдущего, сообразно логике обстоятельств. А значит, если Нейт Ховерс преследует какие-то свои цели, которые могут отдалиться из-за деятельности контрразведки, то он сам выйдет на контакт с тем, кто ему по неосторожности мешает. Если же не выйдет, то у него — Герарда — руки развязаны. Само собой, Нейту ли, Эледе ли будет предложено обозначить свой интерес, если он у них имеется, конечно.

Сигнал селектора вырвал агента Клейна из размышлений — Джед Ленгли явился для прохождения беседы. Что ж, отлично. Герард выбросил из головы посторонние мысли. Сейчас надо грамотно оценить ситуацию и выстроить разговор таким образом, чтобы извлечь из него максимум информации. Причем извлечь без нахрапа, деликатно, но твердо. Эту часть своей работы агент

Клейн особенно любил — поиск подхода к людям, подбор ключика, умение настроиться на собеседника: труса брать на испуг, гордеца на унижение, сомневающегося поймать на крючок неуверенности… Они все начинают говорить в свой черед. Без физического насилия, даже без химии. Потому что тот, кто умеет слушать и грамотно вести беседу — владеет информацией. А кто владеет информацией — владеет миром.

Когда Джед вошел, Герард безошибочно уловил его раздражение, из-за непонимания ситуации, и тщательно скрываемую досаду. Не страх, не беспокойство. Уверенность в себе и своей правоте. А ещё секундное замешательство, когда не получилось «считать» личность собеседника. Быстро скользнувший взгляд, попытка выцепить хоть какой-то нюанс, который поможет вести беседу, составить портрет, дающий понимание темперамента, привычек… И осознание того, что у человека, сидящего напротив, словно бы нет индивидуальности.

— Мистер Ленгли, — доброжелательно сказал Герард, — собственно, расследование можно считать завершенным… Да вы садитесь. Ознакомьтесь пока с этими вот материалами.

Он пододвинул к собеседнику планшет.

Джед спокойно сел, взял в руки казенный девайс и пробежал глазами по строчкам. Отстранённый сразу после случившейся в тридцать седьмом секторе заварухи, он уже даже не пытался гадать, в чём его подозревают, однако столь быстрое завершение расследования его откровенно удивило. И всё же по мере прочтения агент Ленгли медленно застывал, а брови у него, напротив, ползли вверх. Наконец, дочитав, он чуть скованно протянул планшет хозяину.

— Я, — он немного замешкался и продолжил: — крайне удивлен. Данные радиоперехвата указывают на то, что именно через меня произошла утечка плана обмена. Однако я сижу здесь даже без наручников.

Герард покачал головой:

— Ну что вы, коллега, не надо так шокироваться. Я привык отрабатывать все возможные версии, а не хвататься за первую, выглядящую достаточно достоверной. Например, только что я опроверг версию вашего сознательного предательства, — гость из Центра коснулся легких очков информера. — Дистанционная энцефалограмма, как и остальные датчики, однозначно показала, что все эти материалы вы видите впервые.

— И при этом именно я таки отправил неизвестно куда инфопакет с деталями обмена, — озадаченно ответил Джед.

— Версии подсаженной вам субличности, равно как и того, что вас попросту ловко подставили, я тоже буду отрабатывать.

Подстава — вопрос отдельный, а вот как разобраться с субличностью… у вас есть выбор.

На стол перед агентом Ленгли легли две одинаковых круглых таблетки, после этого Герард придвинул к собеседнику пластиковый стаканчик с водой и пояснил:

— Левая — и вы мгновенно заснёте, после чего будете доставлены в психологическую лабораторию, где научные работники попытаются выделить и уничтожить субличность. Правая… Вы, коллега, в курсе главной проблемы при работе с субличностями?

— Самоуничтожение при раскрытии, — Джед криво усмехнулся.

— При *подозрении* на раскрытие, — поправил его Герард. — И, разумеется, самоуничтожение вместе с носителем. К тому же проблема усугубляется тем, что субличность имеет полный доступ к памяти того, кому она подсажена. Так вот, правая таблетка — амнезин. Короткого действия. Выпьете и забудете всё, что сейчас узнали. Ну, а я создам вам соответствующую рабочую обстановку, после чего будем ловить субличность на живца.

— По-моему, ответ очевиден? — Ленгли твердой рукой взял правую таблетку и забросил её в рот.

— Не сомневался в вашем выборе, коллега, — спокойно сказал Герард. — Обещаю, когда устраним ментального шпиона, я лично подарю вам видеозапись этого разговора.

Ленгли сухо кивнул и запил препарат несколькими глотками воды. Клейн наблюдал, сочувственно кивая, а про себя думал: интересно, этот Ленгли действительно так предан корпорации или банально понял, что на самом деле обе предложенные ему таблетки — амнезин?

* * *

Джед потёр лоб и замер перед дверью кабинета контрразведчика, вызвавшего его «для короткой беседы». На секунду у агента Ленгли возникло странное ощущение дежавю. Возникло и исчезло. Тут и так творится чёрт те что, не до мистики. Сейчас за этой дверью для него решится очень многое. Возможно, вся дальнейшая жизнь. Он-то, конечно, невиновен, но предстоящий разговор во многом определит количество и качество грядущих проблем. Да ещё, как назло, ничего об этом Клейне неизвестно…

Агент Ленгли уже потянулся к дверной ручке, когда створка сама собой подалась на него. Хорошо ещё, успел сделать шаг в

сторону и не столкнулся с возникшим на пороге гостем из Центра. Тот был свеж, бодр, подтянут и явно спешил.

— Прошу прощения, коллега. Срочный вызов, — торопливо извинился Герард Клейн и передал Джеду рабочий планшет. — Держите. Изучайте. Если вкратце — план обмена был перехвачен внезапно объявившимся «кротом», здесь — у нас. А сейчас прошу извинить, тороплюсь.

Ленгли, так и не успел сказать в ответ ни слова, сел на стул, сжимая планшет в руках, и проводил высокого гостя изумленным взглядом.

* * *

Эледа как раз заканчивала отчет о своей деятельности в группе «Ключ».

Вообще было до крайности занятно наблюдать в голокубе разыгравшуюся на площади схватку. А когда, через несколько минут после начала заварухи, всем участникам группы «Ключ» пришло сообщение из центральной СБ мегаплекса с настоятельной рекомендацией не покидать здание, не выходить из зон видеонаблюдения, не пользоваться закрытой связью — стало еще интереснее. Ленгли побледнел, скрипнул зубами и, что-то пробурчав, ушёл в свою комнату отдыха. Эледа же досмотрела реалити-шоу до конца. И оно понравилось ей куда больше приключений мистеров Эдтона и Рика в Зета-центре. Особенно, когда рухнул вертолёт. Ну, а по завершении грандиозной битвы смотреть стало не на что, и мисс Ховерс ушла в своей кабинет, куда на всякий случай вызвала Батча. Устраивать перестрелки в здании СБ она, разумеется, не собиралась, но личный телохранитель под боком — это не только надежная видеофиксация, но заодно и прямой канал связи с отцом. Что в сложившейся ситуации могло оказаться крайне ценным.

С тех пор прошло три часа, которые Эледа благоразумно потратила на написание отчета о своей работе, по возможности сглаживая неловкие моменты, а в случаях, когда это не удавалось, перенося ответственность на Джеда.

Она как раз добралась до описания вчерашнего дня, но на словах «После получения указания покинуть рабочее место» в дверь вежливо постучали.

— Войдите, — сказала мисс Ховерс и отодвинула планшет в сторону.

Сразу же после этого на пороге её небольшого кабинета

возник незнакомый молодой мужчина в строгом тёмно-синем костюме, белой рубашке и голубом галстуке. На лацкане пиджака незнакомца алел эмалевый значок с логотипом корпорации, а в руке гость держал элегантный портфель натуральной кожи.

— Мисс Ховерс, рад с вами познакомиться, — доброжелательно сказал вошедший и представился: — Герард Клейн, первый заместитель руководителя контрразведки по мегаплексу восемнадцать. Ну, то есть нашего с вами мегаплекса, — он улыбнулся.

Эледа спокойно поднялась, пожала протянутую руку и быстро оглядела мистера Клейна. Он был среднего роста, хорошо сложен, светловолос, с правильными, лишенными слащавости чертами лица. Рукопожатие, кстати, вышло вполне соответствующее образу: уверенное, твёрдое и уважительное.

— Присаживайтесь, — кивнула мисс Ховерс на стул.

— Благодарю.

У представителя контрразведки были приятный хорошо поставленный голос и безупречные манеры. Он даже линзы очков-информера нарочно сделал прозрачными, чтобы не отгораживаться от собеседницы и дать ей возможность смотреть при разговоре в глаза.

— Вот мой жетон, — он передал простой жетон СБ.

Эледа достала из ящика стола портативный сканер, провела им по гладкому пластику. Все, разумеется, подтвердилось.

— Расследование практически завершено, и, собственно, вопросов к вам у меня нет, — пояснил мистер Клейн, — но есть некоторые нюансы, которые необходимо прояснить. Наш разговор будет записываться. Вы позволите?

Это уточнение было исключительно вежливостью. Человек такой должности и такого статуса мог вообще ни о чем не спрашивать. Тем более что ни мисс Ховерс, ни кто бы то ни было еще, в принципе, не имел права отказываться от видеофиксации беседы с представителем контрразведки. Однако Герард Клейн спокойно ждал ответа собеседницы.

— Разумеется, — кивнула Эледа.

Батч расслабленно откинулся на стуле в углу и даже чуть зевнул, будто подчеркивая, что вовсе не обращает на происходящее внимания. Девушка про себя фыркнула: ну уж настолько-то переигрывать не надо. Клейн, словно уловив её иронию, усмехнулся. Впрочем, без издевки. После чего незаметно подмигнул собеседнице, положил на стол голокуб, трансформировал его в плоскость и, пролистывая меню, сказал:

— Мисс Ховерс, вы, разумеется, непричастны к произошедшему, о чем уже проставлена соответствующая отметка

в досье, но как, по-вашему, эта история отразится на вашей карьере? — гость вывел в рабочее пространство голограммера отдельно оформленный отчет по Эледе с четко видимой визой «непричастна».

Девушка вздохнула:

— Тень на репутацию уже брошена, так что, несмотря на отметку, о повышениях можно забыть года на два.

Собеседник серьёзно посмотрел на неё и ответил:

— Возможно, не придется. Для этого я и пришел. Помимо отметки «непричастна», в досье можно поставить еще и отметку «фармакологически подтверждено». Ознакомьтесь со списком вопросов, — он открыл в голоплоскости новый документ и напомнил: — В данном случае выбор, разумеется, за вами.

Эледа пробежала глазами по тексту: «Видели ли вы план обмена? Был ли у вас доступ к плану обмена? Отправляли ли вы план обмена третьим лицам?» и далее в том же духе ещё пунктов шесть-семь. Ничего сверхъестественного или двусмысленного.

— Ваш представитель — вот, — он повернулся, указывая на Батча. — Прямая видеосвязь с вашей семьей у него есть. В случае выхода за очерченные рамки он, естественно, немедленно прервёт допрос.

— Да, я согласна, — практически без раздумий ответила Эледа. — Скрывать мне нечего.

— Тогда приступим, мисс, — с этими словами представитель контрразведки развернул изображение так, чтобы его мог видеть Батч, и положил на стол свой портфель, из недр которого достал голубой пластиковый футляр с допросной химией. Одним коротким движением мистер Клейн подвинул футляр в сторону замершего возле своей подопечной телохранителя. Тот взял фармнабор, проверил и разорвал упаковку, осмотрел электронную пломбу на крышке и вскрыл чехол, после чего извлек на свет шприц и ампулу бледно-розовой инъекции.

Пока телохранитель открывал ампулу и проверял анализатором химсостав препарата, пока читал вердикт, выданный на очки, Эледа смотрела на своего собеседника. Выглядит молодо. Слишком молодо. Лет на тридцать — тридцать пять. Держится уверенно, свободно, но очень учтиво, без заносчивости. Он точно старше Джеда, но определённо младше отца…

— Мы раньше не встречались? — уточнила девушка.

Мужчина кивнул:

— Возможно. Я некоторое время назад работал с мистером Ховерсом. Всё в порядке? — обратился он к Батчу.

Телохранитель кивнул.

— Тогда включайте видеотрансляцию, — с этими словами агент Клейн активировал запись. — Прошу вас.

Эледа сбросила форменный пиджак, закатала рукав блузки и протянула руку Батчу. Телохранитель наполнил шприц, протёр сгиб локтя мисс Ховерс дезинфицирующей салфеткой, профессионально ввёл иглу, надавил на поршень.

Агент Клейн посмотрел на часы, выжидая положенные тридцать секунд.

Эледе показалось, будто её заворачивают в душное тяжёлое одеяло. Тело вдруг стало неповоротливым, мысли замерли. Как ни пыталась она думать, рассудок сковало равнодушное отупение.

— Можем начинать. Пожалуйста, представьтесь, назовите себя, свою должность, свой статус в группе «Ключ»…

…Очнулась мисс Ховерс так же постепенно, как отключалась — словно поднимаясь из глубины на поверхность. Медленно-медленно спало тяжёлое оцепенение, ушло безразличие, отступило безволие, в голове снова начали ворочаться мысли. Сперва лениво, будто в полусне, потом быстрее, быстрее…

Она моргнула и посмотрела на собеседника, а тот указал на рабочую плоскость голокуба — в досье мисс Ховерс рядом с визой «непричастна» уже стояло добавление: «фармакологически подтверждено» и ссылка на протокол допроса.

— Вижу, вы пришли в себя, — улыбнулся Клейн. — Собственно, правда-пятиминутка для того и придумана, чтобы быстро и, не выбивая человека из рабочей колеи, что-то проверить. Очень щадящее средство. Кстати, мои поздравления — у вас отличный телохранитель. Собственно, Нейт всегда славился экстравагантным, но при этом крайне эффективным подбором людей, — он внимательно посмотрел на Батча.

Эледа завернула обратно рукав блузки, застегнула пуговицу. Мысли уже пришли в норму, и фрагменты головоломки сложились в единую картину.

— Батч, оставь нас, — коротко приказал девушка.

Телохранитель оторопел, однако быстро взял себя в руки — достал из внутреннего кармана небольшой цилиндрик с кнопкой в торце и протянул подопечной.

— Отжатие кнопки я буду считать основанием для тревоги, — и добавил в ответ на гримасу Эледы, — согласно условиям контракта вы обязаны подчиняться требованиям в области безопасности.

— Где-то я это уже слышала, — пробурчала Эледа.

Батч, предупреждающе глянув на СБшника, вышел, закрыв за собой дверь.

— Мисс Ховерс, — сказал агент Клейн, — то, что я вам сейчас сообщу, секретно. Поэтому разглашение третьим лицам принесёт вам серьёзные проблемы. Вплоть до увольнения из СБ. Если вы не согласны, одно ваше слово — и я удаляюсь. А это, — он кивнул на чехол от химии, — останется моим вам подарком. Признаться, было приятно его сделать.

— Если вопрос касается моей личной безопасности, я обязана сообщить отцу и главе его СБ.

— Понимаю. Им можно, допуск позволяет, — собеседник словно подобрался. — Итак, организаторы засады имели доступ к полному плану обмена объекта «Фиалка». Мы выяснили источник утечки — это Джед Ленгли, — он вскинул руку, останавливая вопрос Эледы. — Чуть позже по результатам применения технических средств мною были отброшены подозрения в осознанном предательстве. И сейчас основная версия — подсаженная субличность. Сам Джед Ленгли на данный момент считает, что утечка произошла через другой источник, а он к случившемуся непричастен, — мужчина развел руками. — Увы, у субличностей есть отвратительная привычка самоликвидироваться при раскрытии, а заодно ликвидировать носителя. Итак, для полноценной проработки этой версии необходимо создать соответствующие условия, на обеспечение которых мне необходимо около полутора недель. И я, учитывая ваши особые отношения с подследственным, прошу вас на протяжении этого срока не менять поведение и заодно незаметно контролировать агента Ленгли.

Эледа задумчиво смотрела на собеседника и молчала. Тот терпеливо ждал, не торопя с ответом.

— Три условия, — мисс Исполнительная Сотрудница исчезла, и теперь за столом сидела мисс Корпоративная Хватка. — Первое. Сегодня вечером я лечу домой и сообщаю отцу про необходимость работы с субличностью, после чего он обеспечивает мне достаточную степень безопасности. Не в ущерб задаче, разумеется. Второе. Самое позднее через две недели вы обеспечиваете мне ровное и спокойное расставание с Ленгли без репутационных потерь и вражды. Собственно, это и в ваших интересах тоже. Третье. После выполнения вашего задания я получаю участие в перспективной операции, которое позволит мне быстро вырасти в должности и ответственности.

Гость зааплодировал:

— Великолепно! Ваши условия приняты, мисс Ховерс. Через десять минут запрет на выход из здания будет для вас снят, а завтра к вечеру я жду вас для инструктажа.

Эледа мило улыбнулась. И теперь напротив гостя сидела

мисс Юное Очарование. Поразительный артистизм.

* * *

Винсент прошелся туда-сюда по тесному «сержантскому» номеру СБ-шной гостиницы. Взгляд невольно упал на рекламный проспект прикрепленного к заведению борделя. С глянцевой обложки смотрела, неестественно изгибаясь, девка с губищами, волосищами, ресницами и томно приоткрытым ртом. Взгляд, правда, у нее при этом был такой, будто она мечтала не ублажить клиента, а сожрать живьем… Тьфу. Номер сержантский, и бляди придут сержантские. А после Су Мин о них даже думать не хотелось. Да чего Су Мин. Любая из девчонок Мэрилин этим вечно замотанным работницам горизонтальной плоскости сто очков вперед даст.

Винс подошел к окну и вгляделся в панораму никогда не спящего города: уличные фонари, вывески, билборды, витрины, свет автомобильных фар, сияющие эстакады… Беззаботность сытой безопасной жизни. Всего-то пять дней прошло, а он уже отвык.

Интересно всё-таки, как оценит Алехандро Домингес результаты допроса, учиненного рейдеру на обратном пути в чистую зону? Пусть этот допрос и был замаскирован под ненапряжную беседу двух коллег за стаканчиком хорошей выпивки. Однако вертолет был частный, пойло до неприличия дорогое, а сам Домингес уже несколько лет как ушел из корпуса. Но, надо отдать должное, проделал всё более чем деликатно. А по прилете выдал ключ-карту от этого вот номера. Ну да, не в камеру же сажать.

Хотя обвинить Винса и не в чем, однако выпускать его из вида тоже не торопятся. Сейчас, небось, просматривают запись беседы, вызвав для экспертизы пяток психологов: отслеживают взгляды, жесты, мимику, паузы и междометия, сверяют их с показаниями беспроводного детектора лжи. Смотрите, смотрите… Всё равно ничего не увидите. Главное — с фармдопросом вы связываться не стали. Уж очень много условностей и правил надо соблюсти, чтобы допрашивать своего без веских доказательств вины. Вот и славно.

Очень хорошо, что дали связаться с отцом Эледы. Он, конечно, выражал недовольство (как же — его человека временно вернули в штат и использовали!). Зато потом отдал четкий приказ: быстрее разруливать формальности и возвращаться к работе. В случае проблем и заминок немедленно сообщать ему.

Так-таки двойное-тройное подчинение, если его правильно юзать, реальный рулез.

Но всё равно очко жим-жим. И волей-неволей вспоминается подстраховка Керро… Вот же дальновидная сволочь! Аж завидки берут! Подкрепил инфу материальным свидетельством… он — Винс — так не смог. А может, стоило обезопаситься по максимуму? Не может. Стоило. Но засада в том, что реальных доказательств у Винса ни хрена нет. А просто инфа сама по себе не стоит НИ-ЧЕ-ГО.

Хотя, скорее, это только к лучшему, шантажа ему бы не просто не простили, а, наоборот, нашли бы способ нейтрализовать максимально быстро и аккуратно. Одиночка против системы — ничто.

Ну, а раз не можешь получить реальные гарантии безопасности — продемонстрируй лояльность. Однако действовать, опираясь только на чужое слово, зная, что если заказчик его нарушит, то критичных потерь не понесёт, а вот ты сам окажешься в полной жопе… Нервов сгорает больше, чем если в засаду влететь.

Винсент отошел от окна и, не раздеваясь, плюхнулся на койку.

Но как же не повезло. Эта самая «Фиалка» сорвалась в самый неподходящий момент. Оставалась, конечно, надежда, что девка налетит на противопехотную, а дальше — жгут и экстренная эвакуация. Без ноги бы осталась, конечно, так ведь медлаборатории на красоту и целостность пофиг. Вот только после трёх зажигательных мин, усиленных химией, от долбаной «Фиалки» не осталось даже лепестков, в смысле — ДНК на анализ. Сука.

Рейдер мрачно усмехнулся. Радовало его во всей этой ситуации только одно: терзаться неопределённостью предстояло недолго. Завтра все непонятки, относительно его дальнейшей судьбы, разъяснятся. Узнать, что именно решили наверху, будет просто. Если вечером Винс вернётся с рейдерского этажа в этот номер — значит, всё прошло успешно и ему останется только дождаться награды за то задание, которое он-таки выполнил. Обещано было «все что угодно, в разумных рамках». Возвращение в штат и резидентура в тридцать седьмом — в разумных.

Если же попробуют разоружить, задержать или потащат в допросный блок… что ж, пистолет есть. Шансы на прорыв, правда, практически нулевые, ну и хер с ним.

В конце концов, он ведь никогда не планировал доживать до старости.

* * *

Двадцатью этажами выше Джед Ленгли со злостью пнул изящный журнальный столик и проводил взглядом упавший на ковер проспект «прикрепленного» борделя.

Само собой, для генеральского люкса блядовник обозвали эскорт-агентством. И девки ничего так. Ухоженные. Правда, и насиликоненные по самые брови. Тьфу.

Но что ж за невезуха-то! Такой был шанс… и нате вам: утечка из-за внезапно активировавшегося «крота», а в итоге — полный провал. Досадно. Коллега еще этот из высших корпов. «Прошу прощения, срочный вызов». Ёпть. И потом менеджер из хозперсонала: «Мистер Ленгли, приношу глубочайшие извинения за доставленные неудобства, но снимаемый для вас коттедж передан другому агенту…» Другому! Знаем даже, кому именно… «Вам предоставлен номер-люкс в отеле. Вещи уже перевезены курьерской службой…» «Коллега», тварь! Показал, кто здесь начальник. И ведь не рыпнешься.

Но, мля, такой провал с этой, мать ее, «Фиалкой»! И ведь буквально в последнюю секунду, когда казалось, что дело сделано, срыв. Единственный, кто по итогам случившегося остался хоть в какой-то прибыли, так это Винсент. Сделанное Джедом представление на возврат мистера Хейли в штат рейдерского корпуса сработало, и обратного хода ему уже не дать: нелегально задействовать кадровичку, когда сам под колпаком — дураком быть.

А ведь от одной мысли, что завтра кто-то порадуется, Ленгли всего корежило. Мало того, что Винсу выпал незаслуженный куш, так теперь ещё придётся объяснять Эледе, почему она не получит мятежного телохранителя в свои острые коготки.

При воспоминании о мисс Ховерс мысли Джеда сами собой вернулись к сегодняшнему утру и более чем приятному, хм, событию в машине по дороге на работу. А, может, и обойдется? Вроде золотая девочка из норовистой стала вполне покладистой.

Взгляд вернулся к проспекту — заказать, что ли? Все равно Эледа у родителей — поехала забирать пса, из-за которого мать уже несколько дней оттаптывалась ей на нервах. Шлюхи, конечно… Но номер-то — люкс. Так что и шлюхи будут люксовые.

* * *

Герард Клейн сидел в кресле и задумчиво смотрел на рыбок, неспешно плавающих среди искусственных водорослей. Пламя

плясало в чаше камина, и это зрелище — подводной жизни и танца огня над ней — завораживало. А ещё отлично успокаивало и упорядочивало мысли.

На первый взгляд, всё прекрасно сходилось. Субличность Ленгли вписывалась в общую картину событий очень даже изящно. Чуть-чуть поэкспериментировать с ней, чтоб определить, на что срабатывает. Выяснить, кем подсажена, и вот он — отличный канал дезинформации. А уж моральный облик объекта, подвергшегося подсадке, и вовсе на загляденье. Откровенная посредственность, прорвавшаяся к верхним эшелонам корпоративной элиты благодаря поистине бульдожьей хватке и невероятной ловкости в приписывании себе чужих достижений. Равно как и спихивании на других своих провалов.

Ходили слухи, будто даже патрон агента Ленгли сильно сожалел, что когда-то поддался этой способности своего протеже. Пользы корпорации от такого сотрудника — мизер, зато вреда, который он наносит, затаптывая других, более толковых — уйма.

Хорошо, что всё быстро разрешилось. Но не давали покоя кое-какие мелочи, выпадающие из общей картины событий. Вот, например, что Эледа, пусть молодая, но отлично воспитанная девушка из элитарной семьи, могла найти в этом Ленгли? Зачем она с ним связалась? С какой целью? Чью игру играет? Наручники, опять же, найденные на месте гибели объекта. С какого перепоя секторальный рейдер воспользовался таким странным спецсредством? Почему не надел на девчонку одноразовые, пластиковые, которые и легче, и удобней? Почему Эледа так легко согласилась следить за своим любовником? Верность корпорации? Не смешите. Хотя… конечно, выторговала она себе за это более чем приличный бонус.

И всё равно странно. Разумеется, вердикт по произошедшему уже вынесен и отправлен в Центр: утечка из-за субличности Джеда Ленгли, перевод его на спецпрограмму. С остальными пусть разбирается непосредственное руководство, материалы переданы. Но за пятьдесят с лишним лет жизни, из которых тридцать приходились на работу с людьми, Герард прекрасно усвоил ряд элементарных истин. И одной из самых важных была самая же простая: тот, кто верит первой, пусть и самой правдоподобной версии, на своем посту долго не удержится.

Как этот самый Ленгли.

Клейн, наконец, оторвал взгляд от аквариума, встал и прошел в кабинет, достал из ящика стола блокнот со стилом, после чего снова вернулся в гостиную.

На листе беспорядочно возникли записи «наручники», «Эледа Ховерс», «Ленгли»… В сторонке в большом круге «образцы

Фиалки» и стрелочка за край листа… Затем Герард внезапно прервался и замер, устремив невидящий взгляд в пустоту. После чего осторожно, будто боясь спугнуть возникшее озарение, написал вверху листа: «Фиалка», а рядом «Зета-центр». Посмотрел задумчиво на то, что получилось, после чего усмехнулся, выдернул лист из середины и написал первый пункт: «Найти Керро».

Спустя семь дней

Обними меня, обними меня, родная!
Видно, не видать, видно, не видать нам рая.

Сергей Шнуров «Родная»

В «Хризантемах» народ работал привычный, удивить его было сложно. Так что двое младших бонз, тихо сидящих за столиком в углу, не вызвали у персонала ни малейшего интереса. Все в секторе уже знали, что вечером Ушлый и Старший объявят, кого же признают новым авторитетом взамен пропавшего Бивня. И мало ли чего нужно доутрясти? Не странно даже и то, что корейцев вместо дипломата и переговорщика Среднего представляет улыбчивая Су Мин — «младшая по особым поручениям». Может, что-то… особое доутрясти надо?

К тому же связистка и помощник Ушлого по хитровыебанности друг друга стоили. Национальное, что ли? Батый, конечно, не был корейцем, но ведь и не белый: черты лица азиатские, но комплекция и рост вполне как у европейца.

— Как тебе удалось вытащить Бивня из логова? — тем временем спросил собеседник Су Мин. — Он же на самое дно залег, когда узнал, что ты на него охотишься.

— Удивительно, но не залег, будто не знал… а выманить, о-о-о… — девушка улыбнулась и закатила глаза. — Долго ли, умеючи?

Она расправила плечи и слегка покачала ими, отчего высокая грудь под обтягивающей футболкой обозначилась ещё чётче.

— Я поверил! — хохотнул Батый. — Если не секрет, куда тело сныкала?

— Решил цветов отнести на могилку?

— Конечно, и поссать сверху, чтоб прижились получше, — он отхлебнул пива. — Просто и я, и Ушлый хотим быть уверены, что этот гондон внезапно не всплывет где-нибудь, как оно у гондонов иногда случается.

Девушка чуть прищурилась:

— Хочешь уверенности — поспрашивай крысок в Вонючей Дыре. Глядишь, и отыщутся те, которые Бивня сожрали. Может, они тебе даже его кости продадут, если не сгрызли. Выпилишь какую-нибудь хрень. Дави'Ро, например. Или брелок для ключей.

Батый покачал головой и спросил уже без прежней иронии:

— Неужели живьем скормила?

— Ты меня с сестрой не путай, — Су Мин чуть обиженно посмотрела на собеседника и спокойно продолжила: — Просто зарезала. Парализованного.

Она тепло улыбнулась воспоминаниям и помешала соломинкой коктейль.

Собеседник откинулся на стуле.

— Много бы я дал за информацию о вашем госте, — словно мимоходом обронил он.

— Как вернётся, попробуй, — тихо засмеялась кореянка. — А я бы много дала за информацию о межсекторалах, с которыми вы работаете. Махнёмся, не глядя?

— Соврёшь ведь.

— Так и ты тоже. Ну? За взаимопонимание?

Тонкое стекло коктейльного бокала весело звякнуло о массивную пивную кружку. Младшие бонзы, сделав по глотку, задумчиво умолкли.

Батый прикидывал, как вести новую игру и как вызнать, кем именно является гость корейцев. Надо хотя бы попытаться предугадать последствия его возвращения в сектор. А еще ближайший помощник Ушлого искренне радовался, что когда-то давно прислушался к своему чутью, которое тихонько посоветовало: «Не лезь к этой няшке. Непростая. Пусть другие сперва попробуют». Воистину — непростая!

Что ж, игра началась, интересы обозначены, обе стороны сделали первый ход навстречу сотрудничеству.

Су Мин, как ни смешно, думала почти о том же, о чем и собеседник — о новой игре, о том, как её вести, о возможных рисках и способах их избежать. Удовлетворится ли корпорация Винсента одной лишь резидентурой? Вдруг решит всерьез подмять под себя сектор? Впрочем, для Су Мин и её людей никакой разницы. В крайнем случае, просто ускорят приближение давно лелеемых планов, вот и всё. А ещё внутренний карман куртки приятно утяжеляли три ключ-карты — внезапный свежий след одной очень давней истории. Физическое подтверждение старой легенды мегаплекса. Надо ж было наобум по смутному подозрению дать задание шакалятам и… сорвать джек-пот. Да, контакт с межсекторалами теперь нужен более чем. С другой стороны, Батый назвал свою цену за информацию.

Игра началась. Первый ход уже сделан. Ставки велики. Но и куш ожидается немалый.

— Батый, — кореянка прервала молчание, — давно интересно: откуда у тебя такое странное прозвище?

— Не поверишь, — хмыкнул собеседник. — Керро задарил. Он меня, когда первый раз увидел, сказал: «Ого. Вот так Батый!» Я потом Ушлого спросил, что это значит, оказалось, давным-давно был такой бонза. Реально крутой. Не в обиду Керро сказал. В общем, прицепилось.

Су Мин улыбнулась и снова сделала глоток коктейля. Забавно получается: человек из сектора исчез, словно его и не было — никто не знает, кто он, никто не знает, где он, никто не знает, откуда он. А память осталась. В таких вот мелочах. Тут Керро кого-то грохнул, там кото-то наказал, здесь кому-то дал прозвище… Не забудут его ещё очень долго, это уж точно. Интересно, а он сам хотя бы однажды вспомнит обитателей тридцать седьмого? Хоть кого-то?

Кореянка едва заметно вздохнула и залпом осушила бокал.

* * *

Вилла Ховерсов на мексиканском побережье впечатляла: полсотни гектаров охраняемой территории, частный пляж, прогулочный пирс и пирс для яхты, малая прогулочная субмарина, каскадный бассейн, спускающийся от основного здания, огромная веранда, панорамные окна во всю стену, каменные дорожки, буйство цветущих кустарников… Ослепительно белый песок резко контрастировал с голубизной морской воды и сочной зеленью газонов. Путь к этому раю перекрывали четыре (только явных!) линии безопасности. Внешняя и внутренняя — корпоративной СБ, а также внешняя и внутренняя, контролируемая уже СБ Ховерсов. А сколько по пути от аэродрома было неявных линий защиты, Винсент мог лишь гадать. Он со своим опытом заметил две, но был абсолютно уверен, что в действительности их куда больше.

Уже за коваными воротами, пройдя последний явный пост, рейдер взял прогулочный электрокар и отправился к нанимательнице. Быстро миновал роскошную хозяйскую зону и поехал по якобы диким джунглям, через которые, тем не менее, протянулись ухоженные дорожки.

Интересно, старый лис Нейт Ховерс здесь чего-нибудь спрятал? С одной стороны — очевидное место. С другой — именно поэтому большинство решит, что уж здесь-то прятать и не надо. Хе! А Нейт, скорее всего, просто бросил монетку и действовал уже по тому, что выпало. Впрочем, меньше знаешь — крепче спишь.

Наконец, кар вынырнул из тенистой чащобы на вьющуюся

между высоких кустов олеандра гравийную дорожку. Рядом на небольшом пятачке была устроена маленькая парковка.

Дальше пешком.

Он шёл неторопливо, слушая, как шуршит под ногами гранитная крошка, шелестит ветер в листве и шумит прибой. Больше никаких звуков, кроме звуков природы, здесь не было. Непривычно. Дорожка вильнула, огибая очередной цветущий куст, и перед Винсентом раскинулся ровный газон. Справа возвышался уютный одноэтажный особняк, за которым блестело на солнце зеркало бассейна, а слева начинался белый пляжный песок, спускающийся к кромке прибоя, туда, где высились стройные пальмы, и стоял под широким соломенным зонтиком шезлонг.

На шезлонге лежала стройная светловолосая девушка в огромных солнцезащитных очках. Наслаждалась покоем. Красивая женщина, красивый вид, шум волн… Идиллическая мирная картинка — олицетворение неги и спокойствия. Вот только красивой женщиной была Эледа Ховерс, что значительно снижало градус безмятежности.

Зато никого вокруг, и в море тоже никого до самого горизонта. Нет, рано. Винс посмотрел на небо. Приватность приватностью, а беспилотники ещё никто не отменял.

Он неторопливо пошел вперед.

Услышав шаги, мисс Ховерс лениво сдвинула очки и посмотрела снизу вверх на подошедшего.

— Мистер Хейли, — протянула она. — Я прямо-таки отказываюсь верить своим глазам, неужто это *вы* вернулись *ко мне*?

Винсент спокойно ответил:

— Похоже на то.

— Удивительно, — она окинула его цепким взором: безупречно сидящий светло-серый костюм, белизна рубашки, легкие дорогие туфли — олицетворение цивилизованности.

— Ничего удивительного, — ответил он. — Мистер Ховерс распорядился — я вернулся.

Эледа насмешливо вскинула брови:

— А как же ваша договорённость с агентом Ленгли?

— А ваша?

Собеседница, наконец-то, поднялась с шезлонга.

— Судя по тому, что вы стоите здесь при параде — прекрасно, — сказала она.

Винс явно сдержал смешок, а девушка спросила нарочито сочувственно:

— И как вы после отлучки? Галстук не душит?

— Пока справляюсь.

— Кстати, — она накинула на плечи невесомый пляжный халат и продолжила: — Мистер Ховерс, коего вы снова весьма к месту упомянули, передал вас в полное моё распоряжение.

— Слово нанимателя — закон, — ответил рейдер ровным голосом.

— Всё-таки хорошо, что вы это понимаете. Мне повезло.

И Эледа, больше не обращая на него внимания, направилась к особняку.

Винсент отправился следом. Смотрел ей в спину и думал: до чего самоуверенное создание. Привыкла получать, что хочет. А хочет всегда либо самое лучшее, либо самое труднодоступное. Но и то, и другое легко и непринужденно идёт ей в руки: красота, роскошь, защита, незыблемость положения…

— Мистер Хейли, — Эледа, словно прочитав его мысли, обернулась. Черные линзы очков сверкнули на солнце. — Ускорьтесь. Я хочу поскорее услышать подробности того, как вы выкрутились после столь блистательного провала. Кстати, смотрю, у вас при себе пистолет такого размера, будто вы пытаетесь компенсировать им свое пострадавшее эго.

И она снова пошла вперед.

Телохранитель молча двинулся дальше.

Особняк встретил прохладой, уютом и элегантной роскошью. Мебель, детали интерьера — всё было выполнено в национальном колорите с безупречным сочетанием простоты и эффектности: белые стены, яркие подушки на диване, пестрый ковер на полу, кресла цвета сочной охры с небесно-голубой обивкой. И конечно, никаких искусственных материалов.

Эледа прошла вглубь комнаты к стойке бара и приоткрыла шкафчик, где стояла посуда.

Вот теперь время. Винсент чуть отвел борт пиджака.

Едва слышно щёлкнул фиксатор кобуры, и в руке рейдера появился большой чёрный пистолет.

* * *

Тихий щелчок заставил Эледу обернуться. Она на мгновенье застыла, глядя на стоящего напротив мужчину, а потом взвизгнула и бросилась вперёд.

— Винс! — девушка одним прыжком взлетела на него и повисла на шее, радостно хохоча. — Ты мое СОКРОВИЩЕ!!! Ты даже не представляешь, *какое* ты сокровище!

Ему пришлось подхватить её под бедра, чтобы не дать упасть,

а Эледа смачно поцеловала рейдера в губы.

— Так расскажи, — предложил телохранитель, улыбаясь.

Но она ещё некоторое время висела на нём, душа в объятиях и продолжая смеяться. Наконец, высвободилась и протянула две пустые стопки, которые всё это время держала в руках.

— Значит, слово нанимателя — закон? — по-прежнему лучась от счастья, спросила девушка и, когда собеседник кивнул, предложила: — Тогда наливай.

Из большого черного «пистолета» в стопки полилась текила. Стекло звякнуло о стекло, Эледа без всякого жеманства опрокинула в себя рюмку, поставила её на столик и легонько потянула Винсента за столь ненавистный ему галстук.

— Видишь, Винс, от галстуков тоже есть толк, — мурлыкнула девушка, развязывая узел. — М-м-м… двойной виндзор, как символично…

Рейдер хмыкнул:

— Ладно, ладно, один раз польза от этой удавки действительно была.

— Один. Но какой! — торжествующе сказала Эледа и стянула означенную удавку с его шеи.

— Кодовой фразе ты сопротивлялась не меньше, — напомнил Винсент. — А она тоже пригодилась.

Эледа наморщила носик. Как всякая женщина, она очень не любила, когда ей напоминали о собственной неправоте и упрямстве.

— У меня были сомнения в её универсальности, — сказала она. — А не в необходимости.

— Теперь сомнений нет?

Мисс Ховерс, глядя собеседнику в глаза, со вкусом произнесла:

— «Ты приставлен к этому телу, чтобы его хранить…» Да, теперь подтверждаю: фраза универсальна. Применима к любой ситуации и может быть произнесена любым тоном — от гневного до пессимистического. Меня куда сильнее волновало, что ты верно уловишь провокацию именно на открытую ссору. Поэтому пришлось отработать на самой высокой ноте. Для максимальной убедительности. Налей ещё.

Винсент снова наполнил стопки. Текила была отличной, даже без соли и лайма пилась очень легко.

— Так вот, — Эледа потянула его на диван. — Повторюсь, ты — сокровище. И играть с тобой в четыре руки крайне приятно. Это редкость. К слову говоря, мне понравилось таскать тебя за галстук. Думаю, Ленгли, когда просматривал трансляцию с видеокамеры интернатского туалета, совсем тебе не завидовал…

— Если бы он знал, что в процессе таскания ты суешь мне записку с указаниями, то думаю, не завидовал бы нам обоим. Нам бы тогда вообще никто не завидовал.

— Да брось, — собеседница легкомысленно махнула рукой. — Не преувеличивай его всемогущество. Он скользкий, изворотливый, самоуверенный, нахрапистый…

— Ого, сколько похвал!

Она снова рассмеялась:

— Но сокровище все равно ты, а не он. Так вот, он кто угодно — лжец, шантажист, коварная тварь, — но не стратег, Винс. Совсем не стратег. Такие лезут наверх из низов, лезут успешно до поры до времени, но, в конце концов, всегда срываются. Причем, падая, увлекают за собой немало других дураков. Потому их общее падение всегда сопровождается гулким эхом. Зато и тишина, наступающая после, приносит немало пользы…

Винсент задумчиво смотрел на собеседницу — она сидела рядом в одном прозрачном халатике и купальнике, белая ткань которого красиво оттеняла золотистое от загара тело. Эледа была без макияжа, отчего казалась совсем юной — яркие голубые глаза, выгоревшие ресницы, взлохмаченные и ещё влажные после купания волосы. Однако стоило ей начать говорить или что-то объяснять, как из-под образа бесшабашной непосредственной девчонки проглядывал иной, гораздо более опасный. Очень привлекательный.

А еще в мисс Ховерс неуловимо угадывалась порода. Хищная и кровожадная порода. Винс вдруг заметил (именно в этот момент, когда она сидела рядом с ним и не играла очередную роль), сколь сильно Эледа похожа на отца. Раньше он не улавливал между ними родства, но сейчас… взгляд, который внезапно становится прожигающе пристальным, а потом в нём словно рассеивается туман предостережения, поворот головы, манера вскидывать бровь или хмуриться. Сейчас, когда она отбросила свои многочисленные, но такие убедительные образы — капризной золотой девочки, надменной начальницы, застенчивой практикантки, женщины-вамп, исполнительной сотрудницы, доброй подруги… Черт, да сколько же у нее обличий? И есть ли настоящее?

А ведь она права. Ленгли не был стратегом. Смотрел вширь, но не вглубь. Анализировал, но упускал детали, считая их незначительными. Тогда как в играх, которые ведёт корпоративная элита, именно деталям уделяется максимум внимания, потому что именно на мелочах проще всего проколоться. Оттого Джед и не заметил у себя под носом интригу с кодовыми фразами и записками. «Ты произносишь, и я

понимаю, что нужно подыгрывать», — говорил в свое время Винсент. И Эледа отыграла, как по нотам, представ перед Ленгли — охотником за компроматом — в образе легкой добычи, которая поможет пробиться в высшие эшелоны власти.

Дурак Джед проглотил наживку вместе с крючком, а потом ему было уже не сорваться, ведь он поверил в то, во что его заставили верить: чрезмерно амбициозная, капризная дочь в конфликте с отцом и матерью, лишенная уважения даже со стороны собственной охраны. И очень удобен в этом плане оказался телохранитель, готовый пойти на всё, чтобы вырваться из коготков злобной стервочки. Их обоих можно использовать, сперва друг против друга, а затем по ситуации, как будет выгоднее. Ленгли не прогадал. Он *не предугадал*. Иронично. А ведь Эледа решила сыграть вслепую — экспромтом. Получилось. Винсент, отправленный за периметр её врагом, работал там, будучи её союзником. И вот этого Джед не предусмотрел.

Всё дальнейшее было исключительно делом техники: попасть в чёрный сектор, заняться розысками Айи Геллан, а попутно созданием компромата на агента Ленгли. Подставить его оказалось крайне просто: неявно добыть коды «конкурирующей» организации (спасибо, Су Мин), затем отправить эти коды и план операции отцу Эледы (спасибо и тебе, Цифрыч), организовать засаду на самого себя (почти удачно вышло, Керро) и… ждать.

Честно говоря, Винс не представлял, как со своей стороны организует подставу семейство Ховерсов. Ленгли прослушивал все их разговоры — ему это было вполне по статусу: звонок Эледы Винсу в чёрный сектор, созвоны Эледы с родителями, переписку с отцом. Пользоваться клановой закрытой связью — насторожить. А передача кодов и, тем более, подбрасывание чипа в особняк *агента СБ* — это спецоперация ничуть не слабее рейда Винсента. Он, по крайней мере, действовал там, где нет тотальной слежки. А тут… одних киборгов хватит, чтобы просветить любой объект практически до костей, плюс место жительства агента СБ такого ранга *никогда* не разглашается. Но гляди ж ты. И подбросили, и не погорели. А главное — так чётко сделали! Понять бы ещё, каким именно образом…

— Ты чего завис? — спросила Эледа, отбрасывая с плеч волосы.

— Мне любопытно, как получилось обойти всю эту охрану, киборгов, слежку…

Девушка рассмеялась. И медленно расстегнула первую пуговицу его рубашки.

— Это просто… Когда ты знаешь, что письма читаются, а разговоры прослушиваются, достаточно лишь правильно писать и

говорить. Делать нужные акценты. Например, отец посоветовал мне быть осторожной и предостерег от ненужных рисков, однако дал понять, что устранение Ленгли представляет для нашей семьи особый интерес. И я начала работать, — она засмеялась. — Тебя за галстук таскать. Или другая ситуация. Ленгли не повезло передо мной провиниться. Он должен был загладить вину. Для этого он сделал заказ в моем любимом ресторане, о чем я мимоходом сообщила маме. Мама услышала главное — ресторан и блюдо. Затем ты прислал коды. Их передали мне с родительским подарком — кучей барахла для маленькой собачонки. Затем ещё проще: су-шеф моего любимого ресторана едет туда, где живет агент Ленгли. Едет, не зная адреса, пошагово получая в дороге информацию о маршруте. Приезжает и случайно теряет бейдж возле особняка. На обратном пути, конечно, его подбирает. Этого времени хватает, чтобы уронить передатчик, замаскированный под гравий. А передатчик сработает от сканера моей машины, что будет засечено, как автомобильным радиосканером, так и сетью радиоразведки на территории коттеджного городка. Сам передатчик, разумеется, самоуничтожился после отправки сигнала. И никто не при делах. Даже су-шеф.

Она улыбнулась и села Винсу верхом на колени.

— Дальше уже не так интересно, — девушка продолжила расстегивать его рубашку.

Зачем Винсенту знать мелкие подробности? Он и так всё понимает. Крохотный чип легко пронести внутрь особняка в радионепрозрачной подвеске-бархотке. А подбросить в кабинет и вовсе пустяковое дело, особенно если твой любовник просто одержим идеей отыметь тебя именно на столе в кабинете. Желаемое он получил, а в азарте был не настолько внимателен и параноидален, как обычно.

Эледа, наконец, распахнула рубашку Винсента и плотоядно улыбнулась. Теплые ладони скользнули по его груди и плечам, спустились к животу, ухоженные ногти легонько царапнули кубики пресса:

— М-м-м…

Рейдер рассмеялся, на секунду почувствовав себя застенчивой девушкой, которую вот-вот отымеют, не спрашивая согласия. Эледа взвизгнула, когда он сгреб её в охапку и подмял под себя.

— Мисс Ховерс, — сказал он, — вы очень опасная интриганка. А я люблю опасность.

— Ну, так люби, а не трепись, — предложила ему Эледа и язвительно добавила: — Или опять моего папу вспомнишь?

Вот есть же ехидны.

* * *

Нейт Ховерс, скрестив руки на груди, задумчиво смотрел в окно. По стеклу ползли неровные водяные дорожки — погода опять скакнула с минуса на плюс, и дождь зарядил с самого утра. А ведь на мексиканском побережье сейчас жара и солнце. Винсент, наверное, как раз прибыл доотрабатывать оставшиеся две недели контракта. Или, говоря откровенно, просто отдыхать. Где, где, а на вилле телохранитель Эледе не нужен.

— Мистер Ховерс, — учтиво кашлянули от двери. — Миссис Ховерс ждёт вас в гостиной на кофе.

— Передай, я сейчас спущусь, — не оборачиваясь, ответил Нейт дворецкому и продолжил смотреть на бегущие по стеклу ручейки.

Ему редко удавалось побыть одному в тишине, да ещё и дома. Поэтому он расслабленно смотрел на мокрый газон, мокрые кусты и никак не мог заставить себя отправиться на супружеский кофе-брейк. Вместо этого продолжал глядеть на стекло и думать о том, что необходимым условием жизненного успеха всё-таки является умение мыслить стратегически и правильно подбирать людей. К слову говоря, его жена была с этим согласна. Вспомнить хотя бы её эксцентричный выбор гувернантки для Эледы. Нейт тогда с ней не спорил, женщине виднее, как воспитывать дочь. В свою очередь Мелинда никогда не возражала ему, если дело касалось безопасности. Правда, около года назад, когда он показал ей личные дела Винсента Хейли и Батча Фэйна — претендентов на место телохранителей — сказала, приподняв брови:

— Специфические люди. Этот — в особенности, — и постучала пальцем по досье мастера-рейдера.

— Не одобряешь? — уточнил тогда муж.

Мелинда рассмеялась:

— Я ведь женщина, как я могу его не одобрить? Очень даже одобряю, — она покрутила проекцию претендента, цокнула языком и продолжила: — И его одобряю, и твою дальновидность. Точное попадание в типаж.

Нейт закатил глаза, а жена махнула рукой:

— Ай, да брось. Скажи ещё — случайный выбор.

— Не скажу.

— Он ей понравится, это уж точно, — резюмировала Мелинда. — Главное, чтобы…

— Не увлеклась? — попытался угадать Нейт.

Миссис Ховерс покачала головой:

— Не увлечется. Она не ребенок. Главное, чтобы мистер

Хейли был максимально полезен.

Мистер Ховерс отлично помнил Софи Корин и оттого прекрасно понимал, что жена подразумевает под максимальной полезностью. Нанятый сотрудник должен приносить пользу во множестве несмежных между собой областей. Поэтому он убежденно ответил:

— Это уже к ней. Я же просто создаю условия. Не всем и не всё стоит прописывать прямо.

Мелинда улыбнулась:

— Разумеется. Пусть добивается, не все же получать так просто — за красивые глаза.

Этот разговор состоялся чуть больше года назад. С того момента мистер Фэйн и мистер Хейли уже неоднократно доказали свою полезность.

Поэтому, когда на прошлой неделе дело закрыли, а Винсента отпустили на все четыре стороны, Нейт распорядился, чтобы рейдера сразу доставили к нему. Мистер Ховерс не любил ждать, и все вопросы предпочитал решать настолько быстро, насколько это вообще возможно. Ну а что телохранитель дочери лишился возможности облачиться в костюм и навести лоск — так это даже к лучшему.

Вот почему, когда мистер Хейли в сопровождении дворецкого возник на пороге кабинета, то выглядел весьма неофициально — в полумилитари штанах уличного бойца и черной футболке, однако высокие ботинки начищены, а лицо гладко выбрито. Успел-таки.

Нейт остался доволен увиденным. Он любил ставить людей в неожиданные ситуации и смотреть, как они сориентируются. Это позволяло оценить их способности куда быстрее, чем во время томительных собеседованиий и тестирований. Экспромт говорит о человеке очень многое, почти всё. Может ли быстро принимать решения, даст ли отпор (причем отпор адекватный) или уйдёт от конфликта? Конечно, у мистера Ховерса уже не было сомнений относительно способностей рейдера Хейли к импровизации, однако Нейт не любил скучных бесед и нудных переговоров. Этого добра ему хватало в офисе.

А пока работодатель пытался решить, следует ли предлагать Винсенту нечто большее, чем просто полевая работа. И будет ли у него в этом заинтересованность.

Рейдер вошёл и коротко огляделся. Со стороны кабинет управляющего тремя секторами мегаплекса восемнадцать казался отголоском прошлого: темные дубовые панели на стенах, шелковые обои, массивный стол, кресло, обтянутое темно-зеленой кожей, на стенах — картины, в шкафу — настоящие

книги с тисненными золотом корешками… А чуть в стороне — уютный диван и рядом с ним круглый столик с хрустальными штофами.

В этот типично английский интерьер конца девятнадцатого века не вписывался только хозяин, одетый в потертые джинсы, футболку и клетчатую рубаху. Разговор пойдет «без галстуков», и тон надо задать с самого начала — с первого взгляда.

— Садись, наливай, — Нейт указал взглядом на диван и столик-бар, с удовлетворением отмечая, что Винсент держится уверенно, без напряжения.

Рейдер сел, бегло осмотрел бутылки и выбрал огненную настойку. Насколько знал Нейт, именно этот напиток в чёрных секторах выносили победителям боёв насмерть. Наверняка у Винса были связаны с ним воспоминания особого рода.

— Ты вряд ли знаешь, но в одном из моих секторов расположен центр психологической аналитики, — отец Эледы коротким щелчком отправил к рейдеру картонную карточку, лежавшую перед ним на столе рубашкой вверх. — И там очень неплохо умеют прогнозировать поведение людей.

Однако гость сперва вытащил пробку из штофа. Над горлышком чуть полыхнуло, и в стопку полился дегтярно-черный напиток. Только наполнив рюмку, Винс перевернул карточку. Там красовалась лаконичная надпись: «Огненная настойка».

— А если при этом ещё держать в рукаве нужные карты, то ошибка вообще исключена, — сказал рейдер.

Нейт довольно улыбнулся и вытянул из рукава еще одну картонку. «Джонни Уокер».

— Не всем же держать там нож или дерринджер, — он встал, налил себе виски и отсалютовал гостю.

— А еще можно сократить выбор, — с пониманием кивнул Винсент на бар. — Это позволит не носить в рукаве слишком много карт.

Стаканы звякнули, и мужчины выпили.

— Это тоже, — хозяин кабинета вернулся обратно за свой стол и перешел к делу. — Сразу уточняю: возврат в штат тебе организовал Ленгли. Резидентуру в тридцать седьмом ты получил по сумме навыков и наработок, ну и убрать тебя с глаз долой многие в корпусе хотели, не без того. Так что премию за эту историю я тебе по-прежнему должен.

— Подожду немного, — ответил рейдер. — Меня внутряки, наверняка, под особым контролем держат, даже доступ к номерному счету не сменить.

— Разумеется. Номерной счет с денежной частью премии я тебе передам через месяц резидентуры.

— А предполагается ещё и не денежная часть? — уточнил Винсент.

— Да.

Нейт замолчал, ожидая реакции собеседника. В комнате повисла тишина. Двое мужчин смотрели в глаза друг другу. Не отводя взгляда, рейдер налил себе ещё стопку.

— Сейчас ты думаешь, что резидентура — это рай, — спокойно продолжил Нейт, делая очередной глоток виски. — Но года за два она тебе надоест. И вот тогда я предлагаю работать на меня. Уже всерьёз и в крупных делах. За хороший куш. Сначала — совмещая с корпусом рейдеров. После отставки — уже чисто в моей СБ. Ответ сию секунду мне не нужен. Могу подождать пару месяцев… Что до не денежной части премии… Не налажай резидентом — и через два года получишь право свободной охоты. Раньше никак. И если лажанёшься, то тоже никак. Я не генеральный и чудес не творю. Свободную охоту получишь вне зависимости от работы на меня.

— В серьезные дела зовешь? А с Ленгли было не серьезным? — усмехнулся Винс и покачал головой, показывая, что отвечать не обязательно. — Два вопроса.

— Спрашивай.

— Это правда, что ты ходил с рейдерами за периметр?

— Да, — спокойно ответил Нейт. — И в чёрные, и в мёртвые сектора. Естественно, неофициально.

— А ещё говорят, будто ты хороший рукопашник, и на тренировках твои люди работают с тобой в полную силу, — продолжил Винсент.

— Не врут.

— Я бы хотел поучаствовать в тренировке, — сказал рейдер.

— Не боишься побить будущего босса? — спросил мистер Ховерс.

— А ты боишься быть побитым?

Снова стекло звякнуло о стекло.

— Тренировка через полчаса, — Нейт удовлетворенно улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Тогда ответ «да», — Винс опрокинул в себя очередную стопку. — Вот только не говори, что у тебя нет готового плана по использованию моей резидентуры в тридцать седьмом.

— Конечно, есть. Приступишь к работе, сразу готовь варианты тихо и скрытно выходить в другие сектора. Говоря откровенно, я впечатлен тем, как оперативно ты сумел организовать подставу.

— Даже грубая лесть бывает приятной, — хмыкнул Винсент. — В свою очередь, я впечатлен тем, как вы реализовали

мои результаты…

Нейт Ховерс смотрел на собеседника и думал о том, насколько, в сущности, забавная штука жизнь. Настоящее всегда состоит из комплекса причин и следствий, которые тянутся из прошлого.

В своё время он — Нейт Ховерс — сделал правильный выбор, выбрав в жены Мелинду Спайк. Та тоже сделала правильный выбор, когда наняла в гувернантки их дочери именно Софи Корин. Затем был ещё один правильный выбор — назначение Батча и Винсента телохранителями Эледы.

А в итоге, когда выпала возможность, у Эледы были и необходимые навыки, и подготовленные сработанные люди. Так она взяла свою первую победу. Ну а Нейт обменял ее выигрыш на три небольших, но очень занятных лаборатории. Которые в перспективе отлично разыграет. А еще он получил (теперь точно ясно — получил) отличного спеца. И, наконец, самый главный профит — человек, которого поставили на освободившееся место Ленгли. К нему у Нейта есть подходы. Пока их использовать рано, рано будет и через год, а вот лет через пять… Но как же удачно, что б*о*льшую часть работы с возвратом Винса в штат проделал сам Ленгли. Иронично…

Ветер швырнул в окно дождем. Вода ударила по стеклу, бегущие ручьи сделали пейзаж за ним зыбким, словно ненастоящим.

Нейт уперся ладонями в подоконник. Всё-таки хорошо, что логика и поступки большинства людей поддаются прогнозам. Хотя иногда случаются и явные иррациональные сбои. Например, когда Нейт наблюдал операцию по передаче объекта «Фиалка» и увидел, как мистер Хейли рванул на минное поле, в груди у него очень нехорошо кольнуло. Наверняка ведь на случай проблем с нанимателем Винс оставил какую-то свою подстраховку. Поэтому, если он по неосторожности взлетит на воздух, то… Это была весьма и весьма опасная ситуация. Конечно, мистер Ховерс не боялся опасностей, что, однако не мешало ему презирать неоправданный риск.

Ладно, впереди ещё два года. Будет время всё обдумать. Тем более уж в черном секторе не составит труда поставить пару-тройку психологических экспериментов. Винсент не единственный рейдер, работающий на семью Ховерс.

А пока пусть отдыхает. Отдыхают.

Он довольно усмехнулся, продолжая смотреть на заливаемую дождем лужайку и на ручейки, ползущие по стеклу.

— Нейт, — окликнули его с порога. — Тебя не дождешься…

Мистер Ховерс оторвался от размышлений и обернулся. На

пороге кабинета стояла жена с трясущимся пёсиком на руках.

— Дочь выросла, муж состарился, я пью кофе в компании с собакой, — сказала Мелинда. — Пожалуй, пора и мне завести себе молодого телохранителя с перспективами.

Муж совершенно спокойно кивнул:

— Я подберу для тебя кандидатов. А кофе… что кофе? Нам сварят ещё. Идём.

И он галантно протянул ей руку.

* * *

Эледа блаженно потянулась и села, разглядывая окружающий погром. На ковре среди осколков вазы рассыпаны цветы, подушки с дивана сброшены, стол сдвинут, рюмки опрокинуты, покрывало заброшено в угол, одежда Винса валяется по всей гостиной, от Элединой и вовсе ничего не осталось. Поле битвы. Впрочем, то, что здесь происходило, иначе как яростной схваткой и не назовешь. У Винсента располосована спина и поясница, у его «работодательницы» — синяк на бедре. Но до чего же хорошо.

— О-о-о… — и мисс Ховерс снова брыкнулась на диван.

— Согласен, — сказал Винсент, который ожидал чего угодно, но только не того, что случилось. — И раз уж меня отымели с особой жестокостью, хочется знать — с чего тебя так пробрало?

— Тебя? С особой жестокостью? — спросила Эледа, указывая на свой синяк.

— Я защищался, — отрезал Винс. — И вообще кровать обычно удобнее и мягче стола.

Она рассмеялась, но потом посерьёзнела:

— Знаешь, одна умная женщина, которая учила меня тому, как вести себя с мужчинами, говорила: «Если долго приходится спать с кем-то для дела, потом обязательно переспи с кем-то просто ради удовольствия. Иначе сгоришь». Так что я всего лишь использовала тебя по прямому, так сказать, назначению. И собираюсь использовать ещё не раз.

Девушка чмокнула рейдера в ухо.

— Ленгли был настолько безнадежен? — спросил сочувственно Винсент.

— Как тебе сказать… — она встала с дивана, перешагнула через разбитую вазу и подняла с пола обрывки халатика. — Он даже был милым. Один раз. Когда делал мне сюрприз. Но в целом… скажем так, он был недостаточно живой.

— А сейчас и вовсе достаточно мертвый, — довольно усмехнулся Винс.

— Да. Жаль-жаль, — рассеянно покивала собеседница, крутя в руках разорванный халат. — Понимаешь, меня ведь предупреждали, что субличности в случае обнаружения самоуничтожаются вместе с носителем, поэтому случившееся было закономерно…

— Конечно, — рейдер откинулся на спинку дивана, наблюдая за ней. — Но это в том случае, если субличность *была*. А если её не было…

Эледа задумчиво подняла с пола галстук и повернулась.

— Винсент, — улыбнулась она, — следствие подтвердило — Джед Ленгли являлся носителем субличности-шпиона и погиб в результате раскрытия.

Галстук в её руках покачивался. Мисс Ховерс мягко шагнула к собеседнику.

— Я тут совершенно ни при чём, — сказала она, накидывая галстук ему на шею и притягивая к себе.

— Конечно, ни при чём, — кивнул Винсент. — Это ведь даже фармацевтически подтверждено.

— Именно… — ответила, целуя его, Эледа.

— Мисс Ховерс, — произнес с восхищением мужчина, — родись вы в другой семье, какой бы рейдер из вас вышел!

Девушка улыбнулась, явно довольная комплиментом.

— К счастью, мистер Хейли, я родилась в своей семье. И планирую жить долго и счастливо. А рейдерство — это слишком высокие риски. Рано или поздно тебя убьют. И мне уже сейчас жаль, что это случится, — тёплые ладони снова скользнули по его плечам и груди. — Очень жаль, — прошептала Эледа.

— И всё-таки, — поглаживая ее по спине, спросил Винсент, — как ты это сделала?

— Думаешь, так сложно было сблизиться, а потом начать работать вместе?

— Я не об этом, — прервал ее собеседник. — Я о субличности.

— О субличности? А при чём тут я? Я, что ли, ему ее подсадила? Ну, была субличность, была и самоуничтожилась. Остановка сердца. Мгновенная смерть. Всего через пару дней после твоего возвращения из рейда. Шёл человек по офису СБ и упал. До пола долетел уже мертвым.

Рейдер широко улыбнулся. Эледа улыбнулась в ответ.

— Подобные несчастья случаются даже с сильными мира сего, — сказала она и добавила с напускной строгостью: — Вы ведь всё понимаете, мистер Хейли.

Разумеется, он понимал. Ещё бы!

Конечно, мисс Ховерс не собиралась рассказывать Винсенту о

том, *как именно* Джеда Ленгли постигла суровая участь. В конце концов, зачем ему знать подробности? Он наверняка подозревает какой-нибудь хитрый бинарный яд… но наука на месте не стоит. Крохотная пылинка под ногтем, царапина (даже не слишком глубокая) — и наниты начинают свой путь к сердцу. А потом, когда в крови возникает специфическое, но абсолютно обыденное вещество, ну, например, ароматизатор из её — Эледы — любимого чая, программа запускается и…

А ведь по заданию контрразведки мисс Ховерс оставалась рядом со своим любовником до конца. Поддерживала его, чтобы тот стоически пережил провал операции. Поила чаем по утрам… Настоящая идиллия! А потом он умер. Скоропостижно. Какая печаль.

— Жаль ту девчонку… — непритворно вздохнула Эледа, водя пальчиком по ключице Винсента.

— Сильно ценная была? — спросил он, приоткрывая глаза.

— Ну, из Зета-центра «Мариянетти». Единственная, кто выжил. Человек с абсолютным иммунитетом… вот и думай — сильно или нет.

Винсент дёрнулся, стиснув ее бёдра:

— Что?!

— Оу! — вцепилась ему в плечи Эледа. — В чём дело?

— Чёрт! — зло сказал рейдер. — Мать его! Ключ к Зета-центру… Ну, Ленгли, ну, урод…

Девушка напряглась и повторила:

— В чём дело, объясни!

— Просто я понял, что меня так грызло перед обменом, — криво усмехнулся Винс. — Я исходил из того, что Керро не может использовать девчонку в своих интересах и единственный его профит — получить деньги. Но если она — ключ к Зета-центру… И ведь как гладко! Нам от неё вообще ничего не осталось, кроме оплавленных наручников! А главное, один раз он меня уже переиграл. Переиграл вчистую.

Мисс Ховерс задумчиво признала:

— Заслуживающая внимания версия… Но хватит о работе. Гостиную разнесли, пора перебираться в спальню. Чай со льдом будешь, кстати?

* * *

С утра в «Норе» было удивительно тихо. Даже и не верится, что накануне на стойке бара отплясывали полуголые девчонки, все столики были заняты, а народу тёрлось — ну просто не

протолкнуться.

Впрочем, сейчас тут царили тишина и благолепие: полы отмыты, столы аккуратно выровнены вдоль стен и накрыты перевернутыми стульями. Девчонки Мэрилин спали после трудов неправедных, а за стойкой кемарила барменша. Не старая еще, довольно красивая и вполне стройная, но с «уборщицами» не сравнить.

Кстати, Су Мин сдержала обещание не только по «уборщицам», но и по оплате аренды. А Керро после своего исчезновения всё-таки выслал координаты тайника с его — Цифрыча — долей.

И тем не менее Тим Бимберли слегонца нервничал. Хрен знает, что там, в этом тайнике! Может, конечно, бабки, которые он честно заработал. А может, и мина. Всё-таки кому нужен живой свидетель, пусть и знакомый с делом лишь косвенно?

С другой стороны… уж кому-кому Цифрыча убирать, так только не Керро. Ему-то чего? Пластику сделал, и ищи бродягу по всем мегаплексам. А вот те, кому он девку продал, они таки могут озаботиться поисками тех, кто помогал рейдеру. Всё же не абы кого покупали, а ключ к Зета-центру!

Тим задумчиво глотнул пива и подумал, что, пожалуй, засиделся на одном месте. Смена личности, конечно, вряд ли понадобится, не настолько уж серьезные вещи он знает, а вот место жительства сменить стоит. Жаль, ведь и деньги на кармане есть, и авторитет уже наработан, опять же «уборщицы»… С другой стороны, Су Мин чуть не прямым текстом намекала вчера чутка подождать — не валить, сломя голову. В принципе, при личных встречах да к тому же в глаза она обычно не врет… Ну, то есть не ловили её на этом ни разу. Однако подозрения, что хакер замешан в мутном дельце, младшая бонза связистов явно имеет. Чёрт, и правда, хоть кубик кидай!

Цифирь метался от одного сомнения к другому, когда невзрачный тип в сером комбинезоне вдруг подсел к нему за столик, нахально забрал из рук кружку с пивом, сделал глоток и сказал:

— Хорошее место. Реально хорошее. Круто, когда есть деньги в таком посидеть?

Хакер скрипнул зубами. Из всей охраны в баре сидел один зевающий баклан. Конечно, пистолет у Тима был, но стрелять в «Норе» — это злить Мэрилин, а злить Мэрилин… не самый приятный способ самоубийства.

— Ты… — привставая, начал говорить Цифирь.

— Я, — нагло усмехнулся тип, после чего поставил кружку обратно на стол, а рядом положил небольшой пластиковый пакет:

— У тебя выпало шестьдесят четыре, парень. Приглашаем.

Он подмигнул, встал и пошел к выходу.

Совершенно офигевший Тим вскрыл пакет, и на ладонь ему выкатился небольшой деревянный кубик с чистыми гранями, а следом выпала пустая визитная карточка, на которой не было ничего, кроме одинокого электронного адреса, заканчивающегося на двойку.

Церковь Цифры! Мечта любого хакера! Пробьёшься на указанный адрес — можешь выжигать на кубике первую степень двойки.

И Тим Бимберли был уверен: свой «двоичный» счет он откроет в самое ближайшее время. Благо, денег на аппаратуру и стимы — более чем достаточно.

* * *

Рекс Додсон сидел на кровати, задумчиво смотрел в темноту и слушал ровное дыхание спящей женщины.

Как-то все… вроде, как обычно, но не так…

Он протянул руку к стоящей на тумбочке лампе, щелкнул выключателем.

Загорелся мягкий свет, озаривший скромную обстановку однокомнатного номера, главным украшением которого были двуспальная кровать и шкаф с зеркальными дверцами напротив. В зеркалах отражался сам Рекс и обнаженная девушка на кровати за его спиной. Девушка сладко спала, обняв скомканное одеяло. Темные длинные волосы рассыпались по подушке.

Рука против воли снова потянулась к выключателю. Негромкий щелчок, и номер опять погрузился во тьму.

Где-то там, в полукилометре, база ГБР. Рекса туда уже не пустят — вычеркнут из списков, снят с довольствия, лишен официального статуса сотрудника. Ребят из своей группы с рейдерских курсов он тоже не нашел — из-за периметра все выходили в разное время. Кто-то уже вернулся, кто-то еще был в рейде, кто-то только вышел… А кто-то уже и не выйдет.

Идиотская какая-то ситуация. Вроде и знаешь, что теперь будет, но все равно в подвешенном состоянии, и, главное, скуку разделить не с кем, кроме Камиллы. А с Камиллой внезапно оказалось до крайности тошно. Что поговорить с ней особо не о чем, он и раньше замечал, но вот что в постели она никакая, понял только сегодня.

Вообще странно, чего он грузится? Ведь по результатам отборочного рейда получил то, к чему стремился — вердикт

приемной комиссии рейдерского корпуса: «Принять на полную программу обучения, предоставить двухнедельный отпуск, выделить средства по статье двадцать три Положения один». А в итоге такая тоска и пустота, будто всё завалил и остался с носом.

Рекс снова щелкнул выключателем. Посмотрел на спящую Камиллу. Вот чего ему не так? Нормальная же девчонка. К тому же теперь им не надо искать всякие левые варианты, чтобы уединиться (например, выпроваживая ее соседок по комнате погулять). Теперь можно спокойно снять номер. И даже классом повыше нынешнего. Вот только зачем? К роскоши ни Рекс, ни его подружка не привыкли. И все-таки, в чём дело? Номер снят, Камилла горда и довольна, подружки ей завидуют. И Рексу многие парни тоже позавидовали бы: есть деньги, есть хорошенькая девчонка, есть будущее. Так почему сейчас ему кажется, будто он не приобрел, а, наоборот, лишился чего-то действительно стоящего, получив взамен ничего не значащую шелуху…

Херня какая-то!

Он снова нажал на выключатель. Комната опять погрузилась в темноту. Сонно завозилась на кровати Камилла.

Надо решить, что дальше. Вообще на хрена он сюда приехал? Ради девушки?

Рекс прислушался к себе. Нет. Не ради. Просто, если подумать, куда ему еще податься? Впереди две недели отпуска, которые нужно как-то убить. Он думал пересидеть их здесь. Но что он здесь забыл? Тут ведь, кроме жилых районов, двух фабрик и базы ГБР, ничего и нет. Причем на базе Рекс на фиг не сдался — он уже вне штата, даже допуска на вход нет, прямо на КПП и завернут. Ждать, когда кто-то из пацанов пойдет в увольнительную? А между этим? Камилла? Ну, она-то, конечно, рада будет. А он? По большому счету, с ней тошно. Поговорить не о чем, а торчать в койке… Ну день, ну два, а потом? Потом ведь обязательно начнутся намеки на более близкие отношения. Теперь-то, когда его месячное курсантское довольствие равно ее полугодовой зарплате — уж точно.

Интересно, отныне его судьба — сравнивать всех девчонок с той, которая оказалась… настоящей?

Рекс застыл, невидяще глядя в темноте на свое отражение. Он вдруг понял, отчего ж ему так хреново. Не в Камилле дело. И не в Мэрилин. И не в том, что на базу ГБР уже не попасть и с ребятами не встретиться. Ему было тошно не из-за неустроенности, скучно не из-за отсутствия общения. Он тосковал не по женщине, не по понятной картине мира… Он просто снова хотел реальной жизни и реальных людей рядом. Хотел настоящих врагов и искренних

друзей. Понимая, конечно, что со вторыми будет куда проблематичнее, чем с первыми… Хотел, чтоб его, да, именно *его (*и плевать на правила черных секторов!) женщина была *настоящей.* Непохожей на Камиллу, которой кроме дешевых тряпок и третьесортных ток-шоу ничего не интересно, которая даже не понимает, как убого мыслит.

Все же Рексу очень повезло, что в его жизни, путь и недолго, была Мэрилин, которая показала ему, какой должна быть *настоящая* женщина. Повезло, что была Су Мин, объяснившая, что в жизни все не так, как кажется на первый взгляд, и… не убившая за первую серьезную ошибку. Повезло, что в первый рейд он вышел именно с Винсентом Хейли, который, будучи тем еще сукиным сыном, оказался отличным наставником и продемонстрировал зеленому наивному пацану, каким должен быть мужчина.

Что ж, занятия в рейдерском корпусе начнутся через две недели. У Рекса будет три долгих года, чтобы освоить и теорию, и практику. И уж он возьмет от этих трех лет все, что сможет, по самому максимуму, потому что только так появится шанс получить от жизни все то, чего он жаждет. А пока… пока у него есть пропуск через все КПП между секторами, круглая сумма на счету и целых четырнадцать дней на то, чтобы насладиться жизнью в цивилизации. Посмотрим, родная корпорация, как ты привечаешь тех, у кого есть деньги.

* * *

Малыш Олли покачал головой и, отступив от витрины на пару шагов, сказал в пространство:

— На камерах хорошо видно? Бегом узнали его имя!

Едва он озадачил братьев этим поручением, как в магазин зашел всё тот же глазастый чумазый пацан, что недавно прибегал с бережно сложенной запиской от связистов. В записке мелкому было обещано оплатить хороший ствол, если он сумеет быстро разыскать Керро. А внизу стоял небрежный росчерк рейдера и только одно слово: «Разыскал».

Тогда, протягивая хозяину магазина крохотный бумажный обрывок, «покупатель» отчаянно боролся с робостью. Олли догадался, что мальчишка не умеет читать, и опасается на этом проколоться — не хочет уронить престиж в таком уважаемом месте перед таким уважаемым человеком. Обычный жалкий беспризорник, одетый в рваньё, привыкший к пренебрежению со стороны взрослых.

И вот сегодня снова явился.

Олли только восхитился про себя: каков! В тот раз заходил совсем не так. А сейчас…

Со спокойной уверенностью открыл и придержал спутнице — мелкой узкоглазой девчонке — дверь. Небрежно засветил тощую пачку сотенных. И вежливо, почти начальственно, попросил Малыша открыть витрину с пистолетами.

Удержаться от улыбки Олли стоило немалых трудов. Он даже от души позавидовал братьям, которые наверху наблюдали происходящее на мониторах и потому могли свободно ржать в голос.

Вообще сегодня две сопли были неплохо прикинуты: пацан обзавелся шапкой по размеру, нормальными ботинками и потрепанным рюкзачком, пигалица рядом с ним щеголяла в джинсиках и чуть великоватой, но почти не затасканной парке. Да и бабла на руках у шакалят оказалось немало…

Олли, собрав силу воли в кулак, сделал предельно серьезное лицо и подошел к девчонке, которая неумело крутила в руке дешевую полукерамическую поделку.

— Мистер, — Малыш с почтением наклонился к спутнику девочки и сказал: — Разрешите помочь леди с выбором?

Лишь дождавшись кивка «мистера», Олли забрал из рук «леди» хлам, который она рассматривала, и открыл стеклянную витрину, где лежало оружие на порядок дороже:

— Вам, леди, я бы посоветовал вот это.

Компактный револьвер с кажущимся квадратным барабаном лег перед малявкой. Она неуверенно взяла ствол в руки и с удивлением оглядела, а Малыш сообщил:

— Надежен. Не блестит. Благодаря покрытию не боится плохой погоды… — ага, а заодно и хреновых условий жизни владельца, впрочем, это Олли, конечно, озвучивать не стал, как и то, что подобное оружие почти не требует квалифицированного ухода. Вместо этого хозяин магазина продолжил: — Патрон достаточно силен, чтобы поразить любую незащищённую цель, но при этом отдача незначительна. Выстрел производится с нижней каморы, благодаря чему подброс ствола меньше…

На этих словах спутник девочки кинул на Олли вопросительный и слегка беспомощный взгляд, мол, не пиздишь? Правда, самый подходящий? Малыш в ответ чуть прикрыл глаза: «Правда. Всё ништяк».

— Берём, — даже не спросив цену, абсолютно спокойно сообщил парень.

— Четыреста. В комплекте — три спидлоадера. Плюс с вас пятьдесят за коробку патронов.

— Без сдачи, — пацан отсчитал пять сотен.

— Тогда в подарок комплект для чистки.

Мальчишка не очень сноровисто зарядил шестигранный барабан и передал пистолет подруге. Та медленно, словно не веря своему счастью и щедрости кавалера, приняла подарок и сразу же спрятала под курточку.

— Олли, его зовут Лето! — проговорил наушник голосом брата.

— А теперь, — Лето убрал остальные приобретения в рюкзачок, — пойдем, обмоем покупку.

Глаза у девочки заблестели ещё сильнее, и она, сделав в воздухе несколько царапающих движений, вопросительно посмотрела на спутника.

— Нет, в «Нору» через год. Обещаю, — пацан приобнял подругу, и они шагнули к двери. — А пока в «Девять жизней».

Уже на выходе Олли окликнул мальчишку:

— Лето!

Тот обернулся слегка испуганно.

— Зайди завтра с утра. Есть работа.

— Если дела позволят, обязательно, — с достоинством ответил паренёк.

После этого оба невероятно серьезных и притом таких забавных покупателя вышли.

Олли смотрел на закрывшуюся дверь и мелко дрожал от еле сдерживаемого смеха. Наконец, взял себя в руки, достал коммуникатор, быстро выбрал нужный контакт:

— Джувз, тут к тебе ТАКИЕ клиенты идут… Столик, за которым Керро обычно сидел, свободен?

Эпилог

Твой покой ещё далеко —
Сотни миль на закат…

Группа «Korpsika» «Сотни миль на закат»

Это было в прошлой жизни.

Двадцать секунд. Обратный отсчет. Время движется рывками — то вдруг становится неимоверно тягучим, то делается настолько стремительным, что заходится сердце.

Двадцать секунд.

Споткнуться о растяжку, срывая замедлители, и влететь под крышу, прячась от зорких камер беспилотников. Рывком порвать ослабленное звено наручников, кувыркнуться, схватиться ледяными руками за крепкий трос и, сдирая с ладоней кожу, слететь по нему вниз — в узкую щель в полу. Подхватить с пола пластиковую маску дыхалки, натянуть, кинуться вперед меж бетонных стен. И в трех шагах от спасительного поворота ощутить спиной жар расходящегося позади огня. Успела.

Двадцать секунд. На тренировках казалось — совсем мало времени. А на деле — будто часы прошли. Бежать! Бежать впереди собственного ужаса, а затем на очередном повороте сдернуть с лица дыхалку, вырывая эластичными лентами клочья растрепавшихся волос. И опять бежать.

Потом будет встреча с Керро, на которого Айя вылетит, обезумевшая, оглушённая, запыхавшаяся. Они не перекинутся даже парой слов, потому что он сразу забросит её на квадр, и долгий путь по лабиринту туннелей продолжится. Девушка прижмется к широкой спине и будет чувствовать лишь равнодушное отупение. Только мысль про двадцать секунд будет по-прежнему монотонно крутиться в голове: «Двадцатьсекунд, двадцатьсекунд, двадцатьсекунд…» И ничего больше. А потом они бросят квадр и пойдут пешком. Айя не запомнит дорогу, ничего не запомнит, кроме саднящей боли в содранных ладонях, дрожи в коленках да стука крови в висках.

Они придут на лежку. Последнюю лежку в этом секторе. Безопасное место… По-настоящему безопасное, потому что Керро рядом.

Хлопнет дверь, отрезая внешний мир и всех тех, кто в нем остался. Загорится под потолком светодиодный светильник.

И после этого случится истерика. Короткая бешеная истерика, которая выпьет все силы.

Айя будет бессвязно орать, цепляясь за Керро и захлебываясь слезами:

— Я так боялась не успеть! Или прибегу, а тебя нет. И не знаю, как найти! Ничего не знаю! Даже имени твоего не знаю! А если ты сменишь личность, как я тебя найду?! Я же не знаю, куда идти!

Она будет трястись сама и трясти его, не понимая и не осознавая, что в её словах начисто отсутствует логика, что его время тоже выходит, что он тоже скоро свалится, что орать вообще нет никакого смысла — всё прежнее страшное закончилось, а новое ещё не началось. Но, все равно, она будет орать и тормошить его. Тогда Керро крепко ухватит её за локти и стиснет, не давая рыпаться.

У неё будут стучать зубы и дергаться лицо, но орать она продолжит всё равно:

— Как найти человека, если даже не знаешь его настоящего имени?

И рейдер скажет:

— Успокойся. Андрей мое настоящее имя. Всё? Теперь нормально?

Только после этого она кивнет и начнет потихоньку успокаиваться. Поймет, наконец: всё действительно нормально. Но ошибётся. Потому что сразу после этого начнется ад.

Силы ушли разом, как вода в песок. Только что их хватало и орать, и биться, и трясти Керро-Андрея, а вот уже стало невозможно даже просто сидеть. Удушливая боль поднялась волной тошноты из горла и разорвалась в голове, словно граната — ослепила, оглушила, обездвижила, и от этой боли разлетелась на осколки память: мысли, личность, страхи Айи Геллан.

Всё смешалось. Грязь, боль и кровь. Корпоративная действительность и разруха чёрного сектора. Видения казённых интернатских комнат и картины вонючих свалок. Широкие многолюдные проспекты и разбитые пустые дороги. Высокие небоскребы и мрачные серые руины. Логотипы «Виндзора» и «Мариянетти». Воспоминания фальшивые и реальные. Настоящее и прошлое. Перед глазами мелькали образы, в голове шумели чьи-то голоса. И было непонятно, что стискивают руки: стило, рукоять ножа или скомканное одеяло?

А потом вдруг вспыхнул ослепительный свет, и над Айей склонился доброжелательный кудрявый человек в белом халате: «Не бойся, девочка, больно не будет». Но было больно! Тело снова и снова скручивало судорогой, а учитель в классе требовал ответа

по истории корпорации и миротворческим операциям «Виндзора». Но Айя не помнила! И учитель смотрел с укором и говорил строго: «Не бойся, девочка, больно не будет». А в руках у него был металлический прут.

И сразу после этого в лицо летели осколки стекол, слышался визг тормозов, грохот удара, а потом сирена медицинской службы. «Не бойся, девочка, больно не будет». Но она знала, что будет, даже пыталась кричать, но голос пропал и ужас захлестнул с головой, а потом Айя — будто с разбегу в воду — упала в другую реальность, где были длинные коридоры родного интерната… Однако картины упорядоченной унылой жизни Айи Геллан снова мешались с бешеными событиями семи дней в чёрном секторе.

«Ибо шёл я долиной смертной тени…» — говорил глубокий голос, и Айя, стоявшая с дымящимся пистолетом над мертвым телом, видела, как поворачивается к ней убитый парень. А в лицо летела кровавая пена крика: «Почему ты не дала мне уйти?!» И она отвечала, словно в оправдание: «Не бойся, больно не будет». А потом целик и мушка сходились, грохотали выстрелы, и отдача била в содранную ладонь.

Небо было серое… Серое. Низкое. Как бетонный потолок. Как всё вокруг. И крутились, крутились над лужами крови две юбки: синяя с кружевом по подолу и красная из фатина. Пригибалась к рулю Алиса, уносясь навстречу судьбе… А одновременно с этим кто-то крался в темноте, девчонки ссорились из-за ребят, а те приходили ночью в бокс и говорили: «Такой, сука, рейд — и сдавать в бордель?»

И когда показалось, что мозг не выдержит, что голова взорвется от боли и сумасшедшей пляски образов, вдруг наступила темнота… Тихая. Глубокая и прохладная, как могила.

Над Айей склонилась молодая женщина, и её синие глазищи — цвета ленты в чёрных волосах — смотрели прямо в душу.

Синее платье, белый подъюбник, чистый крахмальный фартук.

— Вот, скажи, что ты здесь забыла? — строго спросила она. — Отвратительное же место. Собственная голова.

— Ты тут бывала? — спросила Айя, и словам вторило медленное гулкое эхо.

— Да уж, приходилось! — Алиса засмеялась. — Вывести?

Голос был чистым и мягким. Эхо его не дробило.

— Выведи… — Айя на секунду замялась. — Прости, ножа с собой нет, не могу вернуть.

Алиса отмахнулась, взяла собеседницу за плечи и мягко толкнула, будто опрокидывая на спину. Руки у неё были теплые и

ласковые.

— Не бойся, девочка, больно не будет…

И Айя вдруг поняла, что впервые в этих словах нет лжи. Она опрокинулась. Но не упала, а полетела. Вверх, вверх, вверх… Холодный полумрак рассеивался, становился светлее, а мысли в голове упорядочивались, переставали тесниться. Стремительный свет всё приближался. Он оказался не солнцем, не луной, а горящим под низким потолком светильником. Тот был всё ещё далеко, но грань реальности приближалась и приближалась.

— Тебе туда, — сказала Алиса, останавливаясь.

А её собеседница, подхваченная всё тем же мягким порывом ветра, продолжила лететь, не имея сил даже обернуться.

— О ноже не беспокойся. Дарю! — донесся в спину веселый крик. — И будь достойна…

Распахнув глаза в тускло освещенной маленькой комнатке, Айя всё-таки успела услышать последнее слово:

— …обоих.

Так она пришла в себя. Села, закрывая ледяными ладонями потное лицо, судорожно вздохнула и огляделась. Керро, уже вставший на ноги, выглядел чуть-чуть получше покойника. Да и она сама…

Они отлеживались и приходили в себя ещё три дня.

А потом была дорога, уносящаяся из-под колес. Мелькание унылых развалин за окном автомобиля, серый снег, замёрзшая грязь. Новые сектора и новые люди, новая внешность и новое имя. Были очень разные и очень похожие дни и хорошие ночи.

Но с той поры Айе больше ни разу не снились сны.

* * *

Когда-то давно на свете жила девушка по имени Айя Геллан — пугливая, неуверенная в себе, наивная. Её многое удивляло. Например, однажды она удивилась банальным, в общем-то, словам: «Деньги — прах. Их всегда можно добыть».

Мужчины, который так сказал, больше не было. И пугливой девчонки, запомнившей его слова, — тоже. Они не погибли, не ушли за грань, не сгинули за периметром, они… просто исчезли.

Айя Геллан бы не поняла, но Ита Маккена добыла деньги легко и непринужденно. Всего-то делов — отыскать точку, где торговали дурью, предложить расплатиться «передком» и с готовностью кивнуть на слова: «Сначала передок, потом товар». Хорошо отыграла — за торчиху приняли без всяких подозрений. Видать, еще не пришла в себя толком.

А затем вонючий закоулок, самоуверенный дилер, тянущийся к ремню штанов, короткий треск шокера, кое-что из боевой химии, побыстрее приводящее клиента в чувства, сыворотка правды — и вот он: тайник с деньгами. Не так, чтоб сильно много, но на задуманное хватит.

Потом, когда Ита перерезала дилеру горло, желудок у неё неприятно всколыхнулся… но в первый раз ножом, говорят, всем непросто. Позже привыкают.

А затем она со своими — первыми действительно *своими!* — деньгами брела вдоль торговых рядов, пока не увидела три серебряные стопки и маленькую металлическую флягу с неброским красивым узором.

Смешно, покупка обошлась ей в десять кредитов. Ровно в те деньги, которые когда-то с Айи Геллан потребовали за тарелку сублимата.

Потом был бар, где пришлось на входе сдать оружие (Ита уже без труда различала, где следует подчиниться, а где делать этого не стоит). В этом баре ей за кред налили полную фляжку текилы. Действительно хорошей текилы — даже она со своим небольшим алкогольным опытом легко выпила стопку.

И снова оживлённая улица, длинные торговые ряды… На углу квартала тощая семилетняя девчонка, одетая в рванье, продавала на развале всякую грошовую ерунду. Ита купила у неё две маленькие плоские свечки. Отдала аж полкреда. У девчонки так блестели глаза, что денег было совсем не жалко.

Естественно, после этого за покупательницей шли, следили… Проводили до следующего квартала, но отстали, не решившись связаться. Не дураки.

Ита же со своими покупками неспешно направилась в маленький мотель.

Номер был пуст. Это хорошо. Эйнар вернется не раньше, чем через час. Она погасила свет и выложила на стол свечи. Щелкнула зажигалка, загорелись два огонька. С легким шелестящим скрежетом провернулась крышка на фляге. Две маленькие серебристые стопки, наполненные до краев, встали по ту сторону свечей. Чуть скрипнул старый стул, и воцарилась тишина.

Остались лишь два дрожащих огонька и две поблескивающих рюмки по ту сторону… стола? Реки? Узких мостков? Бездны?

Слова сорвались с губ сами собой, нарушили безмолвие одиночества, зазвучали ровно и спокойно над огнём и пустотой.

— Прощай, Айя Геллан. Ты была хорошим человеком, но этот мир не для таких, как ты. Прости за всё, что я еще сделаю. И не поминай лихом. Прощай.

Огонь свечи мигнул, словно потревоженный дыханием.

— Прощай, безымянная лабораторная крыска. Ты сбежала от «Мариянетти», чтобы быть убитой «Виндзором». Спасибо тебе за память, которую ты мне оставила. Где бы ты ни была, я надеюсь, мы встретимся, когда придет мой срок. И пред тобой я отвечу за всё, что свершу на этой земле, в этом мире. Но пока — прощай.

Текила обожгла горло, над огоньками свечей взметнулось голубое спиртовое пламя, а на душе вдруг стало легко и свободно.

Ита Маккена зло усмехнулась, вспоминая мрачный шлюз Зета-центра. Цель. Их с Эйнаром цель.

Смертная тень, говорите? Плевать! Она пойдет сквозь нее не одна.

Давно отгремели битвы Второй Корпоративной войны. И теперь благие корпорации ведут выживших к светлому созидательному будущему...
Но почему же тогда мир делится на Чистую зону и Зону отчуждения? Где оно - всеобщее благоденствие? И почему высокая стена Периметра отгораживает стерильную корпоративную реальность от грязи бандитских трущоб? Отчего часовые на блокпостах носят у сердца логотип своей корпорации, а отчаянные бойцы групп быстрого реагирования перед каждым выездом подновляют те же логотипы на бортах своих машин? Чьего взгляда с Той Стороны они так боятся? Кому молятся в смрадных глубинах черных секторов люди, мало отличимые от зверей? Какие ценности остались в мире, в котором навсегда исчезло доверие и ценятся только хитрость и сила?
Наконец, кто скрывается за личиной Трех и как он собирается разыграть внезапную карту - выпавшую из корпоративной юбейлы Айю Геллин?
Фантастика, киберпанк
Каждый за себя
Леха, Снежка
Фантастика, киберпанк
Леха, Снежка
Каждый за себя
Добро пожаловать в "дивный" мир будущего с секторами для элиты и отбросов, с докторами, торгующими органами, с безумными учеными, создающими смертоносные вирусы.
В мир, где не осталось ничего, кроме расчета.
В мир, где каждый сам за себя.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ
20 августа 2015 года — 5 июня 2016 года